зала 18
шкафъ 268.
полка 5.
№ 1. 12.

зала 18
шкафъ 268.
полка 5.
№ 1. 12.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ М. Е. САЛТЫКОВА, т. II.

ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ

[1872 — 1876 гг.]

САТИРЫ ВЪ ПРОЗѢ

[1860 — 1862 гг.]

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1894.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

М. Е. САЛТЫКОВА

[Н. ЩЕДРИНА]

ТОМЪ ВТОРОЙ

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

—

1894

М. Е. Салтыковъ

[Н. Щедринъ]

ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ

[1872—1876 гг.]

САТИРЫ ВЪ ПРОЗѢ

[1860 — 1862 гг.]

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.

1894.

2216

I.

ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ

I.—Семейный судъ.

Однажды бурмистръ изъ дальней вотчины, Антонъ Васильевъ, окончивъ барынѣ Аринѣ Петровнѣ Головлевой докладъ о своей поѣздкѣ въ Москву для сбора оброковъ съ проживающихъ по паспортамъ крестьянъ и уже получивъ отъ нея разрѣшеніе идти въ людскую, вдругъ какъ-то таинственно замялся на мѣстѣ, словно бы за нимъ было еще какое-то слово и дѣло, о которомъ онъ и рѣшался, и не рѣшался доложить.

Арина Петровна, которая насквозь понимала не только малѣйшія тѣлодвиженія, но и тайные помыслы своихъ приближенныхъ людей, немедленно обезпокоилась.

— Что̀ еще?—спросила она, смотря на бурмистра въ упоръ.

— Все-съ,—попробовалъ-было отвильнуть Антонъ Васильевъ.

— Не ври! еще есть! по глазамъ вижу!

Антонъ Васильевъ однакожъ не рѣшался отвѣтить и продолжалъ переступать съ ноги на ногу.

— Сказывай, какое еще дѣло за тобой есть?—рѣшительнымъ голосомъ прикрикнула на него Арина Петровна:—говори! не виляй хвостомъ... сума̀ переметная!

Арина Петровна любила давать прозвища людямъ, составлявшимъ ея административный и домашній персоналъ. Антона Васильева она прозвала переметной сумой не за то, чтобъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ когда-нибудь замѣченъ въ предательствѣ, а за то, что былъ слабъ на языкъ. Имѣніе, которымъ онъ управлялъ, имѣло своимъ центромъ значительное торговое село, въ которомъ было большое число трактировъ. Антонъ Васильевъ любилъ попить чайку въ

трактирѣ, похвастаться всемогуществомъ своей барыни и во время этого хвастовства незамѣтнымъ образомъ провирался. А такъ какъ у Арины Петровны постоянно были въ ходу различныя тяжбы, то частенько случалось, что болтливость довѣреннаго человѣка выводила наружу барынины военныя хитрости, прежде нежели онѣ могли быть приведены въ исполненіе.

— Есть, дѣйствительно... — пробормоталъ наконецъ Антонъ Васильевъ.

— Что? что такое?—взволновалась Арина Петровна.

Какъ женщина властная и притомъ въ сильной степени одаренная творчествомъ, она въ одну минуту нарисовала себѣ картину всевозможныхъ противорѣчій и противодѣйствій и сразу такъ усвоила себѣ эту мысль, что даже поблѣднѣла и вскочила съ кресла.

— Степанъ Владимірычъ домъ-то въ Москвѣ продали...—доложилъ бурмистръ съ разстановкой.

— Ну?

— Продали-съ.

— Почему? какъ? не мни, сказывай!

— За долги... такъ нужно полагать! Извѣстно, за хорошія дѣла продавать не станутъ.

— Стало быть, полиція продала? судъ?

— Стало быть, что такъ. Сказываютъ, въ восьми тысячахъ съ аукціона домъ-то пошелъ.

Арина Петровна грузно опустилась въ кресло и уставилась глазами въ окно. Въ первыя минуты извѣстіе это повидимому отняло у нея сознаніе. Еслибъ ей сказали, что Степанъ Владимірычъ кого-нибудь убилъ, что Головлевскіе мужики взбунтовались и отказываются идти на барщину, или что крѣпостное право рушилось—и тутъ она не была бы до такой степени поражена. Губы ея шевелились, глаза смотрѣли куда-то вдаль, но ничего не видѣли. Она не примѣтила даже, что въ это самое время дѣвчонка Дуняшка ринулась-было сразбѣга мимо окна, закрывая что-то передникомъ, и вдругъ, завидѣвъ барыню, на мгновеніе закружилась на одномъ мѣстѣ и тихимъ шагомъ поворотила назадъ (въ другое время этотъ поступокъ вызвалъ бы цѣлое слѣдствіе). Наконецъ она однако опамятовалась и произнесла:

— Какова потѣха!

Послѣ чего опять послѣдовало нѣсколько минутъ грознаго молчанія.

— Такъ ты говоришь, полиція за восемь тысячъ домъ-то продала?—переспросила она.

— Такъ точно.

— Это—родительское-то благословеніе!.. Хорошъ... мерзавецъ!

Арина Петровна чувствовала, что въ виду полученнаго извѣстія ей необходимо принять немедленное рѣшеніе, но ничего придумать не могла, потому что мысли ея путались въ совершенно противоположныхъ направленіяхъ. Съ одной стороны думалось: „Полиція продала! вѣдь не въ одну же минуту она продала! чай, опись была, оцѣнка, вызовы къ торгамъ? Продала за восемь тысячъ, тогда какъ она за этотъ самый домъ, два года тому назадъ, собственными руками двѣнадцать тысячъ, какъ одну копѣйку, выложила! Кабы знать да вѣдать, можно бы и самой за восемь-то тысячъ съ аукціона пріобрѣсти!" Съ другой стороны приходило на мысль и то: „Полиція за восемь тысячъ продала! Это—родительское-то благословеніе! Мерзавецъ! за восемь тысячъ родительское благословеніе спустилъ!"

— Отъ кого слышалъ?—спросила наконецъ она, окончательно остановившись на мысли, что домъ уже проданъ и что, слѣдовательно, надежда пріобрѣсти его за дешевую цѣну утрачена для нея навсегда.

— Иванъ Михайловъ, трактирщикъ, сказывалъ.

— А почему онъ во-время меня не предупредилъ?

— Поопàсился, стало быть.

— Поопáсился! вотъ я ему покажу: „поопàсился"! Вызвать его изъ Москвы, и какъ явится—сейчасъ же въ рекрутское присутствіе и лобъ забрить! „Поопàсился"!

Хотя крѣпостное право было уже на исходѣ, но еще существовало. Не разъ случалось Антону Васильеву выслушивать отъ барыни самыя своеобразныя приказанія, но настоящее ея рѣшеніе было до того неожиданно, что даже и ему сдѣлалось не совсѣмъ ловко. Прозвище „сумà переметная" невольно ему при этомъ вспомнилось. Иванъ Михайловъ былъ мужикъ обстоятельный, объ которомъ и въ голову не могло придти, чтобъ надъ нимъ могла стрястись какая-нибудь бѣда. Сверхъ того, это былъ его пріятель и кумъ—и вдругъ его въ солдаты, ради того только, что онъ, Антонъ Васильевъ, какъ сумà переметная, не съумѣлъ языкъ за зубами попридержать.

Простите... Ивана-то Михайлыча!—заступился-было онъ.

— Стунай... потатчикъ!—прикрикнула на него Арина Петровна, по такимъ голосомъ, что онъ и не подумалъ упорствовать въ дальнѣйшей защитѣ Ивана Михайлова.

Но прежде нежели продолжать мой разсказъ, я попрошу читателя поближе познакомиться съ Ариной Петровной Головлевой и семейнымъ ея положеніемъ.

Арина Петровна—женщина лѣтъ шестидесяти, но еще бодрая и привыкшая жить на всей своей волѣ. Держитъ она себя грозно; единолично и безконтрольно управляетъ обширнымъ Головлевскимъ имѣніемъ, живетъ уединенно, разсчетливо, почти скупо, съ сосѣдями дружбы не водитъ, мѣстнымъ власямъ доброхотствуетъ, а отъ дѣтей требуетъ, чтобъ они были въ такомъ у нея послушаніи, чтобы при каждомъ постукѣ спрашивали себя: что-то объ этомъ маменька скажетъ? Вообще имѣетъ характеръ самостоятельный, непреклонный и отчасти строптивый, чему впрочемъ не мало способствуетъ и то, что во всемъ Головлевскомъ семействѣ нѣтъ ни одного человѣка, со стороны котораго она могла бы встрѣтить себѣ противодѣйствіе. Мужъ у нея—человѣкъ легкомысленный и пьяненькій (Арина Петровна охотно говоритъ объ себѣ, что она—ни вдова, ни мужняя жена); дѣти частью служатъ въ Петербургѣ, частью—поплыли въ отца и, въ качествѣ „постылыхъ", не допускаются ни до какихъ семейныхъ дѣлъ. При этихъ условіяхъ Арина Петровна рано почувствовала себя одинокою, такъ что, говоря по правдѣ, даже отъ семейной жизни совсѣмъ отвыкла, хотя слово „семья" не сходитъ съ ея языка и, по наружности, всѣми ея дѣйствіями исключительно руководятъ непрестанныя заботы объ устройствѣ семейныхъ дѣлъ.

Глава семейства, Владиміръ Михайлычъ Головлевъ, еще смолоду былъ извѣстенъ своимъ безалабернымъ и озорнымъ характеромъ, и для Арины Петровны, всегда отличавшейся серьезностью и дѣловитостью, никогда ничего симпатичнаго не представлялъ. Онъ велъ жизнь праздную и бездѣльную, чаще всего занимался у себя въ кабинетѣ, подражалъ нѣнію скворцовъ, нѣтуховъ и т. д. и занимался сочиненіемъ такъ-называемыхъ „вольныхъ стиховъ". Въ минуты откровенныхъ излiяній онъ хвастался тѣмъ, что былъ другомъ Баркова и что послѣдній, будто бы, даже благословилъ его на одрѣ

смерти. Арина Петровна сразу не залюбила стиховъ своего мужа, называла ихъ пакудствомъ и паясничаньемъ, а такъ какъ Владимiръ Михайлычъ собственно для того и женился, чтобы имѣть всегда подъ рукой слушателя для своихъ стиховъ, то понятно, что размолвки не заставили долго ждать себя. Постепенно разростаясь и ожесточаясь, размолвки эти кончились, со стороны жены, полнымъ и презрительнымъ равнодушiемъ къ мужу-шуту, со стороны мужа—искреннею ненавистью къ женѣ, ненавистью, въ которую однакожъ входила значительная доля трусости. Мужъ называлъ жену „вѣдьмою“ и „чортомъ“, жена называла мужа—„вѣтряною мельницей“ и „безструнной балалайкой“. Находясь въ такихъ отношенiяхъ, они пользовались совмѣстною жизнью въ продолженiе слишкомъ сорока лѣтъ, и никогда ни тому, ни другой не приходило въ голову, чтобы подобная жизнь заключала въ себѣ что-либо противоестественное. Съ теченiемъ времени озорливость Владимiра Михайлыча не уменьшилась, но даже прiобрѣла еще болѣе злостный характеръ. Независимо отъ стихотворныхъ упражненiй въ Барковскомъ духѣ, онъ началъ понивать и охотно подкарауливалъ въ корридорѣ горничныхъ дѣвокъ. Сначала Арина Петровна отнеслась къ этому новому занятiю своего мужа брезгливо и даже съ волненiемъ (въ которомъ однакожъ больше играла роль привычка властности, нежели прямая ревность), но потомъ махнула рукой и наблюдала только за тѣмъ, чтобъ дѣвки-поганки не носили барину ерофеича. Съ тѣхъ поръ, сказавши себѣ разъ навсегда, что мужъ ей—не товарищъ, она все вниманiе свое устремила исключительно на одинъ предметъ: на округленiе имѣнiя, и дѣйствительно, въ теченiе сорокалѣтней супружеской жизни, успѣла удесятерить свое состоянiе. Съ изумительнымъ терпѣнiемъ и зоркостью подкарауливала она дальнiя и ближнiя деревни, разузнавала по секрету объ отношенiяхъ ихъ владѣльцевъ къ опекунскому совѣту и всегда какъ снѣгъ на голову являлась на аукцiонахъ. Въ круговоротъ этой фантастической погони за благонрiобрѣтенiемъ Владимiръ Михайлычъ все дальше и дальше уходилъ на заднiй планъ, а наконецъ и совсѣмъ одичалъ. Въ минуту, когда начинается этотъ разсказъ, это былъ уже дряхлый старикъ, который почти не оставлялъ постели, а ежели изрѣдка и выходилъ изъ спальной, то единственно для того, чтобъ просунуть голову въ полуотворенную дверь женской комнаты, крикнуть: „чортъ!“—и опять скрыться.

Немного болѣе счастлива была Арина Петровна и въ дѣтяхъ. У нея была слишкомъ независимая, такъ сказать, холостая натура, чтобы она могла видѣть въ дѣтяхъ что-нибудь, кромѣ лишней обузы. Она только тогда дышала свободно, когда была одна со своими счетами и хозяйственными предпріятіями, когда никто не мѣшалъ ея дѣловымъ разговорамъ съ бурмистрами, старостами, ключницами и т. д. Въ ея глазахъ дѣти были одною изъ тѣхъ фаталистическихъ жизненныхъ обстановокъ, противъ совокупности которыхъ она не считала себя въ правѣ протестовать, но которыя, тѣмъ не менѣе, не затрогивали ни одной струны ея внутренняго существа, всецѣло отдававшагося безчисленнымъ подробностямъ жизнестроительства. Дѣтей было четверо: три сына и дочь. О старшемъ сынѣ и объ дочери она даже говорить не любила; къ младшему сыну была болѣе или менѣе равнодушна и только средняго, Порфишу, не то чтобъ любила, а словно побаивалась.

Степанъ Владимірычъ, старшій сынъ, о которомъ преимущественно идетъ рѣчь въ настоящемъ разсказѣ, слылъ въ семействѣ подъ именемъ Степки-балбеса и Степки-озорника. Онъ очень рано попалъ въ число „постылыхъ" и съ дѣтскихъ лѣтъ игралъ въ домѣ роль не то парія, не то шута. Къ несчастію, это былъ даровитый малый, слишкомъ охотно и быстро воспринимавшій впечатлѣнія, которыя вырабатывала окружающая среда. Отъ отца онъ перенялъ неистощимую проказливость, отъ матери—способность быстро угадывать слабыя стороны людей. Благодаря первому качеству, онъ скоро сдѣлался любимцемъ отца, что еще больше усилило нелюбовь къ нему матери. Часто, во время отлучекъ Арины Петровны по хозяйству, отецъ и подростокъ-сынъ удалялись въ кабинетъ, украшенный портретомъ Баркова, читали стихи вольнаго содержанія и судачили, причемъ въ особенности доставалось „вѣдьмѣ", т.-е. Аринѣ Петровнѣ. Но „вѣдьма" словно чутьемъ угадывала ихъ занятія; неслышно подъѣзжала она къ крыльцу, подходила на цыпочкахъ къ кабинетной двери и подслушивала веселыя рѣчи. Затѣмъ слѣдовало немедленное и жестокое изліяніе Степки-балбеса. Но Степка не унимался; онъ былъ нечувствителенъ ни къ побоямъ, ни къ увѣщаніямъ и черезъ полчаса опять принимался куралесить. То косынку у дѣвки Анютки изрѣжетъ въ куски, то сонной Васюткѣ мухъ въ ротъ напуститъ, то заберется на кухню и стянетъ тамъ пирогъ (Арина Петровна, изъ эко-

номін, держала дѣтей впроголодь), который, впрочемъ, тутъ же раздѣлить съ братьями.

— Убить тебя надо!—постоянно твердила ему Арина Петровна; —убью—и не отвѣчу! И царь меня не накажетъ за это!

Такое постоянное приниженіе, встрѣчая почву мягкую, легко забывающую, не прошло даромъ. Оно имѣло въ результатѣ не озлобленіе, не протестъ, а образовало характеръ рабскій, повадливый до буфонства, не знающій чувства мѣры и лишенный всякой предусмотрительности. Такія личности охотно поддаются всякому вліянію и могутъ сдѣлаться чѣмъ угодно: прихлебцами, попрошайками, шутами и даже преступниками.

Двадцати лѣтъ Степанъ Головлевъ кончилъ курсъ въ одной изъ московскихъ гимназій и поступилъ въ университетъ. Но студенчество его было горькое. Во-первыхъ, мать давала ему денегъ ровно столько, сколько требовалось, чтобъ не пропасть съ голода; во-вторыхъ, въ немъ не оказывалось ни малѣйшаго позыва къ труду, а взамѣнъ того гнѣздилась проклятая талантливость, выражавшаяся преимущественно въ способности къ передразниванью; въ-третьихъ, онъ постоянно страдалъ потребностью общества и ни на минуту не могъ оставаться наединѣ съ самимъ собою. Поэтому онъ остановился на легкой роли признавальщика и piqué-assiete'a и, благодаря своей податливости на всякую штуку, скоро сдѣлался фаворитомъ богатенькихъ студентовъ. Но богатенькіе, допуская его въ свою среду, все-таки разумѣли, что онъ имъ не пара, что онъ только шутъ, и въ этомъ именно смыслѣ установилась его репутація. Ставши однажды на эту почву, онъ естественно тяготѣлъ все ниже и ниже, такъ что къ концу четвертаго курса выпутался окончательно. Тѣмъ не менѣе, благодаря способности быстро схватывать и запоминать слышанное, онъ выдержалъ экзаменъ съ успѣхомъ и получилъ степень кандидата.

Когда онъ явился къ матери съ дипломомъ, Арина Петровна только пожала плечами и промолвила: „дивлюсь!" Затѣмъ, продержавъ съ мѣсяцъ въ деревнѣ, отправила его въ Петербургъ, назначивъ на прожитокъ по сту рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ. Начались скитанія по департаментамъ и канцеляріямъ. Протекцій у него не было, охоты пробить дорогу личнымъ трудомъ — никакой. Праздная мысль молодого человѣка до того отвыкла сосредоточиваться, что даже бюрократическія испытанія, въ родѣ докладныхъ записокъ и

экстрактовъ изъ дѣлъ, оказывались для нея непосильными. Четыре года бился Головлевъ въ Петербургѣ и наконецъ долженъ былъ сказать себѣ, что надежда устроиться когда-нибудь выше канцелярскаго чиновника для него не существуетъ. Въ отвѣтъ на его сѣтованія Арина Петровна написала грозное письмо, начинавшееся словами: „я заранѣе въ семъ была увѣрена" и кончавшееся приказаніемъ явиться въ Москву. Тамъ, въ совѣтѣ излюбленныхъ крестьянъ, было рѣшено: опредѣлить Степку-балбеса въ надворный судъ, поручивъ его надзору подъячаго, который изстари ходатайствовалъ по Головлевскимъ дѣламъ. Что дѣлалъ и какъ велъ себя Степанъ Владимірычъ въ надворномъ судѣ—неизвѣстно, но черезъ три года его ужъ тамъ не было. Тогда Арина Петровна рѣшилась на крайнюю мѣру: она „выбросила сыну кусокъ", который впрочемъ въ то же время долженъ былъ изображать собою и „родительское благословеніе". Кусокъ этотъ состоялъ изъ дома въ Москвѣ, за который Арина Петровна заплатила двѣнадцать тысячъ рублей.

Въ первый разъ въ жизни Степанъ Головлевъ вздохнулъ свободно. Домъ обѣщалъ давать тысячу рублей серебромъ дохода, и сравнительно съ прежнимъ эта сумма представлялась ему чѣмъ-то въ родѣ заправскаго благосостоянія. Онъ съ увлеченіемъ поцѣловалъ у маменьки ручку („то-то же, смотри у меня, балбесъ! не жди больше ничего!" молвила при этомъ Арина Петровна) и обѣщалъ оправдать оказанную ему милость. Но, увы! онъ такъ мало привыкъ обращаться съ деньгами, такъ нелѣпо понималъ размѣры дѣйствительной жизни, что сказочный годовой тысячи рублей достало очень не надолго. Въ какія-нибудь четыре-пять лѣтъ онъ прогорѣлъ окончательно и былъ радъ-радёхонекъ поступить, въ качествѣ замѣстителя, въ ополченіе, которое въ это время формировалось. Ополченіе впрочемъ дошло только до Харькова, какъ былъ заключенъ миръ, и Головлевъ опять вернулся въ Москву. Его домъ былъ уже въ это время проданъ. На немъ былъ ополченскій мундиръ, довольно однакожъ потертый, на ногахъ — сапоги на-выпускъ и въ карманѣ—сто рублей денегъ. Съ этимъ капиталомъ онъ подался-было на спекуляцію, то-есть сталъ играть въ карты, и невдолгѣ проигралъ все. Тогда онъ принялся ходить по зажиточнымъ крестьянамъ матери, живущимъ въ Москвѣ своимъ хозяйствомъ: у кого обѣдалъ, у кого выпрашивалъ четверку табаку, у кого по мелочи занималъ. Но наконецъ наступила минута,

когда онъ, такъ сказать, очутился лицомъ къ лицу съ глухой стѣной. Ему было уже подъ-сорокъ, и онъ вынужденъ былъ сознаться, что дальнѣйшее бродячее существованіе для него не по силамъ. Оставался одинъ путь—въ Головлево.

Послѣ Степана Владимірыча, старшимъ членомъ Головлевскаго семейства была дочь, Анна Владиміровна, о которой Арина Петровна тоже не любила говорить.

Дѣло въ томъ, что на Аннушку Арина Петровна имѣла виды, а Аннушка не только не оправдала ея надежды, но вмѣсто того на весь уѣздъ учинила скандалъ. Когда дочь вышла изъ института, Арина Петровна поселила ее въ деревнѣ, въ чаянии сдѣлать изъ нея даровою домашняго секретаря и бухгалтера, а вмѣсто того Аннушка, въ одну прекрасную ночь, бѣжала изъ Головлева съ корнетомъ Улановымъ и повѣнчалась съ нимъ.

— Такъ, безъ родительскаго благословенія, какъ собаки, и повѣнчались!—сѣтовала по этому случаю Арина Петровна.—Да хорошо еще, что кругомъ налоя-то мужичёкъ обвелъ! Другой бы поползовался—да и былъ таковъ! Ищи его потомъ да свищи!

И съ дочерью Арина Петровна поступила столь же рѣшительно, какъ и съ постылымъ сыномъ: взяла и „выбросила ей кусокъ“. Она отдѣлила ей капиталъ въ пять тысячъ и деревнюшку въ тридцать душъ съ уналѣю усадьбой, въ которой изо всѣхъ оконъ дуло и не было ни одной живой половицы. Года черезъ два молодые капиталъ прожили и корнетъ неизвѣстно куда бѣжалъ, оставивъ Анну Владиміровну съ двумя дочерьми-близнецами: Аннинькой и Любинькой. Затѣмъ и сама Анна Владиміровна, черезъ три мѣсяца, скончалась, и Арина Петровна волей-неволей должна была пріютить круглыхъ сиротъ у себя,—что она и исполнила, помѣстивъ малютокъ во флигелѣ и приставивъ къ нимъ кривую старуху Палашку.

— У Бога милостей много,—говорила она при этомъ: сиротки хлѣба не Богъ знаетъ что съѣдятъ, а мнѣ на старости лѣтъ утѣшеніе! Одну дочку Богъ взялъ—двухъ далъ!

И въ то же время писала къ сыну Порфиріо Владимірычу: „какъ жила твоя сестрица безпутно, такъ и умерла, покинувъ мнѣ на нею своихъ двухъ щенковъ“...

Вообще, какъ ни циничнымъ можетъ показаться это замѣчаніе, но справедливость требуетъ сознаться, что оба эти случая, по по-

воду которыхъ произошло „выбрасываніе кусковъ", не только не произвели ущерба въ финансахъ Арины Петровны, но косвеннымъ образомъ даже способствовали округленію Головлевскаго имѣнія, сокращая число найщиковъ въ немъ. Ибо Арина Петровна была женщина строгихъ правилъ и, разъ „выбросивши кусокъ", уже считала покончеными всѣ свои обязанности относительно постылыхъ дѣтей. Даже при мысли о сиротахъ-внучкахъ ей никогда не представлялось, что современемъ придется что-нибудь удѣлить имъ. Она старалась только какъ можно больше выжать изъ маленькаго имѣнія, отдѣленнаго покойной Аннѣ Владиміровнѣ, и откладывать выжатое въ опекунскій совѣтъ. Причемъ говорила:

— Вотъ и для сиротъ денежки приканливаю, а что онѣ прокормленіемъ да уходомъ стоятъ — ничего ужъ съ нихъ не беру! За мою хлѣбъ-соль, видно, Богъ мнѣ заплатитъ!

Наконецъ, младшія дѣти, Порфирій и Павелъ Владимірычи, находились на службѣ въ Петербургѣ: первый — по гражданской части, второй — по военной. Порфирій былъ женатъ. Павелъ — холостой.

Порфирій Владимірычъ извѣстенъ былъ въ семействѣ подъ тремя именами: Іудушки, кровопивушки и откровеннаго мальчика, каковыя прозвища еще въ дѣтствѣ были ему даны Степкой-балбесомъ. Съ младенческихъ лѣтъ любилъ онъ приласкаться къ милому другу маменькѣ, украдкой поцѣловать ее въ плечико, а иногда и слегка понаушничать. Неслышно отворитъ, бывало, дверь маменькиной комнаты, неслышно прокрадется въ уголокъ, сядетъ и, словно очарованный, не сводитъ глазъ съ маменьки, покуда она пишетъ или возится со счетами. Но Арина Петровна уже и тогда съ какою-то подозрительностью относилась къ этимъ сыновнимъ заискиваньямъ. И тогда этотъ пристально-устремленный на нее взглядъ казался ей загадочнымъ, и тогда она не могла опредѣлить себѣ, что именно онъ источаетъ изъ себя: ядъ или сыновнюю почтительность.

— И сама понять не могу, что у него за глаза такіе, — разсуждала она иногда сама съ собою: — взглянетъ — ну, словно вотъ петлю закидываетъ. Такъ вотъ и поливаетъ ядомъ, такъ и подманиваетъ!

И припомнились ей при этомъ многознаменательныя подробности того времени, когда она еще была „тяжела" Порфиріей. Жилъ

у нихъ тогда въ домѣ нѣкоторый благочестивый и прозорливый старикъ, котораго называли Порфишей-блаженненькимъ и къ которому она всегда обращалась, когда желала что-либо провидѣть въ будущемъ. И вотъ этотъ-то самый старецъ, когда она спросила его, скоро ли послѣдуютъ роды и кого-то Богъ дастъ ей, сына или дочь — ничего прямо ей не отвѣтилъ, но три раза прокричалъ нѣтухомъ и вслѣдъ затѣмъ пробормоталъ:

— Нѣтушокъ, нѣтушокъ! востёръ ноготокъ! Нѣтухъ кричитъ, насѣдкѣ грозитъ; насѣдка — кудахъ-тахъ-тахъ, да поздно будетъ!

И только. Но черезъ три дня (вотъ оно — три раза-то прокричалъ!) она родила сына (вотъ оно — нѣтушокъ-нѣтушокъ!), котораго и назвали Порфиріемъ, въ честь старца-провидца...

Первая половина пророчества исполнилась: но что̀ могли означать таинственныя слова̀: „насѣдка — кудахъ-тахъ-тахъ, да поздно будетъ“? — вотъ объ этомъ-то и задумывалась Арина Петровна, взглядывая изъ-подъ руки на Порфишу, покуда тотъ сидѣлъ въ своемъ углу и смотрѣлъ на нее своимъ загадочнымъ взглядомъ.

А Порфиша продолжалъ себѣ сидѣть кротко и безшумно и все смотрѣлъ на нее, смотрѣлъ до того пристально, что широко-раскрытые и неподвижные глаза его подергивались слезою. Онъ какъ бы провидѣлъ сомнѣнія, шевелившіяся въ душѣ матери, и велъ себя съ такимъ разсчетомъ, что самая придирчивая подозрительность и та должна признать себя безоружною передъ его кротостью. Даже рискуя надоѣсть матери, онъ постоянно вертѣлся у нея на глазахъ, словно говорилъ: „смотри на меня! я ничего не утаиваю! я весь — послушливость и преданность, и притомъ послушливость не только за страхъ, но и за совѣсть“. И какъ ни сильно говорила въ ней увѣренность, что Порфишка-подлецъ только хвостомъ любезничаетъ, а глазами все-таки петлю накидываетъ, но въ виду такой беззавѣтности и ея сердце не выдерживало. И невольно рука ея искала лучшаго куска на блюдѣ, чтобъ передать его ласковому сыну, несмотря на то, что одинъ видъ этого сына поднималъ въ ея сердцѣ смутную тревогу чего-то загадочнаго, недобраго.

Совершенную противоположность съ Порфиріемъ Владимірычемъ представлялъ братъ его, Павелъ Владимірычъ. Это было полнѣйшее олицетвореніе человѣка, лишеннаго какихъ бы то ни было поступковъ. Еще мальчикомъ онъ не выказывалъ ни малѣйшей склонности ни къ

ученью, ни къ играмъ, ни къ общительности, но любилъ жить особнякомъ, въ отчужденіи отъ людей. Забьется, бывало, въ уголъ, надуется и начнетъ фантазировать. Представляется ему, что онъ толокна наѣлся, что отъ этого ноги у него тоненькія, и онъ не учится. Или -что онъ не Павелъ-дворянскій сынъ, а Давыдка-пастухъ, что на лбу у него выросла болонь, какъ и у Давыдки, что онъ арапникомъ щелкаетъ, и не учится. Поглядитъ-поглядитъ, бывало, на него Арина Петровна и такъ и раскинется ея материнское сердце.

— Ты что, какъ мышь на крупу, надулся!—не утерпитъ, прикрикнетъ она на него: —или ужъ съ этихъ поръ въ тебѣ ядъ-то дѣйствуетъ! нѣтъ того, чтобы къ матери подойти: маменька, молъ, приласкайте меня, душенька!

Павлуша покидалъ свой уголъ и медленными шагами, словно его въ спину толкали, приближался къ матери.

— Маменька, молъ,—повторялъ онъ какимъ-то неестественнымъ для ребенка басомъ:—приласкайте меня, душенька!

— Пошелъ съ моихъ глазъ... тихоня! ты думаешь, что забьешься въ уголъ, такъ я и не понимаю—насквозь тебя понимаю, голубчикъ! всѣ твои планы-прожекты какъ на ладони вижу!

И Павелъ тѣмъ же медленнымъ шагомъ отправлялся назадъ и забивался опять въ свой уголъ.

Шли годы, и изъ Павла Владимірыча постепенно образовывалась та апатичная и загадочно-угрюмая личность, изъ которой, въ конечномъ результатѣ, получается человѣкъ, лишенный поступковъ. Можетъ быть, онъ былъ добръ, но никому добра не сдѣлалъ; можетъ быть, былъ и неглупъ, но во всю жизнь ни одного умнаго поступка не совершилъ. Онъ былъ гостепріименъ, но никто не льстился на его гостепріимство; онъ охотно тратилъ деньги, но ни полезнаго, ни пріятнаго результата отъ этихъ тратъ ни для кого никогда не происходило; онъ никого никогда не обидѣлъ, но никто этого не вмѣнялъ ему въ достоинство; онъ былъ честенъ, но не слыхали, чтобъ кто-нибудь сказалъ: „какъ честно поступилъ въ такомъ-то случаѣ Павелъ Головлевъ!“ Въ довершеніе всего, онъ нерѣдко огрызался противъ матери и въ то же время боялся ея какъ огня. Повторяю: это былъ человѣкъ угрюмый, но за его угрюмостью скрывалось отсутствіе поступковъ—и ничего больше.

Въ зрѣломъ возрастѣ различіе характеровъ обоихъ братьевъ

всего рѣзче высказалось въ ихъ отношеніяхъ къ матери. Іудушка каждую недѣлю аккуратно слалъ къ маменькѣ обширное посланіе, въ которомъ пространно увѣдомлялъ ее о всѣхъ подробностяхъ петербургской жизни и въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ увѣрялъ въ безкорыстной сыновней преданности. Павелъ писалъ рѣдко и кратко, а иногда даже загадочно, словно клещами вытаскивалъ изъ себя каждое слово. „Деньги столько-то и на такой-то срокъ, безцѣнный другъ маменька, отъ довѣреннаго вашего, крестьянина Ерофеева, получилъ“.—увѣдомлялъ, напримѣръ, Порфирій Владимірычъ.—„а за присылку оныхъ, для употребленія на мое содержаніе, согласно вашему, милая маменька, соизволенію, приношу чувствительнѣйшую благодарность и съ величемѣрною сыновнею преданностью цѣлую ваши ручки. Объ одномъ только грущу и сомнѣніемъ мучусь: не слишкомъ ли утруждаете вы драгоцѣнное ваше здоровье непрерывными заботами объ удовлетвореніи не только нужд, но и прихотей нашихъ?! Не знаю, какъ брать, а я“... и т. д. А Павелъ по тому же поводу выражался: „Деньги столько-то на такой-то срокъ, дражайшая родительница, получилъ, и, по моему разсчету, слѣдуетъ мнѣ еще шесть съ полтиной дополучить, въ чемъ и прошу васъ меня почтительнѣйше извинить“. Когда Арина Петровна посылала дѣтямъ выговоры за мотовство (это случалось нерѣдко, хотя серьезныхъ поводовъ и не было), то Порфиша всегда съ смиреніемъ покорялся этимъ замѣчаніямъ и писалъ: „Знаю, милый дружокъ маменька, что вы несете неносильныя тяготы ради насъ, недостойныхъ дѣтей вашихъ; знаю, что мы очень часто своимъ поведеніемъ не оправдываемъ вашихъ материнскихъ объ насъ попеченій, и, что всего хуже, по свойственному человѣкамъ заблужденію, даже забываемъ о семъ, въ чемъ и приношу вамъ искреннее сыновнее извиненіе, надѣясь современемъ отъ порока сего избавиться и быть, въ употребленіи присылаемыхъ вами, безцѣнный другъ маменька, на содержаніе и прочіе расходы, денегъ осмотрительнымъ“. А Павелъ отвѣчалъ такъ: „Дражайшая родительница! хотя вы долговъ за меня еще не платили, но выговоръ въ названіи меня мотомъ безпрекословно принимаю, въ чемъ и прошу чувствительнѣйше принять увѣреніе“. Даже на письмо Арины Петровны съ извѣщеніемъ о смерти сестрицы Анны Владиміровны оба брата отозвались различно. Порфирій Владимірычъ писалъ: „Извѣстіе о кончинѣ любезной сестрицы и доброй подруги дѣтства Анны Вла-

дмірович поразило мое сердце скорбію, каковая скорбь еще болѣе усилилась при мысли, что вамъ, милый другъ маменька, посылается еще новый крестъ, въ лицѣ двухъ сирота-малютокъ. Уже ли еще не достаточно, что вы, общая наша благодѣтельница, во всемъ себѣ отказываете и, не щадя своего здоровья, всѣ силы къ тому направляете, дабы обезпечить свое семейство не только нужнымъ, но излишнимъ? Право, хоть и грѣшно, но иногда невольно порицаешь. Единственное, по моему мнѣнію, для васъ, родная моя, въ настоящемъ случаѣ убѣжище — это сколь можно чаще припоминать, что вытерпѣлъ самъ Христосъ". Павелъ же писалъ: „Извѣстіе о кончинѣ сестры, погибшей жертвою, получилъ. Впрочемъ надѣюсь, что Всевышній успокоитъ ее въ Своихъ сѣняхъ, хотя сіе и неизвѣстно".

Перечитывала Арина Петровна эти письма сыновей и все старалась угадать, который изъ нихъ ей злодѣемъ будетъ. Прочтетъ письмо Порфирія Владимірыча, и кажется, что вотъ онъ-то и есть самый злодѣй.

— Ишь вѣдь какъ пишетъ! ишь какъ языкомъ-то вертитъ! — восклицала она: — не даромъ Степка-балбесъ Іудушкой его прозвалъ! Ни одного-то вѣдь слова вѣрнаго нѣтъ! все-то онъ лжетъ! и „милый дружокъ маменька", и про тягости-то мои, и про крестъ-то мой... ничего онъ этого не чувствуетъ!

Потомъ примется за письмо Павла Владимірыча, и опять чудится, что вотъ онъ-то и есть будущій злодѣй.

— Глупъ-глупъ, а смотри, какъ исподтишка мать козыряетъ! „Въ чемъ и прошу чувствительнѣйше принять увѣреніе"... милости просимъ! Вотъ я тебѣ покажу, что значитъ „чувствительнѣйше принимать увѣреніе"! Выброшу тебѣ кусокъ, какъ Степкѣ-балбесу — вотъ ты и узнаешь тогда, какъ я понимаю твои „увѣренія"!

И въ заключеніе изъ ея материнской груди вырывался по истинѣ трагическій вопль:

— И для кого я всю эту прорву кормлю! для кого я припасаю! ночей не досыпаю, куска не доѣдаю... для кого?!

Таково было семейное положеніе Головлевыхъ въ ту минуту, когда бурмистръ Антонъ Васильевъ доложилъ Аринѣ Петровнѣ о промотаніи Степкой-балбесомъ „выброшеннаго куска", который, въ виду денежной его продажи, получалъ уже сугубое значеніе „родительскаго благословенія".

Арина Петровна сидѣла въ спальной и не могла придти въ себя. Что-то такое шевелилось у нея внутри, въ чемъ она не могла отдать себѣ яснаго отчета. Участвовала ли тутъ какимъ-то чудомъ явившаяся жалость къ постылому, но все-таки сыну, или говорило одно нагое чувство оскорбленнаго самовластія—этого не могъ бы опредѣлить самый опытный психологъ: до такой степени перепутывались и быстро смѣнялись въ ней всѣ чувства и ощущенія. Наконецъ изъ общей массы наконившихся представленій яснѣе другихъ выдѣлилось опасеніе, что „постылый“ опять сядетъ ей на шею.

„Анютка щенковъ своихъ навязала, да вотъ еще балбесъ“... разсчитывала она мысленно.

Долго просидѣла она такимъ образомъ, не молвивъ ни слова и смотря въ окно въ одну точку. Принесли обѣдъ, до котораго она почти не коснулась; пришли сказать: „барину водки пожалуйте!“—она, не глядя, швырнула ключъ отъ кладовой. Послѣ обѣда она ушла въ образную, велѣла засвѣтить всѣ лампадки и затворилась, предварительно заказавъ истопить баню. Все это были признаки, которые несомнѣнно доказывали, что барыня „гнѣвается“, и потому въ домѣ все вдругъ смолкло, словно умерло. Горничныя ходили на цыпочкахъ; ключница Акулина совалась какъ помѣшанная: назначено было послѣ обѣда варенье варить, и вотъ пришло время, ягоды вычищены, готовы, а отъ барыни ни приказу, ни отказу нѣтъ: садовникъ Матвѣй пришелъ-было съ вопросомъ, не пора ли черники обирать, но въ дѣвичьей такъ на него цыкнули, что онъ немедленно отретировался.

Помолившись Богу и вымывшись въ банькѣ, Арина Петровна почувствовала себя нѣсколько умиротворенною и вновь потребовала Антона Васильева къ отвѣту.

— Ну, а что же балбесъ дѣлаетъ?—спросила она.

— Москва велика—и въ годъ ее всю не исходить!

— Да вѣдь, чай, пить-ѣсть надо?

— Около своихъ мужичковъ прокармливаются. У кого пособѣдаютъ, у кого на табакъ гривенничекъ выпросятъ.

— А кто позволилъ давать?

— Помилуйте, сударыня! Мужички развѣ обижаются! Чужимъ немущимъ подаютъ, а ужъ своимъ господамъ отказать!

— Вотъ я имъ ужо... подавальщикамъ! Сошлю балбеса къ тебѣ въ вотчину и содержите его всѣмъ обществомъ на свой счетъ!

— Вся ваша власть, сударыня.

— Что? что̀ ты такое сказалъ?

— Вся, молъ, ваша власть, сударыня. Прикажете, такъ и прокормимъ!

— То-то... прокормимъ! ты у меня говори, да не заговаривайся!

Молчаніе. Но Антонъ Васильевъ не даромъ получилъ отъ барыни прозвище переметной сумы. Онъ не вытерпливаетъ и вновь начинаетъ топтаться на мѣстѣ, сгорая желаніемъ нѣчто „доложить.

„Да еще какой прокуратъ!—наконецъ произноситъ онъ: сказываютъ, какъ изъ похода-то воротился, сто рублей денегъ съ собой принесъ. Невелики деньги сто рублей, а и на нихъ бы сколько-нибудь прожить можно...

— Ну?

— Поправиться, вишь, полагалъ, въ афёру пустился...

— Говори, не мни!

— Въ нѣмецкое, чу, собраніе свезъ. „Думалъ дурака найти въ карты обыграть, анъ, замѣсто того, самъ на умнаго попался. Онъ-было и на-утекъ, да въ прихожей, сказываютъ, задержали. Что̀ было денегъ—все обрали!

— Чай, и бокамъ досталось?

— Было всего. На другой день приходитъ къ Ивану Михайлычу, да самъ же и разсказываетъ. И даже удивительно это: смѣется... веселый! словно бы его по головкѣ погладили!

— Ничто ему! лишь бы ко мнѣ на глаза не показывался!

— А надо полагать, что такъ будетъ.

— Что̀ ты! да я его на порогъ къ себѣ не пущу!

— Не иначе, что такъ будетъ!—повторяетъ Антонъ Васильевъ:—и Иванъ Михайлычъ сказывалъ, что онъ проговорился: „набашь, говоритъ! пойду къ старухѣ хлѣбъ въ сухомятку ѣсть!“ „Да ему, сударыня, коли по правдѣ сказать, и дѣваться-то, окромѣ здѣшняго мѣста, некуда. По своимъ мужичкамъ долго въ Москвѣ не находится. Одёжа тоже нужна, спокой...

Вотъ этого-то именно и боялась Арина Петровна: это-то именно и составляло суть того неяснаго представленія, которое безсознательно тревожило ее. „Да, онъ явится, ему некуда больше идти—этого не миновать! Онъ будетъ здѣсь, вѣчно у нея на глазахъ, клятой, постылый, забытый! Для чего же она выбросила ему въ то время „кусокъ“?

Она думала, что, получивши „что̀ слѣдуетъ“, онъ канулъ въ вѣчность—анъ онъ возрождается! Онъ придетъ, будетъ требовать, будетъ всѣмъ мозолить глаза своимъ нищенскимъ видомъ. И надо будетъ удовлетворять его требованіямъ, потому что онъ — человѣкъ наглый, готовый на всякое буйство. „Его“ не спрячешь подъ замо̀къ: „онъ“ способенъ и при чужихъ явиться въ отребьѣ, способенъ произвести дебошъ, о̀бжать къ сосѣдямъ и разсказать имъ вся сокровенная Головлевскихъ дѣлъ. Сослать его развѣ въ Суздаль-монастырь? —Но кто жъ его знаетъ, полно, есть ли еще этотъ Суздаль-монастырь, и въ самомъ ли дѣлѣ онъ для того существуетъ, чтобъ освобождать огорченныхъ родителей отъ лицезрѣнія строптивыхъ дѣтей? Сказываютъ еще, что смирительный домъ есть... да вѣдь смирительный домъ—ну, ка̀къ ты его туда, экого сорокалѣтняго жеребца, приведешь?“ Однимъ словомъ, Арина Петровна совсѣмъ растерялась при одной мысли о тѣхъ невзгодахъ, которыя грозятъ взбудоражить ея мирное существованіе съ приходомъ Степки-балбеса.

— Я его къ тебѣ въ вотчину пришлю! корми на свой счетъ!— пригрозилась она бурмистру: — не на вотчинный счетъ, а на собственный свой!

— За что̀ такъ, сударыня?

— А за то, что не каркай! Кра! кра! „не ина̀че, что такъ будетъ“... Пошелъ съ моихъ глазъ долой... ворона!

Антонъ Васильевъ повернулъ-было налѣво кругомъ, но Арина Петровна вновь остановила его.

— Стой! погоди! такъ это вѣрно, что онъ въ Головлево лыжи навострилъ? — спросила она.

Стану ли я, сударыня, лгать! Вѣрно говорилъ: „къ старухѣ пойду хлѣбъ въ сухомятку ѣсть!“

— Вотъ я ему покажу ужо̀, какой для него у старухи хлѣбъ припасенъ!

— Да что̀, сударыня, не долго онъ у васъ наживетъ!

— А что такое?

— Да кашляетъ очень сильно... за лѣвую грудь все хватается... Не заживется!

— Этакіе-то, любезный, еще дольше живутъ! и насъ всѣхъ переживетъ! Кашляетъ да кашляетъ—что̀ ему, жеребцу долговязому,

дѣлается! Ну, да тамъ посмотримъ. Ступай теперь: мнѣ нужно распоряженіе сдѣлать.

Весь вечеръ Арина Петровна думала и наконецъ-таки надумала: созвать семейный совѣтъ для рѣшенія балбесовой участи. Подобныя конституціонныя замашки не были въ ея правахъ, но на этотъ разъ она рѣшилась отступить отъ преданій самовластія, дабы рѣшеніемъ всей семьи оградить себя отъ нареканій добрыхъ людей. Въ исходѣ предстоящаго совѣщанія она впрочемъ не сомнѣвалась, и потому съ легкимъ духомъ сѣла за письма, которыми предписывалось Порфирію и Павлу Владимірычамъ немедленно прибыть въ Головлево.

Покуда все это происходило, виновникъ кутерьмы, Степка-балбесъ, ужъ подвигался изъ Москвы по направленію къ Головлеву. Онъ сѣлъ въ Москвѣ, у Рогожской, въ одинъ изъ такъ-называемыхъ „дележановъ", въ которыхъ, въ былое время, ѣзжали, да и теперь еще кое-гдѣ ѣздятъ, мелкіе купцы и торгующіе крестьяне, направляясь въ свое мѣсто въ побывку. „Дележанъ" ѣхалъ по направленію къ Владиміру, и тотъ же сердобольный трактирщикъ Иванъ Михайлычъ везъ на свой счетъ Степана Владимірыча, взявши для него мѣсто и уплачивая за его харчи въ продолженіе всей дороги.

— Такъ ужъ вы, Степанъ Владимірычъ, такъ и сдѣлайте: на поверткѣ слѣзьте, да пѣшкомъ, какъ есть въ костюмѣ—такъ и отъявитесь къ маменькѣ!—условливался съ нимъ Иванъ Михайлычъ.

— Такъ, такъ, такъ! — подтверждалъ и Степанъ Владимірычъ:—много ли отъ поверткн пятнадцать верстъ пѣшкомъ пройти! мигомъ отхвачу! Въ пыли, въ навозѣ—такъ и явлюсь!

— Увидитъ маменька въ костюмѣ-то—можетъ, и пожалѣетъ!

— Пожалѣетъ! какъ не пожалѣть! Мать—вѣдь она старуха добрая!

Степану Головлеву нѣтъ еще сорока лѣтъ, но по наружности ему никакъ нельзя дать меньше пятидесяти. Жизнь до такой степени истрепала его, что не оставила на немъ никакого признака дворянскаго сына, ни малѣйшаго слѣда того, что и онъ былъ когда-то въ университетѣ и что и къ нему тоже было обращено воспитательное слово науки. Это—чрезмѣрно длинный, нечесанный, почти немытый малый, худой отъ недостатка питанія, съ впалою грудью, съ длин-

ными, загребистыми руками. Лицо у него распухшее, волосы на головѣ и бородѣ растрепанные, съ сильною просѣдью, голосъ громкій, но сиплый, простуженный, глаза на-выкатѣ и воспаленные, частью отъ неумѣреннаго употребленія водки, частью отъ постояннаго нахожденія на вѣтру. На немъ ветхая и совершенно затасканная сѣрая ополченка, галуны съ которой содраны и проданы на выжигу: на ногахъ — стоптанные, порыжѣлые и заплатанные сапоги на-выпускъ; изъ-за распахнутой ополченки видиѣется рубашка, почти черная, словно вымазанная сажей — рубашка, которую онъ съ истинно ополченскимъ цинизмомъ самъ называетъ „блошницею". Смотритъ онъ исподлобья, угрюмо, но эта угрюмость не выражаетъ внутренняго недовольства, а есть слѣдствіе какого-то смутнаго безпокойства, что вотъ-вотъ еще минута, и онъ, какъ червякъ, подохнетъ съ голоду.

Говоритъ онъ безъ умолку, безъ связи, перескакивая съ одного предмета на другой: говоритъ и тогда, когда Иванъ Михайлычъ слушаетъ его, и тогда, когда послѣдній засыпаетъ подъ музыку его говора. Ему ужасно неловко сидѣть. Въ „дележанѣ" помѣстилось четыре человѣка, а потому приходится сидѣть скрючивши ноги, что уже на протяженіи трехъ-четырехъ верстъ производитъ невыносимую боль въ колѣнкахъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на боль, онъ постоянно говоритъ. Облака пыли врываются въ боковыя отверстія повозки: по временамъ заползаютъ туда косые лучи солнца, и вдругъ, словно полымемъ, обожгутъ всю внутренность „дележана", а онъ все говоритъ.

— Да, братъ, тянулъ-таки я на своемъ вѣку горя,—разсказываетъ онъ:—пора и на боковую! Не объѣмъ же вѣдь я ее, а куска-то хлѣба, чай, какъ не найтись! Ты какъ, Иванъ Михайлычъ, объ этомъ думаешь?

— У маменьки вашей много кусковъ!

— Только не про меня—такъ, что-ли, ты хочешь сказать? Да, дружище, деньжищъ у нея—цѣлая прорва, а для меня пятака мѣднаго жаль! И вѣдь всегда-то она меня, вѣдьма, ненавидѣла! За что? Ну, да теперь, братъ, шалишь! съ меня взятки-то гладки! я и за горло возьму! Выгнать меня вздумаетъ—не пойду! Есть не дастъ—самъ возьму! Я, братъ, отечеству послужилъ—теперь мнѣ всякій помочь обязанъ! Одного боюсь: табаку не будетъ давать—скверность!

— Да, ужъ съ табачкомъ, видно, проститься придется!

— Такъ я бурмистра за бока! можетъ лысый чортъ и подарить барину!

— Подарить отчего не подарить! А ну, какъ она, маменька-то ваша, и бурмистру запретитъ?

— Ну, тогда я ужъ — совѣмъ мать: только одна роскошь у меня и осталась отъ прежняго великолѣпія—это табакъ! Я, братъ, какъ при деньгахъ былъ, въ день по четвертку Жукова выкуривалъ!

— Вотъ и съ водочкой тоже проститься придется!

— Тоже скверность. А мнѣ водка даже для здоровья полезна —мокроту разбиваетъ. Мы, братъ, какъ походомъ подъ Севастополь шли —еще до Серпухова не дошли, а ужъ по ведру на брата вышло!

— Чай, очунѣли?

— Не помню. Кажется, что-то было: я, братъ, вплоть до Харькова дошелъ, а хоть убей—ничего не помню. Помню только, что и деревнями шли, и городами шли, да еще, что въ Тулѣ откупщикъ намъ рѣчь говорилъ. Прослезился, подлецъ! Да, тянула-таки въ ту пору горя наша матушка Русь православная! Откупщики, подрядчики, пріемщики—какъ только Богъ спасъ!

— А вотъ маменькѣ вашей такъ и тутъ барышокъ вышелъ. Изъ нашей вотчины больше половины ратниковъ домой не вернулось, такъ за каждаго, сказываютъ, зачетную рекрутскую квитанцію нынче выдать велятъ. Ан ъ она, квитанція-то, въ казнѣ слишкомъ четыре ста стоитъ.

— Да, братъ, у насъ мать—умница! Ей бы министромъ слѣдовало быть, а не въ Головлевѣ пѣники съ варенья снимать! Знаешь ли что! Несправедлива она ко мнѣ была, обидѣла она меня—а я ее уважаю! Умна какъ чортъ—вотъ что главное! Кабы не она—что бы мы теперь были? Были бы при одномъ Головлевѣ—сто одна душа съ половиной! А она—посмотри, какую чортову пропасть она накупила!

— Будутъ ваши братцы при капиталѣ!

— Будутъ. Вотъ я таки ни-при-чемъ останусь—это вѣрно! Да, вылетѣлъ, братъ, я въ трубу! А братья будутъ богаты, особливо Кровопивушка. Этотъ безъ мыла въ душу влѣзетъ. А впрочемъ онъ ее, старую вѣдьму, современемъ порѣшитъ; онъ и имѣнье, и капиталъ изъ нея высосетъ—я на эти дѣла провидецъ! Вотъ Па-

велѣ-брать—тотъ душа-человѣкъ! онъ мнѣ табаку потихоньку пришлетъ — вотъ увидишь! какъ пріѣду въ Головлево — сейчасъ ему цидулу: такъ и такъ, братъ любезный — успокой! Э-э-эхъ, эхма! вотъ кабы я богатъ былъ!

— Что жъ бы вы сдѣлали?

— Во-первыхъ, сейчасъ бы тебя озолотилъ...

— Меня зачѣмъ же! Вы объ себѣ, а я и такъ, по милости вашей маменьки, доволенъ.

— Ну, нѣтъ—это, братъ, аттѣнде!—я бы тебя главнокомандующимъ надо всѣми имѣніями сдѣлалъ! Да, другъ, накормилъ, обогрѣлъ ты служивато—спасибо тебѣ! Кабы не ты, понтировалъ бы я теперь нѣшедраломъ до дома предковъ моихъ! И вольную бы тебѣ сейчасъ въ зубы, и всѣ бы передъ тобой мои сокровища открылъ—пей, ѣшь и веселись! А ты какъ обо мнѣ полагалъ, дружище?

— Нѣтъ, ужъ про меня вы, сударь, оставьте. Что бы еще-то вы сдѣлали, кабы богаты были?

— Во-вторыхъ, сейчасъ бы штучку себѣ завелъ. Въ Курскѣ, ходилъ я къ Владычицѣ молебенъ служить, такъ одну видѣлъ... ахъ, хороша штучка! Вѣришь ли, ни одной минуты не было, чтобъ она спокойно на мѣстѣ постояла!

— А можетъ она бы въ штучки-то и не пошла!

— А деньги на что? презрѣнный металлъ на что? Мало ста тысячъ—двѣсти бери! Я, братъ, коли при деньгахъ, ничего не пожалѣю, только чтобъ въ свое удовольствіе пожить! Я, признаться сказать, ей въ ту пору черезъ ефрейтора три цѣлковенькихъ посулилъ—пять, бестія, запросила!

— А пяти-то, видно, не случилось?

— И не знаю, братъ, какъ сказать. Говорю тебѣ: все словно какъ во снѣ видѣлъ. Можетъ, она даже и была у меня, да я забылъ. Всю дорогу, цѣлыхъ два мѣсяца — ничего не помню! А съ тобой, видно, этого не случалось?

Но Иванъ Михайлычъ молчитъ. Степанъ Владимірычъ вглядывается и убѣждается, что спутникъ его мѣрно киваетъ головой и по временамъ, когда касается носомъ чуть не до колѣнъ, какъ-то нелѣпо вздрагиваетъ и опять начинаетъ кивать въ тактъ.

— Эхма! — говоритъ онъ:—ужъ укачало тебя! на боковую проснись! Разжирѣлъ ты, братъ, на чаяхъ да на харчахъ-то

трактирныхъ! А у меня такъ и сна нѣтъ! нѣтъ у меня сна—да и шабашъ! Что бы теперь, однакожъ, какую бы штукенцію предпринять? Развѣ вотъ отъ плода сего виноградна́го...

Головлевъ озирается кругомъ и удостовѣряется, что и прочіе пассажиры спятъ. У куица, который рядомъ съ нимъ сидитъ, голову объ перекладину колотитъ, а онъ все спитъ. И лицо у него сдѣлалось глянцевое, словно лакомъ покрыто, и мухи кругомъ роть облѣпили.

— А что, еслибъ всѣхъ этихъ мухъ къ нему въ хайло̀ препроводить—то-то бы, чай, небо съ овчинку показалось!—вдругъ осѣняетъ Головлева счастливая мысль, и онъ уже начинаетъ подкрадываться къ куицу рукой, чтобы привести свой планъ въ исполненіе, но на половинѣ пути что-то припоминаетъ и останавливается.

— Нѣтъ, полно проказничать—баста! Спите, други, и почивайте! А я покуда... и куда это онъ полштофъ засунулъ? Ба! вотъ онъ, голубчикъ! Ползай, ползай сюда! Спа-си, Го-о-споди, люди Твоя!—запѣваетъ онъ въ полголоса, вынимая посудину изъ холщевой сумки, прикрѣпленной сбоку кибитки и прикладывая ко рту горлышко: ну, вотъ, теперь ладно! тепло сдѣлалось! Или еще? Нѣтъ, ладно... до станціи-то верстъ двадцать еще будетъ, успѣю натешиться... или еще? Ахъ, прахъ ее побери, эту водку! Увидишь полштофъ—такъ и подманиваетъ! Пить скверно, да и не пить нельзя—потому сна нѣтъ! Хоть бы она, чортъ ее возьми, сморила меня!

Булькнувъ еще нѣсколько глотковъ изъ горлышка, онъ засовываетъ полштофъ на прежнее мѣсто и начинаетъ набивать трубку.

— Важно!—говоритъ онъ:—сперва выпили, а теперь трубочки покуримъ! Не дастъ, вѣдьма, мнѣ табаку, не дастъ—это онъ вѣрно сказалъ. Есть-то дастъ ли? Объѣдки, чай, какіе-нибудь со стола посылать будетъ! Эхма! были и у насъ денежки—и нѣтъ ихъ! Былъ человѣкъ—и нѣтъ его! Такъ-то вотъ и все на семъ свѣтѣ! сегодня ты и сытъ, и пьянъ, живешь въ свое удовольствіе, трубочку покуриваешь...

А завтра—гдѣ ты, человѣкъ?

Однако надо бы и закусить что-нибудь. Пьешь-пьешь, словно бочка съ изъяномъ, а закусить путемъ не закусишь. А доктора сказываютъ, что питье тогда на пользу, когда при немъ и закуска благопотребная есть, какъ говорилъ преосвященный Смарагдъ, когда мы черезъ Обоянь проходили. Черезъ Обоянь-ли? А чортъ его знаетъ, можетъ и че-

резъ Кромы! Не въ томъ, впрочемъ, дѣло, а какъ бы закуски теперь добыть. Помнится, что онъ въ мѣшочекъ колбасу и три французскихъ хлѣба положилъ! Небось, икорки пожалѣлъ купить! Ишь вѣдь какъ спитъ, какія пѣсни носомъ выводитъ! Чай, и провизію-то подъ себя сгребъ!

Онъ шаритъ кругомъ себя и ничего не нашариваетъ.

— Иванъ Михайлычъ! а, Иванъ Михайлычъ!—окликаетъ онъ.

Иванъ Михайлычъ просыпается и съ минуту словно не понимаетъ, какимъ образомъ онъ очутился vis-à-vis съ барономъ.

— А меня только-что было сонъ заводить началъ! —наконецъ говоритъ онъ.

— Ничего, другъ, сни! Я только спросить, гдѣ у насъ тутъ мѣшокъ съ провизіей спрятанъ?

— Поѣсть захотѣлось? да вѣдь прежде, чай, выпить надо!

— И то дѣло! гдѣ у тебя полштофъ-то?

Выпивши, Степанъ Владимірычъ принимается за колбасу, которая оказывается твердою какъ камень, соленою какъ сама соль и облеченною въ такой прочный пузырь, что нужно прибѣгнуть къ острому концу ножа, чтобы проткнуть его.

— Бѣлорыбицы бы теперь хорошо,—говоритъ онъ.

— Ужъ извините, сударь, совсѣмъ изъ памяти вонъ. Все утро помнилъ, даже женѣ говорилъ: безпремѣнно напомни объ бѣлорыбицѣ и—вотъ, словно грѣхъ случился!

— Ничего, и колбасы поѣдимъ. Походомъ или—не то ѣдали. Вотъ папенька разсказывалъ: англичанинъ съ англичаниномъ объ закладъ побился, что дохлую кошку съѣсть—и съѣлъ!

— Тсс... съѣлъ?

— Съѣлъ. Только тошнило его послѣ. Ромомъ вылечился. Двѣ бутылки залиомъ выпилъ—какъ рукой сняло. А то еще одинъ англичанинъ объ закладъ бился, что цѣлый годъ однимъ сахаромъ питаться будетъ.

— Выигралъ?

— Нѣтъ, двухъ сутокъ до году не дожилъ—околѣлъ! Да ты что-жъ самъ-то водочки бы долбанулъ?

— Съ роду не пивалъ.

— Чаемъ однимъ наливаешься? Нехорошо, братъ: оттого и брюхо у тебя растетъ. Съ чаемъ надобно тоже осторожно: чашку

выней, а сверху ромочкой прикрой. Чай мокроту накоплять, а водка разбиваетъ. Такъ, что-ли?

— Не знаю; вы—люди ученые, вамъ лучше знать.

— То-то. Мы какъ походомъ или—съ чаями да съ кофеями намъ некогда было возиться. А водка—святое дѣло: отвинтилъ манерку, налилъ, выпилъ—и шабашъ. Скоро ужъ больно насъ въ ту пору гнали, такъ скоро, что я дней десять не мывшись былъ!

— Много вы, сударь, трудовъ приняли!

— Много не много, а попробуй, попонтируй-ко по столбовой! Ну, да впередь-то идти все-таки нешто было: жертвуютъ, обѣдами кормятъ, вина въ волю. А вотъ какъ назадъ идти—чествовать-то ужъ и перестали!

Головлевъ съ усиліемъ грызетъ колбасу и наконецъ проглатываетъ одинъ кусокъ.

— Солоненька, братъ, колбаса-то! —говоритъ онъ:—впрочемъ, я не прихотливъ! Мать-то вѣдь тоже разногодами потчивать не станетъ: щецъ тарелку да каши чашку—вотъ и все!

— Богъ милостивъ! Можетъ, и пирожка въ праздничекъ пожалуетъ!

— Ни чаю, ни табаку, ни водки—это ты вѣрно сказалъ. Говорятъ, она нынче въ дураки играть любитъ стала—вотъ развѣ это? Ну, позоветъ играть и напоитъ чайкомъ. А ужъ насчетъ прочаго—ау, братъ!

На станціи остановились часа на четыре кормить лошадей. Головлевъ успѣлъ покончить съ полуштофомъ и его разбиралъ сильный голодъ. Пассажиры ушли въ избу и расположились обѣдать. Побродивъ по двору, заглянувъ на задворки и въ ясли къ лошадямъ, вспугнувши голубей и даже попробовавши заснуть, Степанъ Владимірычъ наконецъ убѣждается, что самое лучшее для него—это послѣдовать за прочими пассажирами въ избу. Тамъ на столѣ уже дымятся щи, а въ сторонкѣ, на деревянномъ лоткѣ, лежитъ большой кусъ говядины, которую Иванъ Михайлычъ крошитъ на мелкіе куски. Головлевъ садится нѣсколько поодаль, закуриваетъ трубку и долгое время не знаетъ, какъ поступить относительно своего насыщенія.

— Хлѣбъ да соль, господа!—наконецъ говоритъ онъ:—щи-то, кажется, жирныя?

— Ничего щи!—отзывается Иванъ Михайлычъ:—да вы бы, сударь, и себѣ спросили!

— Нѣтъ, я только къ слову, сытъ я!

— Чего сыты! Колбасы кусокъ съѣли, а съ ея, съ проклятой, еще пуще животъ пучитъ. Кушайте-ка! вотъ я велю въ сторонкѣ для васъ столикъ накрыть—кушайте на здоровье! Хозяюшка! накрой барину въ сторонкѣ—вотъ такъ!

Пассажиры молча приступаютъ къ ѣдѣ и только загадочно переглядываются между собой. Головлевъ догадывается, что его „проникли“, хотя онъ не безъ нахальства всю дорогу разыгрывалъ барина и называлъ Ивана Михайлыча своимъ казначеемъ. Брови у него насуплены, табачный дымъ такъ и валитъ изо рта. Онъ готовъ отказаться отъ ѣды, но требованія голода до того настоятельны, что онъ какъ-то хищно набрасывается на поставленную передъ нимъ чашку щей и мгновенно опоражниваетъ ее. Вмѣстѣ съ сытостью возвращается къ нему и самоувѣренность, и онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, говоритъ, обращаясь къ Ивану Михайлычу:

— Ну, братъ-казначей, ты ужъ и расплачивайся за меня, а я пойду на сѣновалъ съ Храповицкимъ поговорить!

Переваливаясь, отправляется онъ на сѣнникъ, и на этотъ разъ, такъ какъ желудокъ у него обремененъ, засыпаетъ богатырскимъ сномъ. Въ пять часовъ онъ опять уже на ногахъ. Видя, что лошади стоятъ у пустыхъ ясель и чешутся мордами объ края ихъ, онъ начинаетъ будить ямщика.

— Дрыхнетъ, каналья!—кричитъ онъ:—намъ къ спѣху, а онъ пріятные сны видитъ!

Такъ идетъ дѣло до станціи, съ которой дорога повертываетъ на Головлево. Только тутъ Степанъ Владимірычъ нѣсколько остепеняется. Онъ явно унадаетъ духомъ и дѣлается молчаливымъ. На этотъ разъ ужъ Иванъ Михайлычъ ободряетъ его и паче всего убѣждаетъ бросить трубку.

— Вы, сударь, какъ будете къ усадьбѣ подходить, трубку-то въ крапиву бросьте! послѣ найдете!

Наконецъ лошади, долженствующія везти Ивана Михайлыча дальше, готовы. Наступаетъ моментъ разставанія.

— Прощай, братъ! —говоритъ Головлевъ дрогнувшимъ голосомъ, цѣлуя Ивана Михайлыча: — забудь она меня!

— Богъ милостивъ! вы тоже не слишкомъ пугайтесь!

— Заѣстъ!—повторяетъ Степанъ Владимірычъ такимъ убѣжденнымъ тономъ, что Иванъ Михайлычъ невольно опускаетъ глаза.

Сказавши это, Головлевъ круто поворачиваетъ по направленію просѣка и начинаетъ шагать, опираясь на суковатую палку, которую онъ передъ тѣмъ срѣзалъ отъ дерева.

Иванъ Михайлычъ нѣкоторое время слѣдитъ за нимъ и потомъ бросается ему въ догонку.

— Вотъ что, баринъ!—говоритъ онъ, нагоняя его:—давеча, какъ ополченку вашу чистилъ, такъ три цѣлковенькихъ въ боковомъ карманѣ видѣлъ—не оброните какъ-нибудь ненарокомъ!

Степанъ Владимірычъ видимо колеблется и не знаетъ, какъ ему поступить въ этомъ случаѣ. Наконецъ онъ протягиваетъ Ивану Михайлычу руку и говоритъ сквозь слезы:

— Понимаю... служивому на табакъ... благодарю! А что касается до того... заѣстъ она меня, другъ любезный! вотъ помяни мое слово—заѣстъ!

Головлевъ окончательно поворачивается лицомъ къ просѣку, и черезъ пять минутъ уже далеко мелькаетъ его сѣрый ополченскій картузъ, то исчезая, то вдругъ появляясь изъ-за чащи лѣсной поросли. Время стоитъ еще раннее, шестой часъ въ началѣ; золотистый утренній туманъ вьется надъ просѣкомъ, едва пропуская лучи только-что показавшагося на горизонтѣ солнца; трава блеститъ; воздухъ напоенъ запахами ели, грибовъ и ягодъ; дорога идетъ зигзагами по низменности, въ которой кишатъ безчисленныя стада птицъ. Но Степанъ Владимірычъ ничего не замѣчаетъ: все легкомысліе вдругъ соскочило съ него, и онъ идетъ словно на страшный судъ. Одна мысль до краевъ переполняетъ все его существо: еще три-четыре часа—и дальше идти уже некуда. Онъ припоминаетъ свою старую Головлевскую жизнь, и ему кажется, что передъ нимъ растворяются двери сырого подвала, что какъ только онъ переступитъ за порогъ этихъ дверей, такъ онѣ сейчасъ захлопнутся—и тогда все кончено. Припоминаются и другія подробности, хотя непосредственно до него не касающіяся, но несомнѣнно характеризующія Головлевскіе порядки. Вотъ дяденька Михаилъ Петровичъ (въ просторѣчіи „Мишка-буянъ"), который тоже принадлежитъ къ числу „постылыхъ" и котораго дѣдушка Петръ Ивановичъ заточилъ къ дочери

въ Головлево, гдѣ онъ жилъ въ людской и ѣлъ изъ одной чашки съ собакой Трезоркой. Вотъ тетенька Вѣра Михайловна, которая изъ милости жила въ Головлевской усадьбѣ у братца Владиміра Михайлыча и которая умерла „отъ умѣренности", потому что Арина Петровна кормила ее каждымъ кускомъ, съѣдаемымъ за обѣдомъ, и каждымъ полѣномъ дровъ, употребляемымъ для отопленія ея комнаты. То же самое, приблизительно, предстоитъ нережить и ему. Въ воображеніи его мелькаетъ безконечный рядъ безразвѣтныхъ дней, утопающихъ въ какой-то зіяющей сѣрой пропасти—и онъ невольно закрываетъ глаза. Отнынѣ онъ будетъ одинъ-на-одинъ съ злою старухою, и даже не злою, а только оцѣпенѣвшею въ апатіи властности. Эта старуха заѣстъ его, заѣстъ не мучительствомъ, а забвеніемъ. Не съ кѣмъ молвить слова, некуда бѣжать—вездѣ она, властная, цѣпенящая, презирающая. Мысль объ этомъ неотразимомъ будущемъ до такой степени всего его наполнила тоской, что онъ остановился около дерева и нѣсколько времени бился объ него головой. Вся его жизнь, исполненная кривлянья, бездѣльничества, буфонства, вдругъ словно освѣтилась передъ его умственнымъ окомъ. Онъ идетъ теперь въ Головлево, онъ знаетъ, что̀ ожидаетъ тамъ его — и все-таки идетъ, и не можетъ не идти. Нѣтъ у него другой дороги. Самый послѣдній изъ людей можетъ что-нибудь для себя сдѣлать, можетъ добыть себѣ хлѣба—онъ одинъ ничего не можетъ. Эта мысль словно впервые проснулась въ немъ. И прежде ему случалось думать о будущемъ и рисовать себѣ всякаго рода перспективы, но это были всегда перспективы дарового довольства и никогда—перспективы труда. И вотъ теперь ему предстояла расплата за тотъ угаръ, въ которомъ безслѣдно потонуло его прошлое. Расплата горькая, выражавшаяся въ одномъ ужасномъ словѣ: „заѣстъ!"

Было около девяти часовъ утра, когда изъ-за лѣса показалась бѣлая Головлевская колокольня.

Лицо Степана Владимірыча побѣднѣло, руки затряслись: онъ снялъ картузъ и перекрестился. Вспомнилась ему евангельская притча о блудномъ сынѣ, возвращающемся домой, но онъ тотчасъ же понялъ, что въ примѣненіи къ нему подобныя воспоминанія составляютъ только одно обольщеніе. Наконецъ онъ отыскалъ глазами поставленный близъ дороги межевой столбъ и очутился на Головлевской землѣ, на той постылой землѣ, которая родила его постылымъ, вскормила посты-

лымъ, выпустила постылымъ на всѣ четыре стороны и теперь, постылаго же, вновь принимаетъ его въ свое лоно. Солнце стояло уже высоко и безпощадно палило безконечныя Головлевскія поля. Но онъ блѣдиѣлъ все больше и больше и чувствовалъ, что его начинаетъ знобить.

Наконецъ онъ дошелъ до погоста, и тутъ бодрость окончательно оставила его. Барская усадьба смотрѣла изъ-за деревьевъ такъ мирно, словно въ ней не происходило ничего особеннаго; но на него ея видъ произвелъ дѣйствіе медузиной головы. Тамъ чудился ему гробъ. „Гробъ! гробъ! гробъ!" повторялъ онъ безсознательно про себя. И не рѣшился-таки идти прямо въ усадьбу, а зашелъ прежде къ священнику и послалъ его извѣстить о своемъ приходѣ и узнать, приметъ ли его маменька.

Попадья при видѣ его закручинилась и захлопотала объ яичницѣ; деревенскіе мальчишки столпились вокругъ него и смотрѣли на барина изумленными глазами; мужики, проходя мимо, молча снимали шапки и какъ-то загадочно взглядывали на него; какой-то старикъ дворовый даже подбѣжалъ и попросилъ у барина ручку поцѣловать. Всѣ понимали, что передъ ними постылый, который пришелъ въ постылое мѣсто, пришелъ навсегда, и нѣтъ для него отсюда выхода, кромѣ какъ ногами впередъ на погостъ. И всѣмъ дѣлалось въ одно и то же время и жалко, и жутко.

Наконецъ попъ пришелъ и сказалъ, что „маменька готовы принять" Степана Владимірыча. Черезъ десять минутъ онъ былъ уже *тамъ*. Арина Петровна встрѣтила его торжественно-строго и смѣрила съ ногъ до головы ледянымъ взглядомъ; но никакихъ безполезныхъ упрековъ не позволила себѣ. И въ комнаты не допустила, а такъ на дѣвичьемъ крыльцѣ свидѣлась и разсталась, приказавъ проводить молодого барина черезъ другое крыльцо къ паненькѣ. Старикъ дремалъ въ постели, покрытой бѣлымъ одѣяломъ, въ бѣломъ колпакѣ, весь бѣлый, словно мертвецъ. Увидѣвши его, онъ проснулся и идіотски захохоталъ.

— Что, голубчикъ! попался къ вѣдьмѣ въ лапы!—крикнулъ онъ, покуда Степанъ Владимірычъ цѣловалъ его руку. Потомъ крикнулъ нѣтухомъ, опять захохоталъ и нѣсколько разъ сряду повторилъ:— съѣстъ! съѣстъ! съѣстъ!

— Съѣстъ!—словно эхо, откликнулось и въ его душѣ.

Предвидѣнія его оправдались. Его помѣстили въ особой комнатѣ того флигеля, въ которомъ помѣщалась и контора. Туда принесли ему бѣлье изъ домашняго холста и старый паненькинъ халатъ, въ который онъ и облачился немедленно. Двери склепа растворились, пропустили его и—захлопнулись.

Потянулся рядъ вялыхъ, безобразныхъ дней, одинъ за другимъ утопающихъ въ сѣрой, зіяющей безднѣ времени. Арина Петровна не принимала его; къ отцу его тоже не допускали. Дня черезъ три бурмистръ Финогей Ипатычъ объявилъ ему отъ маменьки „положеніе", заключавшееся въ томъ, что онъ будетъ получать столъ и одёжу, и сверхъ того по фунту Фалера *) въ мѣсяцъ. Онъ выслушалъ маменькину волю и только замѣтилъ:

— Нинь, вѣдь, старая! Пропохала, что Жуковъ два рубля, а Фалеръ рубль девяносто стоитъ—и тутъ десять копѣечекъ ассигнаціями въ мѣсяцъ утянула! Вѣрно нищему на мой счетъ подать собиралась!

Признаки нравственнаго отрезвленія, появившіеся-было въ тѣ часы, покуда онъ приближался проселкомъ къ Головлеву, вновь куда-то исчезли. Легкомысліе опять вступило въ свои права, а вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало и примиреніе съ „маменькинымъ положеніемъ". Будущее, безнадежное и безвыходное, однажды блеснувшее его уму и наполнившее его трепетомъ, съ каждымъ днемъ все больше и больше заволакивалось туманомъ и наконецъ совсѣмъ перестало существовать. На сцену выступилъ насущный день, съ его циническою наготою, и выступилъ такъ назойливо и нагло, что всецѣло заполонилъ всѣ помыслы, все существо. Да и какую роль можетъ играть мысль о будущемъ, когда теченіе всей жизни безповоротно и въ самыхъ малѣйшихъ подробностяхъ уже рѣшено въ умѣ Арины Петровны?

Цѣлыми днями шагалъ онъ взадъ и впередъ по отведенной комнатѣ, не выпуская трубки изо рта и напѣвая кой-какіе обрывки изъ пѣсень, причемъ церковные напѣвы неожиданно смѣшались разухабистыми, и наоборотъ. Когда въ конторѣ находился на-лицо земскій, то онъ заходилъ къ нему и высчитывалъ доходы, получаемые Ариной Петровной.

*) Извѣстный въ то время табачный фабрикантъ, конкурриров. вмѣ съ Жуковымъ.

— И куда она экую прорву деньжищъ дѣваетъ! — удивлялся онъ, досчитываясь до цифры слишкомъ въ восемьдесятъ тысячъ на ассигнаціи: — братьямъ, я знаю, не ахти сколько посылаетъ, сама живетъ скаредно, отца соленными полотками кормитъ... Въ ломбардъ! больше некуда, какъ въ ломбардъ кладетъ!

Иногда въ контору приходилъ и самъ Финогей Ипатычъ съ оброками, и тогда на конторскомъ столѣ раскладывались по пачкамъ тѣ самыя деньги, на которыя такъ разгорались глаза у Степана Владимірыча.

— Ишь, пропасть какая деньжищъ! — восклицалъ онъ: — и всѣ-то къ ней въ хайло уйдутъ! нѣтъ того, чтобъ сыну пачечку удѣлить! на-моль, сынъ мой, въ горести находящійся! вотъ тебѣ на вино и на табакъ!

И затѣмъ начинались безконечные и исполненные цинизма разговоры съ Яковомъ-земскимъ о томъ, какими бы средствами сердце матери такъ смягчить, чтобъ она души въ немъ не чаяла.

— Въ Москвѣ у меня мѣщанинъ знакомый былъ, — разсказывалъ Головлевъ: — такъ онъ „слово“ зналъ... Бывало, какъ не захочетъ ему мать денегъ дать, онъ это „слово“ и скажетъ... И сейчасъ это все ее корчить начнетъ, руки, ноги — словомъ, все!

— Порчу, стало быть, какую-нибудь-есть шушаль! — догадывался Яковъ-земскій.

— Ну, ужъ тамъ какъ хочешь разумѣй, а только истинная это правда, что такое „слово“ есть. А то еще одинъ человѣкъ сказывалъ: возьми, говоритъ, живую лягушку и положи ее въ глухую полночь въ муравейникъ; къ утру муравьи ее всю объѣдятъ, останется одна косточка; вотъ эту косточку ты возьми, и покуда она у тебя въ карманѣ — что хочешь у любой бабы проси, ни въ чемъ тебѣ отказу не будетъ.

— Что жъ, это хоть сейчасъ сдѣлать можно!

— То-то, братъ, что сперва проклятіе на себя наложить нужно! Кабы не это... то-то бы вѣдьма мелкимъ бѣсомъ передо мной заплясала!

Цѣлые часы проводились въ подобныхъ разговорахъ, но средствъ все-таки не обрѣталось. Все — либо проклятіе на себя наложить приходилось, либо душу чорту продать. Въ результатѣ ничего другого не оставалось, какъ жить на „маменькиномъ положеніи“, поправляя

его нѣкоторыми произвольными поборами съ сельскихъ начальниковъ, которыхъ Степанъ Владимірычъ поголовно обложилъ данью въ свою пользу, въ видѣ табаку, чаю и сахару. Кормили его чрезвычайно плохо. Обыкновенно приносили остатки маменькина обѣда; а такъ какъ Арина Петровна была умѣренна до скупости, то естественно, что на его долю оставалось немного. Это было въ особенности для него мучительно, потому что съ тѣхъ поръ, какъ вино сдѣлалось для него запретнымъ плодомъ, аппетитъ его сильно усилился. Съ утра до вечера онъ голодалъ и только объ томъ и думалъ, какъ бы наѣсться. Подкарауливалъ часы, когда маменька отдыхала, бѣгалъ въ кухню, заглядывалъ даже въ людскую и вездѣ что-нибудь шарилъ. По временамъ садился у открытаго окна и поджидалъ, не проѣдетъ ли кто. Если проѣзжалъ мужикъ изъ своихъ, то останавливалъ его и облагалъ данью: яйцомъ, ватрушкой и т. д.

Еще при первомъ свиданіи Арина Петровна въ короткихъ словахъ выяснила ему полную программу его житья-бытья.—Поку́да живи!—сказала она:—вотъ тебѣ уголъ въ конторѣ, нитъ-бѣлье будешь съ моего стола, а на прочее—не погнѣвайся, голубчикъ! Разпословъ у меня отъ роду не бывало, а для тебя и подавно заводить не стану. Вотъ братья ужо пріѣдутъ: какое положеніе они промежду себя для тебя присовѣтуютъ—такъ я съ тобой и поступлю. Сама на душу грѣха брать не хочу—какъ братья рѣшатъ, такъ тому и быть!

И вотъ теперь онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ пріѣзда братьевъ. Но при этомъ онъ совсѣмъ не думалъ о томъ, какое вліяніе будетъ имѣть этотъ пріѣздъ на дальнѣйшую его судьбу (повидимому, онъ рѣшилъ, что объ этомъ и думать нечего), а загадывалъ только, привезетъ ли ему братъ Павелъ табаку и сколько именно.

— А можетъ и денегъ отвалитъ!—прибавляетъ онъ мысленно:—Порфишка-кровопивецъ—тотъ не дастъ, а Павелъ... Скажу ему: дай, братъ, служивому на вино... дастъ! какъ, чай, не дать!

Время проходило, и онъ не замѣчалъ его. Это была абсолютная праздность, которою онъ, однако, почти не тяготился. Только по вечерамъ было скучно, потому что земскій уходилъ часовъ въ восемь домой, а для него Арина Петровна не отпускала свѣчей, на томъ основаніи, что по комнатѣ взадъ и впередъ шагать и безъ свѣчей можно. Но онъ и къ этому скоро привыкъ и даже полюбилъ темноту, потому что въ темнотѣ сильнѣе разыгрывалось воображеніе и уносило его

далеко изъ постылаго Головлева. Одно его тревожило: сердце у него неспокойно было и какъ-то странно трепыхалось въ груди, въ особенности когда онъ ложился спать. Иногда онъ вскакивалъ съ постели, словно ошеломленный, и бѣгалъ по комнатѣ, держась рукой за лѣвую сторону груди.

— Ахъ, кабы околѣть! —думалось ему при этомъ:—нѣтъ, вѣдь не околѣю! А можетъ быть...

Но когда, однажды утромъ, земскій таинственно доложилъ ему, что ночью братцы пріѣхали, онъ невольно вздрогнулъ и измѣнился въ лицѣ. Что-то ребяческое вдругъ въ немъ проснулось: хотѣлось бѣжать поскорѣе въ домъ, взглянуть, какъ они одѣты, какіе постланы имъ постели и есть ли у нихъ такіе же дорожные несессеры, какіе онъ видѣлъ у одного ополченскаго капитана; хотѣлось послушать, какъ они будутъ говорить съ маменькой, подсмотрѣть, что будутъ имъ подавать за обѣдомъ. Словомъ сказать, хотѣлось и еще разъ пріобщиться къ той жизни, которая такъ упорно отметала его отъ себя, броситься къ матери въ ноги, вымолить ея прощеніе, и потомъ, на радостяхъ, пожалуй, съѣсть и уничтаннаго тельца. Еще въ домѣ было все тихо, а онъ ужъ сбѣгалъ къ повару на кухню и узналъ, что къ обѣду заказано: на горячее—щи изъ свѣжей капусты, небольшой горшокъ, да вчерашній супъ разогрѣть велѣно, на холодное—полотокъ соленый да сбоку двѣ пары котлеточекъ, на жаркое—баранину да сбоку четыре бекасика, на пирожное—малиновый пирогъ со сливками.

— Вчерашній супъ, полотокъ и баранина—это, братъ, постылому!—сказалъ онъ повару:—пирога, я полагаю, мнѣ тоже не дадутъ!

— Это—какъ будетъ угодно маменькѣ, сударь.

— Эхма! А было время, что и я дупелей ѣдалъ! ѣдалъ, братецъ! Однажды съ поручикомъ Гремыкинымъ даже на пари побился, что сряду пятнадцать дупелей съѣмъ—и выигралъ! Только послѣ этого цѣлый мѣсяцъ смотрѣть безъ отвращенія на нихъ не могъ!

— А теперь опять бы покушали?

— Не дастъ! А чего бы, кажется, жалѣть! Дупель—птица вольная: ни кормить ее, ни смотрѣть за ней—сама на свой счетъ живетъ! И дупель некупленный, и баранъ некупленный—а вотъ поди жъ

ты! знаетъ, вѣдьма, что дупель вкуснѣе баранины—ну, и не дастъ! Сгноитъ, а не дастъ! А на завтракъ чтò заказано?

— Печёнка заказана, грибы въ сметанѣ, сòчни.

— Ты бы хоть соченька мнѣ прислалъ... постарайся, братъ!

— Надо постараться. А вы вотъ чтò, сударь. Ужò, какъ завтракать братцы сядутъ, пришлите сюда земскаго: онъ вамъ парочку соченьковъ за пазухой принесетъ.

Все утро прождалъ Степанъ Владимірычъ, не придутъ ли братцы, но братцы не шли. Наконецъ, часовъ около одиннадцати, принесъ земскій два обѣщанныхъ сочня и доложилъ, что братцы сейчасъ отзавтракали и заперлись съ маменькой въ спальной.

Арина Петровна встрѣтила сыновей торжественно, удрученная горемъ. Двѣ дѣвки поддерживали ее подъ руки: сѣдые волосы прядями выбились изъ-подъ бѣлаго чепца, голова понурилась и покачивалась изъ стороны въ сторону, ноги едва волочились. Вообще она любила въ глазахъ дѣтей разыграть роль почтенной и удрученной матери, и въ этихъ случаяхъ съ трудомъ волочила ноги и требовала, чтобъ ее поддерживали подъ руки дѣвки. Степка-балбесъ называлъ такіе торжественные пріемы—архіерейскимъ служеніемъ, мать—архіерейшею, а дѣвокъ Польку и Юльку—архіерейскими жезлоносицами. Но такъ какъ былъ уже второй часъ ночи, то свиданіе произошло безъ словъ. Молча подала она дѣтямъ руку для цѣлованія, молча перецѣловала и перекрестила ихъ, и когда Порфирій Владимірычъ изъявилъ готовность хоть весь остатокъ ночи прокалякать съ милымъ другомъ маменькой, то махнула рукой, сказавъ:

— Ступайте! отдохните съ дороги! не до разговоровъ теперь; завтра поговоримъ.

На другой день, утромъ, оба сына отправились къ папенькѣ ручку поцѣловать, но папенька ручки не далъ. Онъ лежалъ на постели съ закрытыми глазами и, когда вошли дѣти, крикнулъ:

— Мытаря судить пріѣхали?.. Вонъ, фарисеи!.. вонъ!

Тѣмъ не менѣе Порфирій Владимірычъ вышелъ изъ папенькина кабинета взволнованный и заплаканный, а Павелъ Владимірычъ, какъ „истинно безчувственный идолъ“, только ковырялъ пальцемъ въ носу.

— Нехорошъ онъ у васъ, добрый другъ маменька! ахъ, какъ нехорошъ!—воскликнулъ Порфирій Владимірычъ, бросаясь на грудь къ матери.

— Развѣ очень сегодня слабъ?

— Ужъ такъ слабъ, такъ слабъ! Не жилецъ онъ у васъ!

— Ну, поскрипитъ еще!

— Нѣтъ, голубушка, нѣтъ! И хотя ваша жизнь никогда не была особенно радостна, но какъ подумаешь, что столько ударовъ за-разъ... право, даже удивляешься, какъ это вы силу имѣете переносить эти испытанія!

— Что жъ, мой другъ, и перенесешь, коли Господу Богу угодно! Знаешь, въ писаніи-то что сказано: тяготы другъ другу носите—вотъ и выбралъ меня Онъ, Батюшко, чтобъ семейству своему тяготы носить!

Арина Петровна даже глаза зажмурила: такъ это хорошо ей показалось, что всѣ живутъ на всемъ на готовенькомъ, у всѣхъ-то все припасено, а она одна цѣлый-то день мается да всѣмъ тяготы носитъ.

— Да, мой другъ!—сказала она послѣ минутнаго молчанія:—тяжеленько-таки мнѣ на старости лѣтъ! Припасла я дѣтямъ на свой пай—пора бы и отдохнуть! Шутка сказать—четыре тысячи душъ! этакой-то махиной управлять въ мои лѣта! за всякимъ поглядди! всякаго усмѣдди! да походи, да пообѣгай! Хоть бы эти бурмистры да управители наши: ты не гляди, что онъ тебѣ въ глаза смотритъ! однимъ-то глазомъ онъ на тебя, а другимъ—въ лѣсъ норовитъ! Самый это народъ... маловѣрный! Ну, а ты что?—прервала она вдругъ, обращаясь къ Павлу:—въ носу ковыряешь?

— Мнѣ что жъ!—огрызнулся Павелъ Владимірычъ, обезпокоенный въ самомъ разгарѣ своего занятія.

— Какъ что! все же отецъ тебѣ—можно бы и пожалѣть!

— Что жъ—отецъ! Отецъ какъ отецъ... какъ всегда! Десять лѣтъ онъ такой! Всегда вы меня притѣсняете!

— Зачѣмъ мнѣ тебя притѣснять, другъ мой? я—мать тебѣ! Вотъ Порфиша: и приласкался, и пожалѣлъ—все какъ слѣдъ доброму сыну сдѣлалъ, а ты и на мать-то путемъ посмотрѣть не хочешь, все исподлобья да сбоку, словно она—не мать, а воротъ тебѣ! Не укуси, сдѣлай милость!

— Да что же я...

— Постой! помолчи минуту! дай матери слово сказать! Помнишь ли, что въ заповѣди-то сказано: чти отца твоего и матерь твою —и благо ти будетъ... стало быть, ты „блага“-то себѣ не хочешь?

Павелъ Владимірычъ молчалъ и смотрѣлъ на мать недоумѣвающими глазами.

— Вотъ видишь, ты и молчишь!—продолжала Арина Петровна:—стало быть, самъ чувствуешь, что плохи за тобой есть. Ну, да ужъ Богъ съ тобой! Для радостнаго свиданія оставимъ этотъ разговоръ. Богъ, мой другъ, все видитъ, а я... ахъ, какъ давно я тебя насквозь понимаю! Ахъ, дѣтушки, дѣтушки! вспомните мать, какъ въ могилѣ лежать будетъ, вспомните—да поздно ужъ будетъ!

— Маменька!—вступился Порфирій Владимірычъ:—оставьте эти черныя мысли! оставьте!

— Умирать, мой другъ, всѣмъ придется!—сентенціозно произнесла Арина Петровна:—не черныя эти мысли, а самыя, можно сказать... божественныя! Хирѣю я, дѣтушки, ахъ, какъ хирѣю! Ничего-то во мнѣ прежняго не осталось—слабость да хворость одна! Даже дѣвки-поганки замѣтили это—и въ усъ мнѣ не дуютъ! Я слово—онѣ два! я слово—онѣ десять! Одну только угрозу и имѣю на нихъ, что молодымъ господамъ, дескать, пожалуюсь! Ну, иногда и попритихнутъ!

Подали чай, потомъ завтракъ, въ продолженіе которыхъ Арина Петровна все жаловалась и умилялась сама надъ собой. Послѣ завтрака она пригласила сыновей въ свою спальную.

Когда дверь была заперта на ключъ, Арина Петровна немедленно приступила къ дѣлу, по поводу котораго былъ созванъ семейный совѣтъ.

— Балбесъ-то вѣдь явился!—начала она.

— Слышали, маменька, слышали!—отозвался Порфирій Владимірычъ не то съ иронiй, не то съ благодушіемъ человѣка, который только-что сытно покушалъ.

— Пришелъ, словно и дѣло сдѣлалъ, словно такъ и слѣдовало: сколько бы, молъ, я ни кутилъ, ни мутилъ, у старухи-матери всегда про меня кусокъ хлѣба найдется! Сколько я въ своей жизни ненависти отъ него видѣла! сколько отъ однихъ его буфонствъ да каверзовъ мученія вытерпѣла! Что я въ ту пору трудовъ приняла, чтобъ его на службу-то втереть!—и все какъ съ гуся вода! Наконецъ, билась-билась, думаю: Господи! да коли онъ самъ объ себѣ радѣть не

хочетъ—неужто я обязана изъ-за него, балбёса долговязаго, жизнь свою убивать! Дай, думаю, выкину ему кусокъ, авось свой грошъ въ руки попадетъ—постепенно будетъ! И выкинула. Сама и домъ-то для него высмотрѣла, сама собственными руками, какъ одну копѣйку, двѣнадцать тысячекъ серебромъ денегъ выложила! И что жъ! не прошло послѣ того и трехъ лѣтъ—анъ онъ и опять у меня на шеѣ повисъ! Долго ли мнѣ надругательства-то эти переносить?

Порфиша вскинулъ глазами въ потолокъ и грустно покачалъ головою, словно бы говорилъ: „о-о-охъ дѣла! дѣла! и нужно же милаго друга маменьку такъ безпокоить! сидѣли бы всѣ смирно, ладкомъ да миркомъ—ничего бы этого не было, и маменька бы не гнѣвалась... а-а-ахъ, дѣла, дѣла!" Но Аринѣ Петровнѣ, какъ женщинѣ, не терпящей, чтобы теченіе ея мыслей было чѣмъ бы то ни было прерываемо, движеніе Порфиши не понравилось.

— Нѣтъ, ты погоди головой-то вертѣть,—сказала она:—ты прежде выслушай! Каково мнѣ было узнать, что онъ родительское-то благословеніе, словно обглоданную кость, въ помойную яму выбросилъ? Каково мнѣ было чувствовать, что я, съ позволенія сказать, ночей не досыпала, куска не доѣдала, а онъ—натко! Словно вотъ взялъ, купилъ на базарѣ бирюльку—не понадобилась, и выкинулъ ее за окно! Это родительское-то благословеніе!

— Ахъ, маменька! Это такой поступокъ! такой поступокъ!—началъ-было Порфирій Владимірычъ, но Арина Петровна опять остановила его.

— Стой! погоди! когда я прикажу, тогда свое мнѣніе скажешь! И хоть бы онъ меня, мерзавецъ, предупредилъ! Виноватъ, молъ, маменька, такъ и такъ—не воздержался! Я вѣдь и сама, когда вовремя, съумѣла бы за безцѣнокъ домъ-то пріобрѣсти! Не съумѣлъ недостойный сынъ пользоваться—пусть попользуются достойныя дѣти! Вѣдь онъ, шутя-шутя, домъ-то, пятнадцать процентовъ въ годъ интересу принесетъ! Можетъ быть, я бы ему за это еще тысячку рублей на бѣдность выкинула! А то—натко! сижу здѣсь, ни сномъ, ни духомъ не вижу, а онъ ужъ и распорядился! Двѣнадцать тысячъ собственными руками за домъ выложила, а онъ его съ аукціона въ восьми тысячахъ спустилъ!

— А главное, маменька, что онъ съ родительскимъ благословеніемъ такъ низко поступилъ!—поспѣшилъ скороговоркой прибавить

Порфирій Владимірычъ, словно опасаясь, чтобъ маменька вновь не прервала его.

— И это, мой другъ, да и то. У меня, голубчикъ, деньги-то не шальныя: я не танцами да курантами пріобрѣла ихъ, а хребтомъ да потомъ. И какъ богатства-то достигала? Какъ за паненьку-то я шла, у него только и было, что Головлево, сто-одна душа, да въ дальнихъ мѣстахъ гдѣ двадцать, гдѣ тридцать—душъ съ полтораста набралось! А у меня, у самой-то—и всего ничего! И нутко, при такихъ-то средствахъ, какую махину выстроила! Четыре-то тысячи душъ — ихъ вѣдь не скроешь! И хотѣла бы въ могилку съ собой унести, да нельзя! Какъ ты думаешь, легко мнѣ онѣ, эти четыре тысячи душъ, достались? Нѣтъ, другъ мой любезный, такъ нелегко, такъ нелегко, что, бывало, ночью не спишь —все тебѣ мерещится, какъ бы такъ дѣльце умненько обдѣлать, чтобъ до времени никто и пронюхать объ немъ не могъ! Да чтобы кто-нибудь не перебилъ, да чтобы конѣчки линиенькой не истратить! И чего я ни попробовала! и слякоть-то, и распутицу-то, и гололедицу-то—всего отвѣдала! Это ужъ въ послѣднее время я въ тарантасахъ-то роскошничать начала, а въ первое-то время соберутъ, бывало, телѣжонку крестьянскую, кибитчонку кой-какую на нее навяжутъ, пару лошадей запрягутъ—и и лечусь трюхъ-трюхъ до Москвы! Плетусь, а сама все думаю: а ну, какъ кто-нибудь имѣнье-то у меня перебьетъ! Да и въ Москву пріѣдешь, у Рогожской на постояломъ остановишься, вони да грязи—все я, друзья мои, вытерпѣла! На извозчика, бывало, гривенника жаль—на своихъ на двоихъ отъ Рогожской до Солянки иру! Даже дворники—и тѣ дивятся: „барыня, говорятъ, ты молоденькая и съ достаткомъ, а такіе труды на себя принимаешь!" А я все молчу да терплю. И денегъ-то у меня въ первый разъ всего тридцать тысячъ на ассигнаціи было—паненькины кусочки дальніе, душъ со сто продала—да съ этою-то суммой и пустилась я, шутка сказать, тысячу душъ покупать! Отслужила у Иверской молебенъ, да и пошла на Солянку счастья попытать. И что жъ вѣдь! Словно видѣла Заступница мои слезы горькія—оставила-таки имѣніе за мной! И чудо какое: какъ я тридцать тысячъ, окромѣ казеннаго долга, надавала, такъ словно вотъ весь аукціонъ перерѣзала! Прежде и галдѣли, и горячились, а тутъ и надбавлять перестали, и стало вдругъ тихо-тихо кругомъ. Всталъ это присутствующій, поздравлять меня, а я

ничего не понимаю! Стрянчій тутъ былъ, Иванъ Николаичъ, подошелъ ко мнѣ: „съ покупочкой, говоритъ, сударыня!“ а я словно вотъ столбъ деревянный стою! И какъ вѣдь милость-то Божія велика! Подумайте только: еслибъ при такомъ моемъ изступленіи вдругъ кто-нибудь на озорство крикнулъ: „тридцать-пять тысячъ даю!“—вѣдь я, пожалуй, въ безпамятствѣ-то и всѣ сорокъ надавала бы! А гдѣ бы я ихъ взяла?!

Арина Петровна много разъ уже разсказывала дѣтямъ эпопею своихъ первыхъ шаговъ на аренѣ благопріобрѣтенія, но повидимому она и доднесь не утратила въ ихъ глазъ интереса новизны. Порфирій Владимірычъ слушалъ маменьку, то улыбаясь, то вздыхая, то закатывая глаза, то опуская ихъ, смотря по свойству перипетій, черезъ которыя она проходила. А Павелъ Владимірычъ даже большіе глаза раскрылъ, словно ребенокъ, которому разсказываютъ знакомую, но никогда не надоѣдающую сказку.

— А вы, чай, думаете, даромъ состояніе-то матери досталось! —продолжала Арина Петровна:—нѣтъ, друзья мои! даромъ-то и прыщъ на носу не вскочитъ: я послѣ первой-то покупки въ горячкѣ шесть недѣль вылежала! Вотъ теперь и судите: каково мнѣ видѣть, что послѣ такихъ-то, можно сказать, истязаній, трудовыя мои денежки, ни дай, ни вынеси за что, въ помойную яму выброшены!

Послѣдовало минутное молчаніе. Порфирій Владимірычъ готовъ былъ ризы на себѣ разодрать, но опасался, что въ деревнѣ, пожалуй, некому починить ихъ будетъ; Павелъ Владимірычъ, какъ только кончилась „сказка“ о благопріобрѣтеніи, сейчасъ же опустился и лицо его приняло прежнее апатичное выраженіе.

— Такъ вотъ я затѣмъ васъ и призвала,—вновь начала Арина Петровна:—судите вы меня съ нимъ, со злодѣемъ! Какъ вы скажете, такъ и будетъ! Его осудите—онъ будетъ виноватъ, меня осудите—я виновата буду. Только ужъ я себя злодѣю въ обиду не дамъ!—прибавила она совсѣмъ неожиданно.

Порфирій Владимірычъ почувствовалъ, что праздникъ на его улицѣ наступилъ, и разошелся соловьемъ. Но, какъ истинный крововикъ, онъ не приступилъ къ дѣлу прямо, а началъ съ околичностей.

— Если вы позволите мнѣ, милый другъ маменька, выразить мое мнѣніе,—сказалъ онъ, — то вотъ оно въ двухъ словахъ: дѣти обязаны повиноваться родителямъ, слѣпо слѣдовать указаніямъ ихъ,

покоить ихъ въ старости—вотъ и все. Что такое дѣти, милая маменька? Дѣти—это любящія существа, въ которыхъ все, начиная отъ нихъ самихъ и кончая послѣдней тряпкой, которую они на себѣ имѣютъ—все принадлежитъ родителямъ. Поэтому родители могутъ судить дѣтей; дѣти же родителей—никогда. Обязанность дѣтей—чтить, а не судить. Вы говорите: „судите меня съ нимъ!“ Это великодушно, милая маменька, велли-ко-лѣпно! Но можемъ ли мы безъ страха даже подумать объ этомъ, мы—отъ перваго дня рожденія облагодѣтельствованные вами съ головы до ногъ? Воля ваша, но это будетъ святотатство, а не судъ! Это будетъ такое святотатство, такое святотатство...

— Стой! погоди! коли ты говоришь, что не можешь меня судить, такъ оправь меня, а его осуди! — прервала его Арина Петровна, которая вслушивалась и никакъ не могла разгадать: какой такой подвохъ у Порфишки-кровопивца въ головѣ засѣлъ.

— Нѣтъ, голубушка маменька, и этого не могу! Или, лучше сказать, не смѣю и не имѣю права. Ни оправлять, ни обвинять — вообще судить не могу. Вы—мать: вамъ одинъ извѣстно, какъ съ нами, вашими дѣтьми, поступать. Заслужили мы — вознаградите насъ, провинились—накажите. Наше дѣло — повиноваться, а не критиковать. Еслибъ вамъ пришлось даже и переступить, въ минуту родительскаго гнѣва, мѣру справедливости—и тутъ мы не смѣемъ роптать, потому что пути Провидѣнія скрыты отъ насъ. Кто знаетъ? Можетъ быть, это и нужно такъ! Такъ-то и здѣсь: братъ Степанъ поступилъ низко, даже, можно сказать, черно, но опредѣлить степень возмездія, которое онъ заслуживаетъ за свой проступокъ, можете вы одни!

— Стало быть, ты отказываешься? Вынутывайтесь, моль, милая маменька, какъ сами знаете!

— Ахъ, маменька, маменька! и не грѣхъ это вамъ! Ахъ-ахъ-ахъ! Я говорю: какъ вамъ угодно рѣшить участь брата Степана, такъ пусть и будетъ—а вы... ахъ, какія вы черныя мысли во мнѣ предполагаете!

— Хорошо. Ну, а ты какъ?—обратилась Арина Петровна къ Павлу Владимірычу.

— Мнѣ что жъ! развѣ вы меня послушаетесь?—заговорилъ Павелъ Владимірычъ словно сквозь сонъ, но потомъ неожиданно захра-

рился и продолжалъ:—извѣстно, виноватъ... на куски рвать, въ стунъ истолочь... впередъ извѣстно... мнѣ что жъ!

Пробормотавши эти безсвязныя слова, онъ остановился и съ разинутымъ ртомъ смотрѣлъ на мать, словно самъ не вѣрилъ ушамъ своимъ.

— Ну, голубчикъ, съ тобой—послѣ!—холодно оборвала его Арина Петровна:—ты, я вижу, по Стёпкиным слѣдамъ идти хочешь... Ахъ, не ошибись, мой другъ! Покаешься послѣ—да поздно будетъ!

— Я что жъ! Я ничего!.. Я говорю: какъ хотите! что же тутъ... непочтительнаго?—спасовалъ Павелъ Владимірычъ.

— Послѣ, мой другъ, послѣ съ тобой поговоримъ! Ты думаешь, что офицеръ, такъ и управы на тебя не найдется! Найдется, голубчикъ, ахъ, какъ найдется! Такъ, значитъ, вы оба отъ судьбища отказываетесь?

— Я, милая маменька...

— И я тоже. Мнѣ что! По мнѣ, пожалуй, хоть на куски...

— Да замолчи, Христа ради... недобрый ты сынъ! (Арина Петровна понимала, что имѣла право сказать „негодяй", но ради радостнаго свиданія воздержалась.) Ну, ежели вы отказываетесь, то приходится мнѣ ужъ собственнымъ судомъ его судить. И вотъ какое мое рѣшеніе будетъ: попробую и еще разъ добромъ съ нимъ поступить: отдѣлю ему маленькину вологодскую деревнюшку, велю тамъ флигелечекъ небольшой поставить—и пусть себѣ живетъ, въ родѣ какъ убогаго, на прокормленіи у крестьянъ!

Хотя Порфирій Владимірычъ и отказался отъ суда надъ братомъ, но великодушіе маменьки такъ поразило его, что онъ никакъ не рѣшился скрыть отъ нея опасныя послѣдствія, которыя влекла за собой сейчасъ высказанная мѣра.

— Маменька!—воскликнулъ онъ:—вы больше, чѣмъ великодушны! Вы видите передъ собой поступокъ... ну, самый низкій, черный поступокъ... и вдругъ все забыто, все прощено! Велли-колѣпно! Но извините меня... боюсь я, голубушка, за васъ! И какъ хотите меня судите, а на вашемъ мѣстѣ... я бы такъ не поступилъ!

— Это почему?

— Не знаю... Можетъ быть, во мнѣ нѣтъ этого великодушія... этого, такъ сказать, материнскаго чувства... Но все какъ-то сдается:

а что̀ ежели брать Степань, по свойственной ему испорченности, и съ этимъ вторымъ вашимъ родительскимъ благословеніемъ поступить точно такъ же, какъ и съ первымъ?

Оказалось однако, что соображеніе это ужъ было въ виду у Арины Петровны, но что въ то же время существовала и другая сокровенная мысль, которую и пришлось теперь высказать.

— Вологодское-то имѣніе вѣдь папенькино, родовое,—процѣдила она сквозь зубы: —рано или поздно все-таки придется ему изъ папенькина имѣнія часть выдѣлять.

— Понимаю я это, милый другъ маменька...

— А коли понимаешь, такъ, стало быть, понимаешь и то, что, выдѣливши ему вологодскую-то деревню, можно обязательство съ него стребовать, что онъ отъ папеньки отдѣленъ и всѣмъ доволенъ?

— Понимаю и это, голубушка маменька. Большую вы тогда, по добротѣ вашей, ошибку сдѣлали! Надо было тогда, когда вы домъ покупали —тогда надо было обязательство съ него взять, что онъ въ папенькино имѣнье не вступщикъ!

— Что̀ дѣлать! не догадалась!

— Тогда онъ, на радостяхъ-то, какую угодно бумагу бы подписалъ! А вы, по добротѣ вашей... ахъ, какая это ошибка была! такая ошибка! такая ошибка!

— „Ахъ" да „ахъ"!—ты бы въ ту пору, ахало, ахалъ, какъ время было. Теперь ты все готовъ матери на голову свалить, а чуть коснется до дѣла—тутъ тебя и нѣтъ! А впрочемъ, не объ бумагѣ и рѣчь: бумагу, пожалуй, я и теперь съумѣю отъ него вытребовать. Папенька-то не сейчасъ, чай, умретъ, а до тѣхъ поръ балбесу тоже пить-ѣсть надо. Не выдастъ бумаги—можно и на порогъ ему указать: жди папенькиной смерти! Нѣтъ, я все-таки знать желаю: тебѣ не нравится, что я вологодскую деревнюшку хочу ему отдѣлить?

— Промотаетъ онъ ее, голубушка! домъ промоталъ—и деревню промотаетъ!

— А промотаетъ, такъ пусть на себя и пеняетъ!

— Къ вамъ же вѣдь онъ тогда придетъ!

— Ну нѣтъ, это —дудки! И на порогъ къ себѣ его не пущу! Не только хлѣба—воды ему, постылому, не вышлю! И люди меня за это не осудятъ, и Богъ не накажетъ. Натко! домъ прожилъ, имѣ-

ніе прожилъ—да развѣ я крѣпостная его, чтобы всю жизнь на него одного приписать? Чай, у меня и другія дѣти есть!

— И все-таки къ вамъ онъ придетъ. Наглый вѣдь онъ, голубушка маменька!

— Говорю тебѣ: на порогъ не пущу! Что ты, какъ сорока, заладилъ: „придетъ“ да „придетъ“—не пущу!

Арина Петровна умолкла и уставилась глазами въ окно. Она и сама смутно понимала, что вологодская деревнюшка только временно освободитъ ее отъ „постылаго“ что, въ концѣ концовъ, онъ все-таки и ее промотаетъ и опять придетъ къ ней, и что, *какъ мать*, она *не можетъ* отказать ему въ углѣ; но мысль, что ея ненавистникъ останется при ней навсегда, что онъ, даже заточенный въ контору, будетъ, словно привидѣніе, ежемгновенно преслѣдовать ея воображеніе—эта мысль до такой степени давила ее, что она невольно всѣмъ тѣломъ вздрагивала.

— Ни за что! — крикнула она наконецъ, стукнувъ кулакомъ по столу и вскакивая съ кресла.

А Порфирій Владимірычъ смотрѣлъ на милаго друга маменьку и скорбно покачивалъ въ тактъ головою.

— А вѣдь вы, маменька, гнѣваетесь!—наконецъ произнесъ онъ такимъ умильнымъ голосомъ, словно собирался у маменьки брюшко пощекотать.

— А по твоему, въ плясъ, что-ли, я пуститься должна?

— А-а-ахъ! а что въ писаніи насчетъ терпѣнья-то сказано? Въ терпѣніи, сказано, стяжите души ваши! въ терпѣніи — вотъ какъ! Богъ-то, вы думаете, не видитъ? Нѣтъ, онъ все видитъ, милый другъ маменька! Мы, можетъ быть, и не подозрѣваемъ ничего, сидимъ вотъ; и такъ прикинемъ, и этакъ примѣримъ, а онъ тамъ ужъ и рѣшилъ: дай, молъ, пошлю я ей испытаніе! А-а-ахъ! а я-то думалъ, что вы, маменька, пàинька!

Но Арина Петровна очень хорошо поняла, что Порфишка-кровопивецъ только петлю закидываетъ, и потому окончательно разсердилась.

— Шутовку ты, что-ли, изъ меня сдѣлать хочешь! —прикрикнула она на него:—мать объ дѣлѣ говоритъ, а онъ — скоморошничаетъ! Нечего зубы-то мнѣ заговаривать! Сказывай, какая твоя мысль! Въ Головлевѣ, что-ли, его, у матери на шеѣ, оставить хочешь?

— Точно такъ, маменька, если милость ваша будетъ. Оставить его на томъ же положеніи, какъ и теперь, да и бумагу насчетъ наслѣдства отъ него вытребовать.

— Такъ... такъ... знала я, что ты это присовѣтуешь. Ну, хорошо. Положимъ, что сдѣлается по твоему. Какъ ни несносно мнѣ будетъ ненавистника моего всегда подлѣ себя видѣть—ну, да видно пожалѣть обо мнѣ некому. Молода была — крестъ несла, а старухѣ и подавно отъ креста отказываться не слѣдъ. Допустимъ это, будемъ теперь о другомъ говорить. Покуда мы съ нашенькой живы—ну, и онъ будетъ жить въ Головлевѣ, съ голоду не помретъ. А потомъ какъ?

— Маменька! другъ мой! зачѣмъ же черныя мысли?

— Черныя ли, бѣлыя ли—подумать все-таки надо. Не молоденькіе мы. Поколѣемъ оба—что съ нимъ тогда будетъ?

— Маменька! да неужто жъ вы на насъ, вашихъ дѣтей, не надѣетесь? въ такихъ ли мы правилахъ вами были воспитаны?—И Порфирій Владимірычъ взглянулъ на нее однимъ изъ тѣхъ загадочныхъ взглядовъ, которые всегда приводили ее въ смущеніе.

„Закидываетъ!“ откликнулось въ душѣ ея.

— Я, маменька, бѣдному-то еще съ большею радостью помогу! Богатому — что! Христосъ съ нимъ! у богатаго и своего довольно! А бѣдный—знаете ли, что Христосъ про бѣднаго-то сказалъ!

Порфирій Владимірычъ всталъ и поцѣловалъ у маменьки ручку.

— Маменька! позвольте мнѣ брату два фунта табаку подарить! —попросилъ онъ.

Арина Петровна не отвѣчала. Она смотрѣла на него и думала: „неужто онъ въ самомъ дѣлѣ такой кровопивецъ, что брата родного на улицу выгонитъ?“

— Ну, дѣлай какъ знаешь! Въ Головлевѣ—такъ въ Головлевѣ ему жить! — наконецъ сказала она: — окружилъ ты меня кругомъ! опуталъ! началъ съ того: какъ вамъ, маменька, будетъ угодно! а подъ конецъ заставилъ-таки меня подъ свою дудку плясать! Ну, только слушай ты меня! Ненавистникъ онъ мнѣ, всю жизнь онъ меня казнилъ да позорилъ, а наконецъ и надъ родительскимъ благословеніемъ моимъ надругался, а все-таки если ты его за порогъ выгонишь или въ люди заставишь идти — нѣтъ тебѣ моего благословенія! Нѣтъ,

нѣтъ и нѣтъ! Стунайте теперь оба къ нему! чай, онъ и буркалы-то свои проглядѣлъ, васъ высматриваючи!

Сыновья ушли, а Арина Петровна встала и слѣдила, какъ они, ни слова другъ другу не говоря, переходили черезъ красный дворъ къ конторѣ. Порфиша безпрестанно снимала картузъ и крестился: то на церковь, бѣлѣвшуюся вдали, то на часовню, то на деревянный столбъ, къ которому была прикрѣплена кружка для подаяній. Павлуша, повидимому, не могъ оторвать глазъ отъ своихъ сапоговъ, на кончикѣ которыхъ такъ и переливались лучи солнца.

— И для кого я припасала? ночей не досыпала, куска не доѣдала... для кого?—вырвался изъ груди ея вопль.

Братцы уѣхали; Головлевская усадьба запустѣла. Съ усиленною ревностью принялась Арина Петровна за прерванныя хозяйственныя занятія; притихла стукотня поварскихъ ножей на кухнѣ, но за то удвоилась дѣятельность въ конторѣ, въ амбарахъ, кладовыхъ, погребахъ и т. д. Лѣто-припасуха приближалось къ концу; шло варенье, соленье, приготовленіе впрокъ; отовсюду стекались запасы на зиму, изъ всѣхъ вотчинъ возами привозилась бабья натуральная повинность: сушеные грибы, ягоды, яйца, овощи и проч. Все это мѣрялось, принималось и присовокуплялось къ запасамъ прежнихъ годовъ. Не даромъ у Головлевской барыни была выстроена цѣлая линія погребовъ, кладовыхъ и амбаровъ; всѣ они были полнымъ-полнёхоньки и не мало было въ нихъ порченаго матеріала, къ которому приступить нельзя было ради гнилого запаха. Весь этотъ матеріалъ сортировался къ концу лѣта, и та часть его, которая оказывалась ненадежною, сдавалась въ застольную.

— Огурчики-то еще хороши, только сверху немножко словно поослизли, припахиваютъ; ну, да ужъ пусть дворовые полакомятся! —говорила Арина Петровна, приказывая отставить то ту, то другую кадку.

Степанъ Владимірычъ удивительно освоился съ своимъ новымъ положеніемъ. По временамъ ему до страсти хотѣлось „дерябнуть“, „куликнуть“ и вообще „закатиться“ (у него, какъ увидимъ дальше, были даже деньги для этого), но онъ съ самоотверженіемъ воздерживался, словно разсчитывая, что „самое время“ еще не наступило.

Теперь онъ былъ ежеминутно занятъ, ибо принималъ живое и суетливое участіе въ процессѣ приписанія, безкорыстно радуясь и печалясь удачамъ и неудачамъ Головлевскаго сосѣдства. Въ какомъ-то азартѣ пробирался онъ отъ конторы къ погребамъ, въ одномъ халатѣ, безъ шапки, хоронясь отъ матери позади деревьевъ и всевозможныхъ клѣтушекъ, загромождавшихъ красный дворъ (Арина Петровна, впрочемъ, не разъ замѣчала его въ этомъ видѣ, и закипало-таки ея родительское сердце, чтобъ Степку-балбеса хорошенько осадить, но, по размышленіи, она махнула на него рукой), и тамъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ слѣдилъ, какъ разгружались подводы, приносились съ усадьбы банки, бочонки, кадушки, какъ все это сортировалось и наконецъ исчезало въ зіяющей безднѣ погребовъ и кладовыхъ. Въ большей части случаевъ онъ оставался доволенъ.

— Сегодня рыжиковъ изъ Дубровина привезли двѣ телѣги—вотъ, братъ, такъ рыжики!—въ восхищеніи сообщалъ онъ земскому; — а мы ужъ думали, что на зиму безъ рыжиковъ останемся! Спасибо, спасибо дубровницамъ! молодцы дубровницы! выручили!

Или:

— Сегодня мать карасей въ пруду наловить велѣла—ахъ, хороши старики! Больше чѣмъ въ полгарнца есть! Должно быть, мы всю эту недѣлю карасями питаться будемъ!

Иногда, впрочемъ, и печалился.

— Огурчики-то, братъ, нынче не удались! Корявые да съ пятнами—нѣтъ настоящаго огурца, да и набанъ! Видно, прошлогодними будемъ питаться, а нынѣшніе—въ застольную, больше некуда!

Но вообще хозяйственная система Арины Петровны не удовлетворяла его.

— Сколько, братъ, она добра перегноила — страсть! Таскали нынче, таскали: солонину, рыбу, огурцы — все въ застольную велѣла отдать! Развѣ это—дѣло! развѣ разсчетъ — такимъ образомъ хозяйство вести? Свѣжаго запасу пропасть, а она и не прикоснется къ нему, покуда всей старой гнили не прiѣдетъ!

Увѣренность Арины Петровны, что со Степки-балбеса какую угодно бумагу безъ труда стребовать можно, оправдалась вполнѣ. Онъ не только безъ возраженій подписалъ всѣ присланныя ему матерью бумаги, но даже хвастался въ тотъ же вечеръ земскому:

— Сегодня, брать, я все бумаги подписывалъ. Отказныя все —чистъ теперь! Ни плошки, ни ложки—ничего теперь у меня нѣтъ, да и впредь не предвидится! Успокоилъ старуху!

Съ братьями онъ разстался мирно и былъ въ восторгѣ, что теперь у него цѣлый запасъ табаку. Конечно, онъ не могъ воздержаться, чтобъ не обозвать Порфишу кровопивушкой и Іудушкой, но выраженія эти совершенно незамѣтно утонули въ цѣломъ потокѣ болтовни, въ которой нельзя было уловить ни одной связной мысли. На прощанье братцы расщедрились и даже дали денегъ, причемъ Порфирій Владимірычъ сопровождалъ свой даръ слѣдующими словами:

— Маслица въ лампадку западобится или Богу свѣчечку поставить захочется—анъ деньги-то и есть. Такъ-то, брать! Живи-ко, брать, тихо да смирно—и маменька будетъ тобой довольна, и тебѣ будетъ покойно, и всѣмъ намъ весело и радостно. Мать—вѣдь она добрая, другъ!

— Добрая-то добрая, —согласился и Степанъ Владимірычъ:— только вотъ солониной протухлой кормитъ!

— А кто виноватъ? кто надъ родительскимъ благословеніемъ надругался?—самъ виноватъ, самъ имѣньице-то спустилъ! А имѣньице-то какое было: кругленькое, превыгодное, пречудесное имѣньице! Вотъ кабы ты повелъ себя скромненько да ладненько, былъ бы ты и говядинку, и телятинку, а не то такъ и соусцу бы приказалъ. И всего было бы у тебя довольно: и картофельцу, и капустки, и горошку... Такъ ли, братъ, я говорю?

Еслибъ Арина Петровна слышала этотъ діалогъ, навѣрно она не воздержалась бы, чтобъ не сказать: „ну, затарантила таранта!" Но Степка-балбесъ именно тѣмъ и счастливъ былъ, что слухъ его, такъ сказать, не задерживалъ посторонникъ рѣчей. Іудушка могъ говорить сколько угодно и быть вполнѣ увѣреннымъ, что ни одно его слово не достигнетъ по назначенію.

Однимъ словомъ, Степанъ Владимірычъ проводилъ братьевъ дружелюбно и не безъ самодовольства показалъ Якову-земскому двѣ двадцатипяти-рублевыя бумажки, очутившіяся въ его рукѣ послѣ прощанія.

— Теперь, брать, мнѣ надолго станетъ! — сказалъ онъ:—табакъ у насъ есть, чаемъ и сахаромъ мы обезпечены, только вина недоставало—захотимъ, и вино будетъ! Впрочемъ, покуда еще придер-

жусь—времени теперь нѣтъ, на погребъ бѣжать надо! Не присмотри кроначку—мигомъ растащатъ! А видѣла, братъ, она меня, видѣла, вѣдьма, какъ я однажды около застольной по стѣнкѣ пробирался! Стоитъ это у окна, смотритъ, чай, на меня да думаетъ: „то-то я огурцовъ не досчитываюсь,—анъ вотъ оно что“.

Но вотъ наконецъ и октябрь на дворѣ; полились дожди; улица почернѣла и сдѣлалась непроходимою. Степану Владимірычу некуда было выйти, потому что на ногахъ у него были заношенныя папенькины туфли, на плечахъ старый папенькинъ халатъ. Безвыходно сидѣлъ онъ у окна въ своей комнатѣ и сквозь двойныя рамы смотрѣлъ на крестьянскій поселокъ, утонувшій въ грязи. Тамъ, среди сѣрыхъ испареній осени, словно черныя точки, проворно мелькали люди, которыхъ не успѣла сломить лѣтняя страда. Страда не прекращалась, а только получила новую обстановку, въ которой лѣтніе ликующіе тоны замѣнились непрерывающимися осенними сумерками. Овины курились за полночь; стукъ цѣповъ унылою дробью разносился по всей окрестности. Въ барскихъ ригахъ тоже шла молотьба и въ конторѣ поговаривали, что врядъ ли ближе масляницы управиться со всей массой господскаго хлѣба. Все глядѣло сумрачно, сонно, все говорило объ угнетеніи. Двери конторы уже не были отперты настежь, какъ лѣтомъ, и въ самомъ ея помѣщеніи плавалъ сизый туманъ отъ испареній мокрыхъ полушубковъ.

Трудно сказать, какое впечатлѣніе производила на Степана Владимірыча картина трудовой деревенской осени, и даже сознавалъ ли онъ въ ней страду, продолжающуюся среди мѣсива грязи, подъ непрерывнымъ ливнемъ дождя; но достовѣрно, что сѣрое, вѣчно слезящееся небо осени давило его. Казалось, что оно виситъ непосредственно надъ его головой и грозитъ утопить его въ развернувшихся хлѣбяхъ земли. У него не было другого дѣла, какъ смотрѣть въ окно и слѣдить за грузными массами облаковъ. Съ утра, чуть брезжилъ свѣтъ, ужъ весь горизонтъ былъ сплошь обложенъ ими; облака стояли словно застывшія, очарованныя: проходилъ часъ, другой, третій, а они все стояли на одномъ мѣстѣ и даже незамѣтно было ни малѣйшей перемѣны ни въ колерѣ, ни въ очертаніяхъ ихъ. Вотъ это облако, что пониже и почернѣе другихъ: и давеча оно имѣло разорванную форму (точно попъ въ рясѣ съ распростертыми врозь руками), отчетливо выступавшую на бѣлесоватомъ фонѣ верхнихъ облаковъ

—и теперь, въ полдень, сохранило ту же форму. Правая рука, правда, покороче сдѣлалась, за то лѣвая безобразно вытянулась, и льетъ изъ нея, льетъ такъ, что даже на темномъ фонѣ неба обозначилась еще болѣе темная, почти черная полоса. Вонъ и еще облако подальше: и давеча оно громаднымъ косматымъ комомъ висѣло надъ сосѣдней деревней Наголовкой и, казалось, угрожало задушить ее и теперь тѣмъ же косматымъ комомъ на томъ же мѣстѣ виситъ, а лапы книзу протянуло, словно вотъ-вотъ спрыгнуть хочетъ. Облака, облака и облака—такъ весь день. Часовъ около пяти послѣ обѣда совершается метаморфоза: окрестность постепенно заволакивается, заволакивается и наконецъ совсѣмъ пропадаетъ. Сначала облака исчезнутъ и всѣ затянутся безразличной черной пеленою; потомъ куда-то пропадетъ лѣсъ и Наголовка: за нею утонетъ церковь, часовня, ближній крестьянскій поселокъ, фруктовый садъ, и только глазъ, пристально слѣдящій за процессомъ этихъ таинственныхъ исчезновеній, еще можетъ различать стоящую въ нѣсколькихъ саженяхъ барскую усадьбу. Въ комнатѣ ужъ совсѣмъ темно; въ конторѣ еще сумеричаютъ, не зажигаютъ огня; остается только ходить, ходить, ходить безъ конца. Болѣзненная истома сковываетъ умъ; во всемъ организмѣ, несмотря на бездѣятельность, чувствуется безпричинное, невыразимое утомленіе; одна только мысль мечется, сосетъ и давитъ—и эта мысль: гробъ! гробъ! гробъ! Вотъ эти точки, что давеча мелькали на темномъ фонѣ грязи, около деревенскихъ гуменъ—ихъ эта мысль не гнететъ, и онѣ не погибнутъ подъ бременемъ унынія и истомы: онѣ сѣли и не борются прямо съ небомъ, то по крайней мѣрѣ барахтаются, что-то устраиваютъ, ограждаютъ, ухичиваютъ. Стоитъ ли ограждать и ухичивать то, надъ устройствомъ чего онъ день и ночь выбиваются изъ силъ—это не приходило ему на умъ; но онъ сознавалъ, что даже и эти безъимянныя точки стоятъ неизмѣримо выше его, что онъ и барахтаться не можетъ, что ему нечего ни ограждать, ни ухичивать.

Вечера онъ проводилъ въ конторѣ, потому что Арина Петровна по прежнему не отпускала для него свѣчей. Нѣсколько разъ просилъ онъ черезъ бурмистра, чтобъ прислали ему сапоги и полушубокъ, но получилъ отвѣтъ, что сапоговъ для него не припасено, а вотъ наступятъ заморозки, то будутъ ему выданы валенки. Очевидно, Арина Петровна намѣревалась буквально выполнить свою программу; со-

держать постылаго въ такой мѣрѣ, чтобъ онъ только не умеръ съ голоду. Сначала онъ ругалъ мать, но потомъ словно забылъ объ ней: сначала онъ что-то припоминалъ, потомъ переставалъ и припоминать. Даже свѣтъ свѣчей, зажженныхъ въ конторѣ, и тотъ опостылѣлъ ему, и онъ затворялся въ своей комнатѣ, чтобъ остаться одинъ-на-одинъ съ темнотою. Впереди у него былъ только одинъ ресурсъ, котораго онъ покуда еще боялся, но который съ неудержимою силой тянулъ его къ себѣ. Этотъ ресурсъ—напиться и позабыть. Позабыть глубоко, безвозвратно, окунуться въ волну забвенія до того, чтобъ и выкарабкаться изъ нея было нельзя. Все увлекало его въ эту сторону: и буйныя привычки прошлаго, и насильственная бездѣятельность настоящаго, и больной организмъ съ удушливымъ кашлемъ, съ несносною, ничѣмъ не вызываемою одышкой, съ постоянно усиливающимися колотьями сердца. Наконецъ онъ не выдержалъ.

— Сегодня, братъ, надо ночью штофъ припасти,—сказалъ онъ однажды земскому голосомъ, не предвѣщавшимъ ничего добраго.

Сегодняшній штофъ привелъ за собой цѣлый послѣдовательный рядъ новыхъ, и съ этихъ поръ онъ аккуратно каждую ночь напивался. Въ девять часовъ, когда въ конторѣ гасили свѣтъ и люди расходились по своимъ логовищамъ, онъ ставилъ на столъ принесенный штофъ съ водкой и ломоть чернаго хлѣба, густо посыпанный солью. Не сразу приступалъ онъ къ водкѣ, а словно подкрадывался къ ней. Кругомъ все засыпало мертвымъ сномъ; только мыши скреблись за отставшими отъ стѣнъ обоями да часы назойливо чикали въ конторѣ. Снявши халатъ, въ одной рубашкѣ, сновалъ онъ взадъ и впередъ по жарко натопленной комнатѣ, по временамъ останавливался, подходилъ къ столу, нашаривалъ въ темнотѣ штофъ и вновь принимался за ходьбу. Первыя рюмки онъ выпивалъ съ прибаутками, сладострастно всасывая въ себя жгучую влагу; но мало-по-малу біеніе сердца учащалось, голова загоралась и языкъ начиналъ бормотать что-то несвязное. Притупленное воображеніе силилось создать какіе-то образы, помертвѣлая память пробовала прорваться въ область прошлаго; но образы выходили разорванные, безсмысленные, а прошлое не откликалось ни единымъ воспоминаніемъ, ни горькимъ, ни свѣтлымъ, словно между нимъ и настоящей минутой разъ навсегда встала плотная стѣна. Передъ нимъ было только настоящее въ формѣ наглухо запертой тюрьмы, въ которой безслѣдно потонула и идея

пространства, и идея времени. Комната, печь, три окна въ наружной стѣнѣ, деревянная скрипучая кровать и на ней тонкій, притоптанный тюфякъ, столъ съ стоящимъ на немъ штофомъ—ни до какихъ другихъ горизонтовъ мысль не додумывалась. Но по мѣрѣ того, какъ убывало содержаніе штофа, по мѣрѣ того, какъ голова распалялась, даже и это скудное чувство настоящаго становилось не подъ силу. Бормотанье, имѣвшее вначалѣ хоть какую-нибудь форму, окончательно разлагалось; зрачки глазъ, усиливаясь различить очертанія тьмы, безмѣрно расширялись; самая тьма наконецъ исчезала и взамѣнъ ея являлось пространство, наполненное фосфорическимъ блескомъ. Это была безконечная пустота, мертвая, не откликающаяся ни единымъ жизненнымъ звукомъ, зловѣще-лучезарная. Она слѣдовала за нимъ по пятамъ, за каждымъ оборотомъ его шаговъ. Ни стѣнъ, ни оконъ, ничего не существовало; одна безгранично тянущаяся, свѣтящаяся пустота. Ему становилось страшно; ему нужно было заморить въ себѣ чувство дѣйствительности до такой степени, чтобъ даже пустоты этой не было. Еще нѣсколько усилій — и онъ былъ у цѣли. Спотыкающіяся ноги изъ стороны въ сторону носили онѣмѣвшее тѣло, грудь издавала не бормотанье, а крикъ; самое существованіе какъ бы прекращалось. Наступало то странное ощущеніе, которое, неся на себѣ всѣ признаки отсутствія сознательной жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно указывало на присутствіе какой-то особенной жизни, развивавшейся независимо отъ какихъ бы то ни было условій. Стоны за стонами вырывались изъ груди, нимало не нарушая сна; органическій недугъ продолжалъ свою разъѣдающую работу, не причиняя повидимому физическихъ болей.

Утромъ онъ просыпался со свѣтомъ, и вмѣстѣ съ нимъ просыпались: тоска, отвращеніе, ненависть. Ненависть безъ протеста, ничѣмъ не обусловленная, ненависть къ чему-то неопредѣленному, не имѣющему образа. Воспаленные глаза безсмысленно останавливаются то на одномъ, то на другомъ предметѣ и долго и пристально смотрятъ; руки и ноги дрожатъ; сердце то замретъ, словно внизъ покатится, то начнетъ колотить съ такою силой, что рука невольно хватается за грудь. Ни одной мысли, ни одного желанія. Передъ глазами печка, и мысль до того переполняется этимъ представленіемъ, что не принимаетъ никакихъ другихъ впечатлѣній. Потомъ окно замѣнило печку, окно, окно, окно... Не нужно ничего; ничего, ничего не

нужно. Трубка набивается и закуривается машинально и недокуренная опять выпадаетъ изъ рукъ; языкъ что-то бормочетъ, но, очевидно, только по привычкѣ. Самое лучшее: сидѣть и молчать и смотрѣть въ одну точку. Хорошо бы опохмелиться въ такую минуту: хорошо бы настолько поднять температуру организма, чтобы хотя на короткое время ощутить присутствіе жизни, но днемъ ни за какія деньги нельзя достать водки. Нужно дожидаться ночи, чтобы опять дорваться до тѣхъ блаженныхъ минутъ, когда земля исчезаетъ изъ-подъ ногъ и вмѣсто четырехъ постылыхъ стѣнъ передъ глазами открывается безпредѣльная свѣтящаяся пустота.

Арина Петровна не имѣла ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ „балбесъ" проводитъ время въ конторѣ. Случайный проблескъ чувства, мелькнувшій-было въ разговорѣ съ кровопивцемъ Порфиніей, погасъ мгновенно, такъ что она и не замѣтила. Съ ея стороны не было даже систематическаго образа дѣйствія, а было простое забвеніе. Она совсѣмъ потеряла изъ вида, что подлѣ нея, въ конторѣ, живетъ существо, связанное съ нею кровными узами, существо, которое, быть можетъ, изнываетъ въ тоскѣ по жизни. Какъ сама она, разъ войдя въ колею жизни, почти машинально наполняла ее однимъ и тѣмъ же содержаніемъ, такъ, по мнѣнію ея, должны были поступать и другіе. Ей не приходило на мысль, что самый характеръ жизненнаго содержанія измѣняется сообразно съ множествомъ условій, такъ или иначе сложившихся, и что наконецъ для однихъ (въ томъ числѣ для нея) содержаніе это представляетъ нѣчто излюбленное, а для другихъ—постылое и невольное. Поэтому хотя бурмистръ неоднократно докладывалъ ей, что Степанъ Владимірычъ „нехорошъ", но доклады эти проскальзывали мимо ушей, не оставляя въ ея умѣ никакого впечатлѣнія. Много-много если она отвѣчала на нихъ стереотипною фразой:

— Небось, отдышется, еще насъ съ тобой переживетъ! Что ему, жеребцу долговязому, дѣлается! Кашляетъ! иной сряду тридцать лѣтъ кашляетъ, и все равно что съ гуся вода!

Тѣмъ не менѣе, когда ей однажды утромъ доложили, что Степанъ Владимірычъ ночью исчезъ изъ Головлева, она вдругъ пришла въ себя. Немедленно разослала весь домъ на поиски и лично приступила къ слѣдствію, начавъ съ осмотра комнаты, въ которой жилъ постылый. Первое, что̀ поразило ее—это стоящій на столѣ штофъ,

на днѣ котораго еще плескалось немного жидкости, и который виновныхъ не догадались убрать.

— Это что?—спросила она, какъ бы не понимая.

— Стало быть... занимались!—отвѣчалъ, замѣшавшись, бурмистръ.

— Кто доставалъ?—начала-было она, но потомъ спохватилась и, затаивъ свой гнѣвъ, продолжала осмотръ.

Комната была грязна, черна, заплёвана такъ, что даже ей, не знавшей и не признававшей никакихъ требованій комфорта, сдѣлалось неловко. Потолокъ былъ закопченъ, обои на стѣнахъ треснули и во многихъ мѣстахъ висѣли клочьями; подоконники черны отъ густымъ слоемъ табачной золы; подушки валялись на полу, покрытомъ липкою грязью; на кровати лежала скомканная простыня, вся сѣрая отъ насѣвшихъ на нее нечистотъ. Въ одномъ окнѣ зимняя рама была выставлена или, лучше сказать, выдрана, и самое окно оставлено пріотвореннымъ: этимъ путемъ, очевидно, и исчезъ постылый. Арина Петровна инстинктивно взглянула на улицу и перепугалась еще больше. На дворѣ стоялъ уже ноябрь въ началѣ, но осень въ этотъ годъ была особенно продолжительна и морозы еще не наступали. И дорога, и поля—все стояло черное, размокшее, невылазное. Какъ онъ проѣхалъ? куда? И тутъ же ей вспомнилось, что на немъ ничего не было, кромѣ халата да туфель, изъ которыхъ одна была найдена подъ окномъ, и что всю прошлую ночь, какъ на грѣхъ, не переставаючи шелъ дождь.

— Давненько-таки я у васъ здѣсь, голубчики, не бывала!—молвила она, вдыхая въ себя вмѣсто воздуха какую-то отвратительную смѣсь сивухи, тютюна и прокисшихъ овчинъ.

Весь день, покуда люди шарили по лѣсу, она простояла у окна, съ тупымъ вниманіемъ вглядываясь въ обнаженную даль. Изъ-за балбеса да такая кутерьма! — ей казалось, что это какой-то нелѣпый сонъ. Говорила тогда, что надо его въ вологодскую деревню сослать —такъ нѣтъ, лебезитъ проклятый Іудушка: „оставьте, маменька, въ Головлевѣ!“ —вотъ и купайся теперь съ нимъ! Жилъ бы онъ тамъ заглазно, какъ хотѣлъ—и Христосъ бы съ нимъ! Свое дѣло сдѣлала: одинъ кусокъ промоталъ — другой выбросила! А другой бы промоталъ — ну, и не погнѣвайся, батюшка! Богъ — и тотъ на несытую утробу не напасется! И все бы у насъ было смирно да мирно, а теперь — лёгко ли штуку какую удралъ! ищи его по лѣсу да свищи!

Хорошо еще, какъ живого въ домъ привезутъ—вѣдь съ пьяныхъ-то глазъ и въ петлю угодить недолго! Взялъ веревку, зацѣпилъ за сукъ, обмоталъ кругомъ шеи, да и былъ таковъ! Мать ночей не досыпала, куска не доѣдала, а онъ, вишь, какую моду выдумалъ—вѣшаться вздумалъ! И добро бы худо ему было, ѣсть-пить бы не давали, работой бы изнурили—а то слонялся цѣлый день взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ оглашенный, ѣлъ да пилъ, ѣлъ да пилъ! Другой бы не зналъ, чѣмъ мать отблагодарить, а онъ вѣшаться вздумалъ—вотъ такъ одолжилъ сынокъ любезный!

Но на этотъ разъ предположенія Арины Петровны относительно насильственной смерти балбеса не оправдались. Къ вечеру въ виду Головлева показалась кибитка, запряженная парой крестьянскихъ лошадей, и подвезла бѣглеца къ конторѣ. Онъ находился въ полубезчувственномъ состояніи, весь избитый, порѣзанный, съ посинѣлымъ и распухшимъ лицомъ. Оказалось, что за ночь онъ дошелъ до Дубровинской усадьбы, отстоявшей въ двадцати верстахъ отъ Головлева.

Цѣлыя сутки послѣ того онъ проспалъ, на другія—проснулся. Но обыкновенію онъ началъ шагать взадъ и впередъ по комнатѣ, но къ трубкѣ не прикоснулся, словно позабылъ, и на всѣ вопросы не проронилъ ни одного слова. Съ своей стороны Арина Петровна настолько восчувствовала, что чуть-было не приказала перевести его изъ конторы въ барскій домъ, но потомъ успокоилась и опять оставила балбеса въ конторѣ, приказавши вымыть и почистить его комнату, перемѣнить постельное бѣлье, повѣсить на окнахъ шторы и проч. На другой день, вечеромъ, когда ей доложили, что Степанъ Владимірычъ проснулся, она велѣла позвать его въ домъ къ чаю и даже отыскала ласковые тоны для объясненія съ нимъ.

— Ты куда жъ это отъ матери уходилъ? — начала она.— Знаешь ли, какъ ты мать-то обезпокоилъ? Хорошо еще, что папенька ни объ чемъ не узналъ—каково бы ему было при его-то положеніи?

Но Степанъ Владимірычъ повидимому остался равнодушнымъ къ материнской ласкѣ и уставился неподвижными, стеклянными глазами на сальную свѣчку, какъ бы слѣдя за нагаромъ, который постепенно образовывался на фитилѣ.

Ахъ, дурачокъ, дурачокъ! —продолжала Арина Петровна все ласковѣе и ласковѣе:—хотя бы ты подумалъ, какая черезъ тебя про мать слава пойдетъ! Вѣдь завистниковъ-то у ней—слава Богу!

и нивѣсть что̀ наплетутъ! Скажутъ, что и не кормила-то, и не одѣвала-то... ахъ, дурачокъ! дурачокъ!

То же молчаніе и тотъ же неподвижный, безсмысленно-устремленный въ одну точку взоръ.

— И чѣмъ тебѣ худо у матери стало? Одѣть ты и сыть — слава Богу! И теплёхонько тебѣ, и хорошохонько... чего бы, кажется, искать! Скучно тебѣ, такъ не прогнѣвайся, другъ мой,— на то и деревня! Веселіевъ да баловъ у насъ нѣтъ — и всѣ сидимъ по угламъ да скучаемъ! Вотъ я и рада была бы поплясать да нѣсни попѣть, анъ посмотришь на улицу—и въ церковь-то Божію въ такую мокреть ѣхать охоты нѣтъ!

Арина Петровна остановилась, въ ожиданіи, что балбесъ хоть что-нибудь промычитъ; но балбесъ словно окаменѣлъ. Сердце мало-по-малу закипаетъ въ ней, но она все еще сдерживается.

— А ежели ты чѣмъ недоволенъ былъ—кушанья, можетъ быть, недостало, или изъ бѣлья тамъ—развѣ не могъ ты матери откровенно объяснить? Маменька, моль, душенька, прикажите печеночки или тамъ ватрушечки изготовить—неужто мать въ кускѣ-то откажала бы тебѣ? Или вотъ хоть бы и винца—ну, захотѣлось тебѣ винца, ну, и Христосъ съ тобой! Рюмка, двѣ рюмки—неужто матери жалко? А то натко: у раба попросить не стыдно, а матери слово молвить тяжело!

Но напрасны были всѣ льстивыя слова: Степанъ Владимірычъ не только не расчувствовался (Арина Петровна надѣялась, что онъ ручку у нея поцѣлуетъ) и не обнаружилъ раскаянія, но даже какъ будто ничего не слыхалъ.

Съ этихъ поръ онъ безусловно замолчалъ. Но цѣлымъ днемъ ходилъ по комнатѣ, наморщивъ угрюмо лобъ, шевеля губами и не чувствуя усталости. Временами останавливался, какъ бы желая что-то выразить, но не находилъ слова. Повидимому онъ не утратилъ способности мыслить; но впечатлѣнія такъ слабо задерживались въ его мозгу, что онъ тотчасъ же забывалъ ихъ. Поэтому неудача въ отысканіи нужнаго слова не вызывала въ немъ даже нетерпѣнія. Арина Петровна съ своей стороны думала, что онъ непремѣнно подожжетъ усадьбу.

— Цѣлый день молчитъ!—говорила она:—вѣдь думаетъ же,

балбесъ, объ чемъ-нибудь, покуда молчитъ! вотъ помяните мое слово, ежели онъ усадьбы не спалитъ!

Но балбесъ просто совсѣмъ не думалъ. Казалось, онъ весь погрузился въ безразсвѣтную мглу, въ которой нѣтъ мѣста не только для дѣйствительности, но и для фантазіи. Мозгъ его вырабатывалъ нѣчто, но это нѣчто не имѣло отношенія ни къ прошедшему, ни къ настоящему, ни къ будущему. Словно черное облако окутало его съ головы до ногъ, и онъ всматривался въ него, въ него одного, слѣдилъ за его воображаемыми колебаніями и по временамъ вздрагивалъ и словно обороняался отъ него. Въ этомъ загадочномъ облакѣ потонулъ для него весь физическій и умственный міръ...

Въ декабрѣ того же года Порфирій Владимірычъ получилъ отъ Арины Петровны письмо слѣдующаго содержанія:

„Вчера утромъ постигло насъ новое, ниспосланное отъ Господа, испытаніе: сынъ мой, а твой братъ, Степанъ, скончался. Еще съ вечера наканунѣ былъ здоровъ совершенно и даже поужиналъ, а на утро найденъ въ постели мертвымъ—такова сей жизни скоротечность! И что всего для материнскаго сердца прискорбнѣе: такъ, безъ напутствія, и оставилъ сей суетный міръ, дабы устремиться въ область неизвѣстнаго.

„Сіе да послужитъ намъ всѣмъ урокомъ: кто семейными узами небрежетъ—всегда долженъ для себя такового конца ожидать. И неудачи въ сей жизни, и напрасная смерть, и вѣчныя мученія въ жизни слѣдующей—все изъ сего источника происходитъ. Ибо, какъ бы мы ни были высокумны и даже знатны, но ежели родителей не почитаемъ, то оные какъ разъ и высокуміе и знатность нашу въ ничто обратятъ. Таковы правила, кои всякій живущій въ семъ мірѣ человѣкъ затвердить долженъ, а рабы, сверхъ того, обязаны почитать господъ.

„Впрочемъ, несмотря на сіе, всѣ почести отшедшему въ вѣчность были отданы сполна, яко сыну. Покровъ изъ Москвы выписали, а погребеніе совершалъ извѣстный тебѣ отецъ архимандритъ соборнѣ. Сорокоусты же и поминовенія и поднесь совершаются, какъ слѣдуетъ, по христіанскому обычаю. Жаль сына, но роптать не смѣю, и вамъ, дѣти мои, не совѣтую. Ибо кто можетъ сіе знать?—мы здѣсь ропщемъ, а его душа въ горнихъ увеселяется!“

II.—По родственному.

Жаркій іюльскій полдень. На ,Дубровинской барской усадьбѣ словно все вымерло. Не только ,досужіе, но рабочіе люди разбрелись по угламъ и улеглись въ тѣнь. Собаки раскинулись подъ навѣсомъ громадной ивы, стоящей посреди краснаго двора, и слышно, какъ онѣ хлопаютъ зубами, ловя въ полуснѣ мухъ. ,Даже ,деревья стоятъ понурыя и неподвижныя, точно замученныя. Всѣ окна, какъ въ барскомъ ,домѣ, такъ и въ людскихъ, отворены настежь. Жаръ такъ и окачиваетъ сверху горячей волной; земля, покрытая коротенькой, опаленной травою, пылаетъ; нестерпимый свѣтъ, словно золотистою ,дымкой, задернулъ окрестность, такъ что съ трудомъ можно различать предметы. И барскій ,домъ, когда-то выкрашенный сѣрой краской, а теперь побѣлѣвшій, и маленькій палисадникъ передъ домомъ, и березовая роща, отдѣленная отъ усадьбы проѣзжей ,дорогой, и прудъ, и крестьянскій поселокъ, и ржаное поле, начинающееся сейчасъ за околицей—все тонетъ въ свѣтящейся мглѣ. Всякіе запахи, начиная съ благоуханій цвѣтущихъ липъ и кончая міазмами скотнаго двора, густою массой стоятъ въ воздухѣ. Ни звука. Только съ кухни доносится ,дробное отбиваніе поварскихъ ножей, предвѣщающее неизмѣнную окрошку и битки за обѣдомъ.

Внутри господскаго дома царствуетъ безшумная тревога. Старуха барыня и двѣ молодыя дѣвушки сидятъ въ столовой и, не притрогиваясь къ вязанью, брошенному на столъ, словно застыли въ ожиданіи. Въ дѣвичьей двѣ женщины занимаются приготовленіемъ горчичниковъ и примочекъ, и мѣрное звяканье ложекъ, подобно крику сверчка, прорѣзывается сквозь общее оцѣпенѣніе. Въ корридорѣ осторожно двигаются ,дѣвчонки на босу-ногу, перебѣгая по лѣстницѣ изъ антресолей въ ,дѣвичью и обратно. Но временамъ сверху раздается крикъ: „что жъ горчичники! заснули? а?" —и вслѣдъ затѣмъ стрѣлой промчится дѣвчонка изъ дѣвичьей. Наконецъ слышится скрипъ тяжелыхъ шаговъ по лѣстницѣ, и въ столовую входитъ полковой ,докторъ. ,Докторъ—человѣкъ высокій, широкоплечій, съ крѣпкими, румяными щеками, которыя такъ и пышутъ здоровьемъ. Голосъ у него звонкій, походка твердая, глаза свѣтлые и веселые, губы полныя, сочныя, видъ открытый. Это—жуиръ въ полномъ смыслѣ слова, несмотря на свои

пятьдесятъ лѣтъ,—жуиръ, который и прежде не отступалъ, и долго еще не отступитъ ни передъ какой попойкой, ни передъ какимъ объяденіемъ. Одѣтъ по лѣтнему, щеголемъ, въ шикейный сюртучокъ необычайной бѣлизны, украшенный свѣтлыми гербовыми пуговицами. Онъ входитъ, причмокивая губами и присасывая языкомъ.

— Вотъ что, голубушка, принеси-ка ты намъ водочки да закусить что-нибудь! отдаетъ онъ приказаніе, останавливаясь въ дверяхъ, ведущихъ въ корридоръ.

— Ну, что? какъ?—тревожно спрашиваетъ старуха-барыня.

— У Бога милостей безъ конца, Арина Петровна! —отвѣчаетъ докторъ.

— Какъ же это? стало быть...

— Да такъ же. Денька два-три протянетъ, а потомъ—шабашъ!

Докторъ дѣлаетъ многозначительный жестъ рукою и вполголоса мурлыкаетъ:—*Кувыркомъ, кувыркомъ, ку-выр-комъ по-ле-тимъ.*

— Какъ же это такъ? лечили-лечили доктора—и вдругъ!

— Какіе доктора?

— Земскій нашъ да вотъ городовой пріѣзжалъ.

— Доктора!! кабы ему мѣсяцъ назадъ заволоку здоровенную соорудить—былъ бы живъ!

— Неужто жъ такъ-таки ничего и нельзя?

— Сказалъ: у Бога милостей много, а больше ничего прибавить не могу.

— А можетъ быть и подѣйствуетъ?

— Что подѣйствуетъ?

— А вотъ, что теперь... горчичники эти...

— Можетъ быть-съ.

Женщина въ черномъ платьѣ и въ черномъ платкѣ приноситъ поднось, на которомъ стоитъ графинъ съ водкой и двѣ тарелки съ колбасой и икрой. При появленіи ея разговоръ смолкаетъ. Докторъ наливаетъ рюмку, высматриваетъ ее на свѣтъ и щелкаетъ языкомъ.

— За ваше здоровье, маменька!—говоритъ онъ, обращаясь къ старухѣ-барынѣ и проглатывая водку.

— На здоровье, батюшка!

— Вотъ отъ этого самаго Павелъ Владимірычъ и погибаетъ въ цвѣтѣ лѣтъ—отъ водки отъ этой!—говоритъ докторъ, пріятно морщась и тыкая вилкой въ кружокъ колбасы.

— Да, много черезъ нее людей пропадаетъ.

— Не всякій эту жидкость вмѣстить можетъ—оттого! А такъ какъ мы вмѣстить можемъ, то и повторимъ! Ваше здоровье, сударыня!

— Кушайте, кушайте! вамъ—ничего!

— Мнѣ—ничего! у меня и легкія, и почки, и печенка, и селезенка—все въ исправности! Да бишь! вотъ что!—обращается онъ къ женщинѣ въ черномъ платьѣ, которая пріостановилась у дверей, словно прислушиваясь къ барскому разговору:—что у васъ нынче къ обѣду готовлено?

— Окрошка, да битки, да цыплята на жаркое,—отвѣчаетъ женщина, какъ-то кисло улыбаясь.

— А рыба соленая у васъ есть?

— Какъ, сударь, рыбы не быть! осетрина есть, севрюжина... Найдется рыбы—довольно!

— Такъ скомандуй ты намъ къ обѣду ботвинью съ осетринкой... звенышко, знаешь, да пожирнѣе! какъ тебя: Улитушкой, что-ли, звать?

— Улитой, сударь, люди зовутъ.

— Ну, такъ живо, Улитушка, живо!

Улитушка уходитъ; на минуту водворяется тяжелое молчаніе. Арина Петровна встаетъ съ своего мѣста и высматриваетъ въ дверь, точно ли Улитушка ушла.

— Насчетъ сиротокъ-то говорили ли вы ему, Андрей Осипычъ? —спрашиваетъ она доктора.

— Разговаривалъ-съ.

— Ну, и что жъ?

— Все одно и тоже-съ. „Вотъ какъ выздоровѣю, говоритъ, непремѣнно и духовную, и векселя напишу“.

Молчаніе, еще болѣе тяжелое, водворяется въ комнатѣ. Дѣвицы берутъ со стола канвовыя работы, и руки ихъ съ замѣтною дрожью выдѣлываютъ шовъ за швомъ; Арина Петровна какъ-то безнадежно вздыхаетъ; докторъ ходитъ по комнатѣ и насвистываетъ „*кувыркомъ, ку-вы-вы-ркомъ*“.

— Да вы бы хорошенько ему сказали!

— Чего еще лучше: подлецъ, говорю, будешь, ежели сироть не обезпечишь. Да, мамашечка, опростоволосились вы! Кабы мѣсяцъ тому назадъ вы меня позвали, я бы и заволоку ему соорудилъ, да и

насчетъ духовной постарался бы... А теперь все Іудушкѣ, законному наслѣднику, достанется... непремѣнно!

— Бабушка! что жъ это такое будетъ!—почти сквозь слезы жалуется старшая изъ дѣвицъ:—что жъ это дядя съ нами дѣлаетъ!

— Не знаю, милая, не знаю. Вотъ даже насчетъ себя не знаю. Сегодня—здѣсь, а завтра—ужъ и не знаю гдѣ... Можетъ быть, Богъ приведетъ гдѣ-нибудь въ сарайчикѣ ночевать, а можетъ быть и у мужичка въ избѣ!

— Господи! какой этотъ дядя глупый!—восклицаетъ младшая изъ дѣвицъ.

— А вы бы, молодая особа, язычокъ-то на привязи придержали! —замѣчаетъ докторъ и, обращаясь къ Аринѣ Петровнѣ, прибавляетъ:—да что же вы сами, маменечка? сами бы уговорить его попробовали!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не хочетъ! даже видѣть меня не хочетъ! Намедни сунулась-было я къ нему: „напутствовать, что-ли, меня пришли?“ говоритъ.

— Я думаю, что это все больше Улитушка... она его противъ васъ настраиваетъ.

— Она! именно она! И все Порфишкѣ-кровопивцу передаетъ! Сказываютъ, что у него и лошади въ хомутахъ цѣлый день стоятъ, на случай, ежели братъ отходить начнетъ! И представьте, на дняхъ она даже мебель, вещи, посуду—все переписала: на случай, дескать, чтобы не пропало чего! Это она насъ-то, насъ-то, воровками представить хочетъ!

— А вы бы ее по военному... Кувыркомъ, знаете, кувыркомъ...

Но не успѣлъ докторъ развить свою мысль, какъ въ комнату вбѣжала вся запыхавшаяся дѣвчонка и испуганнымъ голосомъ крикнула:

— Къ барину! доктора баринъ требуетъ!

Семейство, которое выступаетъ на сцену въ настоящемъ разсказѣ, уже знакомо намъ. Старуха-барыня—не кто иная, какъ Арина Петровна Головлева; умирающій владѣлецъ Дубровинской усадьбы—ея сынъ, Павелъ Владимірычъ; наконецъ, двѣ дѣвушки: Аннинька и Любинька—дочери покойной Анны Владиміровны Улановой, той

самой, которой нѣкогда Арина Петровна „выбросила кусокъ". Прошло не больше десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣли ихъ, а положенія дѣйствующихъ лицъ до того измѣнились, что не осталось и слѣда тѣхъ искусственныхъ связей, благодаря которымъ Головлевская семья представлялась чѣмъ-то въ родѣ неприступной крѣпости. Семейная твердыня, воздвигнутая неутомимыми руками Арины Петровны, рухнула, но рухнула до того незамѣтно, что она сама, не понимая, какъ это случилось, сдѣлалась соучастницею и даже явнымъ двигателемъ этого разрушенія, настоящею душою котораго былъ, разумѣется, Порфишка-кровопивецъ.

Изъ безконтрольной и бранчивой обладательницы Головлевскихъ имѣній Арина Петровна сдѣлалась скромною приживалкою въ домѣ младшаго сына, приживалкою праздною и не имѣющею никакого голоса въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ. Голова ея поникла, спина сгорбилась, глаза потухли, поступь сдѣлалась вялою, порывистость движеній пропала. Отъ нечего-дѣлать она научилась, на старости лѣтъ, вязанію, но и оно не спорится у ней, потому что мысль ея постоянно гдѣ-то витаетъ — гдѣ? — она и сама не всегда разберетъ, но во всякомъ случаѣ не около вязальныхъ спицъ. Посидитъ, повяжетъ нѣсколько минутъ — и вдругъ руки сами собою опустятся, голова откинется на спинку кресель, и начнетъ она припоминать... Припоминаетъ, припоминаетъ, покуда старческая дремота не охватитъ всего старческаго существа. Или встанетъ и начнетъ бродить по комнатамъ, и все чего-то ищетъ, куда-то заглядываетъ, словно женщина, которая всю жизнь была въ ключахъ и не понимаетъ, гдѣ и какъ она ихъ потеряла.

Первый ударъ властности Арины Петровны былъ нанесенъ не столько отмѣной крѣпостного права, сколько тѣми приготовленіями, которыя предшествовали этой отмѣнѣ. Сначала простые слухи, потомъ дворянскія собранія съ ихъ адресами, потомъ губернскіе комитеты, потомъ редакціонныя коммиссіи — все это взнуряло, посѣяло смуту. Воображеніе Арины Петровны, и безъ того богатое творчествомъ, рисовало ей цѣлыя массы пустяковъ. То вдругъ вопросъ представится: „какъ это я Аганьку звать буду? чай, Аганьюшкой... а можетъ и Аганьей Ѳедоровной величать придется!" То представится: ходитъ она по пустому дому, а людишки въ людской забрались и жрутъ! Жрать надоѣстъ — подъ столъ бросаютъ! То покажется, что

заглянула она въ погребъ, а тамъ Юлька съ Фешкой такъ-то за обѣщеки уписываютъ, такъ-то уписываютъ! Хотѣла-было она репримандъ имъ сдѣлать —и поперхнулась. „Какъ ты имъ что-нибудь скажешь! теперь онѣ вольныя — на нихъ, поди, и суда нѣтъ!"

Какъ ни ничтожны такіе пустяки, но изъ нихъ постепенно создается цѣлая фантастическая дѣйствительность, которая втягиваетъ въ себя человѣка и совершенно парализуетъ его дѣятельность. Арина Петровна какъ-то вдругъ выпустила изъ рукъ бразды правленія и въ теченіе двухъ лѣтъ только и дѣлала, что съ утра до вечера восклицала:

— Хоть бы одно что-нибудь—нашъ либо пропалъ! а то: первый призывъ! второй призывъ! ни Богу свѣча, ни чорту кочерга!

Въ это время, въ самый развалъ комитетовъ, умеръ и Владиміръ Михайлычъ. Умеръ примиренный, умиротворенный, отрекшись отъ Баркова и всѣхъ дѣлъ его. Послѣднія слова его были:

— Благодарю моего Бога, что не допустилъ меня, на ряду съ холопами, предстать передъ лицо Свое!

Слова эти глубоко запечатлѣлись въ воспріимчивой душѣ Арины Петровны, и смерть мужа, вмѣстѣ съ фантасмагоріями будущаго, наложила какой-то безнадежный колоритъ на весь Головлевскій обиходъ. Какъ будто и старый Головлевскій домъ, и все живущее въ немъ—все разомъ собралось умереть.

Порфирій Владимірычъ, по немногимъ жалобамъ, вылившимся въ письмахъ Арины Петровны, съ изумительною чуткостью отгадалъ сумятицу, овладѣвшую ея помыслами. Арина Петровна уже не выговаривала и не учительствовала въ письмахъ, но больше всего уповала на Божію помощь, „которая, по нынѣшнему легковѣрному времени, и рабовъ не оставляетъ, а тѣмъ паче тѣхъ, кои, по достаткамъ своимъ, надежнѣйшей опорой для церкви и ея украшенія были". Іудушка инстинктомъ понялъ, что ежели маменька начинаетъ уповать на Бога, то это значитъ, что въ ея существованіи кроется нѣкоторый изъянъ. И онъ воспользовался этимъ изъяномъ съ свойственною ему лукавою ловкостью.

Передъ самымъ концомъ эмансипаціоннаго дѣла онъ совсѣмъ неожиданно посѣтилъ Головлево и нашелъ Арину Петровну унывающею, почти измученною.

— Что? какъ? что въ Петербургѣ поговариваютъ? —былъ первый ея вопросъ по окончаніи взаимныхъ привѣтствій.

Порфиша потупился и сидѣлъ молча.

— Нѣтъ, ты въ мое положеніе войди! — продолжала Арина Петровна, поняв изъ молчанія сына, что хорошаго ждать нечего: — теперь у меня одиѣхъ поганокъ въ дѣвичьей тридцать штукъ сидитъ— какъ съ ними поступить? Ежели онѣ на моемъ иждивеніи останутся— чѣмъ я ихъ кормить стану? Теперь у меня и капустки, и картофельцу, и хлѣбца, всего довольно—ну, и питаемся понемногу! Картофельцу нѣтъ—велишь капустки сварить: капустки нѣтъ—огурчиками изверненься! А вѣдь тогда я сама за всѣмъ на базаръ побѣги, да за все денежки заплати, да куни, да подай—гдѣ на этакую ораву напасешься!

Порфиша глядѣлъ милому другу маменькѣ въ глаза и горько улыбался, въ знакъ сочувствія.

— Ежели же ихъ на всѣ на четыре стороны выпустятъ: бѣгитемоль, милыя, вытаращивши глаза!—ну, ужъ не знаю! Не знаю! не знаю, что изъ этого выйдетъ!

Порфиша ухмыльнулся, какъ будто ему и самому очень ужъ смѣшно показалось, „что изъ этого выйдетъ“.

— Нѣтъ, ты не смѣйся, мой другъ! Это дѣло такъ серьезно, такъ серьезно, что развѣ ужъ Господь имъ разуму прибавитъ—ну, тогда... Скажу хоть бы про себя: вѣдь и я не огрызокъ: какъ ни какъ, а и меня пристроить вѣдь надобно. Какъ тутъ поступить? Вѣдь мы какое воспитаніе-то получили? Потанцовать, да поиѣть, да гостей принять—что я безъ поганокъ-то безъ своихъ дѣлать буду? Ни я подать, ни принять, ни стотовить для себя—ничего вѣдь я, мой другъ, не могу!

— Богъ милостивъ, маменька!

— Былъ милостивъ, мой другъ, а нынче нѣтъ! Были мы хороши—и насъ Царь Небесный жаловалъ; стали дурны—ну, и не прогнѣвайтесь! Ужъ я что думаю: не бросить ли все за добра-ума. Право! Выстрою себѣ избушку около папенькиной могилки, да и буду жить да поживать!

Порфирій Владимірычъ навострилъ уши; на губахъ его показалась слюна.

— А имѣніями кто же распоряжаться будетъ?—возразилъ онъ осторожно, словно закидывая удочку.

— Не погнѣвайтесь, и сами распорядитесь! слава Богу, припасла! Не все мнѣ одной тяготы носить...

Арина Петровна вдругъ словно споткнулась и подняла голову. Въ глаза ея бросилось осклабляющееся, слюнявое лицо Гудушки, все словно масломъ подернутое, все проникнутое какимъ-то плотоядным внутреннимъ сіяніемъ.

— Да ты никакъ ужъ хоронить меня собрался! —сухо замѣтила она:—не рано ли, голубчикъ? не ошибись!

Такимъ образомъ на первый разъ дѣло кончилось ничѣмъ. Но есть разговоры, которые, разъ начавшись, уже не прекращаются. Черезъ нѣсколько часовъ Арина Петровна вновь возвратилась къ прерванной бесѣдѣ.

— Уѣду къ Сергію Троицѣ,—мечтала она: —раздѣлю имѣніе, куплю на посадѣ домичекъ—и заживу!

Но Порфирій Владимірычъ, искушенный давнимъ опытомъ, на этотъ разъ смолчалъ.

— Прошлаго года, какъ еще покойникъ папенька былъ живъ, —продолжала мечтать Арина Петровна:—сидѣла я у себя въ спаленкѣ одна и вдругъ слышу, словно мнѣ кто шепчетъ: „съѣзди къ чудотворцу!.. къ чудотворцу! съѣзди къ чудотворцу!.. съѣзди къ чудотворцу!“... да вѣдь до трехъ разъ! Я этакъ, знаешь, обернулась, —нѣтъ никого! Однако, думаю: вѣдь это — видѣніе мнѣ! Что жъ, говорю, коли моя вѣра угодна Богу—я готова! И только-что я это выговорила, какъ вдругъ это въ комнатѣ... такое благоуханіе! такое благоуханіе разлилось! Разумѣется, сейчасъ же велѣла укладываться, а къ вечеру ужъ въ дорогѣ была!

У Арины Петровны даже слезы на глазахъ выступили. Гудушка воспользовался этимъ, чтобъ поцѣловать у маменьки ручку, причемъ позволилъ себѣ даже обнять ее за талію.

— Вотъ теперь вы — папенька! — сказалъ онъ: —ахъ, хорошо, голубушка, коли кто съ Богомъ въ ладу живетъ! И онъ къ Богу съ молитвой, и Богъ къ нему съ помощью. Такъ-то, добрый другъ маменька!

— Постой! Я еще не все досказала! Пріѣзжаю я на другой день вечеромъ въ посадъ, и прямо—къ угоднику. А тамъ всенощная: поютъ, свѣчки горятъ, благоуханіе отъ кадилъ: и не знаю, гдѣ я— на землѣ или на небеси! Пошла я отъ всенощной къ іеромонаху Іонѣ

и говорю: чтой-то, ваше высокопреподобіе, больно у васъ сегодня хорошо въ храмѣ! А онъ мнѣ: „Чего, сударыня! вѣдь нынче отцу Аввакуму видѣніе за вечерней было! Только-что началъ онъ руки на молитву заводить—смотритъ, анъ въ самомъ куполѣ свѣтъ, и голубь на него смотритъ!" Вотъ съ этихъ поръ я себѣ и положила: какова пора ни мѣра, а конецъ жизни у Сергія-Троицы прожить!

— А объ насъ-то кто позаботится? объ дѣтяхъ-то вашихъ кто похлопочетъ? Ахъ, маменька, маменька!

— Ну, не маленькіе, и сами объ себѣ промыслите! А я... удалюсь я съ Анпушкиными сиротками къ чудотворцу и заживу у него подъ крылышкомъ! Можетъ быть, и изъ нихъ у которой-нибудь явится желаніе Богу послужить, такъ тутъ и Хотьковъ рукой подать! Куплю себѣ домичекъ, огородецъ вскопаю: капустки, картофельцу—всего у меня довольно будетъ!

Нѣсколько дней сряду велся этотъ праздный разговоръ: нѣсколько разъ дѣлала Арина Петровна самыя смѣлыя предположенія, брала ихъ назадъ и опять дѣлала, но наконецъ довела дѣло до такой точки, что и отступить уже было нельзя. Не далѣе какъ черезъ полгода послѣ Іудушкиной побывки положеніе дѣлъ было слѣдующее: Арина Петровна не уѣхала ни къ Сергію-Троицѣ, ни въ домикъ у могилки мужа, а имѣніе раздѣлила, оставивъ при себѣ только капиталъ. При этомъ Порфирію Владимірычу была выдѣлена лучшая часть, а Павлу Владимірычу—похуже.

Арина Петровна осталась по прежнему въ Головлевѣ, причемъ, разумѣется, не обошлось безъ семейной комедіи. Іудушка пролилъ слезы и умолилъ добраго друга маменьку управлять его имѣніемъ безотчетно, получать съ него доходы и употреблять по своему усмотрѣнію: „а что вы мнѣ, голубушка, изъ доходовъ удѣлите—я всѣмъ, даже малостью буду доволенъ". Напротивъ того, Павелъ поблагодарилъ мать холодно („точно укусить хотѣлъ"), тотчасъ же вышелъ въ отставку („такъ, безъ материнскаго благословенія, какъ отлученный, и выскочилъ на волю!") и поселился въ Дубровинѣ.

Съ этихъ поръ на Арину Петровну нашло затмѣніе. Тотъ внутренній образъ Порфишки-кровопивца, который она когда-то съ такою рѣдкою проницательностью угадывала, вдругъ словно туманомъ

задернулся. Казалось, она ничего больше не понимала, кромѣ того, что, несмотря на раздѣлъ имѣнія и освобожденіе крестьянъ, она попрежнему живетъ въ Головлевѣ и попрежнему ни передъ кѣмъ не отчитывается. Тутъ же, подъ бокомъ, живетъ другой сынъ — но какая разница! Тогда какъ Порфиша и себя и семью — все ввѣрилъ маменькину усмотрѣнію. Навелъ не только ни объ чемъ съ ней не совѣтуется, но даже при встрѣчахъ какъ-то сквозь зубы говоритъ!

И чѣмъ больше затмевался ея разсудокъ, тѣмъ больше раскипалось въ ней сердце ревностью къ ласковому сыну. Порфирій Владимірычъ ничего у нея не просилъ — она сама шла на встрѣчу его желаніямъ. Мало-по-малу она начала находить недостатки въ фигурѣ Головлевскихъ дачъ. Въ такомъ-то мѣстѣ чужая земля врѣзывалась въ дачу — хорошо было бы эту землю прикупить; въ такомъ-то мѣстѣ можно бы хуторокъ отдѣльный устроить, да покосу мало, а тутъ, по смежности, и покосецъ продажный есть — ахъ, хорошъ покосъ! Арина Петровна увлекалась и какъ мать, и какъ хозяйка, желающая выставить во всемъ блескѣ свои способности передъ ласковымъ сыномъ. Но Порфирій Владимірычъ словно въ непроницаемую скорлупу скорлупился. Напрасно Арина Петровна соблазняла его покупками — на всѣ ея предложенія пріобрѣсти такой-то лѣсокъ или такой-то покосецъ онъ неизмѣнно отвѣчалъ: „я, добрый другъ маменька, и тѣмъ доволенъ, что вы, по милости вашей, мнѣ пожаловали".

Отвѣты эти только разжигали Арину Петровну. Увлекаясь, съ одной стороны, хозяйственными задачами, съ другой — полемическими соображеніями относительно „подлеца Павлушки", который жилъ подлѣ и знать ее не хотѣлъ, она совершенно утратила представленіе о своихъ дѣйствительныхъ отношеніяхъ къ Головлеву. Прежняя горячка пріобрѣтенія съ новою силою овладѣла всѣмъ ея существомъ, но пріобрѣтенія уже не за свой собственный счетъ, а за счетъ любимаго сына. Головлевское имѣніе разрослось, округлилось и заокруглило.

И вотъ въ ту самую минуту, когда капиталъ Арины Петровны до того умалился, что сдѣлалось почти невозможнымъ самостоятельное существованіе на проценты съ него, Іудушка, при самомъ почтительномъ письмѣ, прислалъ ей цѣлый тюкъ формъ счетоводства, которыя должны были служить для нея руководствомъ на будущее время при составленіи годовой отчетности. Тутъ, рядомъ съ главными предметами хозяйства, столи: малина, брыжовникъ, грибы и т. д. Но вся-

кой статьѣ былъ особенный счетъ, приблизительно слѣдующаго содержанія:

Къ 18** году состояло кустовъ малины . .	00				
Къ сему поступило вновь посаженныхъ . .	00				
Съ наличнаго числа кустовъ собрано ягодъ .	00	п.	00	ф.	00 зол.
Изъ сего числа:					
Вами, милый другъ маменька, употреблено .	00	„	00	„	00 „
Израсходовано на варенье для дома Его Превосходительства Порфирія Владимірыча Головлева	00	„	00	„	00 „
Дано мальчику N въ награду за добронравіе	—	„	1	„	— „
Продано простому народу на лакомство . .	00	„	00	„	00 „
Сгнило, по неимѣнію въ виду покупщиковъ, а равно и отъ другихъ причинъ . . .	00	„	00	„	00 „

И т. д., и т. д.

Примѣчаніе. Въ случаѣ ежели урожай отчетнаго года менѣе противъ прошлаго года, то здѣсь должны быть объясняемы причины сего, какъ-то: засуха, дожди, градъ и проч.

Арина Петровна такъ и ахнула. Во-первыхъ, ее поразила скупость Іудушки: она никогда и не слыхивала, чтобъ крыжовникъ могъ составлять въ Головлевѣ предметъ отчетности, а онъ, повидимому, на этомъ предметѣ всего больше и настаивалъ: во-вторыхъ, она очень хорошо поняла, что всѣ эти формы—не что иное, какъ конституція, связывающая ее по рукамъ и по ногамъ.

Кончилось дѣло тѣмъ, что послѣ продолжительной полемической переписки Арина Петровна, оскорбленная и негодующая, перебралась въ Дубровино, а вслѣдъ затѣмъ и Порфирій Владимірычъ вышелъ въ отставку и поселился въ Головлевѣ.

Съ этихъ поръ для старухи начался рядъ мутныхъ дней, посвященныхъ насильственному покою. Павелъ Владимірычъ, какъ человѣкъ, лишенный постунковъ, былъ какъ-то особенно придирчивъ въ отношеніи къ матери. Онъ принялъ ее довольно сносно, т. е. обѣщался кормить и поить ее и сироть-племянницъ, но подъ двумя условіями: во-первыхъ, не ходить къ нему на антресоли, а во-вторыхъ — не вмѣшиваться въ распоряженія по хозяйству. Послѣднее условіе въ особенности волновало Арину Петровну. Всѣмъ въ домѣ Павла Владимірыча заправляли: во-первыхъ, ключница Улитушка, женщина

ехидная и уличенная въ секретной перепискѣ съ кровопивцемъ Порфишкой, и во-вторыхъ—бывшій шапешникъ камердинеръ Кирюшка, ничего не смыслившій въ полеводствѣ и ежедневно читавшій Павлу Владимірычу халуйскаго свойства поученія. Оба крали немилосердно. Сколько разъ болѣло сердце Арины Петровны при видѣ господствовавшаго въ домѣ расхищенія! сколько разъ порывалась она предупредить, раскрыть сыну глаза насчетъ чая, сахара, масла! Всего этого выходили массы, и неоднократно Улитушка, нимало не стѣсняясь присутствіемъ старухи-барыни, даже въ глазахъ ея, прятала въ карманъ цѣлыя пригоршни сахара. Арина Петровна видѣла все, но должна была оставаться безмолвной свидѣтельницей расхищенія. Потому что едва разѣвала она ротъ, чтобы замѣтить что-нибудь, какъ Павелъ Владимірычъ въ ту же минуту ее осаживалъ.

— Маменька! — говорилъ онъ: — надобно, чтобъ кто-нибудь одинъ въ домѣ распоряжался! Это не я говорю — всѣ такъ поступаютъ. Я знаю, что мои распоряженія глупыя—ну, и пусть будутъ глупыя. А ваши распоряженія умныя—ну, и пусть будутъ умныя! Умны вы, даже очень умны, а Іудушка, все-таки, безъ угла васъ оставилъ!

Къ довершенію всего, Арина Петровна сдѣлала ужасное открытіе: Павелъ Владимірычъ пилъ. Страсть эта въѣлась въ него крадучись, благодаря деревенскому одиночеству, и наконецъ получила то страшное развитіе, которое должно было привести къ неизбѣжному концу. Въ первое время, когда въ домѣ поселилась мать, онъ какъ будто еще совѣстился: довольно часто сходилъ съ антресолей внизъ и разговаривалъ съ матерью. Замѣчая, какъ путается его языкъ, Арина Петровна долго думала, что это происходитъ отъ глупости. Она не любила, когда онъ приходилъ „разговаривать“, и считала эти разговоры большимъ для себя притѣсненіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ постоянно и какъ-то нелѣпо роталъ. То дождя по цѣлымъ недѣлямъ нѣтъ, то вдругъ такой зарядитъ, словно съ цѣпи сорвется; то жукъ одолѣлъ, всѣ деревья въ саду обглодалъ; то кротъ появился, всѣ луга изрылъ. Все это представляло неистощимый источникъ для ропота. Сойдетъ, бывало, съ антресолей, сядетъ противъ матери и начнетъ:

— Кругомъ тучи ходятъ —Головлево далеко ли? у кровопивца вчера проливной былъ! —а у насъ нѣтъ да и нѣтъ! ходятъ тучи, похаживаютъ кругомъ—и хоть бы-те капля на нашъ пай!

Или:

— Нинь льеть-поливаеть! рожь только-что зацвѣла, а онъ знай поливаеть! Половину сѣна ужъ стоптали, а онъ прыскаеть да поприскиваеть! Головлево далеко ли? — кровопивецъ давно съ поля убрался, а мы сидя-посиди! Придется скотину зимой гнилымъ сѣномъ кормить!

Молчитъ-молчитъ Арина Петровна, слушая глупыя рѣчи, но иногда не вытерпитъ и молвитъ:

— Ты бы побольше руки сложа сидѣлъ!

Не успѣетъ она это вымолвить, какъ Павелъ Владимірычъ ужъ и взбѣленился.

— А вы что жъ мнѣ прикажете дѣлать? Въ Головлево дождикъ, что-ли, перевести?

— Не дождикъ, а вообще...

— Нѣтъ, вы скажите, что, по вашему, дѣлать мнѣ нужно? Не „вообще", а прямо... Климатъ, что-ли, я для васъ перемѣнить долженъ? Вотъ въ Головлевѣ: нужень былъ дождикъ — и былъ дождикъ; не нужно дождя — и нѣтъ его! Ну, и растетъ тамъ все... А у насъ все напротивъ! Вотъ посмотримъ, какъ-то вы станете разговаривать, какъ ѣсть нечего будетъ!

— Стало быть, Божья воля такова...

— Такъ вы такъ и говорите, что Божья воля! А то „вообще" — вотъ какое объясненье нашли!

Иногда дѣло доходило до того, что онъ даже собственностью отягощался.

— И зачѣмъ только это Дубровино мнѣ досталось? — жаловался онъ: — что въ немъ?

— Чѣмъ же Дубровино — не усадьба! земля хорошая, всего довольно... И что тебѣ вдругъ вздумалось!

— А то и вздумалось, что по нынѣшнему времени совсѣмъ собственности имѣть не надо! Деньги — это такъ! Деньги взялъ, положилъ въ карманъ и удралъ съ ними! А недвижимость эта...

— Да что жъ это за время такое за особенное, что ужъ и собственности имѣть нельзя?

— А такое время, что вы вотъ газетъ не читаете, а я читаю. Нынче адвокаты вездѣ пошли — вотъ и понимайте. Узнаетъ адвокатъ, что у тебя собственность есть — и почнетъ кружить!

— Какъ же онъ тебя кружить будетъ, коль скоро у тебя праведные документы есть?

— Такъ и будетъ кружить, какъ кружать. Или, вотъ, Порфишка-кровопивецъ: найметъ адвоката, а тотъ и будетъ тебѣ повѣстку за повѣсткой присылать!

— Что ты! не безсудная, чай, земля!

— Оттого и будутъ повѣстки присылать, что не безсудная. Кабы безсудная была, безъ повѣстокъ бы отняли, а теперь съ повѣстками. Вонъ у товарища моего, у Горлонятова, дядя умеръ, а онъ возьми да сдуру и прими послѣ него наслѣдство! Наслѣдства-то оказалось грошъ, а долговъ — на сто тысячъ: векселя, да все фальшивые. Вотъ и судятъ его третій годъ сряду: сперва дядино имѣніе обрали, а потомъ и его собственное съ аукціону продали! Вотъ тебѣ и собственность!

— Неужто такой законъ есть?

— Кабы не было закона — не продали бы. Стало быть, всякій законъ есть. У кого совѣсти нѣтъ, для того всѣ законы открыты; а у кого есть совѣсть, для того и законъ закрытъ. Поди, отыскивай его въ книгѣ-то!

Арина Петровна всегда уступала въ этихъ спорахъ. Не разъ ее подмывало крикнуть: „вонъ съ моихъ глазъ, подлецъ!“ но подумаетъ-подумаетъ да и смолчитъ. Только развѣ про себя проронитъ:

— Господи! и въ кого я этакихъ изверговъ уродила? Одинъ — кровопивецъ, другой — блаженный какой-то! Для кого я припасала! ночей не досыпала, куска не доѣдала... для кого?

И чѣмъ больше овладѣвалъ Павломъ Владимірычемъ запой, тѣмъ фантастичнѣе и, такъ сказать, внезапнѣе становились его разговоры. Наконецъ Арина Петровна начала замѣчать, что тутъ есть что-то неладное. Напримѣръ: съ утра въ шкапчикѣ, въ столовой, ставится полный графинъ водки, а къ обѣду ужъ ни капли въ немъ нѣтъ. Или: сидитъ она въ гостиной и слышитъ какой-то таинственный скрипъ, происходящій въ столовой, около завѣтнаго шкапчика; крикнетъ: „кто тамъ?“ — и слышитъ, что чьи-то шаги быстро, но осторожно удаляются по направленію къ антресолямъ.

— Матушки! да никакъ онъ у васъ пьетъ? — спросила она однажды Улитушку.

— Занимаются-съ, — отвѣтила та, язвительно улыбаясь.

Убѣдившись, что мать отгадала его, Павелъ Владимірычъ окончательно пересталъ церемониться. Въ одно прекрасное утро шкапчикъ совсѣмъ исчезъ изъ столовой, и на вопросъ Арины Петровны, куда онъ дѣвался, Улитушка отвѣчала:

— На антресоли перенести приказали; тамъ имъ свободнѣе заниматься будетъ.

Дѣйствительно, на антресоляхъ графинчики слѣдовали другъ за другомъ съ изумительной быстротой. Уединившись съ самимъ собой, Павелъ Владимірычъ возненавидѣлъ общество живыхъ людей и создалъ для себя особенную, фантастическую дѣйствительность. Это былъ цѣлый глупо-героическій романъ, въ которомъ главными героями были: онъ самъ и кровопивецъ Порфишка. Онъ самъ не сознавалъ вполнѣ, какъ глубоко залегла въ немъ ненависть къ Порфишкѣ. Онъ ненавидѣлъ его всѣми помыслами, всѣми внутренностями, ненавидѣлъ безпрестанно, ежеминутно. Словно живой, метался передъ нимъ этотъ паскудный образъ, а въ ушахъ раздавалось слезнолицемѣрное пустословіе Іудушки—пустословіе, въ которомъ звучала какая-то сухая, почти отвлеченная злоба ко всему живому, не подчиняющемуся кодексу, созданному преданіемъ лицемѣрія. Павелъ Владимірычъ пилъ и припоминалъ. Припоминалъ всѣ обиды и униженія, которыя ему приходилось вытерпѣть, благодаря претензіи Іудушки на главенство въ домѣ. Въ особенности же припоминалъ раздѣлъ имѣнія, разсчитывалъ каждую копѣйку, сравнивалъ каждый клочокъ земли—и ненавидѣлъ. Въ разгоряченномъ виномъ воображеніи создавались цѣлыя драмы, въ которыхъ вымещались всѣ обиды и въ которыхъ обидчикомъ являлся уже онъ, а не Іудушка. То будто выигралъ онъ двѣсти тысячъ и пріѣзжаетъ сообщить объ этомъ Порфишкѣ (цѣлая сцена съ разговорами), у котораго отъ зависти даже перекосило лицо. То будто умеръ дѣдушка (опять сцена съ разговорами, хотя никакого дѣдушки не было), ему оставилъ милліонъ, а Порфишкѣ-кровопивцу—шишъ. То будто онъ изобрѣлъ средство дѣлаться невидимкой, и черезъ это получилъ возможность творить Порфишкѣ такія пакости, отъ которыхъ тотъ начинаетъ стонать. Въ изобрѣтеніи этихъ проказъ онъ былъ неистощимъ, и долго нелѣпый хохотъ оглашалъ антресоли, къ удовольствію Улитушки, спѣшившей увѣдомить о происходящемъ братца Порфирія Владимірыча.

Онъ ненавидѣлъ Іудушку и въ то же время боялся его. Онъ зналъ, что глаза Іудушки источаютъ чарующій ядъ, что голосъ его, словно змѣй, заползаетъ въ душу и парализуетъ волю человѣка. Поэтому онъ рѣшительно отказался отъ свиданій съ нимъ. Иногда кровопивецъ пріѣзжалъ въ „Дубровино, чтобы поцѣловать ручку у добраго друга маменьки (онъ выгналъ ее изъ дома, но почтительности не прекращалъ)—тогда Павелъ Владимірычъ запиралъ антресоли на ключъ и сидѣлъ взаперти все время, покуда Іудушка калякалъ съ маменькой.

Такимъ образомъ или дни за днями, покуда наконецъ Павелъ Владимірычъ не очутился лицомъ къ лицу съ смертнымъ недугомъ.

„Докторъ переночевалъ „для формы“ и на другой день рано утромъ уѣхалъ въ городъ. Оставляя „Дубровино, онъ высказалъ прямо, что больному остается жить не больше двухъ дней и что теперь поздно думать объ какихъ-нибудь „распоряженіяхъ“, потому что онъ и фамиліи путемъ подписать не можетъ.

— Подпишетъ онъ вамъ „обмокни“ —потомъ и съ судомъ, пожалуй, не раздѣлаетесь, — прибавилъ онъ: —вѣдь Іудушка хоть и очень маменьку уважаетъ, а дѣло о подлогѣ все-таки начнетъ, и ежели по закону маменьку въ мѣста не столь отдаленныя упекутъ, такъ вѣдь онъ только молебенъ въ путь шествующимъ отслужитъ!

Арина Петровна цѣлое утро ходила какъ въ отупѣніи. Попробовала-было встать на молитву — не внушитъ ли что Богъ? — но и молитва на умъ не шла, даже языкъ какъ-то не слушался. Начнетъ: *Помилуй мя, Боже, по великой милости Твоей* — и вдругъ, сама не знаетъ какъ, съѣдетъ на *отъ лукаваго*. „Очисти!“ „очисти!“ машинально лепечетъ языкъ, а мысль такъ и летаетъ: то на антресоли заглянетъ, то на погребъ зайдетъ („сколько добра по осени было — все растащили!“), то начнетъ что-то припоминать — далекое-далекое. Все сумерки какія-то, и въ этихъ сумеркахъ люди, много людей, и всѣ они копошатся, стараются, приплясываютъ. *Блаженъ мужъ... блаженъ мужъ... яко кадило... паки мя... паки мя...* Но вотъ и языкъ мало-по-малу смякъ, глаза смотрятъ на образа и не видятъ; ротъ раскрытъ широко, руки сложены на поясѣ и вся она стоитъ неподвижно, словно застыла.

Наконецъ она сѣла и заплакала. Слезы такъ и лились изъ потухшихъ глазъ по старческимъ, засохшимъ щекамъ, задерживаясь въ углубленіяхъ морщинъ и капая на замасленный воротъ старой ситцевой блузы. Это было что-то горькое, полное безнадежности и вмѣстѣ съ тѣмъ безсильно строптивое. И старость, и немощи, и безпомощность положенія—все, казалось, призывало ее къ смерти, какъ къ единственному примиряющему исходу; но въ то же время замѣшивалось и прошлое съ его властностью, довольствомъ и просторомъ, и воспоминанія этого прошлаго такъ и вились въ нее, такъ и притягивали ее къ землѣ. „Умереть бы!“ мелькало въ ея головѣ, а черезъ мгновенье то же слово смѣнялось другимъ: „пожить бы!“ Она не вспоминала ни объ Іудушкѣ, ни объ умирающемъ сынѣ—оба они словно перестали существовать для нея. Ни объ комъ она не думала, ни на кого не негодовала, никого не обвиняла: она даже забыла, есть ли у нея капиталъ и достаточенъ ли онъ, чтобъ обезпечить ея старость. Тоска, смертная тоска охватила все ея существо. Тошно! горько! —вотъ единственное объясненіе, которое она могла бы дать своимъ слезамъ. Эти слезы пришли издалека; капля по каплѣ копились онѣ съ той самой минуты, какъ она выѣхала изъ Головлева и поселилась въ Дубровинѣ. Ко всему, что теперь предстояло, она была уже приготовлена; все она ожидала и предвидѣла; но ей никогда какъ-то не представлялось съ такою ясностью, что этому ожиданному и предвидѣнному долженъ наступить конецъ. И вотъ, теперь, этотъ конецъ наступилъ, конецъ, полный тоски и безнадежнаго одиночества. Всю-то жизнь она что-то устраивала, надъ чѣмъ-то убивалась, а оказывается, что убивалась надъ призракомъ. Всю жизнь слово „семья“ не сходило у нея съ языка: во имя семьи она однихъ казнила, другихъ награждала; во имя семьи она подвергала себя лишеніямъ, истязала себя, изуродовала всю свою жизнь—и вдругъ выходитъ, что семьи-то именно у нея и нѣтъ!

— Господи! да неужто жъ у всѣхъ такъ?—вертѣлось у нея въ головѣ.

Она сидѣла, опершись головой на руку и обративъ обмоченное слезами лицо на встрѣчу поднимающемуся солнцу, какъ будто говорила ему: „видь!!“ Она не стонала и не выла, а только потихоньку всхлипывала, словно захлебывалась слезами. И въ то же время на душѣ у нея такъ и горѣло:

— Нѣтъ никого! нѣтъ никого! нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!

Но вотъ изсякли и слезы. Умывши лицо, она безъ цѣли побрела въ столовую, но тутъ дѣвицы осадили ее новыми жалобами, которыя на этотъ разъ показались ей какъ-то особенно назойливыми.

-Что же это, бабушка, будетъ? неужто жъ мы такъ безъ ничего и останемся?—роптала Аннинька.

— Какой этотъ дядя глупый!—вторила ей Любинька.

Около полудня Арина Петровна рѣшилась проникнуть къ умирающему сыну. Осторожно, чуть ступая, взошла она по лѣстницѣ и ощупью отыскала въ потьмахъ двери, ведущія въ комнаты. На антресоляхъ царствовали сумерки; окна занавѣшены были зелеными шторами, сквозь которыя чуть-чуть пробивался свѣтъ; давно не возобновляемая атмосфера комнатъ пропиталась противною смѣсью разнородныхъ запаховъ, въ составленіи которой участвовали и ягоды, и пластыри, и ламнадное масло, и тѣ особенные міазмы, присутствіе которыхъ прямо говоритъ о болѣзни и смерти. Комнатъ было всего двѣ: въ первой сидѣла Улитушка, чистила ягоды и съ ожесточеніемъ сдувала мухъ, которыя тучнымъ роемъ вились надъ ворохами крыжовника и нахально садились ей на носъ и на губы. Сквозь полуотворенную дверь, изъ сосѣдней комнаты, не переставая, доносился сухой и короткій кашель, отъ времени до времени разрѣшающійся мучительной экспекторацією. Арина Петровна остановилась въ нерѣшительной позѣ, вглядываясь въ сумерки и какъ бы выжидая, что предприметъ Улитушка въ виду ея прихода. Но Улитушка даже не шевельнулась, словно была уже слишкомъ увѣрена, что всякая попытка подѣйствовать на больного останется безплодною. Только сердитое движеніе скользнуло по ея губамъ, и Аринѣ Петровнѣ послышалось произнесенное шопотомъ слово: „чортъ!"

— Ты бы, голубушка, внизъ шла!—обратилась Арина Петровна къ Улитушкѣ.

— Это еще что за новости?—огрызнулась послѣдняя.

— Мнѣ съ Павломъ Владимірычемъ говорить нужно. Ступай!

— Помилуйте, сударыня! какъ же я ихъ оставлю! А ежели что вдругъ случится—ни подать, ни принять.

— Что тамъ?—раздалось глухо изъ спальной.

— Прикажи, мой другъ, Улитѣ уйти. Мнѣ съ тобой переговорить нужно.

На этотъ разъ Арина Петровна дѣйствовала настолько настойчиво, что осталась побѣдительницей. Она перекрестилась и вошла въ комнату. Около внутренней стѣны, подальше отъ оконъ, стояла постель больного. Онъ лежалъ на спинѣ, покрытый бѣлымъ одѣяломъ, и почти безсознательно дымилъ папироской. Несмотря на табачный дымъ, мухи съ какимъ-то ожесточеніемъ нападали на него, такъ что онъ безпрестанно то той, то другой рукой проводилъ около лица. Это были руки до такой степени безсильныя, лишенныя мускуловъ, что ясно представляли очертанія кости, почти одинаково узкой отъ кисти до плеча. Голова его какъ-то безнадежно прильнула къ подушкѣ; лицо и все тѣло горѣли въ сухомъ жару. Большіе, круглые глаза ввалились и смотрѣли безпредметно, какъ бы чего-то искали; носъ вытянулся и заострился, ротъ былъ полуоткрытъ. Онъ не кашлялъ, но дышалъ съ такою силой, что, казалось, вся жизненная энергія сосредоточилась въ его груди.

— Ну, что? какъ ты сегодня себя чувствуешь? — спросила Арина Петровна, опускаясь въ кресло у его ногъ.

— Ничего... завтра... то-бишь, сегодня... когда это лекарь у насъ былъ?

— Сегодня былъ лекарь.

— Ну, значитъ, завтра...

Больной замолчалъ, какъ бы силясь припомнить слово.

— Встать можно будетъ? — подсказала Арина Петровна: — дай Богъ, мой другъ, дай Богъ,

Оба замолкли на минуту. Аринѣ Петровнѣ хотѣлось сказать что-то, но для того, чтобъ сказать, нужно было разговаривать. Вотъ этого-то именно разговора и не могла она никогда найти, когда была съ глазу на глазъ съ Павломъ Владимірычемъ.

— Будушка... живетъ? — спросилъ наконецъ самъ больной.

— Что ему дѣлается! живетъ да поживаетъ.

— Чай, думаетъ: „вотъ братецъ Павелъ умретъ — и еще, по милости Божіей, имѣньице мнѣ достанется!"

И всѣ когда-нибудь умремъ, и послѣ всѣхъ имѣнья пойдутъ... законнымъ наслѣдникамъ...

— Только не кровопивцу! Собакамъ выброшу, а не ему!

Случай выходилъ отличный: самъ Павелъ Владимірычъ заговаривалъ. Арина Петровна не преминула воспользоваться этимъ.

— Надо бы подумать объ этомъ, мой другъ! —сказала она словно мимоходомъ, не глядя на сына и разсматривая на свѣтъ руки, точно онѣ составляли въ эту минуту главный предметъ ея вниманія.

— Объ чемъ „объ этомъ“?

— А вотъ хоть бы насчетъ того, если ты не желаешь, чтобъ брату имѣнье твое осталось...

Больной молчалъ. Только глаза его неестественно расширились и лицо все больше и больше рдѣло.

— Можно бы, другъ мой, и то въ соображеніе взять, что у тебя племянницы сироты есть—какой у нихъ капиталъ? Ну, и мать тоже...—продолжала Арина Петровна.

— Все Іудушкѣ спустить успѣли?

— Какъ бы то ни было... знаю, что сама виновата... Да вѣдь и не Богъ знаетъ, какой грѣхъ... Думала тоже, что сынъ... Да и тебѣ бы можно не поломнить этого матери.

Молчаніе.

— Что же! скажи хоть что-нибудь!

— А вы какъ скоро собираетесь меня хоронить?

— Не хоронить, а все-таки... И прочіе христіане... Не всѣ сейчасъ умираютъ, а вообще...

— То-то „вообще“! Вы всегда „вообще“! Думаете, что я не вижу!

— Что же ты видишь, мой другъ?

— А то и вижу, что вы меня за дурака считаете! Ну, и положимъ, что я дуракъ, и пусть буду дуракъ! Зачѣмъ же приходите къ дураку? И не приходите! и не безпокойтесь!

— Я и не безпокоюсь; я только вообще... что всякому человѣку предѣлъ жизни положенъ...

— Ну, и ждите!

Арина Петровна понурила голову и раздумывала. Она очень хорошо видѣла, что дѣло ея стоитъ плохо, но безнадежность будущаго до того терзала ее, что даже очевидность не могла убѣдить въ безплодности дальнѣйшихъ попытокъ.

— Не знаю, за что ты меня ненавидишь!—произнесла она наконецъ.

— Нисколько... я васъ... нисколько! Я даже очень... Помилуйте! вы насъ такъ вели... всѣхъ ровно!

Онъ говорилъ это порывисто, захлебываясь: въ звукахъ голоса слышался какой-то надорванный и въ то же время торжествующій хохотъ; въ глазахъ показались искры; плечи и ноги безпокойно вздрагивали.

— Можетъ, и я въ самомъ дѣлѣ чѣмъ-нибудь провинилась, такъ ужъ прости, Христа ради!

Арина Петровна встала и поклонилась, коснувшись рукой до земли. Павелъ Владимірычъ закрылъ глаза и не отвѣчалъ.

— Положимъ, что насчетъ недвижимости... это точно, что въ теперешнемъ твоемъ положеніи нѣчего и думать, чтобы распоряженіе дѣлать... Порфирій—законный наслѣдникъ; ну, пускай ему недвижимость и достается. А движимость, а капиталъ какъ? — рѣшилась прямо объясниться Арина Петровна.

Павелъ Владимірычъ вздрогнулъ, но молчалъ. Очень возможно, что при словѣ „капиталъ“ онъ совсѣмъ не объ инсинуаціяхъ Арины Петровны помышлялъ, а просто ему подумалось: „вотъ и сентябрь на дворѣ, проценты получать надобно... шестьдесятъ-семь тысячъ шестьсотъ на пять помножить, да на два потомъ раздѣлить — сколько это будетъ?“

— Ты, можетъ быть, думаешь, что я смерти твоей желаю, такъ разувѣрься, мой другъ! Ты только живи, а мнѣ, старухѣ, и горюшка мало! Что мнѣ! мнѣ и тепленько, и сытенько у тебя, и даже ежели изъ сладенькаго чего-нибудь захочется—все у меня есть! Я только насчетъ того говорю, что у христіанъ обычай такой есть, чтобы въ ожиданіи предбудущей жизни...

Арина Петровна остановилась, словно искала подходящаго слова.

— Присныхъ своихъ обезпечивать, — докончила она, смотря въ окно.

Павелъ Владимірычъ лежалъ неподвижно и потихоньку откашливался, ни однимъ движеніемъ не выказывая, слушаетъ онъ или нѣтъ. Повидимому причитанія матери надоѣли ему.

— Капиталъ-то можно бы при жизни изъ рукъ въ руки передать,—молвила Арина Петровна, какъ бы вскользь бросая предположеніе и вновь принимаясь разсматривать на свѣтъ свои руки.

Больной чуть-чуть дрогнулъ, но Арина Петровна не замѣтила этого и продолжала:

— Капиталъ, мой другъ, и по закону къ перемѣщенію допу-

скается. Потому это — вещь наживная: вчера онъ былъ, сегодня — нѣтъ его. И никто въ немъ отчета не можетъ спрашивать — кому хочу, тому и отдаю.

Павелъ Владимірычъ вдругъ какъ-то зло засмѣялся.

— Палочкина исторію, должно быть, вспомнили! — замѣтилъ онъ: — тотъ тоже *изъ рукъ въ руки* женѣ капиталъ отдалъ, а она съ любовникомъ убѣжала!

— У меня, мой другъ, любовниковъ нѣтъ!

— Такъ безъ любовника убѣжите... съ капиталомъ!

— Какъ ты, однако, меня понимаешь!

— Никакъ я васъ не понимаю... Вы на весь свѣтъ меня дуракомъ прославили — ну, и дуракъ я. И пусть буду дуракъ! Смотрите, какія штуки-фигуры придумали — капиталъ имъ изъ рукъ въ руки передай! А самъ что? — въ монастырь, что-ли, прикажете мнѣ спасаться идти, да оттуда глядѣть, какъ вы моимъ капиталомъ распоряжаться будете?

Онъ выговорилъ все это залпомъ, злобствуя и волнуясь, и затѣмъ совсѣмъ изнемогъ. Въ продолженіе по крайней мѣрѣ четверти часа послѣ того онъ кашлялъ во всю мочь, такъ что было даже удивительно, что этотъ жалкій человѣческій остовъ еще заключаетъ въ себѣ столько силы. Наконецъ онъ отдышался и закрылъ глаза.

Арина Петровна потерянно оглядывалась кругомъ. До сихъ поръ ей все какъ-то не вѣрилось; теперь она окончательно убѣдилась, что всякая новая попытка убѣдить умирающаго можетъ только приблизить день торжества Іудушки. Іудушка такъ и мелькалъ передъ ея глазами. Вотъ онъ идетъ за гробомъ, вотъ отдаетъ брату послѣднее Іудино лобзаніе и двѣ паскудныя слезинки вытекли изъ его глазъ. Вотъ и гробъ опустили въ землю: „прррощай, братъ!“ восклицаетъ Іудушка, подергивая губами, закатывая глаза и стараясь придать своему голосу ноту горести, и вслѣдъ затѣмъ обращается въ полуоборота къ Улитушкѣ и говоритъ: „кутью-то, кутью-то не забудьте въ домъ взять! да на чистенькую скатерку поставьте... братца опять въ домъ помянуть!“ Вотъ кончился и поминальный обѣдъ, во время котораго Іудушка безъ устали говоритъ съ батюшкой о добродѣтеляхъ покойнаго и встрѣчаетъ со стороны батюшки полное подтвержденіе этихъ похвалъ. „Ахъ, братъ! братъ! не захотѣлъ ты съ нами пожить!“ восклицаетъ онъ, выходя изъ-за стола и протягивая

руку ладонью вверхъ подъ благословеніе батюшки. Вотъ наконецъ всѣ, слава Богу, напѣлись и даже выспались послѣ обѣда: Іудушка расхаживаетъ хозяиномъ по комнатамъ дома, принимаетъ вещи, заноситъ въ опись и по временамъ подозрительно взглядываетъ на мать, ежели въ чемъ-нибудь встрѣчаетъ сомнѣніе.

Всѣ эти неизбѣжныя сцены будущаго такъ и метались передъ глазами Арины Петровны. И какъ живой звенѣлъ въ ея ушахъ маслянисто-ироническій голосъ Іудушки, обращенный къ ней:

— А помните, маменька, у брата золотенькія запончики были... хорошенькія такія, еще онъ ихъ по праздникамъ надѣвалъ... и куда только эти запончики дѣвались—ума приложить не могу!

Не успѣла Арина Петровна сойти внизъ, какъ на бугрѣ у дубровинской церкви показалась коляска, запряженная четверней. Въ коляскѣ, на почетномъ мѣстѣ, возсѣдалъ Порфирій Головлевъ безъ шапки и крестился на церковь; противъ него сидѣли два его сына, Петенька и Володенька. У Арины Петровны такъ и захолонуло сердце: „почуяла Лиса Патрикѣевна, что мертвечиной пахнетъ!“ подумалось ей. Дѣвицы тоже струсили и какъ-то безпомощно жались къ бабушкѣ. Въ домѣ, до сихъ поръ тихомъ, вдругъ поднялась тревога: захлопали двери, забѣгали люди, раздались крики: „баринъ ѣдетъ! баринъ ѣдетъ!“ — и все населеніе усадьбы разомъ высыпало на крыльцо. Одни крестились, другіе просто стояли въ выжидательномъ положеніи, но всѣ, очевидно, сознавали, что то, что до сихъ поръ происходило въ Дубровинѣ, было лишь временное, что только теперь наступаетъ настоящее, заправское, съ заправскимъ хозяиномъ во главѣ. Многимъ изъ старыхъ, заслуженныхъ дворовыхъ выдавалась при „прежнемъ“ баринѣ мѣсячина; многіе держали коровъ на барскомъ сѣнѣ, имѣли огороды и вообще жили „свободно“; всѣхъ, естественно, интересовалъ вопросъ, оставитъ ли „новый“ баринъ старые порядки, или замѣнитъ ихъ новыми, головлевскими.

Іудушка между тѣмъ подъѣхалъ и по сдѣланной ему встрѣчѣ уже заключилъ, что въ Дубровинѣ дѣло идетъ къ концу. Не торопясь вышелъ онъ изъ коляски, замахалъ руками на дворовыхъ, бросившихся барину къ ручкѣ, потомъ сложилъ обѣ руки ладонями внутрь и началъ медленно взбираться по лѣстницѣ, шепотомъ про-

износя молитву. Лицо его въ одно и то же время выражало и скорбь, и твердую покорность. Какъ человѣкъ—онъ скорбѣлъ; какъ христіанинъ—роптать не осмѣливался. Онъ молился „о ниспосланіи", но больше всего уповалъ и покорялся волѣ Провидѣнія. Сыновья, въ паръ, шли сзади него. Володенька передразнивалъ отца, т.-е. складывалъ руки, закатывалъ глаза и шевелилъ губами; Петенька наслаждался представленіемъ, которое давалъ братъ. За ними безмолвной гурьбой слѣдовалъ кортежъ дворовыхъ.

Іудушка поцѣловалъ маменьку въ ручку, потомъ въ губы, потомъ опять въ ручку; потомъ потрепалъ милаго друга за талію и, грустно покачавъ головою, произнесъ:

— А вы все унываете! Нехорошо это, другъ мой! охъ, какъ нехорошо! А вы бы спросили себя: что̀, моль, Богъ на это скажетъ? Скажетъ: вотъ я въ премудрости своей все къ лучшему устрою, а она ропщетъ!—Ахъ маменька! маменька!

Потомъ перецѣловалъ обѣихъ племянницъ и съ тою же плѣнительною родственностью въ голосѣ сказалъ:

— И вы, стрекозы, туда же въ слезы! чтобъ у меня этого не было! Извольте сейчасъ улыбаться—и дѣло съ концомъ!

И онъ затопалъ на нихъ ногами или, лучше сказать, дѣлалъ видъ, что топаетъ, но въ сущности только благосклонно шутилъ.

— Посмотрите на меня!—продолжалъ онъ:—какъ братъ—я скорблю! Не разъ, можетъ быть, и вспакнулъ... Жаль брата, очень, даже до слезъ жаль... Вспакнешь, да и опомнишься: а Богъ-то на что̀? Неужто Богъ хуже нашего знаетъ, какъ и что̀? Поразмыслишь эдакъ—и ободришься. Такъ-то и всѣмъ поступать надо! И вамъ, маменька, и вамъ, племянушки, и вамъ... всѣмъ!—обратился онъ къ прислугѣ.—Посмотрите на меня, какимъ я молодцомъ хожу!

И онъ съ тою же плѣнительностью представилъ изъ себя „молодца", то-есть выпрямился, отставилъ одну ногу, выпятилъ грудь и откинулъ назадъ голову. Всѣ улыбнулись, но кисло какъ-то, словно всякій говорилъ себѣ: „ну, пошелъ теперь наукъ паутину ткать!"

Окончивъ представленіе въ залѣ, Іудушка перешелъ въ гостиную и вновь поцѣловалъ у маменьки ручку.

— Такъ такъ-то, милый другъ маменька!—сказалъ онъ, усаживаясь на диванъ:—вотъ и братъ Павелъ...

— Да, и Павелъ...—потихоньку отозвалась Арина Петровна.

— Да, да, да... раненько бы! раненько! Вѣдь я, маменька, хоть бодрюсь, а въ душѣ тоже... очень-очень объ братѣ скорблю! Не любилъ меня братъ, крѣпко не любилъ — можетъ, за это Богъ и посылаетъ ему!

— Въ этакую минуту можно бы и забыть про это! Старыя-то дрязги оставить надо...

— Я, маменька, давно позабылъ! Я только къ слову говорю: не любилъ меня братъ, а за что — не знаю! Ужъ я ли, кажется... и такъ, и сякъ, и прямо, и стороной, и „голубчикъ“, и „братецъ“ — пятится отъ меня, да и шабашъ! Анъ Богъ-то взялъ, да невидимо къ своему предѣлу и пріурочилъ!

— Говорю тебѣ: нечего поминать объ этомъ! Человѣкъ на ладанъ ужъ дышетъ!

— Да, маменька, великая это тайна — смерть! Не вѣсте ни дня, ни часа — вотъ это какая тайна! Вотъ онъ все планы планировалъ, думалъ — ужъ такъ высоко, такъ высоко стоитъ, что и рукой до него не достанешь, а Богъ-то разомъ, въ одно мгновеніе, всѣ его мечтанія опровергъ. Теперь бы онъ, можетъ, и радъ грѣшки свои поприкрыть — анъ они ужъ въ книгѣ живота записаны значатся. А изъ этой, маменька, книги, что тамъ записано, не скоро выскоблишь!

— Чай, раскаянье-то пріемлется!

— Желаю! отъ души брату желаю! Не любилъ онъ меня, а я — желаю! Я всѣмъ добра желаю! и ненавидящимъ, и обидящимъ — всѣмъ! Несправедливъ онъ былъ ко мнѣ — вотъ Богъ болѣзнь ему и послалъ, не я, а Богъ! И много онъ, маменька, страдаетъ?

— Такъ себѣ... Ничего. Докторъ былъ, даже надежду подалъ, — солгала Арина Петровна.

— Ну, вотъ какъ хорошо! Ничего, мой другъ! не огорчайтесь! можетъ быть, и отдышется! Мы-то здѣсь объ немъ сокрушаемся да на Создателя ропщемъ, а онъ, можетъ быть, сидитъ себѣ тихохонько на постелькѣ да Бога за исцѣленье благодаритъ!

Эта мысль до того понравилась Іудушкѣ, что онъ даже полегоньку хихикнулъ.

— А вѣдь я къ вамъ, маменька, погостить пріѣхалъ, — продолжалъ онъ, словно дѣлая маменькѣ пріятный сюрпризъ: — нельзя, голубушка... по родственному! Неровёнъ случай — все же, какъ

брать... и утѣшить. и посовѣтовать. и распорядиться... вѣдь вы позволите?

— Какія я позволенія могу давать! сама здѣсь—гостья.

— Ну. такъ вотъ что. голубушка. Такъ какъ сегодня у насъ пятница. такъ ужъ вы прикажите, если ваша такая милость будетъ. мнѣ постненькаго къ обѣду изготовить. Рыбки тамъ, что-ли. солененькой. грибковъ. капустки—мнѣ вѣдь немного нужно! А я между тѣмъ. по родственному... на антресоли къ брату полечу—можетъ быть, и успѣю. Не для тѣла. такъ для души что-нибудь полезное сдѣлаю. А въ его положеніи душа-то. пожалуй. поважнѣе. Тѣло-то мы. маменька, микстурками да припарочками подправить можемъ. а для души лекарства посноватильнѣе нужны.

Арина Петровна не возражала. Мысль о непредотвратимости „конца" до такой степени охватила все ея существо. что она въ какомъ-то оцѣпенѣніи присматривалась и прислушивалась ко всему. что происходило кругомъ нея. Она видѣла. какъ Іудушка. покрякивая. всталъ съ дивана, какъ онъ сгорбился. зашаркалъ ногами (онъ любилъ иногда притвориться немощнымъ: ему казалось. что такъ почтеннѣе): она понимала. что внезапное появленіе кровопивца на антресоляхъ должно глубоко взволновать больного и. можетъ быть. даже ускорить развязку; но послѣ волненій этого дня на нее напала такая усталость. что она чувствовала себя точно во снѣ.

Покуда это происходило. Павелъ Владимірычъ находился въ неописанной тревогѣ. Онъ лежалъ на антресоляхъ совсѣмъ одинъ и въ то же время слышалъ, что въ домѣ происходитъ какое-то необычное движеніе. Всякое хлопанье дверьми. всякій шагъ въ корридорѣ отзывались чѣмъ-то таинственнымъ. Нѣкоторое время онъ звалъ и кричалъ во всю мочь. но, убѣдившись, что крики безполезны. собралъ всѣ силы. приподнялся на постели и началъ прислушиваться. Послѣ общей бѣготни. послѣ громкаго говора голосовъ. вдругъ наступила мертвая тишина. Что-то неизвѣстное, страшное обступило его со всѣхъ сторонъ. Дневной свѣтъ сквозь опущенныя гардины лился скупо, и такъ какъ въ углу передъ образомъ теплилась лампадка. то сумерки. наполнявшія комнату. казались еще темнѣе и гуще. Въ этотъ таинственный уголъ онъ и уставился глазами. точно въ первый разъ его поразило нѣчто въ этой глубинѣ. Образъ въ золоченомъ окладѣ. въ который непосредственно ударяли лучи лампадки. съ какою-то

изумительной яркостью, словно что-то живое, выступалъ изъ тьмы; на потолкѣ колебался свѣтящійся кружокъ, то вспыхивая, то блѣдиѣя, по мѣрѣ того, какъ усиливалось или слабѣло пламя лампадки. Внизу господствовалъ полусвѣтъ, на общемъ фонѣ котораго дрожали тѣни. На той же стѣнѣ, около освѣщеннаго угла, висѣлъ халатъ, на которомъ тоже колебались полосы свѣта и тѣни, вслѣдствіе чего казалось, что онъ движется. Павелъ Владимірычъ всматривался-всматривался, и ему почудилось, что тамъ, въ этомъ углу, все вдругъ задвигалось. Одиночество, безпомощность, мертвая тишина—и посреди этого тѣни, цѣлый рой тѣней. Ему казалось, что эти тѣни идутъ, идутъ, идутъ... Въ неописанномъ ужасѣ, раскрывъ глаза и ротъ, онъ глядѣлъ въ таинственный уголъ и не кричалъ, а стоналъ. Стоналъ глухо, порывисто, точно лаялъ. Онъ не слыхалъ ни скрипа лѣстницы, ни осторожнаго шарканья шаговъ въ первой комнатѣ—какъ вдругъ у его постели выросла ненавистная фигура Іудушки. Ему померещилось, что онъ вышелъ оттуда, изъ этой тьмы, которая сейчасъ въ его глазахъ такъ таинственно шевелилась; что тамъ есть и еще, и еще... тѣни, тѣни, тѣни безъ конца! Идутъ, идутъ...

— Зачѣмъ? откуда? кто пустилъ?—инстинктивно крикнулъ онъ, безсильно опускаясь на подушку.

Іудушка стоялъ у постели, всматривался въ больного и скорбно покачивалъ головой.

— Больно?—спросилъ онъ, сообщая своему голосу ту степень елейности, какая только была въ его средствахъ.

Павелъ Владимірычъ молчалъ и безсмысленными глазами уставился въ него, словно усиливался понять. А Іудушка тѣмъ временемъ приблизился къ образу, всталъ на колѣни, умилился, сотворилъ три земныхъ поклона, всталъ и вновь очутился у постели.

— Ну, братъ, вставай! Богъ милости прислалъ!—сказалъ онъ, садясь въ кресло, такимъ радостнымъ тономъ, словно и въ самомъ дѣлѣ „милость“ у него въ карманѣ была.

Павелъ Владимірычъ наконецъ понялъ, что передъ нимъ не тѣнь, а самъ кровопивецъ во плоти. Онъ какъ-то вдругъ съёжился, какъ будто знобить его начало. Глаза Іудушки смотрѣли свѣтло, по родственному, но больной очень хорошо видѣлъ, что въ этихъ глазахъ скрывается „петля“, которая вотъ-вотъ сейчасъ выскочитъ и захлестнетъ ему горло.

— Ахъ, братъ, братъ! какая ты бяка сдѣлался!—продолжалъ подшучивать по родственному Іудушка.—А ты возьми да и прибодрись! Встань да и побѣги! Трускомъ-трускомъ—пусть-ка, моль, маменька полюбуется, какими мы молодцами стали! Фу-ты! ну-ты!

— Иди, кровопивецъ, вонъ!—отчаянно крикнулъ больной.

— А-а-ахъ! братъ, братъ! Я къ тебѣ съ лаской да съ утѣшеніемъ, а ты... какое ты слово сказалъ! А-а-ахъ, грѣхъ какой! И какъ это языкъ у тебя, дружокъ, повернулся, чтобъ этакое слово родному брату сказать! Стыдно, голубчикъ, даже очень стыдно! Постой-ка, я лучше подушечку тебѣ поправлю!

Іудушка всталъ и ткнулъ въ подушку пальцемъ.

— Вотъ такъ!—продолжалъ онъ:—вотъ теперь славно! Лежи себѣ хорошохонько—хоть до завтрева поправлять не нужно!

— Уйди... ты!

— Ахъ, какъ болѣзнь-то, однако, тебя испортила! Даже характеръ въ тебѣ—и тотъ какой-то строптивый сталъ! Уйди да уйди—ну, какъ я уйду! Вотъ тебѣ лечить захочется—я водички подамъ: вонъ лампадка не въ исправности—я лампадочку поправлю, маслица деревяненькаго подолью. Ты полежишь, я посижу; тихо да смирно—и не увидимъ, какъ время пройдетъ!

— Уйди, кровопивецъ!

— Вотъ ты меня бранишь, а я за тебя Богу помолюсь. Я вѣдь знаю, что ты это не отъ себя, а болѣзнь въ тебѣ говоритъ. Я, братъ, привыкъ прощать—я всѣмъ прощаю. Вотъ и сегодня—ѣду къ тебѣ, встрѣтился по дорогѣ мужичокъ и что-то сказалъ. Ну, и что жъ! и Христосъ съ нимъ! онъ же свой языкъ осквернилъ! А я... да не только я не разсердился, а даже перекрестилъ его—право!

— Ограбилъ... мужика?..

— Кто? я-то! Нѣтъ, мой другъ, я не граблю: это разбойники по большимъ дорогамъ грабятъ, а я—по закону дѣйствую. Лошадь его въ своемъ лугу поймалъ—ну, и ступай, голубчикъ, къ мировому! Коли скажетъ мировой, что травить чужіе луга дозволяется—и Богъ съ нимъ! А скажетъ, что травить не дозволяется — нечего дѣлать! штрафъ пожалуйте! По закону я, голубчикъ, по закону!

— Іуда-предатель! мать по міру пустилъ!

— И опять-таки скажу: хочешь сердись, хочешь не сердись, а

не дѣло ты говоришь! И еслибъ я не былъ христіанинъ, я бы тоже... попретендовать за это на тебя могъ!

— Пустилъ, пустилъ, пустилъ... мать по міру!

— Ну, перестань же, перестань! Вотъ я Богу помолюсь: можетъ быть, ты и попокойнѣе будешь...

Какъ ни сдерживалъ себя Іудушка, но ругательства умирающаго до того его проняли, что даже губы у него искривились и побѣлѣли. Тѣмъ не менѣе, лицемѣріе было до такой степени потребностью его натуры, что онъ никакъ не могъ прервать разъ начатую комедію. Съ послѣдними словами онъ дѣйствительно всталъ на колѣни и съ четверть часа воздѣвалъ руки и шепталъ. Исполнивши это, онъ возвратился къ постели умирающаго съ лицомъ успокоеннымъ, почти яснымъ.

— А вѣдь я, братъ, о дѣлѣ съ тобой поговорить пріѣхалъ,— сказалъ онъ, усаживаясь въ кресло: —ты меня вотъ бранишь, а я объ душѣ твоей думаю. Скажи, пожалуйста, когда ты въ послѣдній разъ утѣшеніе принялъ?

— Господи! да что жъ это... уведите его! Улитка! Аграфена! кто тутъ есть?—стоналъ больной.

— Ну, ну, ну! успокойся, голубчикъ! знаю, что ты объ этомъ говорить не любишь! Да, братъ, всегда ты дурнымъ христіаниномъ былъ и теперь такимъ же остаешься. А не худо бы, ахъ, какъ бы не худо въ такую минуту объ душѣ-то подумать! Вѣдь душа-то наша... ахъ, какъ съ ней осторожно обращаться нужно, мой другъ! Церковь-то что намъ предписываетъ? Приносите, говоритъ, моленія, благодаренія... А еще: христіанскія кончины живота нашего безболѣзненны, непостыдны, мирны—вотъ что, мой другъ! Послать бы тебѣ теперь за батюшкой, да искренно, съ раскаяньемъ... Ну-ну! не буду! не буду! А право бы такъ...

Павелъ Владимірычъ лежалъ весь багровый и чуть не задыхался. Еслибъ онъ могъ въ эту минуту разбить себѣ голову, онъ несомнѣнно сдѣлалъ бы это.

— Вотъ и насчетъ имѣнія—можетъ быть, ты ужъ и распорядился?—продолжалъ Іудушка: — хорошенькое, очень хорошенькое имѣньице у тебя—нечего сказать. Земля даже лучше, чѣмъ въ Головлевѣ: съ песочкомъ суглиночекъ-то! Ну, и капиталъ у тебя... Я вѣдь, братъ, ничего не знаю. Знаю только, что ты крестьянъ на вы-

кунъ отдалъ, а что и какъ—никогда я этимъ не интересовался. Вотъ и сегодня: ѣду къ тебѣ и говорю про себя: должно быть, у брата Павла капиталъ есть! а впрочемъ, думаю, если и есть у него капиталъ, такъ ужъ навѣрное онъ насчетъ его распоряженіе сдѣлалъ!

Больной отвернулся и тяжело вздыхалъ.

– Не сдѣлалъ? ну и тѣмъ лучше: мой другъ! По закону—оно даже справедливѣе. Вѣдь не чужимъ, а своимъ же роднымъ достанется. Я, вотъ, на что ужъ хилъ—одной ногой въ могилѣ стою, а все-таки думаю: зачѣмъ же мнѣ распоряженіе дѣлать, коль скоро законъ за меня распорядиться можетъ. И вѣдь какъ это хорошо, голубчикъ! Ни свары, ни зависти, ни кляузъ... законъ!

Это было ужасно. Павлу Владимірычу почудилось, что онъ заживо уложенъ въ гробъ, что онъ лежитъ словно скованный, въ летаргическомъ снѣ, не можетъ ни единымъ членомъ пошевельнуть и выслушиваетъ, какъ кровопивецъ ругается надъ тѣломъ его.

— Уйди... ради Христа... уйди! —началъ онъ наконецъ молить своего мучителя.

— Ну-ну-ну! успокойся! уйду! Знаю, что ты меня не любишь... Стыдно, мой другъ, очень стыдно роднаго брата не любить! Вотъ я такъ тебя люблю! И дѣтямъ всегда говорю: хоть братъ Павелъ и виноватъ передо мной, а я его все-таки люблю! Такъ ты, значитъ, не сдѣлалъ распоряженій—и прекрасно, мой другъ! Бываетъ, впрочемъ, иногда, что и при жизни капиталъ растащатъ, особенно кто безъ родныхъ, одинъ... ну, да ужъ я понрисмотрю... А? что? надоѣлъ я тебѣ? Ну, ну, такъ и быть, уйду! Дай, только Богу помолюсь!

Онъ всталъ, сложилъ ладони и наскоро пошепталъ.

– Прощай, другъ! не безпокойся! Почивай-себѣ хорошохонько —можетъ, и дастъ Богъ! А мы съ маменькой потолкуемъ да поговоримъ—можетъ быть, что и понридумаемъ! Я, братъ, постненькаго себѣ къ обѣду изготовить прошлъ... рыбки солёненькой, да грибковъ, да капустки—такъ ты ужъ меня извини! Что? или опять надоѣлъ? Ахъ, братъ, братъ!.. ну-ну, уйду, уйду! Главное, мой другъ, не тревожься, не волнуй себя—спи себѣ да почивай! Хрр... хрр...—шутливо поддразнилъ онъ въ заключеніе, рѣшаясь наконецъ уйти.

— Кровопивецъ!—раздалось ему вслѣдъ такимъ пронзительнымъ крикомъ, что даже онъ почувствовалъ, что его словно обожгло.

Покуда Порфирій Владимірычъ растабарываетъ на антресоляхъ, внизу бабушка Арина Петровна собрала вокругъ себя молодежь (не безъ цѣли что-нибудь вывѣдать) и бесѣдуетъ съ нею.

— Ну, ты какъ?—обращается она къ старшему внучку, Петенькѣ.

— Ничего, бабушка; вотъ на будущій годъ въ офицеры выйду.

— Выйдешь ли? который ужъ ты годъ обѣщаешь! Экзамены, что-ли, у васъ трудные—Богъ тебя знаетъ!

— Онъ, бабушка, на послѣднихъ экзаменахъ изъ „Начатковъ“ срѣзался. Батюшка спрашиваетъ: „что̀ есть Богъ?“ а онъ: „Богъ есть духъ... и есть духъ... и святому духу“...

— Ахъ, бѣдный ты, бѣдный! какъ же это ты такъ? Вотъ онѣ, сироты—и то, чай, знаютъ!

— Еще бы! Богъ есть духъ невидимый...—свѣшитъ блеснуть своими познаніями Аннинька.

— Его же никто же не видѣ нигдѣ же,—перебиваетъ Любинька.

— Всевѣдущій, всеблагій, всемогущій, вездѣсущій,—продолжаетъ Аннинька.

— Камо пойду отъ духа Твоего и отъ лица Твоего камо бѣжу? аще взыду на небо—тамо еси, аще сниду во адъ—тамо еси...

— Вотъ и ты бы такъ отвѣчалъ—съ эполетами теперь былъ бы. А ты, Володя, что̀ съ собой думаешь?

Володя багровѣетъ и молчитъ.

— Тоже, видно: „и святому духу“! Ахъ, дѣтки, дѣтки! На видъ какіе вы шустрые, а никакъ науку преодолѣть не можете. И добро бы отецъ у васъ баловникъ былъ... Что̀, какъ онъ теперь съ вами?

— Все тоже, бабушка.

— Колотитъ? А я вѣдь слышала, что онъ переталъ драться-то?

— Меньше, а все-таки... А главное, надоѣдаетъ ужъ очень.

— Этого я что-то ужъ и не понимаю. Какъ это отецъ надоѣдать можетъ?

— Очень, бабушка, надоѣдаетъ. Ни уйти безъ спросу нельзя, ни взять что-нибудь... совсѣмъ подлость!

— А вы бы спрашивались! языкъ-то, чай, не отвалится!

— Нѣтъ ужъ. Съ нимъ только заговори—онъ потомъ и не от-

вяжется. Постой да погоди, потихоньку да полегоньку... Ужъ очень, бабушка, скучно онъ разговариваетъ!

— Онъ, бабушка, за нами у дверей подслушиваетъ. Только на дняхъ его Петенька и накрылъ...

— Ахъ вы проказники! Что жъ онъ?

— Ничего. Я ему говорю: это—не дѣло, папенька, у дверей подслушивать: пожалуй, недолго и носъ вамъ расквасить! А онъ: „ну-ну! ничего, ничего! я, братъ, яко тать въ нощи!“

— Онъ, бабушка, на дняхъ яблоко въ саду поднялъ да къ себѣ въ шканикъ и положилъ, а я взялъ да и съѣлъ. Такъ онъ потомъ искалъ его, искалъ, всѣхъ людей къ допросу требовалъ...

— Что это! скупъ, что-ли, онъ очень сдѣлался?

— Нѣтъ, и не скупъ, а такъ какъ-то... пустяками все занимается. Бумажки прячетъ, надзирцевъ ищетъ...

— Опъ всякое утро проскомидію у себя въ кабинетѣ служитъ, а потомъ намъ по кусочку просвиры даетъ... черствой-пречерствой! Только мы однажды съ нимъ штуку сдѣлали: подсмотрѣли, гдѣ у него просвиры лежатъ, надрѣзали въ просвирѣ дно, вынули мякишъ да чухонскаго масла и положили!..

— Однакожъ вы тоже... головорѣзы!

— Нѣтъ, вы представьте на другой день его удивленье! Просвира да еще съ масломъ!

— Чай, на порядкахъ досталось вамъ?

— Ничего... Только цѣлый день плевался и все словно про себя говорилъ: „шельмы!“ Ну, мы, разумѣется, на свой счетъ не приняли. А вѣдь онъ, бабушка, васъ боится!

— Чего бояться... не пугало, чай!

— Боится—это вѣрно: думаетъ, что вы проклянёте его. Онъ этихъ проклятіевъ—страхъ какъ труситъ!

Арина Петровна задумывается. Сначала ей приходитъ на мысль: „а что, ежели и въ самомъ дѣлѣ... прокляну? такъ-таки возьму да и прокляну... проклинаю!!“ Потомъ, на смѣну этой мысли, поступаетъ другой, болѣе насущный вопросъ: „что-то Іудушка? какія-то продѣлки онъ тамъ, наверху, продѣлываетъ? такъ, чай, и извивается!“ Наконецъ ее осѣняетъ счастливая мысль.

— Володя!—говоритъ она:—ты, голубчикъ, лёгонькій! сходилъ бы потихоньку да подслушалъ бы, что у нихъ *тамъ*?

— Съ удовольствіемъ, бабушка.

Володенька на цыпочкахъ направляется къ дверямъ и исчезаетъ въ нихъ.

— Какъ это вы къ намъ сегодня надумали? — начинаетъ Арина Петровна допрашивать Петеньку.

— Мы, бабушка, давно собирались, а сегодня Улитушка прислалась нарочнымъ сказать, что докторъ былъ и что не нынче, такъ завтра дядя непремѣнно умереть долженъ.

— Ну, а насчетъ наслѣдства... былъ у васъ разговоръ?

— Мы, бабушка, цѣлый день все объ наслѣдствахъ говоримъ. Онъ все разсказываетъ, какъ прежде, еще до дѣдушки было... даже Горюшкино, бабушка, помнитъ. „Вотъ, говоритъ, кабы у тетеньки Варвары Михайловны дѣтей не было—намъ бы Горюшкино-то принадлежало! И дѣти-то, говоритъ, Богъ знаетъ отъ кого—ну, да не намъ другихъ судить! У ближняго сучокъ въ глазу видимъ, а у себя бревна не замѣчаемъ... такъ-то, братъ!“

— Нынъ вѣдь какой! Замужемъ, чай, тетенька-то была: коли что и было—все мужъ прикрылъ!

— Право, бабушка. И всякій разъ, какъ мы мимо Горюшкина ѣдемъ, всякій-то разъ онъ эту исторію поднимаетъ! „И бабушка Наталья Владиміровна, говоритъ, изъ Горюшкина взята была—но всѣмъ бы правамъ ему въ Головлевскомъ родѣ быть должно: анъ наненька покойникъ за сестрою въ приданое отдалъ! А дыни, говоритъ, какія въ Горюшкинѣ росли! По двадцати фунтовъ вѣсу—вотъ какія дыни!“

— Ужъ въ двадцать фунтовъ! чтой-то я объ такихъ не слыхивала! Ну, а насчетъ Дубровина какія его предположенія?

— Тоже въ этомъ родѣ. Арбузы да дыни... пустяки все! Въ послѣднее время, впрочемъ, все спрашивалъ: „а какъ вы, дѣтки, думаете—великъ у брата Павла капиталъ?“ Онъ, бабушка, ужъ давно все вычислилъ: и выкупной суды сколько, и когда имѣніе въ опекунскій совѣтъ заложено, и сколько долгу уплачено... Мы и бумажку видѣли, на которой онъ вычисленія дѣлалъ, только мы ее, бабушка, унесли... Мы его, бабушка, этой бумажкой чуть съ ума не свели! Онъ ее въ столъ положитъ, а мы возьмемъ да въ шкапъ переложимъ; онъ въ шкапу на ключъ запретъ, а мы подберемъ ключъ,

да въ просвиры засунемъ... Разъ онъ въ баню мыться пошелъ—смотритъ, а на полкѣ бумажка лежитъ!

— Веселье у васъ тамъ!

Возвращается Володенька; всѣ глаза устремляются на него.

— Ничего не слыхать,—сообщаетъ онъ шопотомъ:—только и слышно, что отецъ говоритъ: „безболѣзненны, непостыдны, мирны", а дядя ему: „уйди, кровопивецъ!"

— А насчетъ „распоряженія"... не слыхалъ?

— Кажется, было что-то, да не разобралъ... Очень ужъ, бабушка, плотно отецъ дверь захлопнулъ. Жужжитъ—и только. А потомъ дядя вдругъ какъ крикнетъ: „у-уй-дди!" Ну, я поскорѣй-поскорѣй, да и сюда!

— Хоть бы сиротамъ...—тоскуетъ въ раздумьи Арина Петровна.

— Ужъ если отцу достанется, онъ, бабушка, никому ничего не дастъ,—удостовѣряетъ Петенька:—я даже такъ думаю, что онъ и насъ-то наслѣдства лишитъ.

— Не въ могилу же съ собой унесетъ!

— Нѣтъ, а какое-нибудь средство выдумаетъ. Онъ намедни не даромъ съ попомъ поговаривалъ: „а что, говоритъ, батюшка, еслибы вавилонскую башню выстроить—много на это денегъ потребуется!"

— Ну, это онъ такъ... можетъ, изъ любопытства...

— Нѣтъ, бабушка, проектъ у него какой-то есть. Не на вавилонскую башню, такъ въ Афонъ пожертвуетъ, а ужъ намъ не дастъ!

— А большое, бабушка, у отца имѣніе будетъ, когда дядя умретъ?—любопытствуетъ Володенька.

— Ну, это еще Богу извѣстно, кто прежде кого умретъ.

— Нѣтъ, бабушка, отецъ навѣрное разсчитываетъ. „Давеча, только мы до дубровинской ямы доѣхали, онъ даже картузъ снялъ, перекрестился: „слава Богу, говоритъ, опять по своей землѣ поѣдемъ!"

— Онъ, бабушка, все ужъ распредѣлилъ. „Лѣсокъ увидалъ: „вотъ, говоритъ, кабы на хозяина—ахъ, хорошъ бы былъ лѣсокъ!" Потомъ на покосецъ посмотрѣлъ: „ай-да покосецъ! смотри-ка, смотри-ка, стоговъ-то что наставлено! тутъ прежде конный заводецъ былъ".

— Да, да... и лѣсокъ, и покосецъ—все ваше, голубчики, будетъ! — вздыхаетъ Арина Петровна.—Батюшки! да никакъ на лѣстницѣ-то скрипнуло!

— Тише, бабушка, тише! Это онъ... яко тать въ нощи... у дверей подслушиваетъ.

Наступаетъ молчаніе: но тревога оказывается ложною. Арина Петровна вздыхаетъ и шепчетъ про себя: „ахъ, дѣтки, дѣтки!" Молодые люди въ упоръ глядятъ на сиротокъ, словно пожрать ихъ хотятъ; сиротки молчатъ и завидуютъ.

— А вы, кузина, мамзель Лотаръ видѣли?—заговариваетъ Петенька.

Аннинька и Любинька взглядываютъ другъ на друга, точно спрашиваютъ, изъ исторіи это или изъ географіи.

— Въ „Прекрасной Еленѣ"... она на театрѣ Елену играетъ.

— Ахъ, да... Елена... это Парисъ? „Будучи прекрасенъ и молодъ, онъ разжегъ сердца богинь"... знаемъ! знаемъ!—обрадовалась Любинька.

— Это, это самое и есть. А какъ она „cas-ca-ader, ca-as-cader" выдѣлываетъ... прелесть!

— У насъ давеча докторъ все „кувыркомъ" пѣлъ.

— „Кувыркомъ"—это покойная Лядова... вотъ, кузина, прелесть-то была! Когда умерла, такъ тысячи двѣ человѣкъ за гробомъ шли... думали, что революція будетъ!

— Да ты объ театрахъ, что-ли, болтаешь!—вмѣшивается Арина Петровна:—такъ имъ, мой другъ, не по театрамъ ѣздить, а въ монастырь...

— Вы, бабушка, все насъ въ монастырѣ похоронить хотите!—жалуется Аннинька.

— А вы, кузина, вмѣсто монастыря-то въ Петербургъ укатите! Мы вамъ тамъ все покажемъ!

— У нихъ, мой другъ, не удовольствія на умѣ должны быть, а божественное,—продолжаетъ наставительно Арина Петровна.

— Мы ихъ, бабушка, въ Сергіеву пустынь на лихачѣ прокатимъ—вотъ и божественное будетъ.

У сиротокъ даже глазки разгорѣлись и кончики носиковъ покраснѣли при этихъ словахъ.

— А какъ, говоритъ, поютъ у Сергія!—восклицаетъ Аннинька.

— Съ тѣмъ ужъ, кузина, возьмите. *Трисвятую пѣснь припѣвающе*—даже отецъ такъ не споетъ. А потомъ мы бы васъ по всѣмъ тремъ Подъяческимъ покатали.

— Мы бы васъ, кузина, всему-всему научили! Въ Петербургѣ вѣдь такихъ, какъ вы, барышенъ очень много: ходятъ да каблучками постукиваютъ.

— Развѣ что этому научите! — вступается Арина Петровна: —Ужъ оставьте вы ихъ, Христа ради... учители! Тоже учить собрались... наукамъ, должно быть! Вотъ я съ ними, какъ Павелъ умретъ, въ Хотьковъ уѣду... и такъ-то мы тамъ заживемъ!

— А вы все сквернословите?—вдругъ раздалось въ дверяхъ.

Посреди разговора никто и не слыхалъ, какъ подкрался Іудушка, яко тать въ нощи! Онъ весь въ слезахъ, голова поникла, лицо блѣдно, руки сложены на груди, губы шепчутъ. Нѣкоторое время онъ ищетъ глазами образа, наконецъ находитъ и съ минуту возноситъ свой духъ.

— Плохъ! ахъ, какъ плохъ!—наконецъ восклицаетъ онъ, обнимая милаго друга маменьку.

— Неужто ужъ такъ?

— Очень-очень дуренъ, голубушка... А помните, какимъ онъ прежде молодцомъ былъ!

— Ну, когда же молодцомъ?.. Что-то я этого не помню!

— Ахъ, нѣтъ, маменька, не говорите! Всегда онъ... я какъ сейчасъ помню, какъ онъ изъ корпуса вышелъ: стройный такой, широкоплечій, кровь съ молокомъ... Да, да! Такъ-то, мой другъ маменька! Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ! сегодня и здоровы, и сильны, и пожить бы, и пожуировать бы, и сладенькаго скушать, а завтра...

Онъ махнулъ рукой и умилился.

— Поговорилъ ли онъ, по крайней мѣрѣ?

— Мало, голубушка; только молвилъ: „прощай, братъ!" А вѣдь онъ, маменька, чувствуетъ! чувствуетъ, что ему плохо приходится!

— Будешь, батюшка, чувствовать, какъ грудь-то ходуномъ ходитъ!

— Нѣтъ, маменька, я не объ томъ. Я объ прозорливости; прозорливость, говорятъ, человѣку дана: который человѣкъ умираетъ —всегда тотъ заранѣе чувствуетъ. Вотъ грѣшникамъ — тѣмъ въ этомъ утѣшенья отказано.

— Ну-ну! объ „распоряженіи" не говорилъ ли чего?

— Нѣтъ, маменька. Хотѣлъ онъ что-то сказать, да я остановилъ. Нѣтъ, говорю, нечего объ распоряженіяхъ разговаривать! Что ты мнѣ, братъ, по милости своей, оставишь—я всѣмъ буду доволенъ, а ежели и ничего не оставишь—и даромъ за упокой помяну! А какъ ему, маменька, пожить-то хочется! такъ хочется! такъ хочется!

— И всякому пожить хочется!

— Нѣтъ, маменька, вотъ я объ себѣ скажу. Ежели Господу Богу угодно призвать меня къ себѣ—хоть сейчасъ готовъ!

— Хорошо, какъ къ Богу, а ежели къ сатанѣ угодишь?

Въ такомъ духѣ разговоръ длится и до обѣда, и во время обѣда, и послѣ обѣда. Аринѣ Петровнѣ даже на стулѣ не сидится отъ нетерпѣнія. По мѣрѣ того, какъ Іудушка растабарываетъ, ей все чаще и чаще приходитъ на мысль: „а что, ежели... прокляну?" Но Іудушка даже и не подозрѣваетъ того, что въ душѣ матери происходитъ цѣлая буря: онъ смотритъ такъ ясно и продолжаетъ себѣ потихоньку да полегоньку притѣснять милаго друга маменьку своей безнадежною канителью.

— Прокляну! прокляну! прокляну!—все рѣшительнѣе да рѣшительнѣе повторяетъ про себя Арина Петровна.

Въ комнатахъ пахнетъ ладаномъ; по дому раздается протяжное пѣніе; двери отворены настежь; желающіе поклониться покойному приходятъ и уходятъ. При жизни никто не обращалъ вниманія на Павла Владимірыча, со смертью его—всѣмъ сдѣлалось жалко. Припоминали, что онъ „никого не обидѣлъ", „никому грубаго слова не сказалъ", „ни на кого не взглянулъ косо". Всѣ эти качества, казавшіяся прежде отрицательными, теперь представлялись чѣмъ-то положительнымъ, и изъ неясныхъ обрывковъ обычнаго похороннаго празднословія вырисовывался типъ „добраго барина". Многіе въ чемъ-то раскаивались, что по временамъ пользовались простотою покойнаго въ ущербъ ему—да вѣдь кто же зналъ, что этой простотѣ такъ скоро конецъ настанетъ! Жила-жила простота, думали, что ей и вѣку не будетъ, а она вдругъ... А была бы жива простота—и теперь бы ее накаливали: накаливай, ребята! что дуракамъ въ зубы смотрѣть! Одинъ мужичокъ принесъ Іудушкѣ три цѣликовыхъ и сказалъ:

— „Должокъ за мной покойному Павлу Владимірычу былъ. Записокъ промежду насъ не было—такъ вотъ!

Іудушка взялъ деньги, похвалилъ мужика и сказалъ, что онъ эти три цѣлковыхъ на маслицо для „неугасимой" отдастъ.

— И ты, дружокъ, будешь видѣть, и всѣ будутъ видѣть, а душа покойнаго радоваться будетъ. Можетъ, онъ что-нибудь и вымолитъ *тамъ* для тебя! Ты и не ждешь—анъ вдругъ тебѣ Богъ счастье пошлетъ!

Очень возможно, что въ мірской оцѣнкѣ качествъ покойнаго немало участвовало и сравненіе. Іудушку не любили. Не то чтобъ его нельзя было обойти, а очень ужъ онъ шутки любилъ, надоѣдалъ да приставалъ. „Даже земельные участки немногіе рѣшились у него кортомить, потому что онъ сдастъ участокъ, да за каждый лишній запаханный или закошенный вершокъ, за каждую пропущенную минуту въ уплатѣ долга сейчасъ начнетъ съемщика по судамъ таскать. Многихъ онъ такъ-то затаскалъ и самъ ничего не выигралъ (его привычку кляузничать такъ вездѣ знали, что, почти не разбирая дѣлъ, отказывали въ его претензіяхъ), и народъ волокитами да прогулами разорилъ. „Не куни двора, а куни сосѣда", говоритъ пословица, а у всѣхъ на знати, каковъ сосѣдъ—головлевскій баринъ. Нужды нѣтъ, что мировой тебя оправитъ,—онъ тебя своимъ судомъ, сатанинскимъ, изведетъ. И такъ какъ злость (даже не злость, а скорѣе нравственное окостенѣніе), прикрытая лицемѣріемъ, всегда наводитъ какой-то суевѣрный страхъ, то новые „сосѣди" (Іудушка очень привѣтливо называетъ ихъ „сосѣдушками") боязливо кланялись въ поясъ, проходя мимо кровопивца, который, весь въ черномъ, стоялъ у гроба съ сложенными ладонями и воздѣтыми вверхъ глазами.

Покуда покойникъ лежалъ въ домѣ, домашніе ходили на цыпочкахъ, заглядывали въ столовую (тамъ, на обѣденномъ столѣ, былъ поставленъ гробъ), качали головами, шепталисъ. Іудушка притворялся чуть-живымъ, шаркалъ по корридору, заходилъ въ „покойничку", умилялся, поправлялъ на гробѣ покровъ и шепталсяъ становымъ приставомъ, который составлялъ описи и прикладывалъ печати. Нетенька и Володенька суетились около гроба, ставили и зажигали свѣчки, подавали кадило и проч. Аннинька и Любинька плакали и сквозь слезы тоненькими голосами подпѣвали дьячкамъ

на панихидахъ. Дворовыя женщины, въ черныхъ каленкоровыхъ платьяхъ, утирали передниками раскраснѣвшіеся отъ слезъ носы.

Арина Петровна тотчасъ же, какъ послѣдовала смерть Павла Владимірыча, ушла въ свою комнату и заперлась тамъ. Ей было не до слезъ, потому что она сознавала, что сейчасъ же должна была на что-нибудь рѣшиться. Оставаться въ Дубровинѣ она и не думала... „ни за что!“—слѣдовательно предстояло одно: ѣхать въ Погорѣлку, имѣніе сироть, то самое, которое нѣкогда представляло „кусокъ“, выброшенный ею непочтительной дочери Аннѣ Владиміровнѣ. Принявши это рѣшеніе, она почувствовала себя облегченною, какъ будто Іудушка вдругъ и навсегда потерялъ всякую власть надъ нею. Спокойно пересчитала пятипроцентные билеты (капиталу оказалось: своего пятнадцать тысячъ, да столько же сиротскаго, ею накопленнаго, и спокойно же сообразила, сколько нужно истратить денегъ, чтобы привести погорѣлковскій домъ въ порядокъ. Затѣмъ немедленно послала за погорѣлковскимъ старостой, отдала нужныя приказанія насчетъ найма плотниковъ и присылки въ Дубровино подводъ за ея и сиротскими пожитками, велѣла готовить тарантасъ (въ Дубровинѣ стоялъ ея *собственный* тарантасъ, и она имѣла *доказательства*, что онъ ея *собственный*) и начала укладываться. Къ Іудушкѣ она не чувствовала ни ненависти, ни расположенія: ей просто сдѣлалось противно съ нимъ дѣло имѣть. Даже ѣла она неохотно и мало, потому что съ нынѣшняго дня приходилось ѣсть уже не Павлово, а Іудушкино. Нѣсколько разъ Порфирій Владимірычъ заглядывалъ въ ея комнату, чтобъ покалякать съ милымъ другомъ маменькой (онъ очень хорошо понималъ ея приготовленія къ отъѣзду, но дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ), но Арина Петровна не допускала его.

— Ступай, мой другъ, ступай!—говорила она:—мнѣ некогда.

Черезъ три дня у Арины Петровны все было уже готово къ отъѣзду. Отстояли обѣдню, отпѣли и схоронили Павла Владимірыча. На похоронахъ все произошло точно такъ, какъ представляла себѣ Арина Петровна въ то утро, какъ Іудушкѣ пріѣхать въ Дубровино. Именно такъ крикнулъ Іудушка: „прощай, братъ!“ когда опускали гробъ въ могилу, именно такъ же обратился онъ вслѣдъ затѣмъ къ Улитушкѣ и торопливо сказалъ:

— Кутью-то! кутью-то не позабудьте взять! да въ столовой на

чистенькую скатертцу поставьте... чай, и въ домѣ братца помянуть придется!

Къ обѣду, который по обычаю былъ поданъ сейчасъ какъ пришли съ похоронъ, были приглашены три священника (въ томъ числѣ отецъ благочинный) и дьяконъ. Дѣвичкамъ была устроена особая трапеза въ прихожей. Арина Петровна и сироты вышли въ дорожномъ платьѣ, но Іудушка и тутъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ. Подойдя къ закускѣ, Порфирій Владимірычъ попросилъ отца благочиннаго благословить ястіе и питіе, затѣмъ налилъ себѣ и духовнымъ отцамъ по рюмкѣ водки, умилился и произнесъ:

— Новопреставленному! вѣчная память! Ахъ, братъ, братъ! оставилъ ты насъ! а кому бы, кажется, и пожить, какъ не тебѣ. Дурной ты, братъ! нехорошій!

Сказалъ, перекрестился и выпилъ. Потомъ опять перекрестился и проглотилъ кусочекъ икры, опять перекрестился — и балычка отвѣдалъ.

— Кушайте, батюшка!—убѣждалъ онъ отца благочиннаго:— все это—запасы покойнаго братца! любилъ покойникъ покушать! И самъ хорошо кушалъ, а еще больше другихъ любилъ угостить! Ахъ, братъ, братъ! оставилъ ты насъ! Нехорошій ты, братъ! недобрый!

Словомъ сказать, такъ зарапортовался, что даже позабылъ объ маменькѣ. Только тогда вспомнилъ, какъ ужъ рыжичковъ зачерпнулъ и совсѣмъ-было собрался ложку въ ротъ отправить.

Маменька! голубчикъ!—всполошился онъ:— а я-то, простофиля, уписываю—ахъ, грѣхъ какой! Маменька! закусочки! рыжичковъ! Дубровинскіе вѣдь рыжички-то! знаменитые!

Но Арина Петровна только безмолвно кивнула головой въ отвѣтъ и не двинулась. Казалось, она съ любопытствомъ къ чему-то прислушивалась. Какъ будто какой-то свѣтъ пролился у нея передъ глазами, и вся эта комедія, къ повторенію которой она съ малолѣтства привыкла, въ которой сама всегда участвовала, вдругъ показалась ей совсѣмъ новою, невиданною.

Обѣдъ начался съ родственныхъ пререканій. Іудушка настаивалъ, чтобы маменька на хозяйское мѣсто сѣла; Арина Петровна отказывалась.

— Нѣтъ, ты здѣсь хозяинъ, ты и садись, куда тебѣ хочется!— сухо проговорила она.

— Вы — хозяйка! вы, маменька, вездѣ хозяйка! и въ Головлевѣ, и въ Дубровинѣ — вездѣ! — убѣждалъ Іудушка.

— Нѣтъ ужъ! садись! Гдѣ мнѣ хозяйкой Богъ приведетъ быть, тамъ я и сама сяду, гдѣ вздумается! а здѣсь ты хозяинъ — ты и садись!

— Такъ мы вотъ что сдѣлаемъ! — умилился Іудушка: — мы хозяйскій-то приборъ незанятымъ оставимъ! Какъ будто брать здѣсь невидимо съ нами сотранезуетъ... онъ — хозяинъ, а мы гостями будемъ!

Такъ и сдѣлали. Покуда разливали супъ, Іудушка, выбравъ приличный сюжетъ, начинаетъ бесѣду съ батюшками, преимущественно впрочемъ обращая рѣчь къ отцу благочинному.

— Вотъ многіе нынче въ безсмертіе души не вѣрятъ... а я вѣрю! — говоритъ онъ.

— Ужъ это развѣ отчаянные какіе-нибудь! — отвѣтилъ отецъ благочинный.

— Нѣтъ, и не отчаянные, а наука такая есть. Будто бы человѣкъ самъ собою... Живетъ-это, и вдругъ — умеръ!

— Очень ужъ много этихъ наукъ нынче развелось — поубавить бы! Наукамъ вѣрятъ, а въ Бога не вѣрятъ. Даже мужики — и тѣ въ ученые норовятъ.

— Да, батюшка, правда ваша. Хотятъ, хотятъ въ ученые попасть. У меня вотъ наголовскіе: ѣсть нечего, а намедни приговоръ написали — училище открывать хотятъ... ученые!

— Противъ всего нынче науки нашли. Противъ дождя — наука, противъ вёдра — наука. Прежде, бывало, попросту: придутъ да молебенъ отслужатъ — и дастъ Богъ. Вёдро нужно — вёдро Господь пошлетъ; дождя нужно — и дождя у Бога не занимать стать. Всего у Бога довольно. А съ тѣхъ поръ какъ по наукѣ начали жить — словно вотъ отрѣзало: все пошло безо времени. Сѣять нужно — засуха, косить нужно — дождикъ!

— Правда ваша, батюшка, святая ваша правда. Прежде, какъ Богу-то чаще молились, и земля лучше родила. Урожаи-то были не нынѣшніе, самъ-четверть да самъ-пять — сторицею давала земля. Вотъ, маменька, чай, помнитъ? Помните, маменька? — обращается Іудушка къ Аринѣ Петровнѣ съ намѣреніемъ и ее вовлечь въ разговоръ.

— Не слыхала, чтобъ въ нашей сторонѣ... Ты, можетъ, объ

ханаанской землѣ читалъ — тамъ, сказываютъ, дѣйствительно это бывало,—сухо отзывается Арина Петровна.

— Да, да, да,— говоритъ Іудушка, какъ бы не слыша замѣчанія матери:—въ Бога не вѣрятъ, безсмертія души не признаютъ... а жрать хотятъ!

Именно—только бы жрать бы, да пить бы! вторилъ отецъ благочинный, засучивая рукава своей рясы, чтобы положить на тарелку кусокъ номинальнаго пирога.

Всѣ принимаются за супъ; нѣкоторое время только и слышится, какъ лязгаютъ ложки объ тарелки да фыркаютъ попы, дуя на горячую жидкость.

— А вотъ католики, продолжаетъ Іудушка, переставая ѣсть: такъ тѣ хотя безсмертія души и не отвергаютъ, но взамѣнъ того говорятъ, будто бы душа не прямо въ адъ или въ рай попадаетъ, а на нѣкоторое время... въ среднее какое-то мѣсто поступаетъ.

— И это опять неосновательно.

— Какъ бы вамъ сказать, батюшка...—задумывается Порфирій Владимірычъ:—коли начать говорить съ точки зрѣнія...

— Нечего объ пустякахъ говорить. Святая церковь какъ поетъ? Поетъ: „въ мѣстѣ злачномъ, въ мѣстѣ прохладномъ, идѣже нѣсть ни печали, ни воздыханія"... Объ какомъ же тутъ „среднемъ" мѣстѣ еще разговаривать!

Іудушка, однакожъ, не вполнѣ соглашается и хочетъ кой-что возразить; но Арина Петровна, которую начинаетъ ужъ коробить отъ этихъ разговоровъ, останавливаетъ его.

Ну, ужъ ѣшь, ѣшь... богословъ! и супъ, чай, давно простылъ! говоритъ она и, чтобы перемѣнить разговоръ, обращается къ отцу благочинному:—съ рожью-то, батюшка, убрались?

— Убрался, сударыня: нынче рожь хороша, а вотъ яровые — не обѣщаютъ! Овесъ зерна не успѣлъ порядкомъ налить, а ужъ мѣшаться начали. Ни зерна, ни соломы ожидать нельзя.

— Вездѣ нынче на овесъ жалуются!—вздыхаетъ Арина Петровна, слѣдя за Іудушкой, какъ онъ вычерпываетъ ложкой остатки супа.

Подаютъ другое кушанье: ветчину съ горошкомъ. Іудушка пользуется этимъ случаемъ, чтобъ возобновить прерванный разговоръ.

— Вотъ жиды этого кушанья не ѣдятъ,—говоритъ онъ.

— Жиды—накостники. отзывается отецъ благочинный: — ихъ за это свинымъ ухомъ дразнятъ.

— Однакожъ. вотъ и татары... Какая-нибудь причина этому да есть.

— И татары тоже накостники вотъ и причина.

— Мы коняны не ѣдимъ, а татары—свининой брезгаютъ. Вотъ въ Парижѣ, сказываютъ, крысъ во время осады ѣли.

— Ну, тѣ—французы!

Такимъ образомъ идетъ весь обѣдъ. Подаютъ карасей въ сметанѣ—Іудушка объясняетъ:

— Кушайте, батюшка! Это караси особенные: покойный братецъ ихъ очень любилъ!

Подаютъ спаржу—Іудушка говоритъ:

— Вотъ это такъ спаржа! Въ Петербургѣ за этакую спаржу рублика серебрецомъ платить надо. Покойный братецъ самъ за нею ухаживалъ! Вотъ она, Богъ съ ней, толстая какая!

У Арины Петровны такъ и кипитъ сердце: цѣлый часъ прошелъ, а обѣдъ только въ половинѣ. Іудушка словно нарочно медлитъ: поѣстъ, потомъ положитъ ножикъ и вилку, покалякаетъ, потомъ опять поѣстъ, и опять покалякаетъ. Сколько разъ, въ бывалое время, Арина Петровна крикивала за это на него: „да бишь же, прости Господи, сатана!"—да, видно, онъ позабылъ маменькины наставленія. А можетъ быть и не позабылъ, а нарочно дѣлаетъ, мститъ. А можетъ быть даже и не мститъ сознательно, а такъ нутро его, отъ природы ехидное, играетъ. Наконецъ подали жаркое: въ ту самую минуту, какъ всѣ встали и отецъ дьяконъ затянулъ „о блаженномъ успеніи", въ корридорѣ поднялась возня, послышались крики, которые совсѣмъ уничтожили эффектъ заупокойнаго возгласа.

— Что тамъ за шумъ?—крикнулъ Порфирій Владимірычъ:—въ кабакъ, что-ли, забрались?

— Не кричи, сдѣлай милость! Это я... это мои сундуки перетаскиваютъ,—отозвалась Арина Петровна и не безъ ироніи прибавила:—будешь, что-ли, осматривать?

Всѣ вдругъ смолкли; даже Іудушка не нашелся и поблѣднѣлъ. Онъ впрочемъ сейчасъ же сообразилъ, что надо какъ-нибудь замять

непріятную апостроfу матери и, обратясь къ отцу благочинному, началъ:

— Вотъ тетеревъ, напримѣръ... Въ Россіи ихъ множество, а въ другихъ странахъ...

— Да ѣшь, Христа ради; намъ вѣдь двадцать-пять верстъ ѣхать; надо засвѣтло поспѣвать,—прервала его Арина Петровна.— Петенька! поторопи тамъ, голубчикъ, чтобъ пирожное подавали!

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Порфирій Владимірычъ живо доѣлъ свой кусокъ тетерьки и сидѣлъ блѣдный, постукивая ногой въ полъ и вздрагивая губами.

— Обижаете вы меня, добрый другъ маменька! крѣпко вы меня обижаете!—наконецъ произноситъ онъ, не глядя впрочемъ на мать.

— Кто тебя обидитъ! И чѣмъ это я такъ... крѣпко тебя обидѣла?

— Очень, очень обидно... такъ обидно! такъ обидно! Въ такую минуту... уѣзжать!.. Все жили да жили... и вдругъ... И наконецъ эти сундуки... осмотръ... Обидно!

— Ужъ коли ты хочешь все знать, такъ я могу и отвѣтъ дать. Жила я тутъ, покуда сынъ Павелъ былъ живъ; умеръ онъ—я и уѣзжаю. А что касается до сундуковъ, такъ Улитка давно за мной, по твоему приказанью, слѣдитъ. А по мнѣ, лучше прямо сказать матери, что она въ подозрѣніи состоитъ, нежели, какъ змѣя, изъ-за чужой спины на нее шипѣть.

— Маменька! другъ мой! да вы... да я...—простоналъ Іудушка.

— Будетъ!—не дала ему продолжать Арина Петровна:—я высказалась.

— Но чѣмъ же, другъ мой, я могъ...

— Говорю тебѣ: я высказалась—и оставь. Отпусти меня, ради Христа, съ миромъ. Тарантасъ, чу, готовъ.

Дѣйствительно, на дворѣ раздались бубенчики и стукъ подъѣзжающаго экипажа. Арина Петровна первая встала изъ-за стола; за ней поднялись и прочіе.

— Ну, теперь присядемте на минутку, да и въ путь!—сказала она, направляясь въ гостиную.

Посидѣли, помолчали, а тѣмъ временемъ Іудушка совсѣмъ ужъ успѣлъ оправиться.

— А не то пожили бы, маменька, въ Дубровинѣ... посмотри-

те-ка, какъ здѣсь хорошо!—сказалъ онъ, глядя матери въ глаза съ ласковостью провинившагося пса.

— Нѣтъ, мой другъ, будетъ! не хочу я тебѣ, на прощаніе, непріятнаго слова сказать... а нельзя мнѣ здѣсь оставаться! Не у чего! Батюшка! помолимтесь!

Всѣ встали и помолились; затѣмъ Арина Петровна со всѣми перецѣловалась, всѣхъ благословила, по родственному, и, тяжело ступая ногами, направилась къ двери. Порфирій Владимірычъ, во главѣ всѣхъ домашнихъ, проводилъ ее до крыльца, но тутъ, при видѣ тарантаса, его смутилъ объемъ любомудрія. „А тарантасъ-то вѣдь братцевъ!“ блеснуло у него въ головѣ.

— Такъ увидимся, добрый другъ маменька!—сказалъ онъ, подсаживая мать и искоса поглядывая на тарантасъ.

— Коли Богъ велитъ... отчего же не увидѣться!

— Ахъ, маменька, маменька! проказница вы право! Велите-ка тарантасъ-то отложить, да съ Богомъ на старое гнѣздышко... право!—лебезилъ Іудушка.

Арина Петровна не отвѣчала: она совсѣмъ ужъ усѣлась и крестное знаменіе даже сотворила, но сиротки что-то медлили.

А Іудушка между тѣмъ поглядывалъ да поглядывалъ на тарантасъ.

Такъ тарантасъ-то, маменька, какъ же? вы сами доставите или прислать за нимъ прикажете?—наконецъ не выдержалъ онъ.

Арина Петровна даже затряслась вся отъ негодованія.

— Тарантасъ — мой! — крикнула она такимъ болѣзненнымъ крикомъ, что всѣмъ сдѣлалось и неловко, и совѣстно.— Мой! мой! мой тарантасъ! Я его... у меня доказательства... свидѣтели есть! А ты... а тебя... ну, да ужъ подожду... посмотрю, что дальше отъ тебя будетъ! Дѣти! долго ли?

Помилуйте, маменька! я вѣдь не въ претензіи... Еслибъ даже тарантасъ былъ дубровинскій...

— Мой тарантасъ, мой! Не дубровинскій, а мой! не смѣй говорить... слышишь!

— Слушаю, маменька... Такъ вы, голубушка, не забывайте насъ... попросту, знаете, безъ затѣй! Мы къ вамъ, вы къ намъ... по родственному!

— Ѣли, что-ли? трогай!—крикнула Арина Петровна, едва сдерживая себя.

Тарантасъ дрогнулъ и покатился мелкой рысцой по дорогѣ. Іудушка сталъ на крыльцѣ, махалъ платкомъ и, покуда тарантасъ не скрылся совсѣмъ изъ виду, кричалъ ему вслѣдъ:

— По родственному! Мы къ вамъ! вы къ намъ!.. по родственному!

III.—Семейные итоги.

Никогда не приходило Аринѣ Петровнѣ на мысль, что можетъ наступить минута, когда она будетъ представлять собой „линій ротъ“—и вотъ эта минута подкралась именно въ такую пору, когда она въ первый разъ въ жизни практически убѣдилась, что нравственныя и физическія ея силы подорваны. Такія минуты всегда приходятъ внезапно; хотя человѣкъ, быть можетъ, уже давно надломленъ, но все-таки еще перемогается и стоитъ—и вдругъ откуда-то сбоку наносится послѣдній ударъ. Подстеречь этотъ ударъ, сознать его приближеніе очень трудно; приходится просто и безмолвно покориться ему, ибо это—тотъ самый ударъ, который недавняго бодраго человѣка мгновенно и безапелляціонно превращаетъ въ развалину.

Тяжело было положеніе Арины Петровны, когда она, разорвавши съ Іудушкой, поселилась въ Дубровинѣ; но тогда она по крайней мѣрѣ знала, что Павелъ Владиміричъ хоть и косо смотритъ на ея вторженіе, но все-таки онъ человѣкъ достаточный, для котораго лишній кусокъ не много значитъ. Теперь дѣло приняло совсѣмъ иной оборотъ: она стояла во главѣ такого хозяйства, гдѣ всѣ „куски“ были на счету. А она знала цѣну этимъ „кускамъ“, ибо, проведя всю жизнь въ деревнѣ, въ общеніи съ крестьянскимъ людомъ, вполнѣ усвоила себѣ крестьянское представленіе объ ущербѣ, который наноситъ „лишній ротъ“ хозяйству, и безъ того уже скудному.

Тѣмъ не менѣе, первое время по переселеніи въ Погорѣлку она еще бодрилась, хлопотливо устраивалась на новомъ мѣстѣ и выказывала прежнюю ясность хозяйственныхъ соображеній. Но хозяйство

въ Погорѣлкѣ было суетливое, мелочное, требовало ежеминутнаго личнаго присмотра, и хотя сторяча ей показалось, что достигнуть точнаго учета тамъ, гдѣ изъ полушекъ составляются гроши, а изъ грошей гривенники, не составляетъ никакой мудрости, однако скоро она должна была сознаться, что это—убѣжденіе ошибочное. Мудрости, дѣйствительно, не было, но и не было ни прежней охоты, ни прежнихъ силъ. Къ тому же дѣло происходило осенью, въ самый разгаръ хозяйственныхъ итоговъ, а между тѣмъ время стояло ненастное и полагало невольный предѣлъ усердію Арины Петровны. Явились старческія немощи, не дозволявшія выходить изъ дома: настали длинные, тоскливые осенніе вечера, осуждавшіе на фаталистическую праздность. Старуха волновалась и рвалась, но ничего не могла сдѣлать.

Съ другой стороны она не могла не замѣтить, что и съ сиротами дѣлается что-то неладное. Онѣ вдругъ заскучали и опустили головы. Какіе-то смутные планы будущаго волновали ихъ—планы, въ которыхъ представленія о трудѣ шли въ перемежку съ представленіями объ удовольствіяхъ, конечно, самаго невиннаго свойства. Тутъ были и воспоминанія объ институтѣ, въ которомъ онѣ воспитывались, и вычитанныя урывками мысли о людяхъ труда, и робкая надежда, съ помощью институтскихъ связей, ухватиться за какую-то нить и при ея пособіи войти въ свѣтлое царство человѣческой жизни. Надъ всей этой смутностью, тѣмъ не менѣе, господствовала одна цѣлящая и очень опредѣленная мысль: во что бы ни стало уйти изъ постылой Погорѣлки. И вотъ, въ одно прекрасное утро, Аннинька и Любинька объявили бабушкѣ, что долѣе оставаться въ Погорѣлкѣ не могутъ и не хотятъ. Что это ни на что не похоже, что онѣ въ Погорѣлкѣ никого не видятъ, кромѣ попа, который къ тому же постоянно, при свиданіи съ ними, почему-то заговариваетъ о дѣвахъ, погасившихъ свои свѣтильники, и что вообще „такъ нельзя". Дѣвицы говорили рѣзко, ибо боялись бабушки, и тѣмъ больше напускали на себя храбрости, чѣмъ больше ждали съ ея стороны гнѣвной вспышки и отпора. Но, къ удивленію, Арина Петровна выслушала ихъ сѣтованія не только безъ гнѣва, но даже не выказавъ поползновенія къ безплоднымъ поученіямъ, на которыя такъ таровата безсильная старость. Увы! это была ужъ не та властная женщина, которая во времена оны съ увѣренностью говаривала: „уѣду въ Хотьковъ и внучатъ съ собой возьму". И не одно старческое безсиліе участвовало въ этой

перемѣнѣ, но и пониманіе чего-то лучшаго, болѣе справедливаго. Послѣдніе удары судьбы не просто смирили ее, но еще освѣтили въ ея умственномъ кругозорѣ нѣкоторые уголки, въ которые мысль ея повидимому никогда дотолѣ не заглядывала. Она поняла, что въ человѣческомъ существѣ кроются извѣстныя стремленія, которыя могутъ долго дремать, но, разъ проснувшись, уже неотразимо влекутъ человѣка туда, гдѣ прорѣзывается лучъ жизни, тотъ отрадный лучъ, появленіе котораго такъ давно подстерегали глаза среди безнадежной мглы настоящаго. И, разъ понявъ законность подобнаго стремленія, она ужъ была безсильна противодѣйствовать ему. Правда, она оттоваривала внучекъ отъ ихъ намѣренія, но слабо, безъ убѣжденія; она безпокоилась насчетъ ожидающаго ихъ будущаго, тѣмъ болѣе, что сама не имѣла никакихъ связей въ такъ-называемомъ свѣтѣ, но въ то же время чувствовала, что разлука съ дѣвушками есть дѣло должное, неизбѣжное. Что съ ними будетъ?—этотъ вопросъ вставалъ передъ ней назойливо и ежеминутно; но вѣдь ни этимъ вопросомъ, ни даже болѣе страшными—не удержишь того, кто рвется на волю. А дѣвушки только о томъ и твердили, чтобъ вырваться изъ Погорѣлки. И дѣйствительно, послѣ немногихъ колебаній и отсрочекъ, сдѣланныхъ въ угоду бабушкѣ, уѣхали.

Съ отъѣздомъ сиротъ погорѣльковскій домъ окунулся въ какую-то безнадежную тишину. Какъ ни сосредоточена была Арина Петровна по природѣ, но близость человѣческаго дыханія производила и на нее успокоительное дѣйствіе. Проводивши внучекъ, она, можетъ быть, въ первый разъ почувствовала, что отъ ея существа что-то оторвалось и что она разомъ получила какую-то безграничную свободу, до того безграничную, что она уже ничего не видѣла передъ собой, кромѣ пустого пространства. Чтобъ какъ-нибудь скрыть въ собственныхъ глазахъ эту пустоту, она распорядилась немедленно заколотить парадныя комнаты и мезонинъ, въ которомъ жили сироты („кстати и дровъ меньше выходить будетъ", думала она при этомъ), а для себя отдѣлила всего двѣ комнаты, изъ которыхъ въ одной помѣщался большой кіотъ съ образами, а другая представляла въ одно и то же время спальную, кабинетъ и столовую. Прислугу тоже, ради экономіи, распустила, оставивъ при себѣ только старую, едва таскающую ноги ключницу Афимьюшку да одноглазую солдатку Марковну, которая готовила кушанье и стирала бѣлье. Но всѣ эти предосторожности по-

могли мало: ощущеніе пустоты не замедлило проникнуть и въ тѣ двѣ комнаты, въ которыхъ она думала отгородиться отъ него. Безпомощное одиночество и унылая праздность — вотъ два врага, съ которыми она очутилась лицомъ къ лицу и съ которыми отнынѣ обязывалась коротать свою старость. И вслѣдъ за ними не заставила себя ждать и работа физическаго и нравственнаго разрушенія, работа тѣмъ болѣе жестокая, чѣмъ меньше отпора дастъ ей праздная жизнь.

Дни чередовались днями съ тѣмъ удручающимъ однообразіемъ, которымъ такъ богата деревенская жизнь, если она не обставлена ни комфортомъ, ни хозяйственнымъ трудомъ, ни матеріаломъ, дающимъ пищу для ума. Независимо отъ внѣшнихъ причинъ, дѣлавшихъ личный хозяйственный трудъ недоступнымъ, Аринѣ Петровнѣ и внутренно сдѣлалась противною та грошовая суета, которая застигла ее подъ конецъ жизни. Можетъ быть, она бы и перемогла свое отвращеніе, еслибъ была въ виду цѣль, которая оправдывала бы ея усилія, но именно цѣли-то и не было. Всѣмъ она опостылѣла, надоѣла, и ей все и всѣ опостылѣли, надоѣли. Прежняя лихорадочная дѣятельность вдругъ уступила мѣсто сонливой праздности, а праздность мало-помалу развратила волю и привела за собой такія наклонности, о которыхъ, конечно, и во снѣ не снилось Аринѣ Петровнѣ за нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Изъ крѣпкой и сдержанной женщины, которую никто не рѣшался даже назвать старухой, получилась развалина, для которой не существовало ни прошлаго, ни будущаго, а существовала только минута, которую предстояло прожить.

Днемъ она бо́льшею частью дремала. Сядетъ въ кресло передъ столомъ, на которомъ разложены вощія карты, и дремлетъ. Потомъ вздрогнетъ, проснется, взглянетъ въ окно и долго, безъ всякой сознательной мысли, не отрываетъ глазъ отъ разстилающейся безъ конца дали. Погорѣлка была печальная усадьба. Она стояла, какъ говорится, на тычкѣ, безъ сада, безъ тѣни, безъ всякихъ признаковъ какого бы то ни было комфорта. Даже палисадника впереди не было. Домъ былъ одноэтажный, словно придавленный, и весь почернѣвшій отъ времени и непогодъ: сзади расположены были многочисленныя службы, тоже приходившія въ ветхость, а кругомъ стлались поля, поля безъ конца: даже лѣсу на горизонтѣ не было видно. Но такъ какъ Арина Петровна съ дѣтства почти безвыѣздно жила въ деревнѣ, то эта бѣдная природа не только не казалась ей унылою, но даже

говорила ея сердцу и пробуждала остатки чувствъ, которыя въ ней теплились. Лучшая часть ея существа жила въ этихъ нагихъ и безконечныхъ поляхъ, и взоры инстинктивно искали ихъ во всякое время. Она вглядывалась въ полевую даль; вглядывалась въ эти измокшія деревни, которыя въ видѣ черныхъ точекъ пестрѣли тамъ и сямъ на горизонтѣ; вглядывалась въ бѣлыя церкви сельскихъ погостовъ; вглядывалась въ пестрыя пятна, которыя бродячія въ лучахъ солнца облака рисовали на равнинѣ полей; вглядывалась въ этого неизвѣстнаго мужика, который шелъ между полевыхъ бороздъ, а ей казалось, что онъ словно застылъ на одномъ мѣстѣ. Но при этомъ она ни о чемъ не думала или, лучше сказать, у нея были мысли до того разорванныя, что ни на чемъ не могли остановиться на болѣе или менѣе продолжительное время. Она только глядѣла, глядѣла до тѣхъ поръ, пока старческая дремота не начинала вновь гудѣть въ ушахъ и не заволакивала туманомъ и поля, и церкви, и деревни, и бредущаго вдали мужика.

Иногда она повидимому припоминала, но память прошлаго возвращалась безъ связи, въ формѣ обрывковъ. Вниманіе ни на чемъ не могло сосредоточиться и безпрерывно перебѣгало отъ одного далекаго воспоминанія къ другому. Но временамъ однакожъ ее поражало что-нибудь особенное, не радость—на радости прошлое ея было до жестокости скупо,—а обида какая-нибудь, горькая, непереносная. Тогда внутри ея словно загоралось, тоска заползала въ сердце и слезы подступали къ глазамъ. Она начинала плакать, плакала тяжко, съ болью, плакала такъ, какъ плачетъ жалкая старость, у которой слезы льются точно подъ тяжестью кошмара. Но покуда слезы лились, безсознательная мысль продолжала свое дѣло и незамѣтно для Арины Петровны отвлекала ее отъ источника, породившаго печальное настроеніе, такъ что черезъ нѣсколько минутъ старуха и сама съ удивленіемъ спрашивала себя, что такое случилось съ нею.

Вообще она жила, какъ бы не участвуя лично въ жизни, а единственно въ силу того, что въ этой развалинѣ еще хоронились какіе-то забытые концы, которые надлежало собрать, учесть и подвести итоги. Покуда эти концы были еще на-лицо, жизнь шла своимъ чередомъ, заставляя развалину производить всѣ внѣшнія отправленія, какія необходимы для того, чтобъ это полусонное существованіе не разсыпалось въ прахъ.

Но ежели дни проходили въ безсознательной дремотѣ, то ночи были положительно мучительны. Ночью Арина Петровна *боялась*: боялась воровъ, привидѣній, чертей, словомъ—всего, что̀ составляло продуктъ ея воспитанія и жизни. А защита противъ всего этого была плохая, потому что, кромѣ ветхой прислуги, о которой было сказано выше, ночной погорѣльковскій штатъ весь воплощался въ лицѣ хроменькаго мужичка Ѳедосѣюшки, который за два рубля въ мѣсяцъ приходилъ съ села сторожить по ночамъ господскую усадьбу и обыкновенно дремалъ въ сѣняхъ, выходя въ урочные часы, чтобъ сдѣлать нѣсколько ударовъ въ чугунную доску. Хотя же на скотномъ дворѣ и жило нѣсколько работниковъ и работницъ, но скотная изба отстояла отъ дома саженяхъ въ двадцати, и вызвать оттуда кого-нибудь было дѣломъ далеко не легкимъ.

Есть что-то тяжелое, удручающее въ безсонной деревенской ночи. Часовъ съ девяти или много-много съ десяти жизнь словно прекращается и наступаетъ тишина, наводящая страхъ. И дѣлать нечего, да и свѣчей жаль—но неволѣ приходится лечь спать. Аѳимьюшка, какъ только сняли со стола самоваръ, по привычкѣ, пріобрѣтенной еще при крѣпостномъ правѣ, постелила войлокъ поперекъ двери, ведущей въ барынину спальную; затѣмъ почесалась, позѣвала, и какъ только повалилась на полъ, такъ и замерла. Марковна возилась въ дѣвичьей нѣсколько долѣе и все что-то бормотала, кого-то ругала; но вотъ наконецъ и она притихла, и черезъ минуту ужъ слышно, какъ она поочередно то храпитъ, то бредитъ. Сторожъ нѣсколько разъ звякнулъ въ доску, чтобы заявить о своемъ присутствіи, и умолкъ надолго. Арина Петровна сидитъ передъ нагорѣвшей сальной свѣчой и пробуетъ разогнать сонъ пасьянсомъ; но едва принимается она за раскладываніе картъ, какъ дремота начинаетъ одолѣвать ее. „Того и гляди, еще пожаръ со сна надѣлаешь!“ говоритъ она сама съ собой и рѣшается лечь въ кровать. Но едва успѣла она утонуть въ пуховикахъ, какъ приходитъ другая бѣда: сонъ, который цѣлый вечеръ такъ и манилъ, такъ и ломалъ, вдругъ совсѣмъ исчезъ. Въ комнатѣ и безъ того натоплено, изъ открытаго душника жаръ такъ и валитъ, а отъ пуховиковъ атмосфера дѣлается просто нестерпимою. Арина Петровна ворочается съ боку на бокъ, и хочется ей покликать кого-нибудь, и знаетъ она, что на ея кличъ никто не придетъ. Загадочная тишина царитъ вокругъ—тишина, въ которой насторожен-

ное ухо умѣетъ отличить цѣлую массу звуковъ. То хлопнуло гдѣ-то, то раздался вдругъ вой, то словно-кто-то прошелъ по корридору, то пролетѣло по комнатѣ какое-то дуновеніе и даже по лицу задѣло. Лампадка горитъ передъ образомъ и свѣтомъ своимъ сообщаетъ предметамъ какой-то обманчивый характеръ—точно это не предметы, а только очертанія предметовъ. Рядомъ съ этимъ сомнительнымъ свѣтомъ является другой, выходящій изъ растворенной двери сосѣдней комнаты, гдѣ передъ кіотомъ зажжены четыре или пять лампадъ. Этотъ свѣтъ желтымъ четыреугольникомъ легъ на полу, словно врѣзался въ мракъ спальной, не сливаясь съ нимъ. Всюду тѣни, колеблющіяся, беззвучно движущіяся. Вотъ мышь заскреблась за обоями; „шт, паскудная!“ крикнетъ на нее Арина Петровна — и опять все смолкнетъ. Опять тѣни, опять неизвѣстно откуда берущійся шопотъ. Въ чуткой, болѣзненной дремотѣ проходитъ бо́льшая часть ночи, и только къ утру сонъ настоящимъ образомъ вступаетъ въ свои права. А въ шесть часовъ утра Арина Петровна ужъ на ногахъ, измученная безсонной ночью.

Ко всѣмъ этимъ причинамъ, достаточно обрисовывающимъ жалкое существованіе, которое вела Арина Петровна, присоединялись еще двѣ: скудость питанія и неудобства помѣщенія. Ѣла она мало и дурно, вѣроятно думая этимъ наверстать ущербъ, производимый въ хозяйствѣ недостаточностью надзора. Что же касается до помѣщенія, то погорѣловскій домъ былъ ветхъ и сыръ, а комната, въ которой заперлась Арина Петровна, никогда не освѣжалась и по цѣлымъ недѣлямъ оставалась неубранною. И вотъ, среди этой полной безпомощности, среди отсутствія всякаго комфорта и ухода, приближалась дряхлость.

Но чѣмъ больше она дряхлѣла, тѣмъ сильнѣе сказывалось въ ней желаніе жизни. Или, лучше сказать, не столько желаніе жизни, сколько желаніе „полакомиться“, сопряженное съ совершеннымъ отсутствіемъ идеи смерти. Прежде она боялась смерти, теперь—какъ будто совсѣмъ позабыла объ ней. И такъ какъ ея жизненные идеалы немногимъ разнились отъ идеаловъ любого крестьянина, то и представленіе о „хорошемъ житьѣ“, которымъ она себя обольщала, было довольно низменнаго свойства. Все, въ чемъ она отказывала себѣ въ теченіе жизни—хорошій кусокъ, покой, бесѣда съ живыми людьми—все это сдѣлалось предметомъ самыхъ упорныхъ помышленій. Всѣ

наклонности завзятой приживалки — празднословіе, льстивая угодливость ради подачки, прожорливость — росли съ изумительной быстротой. Она питалась дома людскими щами съ несвѣжей солониной — и въ это время мечтала о головлевскихъ запасахъ, о карасяхъ, которые водились въ дубровинскихъ прудахъ, о грибахъ, которыми полны были головлевскіе лѣса, о птицѣ, которая откармливалась въ Головлевѣ на скотномъ дворѣ. „Сунцу бы теперь съ гусинымъ потрохомъ или рыжичковъ бы въ сметанѣ“, мелькало въ ея головѣ, мелькало до того живо, что даже углы губъ у нея опускались. Ночью она ворочалась съ боку на бокъ, замирала отъ страха при каждомъ шорохѣ и думала: „вотъ въ Головлевѣ и запоры крѣпкіе, и сторожа вѣрные, стучатъ себѣ да постукиваютъ въ доску не уставаючи — сни себѣ какъ у Христа за пазушкой!“ Днемъ ей по цѣлымъ часамъ приходилось ни съ кѣмъ не вымолвить слова, и во время этого невольнаго молчанія само собой приходило на умъ: „вотъ въ Головлевѣ — тамъ людно, тамъ есть и душу съ кѣмъ отвести!“ Словомъ сказать, ежеминутно припоминалось Головлево; и по мѣрѣ этихъ припоминаній оно дѣлалось чѣмъ-то въ родѣ свѣтозарнаго пункта, въ которомъ сосредоточивалось „хорошее житье“.

И чѣмъ чаще смущалось воображеніе представленіемъ о Головлевѣ, тѣмъ сильнѣе возвращалась воля и тѣмъ дальше уходили въ глубь недавнія кровныя обиды. Русская женщина, по самому складу ея воспитанія и жизни, слишкомъ легко мирится съ участью приживалки, а потому и Арина Петровна не минула этой участи, хотя, казалось, все ея прошлое предостерегало и оберегало ее отъ этого ига. Не сдѣлай она „въ то время“ ошибки, не отдѣли сыновей, не довѣрься Іудушкѣ, она бы была и теперь брюзгливой и требовательной старухой, которая заставила бы всѣхъ смотрѣть изъ ея рукъ. Но такъ какъ ошибка была сдѣлана безповоротно, то переходъ отъ брюзжаній самодурства къ покорности и льстивости приживалки составлялъ только вопросъ времени. Покуда силы сохраняли остатки прежней крѣпости, переходъ не выказывался наружу, но какъ только она себя сознала безвозвратно осужденною на безпомощность и одиночество, такъ тотчасъ же въ душу начали заползать всѣ пополэновенія малодушія и мало-по-малу окончательно развратили и безъ того уже распатаншую волю. Іудушка, который въ первое время, пріѣзжая въ Погорѣлку, встрѣчалъ тамъ лишь самый холодный пріемъ, вдругъ

пересталъ быть ненавистнымъ. Старыя обиды забылись какъ-то само собой, и Арина Петровна первая сдѣлала шагъ къ сближенію.

Началось съ выпрашиваній. Изъ Погорѣлки являлись къ Іудушкѣ гонцы сначала рѣдко, потомъ чаще и чаще. То рыжичковъ въ Погорѣлкѣ не родилось, то огурчики отъ дождей вышли съ пятнышками, то индюшки, по нынѣшнему вольному времени, переколѣли, „да приказалъ бы ты, сердечный другъ, карасиковъ въ Дубровинѣ половить, въ коихъ и покойный сынъ Павелъ старухѣ-матери никогда не отказывалъ". Іудушка морщился, но открыто выражать неудовольствіе не рѣшался. Жаль ему было карасей, но онъ пуще всего боялся, что мать его проклянетъ. Онъ помнилъ, какъ она разъ говорила: „пріѣду въ Головлево, прикажу открыть церковь, позову попа и закричу: проклинаю!" и это воспоминаніе останавливало его отъ многихъ пакостей, на которыя онъ былъ великій мастеръ. Но, выполняя волю „добраго друга маменьки", онъ все-таки вскользь намекалъ своимъ окружающимъ, что всякому человѣку положено нести отъ Бога крестъ, и что это дѣлается не безъ цѣли, ибо, не имѣя креста, человѣкъ забывается и впадаетъ въ развратъ. Матери же писалъ такъ: „огурчиковъ, добрый другъ маменька, по силѣ возможности посылаю; что же касается до индюшекъ, то, сверхъ выпущенныхъ на племя, остались одни только пѣтухи, кои для васъ, по огромности ихъ и ограниченности вашего стола, будутъ безполезны. А не угодно ли вамъ будетъ пожаловать въ Головлево раздѣлить со мною убогую трапезу; тогда мы одного изъ сихъ тунеядцевъ (именно тунеядцы, ибо мой поваръ Матвѣй преискусно оныхъ каплунитъ) велимъ зажарить и всласть съ вами, дражайшій другъ, покушаемъ".

Съ этихъ поръ Арина Петровна зачастила въ Головлево. Отвѣдывала съ Іудушкой и индюшекъ, и утокъ; спала всласть и ночью, и послѣ обѣда, и отводила душу въ безконечныхъ разговорахъ о пустякахъ, на которые Іудушка былъ тароватъ по природѣ, а она сдѣлалась тароватою вслѣдствіе старости. Даже и тогда не прекратила посѣщеній, когда до нея дошло, что Іудушка, наскучивъ продолжительнымъ вдовствомъ, взялъ къ себѣ въ экономки дѣвицу изъ духовнаго званія, именемъ Евпраксію. Напротивъ того, узнавъ объ этомъ, она тотчасъ же поѣхала въ Головлево и, не успѣвъ еще вылѣзти изъ экипажа, съ какимъ-то ребяческимъ нетерпѣніемъ кричала Іудушкѣ: „а ну-ка, ну, старый грѣховодникъ! кажи мнѣ, кажи свою

краю!“ Цѣлый этотъ день она провела въ полномъ удовольствіи, потому что Евпраксеюшка сама служила ей за обѣдомъ, сама постелила для нея постель послѣ обѣда, а вечеромъ она играла съ Іудушкой и его кралѐй въ дураки. Іудушка тоже былъ доволенъ такой развязкой и, въ знакъ сыновней благодарности, велѣлъ, при отъѣздѣ Арины Петровны въ Погорѣлку, положить ей въ тарантасъ, между прочимъ, фунтъ икры, что̀ было уже высшимъ знакомъ уваженія, ибо икра — предметъ не свой, а купленный. Этотъ поступокъ такъ тронулъ старуху, что она не вытерпѣла и сказала:

— Ну, вотъ за это спасибо! И Богъ тебя, милый дружокъ, будетъ любить за то, что мать, на старости лѣтъ, покоишь да холишь. По крайности, пріѣду ужо̀ въ Погорѣлку — не скучно будетъ. Всегда я икорку любила — вотъ и теперь, по милости твоей, полакомлюсь!

Прошло лѣтъ пять со времени переселенія Арины Петровны въ Погорѣлку. Іудушка, какъ засѣлъ въ своемъ родовомъ Головлевѣ, такъ и не двигается оттуда. Онъ значительно постарѣлъ, вылинялъ и потускнѣлъ, но шильничаетъ, лжетъ и пустословитъ еще пуще прежняго, потому что теперь у него почти постоянно подъ руками добрый другъ маменька, которая ради сладкаго старушечьяго куска сдѣлалась обязательной слушательницей его пустословія.

Не надо думать, что Іудушка былъ лицемѣръ въ смыслѣ, напримѣръ, Тартюфа или любого современнаго французскаго буржуа, соловьемъ разсыпающагося по части общественныхъ основъ. Нѣтъ, ежели онъ и былъ лицемѣръ, то лицемѣръ чисто русскаго пошиба, то-есть просто человѣкъ, лишенный всякаго нравственнаго мѣрила и не знающій иной истины, кромѣ той, которая значится въ азбучныхъ прописяхъ. Онъ былъ невѣжествен безъ границъ, сутяга, лгунъ, пустословъ и, въ довершеніе всего, боялся чорта. Все это — такія отрицательныя качества, которыя отнюдь не могутъ дать прочнаго матеріала для дѣйствительнаго лицемѣрія.

Во Франціи лицемѣріе вырабатывается воспитаніемъ, составляетъ, такъ сказать, принадлежность „хорошихъ манеръ“ и почти всегда имѣетъ яркую политическую или соціальную окраску. Есть лицемѣры религіи, лицемѣры общественныхъ основъ, собственности, семейства, государственности, а въ послѣднее время народились даже

лицемѣры „порядка". Ежели этого рода лицемѣріе и нельзя назвать убѣжденіемъ, то во всякомъ случаѣ это—знамя, кругомъ котораго собираются люди, которые находятъ разсчетъ полицемѣрить именно тѣмъ, а не инымъ способомъ. Они лицемѣрятъ сознательно, въ смыслѣ своего знамени, то-есть и сами знаютъ, что они лицемѣры, да, сверхъ того, знаютъ, что это и другимъ небезъизвѣстно. Въ понятіяхъ француза-буржуа вселенная есть не что иное, какъ обширная сцена, гдѣ дается безконечное театральное представленіе, въ которомъ одинъ лицемѣръ подаетъ реплику другому. Лицемѣріе, это—приглашеніе къ приличію, къ декоруму, къ красивой внѣшней обстановкѣ, и что̀ всего важнѣе: лицемѣріе—это узда. Не для тѣхъ, конечно, которые лицемѣрятъ, плавая въ высотахъ общественныхъ эмпиреевъ, а для тѣхъ, которые нелицемѣрно кишатъ на днѣ общественнаго котла. Лицемѣріе удерживаетъ общество отъ разнузданности страстей и дѣлаетъ послѣднюю привилегіей лишь самаго ограниченнаго меньшинства. Пока разнузданность страстей не выходитъ изъ предѣловъ небольшой и плотно организованной корпораціи—она не только безопасна, но даже поддерживаетъ и питаетъ традиціи изящества. Изящное погибло бы, еслибъ не существовало извѣстнаго числа cabinets particuliers, въ которыхъ оно культивируется въ минуты, свободныя отъ культа оффиціальнаго лицемѣрія. Но разнузданность становится положительно опасною, какъ только она дѣлается общедоступною и соединяется съ предоставленіемъ каждому свободы предъявлять свои требованія и доказывать ихъ законность и естественность. Тогда возникаютъ новыя общественныя наслоенія, которыя стремятся ежели не совсѣмъ вытѣснить старыя, то, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени ограничить ихъ. Спросъ на cabinets particuliers до того увеличивается, что наконецъ возникаетъ вопросъ: не проще ли, на будущее время, совсѣмъ обходиться безъ нихъ? Вотъ отъ этихъ-то нежелательныхъ возникновеній и вопросовъ и оберегаетъ дирижирующіе классы французскаго общества то систематическое лицемѣріе, которое, не довольствуясь почвою обычая, переходитъ на почву легальности и изъ простой черты нравовъ становится закономъ, имѣющимъ характеръ принудительный.

На этомъ законѣ уваженія къ лицемѣрію основанъ, за рѣдкими исключеніями, весь современный французскій театръ. Герои лучшихъ французскихъ драматическихъ произведеній, то-есть тѣхъ, которыя

пользуются наибольшимъ успѣхомъ именно за необыкновенную реальность изображаемыхъ въ нихъ житейскихъ пакостей, всегда улучаютъ подъ конецъ нѣсколько свободныхъ минутъ, чтобъ подправить эти пакости громкими фразами, въ которыхъ объявляется святость и сладость добродѣтели. Адель можетъ въ продолженіе четырехъ актовъ всячески осквернять супружеское ложе; но въ пятомъ она непремѣнно во всеуслышаніе заявитъ, что семейный очагъ есть единственное убѣжище, въ которомъ французскую женщину ожидаетъ счастье. Спросите себя: что было бы съ Аделью, еслибъ авторамъ вздумалось продолжить свою пьесу еще на пять такихъ же актовъ, и вы можете безошибочно отвѣтить на этотъ вопросъ, что въ продолженіе слѣдующихъ четырехъ актовъ Адель опять будетъ осквернять супружеское ложе, а въ пятомъ опять обратится къ публикѣ съ тѣмъ же заявленіемъ. Да и нѣтъ надобности дѣлать предположенія, а слѣдуетъ только изъ Théâtre Français отправиться въ Gymnase, оттуда въ Vaudeville или въ Variétés, чтобъ убѣдиться, что Адель вездѣ одинаково осквернятъ супружеское ложе и вездѣ же подъ конецъ объявляетъ, что это-то ложе и есть единственный алтарь, въ которомъ можетъ священнодѣйствовать честная француженка. Это до такой степени въѣлось въ нравы, что никто даже не замѣчаетъ, что тутъ кроется самое дурацкое противорѣчіе, что правда жизни является рядомъ съ правдою лицемѣрія и обѣ идутъ рука объ руку, до того перепутываясь между собой, что становится затруднительнымъ сказать, которая изъ этихъ двухъ правдъ имѣетъ болѣе правъ на признаніе.

Мы, русскіе, не имѣемъ сильно окрашенныхъ системъ воспитанія. Насъ не муштруютъ, изъ насъ не вырабатываютъ будущихъ поборниковъ и пропагандистовъ тѣхъ или другихъ общественныхъ основъ, а просто оставляютъ расти, какъ крапива растетъ у забора. Поэтому между нами очень мало лицемѣровъ и очень много лгуновъ, пустосвятовъ и пустослововъ. Мы не имѣемъ надобности лицемѣрить ради какихъ-нибудь общественныхъ основъ, ибо никакихъ такихъ основъ не знаемъ и ни одна изъ нихъ не прикрываетъ насъ. Мы существуемъ совсѣмъ свободно, т. е. прозябаемъ, лжемъ и пустословимъ сами по себѣ, безъ всякихъ основъ.

Слѣдуетъ ли по этому случаю радоваться или соболѣзновать — судить объ этомъ не мое дѣло. Думаю, однакожъ, что если лицемѣ-

ріе можетъ внушить негодованіе и страхъ, то безпредметное лганье способно возбудить докуку и омерзѣніе. А потому самое лучшее— это, оставивъ въ сторонѣ вопросъ о преимуществахъ лицемѣрія сознательнаго передъ безсознательнымъ, или наоборотъ,—запереться и отъ лицемѣровъ, и отъ лгуновъ.

Итакъ, Іудушка—не столько лицемѣръ, сколько накостникъ, лгунъ и пустословъ. Запершись въ деревнѣ, онъ сразу почувствовалъ себя на свободѣ, ибо нигдѣ, ни въ какой иной сферѣ, его наклонности не могли бы найти себѣ такого простора, какъ здѣсь. Въ Головлевѣ онъ ни откуда не встрѣчалъ не только прямого отпора, но даже малѣйшаго косвеннаго ограниченія, которое заставило бы его подумать: вотъ-дескать и напакостилъ бы, да людей совѣстно. Ничье сужденіе не безпокоило, ничей нескромный взглядъ не тревожилъ—слѣдовательно не было повода и самому себя контролировать. Безграничная неряшливость сдѣлалась господствующею чертою его отношеній къ самому себѣ. Давнымъ-давно влекла его къ себѣ эта полная свобода отъ какихъ-либо нравственныхъ ограниченій, и ежели онъ еще раньше не переѣхалъ на житье въ деревню, то единственно потому, что боялся праздности. Проведя болѣе тридцати лѣтъ въ тусклой атмосферѣ департамента, онъ пріобрѣлъ всѣ привычки и вожделѣнія закоренѣлаго чиновника, не допускающаго, чтобы хотя одна минута его жизни оставалась свободною отъ переливанія изъ пустого въ порожнее. Но, вглядѣвшись въ дѣло пристальнѣе, онъ легко пришелъ къ убѣжденію, что міръ дѣловаго бездѣльничества настолько подвижень, что нѣтъ ни малѣйшаго труда перенести его куда угодно, въ какую угодно сферу. И дѣйствительно, какъ только онъ поселился въ Головлевѣ, такъ тотчасъ же создалъ себѣ такую массу пустяковъ и мелочей, которую можно было, не переставая, переворачивать, безъ всякаго опасенія когда-нибудь исчерпать ее. Съ утра онъ садился за письменный столъ и принимался за занятія: во-первыхъ, учитывалъ скотницу, ключницу, приказчика, сперва на одинъ манеръ, потомъ на другой; во-вторыхъ, завелъ очень сложную отчетность, денежную и матеріальную: каждую копѣйку, каждую вещь заносилъ въ двадцати книгахъ, подводилъ итоги, то терялъ полкопѣйки, то цѣлую копѣйку линію находилъ. Наконецъ бралъ за перо и писалъ жалобы къ мировому судьѣ и къ посреднику. Все это не только не оставляло ни одной

минуты праздной, но даже имѣло всѣ внѣшнія формы усидчиваго, непосильнаго труда. Не на праздность жаловался Іудушка, а на то, что не успѣвалъ всего передѣлать, хотя цѣлый день корпѣлъ въ кабинетѣ, не выходя изъ халата. Груды тщательно подшитыхъ, но не обревизованныхъ рапортичекъ постоянно валялись на его письменномъ столѣ, и въ томъ числѣ цѣлая годовая отчетность скотницы Окелы, дѣятельность которой съ перваго раза показалась ему подозрительной и которую онъ, тѣмъ не менѣе, никакъ не могъ найти свободную минуту учесть.

Всякая связь съ внѣшнимъ міромъ была окончательно порвана. Онъ не получалъ ни книгъ, ни газетъ, ни даже писемъ. Одинъ сынъ его, Володенька, кончилъ самоубійствомъ: съ другимъ, Петенькой, онъ переписывался коротко и лишь тогда, когда посылалъ деньги. Густая атмосфера невѣжественности, предразсудковъ и кропотливаго переливанія изъ пустого въ порожнее царила кругомъ него, и онъ не ощущалъ ни малѣйшаго поползновенія освободиться отъ нея. Даже о томъ, что Наполеонъ III уже не царствуетъ, онъ узналъ лишь черезъ годъ послѣ его смерти, отъ станового пристава, но и тутъ не выразилъ никакого особеннаго ощущенія, а только перекрестился, пошепталъ: „царство небесное!“ и сказалъ:

— А какъ былъ гордъ! Фу-ты! ну-ты! И то нехорошо, и другое неладно! Цари на поклонъ къ нему ѣздили, принцы въ передней дежурили! Анъ Богъ-то взялъ, да въ одну минуту всѣ его мечтанія ниспровергъ!

Собственно говоря, онъ не зналъ даже, что̀ дѣлается у него въ хозяйствѣ, хотя съ утра до вечера только и дѣлалъ, что считалъ да учитывалъ. Въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ всѣ качества закоренѣлаго департаментскаго чиновника. Представьте себѣ столоначальника, которому директоръ, подъ веселую руку, сказалъ бы: „любезный другъ! для моихъ соображеній необходимо знать, сколько Россія можетъ ежегодно производить картофеля — такъ потрудитесь сдѣлать подробное вычисленіе!“ Всталъ ли бы въ тупикъ столоначальникъ передъ подобнымъ вопросомъ? Задумался ли бы онъ, по крайней мѣрѣ, надъ пріемами, которые предстоитъ употребить для выполненія заказанной ему работы? — Нѣтъ, онъ поступилъ бы гораздо проще: начертилъ бы карту Россіи, разлиновалъ бы ее на совершенно равные квадратики, доискался бы, какое количество десятинъ

представляетъ собой каждый квадратикъ, потомъ зашелъ бы въ мелочную лавочку, узналъ, сколько сѣется на каждую десятину картофеля и сколько *среднимъ числомъ* получается, и въ заключеніе, при помощи Божіей и первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики, пришелъ бы къ результату, что Россія *при благопріятныхъ условіяхъ*, можетъ производить картофелю столько-то, а *при неблагопріятныхъ условіяхъ*—столько-то. И работа эта не только удовлетворила бы его начальника, но навѣрное была бы помѣщена въ сто-второмъ томѣ какихъ-нибудь „Трудовъ“.

Даже экономку онъ выбралъ себѣ какъ разъ подходящую къ той обстановкѣ, которую создалъ. Дѣвица Евпраксія была дочь дьячка при церкви Николы-въ-Кашелькахъ и представляла во всѣхъ отношеніяхъ чистѣйшій кладъ. Она не обладала ни быстротой соображенія, ни находчивостью, ни даже расторопностью, но взамѣнъ того была работяща, безотвѣтна и не предъявляла почти никакихъ требованій. Даже тогда, когда онъ „приблизилъ“ ее къ себѣ—и тутъ она спросила только: можно ли ей, когда захочется, кваску холоденькаго безъ спросу пить?—такъ что самъ Іудушка умилился ея безкорыстію и немедленно отдалъ въ ея распоряженіе, сверхъ кваса, двѣ кадушки моченыхъ яблоковъ, уволивъ ее отъ всякой по этимъ статьямъ отчетности. Наружность ея тоже не представляла особенной привлекательности для любителя, но въ глазахъ человѣка неприхотливаго и знающаго, что̀ ему нужно, была вполнѣ удовлетворительна. Лицо широкое, бѣлое, лобъ узкій, обрамленный желтоватыми, негустыми волосами, глаза крупные, тусклые, носъ совершенно прямой, ротъ стертый, подернутый тою загадочною, словно куда-то убѣгающею улыбкой, какую можно встрѣтить на портретахъ, писанныхъ доморощенными живописцами. Вообще, ничего выдающагося, кромѣ развѣ спины, которая была до того широка и могуча, что у человѣка самаго равнодушнаго невольно поднималась рука, чтобы, какъ говорится, „дать дѣвкѣ раза“ между лопатокъ. И она знала это и не обижалась, такъ что когда Іудушка въ первый разъ слегка потрепалъ ее по жирному загривку, то она только лопатками передернула.

Среди этой тусклой обстановки дни проходили за днями, одинъ какъ другой, безъ всякихъ перемѣнъ, безъ всякой надежды на вторженіе свѣжей струи. Только пріѣздъ Арины Петровны нѣсколько

оживлялъ эту жизнь. и надо сказать правду. что ежели Порфирій Владимірычъ по началу морщился. завидѣвъ вдали маменькину повозку. то съ теченіемъ времени онъ не только привыкъ къ ея посѣщеніямъ. но и полюбилъ ихъ. Они удовлетворяли его страсть къ пустословію. ибо ежели онъ находилъ возможнымъ пустословить даже одинъ-на-одинъ съ самимъ собою. по поводу разнообразныхъ счетовъ и отчетовъ, то пустословить съ добрымъ другомъ маменькой было для него еще повадиѣе. Собравшись вмѣстѣ. они съ утра до вечера говорили и не могли наговориться. Говорили обо всемъ: о томъ. какіе прежде бывали урожаи и какіе нынѣче бываютъ: о томъ. какъ прежде живали помѣщики и какъ нынѣче живутъ: о томъ. что соль. что-ли. прежде лучше была. а только нѣтъ нынѣче прежняго огурца.

Эти разговоры имѣли то преимущество. что текли какъ вода и безъ труда забывались: слѣдовательно ихъ можно было возобновлять безъ конца съ такимъ же интересомъ. какъ будто они только сейчасъ въ первый разъ пущены въ ходъ. При этихъ разговорахъ присутствовала и Евпраксеюшка, которую Арина Петровна такъ полюбила. что ни на шагъ не отпускала отъ себя. Иногда, наскучивъ бесѣдою. всѣ трое садились за карты и засиживались до поздней ночи. играя въ дураки. Пробовали учить Евпраксеюшку въ вистъ съ болваномъ. но она не поняла. Громадный головлевскій домъ словно оживалъ въ такіе вечера. Во всѣхъ окнахъ свѣтились огни, мелькали тѣни. такъ что проѣзжій могъ думать. что тутъ и не вѣсть какое веселье затѣялось. Самовары. кофейники. закуски цѣлый день не сходили со стола. И сердце Арины Петровны веселилось и играло. и загащивалась она. вмѣсто одного дня. дня на три и на четыре. И даже. уѣзжая въ Погорѣлку. уже заранѣе придумывала поводъ. чтобъ какъ-нибудь поскорѣе вернуться къ соблазнамъ головлевскаго „хорошаго житья“.

Ноябрь въ исходѣ: земля на неоглядное пространство покрыта бѣлымъ саваномъ. На дворѣ ночь и мятелица; рѣзкій. холодный вѣтеръ буровитъ снѣгъ. въ одно мгновеніе наметаетъ сугробы. захлестываетъ все. что попадется по пути. и всю окружность наполняетъ воплемъ. Село, церковь. ближній лѣсъ—все исчезло въ снѣжной мглѣ. крутящейся въ воздухѣ; старинный головлевскій садъ могуче гудитъ. Но въ барскомъ домѣ свѣтло. тепло и уютно. Въ сто-

ловой стоитъ самоваръ, вокругъ котораго собрались: Арина Петровна, Порфирій Владимірычъ и Евпраксеюшка. Въ сторонѣ поставленъ ломберный столъ, на которомъ брошены истрепанныя карты. Изъ столовой открытыя двери ведутъ, съ одной стороны, въ образную, всю залитую огнемъ зажженныхъ лампадъ, съ другой—въ кабинетъ барина, въ которомъ тоже теплится лампадка передъ образомъ. Въ жарко натопленныхъ комнатахъ душно, пахнетъ деревяннымъ масломъ и чадомъ самоварнаго угля. Евпраксея, усѣвшись противъ самовара, перемываетъ чашки и вытираетъ ихъ полотенцемъ. Самоваръ такъ и заливается: то загудитъ во всю мочь, то словно засыпать начнетъ и пронзительно засопитъ. Клубы пара вырываются изъ-подъ крышки и окутываютъ туманомъ чайникъ, ужъ съ четверть часа стоящій на конфоркѣ. Сидящіе бесѣдуютъ.

— А ну-ко, сколько ты разъ сегодня дурой осталась?—спрашиваетъ Арина Петровна Евпраксеюшку.

— Не осталась бы, кабы сама не поддалась. Вамъ же удовольствіе сдѣлать хочу,—отвѣчаетъ Евпраксеюшка.

— Сказывай! Видѣла я, какое ты удовольствіе чувствовала, какъ я давеча подъ тебя тройками да пятерками подваливала. Я вѣдь не Порфирій Владимірычъ: тотъ тебя балуетъ, все съ одной да съ одной ходитъ, а мнѣ, матушка, не изъ чего.

— Да еще бы вы плутовали!

— Вотъ ужъ этого грѣха за мной не водится!

— А кого я давеча поймала? кто семерку трефъ съ восьмеркой червей за пару спустить хотѣлъ? Ужъ это я сама видала, сама уличила!

Говоря это, Евпраксеюшка встаетъ, чтобъ снять съ самовара чайникъ, и поворачивается къ Аринѣ Петровнѣ спиной.

— Экъ у тебя спина какая... Богъ съ ней!—невольно вырывается у Арины Петровны.

— Да, у нея спина...—машинально отзывается Іудушка.

— Спина да спина... безстыдники! И что моя спина вамъ сдѣлала!

Евпраксеюшка смотритъ направо и налѣво и улыбается. Спина —это ея конекъ. Давеча даже старикъ Савельичъ, поваръ, и тотъ заглядѣлся и сказалъ: „вишь ты спина! ровно плита!“ И она не пожаловалась на него Порфирію Владимірычу.

Чашки поочередно наливаются чаемъ и самоваръ начинаетъ утихать.

А мятель рызыгрывается пуще и пуще: то цѣлымъ снѣжнымъ ливнемъ ударитъ въ стекла оконъ, то какимъ-то невыразимымъ плачемъ прокатится вдоль печного борова.

— Мятель-то, видно, взаправду взялась, — замѣчаетъ Арина Петровна:—визжитъ да повизгиваетъ!

— Ну, и пущай повизгиваетъ. Она повизгиваетъ, а мы здѣсь чаёкъ попиваемъ—такъ-то, другъ мой, маменька!—отзывается Порфирій Владимірычъ.

— Ахъ, нехорошо теперь въ полѣ, коли кого этакая милость Божья застанетъ!

— Кому нехорошо, а намъ горюшка мало. Кому темненько да холоднешько, а намъ и свѣтлёхонько, и теплёхонько. Сидимъ да чаёкъ попиваемъ. И съ сахарцемъ, и со сливочками, и съ лимонцемъ. А захотимъ съ ромцёмъ, и съ ромцёмъ будемъ пить.

— Да, коли ежели теперича...

— Позвольте, маменька. Я говорю: теперича въ полѣ очень нехорошо. Ни дороги, ни тропочки—все замерло. Опять же волки. А у насъ здѣсь и свѣтленько, и уютненько, и ничего мы не боимся. Сидимъ мы здѣсь да поживаемъ, ладкомъ да миркомъ. Въ карточки захотѣлось поиграть—въ карточки поиграемъ, чайку захотѣлось попить—чайку попьемъ. Сверхъ нужды пить не станемъ, а сколько нужно, столько и выпьемъ. А отчего это такъ? Оттого, милый другъ маменька, что милость Божья не оставляетъ насъ. Кабы не Онъ, Царь Небесный—можетъ, и мы бы теперь въ полѣ плутали, и было бы намъ и темненько, и холоднешько... Въ зипунишечкѣ какомъ-нибудь, кушачокъ плохонькой, лаптишечки...

— Чтой-то ужъ и лаптишечки! Чай, тоже въ дворянскомъ званьи родились! какіе ни есть, а все-таки сапожишки носимъ!

— А знаете ли вы, маменька, отчего мы въ дворянскомъ званьи родились? А все оттого, что милость Божья къ намъ была. Кабы не она, и мы сидѣли бы теперь въ избушечкѣ, да горѣла бы у насъ не свѣчечка, а лучинушка, а ужъ насчетъ чайку да кофейку — объ этомъ и думать бы не смѣли! Сидѣли бы, и бы лаптишечки ковыряли, вы бы щецъ тамъ какихъ-нибудь пустенькихъ поужинать сби-

рали, Евпраксеюшка бы красно ткала... А можетъ быть, на обѣду, десятскій еще съ подводой бы выгналъ...

— Ну, и десятскій въ этакую пору съ подводой не нарядитъ!

— Какъ знать, милый другъ маменька! А вдругъ полки идутъ! Можетъ быть война или возмущеніе—чтобъ были полки въ срокъ на мѣстахъ! Вонъ, намедни, становой сказывалъ мнѣ, Наполеонъ III померъ — навѣрное теперь французы куралесить начнутъ! Натурально, наши сейчасъ впередъ—ну, и давай, мужичокъ, подводку! Да въ стыть, да въ мятель, да въ бездорожицу—ни на что не посмотрятъ: поѣзжай, мужичокъ, коли начальство велитъ! А насъ съ вами покамѣсть еще поберегутъ, съ подводой не выгонятъ!

— Это что и говорить! велика для насъ милость Божія!

— А я что же говорю? Богъ, маменька,—все. Онъ намъ и дровецъ для тепла, и провизійцы для пропитанія—все онъ. Мы-то думаемъ, что все сами, на свои деньги пріобрѣтаемъ, а какъ посмотримъ, да поглядимъ, да сообразимъ—все онъ, все Богъ. И коли онъ не захочетъ, ничего у насъ не будетъ. Я, вотъ, теперь хотѣлъ бы апельсинчиковъ, и самъ бы поѣлъ, и милаго дружка маменьку угостилъ бы, и всѣмъ бы по апельсинчику далъ, и деньги у меня есть, чтобъ апельсинчиковъ купить, взялъ бы выпулъ—давай! Анъ Богъ говоритъ: тпру! вотъ я и сижу: философъ безъ огурцовъ.

Всѣ смѣются.

— Разсказывайте!—отзывается Евпраксеюшка:—вонъ у меня дяденька пономаремъ у Успенья въ Песочномъ былъ; ужъ какъ, кажется, былъ къ Богу усерденъ—могъ бы Богъ что-нибудь для него сдѣлать!—а какъ застигла его въ полѣ мятелица—все равно замерзъ.

— И я про то же говорю. Коли захочетъ Богъ — замерзнетъ человѣкъ, не захочетъ—живъ останется. Опять и про молитву надо сказать: есть молитва угодная и есть молитва неугодная. Угодная—достигаетъ, а неугодная — все равно что она есть, что ея нѣтъ. Можетъ, дяденькина-то молитва неугодная была—вотъ она и не достигла.

— Помнится, я въ двадцать-четвертомъ году въ Москву ѣздила—еще въ ту пору я Павломъ была тяжела—такъ ѣхала я въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Москву..,

— Позвольте, маменька. Вотъ я объ молитвѣ кончу. Человѣкъ

обо всѣхъ молится, потому что ему всего нужно. И маслица нужно, и капустки нужно, и огурчиковъ—ну, словомъ, всего. Иногда даже чего и не нужно, а онъ все, по слабости человѣческой, проситъ. Анъ Богу-то сверху видно. Ты у него маслица просишь, а онъ тебѣ капустки либо лучку дастъ; ты объ вёдрышкѣ да объ теплынькой погодкѣ хлопочешь, а онъ тебѣ дождичка да съ градцемъ пошлетъ. И долженъ ты это понимать и не роптать. Вотъ мы въ прошломъ сентябрѣ все морозцевъ у Бога просили, чтобъ озими у насъ не подопрѣли, анъ Богъ морозцу не далъ—ну, и сопрѣли наши озими.

— Еще какъ сопрѣли-то!—соболѣзнуетъ Арина Петровна:—въ Новинкахъ у мужичковъ все озимое поле хоть брось. Придется весной перепахивать да яровымъ засѣвать.

— То-то вотъ и есть. Мы здѣсь мудруемъ да лукавимъ, и такъ прикинемъ, и этакъ примѣримъ, а Богъ разомъ, въ одинъ моментъ, всѣ наши планы-соображенія въ прахъ обратитъ. Вы, маменька, что-то хотѣли разсказать, что съ вами въ двадцать-четвертомъ году было?

— Что такое! ничто ужъ я позабыла! Должно быть, все объ ней же, объ милости Божьей. Не помню, мой другъ, не помню.

— Ну, Богъ дастъ, въ другое время вспомните. А покуда тамъ на дворѣ кутитъ да мутитъ, вы бы, милый другъ, вареньица покушали. Это—вишенки, головлевскія! Евпраксеюшка сама варила.

— И то правда. Вишенки-то мнѣ, признаться, теперь въ рѣдкость. Прежде, бывало, частенько-таки лакомливалась ими, ну, а теперь... Хороши у тебя въ Головлевѣ вишни: сочныя, крупныя! вотъ въ Дубровинѣ, какъ ни старались разводить — все несладки выходятъ. Да ты, Евпраксеюшка, французской-то водки клала въ варенье?

— Какъ не класть! какъ вы учили, такъ и дѣлала. Да вотъ я объ чемъ хотѣла спросить: вы какъ огурцы солите—кладете кардамону?

Арина Петровна на нѣкоторое время задумывается и даже руками разводитъ.

— Не помню, мой другъ: кажется, прежде и кардамону клала. Теперь—не кладу: теперь какое мое соленье! а прежде клала... даже очень хорошо помню, что клала! Да вотъ домой пріѣду, въ рецептахъ порою, не найду ли. Я вѣдь, какъ въ силахъ была, все при-

мѣчала да записывала. Гдѣ что понравится, я сейчасъ все выпрошу, запишу на бумажку—да дома и пробую. Я одинъ разъ такой секретъ, такой секретъ достала, что тысячу рублей давали—не открываетъ тотъ человѣкъ, да и дѣло съ концомъ! А я ключницѣ четвертачокъ сунула—она мнѣ все до капли пересказала!

— Да, маменька, въ свое время вы-таки были... министръ!

— Министръ не министръ, а могу Бога благодарить: не растранжирила, а присовокупила. Вотъ и теперь поѣдаю отъ трудовъ своихъ праведныхъ: вишни-то въ Головлевѣ вѣдь я развела!

— И спасибо вамъ за это, маменька, большое спасибо. Вѣчное спасибо и за себя, и за потомковъ—вотъ какъ!

Іудушка встаетъ, подходитъ къ маменькѣ и цѣлуетъ у нея ручку.

— И тебѣ спасибо, что мать покоишь! Да, хороши у тебя запасы, очень хороши!

— Что у насъ за запасы! вотъ у васъ бывали запасы, такъ это такъ. Сколько однихъ погребовъ было и нигдѣ ни одного мѣстечка пустого!

— Бывали и у меня запасы—не хочу солгать, никогда не была бездомовницей. А что касается до того, что погребовъ было много, такъ вѣдь тогда и колесо большое было: ртовъ-то вдесятеро противъ нынѣшняго было. Одной дворни сколько—всякому припаси да всякаго накорми. Тому огурчика, тому кваску; понемножку да помаленьку—анъ, смотришь, и многонько всего изойдетъ.

— Да, хорошее было время. Всего тогда много было. И хлѣба, и фруктовъ—всего въ изобиліи!

— Навозу клали больше—оттого и родилось.

— Нѣтъ, маменька, и не отъ этого. А было Божье благословеніе—вотъ отъ чего. Я помню, однажды папенька изъ саду яблоко аморть принесъ, такъ всѣ даже удивились: на тарелкѣ нельзя было умѣстить.

— Этого не помню. Вообще знаю, что были яблоки хорошія, а чтобы такія были, въ тарелку величиной—этого не помню. Вотъ карася въ двадцать фунтовъ въ дубровинскомъ прудѣ въ ту коронацію изловили—это точно что было.

— И караси, и фрукты—все тогда крупное было. Я помню, арбузы Иванъ-садовникъ выводилъ—вотъ какіе!

Іудушка сначала оттопыриваетъ руки, потомъ скругляетъ ихъ, причемъ дѣлаетъ видъ, что никакъ не можетъ обхватить.

— Бывали и арбузы. Арбузы, скажу тебѣ, другъ мой, къ году бываютъ. Иной годъ ихъ много, и они хороши; другой годъ и немного, и невкусны, а въ третій годъ и совсѣмъ ничего нѣтъ. Ну, и то еще надо сказать: что̀ гдѣ поведется. Вонъ у Григорья Александрыча, въ Хлѣбниковѣ, ничего не родилось—ни ягодъ, ни фруктовъ, ничего. Одинъ дыни. Только ужъ и дыни бывали!

— Стало быть, ему на дыни милость Божья была!

— Да, ужъ конечно. Безъ Божьей милости нигдѣ не обойдешься, никуда отъ нея не убѣжишь!

Арина Петровна ужъ выпила двѣ чашки и начинаетъ поглядывать на ломберный столъ. Евпраксеюшка тоже такъ и горитъ нетерпѣніемъ сразиться въ дураки. Но планы эти разстраиваются по милости самой Арины Петровны, потому что она внезапно что-то припоминаетъ.

— А вѣдь у меня новость есть, — объявляетъ она: — письмо вчера отъ сиротокъ получила.

— Молчали-молчали, да и откликнулись! Видно, туго пришлось: денегъ просятъ?

— Нѣтъ, не просятъ. Вотъ полюбуйся.

Арина Петровна достаетъ изъ кармана письмо и отдаетъ Іудушкѣ, который читаетъ:

„Вы, бабушка, больше намъ ни индюшекъ, ни куръ не посылайте. Денегъ тоже не посылайте, а копите на проценты. Мы не въ Москвѣ, а въ Харьковѣ, поступили на сцену въ театръ, а лѣтомъ по ярмаркамъ будемъ ѣздить. Я, Аннинька, въ „Периколѣ" дебютировала, а Любинька—въ „Анютиныхъ глазкахъ". Меня нѣсколько разъ вызывали, особенно послѣ сцены, гдѣ Перикола выходитъ навеселѣ и поетъ: *я гото-о-ва, готова, готоова!* Любинька тоже очень понравилась. Жалованья мнѣ директоръ положилъ по сту рублей въ мѣсяцъ и бенефисъ въ Харьковѣ, а Любинькѣ—по семидесяти-пяти въ мѣсяцъ и бенефисъ лѣтомъ, на ярмаркѣ. Кромѣ того, подарки бываютъ отъ офицеровъ и отъ адвокатовъ. Только адвокаты иногда фальшивыя деньги даютъ, такъ нужно быть осторожной. И вы, милая бабушка, всѣмъ въ Погорѣлкѣ пользуйтесь, а мы туда никогда не пріѣдемъ и даже не понимаемъ, какъ тамъ можно жить. Вчера пер-

вый снѣгъ выпалъ, и мы съ здѣшними адвокатами на тройкахъ ѣздили; одинъ на Плеваку похожъ—чудо, какъ хорошъ! Поставилъ на голову стаканъ съ шампанскимъ и плясалъ тренака—прелесть, какъ весело! Другой—не очень собой хорошъ, въ родѣ петербургскаго Языкова. Представьте, разстроилъ себѣ воображеніе чтеніемъ „Собранія лучшихъ русскихъ пѣсенъ и романсовъ", и до того ослабъ, что даже въ судѣ падаетъ въ обморокъ. И такъ почти каждый день проводимъ то съ офицерами, то съ адвокатами. Катаемся, въ лучшихъ ресторанахъ обѣдаемъ, ужинаемъ и ничего не платимъ. А вы, бабушка, ничего въ Погорѣлкѣ не жалѣйте, и что тамъ растетъ: хлѣбъ, цыплята, грибы—все кушайте. Мы бы и капиталъ съ удово...

„Прощайте! пріѣхали наши кавалеры—опять на тройкахъ кататься зовутъ. Милка! божественная! прощайте!

„*Аннинька*".

„И я тоже—*Любинька*".

— Тьфу! —отплевывается Іудушка, возвращая письмо.

Арина Петровна сидитъ задумавшись и нѣкоторое время не отвѣчаетъ.

— Вы имъ, маменька, ничего еще не отвѣчали?

— Нѣтъ еще, и письмо-то вчера только получила: съ тѣмъ и поѣхала къ вамъ, чтобъ показать, да вотъ за тѣмъ да за сѣмъ чуть-было не позабыла.

— Не отвѣчайте. Лучше.

— Какъ же я не отвѣчу? Вѣдь я имъ отчетомъ обязана. Погорѣлка-то—ихняя.

Іудушка тоже задумывается: какой-то зловѣщій планъ мелькаетъ въ его головѣ.

— А я все объ томъ думаю, какъ онѣ себя соблюдутъ въ вертепѣ-то этомъ?—продолжаетъ между тѣмъ Арина Петровна:—вѣдь это такое дѣло, что тутъ только разъ оступись—потомъ ужъ чести-то дѣвичьей и не воротишь! Ищи ее потомъ да свищи!

— Очень имъ она нужна!—огрызается Іудушка.

— Какъ бы то ни было!.. Для дѣвушки это даже можно сказать—первое въ жизни сокровище... Кто потомъ этакую-то за себя возьметъ!

— Нынче, маменька, и безъ мужа все равно что съ мужемъ

живутъ. Нынче надъ предписаніями-то религіи смѣются. „Сошли до куста, подъ кустомъ обвѣнчались—и дѣло въ шляпѣ. Это у нихъ гражданскимъ бракомъ называется.

Іудушка вдругъ спохватывается, что вѣдь и онъ находится въ блудномъ сожительствѣ съ дѣвицей духовнаго званія.

— Конечно, иногда, по нуждѣ...—поправляется онъ:—коли ежели человѣкъ въ силахъ и притомъ вдовый... По нуждѣ, и закону премѣна бываетъ!

— Что говорить! Въ нуждѣ и куликъ соловьемъ свищетъ. И святые въ нуждѣ согрѣшали, не то что мы, грѣшные!

— Такъ вотъ оно и есть. На вашемъ мѣстѣ, знаете ли, что бы я сдѣлалъ?

— Посовѣтуй, мой другъ, скажи.

— Я бы отъ нихъ полную довѣренность на Погорѣлку вытребовалъ.

Арина Петровна пугливо взглядываетъ на него.

— „Да у меня и то полная довѣренность на управленіе есть, — произноситъ она.

— Не на одно управленіе. А такъ, чтобы и продать, и заложить, и, словомъ, чтобъ всѣмъ можно было по своему усмотрѣнію распорядиться...

Арина Петровна опускаетъ глаза въ землю и молчитъ.

— Конечно, это такой предметъ, что надо его обдумать. Подумайте-ка, маменька!—настаиваетъ Іудушка.

Но Арина Петровна продолжаетъ молчать. Хотя, вслѣдствіе старости, сообразительность у нея значительно притупѣла, но ей, все-таки, какъ-то не по себѣ отъ инсинуаціи Іудушки. И боится-то она Іудушки: жаль ей тепла и простора, и изобилія, которые царствуютъ въ Головлевѣ, и въ то же время сдается, что не даромъ онъ объ довѣренности заговорилъ, что это онъ опять новую петлю накидываетъ. Положеніе дѣлается настолько натянутымъ, что она начинаетъ уже внутренно бранить себя, зачѣмъ ее дернуло показывать письмо. Къ счастью, Евпраксеюшка является на выручку.

— Что жъ! будемъ, что-ли, въ карты-то играть?—спрашиваетъ она.

— „Давай! давай!—спѣшитъ отвѣтить Арина Петровна и живо

выскакиваетъ изъ-за чая. Но по дорогѣ къ ломберному столу ее посѣщаетъ новая мысль.

— А ты знаешь ли, какой сегодня день?—обращается она къ Порфирію Владимірычу.

— „Двадцать-третье ноября, маменька.—съ недоумѣніемъ отвѣчаетъ Іудушка.

— „Двадцать-третье-то двадцать третье, да помнишь ли ты, что „двадцать-третьяго-то ноября случилось? Про панихидку-то небось позабылъ?

Порфирій Владимірычъ блѣднѣетъ и крестится.

— Ахъ, Господи! вотъ такъ бѣда! — восклицаетъ онъ. —„Да такъ ли? точно ли? Позвольте-ка, я въ календарѣ посмотрю.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ приноситъ календарь и отыскиваетъ въ немъ вкладной листъ, на которомъ написано:

„23 ноября. Память кончины милаго сына Владиміра.

„Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра!

„и моли Бога за твоего папу, который въ сей день будетъ неуклонно „творить по тебѣ поминовеніе и съ литургіею".

— Вотъ тебѣ и на!—произноситъ Порфирій Владимірычъ.—Ахъ, Володя, Володя! недобрый ты сынъ! дурной! Видно, не молишься Богу за папу, что онъ даже память у него отнялъ! Какъ же быть-то съ этимъ, маменька?

Не Богъ знаетъ что̀ случилось — и завтра панихидку отслужишь. И панихидку, и обѣденку - все справимъ. Все я, старая да безпамятная, виновата. Съ тѣмъ и ѣхала, чтобы напомнить, да все дорогой и растеряла.

— Ахъ, грѣхъ какой! Хорошо еще, что лампадки въ образной зажжены. Точно вѣдь свыше что̀ меня озарило. Ни праздникъ у насъ сегодня, ни что—просто съ Введенья дня лампадки зажжены—только подходитъ ко мнѣ давеча Евпраксеюшка, спрашиваетъ: „лампадки-то боковыя тушить что-ли?" А я, точно вотъ толкнуло меня, подумалъ этакъ съ минуту и говорю: не тронь! Христосъ съ ними, пускай погорятъ! Анъ вотъ оно что!

— И то хорошо, хоть лампадочки погорѣли! И то для души облегченіе! Ты гдѣ садишься-то? опять что-ли подъ меня ходить будешь, или краль своей станешь мирволить?

— Да ужъ я не знаю, маменька, мнѣ можно ли...

— Чего не можно! Садись! Богъ простить! не нарочно вѣдь, не съ намѣреніемъ, а отъ забвенія. Это и съ праведниками случалось! Завтра, вотъ, чѣмъ свѣтъ встанемъ, обѣденку отстоимъ, панихидочку отслужимъ—все какъ слѣдуетъ сдѣлаемъ. И его душа будетъ радоваться, что родители да добрые люди объ немъ вспомнили, и мы будемъ покойны, что свой долгъ выполнили. Такъ-то, мой другъ. А горевать не слѣдъ—это я всегда скажу: первое, гореваньемъ сына не воротишь, а второе—грѣхъ передъ Богомъ!

Іудушка урезонивается этими словами и цѣлуетъ у маменьки руку, говоря:

— Ахъ, маменька, маменька! золотая у васъ душа — право! Кабы не вы—ну, что бы я въ эту минуту дѣлалъ! Ну, просто пропалъ бы! какъ есть, растерялся бы, пропалъ!

Порфирій Владимирычъ дѣлаетъ распоряженіе насчетъ завтрашней церемоніи, и всѣ садятся за карты. Сдаютъ разъ, сдаютъ другой. Арина Петровна горячится и негодуетъ на Іудушку за то, что онъ ходитъ подъ Евпраксюшку все съ одной. Въ промежуткахъ сдачъ Іудушка предается воспоминаніямъ о погибшемъ сынѣ.

— А какой ласковый былъ!—говоритъ онъ:—ничего, бывало, безъ позволенія не возьметъ. Бумажки нужно—„можно, папа, бумажки взять?“ — Возьми, мой другъ! Или: „не будете ли, папа, такой добренькій, сегодня карасиковъ въ сметанѣ къ завтраку заказать?“—Изволь, мой другъ! Ахъ, Володя! Володя! Всѣмъ ты былъ хорошъ, только тѣмъ не хорошъ, что папку оставилъ!

Проходитъ еще нѣсколько туровъ: опять воспоминанія.

— И что такое съ нимъ вдругъ случилось—и самъ не понимаю! Жилъ хорошохонько да смирнёхонько, жилъ да поживалъ, меня радовалъ—чего бы, кажется, лучше! вдругъ — бацъ! Вѣдь грѣхъ-то, представьте, какой! подумайте только объ этомъ, маменька, на что человѣкъ посягнулъ! на жизнь свою, на даръ Отца Небеснаго! Изъ-за чего? зачѣмъ? чего ему недоставало? Денегъ, что-ли? Жалованья я, кажется, никогда не задерживаю: даже враги мои, и тѣ про меня этого не скажутъ. Ну, а ежели маловато показалось—такъ не прогнѣвайся, другъ! У насъ денежки тоже вотъ гдѣ сидятъ! Коли мало денегъ—умѣй себя сдерживать. Не все сладенькаго, не все съ сахаромъ—часкомъ и съ кваскомъ покушай! Такъ-то, братъ! Вотъ папа

твой, и надѣялся онъ давеча денежекъ получить—анъ приказчикъ пришелъ: „теряѣниковскіе крестьяне оброка не платятъ!“—Ну, нечего дѣлать, написалъ къ мировому прошеніе! Ахъ, Володя! Володя! Нѣтъ, не пайка ты! бросилъ папку! сиротой оставилъ!

И чѣмъ живѣе идетъ игра, тѣмъ обильнѣе и чувствительнѣе дѣлаются воспоминанія.

— И какой умный былъ! Помню я такой случай. Лежитъ онъ въ кори—лѣтъ не больше семи ему было — только подходитъ къ нему покойница Саша, а онъ ей и говоритъ: „Мама! мама! вѣдь правда, что крылышки только у ангеловъ бываютъ?“ Ну, та и говоритъ:—„Да, только у ангеловъ“.—„Отчего же, говоритъ, у папы, какъ онъ сюда сейчасъ входилъ, крылышки были?“

Наконецъ разыгрывается какая-то гомерическая игра. Іудушка остается дуракомъ съ цѣлыми восемью картами на рукахъ, въ числѣ которыхъ козырные тузъ, король и дама. Поднимается хохотъ, подтруниваніе, и всему этому благосклонно вторитъ самъ Іудушка. Но среди общаго разгара веселости Арина Петровна вдругъ стихаетъ и прислушивается.

— Стойте! не шумите! кто-то ѣдетъ!—говоритъ она.

Іудушка съ Евпраксеюшкой тоже прислушиваются, но безъ результата.

— Говорю вамъ: ѣдутъ! Вона... чу! вѣтромъ сюда вдругъ подуло... Чу! ѣдетъ! и даже близко!

Вновь начинаютъ вслушиваться и, дѣйствительно, слышатъ какое-то далекое позвякиванье, то доносимое, то относимое вѣтромъ. Проходитъ минутъ пять, и колокольчикъ слышится уже явственно, а вслѣдъ за нимъ и голоса на дворѣ.

— Молодой баринъ! Петръ Порфирьичъ пріѣхали! — доносится изъ передней.

Іудушка всталъ и застылъ на мѣстѣ, блѣдный какъ полотно.

Петенька вошелъ какъ-то вяло, поцѣловалъ у отца руку, потомъ соблюлъ тотъ же церемоніалъ относительно бабушки, поклонился Евпраксеюшкѣ и сѣлъ. Это былъ малый лѣтъ двадцати-пяти, довольно красивой наружности, въ дорожной офицерской формѣ. Вотъ все, что можно сказать про него, да и самъ Іудушка едва-ли зналъ что-

нибудь больше. Взаимныя отношенія отца и сына были таковы, что ихъ нельзя было даже назвать натянутыми: совѣмъ какъ бы ничего не существовало. Іудушка зналъ, что это—человѣкъ, значащійся по документамъ его сыномъ, которому онъ обязанъ въ извѣстные сроки посылать условленное, то-есть имъ же самимъ опредѣленное жалованье, и отъ котораго, взамѣнъ того, онъ имѣетъ право требовать почтенія и повиновенія. Петенька, съ своей стороны, зналъ, что есть у него отецъ, который можетъ его во всякое время притѣснить. Онъ довольно охотно ѣздилъ въ Головлево, особливо съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ въ офицеры, но не потому, чтобы находилъ удовольствіе бесѣдовать съ отцомъ, а просто потому, что всякаго человѣка, не отдавшаго себѣ никакого отчета въ жизненныхъ цѣляхъ, какъ-то инстинктивно тянетъ *въ свое мѣсто*. Но теперь онъ, очевидно, прибылъ по нуждѣ, по принужденію, вслѣдствіе чего онъ не выразилъ даже ни одного изъ тѣхъ знаковъ радостнаго недоумѣнія, которыми обыкновенно ознаменовываетъ всякій блудный дворянскій сынъ свой пріѣздъ въ родное мѣсто.

Петенька былъ неразговорчивъ. На всѣ восклицанія отца: „вотъ такъ сюрпризъ! ну, братъ, одолжилъ! а я-то сижу да думаю: кого, прости Господи, по ночамъ носитъ?—анъ вотъ онъ кто!" и т. д.—онъ отвѣчалъ или молчаніемъ, или принужденною улыбкою. А на вопросъ: „и какъ это тебѣ вдругъ вздумалось?"—отвѣчалъ даже сердито: „такъ вотъ, вздумалось и пріѣхалъ".

— Ну, спасибо тебѣ! спасибо! вспомнилъ про отца! обрадовалъ! Чай, и про бабушку-старушку вспомнилъ?

— И про бабушку вспомнилъ.

— Стой! да тебѣ, можетъ быть, вспомнилось, что сегодня годовщина по братѣ Володенькѣ?

— Да, и про это вспомнилось.

Въ такомъ тонѣ разговоръ длился съ полчаса, такъ что нельзя было понять, взаправду ли отвѣчаетъ Петенька, или только отдѣлывается. Поэтому, какъ ни выносливъ былъ Іудушка относительно равнодушія своихъ дѣтей, однако и онъ не выдержалъ и замѣтилъ:

— Да, братъ, неласковъ ты! нельзя сказать, чтобъ ты ласковый сынъ былъ!

Смолчи на этотъ разъ Петенька, прими паиньки замѣчаніе съ кротостью, а еще лучше—поцѣлуй у паиньки ручку и скажи ему:

„извините меня, добренькій папенька! я вѣдь съ дороги усталъ!" и все бы обошлось благополучно. Но Петенька поступилъ совѣмъ какъ неблагодарный.

— Каковъ есть!—отвѣтилъ онъ такъ грубо, словно хотѣлъ сказать: отвяжись ты отъ меня, сдѣлай милость!

Тогда Порфирію Владимірычу сдѣлалось такъ больно, такъ больно, что онъ ужъ не нашелъ возможности молчать.

— Кажется, какъ я объ васъ заботился!—сказалъ онъ съ горечью:—даже и здѣсь сидишь, а все думаешь: какъ бы получше, да поскладнѣе, да чтобы всѣмъ хорошенько да уютненько, безъ нужды да безъ горюшка... А вы все отъ меня прочь да прочь!

— Кто же... *вы?*

— Ну, ты... Впрочемъ и покойникъ, царство ему небесное, былъ такой же...

— Что жъ! я вамъ очень благодаренъ!

— Никакой я отъ васъ благодарности не вижу! Ни благодарности, ни ласки—ничего!

— Характеръ неласковый—вотъ и все. Да вы все во множественномъ говорите? Одинъ уже умеръ...

— Да, умеръ. Богъ наказалъ. Богъ непокорныхъ дѣтей наказываетъ. И все-таки я его помню. Онъ непокоренъ былъ, а я его помню. Вотъ, завтра обѣденку отстоимъ и панихидку отслужимъ. Онъ меня обидѣлъ, а я все-таки свой долгъ помню. Господи ты Боже мой! да что жъ это нынче дѣлается? Сынъ къ отцу пріѣхалъ, и съ перваго же слова уже фыркаетъ! Такъ ли мы въ наше время поступали! Бывало, ѣдешь въ Головлево-то, да за тридцать верстъ все твердишь: „помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!" Да вотъ маменька — живой человѣкъ: она скажетъ! А нынче—не понимаю! не понимаю!

— И я не понимаю. Пріѣхалъ я смирно, поздоровался съ вами, руку поцѣловалъ, теперь сижу, васъ не трогаю, пью чай, а коли дадите ужинать—и поужинаю. Съ чего вы всю эту исторію подняли!

Арина Петровна сидитъ въ своемъ креслѣ и вслушивается. И сдается ей, что она все ту же знакомую повѣсть слышитъ, которая давно—и не запомнитъ она, когда—началась. Закрылась-было совѣмъ эта повѣсть, да вотъ и опять, нѣтъ-нѣтъ, возьметъ да и раскроется на той же страницѣ. Тѣмъ не менѣе она понимаетъ, что по-

добная встрѣча между отцомъ и сыномъ не обѣщаетъ ничего хорошаго, и потому считаетъ долгомъ вмѣшаться въ распрю и сказать примирительное слово.

— Ну-ну, нѣтухи индѣйскіе!—говоритъ она, стараясь придать своему поученію шутливый тонъ:—только-что свидѣлись, а ужъ и разодрались! Такъ и наскакиваютъ другъ на дружку, такъ и наскакиваютъ! Смотри, сейчасъ перья полетятъ! Ахъ-ахъ-ахъ! горе какое! А вы, молодцы, смиренько посидите да ладкомъ между собою поговорите, а я, старуха, послушаю да полюбуюсь на васъ! Ты, Петенька,—уступи! Отцу, мой другъ, всегда нужно уступить, потому что онъ—отецъ. Ежели иной разъ и горькòнько что̀ отъ отца покажется, а ты прими съ готовностью, да съ покорностью, да съ почтеніемъ, потому что ты — сынъ! Можетъ изъ горькаго-то да вдругъ сладкое сдѣлается—вотъ ты и въ выигрышѣ! А ты, Порфирій Владимірычъ,—снизойди! Онъ—сынъ, человѣкъ молодой, нѣженый. Онъ семьдесятъ-пять верстъ по ухабамъ да по сугробамъ проѣхалъ: и усталъ, и иззябъ, и уснуть ему хочется! Вотъ чай-то ужъ кончили, велю-ка подавать ужинать, да и на покой! Такъ-то, другъ мой! Разбредемся всѣ по своимъ мѣстамъ, помолимся, анъ сердце-то у насъ и пройдетъ. И всѣ, какія у насъ дурныя мысли были — всѣ своимъ Богъ прогонитъ! А завтра ранехонько встанемъ, да объ покойникѣ помолимся. Обѣденку отстоимъ, панихидку отслужимъ, а потомъ, какъ воротимся домой, и побесѣдуемъ. И всякій, отдохнувши, свое дѣло по порядку, какъ слѣдуетъ, разскажетъ. Ты, Петенька, про Петербургъ, а ты, Порфирій,—про деревенское свое житье. А теперь поужинаемъ—и съ Богомъ, на боковую.

Это увѣщаніе оказываетъ свое дѣйствіе не потому, чтобы оно заключало что-нибудь дѣйствительно убѣдительное, а потому, что Іудушка и самъ видитъ, что онъ заработался, что лучше какъ-нибудь миромъ покончить день. Поэтому онъ встаетъ съ своего мѣста, цѣлуетъ у маменьки ручку, благодаритъ „за науку" и приказываетъ подавать ужинать. Ужинъ проходитъ сурово и молчаливо.

Столовая опустѣла: всѣ разошлись по своимъ комнатамъ. Домъ мало-по-малу стихаетъ; мертвая тишина поползетъ изъ комнаты въ комнату и наконецъ доползетъ до послѣдняго убѣжища, въ которомъ дольше прочихъ закоулковъ упорствовала обрядовая жизнь, то-есть до кабинета головлевскаго барина. Іудушка наконецъ покон-

чилъ съ поклонами, которые онъ долго-долго отсчитывалъ передъ образами, и тоже улегся въ постель.

Лежитъ Порфирій Владимірычъ въ постели, но не можетъ сомкнуть глазъ. Чуетъ онъ, что пріѣздъ сына предвѣщаетъ что-то не совсѣмъ обыкновенное, и уже заранѣе въ головѣ его зарождаются всевозможныя пустословныя поученія. Поученія эти имѣютъ то достоинство, что они ко всякому случаю пригодны и даже не представляютъ собой послѣдовательнаго сцѣпленія мыслей. Ни грамматической, ни синтаксической формы для нихъ тоже не требуется: они накопляются въ головѣ въ видѣ отрывочныхъ афоризмовъ и появляются на свѣтъ Божій по мѣрѣ того, какъ наползаютъ на языкъ. Тѣмъ не менѣе, какъ только случится въ жизни какой-нибудь казусъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ, такъ въ головѣ поднимается такая сумятоха отъ наплыва афоризмовъ, что даже сонъ не можетъ умиротворить ее.

Не спится Іудушкѣ: цѣлая масса пустяковъ обступила его изголовье и давитъ его. Собственно говоря, загадочный пріѣздъ Петеньки не особенно волнуетъ его, ибо, что бы ни случилось, Іудушка уже *ко всему* готовъ заранѣе. Онъ знаетъ, что *ничто* не застанетъ его врасплохъ и *ничто* не заставитъ сдѣлать какое-нибудь отступленіе отъ той сѣти пустыхъ и насквозь прогнившихъ афоризмовъ, въ которую онъ запутался съ головы до ногъ. Для него не существуетъ ни горя, ни радости, ни ненависти, ни любви. Весь міръ въ его глазахъ есть гробъ, могущій служить лишь поводомъ для безконечнаго пустословія. Ужъ на что было большое горе, когда Володя покончилъ съ собой, а онъ и тутъ устоялъ. Это была очень грустная исторія, продолжавшаяся цѣлыхъ два года. Цѣлыхъ два года Володя перемогался: сначала выказывалъ гордость и рѣшимость не нуждаться въ помощи отца: потомъ ослабъ, сталъ молить, доказывать, грозить... И всегда встрѣчалъ въ отвѣтъ готовый афоризмъ, который представлялъ собой камень, поданный голодному человѣку. Сознавалъ ли Іудушка, что это камень, а не хлѣбъ, или не сознавалъ—это вопросъ спорный; но во всякомъ случаѣ у него ничего другого не было, и онъ подавалъ свой камень, какъ единственное, что онъ могъ дать. Когда Володя застрѣлился, онъ отслужилъ по немъ панихиду, записалъ въ календарѣ день его смерти и обѣщалъ и на будущее время ежегодно 23-го ноября служить панихиду „и съ

литургіею". Но когда по временамъ даже и въ немъ поднимался какой-то тусклый голосъ, который бормоталъ, что все-таки разрѣшеніе семейнаго спора самоубійствомъ—вещь по малой мѣрѣ подозрительная, тогда онъ выводилъ на сцену цѣлую свиту готовыхъ афоризмовъ, въ родѣ: „Богъ непокорныхъ дѣтей наказываетъ". „гордымъ Богъ противится", и проч.—и успокаивался.

Вотъ и теперь. Нѣтъ сомнѣнія, что съ Петенькой случилось что-то недоброе, но что бы ни случилось—онъ, Порфирій Головлевъ, долженъ быть выше этихъ случайностей. Самъ запутался—самъ и распутывайся: умѣлъ кашу заварить—умѣй и расхлебывать; любишь кататься—люби и саночки возить. Именно такъ: именно это самое онъ и скажетъ завтра, объ чемъ бы ни сообщилъ ему сынъ. А что, ежели и Петенька, подобно Володѣ, откажется принять камень вмѣсто хлѣба? Что, ежели и онъ... Іудушка отлевывается отъ этой мысли и приписываетъ ее навожденію лукаваго. Онъ переворачивается съ боку на бокъ, усиливается уснуть и не можетъ. Только-что начнетъ заводить его сонъ—вдругъ: „и радъ бы до неба достать, да руки коротки!" или: „по одежкѣ протягивай ножки... вотъ я... вотъ ты... прытки вы очень, а знаешь пословицу: поспѣшность потребна только блохъ ловить?" Обступили кругомъ пустяки, ползутъ, лѣзутъ, давятъ. И не спитъ Іудушка подъ бременемъ пустословія, которымъ онъ надѣется завтра утолить себѣ душу.

Не спится и Петенькѣ, хотя дорога порядкомъ-таки измяла его. Есть у него дѣло, которое можетъ разрѣшиться только здѣсь, въ Головлевѣ, но такое это дѣло, что и не вѣсть какъ за него взяться. По правдѣ говоря, Петенька отлично понимаетъ, что дѣло его безнадежное, что поѣздка въ Головлево принесетъ только линію непріятности, но въ томъ-то и штука, что есть въ человѣкѣ какой-то темный инстинктъ самосохраненія, который пересиливаетъ всякую сознательность и который такъ и подталкиваетъ: испробуй все до послѣдняго! Вотъ онъ и пріѣхалъ, да вмѣсто того, чтобъ закалить себя и быть готовымъ перенести все, чуть-было съ перваго шагу не разругался съ отцомъ. Что-то будетъ изъ этой поѣздки? совершится ли чудо, которое должно превратить камень въ хлѣбъ, или не совершится?

Не прямѣе ли было бы взять револьверъ и приставить его къ виску: „господа! я недостоинъ носить вашъ мундиръ! я растратилъ

казенныя деньги! и потому самъ себѣ произношу справедливый и строгій судъ!" Бацъ!—и все кончено! „исключается изъ списковъ *умершій* поручикъ Головлевъ!" Да, это было бы рѣшительно и... красиво. Товарищи сказали бы: „ты былъ несчастенъ, ты увлекался, но... ты былъ *благородный* человѣкъ!" Но онъ, вмѣсто того, чтобы сразу поступить *такимъ образомъ*, довелъ дѣло до того, что поступокъ его сталъ всѣмъ извѣстенъ—и вотъ его отпустили на опредѣленный срокъ, съ тѣмъ, чтобы въ теченіе его растрата была непремѣнно пополнена. А потомъ—вонъ изъ полка. И для достиженія этой-то цѣли, въ концѣ которой стоялъ позорный исходъ только-что начатой карьеры, онъ поѣхалъ въ Головлево, поѣхалъ съ полной увѣренностью получить камень вмѣсто хлѣба!

А можетъ быть что-нибудь и будетъ?! Вѣдь случается же... Вдругъ нынѣшнее Головлево исчезнетъ, и на мѣстѣ его очутится новое Головлево, съ новою обстановкой, въ которой онъ... Не то чтобы отецъ... умретъ—зачѣмъ?—а такъ... вообще, будетъ новая „обстановка"... А можетъ быть и бабушка—вѣдь у нея деньги есть! Узнаетъ, что бѣда впереди—и вдругъ дастъ! На, скажетъ, поѣзжай скорѣе, покуда срокъ не прошелъ! И вотъ онъ ѣдетъ, торопитъ ямщиковъ, насилу поспѣваетъ на станцію—и является въ полкъ какъ разъ за два часа до срока! „Молодецъ Головлевъ!" говорятъ товарищи: „руку, благородный молодой человѣкъ! и пусть отнынѣ все будетъ забыто!" И онъ не только остается въ полку по прежнему, но производится сначала въ штабсъ-капитаны, потомъ въ капитаны, дѣлается полковымъ адъютантомъ (казначеемъ онъ ужъ былъ) и наконецъ, въ день полкового юбилея...

Ахъ! поскорѣе бы эта ночь прошла! Завтра... ну, завтра пусть будетъ что̀ будетъ! Но что̀ онъ долженъ будетъ завтра выслушать... ахъ, чего только онъ не выслушаетъ! Завтра... но для чего же завтра? вѣдь есть еще цѣлый день впереди... Вѣдь онъ выговорилъ себѣ два дня собственно для того, чтобы имѣть время убѣдить, растрогать... Чорта съ два! убѣдишь тутъ, растрогаешь! Нѣтъ ужъ...

Тутъ мысли его окончательно путаются и постепенно, одна за другой, утопаютъ въ сонной мглѣ. Черезъ четверть часа головлевская усадьба всецѣло погружается въ тяжкій сонъ.

На другой день рано утромъ весь домъ на ногахъ. Всѣ поѣхали въ церковь, кромѣ вирочемъ Нетеньки, который остался дома подъ

предлогомъ, что усталъ съ дороги. Наконецъ отслушали обѣдню и панихиду и воротились домой. Петенька по обыкновенію подошелъ къ рукѣ отца, но Іудушка подалъ руку бокомъ, и всѣ замѣтили, что онъ даже не перекрестилъ сына. Напились чаю, ноѣли номинальной кутьи; Іудушка ходилъ мрачный, шаркалъ ногами, избѣгалъ разговоровъ, вздыхалъ, безпрестанно складывалъ руки, въ знакъ умной молитвы, и совѣмъ не глядѣлъ на сына. Съ своей стороны и Петенька ёжился и молча курилъ папироску за папироской. Вчерашнее натянутое положеніе не только не улучшилось за ночь, но приняло такіе рѣзкіе тоны, что Арина Петровна серьезно обезпокоилась и рѣшилась развѣдать у Евпраксеюшки, не случилось ли что-нибудь.

— Что такое сдѣлалось!—спросила она:—что они съ утра словно вороги другъ на друга смотрятъ!

— А я почемъ знаю? развѣ я въ ихнія дѣла вхожу!—огрызнулась Евпраксея.

— Ужъ не ты ли? Можетъ, и внучекъ къ тебѣ пристаетъ?

— Чего ко мнѣ приставать! Просто давеча подкарауливъ меня въ корридорѣ, а Порфирій Владимірычъ и увидѣли!

— Н-да, такъ вотъ оно что!

И дѣйствительно, несмотря на крайность своего положенія, Петенька отнюдь не оставилъ присущаго ему легкомыслія. И онъ тоже заглядѣлся на могучую спину Евпраксеюшки и рѣшился ей высказать это. Съ этою собственно цѣлью онъ и въ церковь не поѣхалъ, надѣясь, что и Евпраксея, въ качествѣ экономки, останется дома. И вотъ, когда въ домѣ все стихло, онъ накинулъ на плечи пиджакъ и притаился въ корридорѣ. Прошла минута, другая, хлопнула дверь, ведущая изъ сѣней въ дѣвичью, и въ концѣ корридора показалась Евпраксея, держа въ рукахъ подносъ, на которомъ лежалъ теплый сдобный кренделъ къ чаю. Но не успѣлъ еще Петенька вытянуть ее хорошенько между лопатками, не успѣлъ произнести: „вотъ это такъ спина!" —какъ дверь изъ столовой отворилась и въ ней показался отецъ.

— Ежели ты сюда шкодничать, мерзавецъ, пріѣхалъ, такъ я тебя съ лѣстницы велю сбросить!—произнесъ Іудушка какимъ-то безконечно злымъ голосомъ.

Разумѣется, Петенька въ одинъ моментъ стушевался.

Онъ не могъ, однакожъ, не понять, что утреннее происшествіе было не изъ такихъ, чтобы благопріятно подѣйствовать на его фонды. Поэтому онъ рѣшился молчать и отложить объясненіе до завтра. Но въ то же время онъ не только ничего не дѣлалъ, чтобъ унять раздраженіе отца, но, напротивъ того, велъ себя самымъ неосмотрительнымъ и дурацкимъ образомъ. Не переставая, курилъ папироски, не обращая никакого вниманія на то, что отецъ усиленно отмахивался отъ облаковъ дыма, которыми онъ наполнилъ комнату. Затѣмъ поминутно кидалъ умильно-дурацкіе взоры на Евпраксеюшку, которая подъ вліяніемъ ихъ какъ-то вкось улыбалась, что̀ тоже замѣчалъ Іудушка.

День потянулся вяло. Попробовала-было Арина Петровна въ дураки съ Евпраксеюшкой сыграть, но ничего изъ этого не вышло. Не игралось, не говорилось, даже пустяки какъ-то не шли на умъ, хотя у всѣхъ были въ запасѣ цѣлые непочатые углы этого добра. Насилу пришелъ обѣдъ, но и за обѣдомъ всѣ молчали. Послѣ обѣда Арина Петровна собралась-было въ Погорѣлку, но Іудушку даже испугало это намѣреніе добраго друга маменьки.

— Христосъ съ вами, голубушка! — воскликнулъ онъ:—что жъ, одного, что-ли, вы меня оставить хотите съ глазу на глазъ съ этимъ... дурнымъ сыномъ? Нѣтъ, нѣтъ! и не думайте! не пущу!

— Да что̀ такое? случилось, что-ли, что-нибудь промежду васъ? сказывай!—спросила она его.

— Нѣтъ, покамѣстъ еще ничего не случилось, но вы увидите... Нѣтъ, вы ужъ не оставьте меня! пусть ужъ при васъ... Это—не даромъ! не даромъ онъ прикатилъ... Такъ если что̀ случится—ужъ вы будьте свидѣтельницей!

Арина Петровна покачала головой и рѣшилась остаться.

Послѣ обѣда Порфирій Владиміричъ удалился спать, уславъ предварительно Евпраксеюшку на село къ попу; Арина Петровна, отложивъ отъѣздъ въ Погорѣлку, тоже ушла въ свою комнату и, усѣвшись въ кресло, дремала. Петенька счелъ это время самымъ благопріятнымъ, чтобъ попытать счастья у бабушки, и отправился къ ней.

— Что̀ ты? въ дурачки, что-ли, со старухой поиграть пришелъ?—встрѣтила его Арина Петровна.

— Нѣтъ, бабушка, я къ вамъ за дѣломъ.

— Ну, разсказывай, говори.

Петенька съ минуту помялся на мѣстѣ и вдругъ брякнулъ:

— Я, бабушка, казенныя деньги проигралъ.

У Арины Петровны даже въ глазахъ потемнѣло отъ неожиданности.

— И много?—спросила она неиспуганнымъ голосомъ, глядя на него остановившимися глазами.

— Три тысячи.

Послѣдовала минута молчанія; Арина Петровна безпокойно смотрѣла изъ стороны въ сторону, точно ждала, не явится ли откуда къ ней помощь.

— А ты знаешь ли, что за это и въ Сибирь недолго попасть?—наконецъ произнесла она.

— Знаю.

— Ахъ, бѣдный ты, бѣдный!

— Я, бабушка, у васъ хотѣлъ взаймы попросить... я хорошій процентъ заплачу.

Арина Петровна совсѣмъ испугалась.

— Что ты! что ты!—заметалась она:—да у меня и денегъ только на гробъ да на поминовенье осталось! И сыта я только по милости внучекъ, да вотъ чѣмъ у сына полакомлюсь! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! ты ужъ меня оставь! Сдѣлай милость, оставь! Знаешь что: ты бы у папеньки попросилъ!

— Нѣтъ, ужъ что! отъ желѣзнаго пня да каменной просвиры ждать! Я, бабушка, на васъ надѣялся!

— Что ты! что ты! да я бы съ радостью, только какія же у меня деньги! и денегъ у меня такихъ нѣтъ! А ты бы къ папенькѣ обратился, да съ лаской, да съ почтеніемъ! вотъ, молъ, папенька, такъ и такъ: виноватъ, молъ, по молодости, проштрафился... Со смѣшкомъ, да съ улыбочкой, да ручку поцѣлуй, да на колѣнки встань, да поплачь—онъ это любитъ—ну, и развяжетъ папенька мошну для милаго сынка.

— А что вы думаете! сдѣлать развѣ? Стойте-ка! стойте! А что, бабушка, еслибъ вы ему сказали: коли не дашь денегъ—прокляну! Вѣдь онъ этого давно боится, проклятья-то вашего.

— Ну, ну, зачѣмъ проклинать! Попроси и такъ. Попроси, мой другъ! Вѣдь ежели отцу и лишній разокъ поклонишься, такъ вѣдь

голова не отвалится: отецъ онъ! Ну, и онъ съ своей стороны увидитъ... сдѣлай-ка это! право!

Петенька ходитъ подбочепившись взадъ и впередъ, словно обдумываетъ; наконецъ останавливается и говоритъ:

— Нѣтъ ужъ. Все равно—не дастъ. Что бы я ни дѣлалъ, хоть бы лобъ себѣ разбилъ, кланявшись,—все одно, не дастъ. Вотъ кабы вы проклятіемъ пригрозили... Такъ какъ же мнѣ быть-то, бабушка?

— Не знаю, право. Попробуй—можетъ, и смягчишь. Какъ же ты это, однакожъ, такую себѣ волю далъ: лёгко ли дѣло—казенныя деньги проигралъ? научилъ тебя, что-ли, кто-нибудь?

— Такъ вотъ, взялъ да и проигралъ. Ну, коли у васъ своихъ денегъ нѣтъ, такъ изъ сиротскихъ дайте!

— Что ты? опомнись! какъ я могу сиротскія деньги давать? Нѣтъ, ужъ сдѣлай милость, уволь ты меня! не говори ты со мной объ этомъ, ради Христа!

— Такъ не хотите? Жаль. А я бы хорошій процентъ далъ. Пять процентовъ въ мѣсяцъ хотите? нѣтъ? ну, черезъ годъ капиталъ на капиталъ?

— И не соблазняй ты меня!—замахала на него руками Арина Петровна:—уйди ты отъ меня, ради Христа! Еще папенька неравно услышитъ, скажетъ, что я же тебя возмутила! Ахъ, ты, Господи! Я, старуха, отдохнуть хотѣла, даже задремала совсѣмъ, а онъ вонъ съ какимъ дѣломъ пришелъ!

— Ну, хорошо. Я уйду. Стало быть, нельзя? Прекрасно-съ. По родственному. Изъ-за трехъ тысячъ рублей внукъ въ Сибирь долженъ пойти! Напутственный-то молебенъ отслужить не забудьте!

Петенька хлопнулъ дверью и ушелъ. Одна изъ его легкомысленныхъ надеждъ лопнула—что теперь предпринять? Остается одно: во всемъ открыться отцу. А можетъ быть... Можетъ быть, что-нибудь...

— Пойду сейчасъ и покончу разомъ!—говорилъ онъ себѣ:—или нѣтъ! Нѣтъ, зачѣмъ же сегодня... Можетъ быть, что-нибудь... да впрочемъ что же такое можетъ быть? Нѣтъ, лучше завтра... Все-таки, хоть нынѣче день... Да, лучше завтра. Скажу—и уѣду.

На томъ и покончилъ, что завтра—всему конецъ...

Послѣ объясненія съ бабушкой вечеръ потянулся еще вялѣе. Даже Арина Петровна притихла, узнавши дѣйствительную причину

пріѣзда Петеньки. Бабушка пробовалъ-было заигрывать съ маменькой, но, видя, что она объ чемъ-то задумывается, замолчалъ. Петенька тоже ничего не дѣлалъ, только курилъ. За ужиномъ Порфирій Владиміровичъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Да скажешь ли ты, наконецъ, зачѣмъ ты сюда пожаловалъ?

— Завтра скажу,—угрюмо отвѣтилъ Петенька.

Петенька всталъ рано послѣ почти совсѣмъ безсонной ночи. Все та же раздвоенная мысль преслѣдовала его—мысль, начинавшаяся надеждой: „можетъ быть и дастъ!“ и неизмѣнно кончавшаяся вопросомъ: „и зачѣмъ я сюда пріѣхалъ?“ Можетъ быть, онъ не понималъ своего отца, но во всякомъ случаѣ онъ не зналъ за нимъ ни одного чувства, ни одной слабой струны, за которую предстояла бы возможность ухватиться и, эксплуатируя которую, можно было бы чего-нибудь достигнуть. Онъ чувствовалъ только одно: что въ присутствіи отца онъ находится лицомъ къ лицу съ чѣмъ-то неизъяснимымъ, неуловимымъ. Незнаніе, съ какого конца подойти, съ чего начать рѣчь, порождало ежели не страхъ, то во всякомъ случаѣ безпокойство. И такъ шло съ самаго дѣтства. Всегда, съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ себя помнить, дѣло было поставлено такъ, что лучше казалось совсѣмъ отказаться отъ какого-нибудь предположенія, нежели поставить его въ зависимость отъ рѣшенія отца. Такъ было и теперь. Съ чего онъ начнетъ? какъ начнетъ? что скажетъ?.. Ахъ, зачѣмъ только онъ пріѣхалъ?!

Имъ овладѣла тоска. Тѣмъ не менѣе, онъ понялъ, что впереди оставалось только нѣсколько часовъ и что, слѣдовательно, надо же что-нибудь дѣлать. Набравшись напускной рѣшимости, застегнувши сюртукъ и поднятавши что-то на ходу, онъ довольно твердымъ шагомъ направился къ отцовскому кабинету.

Бабушка стоялъ на молитвѣ. Онъ былъ набоженъ и каждый день охотно посвящалъ молитвѣ нѣсколько часовъ. Но онъ молился не потому, что любилъ Бога и надѣялся посредствомъ молитвы войти въ общеніе съ нимъ, а потому, что боялся чорта, и надѣялся, что Богъ избавитъ его отъ лукаваго. Онъ зналъ множество молитвъ и въ особенности отлично изучилъ технику молитвеннаго стоянія. То-есть, зналъ, когда нужно шевелить губами и закатывать глаза, когда слѣ-

дуетъ складывать руки ладонями внутрь и когда держать ихъ воздѣтыми, когда надлежитъ умиляться и когда стоять чинно, творя умѣренныя крестныя знаменія. И глаза, и носъ его красиѣли и увлажнялись въ опредѣленныя минуты, на которыя указывала ему молитвенная практика. Но молитва не обновляла его, не просвѣтляла его чувства, не вносила никакого луча въ его тусклое существованіе. Онъ могъ молиться и продѣлывать всѣ нужныя тѣлодвиженія — и въ то же время смотрѣть въ окно и замѣчать, не идетъ ли кто безъ спросу въ погребъ и т. д. Это была совершенно особенная, частная формула жизни, которая могла существовать и удовлетворять себя совсѣмъ независимо отъ общей жизненной формулы.

Когда Петенька вошелъ въ кабинетъ, Порфирій Владимірычъ стоялъ на колѣняхъ съ воздѣтыми руками. Онъ не перемѣнилъ своего положенія, а только подрыгалъ одной рукой въ воздухѣ, въ знакъ того, что еще—не время. Петенька расположился въ столовой, гдѣ уже былъ накрытъ чайный приборъ, и сталъ ждать. Эти полчаса показались ему вѣчностью, тѣмъ болѣе, что онъ былъ увѣренъ, что отецъ заставляетъ его ждать нарочно. Напускная твердость, которою онъ вооружился, мало-по-малу стала уступать мѣсто чувству досады. Сначала онъ сидѣлъ смирно, потомъ принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ и наконецъ сталъ что-то насвистывать, вслѣдствіе чего дверь кабинета пріотворилась и оттуда послышался раздраженный голосъ Іудушки:

— Кто хочетъ свистать, тотъ можетъ для этого на конюшню идти.

Немного погодя, Порфирій Владимірычъ вышелъ, одѣтый весь въ черномъ, въ чистомъ бѣльѣ, словно приготовленный къ чему-то торжественному. Лицо у него было свѣтлое, умиленное, дышущее смиреніемъ и радостью, какъ будто онъ сейчасъ только „сподобился". Онъ подошелъ къ сыну, перекрестилъ и поцѣловалъ его.

— Здравствуй, другъ!—сказалъ онъ.

— Здравствуйте!

— Каково почивалъ? постельку хорошо ли постлали? клопиковъ, блошекъ не чувствовалъ ли?

— Благодарю васъ. Спалъ.

— Ну, спалъ, такъ и слава Богу. У родителей только и можно сластёнько поспать. Это ужъ я по себѣ знаю: какъ ни хорошо, бывало,

устроиться въ Петербургѣ, а никогда такъ сладко не уснешь, какъ въ Головлевѣ. Точно вотъ въ колыбелькѣ тебя покачиваетъ. Такъ какъ же мы съ тобой: поиьемъ чайку, что-ли, сначала, или ты сейчасъ что-нибудь сказать хочешь?

— Нѣтъ, лучше теперь поговоримъ. Мнѣ черезъ шесть часовъ уѣхать надо, такъ, можетъ быть, и обдумать кой-что время понадобится.

— Ну, ладно. Только я, братъ, говорю прямо: никогда я не обдумываю. У меня всегда отвѣтъ готовъ. Коли ты правильнаго чего просишь — изволь! никогда я ни въ чемъ правильномъ не откажу. Хоть и трудненько иногда, и не по силамъ, а ежели правильно — не могу отказать! Натура такая. Ну, а ежели просишь неправильно — не противься! Хоть и жалко тебя — а откажу! У меня, братъ, вывертовъ нѣтъ! Я весь тутъ, на ладони. Ну, пойдемъ, пойдемъ въ кабинетъ! Ты поговоришь, а я послушаю! Послушаемъ, послушаемъ, что̀ такое!

Когда оба вошли въ кабинетъ, Порфирій Владимирычъ оставилъ дверь слегка пріотворенною и затѣмъ ни самъ не сѣлъ, ни сына не посадилъ, а началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Словно онъ инстинктивно чувствовалъ, что дѣло будетъ щекотливое и что объясняться объ такихъ предметахъ на ходу гораздо свободнѣе. И выраженіе лица скрыть удобнѣе, и прекратить объясненіе, ежели оно приметъ слишкомъ непріятный оборотъ, легче. А съ помощью пріотворенной двери и на свидѣтелей можно сослаться, потому что маменька съ Евпраксѣюшкой навѣрное не замедлятъ явиться къ чаю въ столовую.

— Я, папенька, казенныя деньги проигралъ,—разомъ и какъ-то тупо высказался Петенька.

Іудушка ничего не сказалъ. Только можно было замѣтить, какъ дрогнули у него губы. И вслѣдъ затѣмъ онъ по обыкновенію началъ шептать.

— Я проигралъ три тысячи,— пояснилъ Петенька:—и ежели послѣ-завтра ихъ не внесу, то могутъ произойти очень непріятныя для меня послѣдствія.

— Что жъ, внеси! —любезно молвилъ Порфирій Владимирычъ.

Нѣсколько туровъ отецъ и сынъ сдѣлали молча. Петенька хо-

тѣлъ объясняться дальше, но чувствовалъ, что у него захватило горло.

— Откуда же я возьму деньги?—наконецъ выговорилъ онъ.

— Я, любезный другъ, твоихъ источниковъ не знаю. На какіе ты источники разсчитывалъ, когда проигрывалъ въ карты казенныя деньги—изъ тѣхъ и плати.

— Вы сами очень хорошо знаете, что въ подобныхъ случаяхъ люди объ источникахъ забываютъ!

— Ничего я, мой другъ, не знаю. Я въ карты никогда не игрывалъ—только вотъ развѣ съ маменькой въ дурачки сыграешь, чтобъ потѣшить старушку. И пожалуйста ты меня въ эти грязныя дѣла не впутывай, а пойдемъ-ка лучше чайку попьемъ. Попьемъ да посидимъ, можетъ и поговоримъ объ чемъ-нибудь—только ужъ, ради Христа, не объ этомъ.

И Іудушка направился-было къ двери, чтобы юркнуть въ столовую, но Петенька остановилъ его.

— Позвольте, однакожъ,—сказалъ онъ:—надобно же мнѣ какъ-нибудь выйти изъ этого положенія!

Іудушка усмѣхнулся и посмотрѣлъ Петенькѣ въ лицо.

— Надо, голубчикъ!—согласился онъ.

— Такъ помогите же!

— А это... это ужъ другой вопросъ. Что надобно какъ-нибудь выйти изъ этого положенія—это такъ, это ты правду сказалъ. А какъ выйти—это ужъ не мое дѣло!

— Но почему же вы не хотите помочь?

— А потому, во-первыхъ, что у меня нѣтъ денегъ для покрытія твоихъ дрянныхъ дѣлъ, а во-вторыхъ—и потому, что вообще это до меня не касается. Самъ напуталъ—самъ и выпутывайся. Любишь кататься—люби и саночки возить. Такъ-то, другъ. Я вѣдь и давеча съ того началъ, что ежели ты просишь правильно...

— Знаю, знаю. Много у васъ на языкѣ словъ...

— Постой, попридержи свои дерзости, дай мнѣ досказать. Что это не одни слова—это я тебѣ сейчасъ докажу... Итакъ, я тебѣ давеча сказалъ: если ты будешь просить должнаго, дѣльнаго—изволь, другъ! всегда готовъ тебя удовлетворить! Но ежели ты приходишь съ просьбой не-дѣльною—извини, братъ! На дрянныя дѣла у меня денегъ нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! И не будетъ—ты это знай! И не сѣй

говорить, что это—одни „слова“, а понимай, что эти слова очень близко граничатъ съ дѣломъ.

— Подумайте, однакожъ, что со мной будетъ!

— А что Богу угодно, то и будетъ,—отвѣчалъ Іудушка, слегка воздѣвая руки и искоса поглядывая на образъ.

Отецъ и сынъ опять сдѣлали нѣсколько туровъ по комнатѣ. Іудушка шелъ нехотя, словно жаловался, что сынъ держитъ его въ плѣну. Петенька, подбочениившись, слѣдовалъ за нимъ, кусая усы и нервно усмѣхаясь.

— Я—послѣдній сынъ у васъ,—сказалъ онъ:—не забудьте объ этомъ.

— У Іова, мой другъ, Богъ и все взялъ, да онъ не роптал, а только сказалъ: Богъ далъ, Богъ и взялъ—твори, Господи, волю свою! Такъ-то, братъ.

— То Богъ взялъ, а вы сами у себя отнимаете. Володя...

— Ну, ты, кажется, пошлости начинаешь говорить!

— Нѣтъ, это не пошлости, а правда. Всѣмъ извѣстно, что Володя...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не хочу я твои пошлости слушать! Да и вообще—довольно. Что надо было высказать, то ты высказалъ. Я тоже отвѣтъ тебѣ далъ. А теперь пойдемъ и будемъ чай пить. Посидимъ да поговоримъ, потомъ поѣдимъ, выпьемъ на прощанье—и съ Богомъ. Видишь, какъ Богъ для тебя милостивъ! И погодка унялась, и дорожка поглаже стала. Полегоньку да помаленьку, трюхъ да трюхъ—и не увидишь, какъ долетишься до станціи!

— Послушайте! наконецъ я прошу васъ! ежели у васъ есть хоть капля чувства...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! не будемъ объ этомъ говорить! Пойдемъ въ столовую: маменька, поди, давно безъ чаю соскучилась. Не годится старушку заставлять ждать.

Іудушка сдѣлалъ крутой поворотъ и почти бѣгомъ направился къ двери.

— Хоть уходите, хоть не уходите, я этого разговора не оставлю!—крикнулъ ему вслѣдъ Петенька:—хуже будетъ, какъ при свидѣтеляхъ начнемъ разговаривать!

Іудушка воротился назадъ и всталъ прямо противъ сына.

— Что тебѣ отъ меня, негодяй, нужно... сказывай!—спросилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Мнѣ нужно, чтобъ вы заплатили тѣ деньги, которыя я проигралъ.

— Никогда!!

— Такъ это ваше послѣднее слово?

— Видишь?—торжественно воскликнулъ Іудушка, указывая пальцемъ на образъ, висѣвшій въ углу:—это видишь? Это—папенькино благословеніе... Такъ вотъ я при немъ тебѣ говорю: никогда!!

И онъ рѣшительнымъ шагомъ вышелъ изъ кабинета.

— Убійца!—пронеслось вдогонку ему.

Арина Петровна сидитъ уже за столомъ, и Евпраксеюшка дѣлаетъ всѣ приготовленія къ чаю. Старуха задумчива, молчалива и даже какъ будто стыдится Петеньки. Іудушка по обычаю подходитъ къ ея ручкѣ, и по обычаю же она машинально креститъ его. Потомъ по обычаю идутъ вопросы, все ли здоровы, хорошо ли почивали, на что слѣдуютъ обычные односложные отвѣты.

Уже наканунѣ вечеромъ она была скучна. Съ тѣхъ поръ какъ Петенька попросилъ у нея денегъ и разбудилъ въ ней воспоминаніе о „проклятіи", она вдругъ впала въ какое-то загадочное безпокойство и ее неотступно начала преслѣдовать мысль: „а что, ежели прокляну?" Узнавши утромъ, что въ кабинетѣ началось объясненіе, она обратилась къ Евпраксеюшкѣ съ просьбой:

— Поди-ка, сударка, подслушай потихоньку у дверей, что они тамъ говорятъ!

Но Евпраксеюшка хотя и подслушала, но была настолько глупа, что ничего не поняла.

— Такъ промежду себя разговариваютъ! Не очень кричатъ! объяснила она, возвратившись.

Тогда Арина Петровна не вытерпѣла и сама отправилась въ столовую, куда тѣмъ временемъ и самоваръ былъ уже поданъ. Но объясненіе уже приходило къ концу; слышала она только, что Петенька возвышаетъ голосъ, а Порфирій Владимірычъ словно зудитъ въ отвѣтъ.

— Зудитъ! именно зудитъ!—вертѣлось у нея въ головѣ:—вотъ и тогда онъ такъ же зудѣлъ! и какъ это я въ то время не поняла!

Наконецъ оба, и отецъ, и сынъ, появились въ столовую. Петенька былъ красенъ и тяжело дышалъ; глаза у него смотрѣли широко, волосы на головѣ растрепались, лобъ былъ усѣянъ мелкими каплями пота. Напротивъ, Іудушка вошелъ блѣдный и злой; хотѣлъ казаться равнодушнымъ, но, несмотря на всѣ усилія, нижняя губа его дрожала. Насилу могъ онъ выговорить обычное утреннее привѣтствіе милому другу маменькѣ.

Всѣ заняли свои мѣста вокругъ стола: Петенька сѣлъ нѣсколько поодаль, отвалился на спинку стула, положилъ нога на ногу и, закуривая папироску, иронически посматривалъ на отца.

— Вотъ, маменька, и погодка у насъ унялась, — началъ Іудушка: — какое вчера смятеніе было, анъ Богу стоило только захотѣть — вотъ у насъ тишь да гладь, да Божья благодать! такъ ли, другъ мой?

— Не знаю; не выходила я изъ дому сегодня.

— А мы кстати дорогого гостя провожаемъ, — продолжалъ Іудушка: — я давеча еще гдѣ-гдѣ всталъ, посмотрѣлъ въ окно — анъ на дворѣ тихо да спокойно, точно вотъ ангелъ Божій пролетѣлъ и въ одну минуту своимъ крыломъ все это возмущеніе усмирилъ!

Но никто даже не отвѣтилъ на ласковыя Іудушкины слова: Евпраксеюшка шумно пила съ блюдечка чай, дуя и отфыркиваясь; Арина Петровна смотрѣла въ чашку и молчала; Петенька, раскачиваясь на стулѣ, продолжалъ посматривать на отца съ такимъ иронически-вызывающимъ видомъ, точно вотъ ему большихъ усилій стоитъ, чтобы не прыснуть со смѣха.

— Теперича, ежели Петенька и не ныньче поѣдетъ, — опять началъ Порфирій Владимірычъ: — и тутъ къ вечеру легко до станціи желѣзной дороги поспѣетъ. Лошади у насъ свои, не мученныя, часика два въ Муравьевѣ покормятъ — мигомъ домчатъ. А тамъ — фіюю! пошла машина погромыхивать! Ахъ, Петька! Петька! недобрый ты! остался бы ты здѣсь съ нами, погостилъ бы — право! И намъ было бы веселѣе, да и ты бы — смотри, какъ бы ты здѣсь въ одну недѣлю поправился!

Но Петенька все продолжаетъ раскачиваться на стулѣ и посматривать на отца.

— Ты что на меня все смотришь? — заканаетъ наконецъ Іудушка: — узоры, что-ли, видишь?

— Смотрю, жду, что еще отъ васъ будетъ.

— Ничего, братъ, не высмотришь! какъ сказано, такъ и будетъ. Я своего слова не измѣню!

Наступаетъ минута молчанія, въ продолженіе которой явственно раздается шопотъ:

— Іудушка!

Порфирій Владимірычъ несомнѣнно слышалъ эту апострофу (онъ даже поблѣднѣлъ), но дѣлаетъ видъ, что восклицаніе до него не относится.

— Ахъ, дѣтки, дѣтки!—говоритъ онъ:—и жаль васъ, и хотѣлось бы приласкать да приголубить васъ, да, видно, нечего дѣлать—не судьба! сами вы отъ родителей бѣжите, свои у васъ завелись друзья-пріятели, которые дороже для васъ и отца съ матерью. Ну, и нечего дѣлать! Подумаешь-подумаешь—и покоришься. Люди вы молодые, а молодому, извѣстно, пріятнѣе съ молодымъ побыть, чѣмъ со старикомъ-ворчуномъ! Вотъ и смиряешь себя, и не ропщешь: только и просишь Отца Небеснаго: твори, Господи, волю свою!

— Убійца!—вновь шепчетъ Петенька, но уже такъ явственно, что Арина Петровна со страхомъ смотритъ на него. Передъ глазами ея что-то вдругъ пронеслось, словно тѣнь Стёпки-балбеса.

— Ты про кого это говоришь?—спрашиваетъ Іудушка, весь дрожа отъ волненія.

— Такъ, про одного знакомаго.

— То-то! такъ ты такъ и говори!—Вѣдь Богъ знаетъ, что̀ у тебя на умѣ: можетъ быть, ты изъ присутствующихъ кого-нибудь такъ честишь!

Всѣ смолкаютъ: стаканы съ чаемъ стоятъ нетронутыми. Іудушка тоже откидывается на спинку стула и нервно покачивается. Петенька, видя, что всякая надежда потеряна, ощущаетъ что-то въ родѣ предсмертной тоски и подъ вліяніемъ ея готовъ идти до крайнихъ предѣловъ. И отецъ, и сынъ съ какою-то неизъяснимою улыбкой смотрятъ другъ другу въ глаза. Какъ ни вышколилъ себя Порфирій Владимірычъ, но близится минута, когда онъ не въ состояніи будетъ сдерживаться.

— Ты бы лучше за добра-ума уѣхалъ!—наконецъ высказывается онъ:—да!

— И то уѣду.

— Чего ждать-то! Я вижу, что ты на ссору лѣзешь, а я ни съ

кѣмъ ссориться не хочу. Живемъ мы здѣсь тихо да смирно, безъ ссоръ да безъ сваръ; вотъ бабушка-старушка здѣсь сидитъ—хоть бы ея ты посовѣстился! Ну, зачѣмъ ты къ намъ пріѣхалъ?

— Я вамъ говорилъ, зачѣмъ.

— А коли затѣмъ только, такъ напрасно трудился. Уѣзжай, братъ! Эй, кто тамъ? велите-ка для молодого барина кибитку закладывать. Да цыпленочка жаренаго, да икорки, да еще тамъ чего-нибудь... яичекъ, что-ли... въ бумажку заверните. На станціи, братъ, и закусишь, покуда лошадей подкормятъ. Съ Богомъ!

— Нѣтъ! я еще не поѣду. Я еще въ церковь пойду, попрошу панихидку по убіенномъ рабѣ божіемъ Владимірѣ отслужить.

— По самоубійцѣ, то-есть...

— Нѣтъ, по убіенномъ.

Отецъ и сынъ смотрятъ другъ на друга во всѣ глаза. Такъ и кажется, что оба сейчасъ вскочатъ. Но Іудушка дѣлаетъ надъ собой нечеловѣческое усиліе и оборачивается со стуломъ лицомъ къ столу.

— Удивительно!—говоритъ онъ надорваннымъ голосомъ: — у-ди-ви-тель-но!

— Да, по убіенномъ!—грубо настаиваетъ Петенька.

— Кто же его убилъ?—любопытствуетъ Іудушка, повидимому все-таки надѣясь, что сынъ опомнится.

Но Петенька, нимало не смущаясь, выпаливаетъ какъ изъ пушки:

— Вы!!

— Я?!

Порфирій Владимірычъ не можетъ придти въ себя отъ изумленія. Онъ торопливо поднимается со стула, обращается лицомъ къ образу и начинаетъ молиться.

— Вы! вы! вы!—повторяетъ Петенька.

— Ну, вотъ! ну, слава Богу! вотъ теперь полегче стало, какъ помолился!—говоритъ Іудушка, вновь присаживаясь къ столу: —ну, постой! погоди! хоть мнѣ, какъ отцу, можно было бы и не входить съ тобой въ объясненія—ну, да ужъ пусть будетъ такъ! Стало быть, по твоему, я убилъ Володеньку?

— Да, вы!

— А по моему это не такъ. По моему, онъ самъ себя застрѣлилъ. Я въ то время былъ здѣсь, въ Головлевѣ, а онъ—въ Петер-

бургѣ. Причемъ же я тутъ могъ быть? какъ могъ я его за семьсотъ верстъ убить?

— Ужъ будто вы и не понимаете?

— Не понимаю... видитъ Богъ, не понимаю!

— А кто Володю безъ копѣйки оставилъ! кто ему жалованье прекратилъ? кто?

— Те-те-те! такъ зачѣмъ онъ женился противъ желанья отца?

— Да вѣдь вы же позволили?

— Кто? я? Христосъ съ тобой! Никогда не позволялъ! Никогда!

— Ну, да, то-есть вы и тутъ по своему обыкновенію поступили. У васъ вѣдь каждое слово десять значеній имѣетъ; пойди, угадывай!

— Никогда я не позволялъ! Онъ мнѣ въ то время написалъ: „хочу, папа, жениться на Лидочкѣ". Понимаешь: „хочу". а не „прошу позволенія". Ну, и я ему отвѣтилъ: коли *хочешь* жениться, такъ женись, я препятствовать не могу! Только всего и было.

— Только всего и было!—поддразниваетъ Петенька:—а развѣ это—не позволеніе?

— То-то, что нѣтъ. Я что сказалъ? я сказалъ: не могу препятствовать—только и всего. А позволяю или не позволяю, это—другой вопросъ. Онъ у меня позволенія не просилъ; онъ прямо написалъ: „*хочу*, папа, жениться на Лидочкѣ"—ну, и я насчетъ позволенія умолчалъ. *Хочешь* жениться—ну, и Христосъ съ тобой! женись, мой другъ, хоть на Лидочкѣ, хоть на разлидочкѣ—я препятствовать не могу!

— А только безъ куска хлѣба оставить можете. Такъ вы бы такъ и писали: не нравится, дескать, мнѣ твое намѣреніе, а потому хоть я тебѣ не препятствую, но все-таки предупреждаю, чтобъ ты больше не разсчитывалъ на денежную помощь отъ меня. По крайней мѣрѣ, тогда было бы ясно.

— Нѣтъ, этого я никогда не позволю себѣ сдѣлать. Чтобъ я сталъ употреблять въ дѣло угрозы совершеннолѣтнему сыну — никогда!! У меня такое правило, что я никому не препятствую! Захотѣлъ жениться—женись! Ну, а насчетъ послѣдствій—не прогнѣвайся! Самъ долженъ былъ предусматривать—на то и умъ тебѣ отъ Бога данъ. А я, братъ, въ чужія дѣла не вмѣшиваюсь. И не только самъ не вмѣшиваюсь, да не прошу, чтобъ и другіе въ мои дѣла вмѣ-

живались. Да, не прошу, не прошу, не прошу и даже... запрещаю! Слышишь ли, дурной, непочтительный сынъ?—за-пре-щаю!

— Запрещайте, пожалуй! всѣмъ ртовъ не замажете!

— И хоть бы онъ раскаялся! хоть бы онъ понялъ, что отца обидѣлъ! Ну, сдѣлалъ шалость — ну, и раскайся! Попроси прощенія! простите, молъ, душенька-папенька, что васъ огорчилъ! А то—папко!

— Да вѣдь онъ писалъ вамъ; онъ объяснилъ, что ему жить нечѣмъ, что дольше ему терпѣть нѣтъ силъ...

— Съ отцомъ не объясняются-съ. У отца прощенія просятъ — вотъ и все.

— И это было. Онъ такъ былъ измученъ, что и прощенья просилъ. Все было, все!

— А хоть бы и такъ — опять-таки онъ не правъ. Попросилъ разъ прощенья, видитъ, что папа не прощаетъ — и въ другой разъ попроси!

— Ахъ, вы!

Сказавши это, Петенька вдругъ перестаетъ качаться на стулѣ, оборачивается къ столу и облокачивается на него обѣими руками.

— Вотъ и я...—чуть слышно произноситъ онъ.

Лицо его постепенно искажается.

— Вотъ и я... — повторяетъ онъ, разражаясь истерическими рыданіями.

— А кто же вино...

Но Іудушкѣ не удалось окончить свое поученіе, ибо въ эту самую минуту случилось нѣчто совершенно неожиданное. Во время описанной сейчасъ перестрѣлки объ Аринѣ Петровнѣ словно позабыли. Но она отнюдь не оставалась равнодушной зрительницей этой семейной сцены. Напротивъ того, съ перваго же взгляда можно было заподозрить, что въ ней происходитъ что-то не совсѣмъ обыкновенное, и что, можетъ быть, настала минута, когда передъ умственнымъ ея окомъ предстали во всей полнотѣ и наготѣ итоги ея собственной жизни. Лицо ея оживилось, глаза расширились и блестѣли, губы шевелились, какъ будто хотѣли сказать какое-то слово — и не могли. И вдругъ, въ ту самую минуту, когда Петенька огласилъ столовую рыданіями, она грузно поднялась съ своего кресла, протянула впередъ руку, и изъ груди ея вырвался вопль:

— Прро-кли-нааааю!

IV.—Племяннушка.

Іудушка такъ-таки и не далъ Петенькѣ денегъ, хотя, какъ добрый отецъ, приказалъ въ минуту отъѣзда положить ему въ повозку и курочки, и телятинки, и шпрожокъ. Затѣмъ онъ, не смотря на стужу и вѣтеръ, самолично вышелъ на крыльцо проводить сына, справился, ловко ли ему сидѣть, хорошо ли онъ закуталъ себѣ ноги, и, возвратившись въ домъ, долго крестилъ окно въ столовой, посылая заочное напутствіе повозкѣ, увозившей Петеньку. Словомъ весь обрядъ выполнилъ какъ слѣдуетъ, по родственному.

— Ахъ, Петька, Петька! — говорилъ онъ:—дурной ты сынъ! нехорошій! Вѣдь вотъ что̀ набѣдокурилъ... ахъ-ахъ-ахъ! И что̀ бы, кажется, жить потихоньку да полегоньку, смиренько да ладненько, съ папкой да съ бабушкой-старушкой—такъ нѣтъ! Фу-ты! ну-ты! У насъ свой царь въ головѣ есть! своимъ умомъ проживемъ! Вотъ и умъ твой! Ахъ, горе какое вышло!

Но ни одинъ мускулъ при этомъ не дрогнулъ на его деревянномъ лицѣ, ни одна нота въ его голосѣ не прозвучала чѣмъ-нибудь похожимъ на призывъ блудному сыну. Да впрочемъ никто и не слыхалъ его словъ, потому что въ комнатѣ находилась одна Арина Петровна, которая, подъ вліяніемъ только-что испытаннаго потрясенія, какъ-то разомъ потеряла всякую жизненную энергію и сидѣла за самоваромъ, раскрывъ ротъ, ничего не слыша и безъ всякой мысли глядя впередъ.

Затѣмъ жизнь потекла по прежнему, исполненная праздной суеты и безконечнаго пустословія...

Вопреки ожиданіямъ Петеньки, Порфирій Владимірычъ вынесъ материнское проклятіе довольно спокойно и ни на волосъ не отступилъ отъ тѣхъ рѣшеній, которыя, такъ сказать, всегда готовыя сидѣли въ его головѣ. Правда, онъ слегка побѣднѣлъ и бросился къ матери съ крикомъ:

— Маменька! душенька! Христосъ съ вами! успокойтесь, голубушка! Богъ милостивъ! все устроится!

Но слова эти были скорѣе выраженіемъ тревоги за мать, нежели за себя. Выходка Арины Петровны была такъ внезапна, что Іудушка не догадался даже притвориться испуганнымъ. Еще наканунѣ ма-

менька была къ нему милостива, шутила, играла съ Евпраксеюшкой въ дурачки — очевидно, стало быть, что ей только что-нибудь на минуту помстилось, а преднамѣреннаго, „настоящаго" не было ничего. Дѣйствительно, онъ очень боялся маменькина проклятія, но представлялъ его себѣ совершенно иначе. Въ праздномъ его умѣ на этотъ случай цѣлая обстановка сложилась: образа, зажженныя свѣчи, маменька стоитъ среди комнаты, страшная, съ почернѣвшимъ лицомъ... и проклинаетъ! Потомъ: громъ, свѣчи потухли, завѣса разодралась, тьма покрыла землю а вверху, среди тучъ, видиѣется разгиѣванный ликъ Іеговы, освѣщенный молніями. Но такъ какъ ничего подобнаго не случилось, то значитъ, что маменька просто сблажила, показалось ей что-нибудь—и больше ничего. Да и не съ чего было ей „настоящимъ образомъ" проклинать, потому что въ послѣднее время у нихъ не было даже предлоговъ для столкновенія. Съ тѣхъ поръ какъ онъ заявилъ сомнѣніе насчетъ принадлежности маменькѣ тарантаса (Іудушка соглашался внутренно, что *тогда* онъ былъ виноватъ и заслуживалъ проклятія), воды утекло много: Арина Петровна смирилась, а Порфирій Владимірычъ только и думалъ о томъ, какъ бы успокоить добраго друга маменьку.

— Плоха старушка, ахъ, какъ плоха! временемъ даже забываться ужъ начала!—утѣшалъ онъ себя.—Сядетъ, голубушка, въ дураки играть—смотришь, анъ она дремлетъ!

Справедливость требуетъ сказать, что ветхость Арины Петровны даже тревожила его. Онъ еще не приготовился къ утратѣ, ничего не обдумалъ, не успѣлъ сдѣлать надлежащія выкладки: сколько было у маменьки капитала при отъѣздѣ изъ Дубровина, сколько капиталъ этотъ могъ приносить въ годъ дохода, сколько она могла изъ этого дохода тратить и сколько присовокупить. Словомъ сказать, не продѣлалъ еще цѣлой массы пустяковъ, безъ которыхъ онъ всегда чувствовалъ себя застигнутымъ врасплохъ.

— Старушка крѣпонька!—мечталось ему иногда: не проживетъ она *всего*—гдѣ прожить! Въ то время какъ она насъ отдѣлила, хорошій у нея капиталъ былъ! Развѣ сироткамъ чего не передала ли —да нѣтъ, и сироткамъ не много дастъ! Есть у старушки деньги, есть!

Но мечтанія эти покуда еще не представляли ничего серьезнаго и улетучивались, не задерживаясь въ его мозгу. Масса обыденныхъ

пустяковъ и безъ того была слишкомъ громадна, чтобъ увеличивать ее еще новыми, въ которыхъ покамѣсть не настояло насущной потребности. Порфирій Владимірычъ все откладывалъ да откладывалъ, и только послѣ внезапной сцены проклятія спохватился, что пора начинать.

Катастрофа наступила впрочемъ скорѣе, нежели онъ предполагалъ. На другой день послѣ отъѣзда Петеньки Арина Петровна уѣхала въ Погорѣлку и уже не возвращалась въ Головлево. Съ мѣсяцъ она провела въ совершенномъ уединеніи, не выходя изъ комнаты и рѣдко-рѣдко позволяя себѣ промолвить слово даже съ прислугой. Вставши утромъ, она по привычкѣ садилась къ письменному столу, по привычкѣ же начинала раскладывать карты, но никогда почти не доканчивала и словно застывала на мѣстѣ съ вперенными въ окно глазами. Что она думала и даже думала ли объ чемъ-нибудь —этого не разгадѣлъ бы самый проницательный знатокъ сокровеннѣйшихъ тайнъ человѣческаго сердца. Казалось, она хотѣла что-то вспомнить, хоть, напримѣръ, то, какимъ образомъ она очутилась здѣсь, въ этихъ стѣнахъ,—и не могла. Встревоженная ея молчаніемъ, Афимьюшка заглядывала въ комнату, поправляла въ креслѣ подушки, которыми она была обложена, пробовала заговорить объ чемъ-нибудь, но получала только односложные и нетерпѣливые отвѣты. Раза съ два въ теченіе этого времени пріѣзжалъ въ Погорѣлку Порфирій Владимірычъ, звалъ маменьку въ Головлево, пытался расшевелить ея воображеніе представленіемъ объ рыжичкахъ, карасикахъ и прочихъ головлевскихъ соблазнахъ, но она только загадочно улыбалась на его предложенія.

Однимъ утромъ она по обыкновенію собралась встать съ постели и не могла. Она не ощущала никакой особенной боли, ни на что не жаловалась, а просто не могла встать. Ее даже не встревожило это обстоятельство, какъ будто оно было въ порядкѣ вещей. Вчера сидѣла еще у стола, была въ силахъ бродить—нынче лежитъ въ постели, „немножется". Ей даже покойнѣе чувствовалось. Но Афимьюшка всполошилась и потихоньку отъ барыни послала гонца къ Порфирію Владимірычу.

Іудушка пріѣхалъ рано утромъ на другой день; Аринѣ Петровнѣ было ужъ значительно хуже. Обстоятельно разспросилъ онъ прислугу, что маменька кушала, не позволила ли себѣ чего лишненькаго, но

получилъ отвѣтъ, что Арина Петровна ужъ съ мѣсяцъ почти ничего не ѣстъ, а со вчерашняго дня и вовсе отказалась отъ пищи. Потужилъ Іудушка, помахалъ руками и, какъ добрый сынъ, прежде чѣмъ войти къ матери, погрѣлся въ дѣвичьей у печки, чтобъ не охватило больную холоднымъ воздухомъ. И кстати (у него насчетъ покойниковъ какой-то дьявольскій нюхъ былъ) тутъ же началъ распоряжаться. Разспросилъ насчетъ попа, дома ли онъ, чтобъ, въ случаѣ надобности, можно было сейчасъ же за нимъ послать, справился, гдѣ стоитъ маменькинъ ящикъ съ бумагами, заперъ ли онъ, и, успокоившись насчетъ существеннаго, призвалъ кухарку и велѣлъ приготовить обѣдать для себя.

— Мнѣ немного надо!—говорилъ онъ:—курочка есть?—ну, супцу изъ курочки сварите! Можетъ быть, солонинка есть—солонинки кусочекъ приготовьте! Жаркова какого-нибудь... вотъ, я и сытъ!

Арина Петровна лежала, распростершись навзничь на постели, съ раскрытымъ ртомъ и тяжело дыша. Глаза ея смотрѣли широко; одна рука выбилась изъ-подъ заячьяго одѣяла и застыла въ воздухѣ. Очевидно, она прислушивалась къ шороху, который произвелъ пріѣздъ сына, а можетъ быть до нея долетали и самыя приказанія, отдаваемыя Іудушкой. Благодаря опущеннымъ шторамъ, въ комнатѣ царствовали сумерки. Свѣтильни догорали на днѣ лампадокъ, и слышно было, какъ онѣ трещали отъ прикосновенія съ водой. Воздухъ былъ тяжелъ и смраденъ: духота отъ жарко натопленныхъ печей, отъ чада, распространяемаго лампадками, и отъ міазмовъ стояла невыносимая. Порфирій Владимірычъ, въ валеныхъ сапогахъ, словно змѣй, проскользнулъ къ постели матери; длинная и сухощавая его фигура загадочно колебалась, охваченная сумерками. Арина Петровна слѣдила за нимъ не то испуганными, не то удивленными глазами и жалась подъ одѣяломъ.

— Это я, маменька,—сказалъ онъ:—что это, какъ вы развинтились сегодня! ахъ-ахъ-ахъ! То-то мнѣ нынче не спалось: всю ночь вотъ такъ и ноталкивало: дай, думаю, провѣдаю, какъ-то погорѣловскіе друзья поживаютъ! Утромъ сегодня всталъ, сейчасъ-это кибиточку, парочку лошадушекъ—и вотъ онъ-онъ!

Порфирій Владимірычъ любезно хихикнулъ, но Арина Петровна не отвѣчала и все больше и больше жалась подъ одѣяломъ.

— Ну, Богъ милостивъ, маменька!—продолжалъ Іудушка:—главное, въ обиду себя не давайте! Плюньте на хворость, встаньте съ постельки да пройдитесь молодцомъ по комнатѣ!—вотъ такъ!

Порфирій Владимірычъ всталъ со стула и показалъ, какъ молодцы прохаживаются по комнатѣ.

— Да постойте, дайте-ка я шторку подниму да посмотрю на васъ! Э! да вы молодецъ-молодцомъ, голубушка! Стоитъ только подбодриться, да Богу помолиться, да прифрантиться—хоть сейчасъ на балъ! Дайте-ка, вотъ я вамъ святой водицы богоявленской привезъ, откушайте-ка!

Порфирій Владимірычъ вынулъ изъ кармана пузырекъ, отыскалъ на столѣ рюмку, налилъ и поднесъ больной. Арина Петровна сдѣлала-было движеніе, чтобъ поднять голову, но не могла.

— Сиротъ бы...—простонала она.

— Ну, вотъ, ужъ и сиротки понадобились! Ахъ, маменька, маменька! Какъ это вы вдругъ... натко! Капельку прихворнули — и ужъ духомъ упали! Все будетъ! и къ сироткамъ эстафету пошлемъ, все чередомъ сдѣлаемъ! Не къ спѣху вѣдь: мы съ вами еще поживемъ! да еще какъ поживемъ-то! Вотъ лѣто настанетъ—въ лѣсъ по грибы вмѣстѣ пойдемъ: по малину, по ягоду, по чёрну смородину! А не то такъ въ Дубровино карасей ловить поѣдемъ! запряжемъ старика савраску въ длинныя дроги, потихоньку да полегоньку, трюхъ-трюхъ, сядемъ и поѣдемъ!

— Сиротъ бы...—повторила Арина Петровна тоскливо.

— Пріѣдутъ и сиротки. Дайте срокъ—всѣхъ скличемъ, всѣ пріѣдемъ. Пріѣдемъ, да кругомъ васъ и обсядемъ. Вы будете насѣдка, а мы цыплятки... цыпъ-цыпъ-цыпъ! Все будетъ, коли вы будете маменька. А вотъ за это вы ужъ не маменька, что хворать вздумали. Вѣдь вотъ что, проказница, затѣяли... ахъ-ахъ-ахъ! чѣмъ бы другимъ примѣръ подавать, а вы вотъ какъ! Нехорошо, голубушка! ахъ, нехорошо!

Но какъ ни старался Порфирій Владимірычъ и шуточками, и прибауточками подбодрить милаго друга маменьку, силы ея падали съ каждымъ часомъ. Послали въ городъ нарочнаго за лекаремъ, и такъ какъ больная продолжала тосковать и звать сироткъ, то Іудушка собственноручно написалъ Аннинькѣ и Любинькѣ письмо, въ которомъ сравнивалъ ихъ поведеніе съ своимъ, себя называлъ христіа-

нимъ, а ихъ—неблагодарными. Ночью лекарь пріѣхалъ, но было уже поздно. Арину Петровну, какъ говорится, въ одинъ день „сварило“. Часу въ четвертомъ ночи началась агонія, а въ шесть часовъ утра Порфирій Владимірычъ стоялъ на колѣняхъ у постели матери и вопилъ:

— Маменька! другъ мой! благословите!

Но Арина Петровна не слыхала. Открытые глаза ея тускло смотрѣли въ пространство, словно она старалась что-то понять и не понимала.

Іудушка тоже не понималъ. Онъ не понималъ, что открывавшаяся передъ его глазами могила уносила послѣднюю связь его съ живымъ міромъ, послѣднее живое существо, съ которымъ онъ могъ дѣлить прахъ, наполнявшій его, и что отнынѣ этотъ прахъ, не находя истока, будетъ накопляться въ немъ до тѣхъ поръ, пока окончательно не задушитъ его.

Съ обычною суетливостью окунулся онъ въ бездну мелочей, сопровождающихъ похоронный обрядъ. Служилъ панихиды, заказывалъ сорокоусты, толковалъ съ попомъ, шаркалъ ногами, переходя изъ комнаты въ комнату, заглядывалъ въ столовую, гдѣ лежала покойница, крестился, воздѣвалъ глаза къ небу, вставалъ по ночамъ, неслышно подходилъ къ двери, вслушивался въ монотонное чтеніе псаломщика и проч. Причемъ былъ пріятно удивленъ, что даже особенныхъ издержекъ для него по этому случаю не предстояло, потому что Арина Петровна еще при жизни отложила сумму на похороны, расписавъ очень подробно, сколько и куда слѣдуетъ употребить.

Схоронивши мать, Порфирій Владимірычъ немедленно занялся приведеніемъ въ извѣстность ея дѣлъ. Разбирая бумаги, онъ нашелъ до десяти разныхъ завѣщаній (въ одномъ изъ нихъ она называла его „непочтительнымъ“); но всѣ они были писаны еще въ то время, когда Арина Петровна была властною барыней, и лежали неоформленными, въ видѣ проектовъ. Поэтому Іудушка остался очень доволенъ, что ему не привелось даже покривить душой, объявляя себя единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ оставшагося послѣ матери имущества. Имущество это состояло изъ капитала въ пятнадцать тысячъ рублей и изъ скудной движимости, въ числѣ которой былъ и знаменитый тарантасъ, едва не послужившій яблокомъ раздора между

матерью и сыномъ. Арина Петровна тщательно отдѣляла свои счеты отъ опекунскихъ, такъ что сразу можно было видѣть, что̀ принадлежитъ ей и что̀—сироткамъ. Іудушка немедленно заявилъ себя гдѣ слѣдуетъ наслѣдникомъ, опечаталъ бумаги, относящіяся до опеки, роздалъ прислугѣ скудный гардеробъ матери; тарантасъ и двухъ коровъ, которыя, по описи Арины Петровны, значились подъ рубрикой „мои", отправилъ въ Головлево и затѣмъ, отслуживши послѣднюю панихиду, отправился во-свояси.

— Ждите владѣлицъ,—говорилъ онъ людямъ, собравшимся въ сѣняхъ, чтобъ проводить его:—пріѣдутъ—милости просимъ! не пріѣдутъ—какъ хотятъ! Я, съ своей стороны, все сдѣлалъ: счеты по опекѣ привелъ въ порядокъ, ничего не скрылъ, не утаилъ — все у всѣхъ на глазахъ дѣлалъ. Капиталъ, который послѣ маменьки остался, принадлежитъ мнѣ—по закону; тарантасъ и двѣ коровы, которыя я въ Головлево отправилъ—тоже мои, по закону. Можетъ быть, даже кой-что изъ моего *здѣсь* осталось—ну, да Богъ съ нимъ! сироткамъ и Богъ велѣлъ подавать! Жаль маменьку! добрая была старушка! нѣчная! Вотъ и объ васъ, объ прислугѣ, позаботилась, гардеробъ свой вамъ оставила! Ахъ, маменька, маменька! нехорошо вы это, голубушка, сдѣлали, что насъ сиротами покинули! Ну, да ужъ если такъ Богу угодно, то и мы святой его волѣ покориться должны! Только бы вашей душѣ было хорошо, а объ насъ... что̀ ужъ объ насъ думать!

За первой могилой скоро послѣдовала и другая.

Къ исторіи сына Порфирій Владимірычъ отнесся довольно загадочно. Газетъ онъ не получалъ, ни съ кѣмъ въ перепискѣ не состоялъ, и потому свѣдѣній о процессѣ, въ которомъ фигурировалъ Петенька, ни откуда имѣть не могъ. Да врядъ ли онъ и желалъ что-нибудь знать объ этомъ предметѣ. Вообще это былъ человѣкъ, который пуще всего сторонился отъ всякихъ тревогъ, который по уши погрязъ въ тину мелочей самаго паскуднаго самосохраненія и котораго существованіе, вслѣдствіе этого, нигдѣ и ни на чемъ не оставило послѣ себя слѣдовъ. Такихъ людей довольно на свѣтѣ, и всѣ они живутъ особнякомъ, не умѣя и не желая къ чему-нибудь пріютиться, не зная, что̀ ожидаетъ ихъ въ слѣдующую минуту, и лопаясь подъ конецъ, какъ лопаются дождевые пузыри. Нѣтъ у нихъ дружескихъ связей, потому что для дружества необходимо существо-

ваніе общихъ интересовъ; нѣтъ и дѣловыхъ связей, потому что даже въ мертвомъ дѣлѣ бюрократизма они выказываютъ какую-то ужъ совершенно нестерпимую мертвенность. Тридцать лѣтъ сряду Порфирій Владимірычъ толкался и мелькалъ въ департаментѣ: потомъ въ одно прекрасное утро исчезъ—и никто не замѣтилъ этого. Поэтому онъ узналъ объ участи, постигшей сына, послѣдній, когда вѣсть объ этомъ распространилась уже между дворовыми. Но и тутъ притворился, что ничего не знаетъ, такъ что когда Евпраксеюшка заикнулась однажды упомянуть о Петенькѣ, то Іудушка замахалъ на нее руками и сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! и не знаю, и не слыхалъ, и слышать не хочу! Не хочу я его грязныхъ дѣлъ знать!

Но наконецъ узнать все-таки привелось. Пришло отъ Петеньки письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ о своемъ предстоящемъ отъѣздѣ въ одну изъ дальнихъ губерній и спрашивалъ, будетъ ли маменька высылать ему содержаніе въ новомъ его положеніи. Весь день послѣ этого Порфирій Владимірычъ находился въ видимомъ недоумѣніи, сновалъ изъ комнаты въ комнату, заглядывалъ въ образную, крестился и охалъ. Къ вечеру, однакожъ, собрался съ духомъ и написалъ:

„Преступный сынъ Петръ!

„Какъ вѣрный подданный, обязанный чтить законы, я не долженъ былъ бы даже отвѣчать на твое письмо. Но какъ отецъ, причастный человѣческимъ слабостямъ, не могу, изъ чувства состраданія, отказать въ благомъ совѣтѣ дѣтищу, ввергнувшему себя, по собственной винѣ, въ пучину золъ. Итакъ, вотъ вкратцѣ мое мнѣніе по сему предмету. Наказаніе, коему ты подвергся, тяжко, но вполнѣ тобою заслужено—такова первая и самая главная мысль, которая отнынѣ всегда должна тебѣ въ твоей новой жизни сопутствовать. А всѣ остальныя прихоти и даже воспоминанія объ оныхъ ты долженъ оставить, ибо въ твоемъ положеніи все сіе можетъ только раздражать и побуждать къ роптству. Ты уже вкусилъ отъ горькихъ плодовъ высокоумія—попробуй же вкусить и отъ плодовъ смиренія, тѣмъ болѣе, что ничего другого для тебя въ будущемъ не предстоитъ. Не ропщи на наказаніе, ибо начальство даже не наказываетъ тебя, но преподаетъ лишь средства къ исправленію. Благодарить

за сіе и стараться загладить содѣянное—вотъ объ чемъ тебѣ непрестанно думать надлежитъ, а не о роскошномъ препровожденіи времени, коего, впрочемъ, я и самъ, никогда не бывъ подъ судомъ, не имѣю. Послѣдуй же сему совѣту благоразумія и возродись для новой жизни, возродись совершенно, довольствуясь тѣмъ, что̀ начальство, по милости своей, сочтетъ нужнымъ тебѣ назначить. А я, съ своей стороны, буду молить Подателя всѣхъ благъ о ниспосланіи тебѣ твердости и смиренія, и даже въ сей самый день, какъ пишу сіи строки, былъ въ церкви и возсылалъ о семъ горячія мольбы. Затѣмъ благословляю тебя на новый путь и остаюсь—

„негодующій, но все еще любящій отецъ твой—

„Порфирій Головлевъ“.

Неизвѣстно, дошло ли до Петеньки это письмо: но не дальше, какъ черезъ мѣсяцъ послѣ его отсылки, Порфирій Владимірычъ получилъ оффиціальное увѣдомленіе, что сынъ его, не доѣхавши до мѣста ссылки, слегъ въ одномъ изъ промежуточныхъ городовъ въ больницу и умеръ.

Іудушка очутился одинъ, но сгоряча, все-таки, еще не понялъ, что съ этой новой утратой онъ уже окончательно пущенъ въ пространство, лицомъ къ лицу съ однимъ своимъ пустословіемъ. Это случилось вскорѣ послѣ смерти Арины Петровны, когда онъ былъ весь поглощенъ въ счеты и выкладки. Онъ перечитывалъ бумаги покойной, учитывалъ всякій грошъ, отыскивалъ связь этого гроша съ опекунскими грошами, не желая, какъ онъ говорилъ, ни себѣ присвоить чужого, ни своего не упустить. Среди этой сутолоки ему даже не представлялся вопросъ, для чего онъ все это дѣлаетъ и кто воспользуется плодами его суеты? Съ утра до вечера корпѣлъ онъ за письменнымъ столомъ, критикуя распоряженія покойной и даже фантазируя, такъ что за хлопотами мало-по-малу запустилъ и счеты по собственному хозяйству.

И все въ домѣ стихло. Прислуга, и прежде предпочитавшая ютиться въ людскихъ, почти совсѣмъ бросила домъ, а являясь въ господскія комнаты — ходила на цыпочкахъ и говорила шопотомъ. Чувствовалось что-то вымороченное и въ этомъ домѣ, и въ этомъ человѣкѣ, что-то такое, что̀ наводитъ невольный и суевѣрный страхъ.

Сумеркамъ, которыя и безъ того окутывали Іудушку, предстояло сгущаться съ каждымъ днемъ все больше и больше.

Потомъ, когда спектакли прекратились, пріѣхала въ Головлево Аннинька и объявила, что Любинька не могла ѣхать вмѣстѣ съ нею, потому что еще раньше законтрактовалась на весь великій постъ, и вслѣдствіе этого отправилась въ Ромны, Изюмъ, Кременчугъ и проч., гдѣ ей предстояло давать концерты и пропѣть весь каскадный репертуаръ.

Въ теченіе короткой артистической карьеры Аннинька значительно выровнялась. Это была уже не прежняя наивная, малокровная и нѣсколько вялая дѣвушка, которая въ Дубровинѣ и въ Погорѣлкѣ, неуклюже покачиваясь и потихоньку напѣвая, ходила изъ комнаты въ комнату, словно не зная, гдѣ найти себѣ мѣсто. Нѣтъ, это была дѣвица вполнѣ опредѣлившаяся, съ рѣзкими и даже развязными манерами, по первому взгляду на которую можно было безъ ошибки заключить, что она за словомъ въ карманъ не полѣзетъ. Наружность ея тоже измѣнилась и довольно пріятно поразила Порфирія Владимірыча. Передъ нимъ явилась рослая и статная женщина съ красивымъ румянымъ лицомъ, съ высокою, хорошо развитою грудью, съ сѣрыми глазами на выкатѣ и съ отличнѣйшей пепельной косой, которая тяжело опускалась на затылокъ—женщина, которая повидимому проникнута была сознаніемъ, что она-то и есть та самая „Прекрасная Елена“, по которой суждено вздыхать господамъ офицерамъ. Раннимъ утромъ пріѣхала она въ Головлево и тотчасъ же уединилась въ особенную комнату, откуда явилась въ столовую къ чаю въ великолѣпномъ шолковомъ платьѣ, шумя трэномъ и очень искусно маневрируя имъ среди стульевъ. Іудушка хотя и любилъ своего Бога паче всего, но это не мѣшало ему имѣть вкусъ къ красивымъ, а въ особенности къ крупнымъ женщинамъ. Поэтому онъ сначала перекрестилъ Анниньку, потомъ какъ-то особенно отчетливо поцѣловалъ ее въ обѣ щеки и при этомъ такъ странно скосилъ глаза на ея грудь, что Аннинька чуть замѣтно улыбнулась.

Сѣли за чай; Аннинька подняла обѣ руки кверху и потянулась.

— Ахъ, дядя, какъ у васъ скучно здѣсь! —начала она, слегка позѣвывая.

— Вотъ-на! не успѣла повернуться — ужъ и скучно показалось! А ты поживи съ нами — тогда и увидимъ: можетъ, и весело покажется, — отвѣтилъ Порфирій Владимірычъ, котораго глаза вдругъ подернулись масляннымъ отблескомъ.

— Нѣтъ, не интересно! Что у васъ тутъ? Снѣгъ кругомъ, сосѣдей нѣтъ... Полкъ, кажется, у васъ здѣсь стоитъ?

— И полкъ стоитъ, и сосѣди есть, да, признаться, меня это не интересуетъ. А впрочемъ, ежели...

Порфирій Владимірычъ взглянулъ на нее, но не докончилъ, а только крякнулъ. Можетъ быть, онъ и съ намѣреніемъ остановился, хотѣлъ раззадорить ея женское любопытство; во всякомъ случаѣ, прежняя, едва замѣтная улыбка вновь скользнула на ея лицѣ. Она облокотилась на столъ и довольно пристально взглянула на Евпраксеюшку, которая, вся раскраснѣвшись, перетирала стаканы и тоже исподлобья взглядывала на нее своими большими, мутными глазами.

— Это — моя новая экономка... усердная! — молвилъ Порфирій Владимірычъ.

Аннинька чуть замѣтно кивнула головой и потихоньку замурлыкала: „Ah! ah! que j'aime... que j'aime... que j'aime... les mili-mili-mili-taires!“ причемъ поясница ея какъ-то сама собой вздрагивала. Воцарилось молчаніе, въ продолженіе котораго Іудушка, смиренно опустивъ глаза, помаленьку прихлебывалъ чай изъ стакана.

— Скука! — опять зѣвнула Аннинька.

— Скука да скука! Заладила одно! Вотъ погоди, поживи... Ужо велимъ саночки заложить — катайся, сколько душѣ угодно.

— Дядя! отчего вы въ гусары не пошли?

— А оттого, мой другъ, что всякому человѣку свой предѣлъ отъ Бога положенъ. Одному — въ гусарахъ служить, другому — въ чиновникахъ быть, третьему — торговать, четвертому...

— Ахъ, да! четвертому, пятому, шестому... я и забыла! И все это Богъ распредѣляетъ... такъ вѣдь?

— Что жъ, и Богъ! надъ этимъ, мой другъ, смѣяться нечего! Ты знаешь ли, что въ писаніи-то сказано: безъ воли Божіей...

— Это насчетъ волоса? — знаю и это! Но вотъ бѣда: нынче всѣ шиньоны носятъ, а это, кажется, не предусмотрѣно! Кстати: посмотрите-ка, дядя, какая у меня чудесная коса!.. Не правда ли, хороша?

Порфирій Владимірычъ приблизился (почему-то на цыпочкахъ) и подержалъ косу въ рукѣ. Евпраксеюшка тоже потянулась впередъ, не выпуская изъ рукъ блюдечка съ чаемъ, и сквозь стиснутый въ зубахъ сухарь процѣдила:

— Шильонъ, чай?...

— Нѣтъ, не шильонъ, а собственные мои волосы. Я когда-нибудь ихъ передъ вами распущу, дядя!

— Да, хороша коса! — похвалилъ Іудушка и какъ-то погано распустилъ при этомъ губы; но потомъ спохватился, что, по настоящему, отъ подобныхъ соблазновъ надобно отплёвываться, и—присовокупилъ: —Ахъ, егоза! егоза! все у тебя косы да шлейфы на умѣ, а объ настоящемъ-то, объ главномъ-то и не догадаешься спросить!

— Да, объ бабушкѣ!.. Вѣдь она умерла?

— Скончалась, мой другъ! и какъ еще скончалась-то! Мирно, тихо, никто и не слыхалъ! Вотъ ужъ именно непостыдныя кончины живота своего удостоилась! Обо всѣхъ вспомнила, всѣхъ благословила, призвала священника, причастилась... И такъ это вдругъ спокойно, такъ спокойно ей сдѣлалось! Даже сама, голубушка, это высказала—вдругъ начала вздыхать! Вздохнула разъ, другой, третій —смотримъ, ея ужъ и нѣтъ!

Іудушка всталъ, повернулся лицомъ къ образу, сложилъ руки ладонями внутрь и помолился. Даже слезы у него на глазахъ выступили: такъ хорошо онъ солгалъ! Но Аннинька повидимому была не изъ чувствительныхъ. Правда, она задумалась на минуту, но совсѣмъ по другому поводу.

— А помните, дядя,—сказала она:—какъ она меня съ сестрой, маленькихъ, кислымъ молокомъ кормила? Не въ послѣднее время... въ послѣднее время она отличная была... а тогда, когда она еще богата была?

— Ну-ну, что старое поминать! Кислымъ молокомъ кормили, а вишь какую. Богъ съ тобой, выпоили! На могилку-то поѣдешь, что-ли?

— Поѣдемъ, пожалуй!

— Только знаешь ли что! ты бы сначала очистилась!

— Какъ это... очистилась?

— Ну, все-таки... актриса... ты думаешь, бабушкѣ это легко было? Такъ прежде, чѣмъ на могилку-то ѣхать, обѣденку бы тебѣ

отстоять, очиститься бы! Вотъ я завтра пораньше велю отслужить, а потомъ и съ Богомъ!

Какъ ни нелѣпо было Іудушкино предложеніе, но Аннинька все-таки на минуту смѣшалась. Но вслѣдъ затѣмъ она сдвинула сердито брови и рѣзко сказала:

— Нѣтъ, я такъ... я сейчасъ пойду!

— Не знаю, какъ хочешь! а мой совѣтъ такой: отстоялибы завтра обѣденку, напились бы чайку, приказали бы пару лошадушекъ въ кибиточку заложить и покатили бы вмѣстѣ. И ты бы очистилась, и бабушкиной бы душѣ...

— Ахъ, дядя, какой вы, однако, глупенькій! Богъ знаетъ, какую чепуху несете, да еще настаиваете!

— Что? не понравилось? Ну, да ужъ не взыщи—я, братъ, прямикъ! Неправды—не люблю, а правду—и другимъ выскажу, и самъ выслушаю! Хоть и не по шёрсткѣ иногда правда, хоть и горько—а все ее выслушаешь! И должно выслушать, потому что она—правда. Такъ-то, мой другъ! Ты, вотъ, поживи-ка съ нами, да по нашему—и сама увидишь, что такъ-то лучше, чѣмъ съ гитарой съ ярмарки на ярмарку переѣзжать.

— Богъ знаетъ, что вы, дядя, говорите! съ гитарой!

— Ну, не съ гитарой, а около того. Съ торбаномъ, что-ли. Впрочемъ вѣдь ты меня первая обидѣла, глупымъ назвала, а мнѣ, старику, и подавно можно правду тебѣ высказать.

— Хорошо, пусть будетъ правда: не будемъ объ этомъ говорить. Скажите пожалуйста: послѣ бабушки осталось наслѣдство?

— Какъ не остаться! Только законный наслѣдникъ-то былъ на-лицо!

— То-есть, вы... И тѣмъ лучше. Она у васъ здѣсь, въ Головлевѣ, похоронена?

— Нѣтъ, въ самомъ приходѣ, подлѣ Погорѣлки, у Николы-на-Вонлѣ. Сама пожелала.

— Такъ я поѣду. Можно у васъ, дядя, лошадей нанять?

— Зачѣмъ нанимать? свои лошади есть! Ты, чай, не чужая! Племянушка... племянушкой мнѣ приходишься!—всхлопоталсяПорфирій Владимірычъ, ослабляясь „по родственному“:—кибиточку... нарочку лошадушекъ—слава-те, Господи! не пустодомомъ живу! Да не поѣхать ли и мнѣ вмѣстѣ съ тобой? И на могилкѣ бы побывали.

и въ Погорѣлку бы заѣхали! И туда бы заглянули, и тамъ бы посмотрѣли: и поговорили бы, и подумали бы—что и какъ... Хорошенькая вѣдь у васъ усадьбица, полезныя въ ней мѣстечки есть!

— Нѣтъ, я ужъ одна... зачѣмъ вамъ? Кстати: вѣдь и Петенька тоже умеръ?

— Умеръ, дружокъ, умеръ и Петенька. И жалко мнѣ его съ одной стороны, даже до слезъ жалко, а съ другой стороны—самъ виноватъ! Всегда онъ былъ къ отцу неучтителенъ—вотъ Богъ за это и наказалъ! А ужъ ежели что Богъ въ премудрости своей устроилъ, такъ намъ съ тобой передѣлывать не приходится.

— Понятное дѣло, не передѣлаемъ. Только я вотъ объ чемъ думаю: какъ это вамъ, дядя, жить не страшно?

— А чего мнѣ страшиться? видишь, сколько у меня благодати кругомъ?—Іудушка обвелъ рукою, указывая на образа:—и тутъ благодать, и въ кабинетѣ благодать, а въ образной такъ настоящій рай! Вонъ сколько у меня заступниковъ!

— Все-таки... Всегда вы—одинъ... страшно!

— А страшно, такъ встану на колѣни, помолюсь—и все какъ рукой сниметъ! Да и чего бояться? днемъ—свѣтло, а ночью у меня вездѣ, во всѣхъ комнатахъ, лампадки горятъ. Съ улицы, какъ стемнѣетъ, словно балъ кажетъ! А какой у меня балъ! Заступники да угодники Божіи—вотъ и весь мой балъ!

— А знаете ли: вѣдь Петенька-то передъ смертью писалъ къ намъ.

— Что жъ! какъ родственникъ... И за то спасибо, что хоть родственныя чувства не потерялъ!

— Да, писалъ. Ужъ послѣ суда, когда рѣшеніе вышло. Писалъ, что онъ три тысячи проигралъ, и вы ему не дали. Вѣдь вы, дядя, богатый?

— Въ чужомъ карманѣ, мой другъ, легко деньги считать. Иногда намъ кажется, что у человѣка золотыя горы, а поглядѣть да посмотрѣть, такъ у него на маслицѣ да на свѣчечку—и то не его, а Богово!

— Ну, мы, стало быть, богаче васъ. И отъ себя сложились, и кавалеровъ нашихъ заставили подписаться—шестьсотъ рублей собрали и послали ему.

— Какіе же это „кавалеры“?

— Ахъ, дядя! да вѣдь мы... актрисы! вы сами же сейчасъ предлагали мнѣ „очиститься“!

— Не люблю я, когда ты такъ говоришь!

— Что жъ дѣлать! Любите или не любите, а что сдѣлано, того не передѣлаешь. Вѣдь, по вашему, и тутъ Богъ!

— Не кощунствуй, по крайней мѣрѣ. Все можешь говорить, а кощунствовать... не позволяю! Куда же вы деньги послали?

— Не помню. Въ городокъ какой-то... Онъ самъ назначилъ.

— Не знаю. Кабы были деньги, я долженъ бы послѣ смерти ихъ получить! Не истратилъ же онъ всѣхъ разомъ! Не знаю, ничего я не получилъ. Смотрителишки да конвойные, чай, воспользовались!

— Да вѣдь мы и не требуемъ—это такъ, къ слову сказалось. А все-таки, дядя, страшно: какъ это такъ—изъ-за трехъ тысячъ человѣкъ пропалъ!

— То-то что не изъ-за трехъ тысячъ. Это намъ такъ кажется, что изъ-за трехъ тысячъ—вотъ мы и твердимъ: три тысячи! три тысячи! А Богъ...

Іудушка совсѣмъ уже было-расходился, хотѣлъ объяснить во всей подробности, какъ Богъ... Провидѣніе... невидимыми путями... и все такое... Но Аннинька безцеремонно зѣвнула и сказала:

— Ахъ, дядя! скука какая у васъ!

На этотъ разъ Порфирій Владимірычъ серьезно обидѣлся и замолчалъ. Долго ходили они рядомъ взадъ и впередъ по столовой; Аннинька зѣвала. Порфирій Владимірычъ въ каждомъ углу крестился. Наконецъ доложили, что поданы лошади, и началась обычная комедія родственныхъ проводовъ. Головлевъ надѣлъ шубу, вышелъ на крыльцо, расцѣловался съ Аннинькой, крикнулъ на людей: „ноги-то! ноги-то теплѣе закутывайте! или: „кутейки-то! кутейки-то взяли ли? ахъ, не забыть бы!“ И крестилъ при этомъ воздухъ.

Съѣздила Аннинька на могилку къ бабушкѣ, попросила волынскаго батюшку панихидку отслужить, и когда дьячки уныло затянули вѣчную память, то поплакала. Картина, среди которой совершалась церемонія, была печальная. Церковь, при которой схоронили Арину Петровну, принадлежала къ числу бѣдныхъ: штукатурка мѣстами обвалилась и обнажила большими заплатами кирпичный остовъ; колоколъ звонилъ слабо и глухо; риза на священникѣ обветшала. Глубокій снѣгъ покрывалъ кладбище, такъ что нужно было

разгребать дорогу лопатами, чтобъ дойти до могилы: памятника еще не существовало, а стоялъ простой бѣлый крестъ, на которомъ даже надписи никакой не значилось. Погостъ стоялъ уединенно, въ сторонѣ отъ всякаго селенія; неподалеку отъ церкви ютились почернѣвшія избы священника и причетниковъ, а кругомъ во всѣ стороны стлалась сиротливая снѣжная равнина, на поверхности которой по мѣстамъ торчалъ какой-то хворостъ. Крѣпкій мартовскій вѣтеръ носился надъ кладбищемъ, безпрестанно захлестывая ризу на священникѣ и относя въ сторону нѣкіе причетниковъ.

— И кто бы, сударыня, подумалъ, что подъ симъ скромнымъ крестомъ, при бѣдной нашей церкви, нашла себѣ успокоеніе богатѣйшая нѣкогда помѣщица здѣшняго уѣзда!—сказалъ священникъ по окончаніи литіи.

При этихъ словахъ Аннинька и еще пуще заплакала. Ей вспомнилось: *тотъ столъ былъ яствъ—тамъ гробъ стоитъ*, и слезы такъ и лились. Потомъ она пошла къ батюшкѣ въ хату, напилась чаю, побесѣдовала съ матушкой, опять вспомнила: *и бѣдна смерть ни всѣхъ глядитъ*—и опять много и долго плакала.

Въ Погорѣлку не было дано знать о пріѣздѣ барышни, и потому тамъ даже комнатъ въ домѣ не истопили. Аннинька, не снимая шубы, прошла по всѣмъ комнатамъ и остановилась на минуту только въ спальной бабушки и въ образной. Въ бабушкиной комнатѣ стояла ея постель, на которой такъ и лежала неубранная груда замасленныхъ пуховиковъ и нѣсколько подушекъ безъ наволочекъ. На письменномъ столѣ валялись разбросанные лоскутья бумаги: полъ былъ неметенъ, и густой слой пыли покрывалъ всѣ предметы. Аннинька присѣла въ кресло, въ которомъ сиживала бабушка, и задумалась. Сначала явились воспоминанія прошлаго, потомъ на смѣну имъ пришли представленія настоящаго. Первыя проходили въ видѣ обрывковъ, мимолетно и не задерживаясь; вторыя осѣдали плотнѣе. Давно ли рвалась она на волю, давно ли Погорѣлка казалась ей постылою—и вотъ теперь вдругъ ея сердце переполнило какое-то болѣзненное желаніе пожить въ этомъ постыломъ мѣстѣ. Тихо здѣсь, неуютно, неприглядно, но тихо, такъ тихо, что словно все кругомъ умерло. Воздуху много и простору: вонъ оно, поле—такъ бы и побѣжала. Безъ цѣли, безъ оглядки, только чтобъ дышалось сильнѣе, чтобъ грудь задышло. А *тамъ*, въ этой полукочевой средѣ, изъ которой она

только-что вырвалась и куда опять *должна* возвратиться—что ее ждетъ? и что она оттуда вынесла? —Воспоминаніе о пропитанныхъ вонью гостинницахъ, объ вѣчномъ гвалтѣ, несущемся изъ общей столовой и изъ билліардной, о нечесанныхъ и немытыхъ половыхъ, объ репетиціяхъ среди царствующихъ на сценѣ сумерекъ, среди полотняныхъ, раскрашенныхъ кулисъ, до которыхъ дотронуться гнусно, на сквозномъ вѣтру, на сырости... Вотъ и только! А потомъ: офицеры, адвокаты, циническія рѣчи, пустыя бутылки, скатерти, залитыя виномъ, облака дыма, и гвалтъ, гвалтъ, гвалтъ! И что они говорили ей! съ какимъ цинизмомъ къ ней прикасались!.. Особливо тотъ, усатый, съ охрипшимъ отъ перепоя голосомъ, съ воспаленными глазами, съ вѣчнымъ запахомъ конюшни... ахъ, что онъ говорилъ! Аннинька при этомъ воспоминаніи даже вздрогнула и зажмурила глаза. Потомъ однакожъ очнулась, вздохнула и перешла въ образную. Въ кіотѣ стояло уже немного образовъ, только тѣ, которые *несомнѣнно* принадлежали ея матери, а остальные, бабушкины, были вынуты и увезены Іудушкой, въ качествѣ наслѣдника, въ Головлево. Образовавшіяся вслѣдствіе этого пустыя мѣста смотрѣли словно выколотые глаза. И лампадъ не было—все взялъ Іудушка: только одинъ желтаго воска огарокъ сиротливо ютился, забытый въ крохотномъ жестяномъ подсвѣчникѣ.

— Они и кіотку хотѣли-было взять, все доискивались, точно ли она барынинина приданная была!—донесла Афимьюшка.

— Что жъ? и пусть бы бралъ. А что, Афимьюшка, бабушка долго передъ смертью мучилась?

— Не то чтобъ очень, всего съ небольшимъ сутки лежали. Такъ, словно сами собой извелись. Ни больны настоящимъ манеромъ не были, ничто! Ничего почесть и не говорили, только про васъ съ сестрицей раза съ два помянули.

— Образа-то, стало быть, Порфирій Владимірычъ увезъ?

— Онъ увезъ. Собственные, говоритъ, маменькины образа. И таранталъ къ себѣ увезъ, и двухъ коровъ. Все, стало быть, изъ барынинихъ бумагъ усмотрѣлъ, что не ваши были, а бабенькины. Лошадь тоже одну оттягать хотѣлъ, да Ѳедулычъ не отдалъ: „наша, говоритъ, это лошадь, старинная погорѣловская“—ну, оставилъ, побоялся.

Походила Аннинька и по двору, заглянула въ службы, на гумно,

на скотный дворъ. Тамъ, среди навозной тони, стоялъ „оборотный капиталъ“: штукъ двадцать тощихъ коровъ да три лошади. Велѣла принести хлѣба, сказавъ при этомъ: „я заплачу!“—и каждой коровѣ дала по кусочку. Потомъ скотница попросила барышню въ избу, гдѣ былъ поставленъ на столѣ горшокъ съ молокомъ, а въ углу у печки, за низенькой перегородкой изъ досокъ, ютился новорожденный теленокъ. Аниника поѣла молочка, побѣжала къ теленочку, сгоряча поцѣловала его въ морду, но сейчасъ же брезгливо вытерла губы, говоря, что морда у теленка противная, вся въ какихъ-то слюняхъ. Наконецъ вынула изъ порть-моне́ три желтенькихъ бумажки, раздала старымъ слугамъ и стала собираться.

— Что жъ вы будете дѣлать?—спросила она, усаживаясь въ кибитку, старика Ѳедулыча, который, въ качествѣ старосты, слѣдовалъ за барышней съ скрещенными на груди руками.

— А что̀ намъ дѣлать! жить будемъ.—просто отвѣтилъ Ѳедулычъ.

Аниникѣ опять взгрустнулось: ей показалось, что слова Ѳедулыча звучатъ ироніей. Она постояла-постояла на мѣстѣ, вздохнула и сказала:

— Ну, прощайте!

— А мы было-думали, что вы къ намъ вернетесь! съ нами поживете!—молвилъ Ѳедулычъ.

Нѣтъ ужъ... что̀! Все равно... живите!

И опять слезы полились у нея изъ глазъ, и всѣ при этомъ тоже заплакали. Какъ-то странно это выходило: вотъ и ничего, казалось, ей не жаль, даже помянуть нечѣмъ—а она плачетъ. Да и они: ничего не было сказано выходящаго изъ ряда будничныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, а всѣмъ сдѣлалось тяжело, „жалко“. Посадили ее въ кибитку, укутали и всѣ разомъ глубоко вздохнули.

— Счастли́во!—раздалось за ней, когда повозка тронулась.

Ѣхавши мимо погоста, она вновь велѣла остановиться и одна, безъ причта, пошла по расчищенной дорогѣ къ могилѣ. Уже порядкомъ стемнѣло и въ домахъ церковниковъ засвѣтились огни. Она стояла, ухватившись одной рукой за надгробный крестъ, но не плакала, а только пошатывалась. Ничего особеннаго она не думала, никакой опредѣленной мысли не могла формулировать, а горько ей было, всѣмъ существомъ горько. И не надъ бабушкой, а надъ самой собой

горько. Безсознательно пошатываясь и наклоняясь, она простояла тутъ съ четверть часа, и вдругъ ей представилась Любинька, которая, быть можетъ, въ эту самую минуту соловьемъ разливается въ какомъ-нибудь Кременчугѣ среди развеселой компаніи...

Ah! ah! que j'aime, que j'aime!
Que j'aime les mili-mili-mili-taires!

Она чуть не упала. Бѣгомъ добѣжала до повозки, сѣла и велѣла какъ можно скорѣе ѣхать въ Головлево.

Аннинька воротилась къ дядѣ скучная, тихая. Впрочемъ это не мѣшало ей чувствовать себя нѣсколько голодною (дяденька, впопыхахъ, даже курочки съ ней не отпустилъ), и она была очень рада, что столъ для чая былъ ужъ накрытъ. Разумѣется, Порфирій Владимірычъ не замедлилъ вступить въ разговоръ.

— Ну, что, побывала?

— Побывала.

— И на могилкѣ помолилась? панихидку отслужила?

— Да, и панихидку.

— Священникъ-то, стало быть, дома былъ?

— Конечно, былъ: кто же бы панихиду служилъ!

— Да, да... И дьячки оба были? вѣчную память пропѣли?

— Пропѣли.

— Да. Вѣчная память! вѣчная память покойницѣ! Пéчная старушка, родственная была!

Іудушка всталъ со стула, обратился лицомъ къ образамъ и помолился.

— Ну, а въ Погорѣлкѣ какъ застала? благополучно?

— Право, не знаю. Кажется, все на своемъ мѣстѣ стоитъ.

— То-то „кажется"! Намъ всегда „кажется", а посмотришь да поглядишь—и тутъ кривéнько, и тамъ гнилéнько... Вотъ такъ-то мы и объ чужихъ состояніяхъ понятіе себѣ составляемъ: „кажется!" все „кажется!" А впрочемъ хорошенькая у васъ усадьбица; преудобно васъ покойница-маменька устроила, не мало даже изъ собственныхъ средствъ на усадьбу употребила... Ну, да вѣдь сиротамъ не грѣхъ и помочь!

Слушая эти похвалы, Аннинька не выдержала, чтобъ не подразнить сердобольнаго дяденьку.

— А вы зачѣмъ, дядя, изъ Погорѣлки двухъ коровъ увели?— спросила она.

— Коровъ? какихъ это коровъ? Это Чернавку да Приведѐнку, что̀-ли? Такъ вѣдь онѣ, мой другъ, маменькины были!

— А вы — ея законный наслѣдникъ? Ну, что жъ! и владѣйте! Хотите, я вамъ еще теленочка велю прислать?

— Вотъ-вотъ-вотъ! ты ужъ и раскипятилась! А ты дѣло говори. Какъ, по твоему, чьи коровы были?

— А я почемъ знаю! въ Погорѣлкѣ стояли!

— А я знаю: у меня доказательства есть, что коровы маменькины. Собственной ея руки я реестръ отыскалъ; тамъ именно сказано: „мои“.

— Ну, оставимъ. Не стòитъ объ этомъ говорить.

— Вотъ лошадь въ Погорѣлкѣ есть, лысенькая такая—ну, объ этой вѣрнаго сказать не могу. Кажется, будто бы маменькина лошадь, а впрочемъ—не знаю! А чего не знаю, объ томъ и говорить не могу!

— Оставимте это, дядя.

— Нѣтъ, зачѣмъ оставлять! Я, братъ, прямикъ—я всякое дѣло на чистоту вести люблю! Да отчего и не поговорить! Своего всякому жалко: и мнѣ жалко, и тебѣ жалко—ну, и поговоримъ! А коли говорить будемъ, такъ скажу тебѣ прямо: мнѣ чужого не надобно, но и своего я не отдамъ. Потому что хоть вы мнѣ и не чужія, а все-таки...

И образа̀ даже взяли!—опять не воздержалась Аннинька.

— И образа̀ взялъ, и все взялъ, что̀ мнѣ, какъ законному наслѣднику, принадлежитъ.

— Теперь кіотъ-то весь словно въ дырахъ...

— Что жъ дѣлать! И передъ такимъ помолись! Богу вѣдь не кіотъ, а молитва твоя нужна! Коли ты искренно приступаешь, такъ и передъ плохенькими образами молитва твоя дойдетъ! А коли ты только такъ: болты-болты! да по сторонамъ поглядѣть, да книксенъ сдѣлать—такъ и хорошіе образа тебя не спасутъ!

Тѣмъ не менѣе Іудушка всталъ и возблагодарилъ Бога за то, что у него „хорошіе“ образа.

— А ежели не нравится старый кіотъ—новый вели сдѣлать.

Или другіе образа на мѣсто вынутыхъ поставь. Прежніе- -маменька-покойница наживала да устраивала, а новые ты ужъ сама наживи!

Порфирій Владимірычъ даже хихикнулъ: такъ это разсужденіе казалось ему резонно и просто.

— Скажите пожалуйста, что же мнѣ теперь дѣлать предстоитъ? —спросила Аннинька.

— А вотъ погоди. Сначала отдохни, да поѣжься, да поспи. Побесѣдуемъ да посудимъ, и такъ посмотримъ, и этакъ прикинемъ —можетъ быть, вдвоемъ что-нибудь и выдумаемъ!

— Мы—совершеннолѣтнія, кажется?

— Да-съ, совершеннолѣтнія-съ. Можете сами и дѣйствіями своими, и имѣніемъ управлять!

— Слава Богу, хоть это!

— Честь имѣемъ поздравить-съ!

Порфирій Владимірычъ всталъ и полѣзъ цѣловаться.

— Ахъ, дядя! какой вы странный! все цѣлуетесь!

— Отчего же и не поцѣловаться! Не чужая ты мнѣ—племянушка! Я, мой другъ, по родственному! Я для родныхъ всегда готовъ! Будь хоть троюродный, хоть четверюродный, я всегда...

— Вы лучше скажите, что мнѣ дѣлать?—въ городъ, что-ли, надобно ѣхать? хлопотать?

— И въ городъ поѣдемъ, и похлопочемъ—все въ свое время сдѣлаемъ. А прежде—отдохни, поживи! Слава Богу! не въ трактирѣ, а у родного дяди живешь! И поѣсть, и чайку попить, и вареньицемъ полакомиться—всего вдоволь есть! А ежели кушанье какое не понравится—другого спроси! Спрашивай, требуй! Щецъ не захочется—сущу подать вели! Котлеточекъ, уточки, поросеночка... Евпраксеюшку за бока бери!.. А кстати, Евпраксеюшка! вотъ я поросеночкомъ-то похвастался, а хорошенько и самъ не знаю—есть ли у насъ?

Евпраксеюшка, державшая въ это время передъ ртомъ блюдечко съ горячимъ чаемъ, утвердительно повела носомъ воздухъ.

— Ну, вотъ видишь! и поросеночекъ есть! Всего, значитъ, чего душенька захочетъ, того и проси! Такъ-то!

Іудушка опять потянулся къ Аннинькѣ и по родственному похлопалъ ее рукой по колѣнкѣ, причемъ, конечно невзначай, слегка позамѣшкался, такъ что сиротка инстинктивно отодвинулась.

— Но вѣдь мнѣ ѣхать надо, — сказала она.

— Объ томъ-то я и говорю. Потолкуемъ да поговоримъ, а потомъ и поѣдемъ. Благословясь да Богу помолясь, а не такъ какъ-нибудь: ирыгъ да шмыгъ! Посѣшишь—людей насмѣшишь! Спѣшать-то на пожаръ, а у насъ, слава Богу не горитъ! Вотъ Любинькѣ—той на ярмарку спѣшить надо, а тебѣ—что! Да вотъ я тебя еще что спрошу: ты въ Погорѣлкѣ, что-ли, жить будешь?

— Нѣтъ, въ Погорѣлкѣ мнѣ незачѣмъ.

— И я тоже хотѣлъ тебѣ сказать. Поселись-ко у меня. Будемъ жить да поживать—еще какъ заживемъ-то!

Говоря это, Іудушка глядѣлъ на Анниньку такими масляными глазами, что ей сдѣлалось неловко.

— Нѣтъ, дядя, я не поселюсь у васъ. Скучно.

— Ахъ, глупенькая, глупенькая! И что тебѣ эта скука далась! Скучно да скучно, а чѣмъ скучно—и сама, чай, не скажешь! У кого, мой другъ, дѣло есть, да кто собой управлять умѣетъ—тотъ никогда скуки не знаетъ. Вотъ я, напримѣръ: не вижу, какъ время летитъ! Въ будни—по хозяйству: тамъ посмотришь, тутъ поглядишь, туда сходишь, побесѣдуешь, посудишь—смотришь, анъ день и прошелъ! А въ праздникъ—въ церковь! Такъ-то и ты! Поживи съ нами—и тебѣ дѣло найдется, а дѣла нѣтъ—съ Евпраксеюшкой въ дурачки садись, или саночки вели заложить—катай да покатывай! А лѣто настанетъ—по грибы въ лѣсъ поѣдемъ! на травѣ чай станемъ пить!

— Нѣтъ, дядя, напрасно вы и предлагаете!

— Право бы, пожила.

— Нѣтъ. А вотъ что: устала я съ дороги, такъ спать нельзя ли мнѣ лечь?

— И баиньки можно! И кроватка у меня готова для тебя, и все какъ слѣдуетъ! Хочется тебѣ баиньки—почивай. Христосъ съ тобой! А все-таки ты объ этомъ подумай: куда бы лучше, кабы ты съ нами въ Головлевѣ осталась!

— —

Аннинька провела ночь безпокойно. Нервная блажь, которая застигла ее въ Погорѣлкѣ, продолжалась. Бываютъ минуты, когда человѣкъ, который дотолѣ только *существовалъ*, вдругъ начинаетъ

понимать, что онъ не только вонстину *живетъ*, но что въ его жизни есть даже какая-то язва. Откуда она взялась, какимъ образомъ и когда именно образовалась—въ большей части случаевъ онъ хорошо себѣ не объясняетъ и чаще всего приписываетъ происхожденіе язвы совсѣмъ не тѣмъ причинамъ, которыя въ дѣйствительности ее обусловили. Но для него оцѣнка факта даже не нужна: достаточно и того, что язва существуетъ. Дѣйствіе такого внезапнаго откровенія, будучи для всѣхъ одинаково мучительнымъ, въ дальнѣйшихъ практическихъ результатахъ видоизмѣняется, смотря по индивидуальнымъ темпераментамъ. Однихъ сознаніе обновляетъ, воодушевляетъ рѣшимостью начать новую жизнь на новыхъ основаніяхъ; на другихъ оно отражается лишь преходящею болью, которая не произведетъ въ будущемъ никакого перелома къ лучшему, но въ настоящемъ высказывается даже болѣзненнѣе, нежели въ томъ случаѣ, когда встревоженной совѣсти, вслѣдствіе принятыхъ рѣшеній, все-таки представляются хоть нѣкоторые просвѣты въ будущемъ.

Аннинька не принадлежала къ числу такихъ личностей, которыя въ сознаніи своихъ язвъ находятъ поводъ для жизненнаго обновленія, но тѣмъ не менѣе, какъ дѣвушка неглупая, она отлично понимала, что между тѣми смутными мечтами о трудовомъ хлѣбѣ, которыя послужили ей исходнымъ пунктомъ для того, чтобы навсегда покинуть Погорѣлку, и положеніемъ провинціальной актрисы, въ которомъ она очутилась, существуетъ цѣлая бездна. Вмѣсто тихой жизни труда она нашла бурное существованіе, наполненное безконечными кутежами, наглымъ цинизмомъ и безпорядочною, ни къ чему не приводящею суетою. Вмѣсто лишеній и суровой внѣшней обстановки, съ которыми она когда-то примирялась, ее встрѣтило относительное довольство и роскошь, объ которыхъ она, однакожъ, не могла теперь вспоминать безъ краски на лицѣ. И вся эта перестановка какъ-то незамѣтно для нея самой случилась: шла она куда-то въ хорошее мѣсто, но вмѣсто одной двери попала въ другую. Желанія ея были дѣйствительно очень скромныя. Сколько разъ, бывало, сидя въ Погорѣлкѣ на мезонинѣ, она видѣла себя въ мечтахъ серьезною дѣвушкой, трудящейся, алчущей образовать себя, съ твердостью переносящей нужду и лишенія, ради идеи блага (правда, что слово „благо" едва-ли имѣло какое нибудь опредѣленное значеніе): но едва она вышла на широкую дорогу самодѣятельности, какъ сама собою сложи-

лась такая практика, которая сразу разбила въ прахъ всю мечту. Серьезный трудъ не приходитъ самъ собой, а дается только упорному исканію и подготовкѣ, еженн и не полной, то хотя до извѣстной степени помогающей исканію. Но требованіямъ этимъ не отвѣчали ни темпераментъ, ни воспитаніе Аннинькн. Темпераментъ ея вовсе не отличался страстностью, а только легко раздражался; матеріалъ же, который далъ ей воспитаніе и съ которымъ она собралась войти въ трудовую жизнь, былъ до такой степени несостоятеленъ, что не могъ послужить основаніемъ ни для какой серьезной профессіи. Воспитаніе это было, такъ сказать, институтско-опереточное, въ которомъ перевѣсъ брала едва-ли не оперетка. Тутъ въ хаотическомъ безпорядкѣ перемѣшивались и задача о летящемъ стадѣ гусей, и пѣсь шалью, и проповѣдь Петра Никардскаго, и продѣлки Елены Прекрасной, и ода къ Фелицѣ, и чувство признательности къ начальникамъ и покровителямъ благородныхъ дѣвицъ. Въ этомъ безпорядочномъ винигретѣ (вивъ котораго она съ полнымъ основаніемъ могла назвать себя tabula rasa) трудно было даже разобраться, а не то что исходную точку найти. Не любовь къ труду побуждала такая подготовка, а любовь къ свѣтскому обществу, желаніе быть окруженной, выслушивать любезности кавалеровъ и вообще погрузиться въ шумъ, блескъ и вихрь такъ-называемой жизни.

Еслибъ она слѣдила за собой пристальнѣе, то даже въ Погорѣлкѣ, въ тѣ минуты, когда въ ней еще только зарождались проекты трудовой жизни, когда она видѣла въ нихъ нѣчто въ родѣ освобожденія изъ плѣна египетскаго — даже и тогда она могла бы изловить себя въ мечтахъ не столько работающею, сколько окруженною обществомъ единомышленныхъ людей и коротающею время въ длинныхъ разговорахъ. Конечно, и люди этихъ мечтаній были умные, и разговоры ихъ — честные и серьезные, но все-таки на сценѣ первенствовала праздничная сторона жизни. Бѣдность была опрятная, лишенія свидѣтельствовали только объ отсутствіи излишества. Поэтому когда на дѣлѣ мечта о трудовомъ хлѣбѣ разрѣшилась тѣмъ, что ей предложили занять опереточное амплуа на подмосткахъ одного изъ провинціальныхъ театровъ, то, несмотря на контрастъ, она колебалась недолго. Наскоро освѣжила она институтскія свѣдѣнія объ отношеніяхъ Елены къ Менелаю, дополнила ихъ нѣкоторыми біографическими подробностями изъ жизни великолѣпнаго князя Таврнды, и

рѣшила, что этого было совершенно достаточно, чтобы воспроизводить „Прекрасную Елену“ и „Отрывки изъ Герцогини Герольштейнской“ въ губернскихъ городахъ и на ярмаркахъ. При этомъ, для очистки совѣсти, она припоминала, что одинъ студентъ, съ которымъ она познакомилась въ Москвѣ, на каждомъ шагу восклицалъ: „святое искусство!“—и тѣмъ охотнѣе сдѣлала эти слова девизомъ своей жизни, что они приличнымъ образомъ развязывали ей руки и придавали хоть какой-нибудь наружный декорумъ ея вступленію на стезю, къ которой она инстинктивно рвалась всѣмъ своимъ существомъ.

Жизнь актрисы взбудоражила ее. Одинокая, безъ руководящей подготовки, безъ сознанной цѣли, съ однимъ только темпераментомъ, жаждущимъ шума, блеска и похвалъ, она скоро увидѣла себя кружащеюся въ какомъ-то хаосѣ, въ которомъ толпилось безконечное множество лицъ, безъ всякой связи смѣнявшихъ одно другое. Это были лица разнообразнѣйшихъ характеровъ и убѣжденій, такъ что самые мотивы для сближенія съ тѣмъ или другимъ отнюдь не могли быть одинаковыми. Тѣмъ не менѣе, и тотъ, и другой, и третій равно составляли ея кругъ, изъ чего должно было заключить, что тутъ, собственно говоря, не могло быть и рѣчи объ мотивахъ. Ясно, стало быть, что ея жизнь сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ въѣзжаго дома, въ ворота котораго могъ стучаться каждый, кто сознавалъ себя веселымъ, молодымъ и обладающимъ извѣстными матеріальными средствами. Ясно, что тутъ дѣло шло совсѣмъ не объ томъ, чтобы *подобрать* себѣ общество по душѣ, а объ томъ, чтобы примоститься къ какому бы то ни было обществу, лишь бы не изнывать въ одиночествѣ. Въ сущности, „святое искусство“ привело ее въ помойную яму, но голова ея сразу такъ загружилась, что она не могла различить этого. Ни немытыя рожи корридорныхъ, ни захватанныя, покрытыя слизью декораціи, ни шумъ, вонь и гвалтъ гостинницъ и постоялыхъ дворовъ, ни цинническія выходки поклонниковъ—ничто не отрезвило ее. Она не замѣчала даже, что постоянно находится въ обществѣ однихъ мужчинъ и что между нею и другими женщинами, имѣющими *постоянное положеніе*, легла какая-то непреодолимая преграда...

Отрезвилъ на минуту пріѣздъ въ Головлево.

Съ утра, почти съ самой минуты пріѣзда, ее ужъ что-то мутило.

Какъ дѣвушка впечатлительная, она очень быстро прониклась новыми ощущеніями и не менѣе быстро примѣнялась ко всякимъ положеніямъ. Поэтому, съ пріѣздомъ въ Головлево, она вдругъ почувствовала себя „барышней". Припомнила, что у нея есть что-то свое: свой домъ, свои могилы, и захотѣлось ей опять увидѣть прежнюю обстановку, опять подышать тѣмъ воздухомъ, изъ котораго она такъ недавно безъ оглядки обѣжала. Но впечатлѣніе это немедленно же должно было разбиться при столкновеніи съ дѣйствительностью, встрѣтившеюся въ Головлевѣ. Въ этомъ отношеніи ее можно было уподобить тому человѣку, который съ привѣтливымъ выраженіемъ лица входитъ въ общество давно невидѣнныхъ имъ людей—и вдругъ замѣчаетъ, что къ его привѣтливости всѣ относятся какъ-то загадочно. Погано скошенные на ея бюстъ глаза Іудушки сразу напомнили ей, что позади у нея уже образовался своего рода скарбъ, съ которымъ не такъ-то легко разсчитаться. И когда, послѣ наивныхъ вопросовъ погорѣловской прислуги, послѣ назидательныхъ вздоховъ вонлярскаго батюшки и его попадьи и послѣ новыхъ поученій Іудушки, она осталась одна, когда она провѣрила на досугѣ впечатлѣнія дня, то ей сдѣлалось уже совсѣмъ несомнѣнно, что прежняя „барышня" умерла навсегда, что отнынѣ она—только актриса жалкаго провинціальнаго театра и что положеніе русской актрисы очень недалеко отстоитъ отъ положенія публичной женщины.

До сихъ поръ она жила какъ во снѣ. Обнажалась въ „Прекрасной Еленѣ", являлась пьяною въ „Периколѣ", пѣла всевозможныя безстыдства въ „Отрывкахъ изъ Герцогини Герольштейнской" и даже жалѣла, что на театральныхъ подмосткахъ не принято представлять „la chose" и „l'amour", воображая себѣ, какъ бы она обольстительно вздрагивала поясницей и шикарно вертѣла хвостомъ. Но ей никогда не приходило въ голову вдумываться въ то, что она дѣлаетъ. Она объ томъ только старалась, чтобъ все выходило у нея „мило", „съ шикомъ" и въ то же время нравилось офицерамъ расквартированнаго въ городѣ полка. Но что это такое и какого сорта ощущенія производятъ въ офицерахъ ея вздрагиванья—она объ этомъ себя не спрашивала. Офицеры представляли въ городѣ рѣшающую публику, и ей было извѣстно, что отъ нихъ зависѣлъ ея успѣхъ. Они вторгались за кулисы, безцеремонно стучались въ двери ея уборной, когда она была еще полуодѣта, называли ее уменьшительными име-

ями — и она смотрѣла на все это какъ на простую формальность, родъ неизбѣжной обстановки ремесла, и спрашивала себя только объ томъ — „мило“ или „не мило“ выдерживаетъ она въ этой обстановкѣ свою роль? Но ни тѣла своего, ни души она покуда еще не сознавала публичными. И вотъ теперь, когда она на минуту опять почувствовала себя „барышней“, ей вдругъ сдѣлалось какъ-то невыносимо мерзко. Какъ будто съ нея сняли всѣ покровы до послѣдняго и всенародно вывели ее обнаженною; какъ будто всѣ эти подлыя дыханія, зараженныя запахами вина и конюшни, разомъ охватили ее; какъ будто она на своемъ тѣлѣ почувствовала прикосновеніе потныхъ рукъ, слюнявыхъ губъ и блужданіе мутныхъ, исполненныхъ плотоядной животности глазъ, которые безсмысленно скользятъ по кривой линіи ея обнаженнаго тѣла, словно требуютъ отъ него отвѣта: что такое „la chose“?

Куда идти? гдѣ оставить этотъ скарбъ, который надавливалъ ея плечи? — Вопросъ этотъ безнадежно метался въ ея головѣ, но именно только метался, не находя и даже не ища отвѣта. Вѣдь и это былъ своего рода сонъ: и прежняя жизнь была сонъ, и теперешнее пробужденіе—тоже сонъ. Огорчилась дѣвочка, расчувствовалась—вотъ и все. Пройдетъ. Бываютъ минуты хорошія, бываютъ и горькія—это въ порядкѣ вещей. Но и тѣ, и другія только скользятъ, а отнюдь не измѣняютъ однажды сложившагося хода жизни. Чтобъ дать послѣдней другое направленіе, необходимо много усилій, потребна не только нравственная, но и физическая храбрость. Это— почти то же, что самоубійство. Хотя передъ самоубійствомъ человѣкъ проклинаетъ свою жизнь, хотя онъ положительно знаетъ, что для него смерть есть свобода, но орудіе смерти, все-таки, дрожитъ въ его рукахъ, ножъ скользитъ по горлу, пистолетъ, вмѣсто того, чтобъ бить прямо въ лобъ, бьетъ ниже, уродуетъ. Такъ-то и тутъ, но еще труднѣе. И тутъ предстоитъ убить свою прежнюю жизнь, но, убивъ ее, самому остаться живымъ. То „ничто“, которое въ заправскомъ самоубійствѣ достигается мгновеннымъ спускомъ курка — тутъ, въ этомъ особомъ самоубійствѣ, которое называется „обновленіемъ“, достигается цѣлымъ рядомъ суровыхъ, почти аскетическихъ усилій. И достигается все-таки „ничто“, потому что нельзя же назвать нормальнымъ существованіе, котораго содержаніе состоитъ изъ однихъ усилій надъ собой, изъ лишеній и воздержаній. У кого воля изнѣ-

жена, кто уже подточенъ привычкою легкаго существованія—у того голова закружится отъ одной перспективы подобнаго „обновленія". И инстинктивно, отворачивая голову и зажмуривая глаза, стыдясь и обвиняя себя въ малодушіи, онъ все-таки опять пойдетъ по утоптанной дорогѣ.

Ахъ! великая вещь—жизнь труда! Но съ нею сживаются только сильные люди да тѣ, которыхъ осудилъ на нее какой-то проклятый прирожденный грѣхъ. Только такихъ онъ не пугаетъ. Первыхъ—потому, что, сознавая смыслъ и рессурсы труда, они умѣютъ отыскивать въ немъ наслажденіе; вторыхъ — потому, что для нихъ трудъ есть прежде всего прирожденное обязательство, а потомъ и привычка.

Аннинькѣ даже на мысль не приходило основаться въ Погорѣлкѣ или въ Головлевѣ, и въ этомъ отношеніи ей большую помощь оказала та дѣловая почва, на которую ее поставили обстоятельства и которой она инстинктивно не покидала. Ей былъ данъ отпускъ, и она ужъ заранѣе распредѣлила все время его и назначила день отъѣзда изъ Головлева. Для людей слабохарактерныхъ тѣ внѣшніе грани, которыя обставляютъ жизнь, значительно облегчаютъ бремя ея. Въ затруднительныхъ случаяхъ слабые люди инстинктивно жмутся къ этимъ гранямъ и находятъ въ нихъ для себя оправданіе. Такъ именно и поступила Аннинька: она рѣшилась какъ можно скорѣе уѣхать изъ Головлева, и ежели дядя будетъ приставать, то оградить себя отъ этихъ приставаній необходимостью явиться въ назначенный срокъ.

Проснувшись на другой день утромъ, она прошлась по всѣмъ комнатамъ громаднаго головлевскаго дома. Вездѣ было пустынно, непріютно, пахло отчужденіемъ, вымерочностью. Мысль поселиться въ этомъ домѣ безъ срока окончательно испугала ее. „Ни за что!" — твердила она въ какомъ-то безотчетномъ волненіи:—„ни за что!"

* * *

Порфирій Владимірычъ и на другой день встрѣтилъ ее съ обычной благосклонностью, въ которой никакъ нельзя было различить—хочетъ ли онъ приласкать человѣка, или намѣренъ высосать изъ него кровь.

— Ну, что, торопыга, выспалась? куда-то теперь торопиться будешь?—пошутилъ онъ.

— И то, дядя, тороплюсь: вѣдь я въ отпуску; надобно на срокъ поспѣвать.

— Это—опять скоморошничать? не пущу!

— Пускайте или не пускайте—сама уѣду!

Іудушка грустно покачалъ головой.

— А бабушка-покойница что̀ скажетъ?—спросилъ онъ тономъ ласковаго упрека.

— Бабушка и при жизни знала. Да что̀ это, дядя, за выраженія у васъ? вчера съ гитарой меня по ярмаркамъ посылали, сегодня объ скоморошничествѣ разговоръ завели? Слышите: я не хочу, чтобъ вы такъ говорили!

— Эге! видно, правда-то кусается! А вотъ я такъ люблю правду! По мнѣ, ежели правду...

— Нѣтъ, нѣтъ! не хочу я, не хочу! ни правды, ни неправды мнѣ вашей не надо! Слышите! не хочу я, чтобъ вы такъ выражались!

— Ну-ну! раскипятилась! Пойдемъ-ка, стрекоза, за добра-ума, чай пить! Самоваръ-то ужъ, чай, давно хр-хр... да зз-зз... на столѣ дѣлаетъ.

Порфирій Владимірычъ шуточкой да смѣшкомъ хотѣлъ изгладить впечатлѣніе, произведенное словомъ: „скоморошничать“, и въ знакъ примиренія даже потянулся къ племянницѣ, чтобъ обнять ее за талію; но Аннинькѣ все это показалось до того глупымъ, почти гнуснымъ, что она брезгливо уклонилась отъ ожидавшей ее ласки.

— Я вамъ серьезно повторяю, дядя, что мнѣ надо торопиться! —сказала она.

— А вотъ пойдемъ, сначала чайку попьемъ, а потомъ и поговоримъ!

— Да почему же непремѣнно послѣ чаю? почему нельзя до чаю поговорить?

— А потому что потому. Потому что все чередомъ дѣлать надо. Сперва одно, потомъ другое; сперва чайку попьемъ да поболтаемъ, а потомъ и объ дѣлѣ переговоримъ. Все успѣемъ.

Передъ такимъ непреоборимымъ пустословіемъ оставалось только покориться. Стали пить чай, причемъ Іудушка самымъ злостнымъ образомъ длилъ время, помаленьку прихлебывая изъ стакана, крестясь, похлопывая себя по ляжкѣ, калякая объ покойницѣ-маменькѣ и проч.

— Ну, вотъ, теперь и поговоримъ.—сказалъ онъ наконецъ: — ты долго ли намѣрена у меня погостить?

— Да больше недѣли мнѣ нельзя. Въ Москвѣ еще побывать надо.

— Недѣля, мой другъ,—большое дѣло: и много дѣла можно въ недѣлю сдѣлать, и мало дѣла — какъ взяться.

— Мы, дядя, лучше больше сдѣлаемъ.

— Объ томъ-то я и говорю. И много можно сдѣлать, и мало. Иногда много хочешь сдѣлать, а выходитъ мало: а иногда будто и мало дѣлается, анъ смотришь, съ Божьею помощью, всѣ дѣла незамѣтно прикончилъ. Вотъ ты спѣшишь, въ Москвѣ тебѣ побывать, вишь, надо; а зачѣмъ, коли тебя спросить — ты и сама путемъ не съумѣешь отвѣтить. А по моему, вмѣсто Москвы-то, лучше бы это время на дѣло употребить.

— Въ Москву мнѣ необходимо, потому что я хочу попытать, нельзя ли намъ на тамошнюю сцену поступить. А что касается до дѣла, такъ вѣдь вы сами же говорите, что въ недѣлю можно много дѣла надѣлать.

— Смотря по тому, какъ возьмешься, мой другъ. Ежели возьмешься какъ слѣдуетъ—все у тебя пойдетъ и ладно, и плавно: а возьмешься не такъ, какъ слѣдуетъ—ну, и застрянетъ дѣло, въ долгій ящикъ оттянется.

— Такъ вы меня поруководите, дядя!

— То-то вотъ и есть. Какъ нужно, такъ „вы меня поруководите, дядя", а ненужно—такъ и скучно у дяди, и поскорѣе бы отъ него уѣхать! Что, небось, неправда?

— Да вы только скажите, что мнѣ дѣлать нужно?

— Стой, погоди! Такъ вотъ я и говорю: какъ нуженъ дядя — онъ и голубчикъ, и миленькій, и душенька: а ненуженъ—сейчасъ ему хвостъ покажутъ! А нѣтъ того, чтобъ спроситься у дяди: какъ-моль вы, дяденька-голубчикъ, полагаете—можно мнѣ въ Москву съѣздить?

— Какой вы, дядя, странный! Вѣдь мнѣ въ Москвѣ необходимо быть, а вы вдругъ скажете, что нельзя?

— А скажу: нельзя—и посиди! Не посторонній сказалъ, дядя сказалъ—можно и послушаться дядю. Ахъ, мой другъ, мой другъ! Еще хорошо, что у васъ дядя есть—все-же и пожалѣть объ васъ, и

остановить васъ есть кому! А вотъ какъ у другихъ—нѣтъ никого! Ни ихъ пожалѣть, ни остановить—одни ростутъ! Ну, и бываетъ съ ними... всякія случайности въ жизни бываютъ, мой другъ!

Аннинька хотѣла-было возразить, однако поняла, что это значило бы только подливать масла въ огонь, и смолчала. Она сидѣла и безнадежно смотрѣла на расходившагося Порфирія Владимірыча.

— Вотъ, я давно хотѣлъ тебѣ сказать,—продолжалъ между тѣмъ Іудушка:—не нравится мнѣ, куда какъ не нравится, что вы по этимъ... по ярмаркамъ ѣздите! Хоть тебѣ и нелюбо, что я объ гитарахъ говорилъ, а все-таки...

— Да вѣдь мало сказать: не нравится! Надобно на какой-нибудь выходъ указать!

— Живи у меня—вотъ тебѣ и выходъ!

— Ну, нѣтъ... это... ни за что!

— Что такъ?

— А то, что нечего мнѣ здѣсь дѣлать. Что у васъ дѣлать! Утромъ встать—чай пить идти; за чаемъ думать: вотъ завтракать подадутъ! за завтракомъ—вотъ обѣдать накрывать будутъ! за обѣдомъ—скоро ли опять чай? А потомъ ужинать и спать... Умрешь у васъ!

— И всѣ, мой другъ, такъ дѣлаютъ. Сперва чай пьютъ, потомъ—кто привыкъ завтракать—завтракаютъ, а я вотъ не привыкъ завтракать—и не завтракаю; потомъ обѣдаютъ, потомъ вечерній чай пьютъ, а наконецъ и спать ложатся. Что же! кажется, въ этомъ ни смѣшного, ни предосудительнаго нѣтъ! Вотъ, еслибъ я...

— Ничего предосудительнаго, только не по мнѣ.

— Вотъ, еслибъ я кого-нибудь обидѣлъ, или осудилъ, или дурно объ комъ-нибудь высказался—ну, тогда точно! можно бы и самого себя за это осудить! А то чай пить, завтракать, обѣдать... Христосъ съ тобой! да и ты, какъ ни прытка, а безъ пищи не проживешь!

— Ну, да, все это хорошо, да только не по мнѣ!

— А ты не все на свой аршинъ мѣряй—и объ старшихъ подумай! „По мнѣ“ да „не по мнѣ“—развѣ можно такъ говорить! А ты говори: „по божьему“ или „не по божьему“—вотъ это будетъ дѣльно, вотъ это будетъ такъ! Коли ежели у насъ въ Головлевѣ не по божьему, ежели мы противъ Бога поступаемъ, грѣшимъ или роптемъ, или завидуемъ, или другія дурныя дѣла дѣлаемъ—ну, тогда

мы дѣйствительно виноваты и заслуживаемъ, чтобъ насъ осуждали. Только и тутъ еще надобно доказать, что мы точно не по божьему поступаемъ. А то натко! „не по мнѣ!“ Да скажу теперича хоть про себя—мало ли что не по мнѣ! Не по мнѣ вотъ, что ты такъ со мной разговариваешь да родственную мою хлѣбъ-соль хаешь—однако я сижу, молчу! Дай, думаю, я ей тихимъ манеромъ почувствовать дамъ—можетъ быть, она и сама собой образумится! Можетъ быть, покуда я шуточкой да усмѣшечкой на твои выходки отвѣчаю, анъ ангелъ-то твой хранитель и наставитъ тебя на путь истинный! Вѣдь мнѣ не за себя, а за тебя обидно! А-а-ахъ, мой другъ, какъ это нехорошо! И хоть бы я что-нибудь тебѣ дурное сказалъ или дурно противъ тебя поступилъ, или обиду бы какую-нибудь ты отъ меня видѣла—ну, тогда Богъ бы съ тобой! Хоть и велитъ Богъ отъ старшаго даже поученіе принять, ну, да ужъ если я тебя обидѣлъ—Богъ съ тобой! сердись на меня! А то сижу я смирёхонько да тихохонько, сижу, ничего не говорю, только думаю, какъ бы получше да поудобнѣе, чтобы вѣмъ на радость да на утѣшеніе—а ты: фу-ты, ну-ты!—вотъ ты на мои ласки какой отвѣтъ даешь! А ты не сразу все выговаривай, другъ мой, а сначала подумай, да Богу помолись, да попроси его вразумить себя! И вотъ, коли ежели...

Порфирій Владимірычъ разглагольствовалъ долго, не переставая. Слова безконечно тянулись одно за другимъ, какъ густая слюна. Аниника съ безотчетнымъ страхомъ глядѣла на него и думала: „какъ это онъ не захлебнется?“ Однако, такъ-таки и не сказалъ дяденька, что ей предстоитъ дѣлать по случаю смерти Арины Петровны. И за обѣдомъ пробовала она ставить этотъ вопросъ, и за вечернимъ чаемъ: но всякій разъ Іудушка начиналъ тянуть какую-то посторонюю канитель, такъ что Аниника не рада была, что и возбудила разговоръ, и объ одномъ только думала: „когда же все это кончится?“

Послѣ обѣда, когда Порфирій Владимірычъ отправился спать, Аниника осталась одинъ-на-одинъ съ Евпраксеюшкой, и ей вдругъ пришла охота вступить въ разговоръ съ дяденькиной экономкой. Ей захотѣлось узнать, почему Евпраксеюшкѣ не страшно въ Головлевѣ и что даетъ ей силу выдерживать потоки пустопорожнихъ словъ, которыя съ утра до вечера извергали дяденькины уста.

— Скучно вамъ, Евпраксеюшка, въ Головлевѣ?

— Чего намъ скучать? мы—не господа!

— Все-же... всегда вы одинъ... ни развлеченій, ни удовольствій у васъ—ничего!

— Какихъ намъ удовольствій надо! Скучно—такъ въ окошко погляжу. Я и у папеньки, у Николы-въ-Капелькахъ, жила—не много веселости-то видѣла!

— Все-таки, дома, я полагаю, вамъ было лучше. Товарки были, другъ къ другу въ гости ходили, играли...

— Что ужъ!

— А съ дядей... Говоритъ онъ все что-то скучное и долго какъ-то. Всегда онъ такъ?

— Всегда, цѣльный день такъ говорятъ.

— И вамъ не скучно?

— Мнѣ что! Я вѣдь не слушаю!

— Нельзя же совсѣмъ не слушать. Онъ можетъ замѣтить это, обидѣться!

— А почемъ онъ знаетъ? Я вѣдь смотрю на него. Онъ говоритъ, а я смотрю да этимъ временемъ про свое думаю.

— О чемъ же вы думаете?

— Обо всемъ думаю. Огурцы солить надо— объ огурцахъ думаю; въ городъ за чѣмъ посылать надо—объ этомъ думаю. Что по домашности требуется—обо всемъ думаю.

— Стало быть, вы хоть и вмѣстѣ живете, а на самомъ-то дѣлѣ, все-таки, одинъ?

— Да почéсть что одна. Иногда развѣ вечеромъ вздумаетъ въ дураки играть—ну, играемъ. Да и тутъ: середь самой игры остановятся, сложатъ карты и начнутъ говорить. А я смотрю. При покойницѣ Аринѣ Петровнѣ веселѣе было. При ней онъ лишнее-то говорить побаивался: нѣтъ-нѣтъ да и остановитъ старуха. А нынѣче ни на что не похоже, какую волю надъ собою взялъ!

— Вотъ видите ли! вѣдь это, Евпраксеюшка, страшно! Страшно, когда человѣкъ говоритъ и не знаетъ, зачѣмъ онъ говоритъ, что говорить и кончитъ ли когда-нибудь. Вѣдь страшно? неловко вѣдь?

Евпраксеюшка взглянула на нее, словно ее впервые озарила какая-то удивительная мысль.

— Не вы одинъ,—сказала она:—многіе у насъ ихъ за это не любятъ.

— Вотъ какъ!

— Да. Хоть бы лакеи-ни одинъ долго ужиться у насъ не можетъ: почетъ каждый мѣсяцъ мѣняемъ. Приказчики тоже. И все изъ-за этого.

— Надоѣдаетъ?

— Тиранитъ. Пьяницы—тѣ живутъ, потому что пьяница не слышитъ. Ему хоть въ трубу труби—у него все равно голова какъ горшкомъ прикрыта. Такъ опять бѣда: *они* пьяницъ не любятъ.

— Ахъ, Евпраксеюшка, Евпраксеюшка! а онъ еще меня въ Головлевѣ жить уговариваетъ!

— А что жъ, барышня! вы бы и заправду съ нами пожили! можетъ быть, онъ бы и посовѣстились при васъ!

— Ну, нѣтъ! слуга покорная! вѣдь у меня терпѣнья недостанетъ въ глаза ему смотрѣть!

— Что и говорить! вы—господа! у васъ своя воля! Однако, чай, воля-воля, а тоже и по чужой дудочкѣ подлясывать приходится!

— Еще какъ часто-то!

— То-то и я думала. А я вотъ еще что хотѣла васъ спросить: хорошо въ актрисахъ служить?

— Свой хлѣбъ—и то хорошо.

— А правда ли, Порфирій Владимирычъ мнѣ сказывали: будто бы актрисъ чужіе мужчины завсе за талію держатъ?

Аннинька на минуту вспыхнула.

— Порфирій Владимирычъ не понимаетъ,—отвѣтила она раздражительно:—оттого и несетъ чепуху. Онъ даже того различить не можетъ, что на сценѣ происходитъ игра, а не дѣйствительность.

— Ну, однако! То-то и онъ, Порфирій-то Владимирычъ... Какъ увидѣлъ васъ, даже губы распустилъ! „Племянушка“ да „племянушка“!—какъ и путный! А у самого безстыжіе глаза такъ и бѣгаютъ!

— Евпраксеюшка! зачѣмъ вы глупости говорите!

— Я-то? мнѣ—что! Поживете—сами увидите! А мнѣ что! Откажутъ отъ мѣста—я опять къ батюшкѣ уйду. И то вѣдь скучно здѣсь; вправду вы это сказали.

— Чтобъ я могла здѣсь остаться, это вы напрасно даже предполагаете. А вотъ что скучно въ Головлевѣ—это такъ. И чѣмъ дольше вы будете здѣсь жить, тѣмъ будетъ скучнѣе.

Евпраксеюшка слегка задумалась, потомъ зѣвнула и сказала:

— Я когда у батюшки жила—тощая претощая была. А теперь—ишь какая! печь печью сдѣлалась! Скука-то, стало быть, въ прокъ идетъ!

— Все равно долго не выдержите. Вотъ помяните мое слово, не выдержите.

На этомъ разговоръ кончился. Къ счастію, Порфирій Владимірычъ не слышалъ его—иначе онъ получилъ бы новую и благодарную тему, которая несомнѣнно освѣжила бы безконечную канитель его нравоучительныхъ разговоровъ.

Цѣлыхъ два дня еще мучилъ Порфирій Владимірычъ Аниньку. Все говорилъ: вотъ потерпи да погоди! потихоньку да полегоньку! благословясь да Богу помолясь! и проч. Совсѣмъ ее истомилъ. Наконецъ, на пятый день собрался-таки къ городъ, хотя и тутъ нашелъ средство истерзать племянницу. Она ужъ стояла въ передней въ шубѣ, а онъ, словно на зло, цѣлый часъ проклажался. Одѣвался, умывался, хлопалъ себя по ляжкамъ, крестился, ходилъ, сидѣлъ, отдавалъ приказанія въ родѣ: „такъ такъ-то, братъ!“ или: „такъ ты ужъ тово... смотри, братъ, какъ бы чего не было!“ Вообще поступалъ такъ, какъ бы оставлялъ Головлево не на нѣсколько часовъ, а навсегда. Замаявши всѣхъ — и людей, и лошадей, полтора часа стоявшихъ у подъѣзда, онъ наконецъ убѣдился, что у него самого пересохло въ горлѣ отъ пустяковъ, и рѣшился ѣхать.

Въ городѣ все дѣло покончилось, покуда лошади ѣли овесъ на постояломъ дворѣ. Порфирій Владимірычъ представилъ отчетъ, по которому оказалось, что сиротскаго капитала по день смерти Арины Петровны состояло безъ малаго двадцать тысячъ рублей въ пятипроцентныхъ бумагахъ. Затѣмъ просьба о снятіи опеки, вмѣстѣ съ бумагами, свидѣтельствовавшими о совершеннолѣтіи сироть, была принята, и тутъ же послѣдовало распоряженіе объ упраздненіи опекунскаго управленія и о сдачѣ имѣнія и капиталовъ владѣльцамъ. Въ тотъ же день вечеромъ Аниника подписала всѣ бумаги и описи, изготовленныя Порфиріемъ Владимірычемъ, и наконецъ свободно вздохнула.

Остальные дни Аниника провела въ величайшей ажитаціи. Ей хотѣлось уѣхать изъ Головлева немедленно, сейчасъ же, но дядя на всѣ ея порыванія отвѣчалъ шуточками, которыя, несмотря на добро-

душный тонъ, скрывали за собой такое дурацкое упорство, какого никакая человѣческая сила сломить не въ состояніи.

— Сама сказала, что недѣлю поживешь—ну, и поживи!—говорилъ онъ.—Что тебѣ! не за квартиру платить—и безъ платы милости просимъ! И чайку попить, и покушать—все, чего тебѣ вздумается, все будетъ!

— Да вѣдь мнѣ, дядя, необходимо!—отпрашивалась Аннинька.

— Тебѣ не сидится, а я лошадокъ не дамъ!—шутилъ Іудушка: —не дамъ лошадокъ, и сиди у меня въ плѣну! Вотъ недѣля пройдетъ—ни слова не скажу! Отстоимъ обѣденку, поѣдимъ на дорожку, чайку попьемъ, побесѣдуемъ... наглядимся другъ на друга — и съ Богомъ! Да вотъ что! не съѣздить ли тебѣ опять на могилку въ Воплино! Все бы съ бабушкой простилась — можетъ, покойница и благой бы совѣтъ тебѣ подала!

— Пожалуй,—согласилась Аннинька.

— Такъ мы вотъ какъ сдѣлаемъ: въ среду ранешько здѣсь обѣденку отслушаемъ, да на дорожку пообѣдаемъ, а потомъ мои лошадки довезутъ тебя до Погорѣлки, а оттуда до Дубровокъ ужь на своихъ, на погорѣловскихъ лошадкахъ поѣдешь. Сама помѣщица! свои лошадки есть!

Приходилось смириться. Пошлость имѣетъ громадную силу: она всегда застаетъ свѣжаго человѣка врасплохъ, и въ то время, какъ онъ удивляется и осматривается, она быстро опутываетъ его и забираетъ въ свои тиски. Всякому вѣроятно случилось, проходя мимо клоаки, не только зажимать носъ, но и стараться не дышать; точно такое же насиліе долженъ дѣлать надъ собой человѣкъ, когда вступаетъ въ область, насыщенную празднословіемъ и пошлостью. Онъ долженъ притупить въ себѣ зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ; долженъ побѣдить всякую воспріимчивость, одеревенѣть. Только тогда міазмы пошлости не задушатъ его. Аннинька поняла это, хотя и поздно; во всякомъ случаѣ она рѣшилась предоставить дѣло своего освобожденія изъ Головлева естественному ходу вещей. Іудушка до того побѣдилъ ее непреоборимостью своего празднословія, что она не смѣла даже уклониться, когда онъ обнималъ ее и по родственному гладилъ по спинѣ, приговаривая: „вотъ теперь ты—нѣнька!“ Она невольно каждый разъ вздрагивала, когда чувствовала, что костлявая и слегка трепещущая рука его ползетъ по ея спинѣ, но отъ дальнѣйшихъ вы-

раженій гадливости ее удерживала мысль: „Господи! хоть бы черезъ недѣлю-то отпустилъ!“ Къ счастью для нея, Іудушка былъ малый небрезгливый, и хотя, быть можетъ, замѣчалъ ея нетерпѣливыя движенія, но помалчивалъ. Очевидно, онъ придерживался той теоріи взаимныхъ отношеній половъ, которая выражается пословицей: люби не люби, да почаще взглядывай!

Наконецъ наступилъ нетерпѣливо-ожиданный день отъѣзда. Аннинька поднялась чуть не въ шесть часовъ утра, но Іудушка все-таки упредилъ ее. Онъ уже совершилъ обычное молитвенное стояніе и въ ожиданіи перваго удара церковнаго колокола, въ туфляхъ и халатномъ сюртукѣ, слонялся по комнатамъ, заглядывалъ, подслушивалъ и проч. Очевидно, онъ былъ ажитированъ и при встрѣчѣ съ Аннинькой какъ-то искоса взглянулъ на нее. На дворѣ уже было совсѣмъ свѣтло, но время стояло скверное. Все небо было покрыто сплошными темными облаками, изъ которыхъ сыпалась весенняя изморозь—не то дождь, не то снѣгъ; на почернѣвшей дорогѣ поселка видѣлись лужи, предвѣщавшія зажоры въ полѣ; сильный вѣтеръ дулъ съ юга, обѣщая гнилую оттепель; деревья обнажились отъ снѣга и безпорядочно покачивали изъ стороны въ сторону своими намокшими голыми вершинами; господскія службы почернѣли и словно осѣли. Порфирій Владимірычъ подвелъ Анниньку къ окну и указалъ рукой на картину весенняго возрожденія.

— Ужъ ѣхать ли, нѣлю?—спросилъ онъ:—не остаться ли?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!—испуганно вскрикнула она:—это... это... пройдетъ!

— Вряд-ли. Ежели ты въ часъ выѣдешь, то вряд-ли раньше семи до Погорѣлки доѣдешь. А ночью развѣ можно въ теперешнюю ростепель ѣхать—все равно, придется въ Погорѣлкѣ ночевать.

— Ахъ, нѣтъ! я и ночью, я сейчасъ же поѣду... я вѣдь, дядя, храбрая! да и зачѣмъ же дожидаться до часу? Дядя! голубчикъ! позвольте мнѣ теперь уѣхать!

— А бабенька что скажетъ? Скажетъ: вотъ такъ внучка! пріѣхала, попрыгала и даже благословиться у меня не захотѣла!

Порфирій Владимірычъ остановился и замолчалъ. Нѣкоторое время онъ сѣменилъ ногами на одномъ мѣстѣ и то взглядывалъ на Анниньку, то опускалъ глаза. Очевидно, онъ рѣшался и не рѣшался что-то высказать.

— Постой-ка, я тебѣ что-то покажу!—наконецъ рѣшился онъ и, вынувъ изъ кармана сверпутый листокъ почтовой бумаги, подалъ его Аннинькѣ:—натко, прочти!

Аннинька прочла:

„Сегодня я молился и просилъ Боженьку, чтобъ онъ оставилъ мнѣ мою Анниньку. И Боженька мнѣ сказалъ: возьми Анниньку за полненькую талыцу и прижми ее къ своему сердцу".

— Такъ, что-ли?—спросилъ онъ, слегка побѣдивъ.

— Фу, дядя! какія гадости!—отвѣтила она, растерянно смотря на него.

Порфирій Владимірычъ побѣдилъ еще больше и, произнеся сквозь зубы: „видно, намъ гусаровъ нужно!" — перекрестился и, шаркая туфлями, вышелъ изъ комнаты.

Черезъ четверть часа онъ, однакожъ, возвратился какъ ни въ чемъ не бывало и ужъ шутилъ съ Аннинькой.

— Такъ какъ же? —говорилъ онъ:—въ Воплино отсюда заѣдешь? съ старушкой-бабенькой проститься хочешь? простись! простись, мой другъ! Это ты хорошее дѣло затѣяла, что про бабеньку вспомнила! Никогда не нужно родныхъ забывать, а особливо такихъ родныхъ, которые, можно сказать, душу за насъ полагали!

Отслушали обѣдню съ панихидой, пѣли въ церкви кутью, потомъ домой пріѣхали, опять кутью пѣли и сѣли за чай. Порфирій Владимірычъ, словно на зло, медленнѣе обыкновеннаго прихлебывалъ чай изъ стакана и мучительно растягивалъ слова, разглагольствуя въ промежуткѣ двухъ глотковъ. Къ десяти часамъ, однакожъ, чай кончился, и Аннинька взмолилась:

— Дядя! теперь мнѣ можно ѣхать?

— А покушать? отобѣдать-то на дорожку? Неужто жъ ты думала, что дядя такъ тебя и отпуститъ! И ни-ни! и не думай! Этого и въ заводѣ въ Головлевѣ не бывало! Да маменька-покойница на глаза бы меня къ себѣ не пустила, еслибъ знала, что я родную племянницу безъ хлѣба-соли въ дорогу отпустилъ! И не думай этого! и не воображай!

Опять пришлось смириться. Прошло однакожъ полтора часа, а на столъ и не думали накрывать. Всѣ разбрелись: Евпраксеюшка, гремя ключами, мелькала на дворѣ, между кладовой и погребомъ; Порфирій Владимірычъ толковалъ съ приказчикомъ, изнуряя его

безпутными приказаніями, хлопая себя по ляжкамъ и вообще ухищряясь какъ-нибудь затянуть время. Аннинька ходила одна взадъ и впередъ по столовой, поглядывая на часы, считая свои шаги, а потомъ секунды: разъ, два, три... По временамъ она смотрѣла на улицу и убѣдилась, что лужи дѣлаются все больше и больше.

Наконецъ застучали ложки, ножи, тарелки; лакей Степанъ пришелъ въ столовую и кинулъ скатерть на столъ. Но, казалось, частица праха, наполнявшая Іудушку, перешла и въ него. Еле-еле онъ передвигалъ тарелками, дулъ въ стаканы, смотрѣлъ черезъ нихъ на свѣтъ. Ровно въ часъ сѣли за столъ.

— Вотъ ты и ѣдешь!—началъ Порфирій Владимірычъ разговоръ, приличествующій проводамъ.

Передъ нимъ стояла тарелка съ супомъ, но онъ не прикасался къ ней и до того умильно смотрѣлъ на Анниньку, что даже кончикъ носа у него покраснѣлъ. Аннинька торопливо глотала ложку за ложкой. Онъ тоже взялся за ложку и ужъ совсѣмъ было-погрузилъ ее въ супъ, но сейчасъ же опять положилъ на столъ.

— Ужъ ты меня, старика, прости!—зудилъ онъ:—ты вотъ на почтовыхъ супъ скушала, а я—на долгихъ ѣмъ. Не люблю я съ божьимъ даромъ небрежно обращаться. Намъ хлѣбъ для поддержанія нашего данъ, а мы его зря разбрасываемъ—видишь, ты сколько накрошила! Да и вообще я все люблю основательно да осмотрѣвшись дѣлать—крѣпче выходитъ. Можетъ быть, тебя это сердитъ, что я за столомъ черезъ обручъ—или какъ это тамъ у васъ называется—не прыгаю; ну, да что жъ дѣлать! и посердись, ежели тебѣ такъ хочется! Посердишься, посердишься, да и простишь! И ты не все молода будешь, не все черезъ обручи будешь скакать, и въ тебѣ когда-нибудь опытцу прибавится—вотъ тогда ты и скажешь: а дядя-то, пожалуй, правъ былъ! Такъ-то, мой другъ. Теперь, можетъ быть, ты слушаешь меня да думаешь: фыка дядя! старый ворчунъ дядя! А какъ поживешь съ мое—другое запоешь, скажешь: ай дядя! добру меня училъ!

Порфирій Владимірычъ перекрестился и проглотилъ двѣ ложки супу. Сдѣлавши это, онъ опять положилъ ложку въ тарелку и опрокинулся на спинку стула въ знакъ предстоящаго разговора.

— Кровопійца!—такъ и вертѣлось на языкѣ у Аннинькн. Но

она сдержалась, быстро налила себѣ стаканъ воды и залпомъ его выпила. Будушка словно нехомъ отгадывалъ, что въ ней происходитъ.

— Что? не нравится! что жъ, хоть и не нравится, а ты, все-таки, дядю послушай! Вотъ я ужъ давно съ тобой насчетъ этой твоей поспѣшности поговорить хотѣлъ, да все недосужно было. Не люблю я въ тебѣ эту поспѣшность: легкомысліе въ ней видно, неразсудительность. Вотъ и въ ту пору вы зря отъ бабушки уѣхали—и огорчить старушку не посовѣстились! — а зачѣмъ?

— Ахъ, дядя! зачѣмъ вы объ этомъ вспоминаете! вѣдь это ужъ сдѣлано! Съ вашей стороны это даже нехорошо!

— Постой! я не объ томъ, хорошо или нехорошо, а объ томъ, что хотя дѣло и сдѣлано, но вѣдь его и передѣлать можно. Не только мы, грѣшные, а и Богъ свои дѣйствія перемѣняетъ: сегодня пошлетъ дождичка, а завтра — вёдрышка дастъ! А путко! вѣдь не Богъ же знаетъ какое сокровище — театръ! Путко! рѣшись-ка!

— Нѣтъ, дядя! оставьте это! прошу васъ!

— А еще тебѣ вотъ что скажу: нехорошо въ тебѣ твое легкомысліе; но еще больше мнѣ не нравится то, что ты такъ легко къ замѣчаніямъ старшихъ относишься. Дядя добра тебѣ желаетъ, а ты говоришь: оставьте! Дядя къ тебѣ съ лаской да съ привѣтомъ, а ты на него фыркаешь! А между тѣмъ знаешь ли ты, кто тебѣ дядю далъ? Ну-ко, скажи, кто тебѣ дядю далъ?

Аннинька взглянула на него съ недоумѣніемъ.

— Богъ тебѣ дядю далъ — вотъ кто! Богъ! Кабы не Богъ, была бы ты теперь одна, не знала бы, какъ съ собою поступить и какую просьбу подать, и куда подать, и чего на эту просьбу ожидать. Была бы ты словно въ лѣсу: одинъ бы тебя обидѣлъ, другой бы обманулъ, а третій и просто-на-просто посмѣялся бы надъ тобой! А какъ дядя-то у тебя есть, такъ мы, съ Божьей помощью, въ одинъ день все твое дѣло вокругъ пальца повернули. И въ городъ съѣздили, и въ опекѣ побывали, и просьбу подали, и резолюцію получили! Такъ вотъ оно, мой другъ, что дядя-то значитъ!

— Да я благодарна вамъ, дядя!

— А коли благодарна дядѣ, такъ не фыркай на него, а слушайся. Добра тебѣ дядя желаетъ, хоть иногда тебѣ и кажется...

Аннинька едва могла владѣть собой. Оставалось еще одно сред-

ство отдѣлаться отъ дядиныхъ поученій: притвориться, что она хоть въ принципѣ принимаетъ его предложеніе остаться въ Головлевѣ.

— Хорошо, дядя,—сказала она:—я подумаю. Я сама понимаю, что жить одной, вдали отъ родныхъ, несовсѣмъ удобно... Но во всякомъ случаѣ теперь я рѣшиться ни на что не могу. Надо подумать.

— Ну, видишь ли, вотъ ты и поняла. Да чего же тутъ думать! Велимъ лошадей распречь, чемоданы твои изъ кибитки вынуть — вотъ и думанье все!

— Нѣтъ, дядя, вы забываете, что у меня есть сестра!

Неизвѣстно, убѣдилъ ли этотъ аргументъ Порфирія Владимірыча, или вся сцена эта была ведена имъ только для приличу, и онъ самъ хорошенько не зналъ, точно ли ему нужно, чтобъ Аннинька осталась въ Головлевѣ, или совсѣмъ это не нужно, а просто блажь въ голову на минуту забрела. Но во всякомъ случаѣ обѣдъ послѣ этого пошелъ поживѣе. Аннинька со всѣмъ соглашалась, на все давала такіе отвѣты, которые не допускали никакой придирки для пустословія. Тѣмъ не менѣе часы показывали уже половину третьяго, когда обѣдъ кончился. Аннинька выскочила изъ-за стола, словно все время въ паровой банѣ высидѣла, и подбѣжала къ дядѣ, чтобъ попрощаться съ нимъ.

Черезъ десять минутъ Іудушка, въ шубѣ и въ медвѣжьихъ сапогахъ, провожалъ уже ее на крыльцо и самолично наблюдалъ, какъ усаживали барышню въ кибитку.

— Съ горы-то полегче—слышишь? Да и въ Сенькинъ на косогорѣ—смотри, не вывали!—приказывалъ онъ кучеру.

Наконецъ Аннинькѣ укутали, усадили и застегнули фартукъ у кибитки.

— А то бы осталась!—еще разъ крикнулъ ей Іудушка, желая, чтобъ и при собравшихся челядинцахъ все обошлось какъ слѣдуетъ, по родственному.—Но крайней мѣрѣ, пріѣдешь, что-ли? говори!

Но Аннинька чувствовала себя уже свободною, и ей вдругъ захотѣлось пошкольничать. Она высунулась изъ кибитки и, отчеканивая каждое слово, отвѣчала;

— Нѣтъ, дядя, не пріѣду! Страшно съ вами!

Іудушка сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, но губы у него побѣлѣли.

Освобожденіе изъ головлевскаго плѣна до такой степени обрадовало Анниньку, что она ни разу даже не остановилась на мысли, что позади нея въ безсрочномъ плѣну остается человѣкъ, для котораго, съ ея отъѣздомъ, порвалась всякая связь съ міромъ живыхъ. Она думала только объ себѣ: что она вырвалась и что теперь ей хорошо. Вліяніе этого ощущенія свободы было такъ сильно, что когда она вновь посѣтила воплинское кладбище, то въ ней уже не замѣчалось и слѣда той нервной чувствительности, которую она обнаружила при первомъ посѣщеніи бабушкиной могилы. Спокойно отслужила она панихиду, безъ слезъ поклонилась могилѣ и довольно охотно приняла предложеніе священника откушать у него въ хатѣ чашку чая.

Обстановка, въ которой жилъ воплинскій батюшка, была очень убогая. Въ единственной чистой комнатѣ дома, которая служила пріемною, царствовала какая-то унылая нагота; по стѣнамъ было разставлено съ дюжину крашеныхъ стульевъ, обитыхъ волосяной матеріей, мѣстами значительно продранной, и стоялъ такой же диванъ съ выпяченной спинкой, словно грудь у генерала до-реформенной школы; въ одномъ изъ простѣнковъ виднѣлся простой столъ, покрытый загаженнымъ сукномъ, на которомъ лежали исповѣдныя книги прихода, и изъ-за нихъ выглядывала чернильница съ воткнутымъ въ нее перомъ; въ восточномъ углу висѣлъ кіотъ съ родительскимъ благословеніемъ и съ зажженною лампадкой; подъ нимъ стояли два сундука съ матушкинымъ приданымъ, покрытые сѣрымъ, выцвѣвшимъ сукномъ. Обоевъ на стѣнахъ не было; но серединѣ одной стѣны висѣло нѣсколько полиявшихъ дагерротипныхъ портретовъ преосвященныхъ. Въ комнатѣ пахло какъ-то странно: словно она издавна служила кладбищемъ для таракановъ и мухъ. Самъ священникъ, хотя человѣкъ еще молодой, значительно потускнѣлъ въ этой обстановкѣ. Жидкіе бѣловатые волосы повисли на его головѣ прямыми прядями, какъ вѣтви на плакучей ивѣ; глаза, когда-то голубые, смотрѣли убито; голосъ вздрагивалъ, бородка обострилась; шалоновая ряска худо запахивалась спереди и висѣла какъ на вѣшалкѣ. Попадья, женщина тоже молодая, отъ ежегодныхъ родовъ казалась еще болѣе изнуренною, нежели мужъ.

Тѣмъ не менѣе Аннинька не могла не замѣтить, что даже эти забитые, изнуренные и бѣдные люди относятся къ ней не такъ, какъ

къ настоящей прихожанкѣ, а скорѣе съ сожалѣніемъ, какъ къ заблудшей овцѣ.

— У дяденьки побывали?—началъ батюшка, осторожно принимая чашку чая съ подноса у попадьи.

— Да, почти съ недѣлю прожила.

— Теперь Порфирій Владимірычъ главный помѣщикъ по всей нашей округѣ сдѣлались—имѣть ихъ сильнѣе. Только удачи имъ въ жизни какъ будто не видится. Сперва одинъ сынокъ померъ, потомъ и другой, а наконецъ и родительница. Удивительно, какъ это они васъ не упросили въ Головлевѣ поселиться.

— Дядя предлагалъ, да я сама не осталась.

— Что жъ такъ?

— Да лучше, какъ на свободѣ живешь.

— Свобода, сударыня, конечно—дѣло нехудое, но и она не безъ опасности бываетъ. А ежели при этомъ имѣть въ предметѣ, что вы Порфирію Владимірычу ближайшей родственницей, а слѣдственно и прямой всѣхъ его имѣній наслѣдницей доводитесь, то можно бы, мнится, насчетъ свободы нѣсколько и постѣснить себя.

— Нѣтъ, батюшка, свой хлѣбъ лучше. Какъ-то легче живется, какъ чувствуешь, что никому не обязанъ.

Батюшка тускло взглянулъ на нее, какъ будто хотѣлъ спросить: да ты, полно, знаешь ли, что̀ такое „свой хлѣбъ"?—но посовѣстился и только робко запахнулъ полы своей ряски.

— А много ли вы жалованья въ актрисахъ-то получаете?—вступила въ разговоръ попадья.

Батюшка окончательно оробѣлъ и даже заморгалъ въ сторону попадьи. Онъ такъ и ждалъ, что Аннинька обидится. Но Аннинька не обидѣлась и безъ всякой ужимки отвѣтила:

— Теперь я получаю полтораста рублей въ мѣсяцъ, а сестра — сто. Да бенефисы намъ даютъ. Въ годъ-то тысячъ шесть объ получимъ.

— Что жъ такъ сестрицѣ меньше даютъ? достоинствомъ, что-ли, онѣ хуже?—продолжала любопытствовать матушка.

— Нѣтъ, а жанръ у сестры другой. У меня голосъ есть, я пою—это публикѣ больше нравится, а у сестры голосъ послабѣе—она въ водевиляхъ играетъ.

— Стало быть, и тамъ тоже: кто попомъ, кто дьякономъ, а кто и въ дьячкахъ служитъ?

— Впрочемъ мы поровну дѣлимся: у насъ ужъ сначала такъ было условлено, чтобъ деньги пополамъ дѣлить.

— По родственному? Чего же лучше, коли по родственному! А сколько это, поиъ, будетъ? шесть тысячъ рублей, ежели на мѣсяцъ раздѣлить, сколько это будетъ?

— По пятисотъ цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, а на двухъ раздѣлить —по двѣсти по пятидесяти.

— Вона что денегъ-то! Намъ бы и въ годъ не прожить. А что я еще хотѣла васъ спросить: правда ли, что съ актрисами обращаются, словно бы онѣ—не настоящія женщины?

Поиъ совсѣмъ было-воспрянулся и даже полы рясы распустилъ: но, увидѣвъ, что Аниника относится къ вопросу довольно равнодушно, подумалъ: „Эге! да ее, видно, и въ самомъ дѣлѣ не проишибешь!“—и успокоился.

— То-есть, какъ же это: не настоящія женщины?—спросила Аниника.

— Ну, да вотъ будто цѣлуютъ ихъ, обнимаютъ, что-ли... Даже, будто, когда и не хочется, и тогда онѣ должны...

— Не цѣлуютъ, а дѣлаютъ видъ, что цѣлуютъ. А объ томъ, хочется или не хочется—объ этомъ и рѣчи въ этихъ случаяхъ не можетъ быть, потому что все дѣлается по пьесѣ: какъ въ пьесѣ написано, такъ и поступаютъ.

— Хоть и по пьесѣ, а все-таки... Иной съ слюнявымъ ртомъ лѣзетъ, на него и глядѣть-то претитъ, а ты губы ему подставлять должна.

Аниника невольно замѣялась: въ воображеніи ея вдругъ промелькнуло слюнявое лицо храбраго ротмистра Панкова, которое именно „лѣзло“, и—увы!—даже не „по пьесѣ“ лѣзло!

— Вы совсѣмъ не такъ представляете себѣ, какъ оно на сценѣ происходитъ!—сказала она довольно сухо.

— Конечно, мы въ театрахъ не бывали, а все-таки, чай, со всячинкой тамъ бываетъ. Частенько-таки мы съ попомъ объ васъ, барышня, разговариваемъ: жалѣемъ мы васъ, даже очень жалѣемъ!

Аниника молчала; священникъ сидѣлъ и пощипывалъ бороду, словно рѣшался и самъ сказать свое слово.

— Впрочемъ, сударыня, и во всякомъ званіи и пріятности, и непріятности бываютъ,—наконецъ высказался онъ:—но человѣкъ, по слабости своей, первыми восхищается, а послѣднія старается позабыть. Для чего позабыть? а именно для того, сударыня, дабы и сего послѣдняго напоминовенія о долгѣ и добродѣтельной жизни по возможности не имѣть передъ глазами.

И потомъ, вздохнувъ, присовокупилъ:

— А главное, сударыня, сокровище свое надлежитъ соблюсти!

Батюшка учительно взглянулъ на Аниниьку; матушка уныло покачала головой, какъ бы говоря: гдѣ ужъ!

— И вотъ это-то сокровище, мнится, въ актерскомъ званіи соблюсти — дѣло довольно сумнительное,—продолжалъ батюшка.

Аниника не знала, что сказать на эти слова. Мало-по-малу ей начинало казаться, что разговоръ этихъ простодушныхъ людей о „сокровищѣ" совершенно одинаковаго достоинства съ разговорами господъ офицеровъ „расквартированнаго въ здѣшнемъ городѣ полка" объ „la chose". Вообще же она убѣдилась, что и здѣсь, какъ у дяденьки, видятъ въ ней явленіе совсѣмъ особенное, къ которому хотя и можно отнестись снисходительно, но въ нѣкоторомъ отдаленіи, дабы „не замараться".

— Отчего у васъ, батюшка, церковь такая бѣдная?—спросила она, чтобъ перемѣнить разговоръ.

— Не съ чего ей богатой быть—оттого и бѣдна. Помѣщики всѣ по службамъ разъѣхались, а мужичкамъ подняться нѣ изъ чего. Да ихъ и всѣхъ-то съ небольшимъ двѣсти душъ въ приходѣ!

— Вотъ колоколъ у насъ черезъ-чуръ ужъ плохъ! — вздохнула матушка.

— И колоколъ, и прочее все. Колоколъ-то у насъ, сударыня, всего пятнадцать пудовъ вѣситъ, да и тотъ, на грѣхъ, раскололся. Не звонитъ, а шумитъ какъ-то—даже предосудительно. Покойница Арина Петровна пообѣщались-было новый соорудить, и ежели бы-ли бы онѣ живы, то и мы, всеконечно, были бы теперь при колоколѣ.

— Вы бы дядѣ сказали, что бабушка обѣщала!

— Говорилъ, сударыня, и онъ, надо правду сказать, довольно-таки благосклонно докуку мою выслушалъ. Только отвѣта удовлетворительнаго не могъ мнѣ дать: не слыхалъ, вишь, отъ маменьки ничего!

никогда, вишь, покойница объ этомъ ему не говаривала! А ежели бы, дескать, слышалъ, то безпремѣнно бы волю ея исполнилъ!

— Когда, чай, не слыхать! — молвила попадья: — вся округа знаетъ, а онъ не слыхалъ!

— Вотъ мы и живемъ такимъ родомъ. Прежде хоть въ надеждѣ были, а нынѣче и совсѣмъ безъ надежды остаемся. Иногда служить не́ на чемъ: ни просфоръ, ни краснаго вина. А объ себѣ ужъ и не говоримъ.

Аниника хотѣла встать и проститься, но на столѣ появился новый подносъ, на которомъ стояли двѣ тарелки—одна съ рыжиками, другая съ кусочками икры—и бутылка мадеры.

— Посидите! не обезсудьте! откушайте!

Аниника повиновалась, наскоро проглотила два рыжичка, но отказалась отъ мадеры.

— Вотъ объ чемъ я еще хотѣла васъ спросить, — говорила между тѣмъ попадья:—въ приходѣ у насъ дѣвушка одна есть, Лыщевскаго дворового дочка: такъ она въ Петербургѣ у одной актрисы въ услуженіи была. Хорошо, говоритъ, въ актрисахъ житье, только билетъ каждый мѣсяцъ выправлять надо... правда ли это?

Аниника смотрѣла во всѣ глаза и не понимала.

— Это для свободности,—пояснилъ батюшка:—а впрочемъ, думается, что она неправду говоритъ. Напротивъ, я слышалъ, что многія актрисы даже пенсіи отъ казны за службу удостоиваются.

Аниника убѣдилась, что чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, и стала окончательно прощаться.

— А мы было-думали, что вы теперь изъ актрисъ-то выйдете? продолжала приставать попадья.

— Зачѣмъ же?

— Все-таки. Вы—барышня. Теперь совершенныя лѣта получили, имѣніе свое есть—чего лучше!

— Ну, и послѣ дяденьки вы же—прямая наслѣдница,—присовокупилъ батюшка.

— Нѣтъ, я здѣсь жить не буду.

— А мы-то какъ надѣялись! Все промежду себя говорили: непремѣнно наши барышни въ Погорѣлкѣ жить будутъ! А лѣтомъ у насъ здѣсь даже очень хорошо: въ лѣсъ по грибы ходить можно! — соблазняла матушка.

— У насъ грибовъ и не въ дождливое лѣто—очень довольно!—вторилъ ей батюшка.

Наконецъ Аннинька уѣхала. По пріѣздѣ въ Погорѣлку, первымъ ея словомъ было: „лошадей! пожалуйста поскорѣе лошадей!“ Но Ѳедулычъ только плечами передернулъ въ отвѣтъ на эту просьбу.

— Чего „лошадей“! Мы еще и не кормили ихъ!—брюзжалъ онъ.

— Да отчего же, наконецъ? Ахъ, Боже мой! точно всѣ сговорились!

— Сговорились и есть. Какъ не сговориться, коли всякому видимо, что въ ростепель ночью ѣхать нельзя. Все равно, въ полѣ въ зажорѣ просидите—такъ, по нашему, лучше ужъ дома!

Бабенькины аппартаменты были вытоплены. Въ спальной стояла совсѣмъ приготовленная постель, а на письменномъ столѣ пыхтѣлъ самоваръ: Афимьюшка оскребла на днѣ старинной бабенькиной шкатулочки остатки чая, сохранившіеся послѣ Арины Петровны. Покуда настаивался чай, Ѳедулычъ, скрестивши руки, лицомъ къ барынинъ, держался у двери, а по обѣимъ сторонамъ стояли скотница и Марковна въ такихъ позахъ, какъ будто сейчасъ, по первому манію руки, готовы были бѣжать куда глаза глядятъ.

— Чай-то еще бабенькинъ,—первый началъ разговоръ Ѳедулычъ: —отъ покойницы на донышкѣ остался. Порфирій Владимірычъ и шкатулочку собрались-было увезти, да я не согласился. Можетъ быть, барынин, говорю, пріѣдутъ, такъ чайку испить захочется, покуда своимъ разживутся. Ну, ничего! еще пошутилъ: „ты, говоритъ, старый плутъ, самъ выпьешь! смотри, говоритъ, шкатулочку-то послѣ въ Головлево доставь!“ Гляди, завтра же за нею прилетъ!

— Напрасно вы ему тогда не отдали.

— Зачѣмъ отдавать—у него и своего чаю много. А теперь по крайности мы послѣ васъ попьемъ. Да вотъ что, барынин: вы насъ Порфирію Владимірычу, что-ли, препоручите?

— И не думала.

— Такъ-съ. А мы было давеча бунтовать собрались. Коли ежели, думаемъ, насъ къ головлевскому барину подъ начало отдадутъ, такъ всѣ въ отставку проситься будемъ.

— Что такъ? неужто дядя такъ страшенъ?

— Не очень страшенъ, а тиранитъ, словъ не жалѣетъ. Словами-то онъ сгноитъ человѣка можетъ.

Аниника невольно улыбнулась. Именно гной какой-то просачивался сквозь разглагольствія Іудушки! Не простое пустословіе это было, а язва смердящая, которая непрестанно точила изъ себя гной.

— Ну, а съ собой-то вы какъ же, барышня, рѣшили?—продолжалъ допытываться Ѳедулычъ.

— То-есть, что же я должна съ собой „рѣшить"?—слегка смѣшалась Аниника, предчувствуя, что ей и здѣсь придется выдержать разглагольствія о „сокровищѣ".

— Такъ неужто же вы изъ ахтёрокъ не выйдете?

— Нѣтъ... то-есть, я еще объ этомъ не думала... Но что же дурного въ томъ, что я, какъ могу, свой хлѣбъ достаю?

— Что хорошаго! по ярмаркамъ съ торбаномъ ѣздить! ньяницъ утѣшать! Чай, вы—барышня!

Аниника ничего не отвѣтила, только брови насупила. Въ головѣ ея мучительно стучалъ вопросъ: „Господи! да когда же я отсюда уѣду?"

— Разумѣется, вамъ лучше знать, какъ надъ собой поступить, а только мы было-думали, что вы къ намъ возвратитесь. Домъ у насъ теплый, просторный—хоть въ горѣлки играй! очень хорошо покойница-бабенька его устроила. Скучно сдѣлалось—санки запряжемъ, а лѣтомъ—въ лѣсъ по грибы ходить можно.

— У насъ здѣсь всякіе грибы есть: и рыжички, и волнушечки, и груздочки, и подосиновички—страсть сколько!—соблазнительно пропамкала Афимьюшка.

Аниника облокотилась обѣими руками на столъ и старалась не слушать.

— Сказывала тутъ дѣвка одна,—безчеловѣчно настаивалъ Ѳедулычъ:—въ Петербургѣ она въ услуженьи жила, такъ говорила, будто всѣ ахтёрки—белетныя. Каждый мѣсяцъ должны въ части белетъ представлять!

Анинику словно обожгло: цѣлый день она все эти слова слышитъ!

— Ѳедулычъ!—съ крикомъ вырвалось у нея:—что я вамъ сдѣлала?—неужели вамъ доставляетъ удовольствіе оскорблять меня?

Съ нея было довольно. Она чувствовала, что ее душитъ, что еще одно слово—и она не выдержитъ...

V.—Недозволенныя семейныя радости.

Однажды, незадолго до катастрофы съ Петенькой, Арина Петровна, гостя въ Головлевѣ, замѣтила, что Евпраксеюшка словно бы попринухла. Воспитанная въ практикѣ крѣпостного права, при которомъ беременность дворовыхъ дѣвокъ служила предметомъ подробныхъ и не лишенныхъ занимательности изслѣдованій и считалась чуть не доходною статьею, Арина Петровна имѣла на этотъ счетъ взглядъ острый и безошибочный, такъ что для нея достаточно было остановить глаза на туловищѣ Евпраксеюшки, чтобы послѣдняя, безъ словъ и въ полномъ сознаніи виновности, отвернула отъ нея свое загорѣвшееся полымемъ лицо.

— Нутка, нутка, сударка! смотри на меня! тяжела? — допрашивала опытная старушка провинившуюся голубицу; но въ голосѣ ея не слышалось укоризны, а, напротивъ, онъ звучалъ шутливо, почти весело, словно пахнýло на нее старымъ, хорошимъ временемъ.

Евпраксеюшка не то стыдливо, не то самодовольно безмолвствовала, и только пуще и пуще алѣли ея щеки подъ испытующимъ взглядомъ Арины Петровны.

— То-то еще вчера я смотрю — поджимаешься ты! Ходитъ, хвостомъ вертитъ — словно и нутёвая! Да вѣдь меня, братъ, хвостами-то не обманешь! Я на пять верстъ впередъ ваши дѣвичьи штуки вижу! Вѣтромъ, что-ли, надуло? съ которыхъ поръ? Признавайся! сказывай!

Послѣдовалъ подробный допросъ и не менѣе подробное объясненіе. Когда замѣчены первые признаки? имѣется ли на примѣтѣ бабушка-повитушка? знаетъ ли Порфирій Владимірычъ объ ожидающей его радости? бережетъ ли себя Евпраксеюшка, не поднимаетъ ли чего тяжелаго? и т. д. Оказалось, что Евпраксеюшка беременна ужъ пятый мѣсяцъ; что бабушки-повитушки на примѣтѣ покуда еще нѣтъ; что Порфирію Владимірычу хотя и было докладывано, но онъ ничего не сказалъ, а только сложилъ руки ладонями внутрь, пошепталъ губами и посмотрѣлъ на образъ, въ знакъ того, что все отъ Бога, и онъ, Царь Небесный, самъ обо всемъ промыслитъ; что наконецъ Евпраксеюшка однажды не остереглась, подняла самоваръ и

въ ту же минуту почувствовала, что внутри у нея что-то словно оборвалось.

— Однако, огланенные вы, какъ я на васъ посмотрю!—тужила Арина Петровна, выслушавши эти признанія: — придется, видно, мнѣ самой въ это дѣло взойти! Натко, пятый мѣсяцъ беременна, а у нихъ даже бабушки-повитушки на примѣтѣ нѣтъ! Да ты хоть бы Улиткѣ, глупая, показалась!

— И то собиралась, да баринъ Улитку-то не очень...

— Вздоръ, сударыня, вздоръ! Тамъ, провинилась ли, нѣтъ ли Улитка передъ барином—это само собой! а тутъ этакой случай—а онъ на-поди! Что намъ, цѣловаться, что-ли, съ ней? Нѣтъ, неминучее дѣло, что мнѣ самой придется въ это дѣло вступиться!

Арина Петровна хотѣла-было взгрустнуть, пользуясь этимъ случаемъ, что вотъ и до сихъ поръ, даже на старости лѣтъ, ей приходится тяготы носить; но предметъ разговора былъ такъ привлекателенъ, что она только губами чмокнула и продолжала:

— Ну, сударка, теперь только распоясывайся! Любо было кататься—попробуй-ка саночки повозить! Попробуй! попробуй! Я вотъ трехъ сыновъ да дочку выростила, да пятерыхъ дѣтей маленькими схоронила—я знаю! Вотъ они гдѣ у насъ, мужчинки-то, сидятъ!—прибавила она, ударяя себя кулакомъ по затылку.

И вдругъ ее словно озарило.

— Батюшки! да никакъ еще подъ постный день! Постой, погоди! сосчитаю!

Начали по пальцамъ считать, сочли разъ, другой, третій —выходило именно какъ разъ подъ постный день.

— Ну, такъ, такъ! это — святой-то человѣкъ! Ужо, погоди, подразню его! Молитвенникъ-то нашъ! въ какую рюху попалъ! подразню! не я буду, если не подразню!—шутила старушка.

Дѣйствительно, въ тотъ же день, за вечернимъ чаемъ, Арина Петровна въ присутствіи Евпраксеюшки подшучивала надъ Іудушкой.

— Смиренникъ-то нашъ! смотри, какую штуку удралъ! Ужъ и взаправду не вѣтромъ ли кралъ-то твоей надуло? Ну, братъ, удивилъ!

Іудушка сначала брезгливо пожимался при маменькиныхъ шуточкахъ, но, убѣдившись, что Арина Петровна говоритъ „по родственному", „всей душой" —и самъ мало-по-малу повеселѣлъ.

— Проказница вы, маменька! право, проказница!—шутилъ и онъ въ свою очередь; но впрочемъ, по своему обыкновенію, отнесся къ предмету семейнаго разговора уклончиво.

— Чего „проказница"! серьезно объ этомъ переговорить надо! Вѣдь это—какое дѣло-то! „Тайна" тутъ—вотъ я тебѣ что̀ скажу! Хоть и не настоящимъ манеромъ, а все-таки... Нѣтъ, надо очень да и какъ еще очень объ этомъ дѣлѣ поразмыслить! Ты какъ думаешь: здѣсь, что-ли, ей рожать велишь, или въ городъ повезешь?

— Не знаю я, маменька, ничего я, душенька, не знаю!—оправдался Порфирій Владимірычъ:—проказница вы! право, проказница!

— Ну, такъ постой же, сударка! Ужо̀ мы съ тобой на прохладѣ объ этомъ дѣлѣ потолкуемъ! И какъ, и что̀—все подробно опредѣлимъ! А то вѣдь эти мужчинки—имъ бы только прихоть свою исполнить, а потомъ отдувайся наша сестра за нихъ, какъ знаетъ!

Сдѣлавши свое открытіе, Арина Петровна почувствовала себя какъ рыба въ водѣ. Цѣлый вечеръ проговорила она съ Евпраксеюшкой и наговориться не могла. Даже щеки у нея разгорѣлись и глаза какъ-то по-юношески заблестѣли.

— Вѣдь это, сударка, какъ бы ты думала?—вѣдь это... божественное! —настаивала она:—потому что хоть и не тѣмъ порядкомъ, а все-таки настоящимъ манеромъ... Только ты у меня смотри! Ежели да подъ постный день — Боже тебя сохрани! и засѣку тебя! и со свѣту сгоню!

Призвали на совѣтъ и Улитушку. Сначала объ настоящемъ дѣлѣ поговорили, что̀ и ка́къ, не нужно ли промывательное поставить, или моренковой мазью животъ потереть, потомъ опять обратились къ излюбленной темѣ и начали по пальцамъ разсчитывать —и все выходило именно какъ разъ на постный день! Евпраксеюшка алѣла какъ маковъ цвѣтъ, но не отпѣкивалась, а ссылалась на подневольное свое положеніе.

— Мнѣ что жъ!—говорила она:—мое дѣло —какъ „они" хотятъ! Коли ежели барину прикажутъ—можетъ ли наша сестра противъ ихъ приказаньевъ идти!

— Ну, ну, тихоня! не лебези хвостомъ!—шутила Арина Петровна:—сама, чай...

Словомъ сказать, женщины занялись этимъ дѣломъ всласть. Арина Петровна цѣлый рядъ случаевъ изъ своего прошлаго вспо-

мнила и, разумѣется, не преминула повѣствовать объ нихъ. Сначала разсказывала про свои личныя беременности. Какъ она Стенькой-балбесомъ мучилась, какъ, будучи беременной Павломъ Владимірычемъ, ѣздила на перекладной въ Москву, чтобъ дубровинскаго аукціона не упустить, да потомъ изъ-за этого на тотъ свѣтъ чуть-чуть не отправилась, и т. д. и т. д. Всѣ роды были чѣмъ-нибудь замѣчательны; одни только достались легко — это были роды Іудушки.

— Просто даже вотъ ни на эстолько тягости не чувствовала! — говорила она: — сижу, бывало, и думаю: Господи! да неужто я тяжела! И какъ настало время, прилегла я этакъ на минуточку на кровать, и ужъ сама не знаю какъ — вдругъ разрѣшилась! Самый это легкій для меня сынъ былъ! Самый, самый легкій!

Потомъ начались разсказы про дворовыхъ дѣвокъ: сколькихъ она сама „заставала", сколькихъ выслѣживала при помощи довѣренныхъ лицъ, и преимущественно Улитушки. Старческая память съ изумительною отчетливостью хранила эти воспоминанія. Во всемъ ея прошломъ, сѣромъ, всецѣло поглощенномъ мелкимъ и крупнымъ скопидомствомъ, сослѣживаніе вожделѣющихъ дворовыхъ дѣвокъ было единственнымъ романическимъ элементомъ, затрогивавшимъ какую-то живую струну.

Это была своего рода беллетристика въ скучномъ журналѣ, въ которомъ читатель ожидаетъ встрѣтиться съ изслѣдованіями о сухихъ туманахъ и о мѣстѣ погребенія Овидія — и вдругъ, вмѣсто того, читаетъ: *Вотъ мчится тройка удалая...* Развязки нехитрыхъ романовъ дѣвичьей обыкновенно бывали очень строгія и даже безчеловѣчныя (виновную выдавали замужъ въ дальнюю деревню, непремѣнно за мужика-вдовца, съ большимъ семействомъ; виновнаго, разжаловывали въ скотники или отдавали въ солдаты); но воспоминанія объ этихъ развязкахъ какъ-то стерлись (память культурныхъ людей относительно прошлаго ихъ поведенія вообще снисходительна), а самый процессъ сослѣживанія „амурной интриги" такъ и мелькалъ до сихъ поръ передъ глазами, словно живой. Да и немудрено! этотъ процессъ, во времена оны, велся съ такимъ же захватывающимъ интересомъ, съ какимъ нынѣ читается фёльетонный романъ, въ которомъ авторъ, вмѣсто того, чтобъ сразу увѣнчать взаимное вожделѣніе героевъ, на самомъ патетическомъ мѣстѣ ставитъ точку и пишетъ: *продолженіе впредь.*

— Не мало я-таки съ ними мученьевъ приняла! —повѣствовала Арина Петровна.—Иная до послѣдней минуты перемогается, лебезить—все надѣется обмануть! Ну, да меня, голубушка, не перехитришь! я сама на этихъ дѣлахъ зубы съѣла!—прибавляла она почти сурово, словно грозясь кому-то.

Наконецъ слѣдовали разсказы изъ области беременностей, такъ сказать, политическихъ, относительно которыхъ Арина Петровна являлась уже не карательницей, а укрывательницей и потаковщицей.

Такъ напримѣръ, у папеньки Петра Иваныча, дряхлаго семидесятилѣтняго старика, тоже „сударка" была и тоже оказалась вдругъ съ прибылью, и нужно было, по высшимъ соображеніямъ, эту прибыль отъ старика утаить. А она, Арина Петровна, какъ на грѣхъ, была въ ту пору въ ссорѣ съ братцемъ Петромъ Петровичемъ, который, тоже ради какихъ-то политическихъ соображеній, беременность эту сослѣживалъ и хотѣлъ старику глаза насчетъ „сударки" открыть.

— И какъ бы ты думала! почти на глазахъ у папеньки мы всю эту механику выполнили! Снитъ, голубчикъ, у себя въ спаленкѣ, а мы рядышкомъ орудуемъ! Да шепоткомъ, да на цыпочкахъ! Сама я, собственными руками, и ротъ-то ей зажимала, чтобъ не кричала, и бѣлье-то собственными руками убирала, а сынка-то ея — прехорошенькій, здоровенькій такой родился!—и того, свела на извозчика, да въ воспитательный спровадила! Такъ что братецъ, какъ черезъ недѣлю узналъ, только ахнулъ: „ну, сестра!"

Была и еще политическая беременность: съ сестрицей Варварой Михайловной дѣло случилось. Мужъ у нея въ походъ подъ турка уѣхалъ, а она возьми да и не остерегись. Прискакала, какъ угорѣлая, въ Головлево: „спасай, сестра!"

— Ну, мы хоть въ то время въ контрахъ промежду себя были, однако я и виду ей не подала: честь честью ее приняла, утѣшила, успокоила, да подъ видомъ гощенья такъ это дѣло кругленько обдѣлала, что мужъ и въ могилу ушелъ—ничего не зналъ!

Такъ повѣствовала Арина Петровна, и, надо сказать правду, рѣдкій разсказчикъ находилъ себѣ такихъ внимательныхъ слушателей. Евпраксеюшка старалась не проронить слова, какъ будто бы передъ ней проходили во-очію перипетіи какой-то удивительной волшебной сказки; что же касается до Улитушки, то она, какъ со-

участница бо́льшей части разсказываемаго, только углами губъ причмокивала.

Улитушка тоже расцвѣла и отдохнула. Тревожная была ея жизнь. Съ юныхъ лѣтъ сгорала она холопскимъ честолюбіемъ и во снѣ и наяву бредила, какъ бы господамъ послужить, да надъ своимъ братомъ покомандовать, и все неудачно. Только-что занесетъ, бывало, ногу на ступеньку повыше, анъ ее оттуда словно невидимая сила какая шарахнетъ и опять втопчетъ въ самую преисподнюю. Всѣми качествами полезной барской слуги обладала она въ совершенствѣ: была ехидна, злоязычна и всегда готова на всякое предательство, но въ то же время страдала какою-то неудержимою наивностью, которая всю ея ехидность обращала въ ничто. Въ былое время Арина Петровна охотно пользовалась ея услугой, когда нужно было секретное разслѣдованіе по дѣвичьей сдѣлать или вообще сомнительное дѣло какое-нибудь округлить, но никогда не цѣнила ея заслуги и не допускала ни до какой солидной должности. Вслѣдствіе этого Улитка и жаловалась, и языкомъ язвила; но на жалобы ея не обращалось вниманія, потому что всѣмъ было вѣдомо, что Улитка — дѣвка злая, сейчасъ себя въ преисподнюю проклянетъ, а черезъ минуту — помани ее только пальцемъ — опять прибѣжитъ, станетъ на заднихъ лапкахъ служить. Такъ и промыкалась она, куда-то все выбиваясь и никогда ничего не усиѣвая достигнуть, до тѣхъ поръ, пока исчезновеніе крѣпостного права окончательно не положило предѣла ея холопскому честолюбію.

Въ молодости ея былъ даже случай, который подавалъ ей надежды очень серьезныя. Въ одну изъ своихъ побывокъ въ Головлевѣ Порфирій Владимірычъ свелъ съ ней связь и даже, какъ гласило головлевское преданіе, имѣлъ отъ нея ребенка, за что и состоялъ долгое время подъ гнѣвомъ у маменьки Арины Петровны. Поддерживалась ли эта связь впослѣдствіи, при дальнѣйшихъ наѣздахъ Іудушки въ отчій домъ — неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ, когда Порфирій Владимірычъ собрался въ Головлево совсѣмъ на жительство, мечтаніямъ Улитушки пришлось рухнуть самымъ обиднымъ образомъ. Немедленно по пріѣздѣ Іудушки она кинулась къ нему съ цѣлымъ ворохомъ сплетенъ, въ которыхъ Арина Петровна обвинялась чуть не въ мошенничествѣ; но „баринъ“ сплетни выслушалъ благосклонно, а на Улитку взглянулъ все-таки холодно и прежней ея „заслуги“

ее поломнилъ. Обманутая въ разсчетахъ и обиженная, Улитушка перекинулась въ Дубровино, гдѣ братецъ Павелъ Владимірычъ, изъ ненависти къ брату Порфирію Владимірычу, охотно принялъ ее и даже сдѣлалъ экономкою. Тутъ ея фонды какъ будто поправились. Павелъ Владимірычъ сидѣлъ на антресоляхъ и вышивалъ рюмку за рюмкой, а она съ утра до вечера бойко бѣгала по кладовымъ и погребамъ, гремѣла ключами, громко язычничала и даже завела какіе-то контры съ Ариной Петровной, которую чуть не сжила со свѣту.

Но Улитушка слишкомъ любила всякія предательства, чтобы въ тишинѣ пользоваться выпавшимъ на ея долю хорошимъ житьемъ. Это было то самое время, когда Павелъ Владимірычъ исшивалъ уже настолько, что можно было съ извѣстными надеждами относиться къ исходу этого непробуднаго пьянства. Порфирій Владимірычъ понялъ, что въ такомъ положеніи дѣла Улитушка представляетъ неоцѣненный кладъ — и вновь поманилъ ее пальцемъ. Ей было дано изъ Головлева приказаніе—не отходить ни на шагъ отъ облюбованной жертвы, ни въ чемъ ей не противорѣчить, даже въ ненависти къ брату Порфирію Владимірычу, а только всѣми мѣрами устранять вмѣшательство Арины Петровны. Это было одно изъ тѣхъ родственныхъ злодѣйствъ, на которыя Іудушка не то чтобъ рѣшился по зрѣломъ размышленіи, а какъ-то само собой продѣлывалъ, какъ самую обыкновенную затѣю. Излишне было бы говорить, что Улитушка выполнила порученіе въ точности. Павелъ Владимірычъ не переставалъ ненавидѣть брата, но чѣмъ больше онъ ненавидѣлъ, тѣмъ больше пилъ и тѣмъ меньше становился способенъ выслушивать какія-либо замѣчанія Арины Петровны насчетъ „распоряженія". Каждое движеніе умирающаго, каждое слово немедленно дѣлались извѣстными въ Головлевѣ, такъ что Іудушка могъ съ полнымъ знаніемъ дѣла опредѣлить минуту, когда ему слѣдуетъ выйти изъ-за кулисъ и появиться на сцену настоящимъ господиномъ созданнаго имъ положенія. И онъ воспользовался этимъ, то-есть нагрянулъ въ Дубровино именно тогда, когда оно, такъ сказать, само отдалось ему въ руки.

За эту услугу Порфирій Владимірычъ подарилъ Улитушкѣ шерстяной матеріи на платье, но до себя, все-таки, не допустилъ. Опять шарахнулась Улитушка съ высоты величія въ преисподнюю, и на этотъ разъ, казалось, такъ, что ужъ никто на свѣтѣ ее никогда не поманитъ пальцемъ.

Въ видѣ особенной милости за то, что она „за братцемъ въ послѣднія минуты ходила", Іудушка отдѣлилъ ей уголъ въ избѣ, гдѣ вообще ютились оставшіеся, по упраздненіи крѣпостного права, заслуженные дворовые. Тамъ Улитушка окончательно смирилась, такъ что когда Порфирій Владимірычъ облюбовалъ Евпраксеюшку, то она не только не выказала никакой строптивости, но даже первая пришла къ „бариновой ударѣ" на поклонъ и поцѣловала ее въ плечико.

И вдругъ, въ ту минуту, когда она уже сама сознавала себя забытою и заброшенною — ей опять посчастливилось: Евпраксеюшка забеременѣла. Вспомнили, что гдѣ-то въ людской избѣ ютится „золотой человѣкъ" и поманили его пальцемъ. Правда, не самъ „баринъ" поманилъ, но и того ужъ достаточно, что онъ не попрепятствовалъ. Улитушка ознаменовала свое вступленіе въ господскій домъ тѣмъ, что взяла у Евпраксеюшки изъ рукъ самоваръ и съ форсомъ и нѣсколько избочась принесла его въ столовую, гдѣ въ то время сидѣлъ и Порфирій Владимірычъ. И „баринъ" — не сказалъ ни слова. Ей показалось, что онъ даже улыбнулся, когда въ другой разъ, съ тѣмъ же самоваромъ въ рукахъ, она встрѣтила его въ коридорѣ и еще издали закричала:

— Баринъ, посторонись—ожгу!

Призванная Ариной Петровной на семейный совѣтъ, Улитушка нѣкоторое время кобянилась и не хотѣла сѣсть. Но когда Арина Петровна ласково на нее прикрикнула:

— Садись-ко! садись! нечего штуки-фигуры выкидывать! Царь всѣхъ насъ ровными сдѣлалъ — садись! — то и она сѣла, сначала смиренёхонько, а потомъ и языкъ распустила.

Эта женщина тоже приномнила. Много всякаго гною скопилось въ ея памяти изъ прежней крѣпостной практики. Независимо отъ выполненія деликатныхъ порученій по предмету сосѣживанія дѣвичьихъ вожделѣній, Улитушка состояла въ головлевскомъ домѣ въ качествѣ аптекарши и лекарки. Сколько она поставила въ своей жизни горчичниковъ, рожковъ и въ особенности клистировъ! Ставила она клистиры и старому барину Владиміру Михайлычу, и старой барынѣ Аринѣ Петровнѣ, и молодымъ барчукамъ всѣмъ до единаго — и сохранила объ этомъ самыя благодарныя воспоминанія. И вотъ теперь для этихъ воспоминаній представилось почти неоглядное поле...

Головлевскій домъ какъ-то таинственно оживился. Арина Пет-

ровна то-и-дѣло наѣзжала изъ Погорѣлки къ „доброму сыну". И подъ ея надзоромъ дѣятельно шли приготовленія, которымъ покуда не давалось еще названія. Послѣ вечерняго чая всѣ три женщины забирались въ Евпраксеюшкину комнату, лакомились домашнимъ вареньемъ, играли въ дураки и до позднихъ нѣтуховъ предавались воспоминаніямъ, отъ которыхъ „сударка" по временамъ шибко алѣла. Всякій самый ничтожный случай служилъ поводомъ къ новымъ и новымъ разсказамъ. Подастъ Евпраксеюшка вареньица малиноваго —Арина Петровна разскажетъ, какъ она, будучи беременна дочкой Сонькой, даже запаху малины выносить не могла.

— Только въ домъ принесутъ—я ужъ и слышу, что ее принесли! Такъ вотъ благимъ матомъ и кричу: вонъ! вонъ ее, проклятую, несите! А послѣ, какъ выпросталась—и опять ничего! и опять полюбила!

Принесетъ Евпраксеюшка икорки закусить—Арина Петровна и насчетъ икорки случай вспомнитъ.

— А вотъ съ икоркой у меня случай былъ—такъ именно диковинный! Въ ту пору я—съ мѣсяцъ ли, съ два ли я только-что замужъ вышла—и вдругъ такъ ли мнѣ этой икры захотѣлось, вынь да положь! Заберусь это, бывало, потихоньку въ кладовую и все ѣмъ, все ѣмъ! Только и говорю я своему благовѣрному: что, молъ, это, Владиміръ Михайлычъ, значитъ, что я все икру ѣмъ? А онъ этакъ улыбнулся и говоритъ: „да вѣдь ты, мой другъ, тяжела!" И точно, ровно черезъ девять мѣсяцевъ послѣ того я и выпросталась, Степку-балбеса родила!

Порфирій Владимірычъ между тѣмъ продолжалъ съ прежнею загадочностью относиться къ беременности Евпраксеюшки и даже ни разу не высказался опредѣленно относительно своей прикосновенности къ этому дѣлу. Весьма естественно, что это стѣснило женщинъ, мѣшало ихъ изліяніямъ, и потому Іудушку почти совсѣмъ обросили и безъ церемоніи гнали вонъ, когда онъ заходилъ вечеромъ на огонекъ въ Евпраксеюшкину комнату.

— Ступай-ка, ступай, молодецъ!—весело говорила Арина Петровна:—ты свое дѣло сдѣлалъ: теперь наше, женское дѣло наступило! На нашей улицѣ праздникъ!

Іудушка смиренно удалялся, и хотя при этомъ не упускалъ случая понѣнять доброму другу маменькѣ, что она сдѣлалась къ нему

немилостива, но въ глубинѣ души былъ очень доволенъ, что его не тревожатъ, и что Арина Петровна приняла горячее участіе въ затруднительномъ для него обстоятельствѣ. Еслибъ этого участія не было—Богъ знаетъ, что бы ему пришлось предпринять, чтобы смять это накостное дѣло, при одномъ воспоминаніи о которомъ онъ ёжился и отплевывался. А теперь, благодаря опытности Арины Петровны и ловкости Улитушки, онъ надѣялся, что „бѣда" пройдетъ безъ огласки, и что ему самому, быть можетъ, придется узнать о результатѣ ея, когда уже все совсѣмъ будетъ кончено.

Разсчеты Порфирія Владимірыча, однакожъ, не оправдались. Сначала случилась катастрофа съ Петенькой, а невдолгѣ за нею послѣдовала и смерть Арины Петровны. Приходилось расплачиваться самолично, и притомъ безъ всякой надежды на какую-нибудь наскудную комбинацію. Нельзя было отослать Евпраксеюшку, яко ненотребную, къ роднымъ, потому что, благодаря вмѣшательству Арины Петровны, дѣло зашло слишкомъ далеко и было у всѣхъ на знати. На усердіе Улитушки тоже надежда была плоха, потому что хоть она и ловкая дѣвка, но ежели ей довѣриться, то, пожалуй, и отъ судебнаго слѣдователя потомъ не убережешься. Въ первый разъ въ жизни Іудушка серьезно и искренно возроптал на свое одиночество, въ первый разъ смутно понялъ, что окружающіе люди—не просто нѣшки, годныя только на то, чтобъ морочить ихъ.

— И что бы ей стоило крошечку погодить!—сѣтовалъ онъ втихомолку на милаго друга маменьку:—устроила бы все какъ слѣдуетъ, умнёхонько да смиренёхонько—и Христосъ бы съ ней! Пришло время умирать—дѣлать нечего! жалко старушку, да коли такъ Богу угодно, и слезы наши, и доктора, и лекарства наши, и мы всѣ—все противъ воли Божіей безсильно! Пожила старушка, попользовалась! И сама барыней вѣкъ прожила, и дѣтей господами оставила! Пожила и будетъ!

И по обыкновенію суетливая его мысль, не любившая задерживаться на предметѣ, представляющемъ какія-нибудь практическія затрудненія, сейчасъ же перекидывалась въ сторону, къ предмету болѣе легкому, по поводу котораго можно было празднословить безсрочно и безпрепятственно.

— И какъ вѣдь скончалась-то, именно только праведники такой кончины удостоиваются!—лгалъ онъ самому себѣ, самъ впрочемъ не понимая, лжетъ онъ или говоритъ правду:—безъ болѣзни, безъ смуты... такъ! Вздохнула—смотримъ, а ея ужъ и нѣтъ! Ахъ, маменька, маменька! И улыбочка на лицѣ, и румянчикъ... И ручка сложена, какъ будто благословить хочетъ, и глазки закрыла... адьё!

И вдругъ, въ самомъ разгарѣ жалостливыхъ словъ, онъ словно кольнетъ его. Онъ эта накость... тьфу! тьфу! тьфу! Ну, что бы стоило маменькѣ крошечку повременить! И всего-то съ мѣсяцъ, а можетъ быть и меньше осталось—такъ вотъ на-поди!

Нѣкоторое время пробовалъ-было онъ и на вопросы Улитушки такъ же отнѣкиваться, какъ отнѣкивался передъ милымъ другомъ маменькой: „не знаю! ничего я не знаю!“ Но къ Улитушкѣ, какъ бабѣ наглой и притомъ же почувствовавшей свою силу, не такъ-то легко было подойти съ подобными пріемами.

— Я, что-ли, знаю! я, что-ли, кузовъ-то строила!—на первыхъ же порахъ обрѣзала она его, такъ что онъ понялъ, что отнынѣ разсчеты на счастливое соединеніе роли прелюбодѣя съ ролью стороннягo наблюдателя результатовъ собственнаго прелюбодѣянія окончательно рухнули для него.

Бѣда надвигалась все ближе и ближе, бѣда неминучая, почти осязаемая! Она преслѣдовала его ежеминутно и—что всего хуже—парализовала его пустомысліе. Онъ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобъ смять представленіе объ ней, утопить его въ потокѣ праздныхъ словъ, но это удавалось ему только отчасти. Пробовалъ онъ какъ-нибудь спрятаться за непререкаемостью законовъ высшаго произволенія, и по обыкновенію дѣлалъ изъ этой темы цѣлый клубокъ, который безконечно разматывалъ, приплетая сюда и притчу о волосѣ, съ человѣческой головы не падающемъ, и легенду о зданіи, на пескѣ строимомъ; но въ ту самую минуту, когда праздныя мысли безпрепятственно скатывались одна за другой въ какую-то загадочную бездну, когда безконечное разматываніе клубка ужъ казалось вполнѣ обезпеченнымъ—вдругъ, словно изъ-за угла, врывалось одно слово и сразу обрывало нитку. Увы! это слово было: „прелюбодѣяніе“ и обозначало такое дѣйствіе, въ которомъ Іудушка и передъ самимъ собой сознаться не хотѣлъ.

И вотъ, когда, послѣ тщетныхъ попытокъ забыть и убить, дѣ-

лалось наконецъ яснымъ, что онъ поймалъ—на него нападала тоска. Онъ принимался ходить по комнатѣ, ни объ чемъ не думая, а только ощущая, что внутри у него сосетъ и дрожитъ.

Это была совѣмъ новая узда, которую въ первый разъ въ жизни узнало его праздномыслiе. До сихъ поръ, въ какую бы сторону ни шла его пустопорожняя фантазiя, повсюду она встрѣчала лишенное границъ пространство, на протяженiи котораго складывались всевозможныя комбинацiи. Даже погибель Володьки, Петьки, даже смерть Арины Петровны не затрудняли его праздномыслiя. Это были факты обыкновенные, общепризнанные, для оцѣнки которыхъ существовала и обстановка общепризнанная, искони обусловленная. Панихиды, сорокоусты, поминальные обѣды и проч.—все это онъ, по обычаю, отбылъ какъ слѣдуетъ и всѣмъ этимъ, такъ сказать, оправдалъ себя и передъ людьми, и передъ Провидѣнiемъ. Но прелюбодѣянiе... это что же такое? Вѣдь это—обличенiе цѣлой жизни, это—обнаруженiе ея внутренней лжи! Хотя и прежде его разумѣли клеузникомъ, положимъ даже—„кровопивцемъ", но во всей этой людской молвѣ было такъ мало юридической подкладки, что онъ могъ съ полнымъ основанiемъ возразить: докажи! И вдругъ теперь... прелюбодѣй! Прелюбодѣй уличенный, несомнѣнный (онъ даже *мзды* никакихъ, по милости Арины Петровны („ахъ, маменька! маменька!"), не принялъ, даже солгать не успѣлъ), да еще и „подъ постный день"... тьфу! тьфу! тьфу!

Въ этихъ внутреннихъ собесѣдованiяхъ съ самимъ собою, какъ ни запутано было ихъ содержанiе, замѣчалось даже что-то похожее на пробужденiе совѣсти. Но представлялся вопросъ: пойдетъ ли Iудушка дальше по этому пути, или же пустомыслiе и тутъ сослужитъ ему обычную службу и представитъ новую лазейку, благодаря которой онъ, какъ и всегда, успѣетъ выйти сухимъ изъ воды!

Покуда Iудушка изнывалъ такимъ образомъ подъ бременемъ пустоутробiя, въ Евпраксеюшкѣ мало-по-малу совершался совѣмъ неожиданный внутренній переворотъ. Ожиданiе материнства, повидимому, разрѣшило умственныя узы, связывавшiя ее. До сихъ поръ она ко всему относилась безучастно, а на Порфирiя Владимiрыча смотрѣла какъ на „барина", къ которому у нея существовали подневольныя отношенiя. Теперь она впервые что-то поняла, нѣчто въ родѣ того, что у нея свое дѣло есть, въ которомъ она—„сама боль-

ная". и гдѣ помыкать ею безвозбранно нельзя. Вслѣдствіе этого даже выраженіе ея лица, обыкновенно тупое и нескладное, какъ-то осмыслилось и засвѣтилось.

Смерть Арины Петровны была первымъ фактомъ въ ея полубезсознательной жизни, который подѣйствовалъ на нее отрезвляющимъ образомъ. Какъ ни своеобразны были отношенія старой барыни къ предстоящему материнству Евпраксеюшки, но все-таки въ нихъ просвѣчивало несомнѣнное участіе, а не одна паскудно-гадливая уклончивость, которая встрѣчалась со стороны Іудушки. Поэтому Евпраксеюшка начала видѣть въ Аринѣ Петровнѣ что-то въ родѣ застуны, какъ бы подозрѣвая, что впереди готовится на нее какое-то нападеніе. Предчувствіе этого нападенія преслѣдовало ее тѣмъ упорнѣе, что оно не было освѣщено сознаніемъ, а только наполняло все ея существо постоянною тоскливою смутой. Мысль была недостаточно сильна, чтобъ указать прямо, откуда придетъ нападеніе и въ чемъ оно будетъ состоять; но инстинкты уже были настолько взбудоражены, что при видѣ Іудушки чувствовался безотчетный страхъ. „Да, оно придетъ оттуда!—отзывалось во всѣхъ сердечныхъ ея тайникахъ:—оттуда, изъ этого наполненнаго прахомъ гроба, къ которому она досель была приставлена, какъ простая наймитка, и который какимъ-то чудомъ сдѣлался отцомъ и властелиномъ *ея* ребенка! Чувство, которое пробуждалось въ ней при этой послѣдней мысли, было похоже на ненависть и даже непремѣнно перешло бы въ ненависть, еслибъ не находило для себя отвлеченія въ участіи Арины Петровны, которая добродушной своей болтовней не давала ей времени задуматься.

Но вотъ Арина Петровна сначала удалилась въ Погорѣлку, а наконецъ и совсѣмъ угасла. Евпраксеюшкѣ сдѣлалось совсѣмъ жутко. Тишина, въ которую погрузился головлевскій домъ, нарушалась только шуршаньемъ, возвѣщавшимъ, что Іудушка, крадучись и подобравши полы халата, бродитъ по коридору и подслушиваетъ у дверей. Изрѣдка кто-нибудь изъ челядницевъ набѣжитъ со двора, хлопнетъ дверью въ дѣвичьей, и опять изо всѣхъ угловъ такъ и ползетъ тишина. Тишина мертвая, наполняющая существо суевѣрною, садящею тоской. А такъ какъ Евпраксеюшка въ это время была уже на сносяхъ, то для нея не существовало даже рессурса хозяйственныхъ хлопотъ, которыя въ былое время настолько утомляли ее физически, что она къ вечеру ходила уже какъ сонная. Пробовала-было она при-

ласкаться къ Порфирію Владимірычу, но попытки эти каждый разъ вызывали краткія, но злобныя сцены, которыя даже на ея неразвитую натуру дѣйствовали мучительно. Поэтому приходилось сидѣть сложа руки и думать, то-есть тревожиться. А поводы для тревоги съ каждымъ днемъ становились больше и больше, потому что смерть Арины Петровны развязала руки Улитушкѣ и ввела въ головлевскій домъ новый элементъ сплетень, сдѣлавшихся отнынѣ единственнымъ живымъ дѣломъ, на которомъ отдыхала душа Іудушки.

Улитушка поняла, что Порфирій Владимірычъ труситъ и что въ этой пустоутробной и изолгавшейся натурѣ трусость очень близко граничитъ съ ненавистью. Сверхъ того она отлично знала, что Порфирій Владимірычъ неспособенъ не только на привязанность, но даже и на простое жалѣнье; что онъ держитъ Евпраксеюшку лишь потому, что, благодаря ей, домашній обиходъ идетъ, не сбиваясь съ однажды намѣченной колеи. Заручившись этими несложными данными, Улитушка имѣла полную возможность ежеминутно питать и лелѣять то чувство ненависти, которое закипало въ душѣ Іудушки каждый разъ, когда что-нибудь напоминало ему о предстоящей „бѣдѣ".

Въ скоромъ времени цѣлая сѣть сплетенъ опутала Евпраксеюшку со всѣхъ сторонъ. Улитушка то-и-дѣло „докладывала" барину. То придетъ, пожалуется на безразсудное распоряженіе домашнею провизіей.

— Чтой-то, баринъ, какъ у васъ добра много выходитъ! Давеча пошла я на погребъ за солониной: думаю: давно ли другую кадку зачали — смотрю, анъ ее тамъ куска съ два ли, съ три ли на донышкѣ лежитъ!

— Неужто?—уставлялся въ нее глазами Іудушка.

— Кабы не сама своими глазами видѣла — не повѣрила бы! даже удивительно, куда этакая прорва идетъ! Масла, крупъ, огурцовъ—всего! У другихъ господъ кашу-то людямъ съ гусинымъ жиромъ даютъ—таковскіе!—а у насъ—все съ масломъ, да все съ чухонскимъ!

— Неужто?—почти испугался Порфирій Владимірычъ.

То придетъ и невзначай о барскомъ бѣльѣ доложитъ.

— Вы бы, барынушка, остановили Евпраксеюшку-то. Конечно, дѣло ея дѣвичье, непривычное, а вотъ хоть бы насчетъ бѣлья...

Цѣлые вороха она этого бѣлья извела на простыни да на пелёнки, а бѣлье-то все тонкое!

Порфирій Владимірычъ только сверкнетъ глазами въ отвѣтъ, но вся его пустая утроба такъ и повернется при этихъ словахъ.

— Извѣстно, младенца своего жалѣетъ!—продолжаетъ Улитушка медоточивымъ голосомъ:—думаетъ, и ни вѣсть что случилось... прынецъ народится! А между прочимъ могъ бы онъ, младенецъ-то, и на посконныхъ простынькахъ уснуть... въ ихнемъ званіи!

Иногда она даже попросту поддразнивала Іудушку.

— А что и васъ хотѣла, барынушка, спросить,—начинала она:—какъ вы насчетъ младенца-то располагаете? сынкомъ, что-ли, своимъ его сдѣлаете, или, по примѣру прочихъ, въ воспитательный?..

Но Порфирій Владимірычъ въ самомъ началѣ прерывалъ вопросъ такимъ мрачнымъ взглядомъ, что Улитушка умолкала.

И вотъ, посреди закипавшей со всѣхъ сторонъ ненависти, все ближе и ближе надвигалась минута, когда появленіе на свѣтъ крошечнаго, плачущаго „раба божія" должно было разрѣшить чѣмъ-нибудь царствовавшую въ головлевскомъ домѣ нравственную сумятицу и въ то же время увеличить собой число прочихъ плачущихъ „рабовъ божіихъ", населяющихъ вселенную.

Седьмой часъ вечера. Порфирій Владимірычъ успѣлъ уже выспаться послѣ обѣда и сидитъ у себя въ кабинетѣ, исписывая цифирными выкладками листы бумаги. На этотъ разъ его занимаетъ вопросъ: сколько было бы у него теперь денегъ, если-бъ маменька Арина Петровна подаренные ему при рожденіи дѣдушкой Петромъ Иванычемъ, на зубокъ, сто рублей ассигнаціями не присвоила себѣ, а положила бы вкладомъ въ ломбардъ на имя малолѣтняго Порфирія? Выходитъ, однако, немного: всего восемьсотъ рублей ассигнаціями.

— Положимъ, что капиталъ и небольшой,—праздномыслитъ Іудушка:—а все-таки хорошо, когда знаешь, что про черный день есть. Занадобилось—и взялъ. Ни у кого не попросилъ, никому не поклонился—самъ взялъ, свое, кровное, дѣдушкой подаренное! Ахъ, маменька! маменька! и какъ это вы, другъ мой, такъ, очертя голову, дѣйствовали!

Увы, Порфирій Владимірычъ уже успокоился отъ тревогъ, которыя еще такъ недавно парализовали его праздномысліе. Своеобразные проблески совѣсти, пробужденные затрудненіями, въ которыя его

поставили беременность Евпраксеюшки и нежданная смерть Арины Петровны, мало-по-малу затихли. Пустомыслiе сослужило и тутъ свою обычную службу, и Iудушкѣ, въ концѣ концовъ, удалось-таки, съ помощью немовѣрныхъ усилiй, утопить представленiе о „обѣдѣ" въ безднѣ праздныхъ словъ. Нельзя сказать, чтобъ онъ сознательно на что-нибудь рѣшился, но какъ-то само собой вдругъ вспомнилась старая излюбленная формула: „ничего я не знаю! ничего я не позволяю и ничего не разрѣшаю!" — къ которой онъ всегда прибѣгалъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и очень скоро положила конецъ внутренней сумятицѣ, временно взволновавшей его. Теперь онъ уже смотрѣлъ на предстоящiе роды какъ на дѣло, до него не относящееся, а потому и самому лицу своему постарался сообщить выраженiе безстрастное и непроницаемое. Онъ почти игнорировалъ Евпраксеюшку и даже не называлъ ее по имени, а ежели случалось иногда спросить объ ней, то выражался такъ: „а что *та*... все еще больна?" Словомъ сказать, оказался настолько сильнымъ, что даже Улитушка, которая въ школѣ крѣпостного права довольно-таки понаторѣла въ наукѣ сердцевѣдѣнiя, поняла, что бороться съ такимъ человѣкомъ, который на все согласенъ — совершенно нельзя.

Головлевскiй домъ погруженъ въ тьму; только въ кабинетѣ у барина да еще въ дальней боковушкѣ у Евпраксеюшки мерцаетъ свѣтъ. На Iудушкиной половинѣ царствуетъ тишина, прерываемая щелканьемъ на счетахъ да шурханьемъ карандаша, которымъ Порфирiй Владимiрычъ дѣлаетъ на бумагѣ цифирныя выкладки. И вдругъ, среди общаго безмолвiя, въ кабинетъ врывается отдаленный, но раздирающiй стонъ. Iудушка вздрагиваетъ: губы его моментально трясутся; карандашъ дѣлаетъ неподлежащiй штрихъ.

— Сто-двадцать-одинъ рубль да двѣнадцать рублей десять копѣекъ...— шепчетъ Порфирiй Владимiрычъ, усиливаясь заглушить непрiятное впечатлѣнiе, произведенное стономъ.

Но стоны повторяются чаще и чаще и дѣлаются наконецъ безпокойными. Работа становится настолько неудобною, что Iудушка оставляетъ письменный столъ. Сначала онъ ходитъ по комнатѣ, стараясь не слышать; но любопытство мало-по-малу беретъ верхъ надъ пустоутробiемъ. Потихоньку прiотворяетъ онъ дверь кабинета, просовываетъ голову въ тьму сосѣдней комнаты и въ выжидательной позѣ прислушивается.

— Ахти! никакъ и лампадку передъ иконой „Утоли моя печали" засвѣтить позабыли!—мелькаетъ у него въ головѣ.

Но вотъ послышались въ корридорѣ чьи-то ускоренные, тревожные шаги. Порфирій Владимірычъ поспѣшно юркнулъ головой опять въ кабинетъ, осторожно притворилъ дверь и на цыпочкахъ рысцой подошелъ къ образу. Черезъ секунду онъ уже былъ „при всей формѣ", такъ что когда дверь распахнулась и Улитушка вбѣжала въ комнату, то она застала его стоящимъ на молитвѣ со сложенными руками.

— Какъ бы Евпраксеюшка-то у насъ Богу душу не отдала!— сказала Улитушка, не побоявшись нарушить молитвенное стояніе Іудушки.

Но Порфирій Владимірычъ даже не обернулся къ ней, а только поспѣшивъ обыкновеннаго зашевелилъ губами и вмѣсто отвѣта помахалъ одной рукой въ воздухѣ, словно отмахиваясь отъ назойливой мухи.

— Что руково-то дрыгаете! плоха, говорю, Евпраксеюшка.— того гляди помретъ!—грубо настаивала Улитушка.

На сей разъ Іудушка обернулся, но лицо у него было такое спокойное, елейное, какъ будто онъ только-что, въ созерцаніи божества, отложилъ всякое житейское попеченіе и даже не понимаетъ, по какому случаю могутъ тревожить его.

— Хоть и грѣхъ по молитвѣ бранить, но, какъ человѣкъ, не могу не понять: сколько разъ я просилъ не тревожить меня, когда я на молитвѣ стою!—сказалъ онъ приличествующимъ молитвенному настроенію голосомъ, позволивъ себѣ, однако, покачать головой въ знакъ христіанской укоризны:—ну, что еще такое у васъ тамъ?

— Чему больше быть: Евпраксеюшка мучится, разродиться не можетъ! точно въ первый разъ слышите... ахъ, вы! хоть бы взглянули!

— Что же смотрѣть! докторъ я, что-ли! совѣтъ, что-ли, дать могу? Да и не знаю я, никакихъ я вашихъ дѣлъ не знаю! Знаю, что въ домѣ больная есть, а чѣмъ больна и отчего больна—объ этомъ и узнавать, признаться, не любопытствовалъ! Вотъ за батюшкой послать, коли больная трудна—это я присовѣтовать могу! Поѣдите за батюшкой, вмѣстѣ помолитесь, лампадочки у образовъ засвѣтите... а послѣ мы съ батюшкой чайку попьемъ!

Порфирій Владимірычъ былъ очень доволенъ, что онъ въ эту

рѣшительную минуту такъ категорически выразился. Онъ смотрѣлъ на Улитушку свѣтло и увѣренно, словно говорилъ: а нутка, опровергни теперь меня! Даже Улитушка не нашлась въ виду этого благодушія.

Пришли бы! взглянули бы! — повторила она въ другой разъ.

— Не приду, потому что ходить незачѣмъ. Кабы за дѣломъ, я бы и безъ зова твоего пошелъ. За пять верстъ нужно по дѣлу идти — за пять верстъ пойду; за десять верстъ нужно — и за десять верстъ пойду! И морозецъ на дворѣ, и мятелица, а я все иду да иду! Потому знаю: дѣло есть, нельзя не идти!

Улитушкѣ думалось, что она спитъ, и въ сонномъ видѣніи самъ сатана предсталъ передъ нею и разглагольствуетъ.

— Вотъ за попомъ послать, это — такъ. Это дѣльно будетъ. Молитва — ты знаешь ли, что̀ объ молитвѣ-то въ писаніи сказано? Молитва — *недуящихъ исцѣленіе* — вотъ что̀ сказано! Такъ ты такъ и распорядись! Пошлите за батюшкой, помолитесь вмѣстѣ... и я въ это же время помолюсь! Вы тамъ, въ образной, помолитесь, а я здѣсь, у себя, въ кабинетѣ, у Бога милости попрошу... Общими силами: вы тамъ, я тутъ — смотришь, анъ молитва-то и дошла!

Послали за батюшкой, но прежде, нежели онъ успѣлъ придти, Евпраксеюшка, въ терзаніяхъ и мукахъ, ужъ разрѣшилась. Порфирій Владимірычъ могъ догадаться по обготовѣ и хлопанью дверьми, которыя вдругъ подялись въ сторонѣ дѣвичьей, что случилось что-нибудь рѣшительное. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ въ корридорѣ вновь послышались торопливые шаги, и вслѣдъ затѣмъ въ кабинетъ на всѣхъ парусахъ влетѣла Улитушка, держа въ рукахъ крохотное существо, завернутое въ бѣлье.

— Натко-те! Поглядитко-те! — возгласила она торжественнымъ голосомъ, подносяя ребенка къ самому лицу Порфирія Владимірыча.

Іудушку на мгновеніе словно бы поколебало: даже корпусъ его пошатнулся впередъ, и въ глазахъ блеснула какая-то искорка. Но это было именно только на одно мгновеніе, потому что вслѣдъ затѣмъ онъ уже брезгливо отвернулъ свое лицо отъ младенца и обѣими руками замахалъ въ его сторону.

— Нѣтъ, нѣтъ! боюсь я ихъ... не люблю! ступай... ступай! — лепеталъ онъ, выражая всѣмъ лицомъ своимъ безконечную гадливость.

— „Да вы хоть бы спросили: мальчикъ или дѣвочка!—увѣщевала его Улитушка.

— Нѣтъ, нѣтъ... и незачѣмъ... и не мое это дѣло! Ваши это дѣла, а я не знаю... Ничего я не знаю, и знать мнѣ не нужно... Уйди отъ меня, ради Христа! уйди!

Опять сонное видѣніе, и опять сатана... Улитушку даже взорвало

— А вотъ я возьму да на диванъ вамъ и брошу... няньчитесь съ нимъ!—пригрозила она.

Но Іудушка былъ не такой человѣкъ, котораго можно было пронять. Въ то время, когда Улитушка произносила свою угрозу, онъ уже повернулся лицомъ къ образамъ и скромно воздѣвалъ руками. Очевидно, онъ просилъ Бога простить всѣмъ: и тѣмъ, „иже вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ", и тѣмъ, „иже словомъ, или дѣломъ, или помышленіемъ", а за себя благодарилъ, что онъ—не тать, и не мздоимецъ, и не прелюбодѣй, и что Богъ, по милости своей, укрѣпилъ его на стезѣ праведныхъ. Даже носъ у него вздрагивалъ отъ умиленія, такъ что Улитушка, наблюдавшая за нимъ, плюнула и ушла.

— Вотъ одного Володьку Богъ взялъ—другого Володьку далъ! —какъ-то совсѣмъ некстати сорвалось у него съ мысли; но онъ тотчасъ же подмѣтилъ эту неожиданную игру ума и мысленно проговорилъ:—тьфу! тьфу! тьфу!

Пришелъ и батюшка, попѣлъ и покадилъ. Іудушка слышалъ, какъ дьячокъ тянулъ: „Заступница усердная!" и самъ разохотился —подтянулъ дьячку. Опять прибѣжала Улитушка, крикнула въ дверь:

— Володимеромъ назвали!

Странное совпаденіе этого обстоятельства съ недавнею аберраціей мысли, тоже напоминавшей о погибшемъ Володькѣ, умилило Іудушку. Онъ увидѣлъ въ этомъ Божеское произволеніе и, на этотъ разъ уже не отлевываясь, сказалъ самому себѣ:

— Вотъ и славу Богу! одного Володьку Богъ взялъ, другого — далъ! Вотъ оно, Богъ-то! Въ одномъ мѣстѣ теряешь, думаешь, что и не найдешь—анъ Богъ-то возьметъ да въ другомъ мѣстѣ сторицей вознаградитъ!

Наконецъ доложили, что самоваръ поданъ и батюшка ожидаетъ въ столовой. Порфирій Владимірычъ окончательно стихъ и умилился. Отецъ Александръ, дѣйствительно, уже сидѣлъ въ столовой, въ ожи-

ланіи Порфирія Владимірыча. Головлевскій батюшка былъ человѣкъ политичный и старавшійся придерживаться въ сношеніяхъ съ Іудушкой свѣтскаго тона; но онъ очень хорошо понималъ, что въ господской усадьбѣ еженедѣльно и подъ большіе праздники совершаются всенощныя бдѣнія, а сверхъ того каждое 1-е число служится молебенъ, и что все это доставляетъ причту не менѣе ста рублей въ годъ дохода. Кромѣ того, ему не безъизвѣстно было, что церковная земля еще не была надлежащимъ образомъ отмежевана, и что Іудушка не разъ, проѣзжая мимо поповскаго луга, говаривалъ: „ахъ, хорошъ лужокъ!" Поэтому въ свѣтское обращеніе батюшки примѣшивалась и немалая доля „страха іудейска", который выражался въ томъ, что батюшка, при свиданіяхъ съ Порфиріемъ Владимірычемъ, старался приводить себя въ свѣтлое и радостное настроеніе, хотя бы и не имѣлъ повода таковое ощущать, и когда послѣдній, въ разговорѣ, позволялъ себѣ развивать нѣкоторыя ереси относительно путей Провидѣнія, предбудущей жизни и прочаго, то, не одобряя ихъ прямо, видѣлъ однако въ нихъ не кощунство или богохульство, но лишь свойственное дворянскому званію дерзновеніе ума.

Когда Іудушка вошелъ, батюшка торопливо благословилъ его и еще торопливѣе отдернулъ руку, словно боялся, что кровопивецъ укуситъ ее. Хотѣлъ-было онъ поздравить своего духовнаго сына съ новорожденнымъ Владиміромъ, но подумалъ, какъ-то еще отнесется къ этому обстоятельству самъ Іудушка, и остерегся.

— Мжица на дворѣ нынѣ,—началъ батюшка:—по народнымъ примѣтамъ, въ конхъ впрочемъ частицею и суевѣріе примѣчается, оттепель таковая погода предзнаменуетъ.

— А можетъ быть и морозъ: мы загадываемъ про оттепель—а Богъ возьметъ да морозцу пошлетъ! — возразилъ Іудушка, хлопотливо и даже почти весело присаживаясь къ чайному столу, за которымъ на сей разъ хозяйничалъ лакей Прохоръ.

— Это точно, что человѣкъ нерѣдко, въ мечтаніи своемъ, стремится недосягаемая досягнуть и къ недоступному доступъ найти. А вслѣдствіе того или поводъ для раскаянія, или и самую скорбь для себя обрѣтаетъ.

— А потому и надо намъ отъ гаданій да отъ загадываній подальше себя держать, а быть довольными тѣмъ, что̀ Богъ пошлетъ. Пошлетъ Богъ тепла—мы теплу будемъ рады; пошлетъ Богъ морозцу

—и морозцу милости просимъ! Велимъ пожарче печечки натопить, а которые въ путь шествуютъ, тѣ въ шубки покрѣпче завернутся— вотъ и тепленько намъ будетъ!

— Справедливо!

— Многіе нынѣче любятъ кругомъ да около ходить: и то не такъ, и другое не по ихнему, и третье вотъ этакъ бы сдѣлать, а я этого не люблю. И самъ не загадываю, и въ другихъ не похваляю. Высокоуміе это—вотъ я какой взглядъ на такія попытки имѣю!

— И это справедливо.

— Мы всѣ здѣсь—странники; я такъ на себя и смотрю! Вотъ чайку попить, закусить что-нибудь легонькое... это намъ дозволено! Потому что Богъ намъ тѣло и прочія части далъ... Этого и правительство намъ не воспрещаетъ: кушать кушайте, а языкъ за зубами держите!

— И опять-таки вполнѣ справедливо! —крякнулъ батюшка и отъ внутренняго ликованія стукнулъ объ блюдечко донышкомъ опорожненнаго стакана.

— Я такъ разсуждаю, что умъ данъ человѣку не для того, чтобъ испытывать неизвѣстное, а для того, чтобъ воздерживаться отъ грѣховъ. Вотъ ежели я, напримѣръ, чувствую плотскую немощь или смущеніе и призываю на помощь умъ: укажи, молъ, пути, какъ мнѣ ту немощь побороть—вотъ тогда я поступаю правильно! Потому что въ этихъ случаяхъ умъ дѣйствительно пользу оказать можетъ.

— А больше, все-таки, вѣра,—слегка поправилъ батюшка.

— Вѣра — сама по себѣ, а умъ самъ по себѣ. Вѣра на цѣль указываетъ, а умъ — пути изыскиваетъ. Туда толкнется, тамъ постучится... обдумаетъ, а между тѣмъ и полезное что-нибудь отыщетъ. Вотъ лекарства разныя, травы цѣлебныя, пластыри, декокты — все это умъ изобрѣтаетъ и открываетъ. Но надобно, чтобъ все было согласно съ вѣрою—на пользу, а не на вредъ.

— И противъ этого возразить ничего не могу!

— Я, батя, книжку одну читалъ, такъ тамъ именно сказано: услугами ума, ежели оный вѣрою направляется, отнюдь не слѣдуетъ пренебрегать, ибо человѣкъ безъ ума въ скоромъ времени дѣлается игралищемъ страстей. А я даже такъ думаю, что и первое грѣхопаденіе человѣческое оттого произошло, что дьяволъ, въ образѣ змія, разсужденіе человѣческое затмилъ.

Батюшка на это не возражалъ, но и отъ похвалы воздержался, потому что не могъ себѣ еще уяснить, къ чему склоняется Іудушкина рѣчь.

— Часто мы видимъ, что люди не только впадаютъ въ грѣхъ мысленный, но и преступленія совершаютъ—и все черезъ недостатокъ ума. Плоть искушаетъ, а ума нѣтъ—вотъ человѣкъ и летитъ въ пропасть. И сладенькаго-то хочется, и веселенькаго, и пріятненькаго, и въ особенности ежели женскій полъ... какъ тутъ безъ ума уберечься? А коли ежели у меня есть умъ, я взялъ камфарки или маслица: тамъ потеръ, въ другомъ мѣстѣ подсыпалъ — смотришь, искушеніе-то съ меня какъ рукой сняло!

Іудушка замолчалъ, какъ бы выжидая, что скажетъ на это батюшка, но батюшка все еще недоумѣвалъ, къ чему клонится Іудушкина рѣчь, и потому только крякнулъ и безъ всякаго резона сказалъ:

— Вотъ у меня на дворѣ куры... суетятся по случаю солноворота: бѣгаютъ, мечутся, мѣста нигдѣ сыскать не могутъ...

— И все оттого, что ни у птицъ, ни у звѣрей, ни у пресмыкающихъ—ума нѣтъ. Птица—это что такое? Ни у ней горя, ни заботушки—летаетъ себѣ! Вотъ давеча, смотрю въ окно: копаются воробьи носами въ навозѣ — и будетъ съ нихъ! А человѣку — этого мало!

— Однако, въ иныхъ случаяхъ, и писаніе на птицъ небесныхъ указываетъ!

— Въ иныхъ случаяхъ — это такъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда и безъ ума вѣра спасаетъ—тогда птицамъ подражать нужно. Вотъ Богу молиться, стихи сочинять...

Порфирій Владимірычъ умолкъ. Онъ былъ болтливъ по природѣ, и, въ сущности, у него такъ и вертѣлось на языкѣ пропшествіе дня. Но, очевидно, не созрѣла еще форма, въ которой приличнымъ образомъ могли быть выражены разглагольствія по этому предмету.

— Птицамъ умъ не нуженъ,—наконецъ сказалъ онъ:—потому что у нихъ соблазновъ нѣтъ. Или, лучше сказать, есть соблазны, да никто съ нихъ за это не взыскиваетъ. У нихъ все натуральное: ни собственности нѣтъ, за которой нужно присмотрѣть, ни законныхъ браковъ нѣтъ, а слѣдовательно нѣтъ и вдовства. Ни передъ Богомъ, ни передъ начальствомъ онѣ въ отвѣтѣ не состоятъ: одинъ у нихъ начальникъ—пѣтухъ!

— Пѣтухъ! пѣтухъ! это такъ точно! онъ у нихъ — въ родѣ какъ султанъ турецкій!

— А человѣкъ все такъ самъ для себя устроилъ, что ничего у него натуральнаго нѣтъ, а потому ему и ума много нужно. И самому чтобы въ грѣхъ не впасть, и другихъ бы въ соблазнъ не ввести. Такъ ли, батя?

— Истинная это правда. И писаніе совѣтуетъ соблазняющее око истребить.

— Это ежели буквально понимать, а можно, и не истребляя ока, такъ устроить, чтобы оно не соблазнялось. Къ молитвѣ чаще обращаться, озлобленіе тѣлесное усмирять. Вотъ я, напримѣръ: и въ порѣ, и нельзя сказать, чтобъ хилъ... Ну, и прислуга у меня женская есть... а мнѣ и горюшка мало! Знаю, что безъ прислуги нельзя —ну, и держу! И мужскую прислугу держу, и женскую—всякую! Женская прислуга тоже въ хозяйствѣ нужна. На погребъ сходить, чайку налить, насчетъ закусочки распорядиться... ну, и Христосъ съ ней! Она свое дѣло дѣлаетъ, я—свое... вотъ мы и поживаемъ!

Говоря это, Іудушка старался смотрѣть батюшкѣ въ глаза; батюшка тоже, съ своей стороны, старался смотрѣть въ глаза Іудушкѣ. Но, къ счастью, между ними стояла свѣчка, такъ что они могли вволю смотрѣть другъ на друга и видѣть только пламя свѣчи.

— А притомъ я и такъ еще разсуждаю: ежели съ прислугой въ короткія отношенія войти—непремѣнно она командовать въ домѣ начнетъ. Пойдутъ-это дрязги, да неурядки, пререкоры да грубости: ты слово, а она—два... А я отъ этого устраняюсь.

У батюшки даже въ глазахъ зарябило: до того пристально онъ смотрѣлъ на Іудушку. Поэтому и чувствуя, что свѣтскія приличія требуютъ, чтобы собесѣдникъ хоть отъ времени до времени вставлялъ слово въ общій разговоръ, онъ покачалъ головой и произнесъ:

— Тсс...

— А ежели при этомъ еще такъ поступать, какъ другіе... вотъ какъ сосѣдушка мой, господинъ Аннетовъ, напримѣръ, или другой сосѣдушка, господинъ Утробинъ... такъ и до грѣха недалеко. Вонъ у господина Утробина: никакъ съ шесть человѣкъ этой накости во дворѣ конается... А я этого не хочу. Я говорю такъ: коли Богъ у меня моего ангела-хранителя отнялъ—стало быть, такъ его святой волѣ угодно, чтобъ я вдовцомъ былъ. А ежели я, по милости Бо-

жіей — вдовець, то, стало быть, должень вдовѣть честно и ложе свое нескверно содержать. Такъ ли, батя?

— Тяжко, сударь!

— Самъ знаю, что тяжко, и все-таки исполняю. Кто говоритъ: тяжко!—а я говорю: чѣмъ тяжче, тѣмъ лучше, только бы Богъ укрѣпилъ! Не всѣмъ сладенькаго да легонькаго — надо кому-нибудь и для Бога потрудиться! *Здѣсь* себя сократишь — *тамъ* получишь! *Здѣсь* — „трудомъ" это называется, а *тамъ* — заслугой зовется! Справедливо ли я говорю?

— Ужъ на что же справедливѣе!

— Тоже и объ заслугахъ надо сказать. И онѣ неравныя бываютъ. Одна заслуга — большая, а другая заслуга — малая! А ты какъ бы думалъ?

— Какъ же возможно! Большая ли заслуга, или малая!

— Такъ вотъ оно на мое и выходитъ. Коли человѣкъ держитъ себя аккуратно: не срамословитъ, не суесловитъ, другихъ не осуждаетъ, коли онъ притомъ никого не огорчилъ, ни у кого ничего не отнялъ... ну, и насчетъ, соблазновъ этихъ велъ себя осторожно — такъ и совѣсть у того человѣка завсегда покойна будетъ. И ничто къ нему не пристанетъ, никакая грязь! А ежели кто изъ-за угла и осудитъ его, такъ, по моему мнѣнію, такія осужденія даже въ разсчетъ принимать не слѣдуетъ. Плюнутъ на нихъ — и вся недолга!

— Въ сихъ случаяхъ христіанскія правила прощеніе преимущественнѣе рекомендуютъ!

— Ну, или простить! Я всегда такъ и дѣлаю: коли меня кто осуждаетъ, я его прощу, да еще Богу за него помолюсь! И ему хорошо, что за него молитва до Бога дошла, да и мнѣ хорошо: помолился, да и забылъ!

— Вотъ это правило: ничто такъ не облегчаетъ души, какъ молитва. И скорби, и гнѣвъ, и даже болѣзнь — все отъ нея, какъ тьма нощная отъ солнца, бѣжитъ!

— Ну, вотъ и слава Богу! И всегда такъ вести себя нужно, чтобы жизнь наша, словно свѣча въ фонарѣ, вся со всѣхъ сторонъ видна была... и осуждать меньше будутъ — потому нѣ за что! Вотъ хоть бы мы: посидѣли, поговорили, побесѣдовали — кто же можетъ насъ за это осудить? А теперь пойдемъ да Богу помолимся, а потомъ и баиньки. А завтра опять встанемъ... такъ ли, батюшка?

Іудушка всталъ и съ шумомъ отодвинулъ свой стулъ, въ знакъ окончанія собесѣдованія. Батюшка, съ своей стороны, тоже поднялся и занесъ-было руку для благословенія: но Порфирій Владимірычъ, въ видѣ особаго на сей разъ расположенія, поймалъ его руку и сжалъ ее въ обѣихъ своихъ.

— Такъ Владиміромъ, батюшка, назвали? —сказалъ онъ, начально качая головой въ сторону Евпраксеюшкиной комнаты.

— Въ честь святаго и равноапостольнаго князя Владиміра, сударь.

— Ну, и слава Богу! Прислуга она усердная, вѣрная, а вотъ насчетъ ума — не взыщите! Оттого и впадаютъ онѣ... въ пре-ло-бодѣ-яніе!

Весь слѣдующій день Порфирій Владимірычъ не выходилъ изъ кабинета и молился, прося себѣ у Бога вразумленія. На третій день онъ вышелъ къ утреннему чаю не въ халатѣ, какъ обыкновенно, а одѣтый, по праздничному, въ сюртукъ, какъ онъ всегда дѣлалъ, когда намѣревался приступить къ чему-нибудь рѣшительному. Лицо у него было блѣдно, но дышало душевнымъ просвѣтленіемъ: на губахъ играла блаженная улыбка: глаза смотрѣли ласково, какъ бы всепрощающе; кончикъ носа, вслѣдствіе молитвеннаго угожденія, слегка покраснѣлъ. Онъ молча выпилъ свои три стакана чаю и въ промежуткахъ между глотками шевелилъ губами, складывалъ руки и смотрѣлъ на образъ, какъ будто все еще, несмотря на вчерашній молитвенный трудъ, ожидалъ отъ него скорой помощи и предстательства. Наконецъ, пропустивъ послѣдній глотокъ, потребовалъ къ себѣ Улитушку и всталъ передъ образомъ, дабы еще разъ подкрѣпить себя божественнымъ собесѣдованіемъ, а въ то же время и Улитѣ наглядно показать, что то, что имѣетъ произойти вслѣдъ за симъ—дѣло не его, а Боговo. Улитушка впрочемъ съ перваго же взгляда на лицо Іудушки поняла, что въ глубинѣ его души рѣшено предательство.

— Вотъ я и Богу помолился!—началъ Порфирій Владимірычъ, и въ знакъ покорности его святой волѣ опустилъ голову и развелъ руками.

— И распрекрасное дѣло! — отвѣтила Улитушка, но въ голосѣ ея звучала такая несомнѣнная проницательность, что Іудушка невольно поднялъ на нее глаза.

Она стояла передъ нимъ въ обыкновенной своей позѣ, одну руку положивъ поперекъ груди, другую—упершн въ подбородокъ; но лицу ея такъ и свѣтились искорки смѣха. Порфирій Владимірычъ слегка покачалъ головой, въ знакъ христіанской укоризны.

— Небось Богъ милости прислалъ?—продолжала Улитушка, не смущаясь предостерегательнымъ движеніемъ своего собесѣдника.

— Все-тотыкощунствуешь!—невыдержалъ Іудушка:—сколько разъ я и лаской, и шуточкой старался тебя отъ этого остеречь, а ты все свое! Злой у тебя языкъ... ехидный!

— Ничего я кажется... Обыкновенно, коли Богу помолились—значитъ, Богъ милости прислалъ!

— То-то вотъ „кажется“! А ты не все, что тебѣ „кажется“, зря болтай: иной разъ и помолчать умѣй! Я объ дѣлѣ, а она—„кажется“!

Улитушка только переступила съ ноги на ногу, вмѣсто отвѣта, какъ бы выражая этимъ движеніемъ, что все, что Порфирій Владимірычъ имѣетъ сказать ей, давнымъ-давно ей извѣстно и перезвѣстно.

— Ну, такъ слушай же ты меня!—началъ Іудушка:—молился я Богу, и вчера молился, и сегодня, и все выходитъ, что какъ ни какъ, а надо намъ Володьку пристроить.

— Извѣстно, надо пристроить! Не щенокъ—въ болото не бросишь!

— Стой, погоди! дай мнѣ слово сказать... язва ты, язва! Ну! такъ вотъ я и говорю: какъ ни какъ, а надо Володьку пристроить. Первое дѣло, Евпраксеюшку пожалѣть нужно, а второе дѣло—и его человѣкомъ сдѣлать.

Порфирій Владимірычъ взглянулъ на Улитушку, вѣроятно ожидая, что вотъ-вотъ она вслась съ нимъ пикалякать, но она отнеслась къ дѣлу совершенно просто и даже цинически.

— Мнѣ, что-ли, въ воспитательный-то везти? —спросила она, смотря на него въ упоръ.

— Ахъ-ахъ!—вступился Іудушка:—ужъ ты и рѣшила... Таранта Егоровна! Ахъ, Улитка, Улитка! все-то у тебя на умѣ прыгъ да нырь! все бы тебѣ поболтать да посмѣяться! А почему ты знаешь: можетъ, я и не думаю объ воспитательномъ? Можетъ, я такъ... другое что-нибудь для Володьки придумалъ?

— Чтожъ, и другое что—и въ этомъ худого нѣтъ!

— Вотъ я и говорю: хоть, съ одной стороны, и жалко Володьку, а съ другой стороны, коли поразсудить да поразмыслить—анъ выходитъ, что дома его держать намъ не приходится!

— Извѣстное дѣло! что люди скажутъ? скажутъ: откуда, молъ, въ головлевскомъ домѣ чужой мальчишечка проявился?

— И это, да еще и то: пользы для него никакой дома не будетъ. Мать молода—баловать будетъ; я, старый, хотя и съ бокуришёку, а за вѣрную службу матери... туда же, пожалуй! Нѣтъ-нѣтъ—да и снизойдешь. Гдѣ бы за простунокъ носѣчь малаго, а тутъ, за тѣмъ да за сѣмъ... Да и слёзъ бабьихъ да крику не оберешься—ну, и махнешь рукой! Такъ ли?

— Справедливо это. Надоѣстъ.

— А мнѣ хочется, чтобъ все у насъ хорошохонько было. Чтобъ изъ него, изъ Володьки-то, современемъ настоящій человѣкъ вышелъ. И Богу слуга, и царю—подданный. Коли ежели Богъ его крестьянствомъ благословитъ, такъ чтобы землю работать умѣлъ... Косить тамъ, пахать, дрова рубить—всего чтобы понемножку. А ежели ему въ другое званіе судьба будетъ, такъ чтобы ремеслу зналъ, науку... Оттуда, слышь, и въ учителя нѣкоторые попадаютъ!

— Изъ воспитательнаго-то? прямо генералами дѣлаютъ!

— Генералами не генералами, а все-таки... Можетъ, и знаменитый какой-нибудь человѣкъ изъ Володьки выйдетъ! А воспитываютъ ихъ тамъ отлично! Это ужъ я самъ знаю! Кроватки чистенькія, мамки здоровенькія, рубашечки на дѣтушкахъ бѣленькія, рожочки, сосочки, пеленочки... словомъ, все!

— Чего лучше... для незаконныхъ!

— А ежели онъ и въ деревню въ питомцы попадетъ—что жъ, и Христосъ съ нимъ! Къ трудамъ пріучаться съ малолѣтства будетъ: а вѣдь трудъ—та же молитва! Вотъ мы—мы настоящимъ манеромъ молимся! встанемъ передъ образомъ, крестное знаменіе творимъ, и ежели наша молитва угодна Богу, то онъ намъ подастъ за нее! А мужичокъ—тотъ трудится! Иной и радъ бы настоящимъ манеромъ помолиться, да ему вредъ и въ праздникъ поспѣть. А Богъ, все-таки, видитъ его труды—за труды ему подастъ, какъ намъ за молитву. Не всѣмъ въ палатахъ жить да по баламъ прыгать—надо кому-нибудь и въ избочкѣ куриненькой пожить, за землицей-матуш-

кой походить да похолить ее! А счастье-то—еще бабушка на-двое сказала—гдѣ оно! Иной и въ палатахъ, и въ нѣженьи живетъ, да черезъ золото слезы льетъ, а другой и въ соломку зароется, хлѣбца съ квасомъ покушаетъ, а на душѣ-то у него рай! Такъ, что-ли, я говорю?

— Чего лучше, какъ рай на душѣ!

— Такъ мы вотъ какъ съ тобой, голубушка, сдѣлаемъ. Возьми-ка ты проказника Володьку, заверни его тепленько да уютненько, да и катай съ нимъ живымъ манеромъ въ Москву. Кибиточку я распоряжусь снарядить для васъ крытенькую, лошадочекъ парочку прикажу заложить, а дорога у насъ теперь гладкая, ровная: ни ухабовъ, ни выбоинъ—кати да покатывай! Только ты у меня смотри: чтобъ все честь честью было. По моему, по-головлевски... какъ я люблю! Сбочка чтобы чистенькая, рожочекъ... рубашечекъ, простынекъ, свивальничковъ, пеленочекъ, одѣяльцевъ—всего чтобы вдоволь было. Бери! командуй! а не дадутъ, такъ меня, стараго, за бока бери—мнѣ жалуйся! А въ Москву пріѣдешь—на постояломъ остановись. Харчи тамъ, самоварчикъ, чайку—требуй! Ахъ, Володька, Володька! вотъ грѣхъ какой случился! И жаль разстаться съ тобой, а дѣлать, брать, нечего! Самъ послѣ пользу увидишь, самъ будешь благодарить!

Іудушка слегка воздѣлъ руками и потрепеталъ губами, въ знакъ умной молитвы. Но это не мѣшало ему исподлобья взглядывать на Улитушку и подмѣчать извительныя мельканія, которыми подергивалось лицо ея.

— Ты что? сказать что-нибудь хочешь?—спросилъ онъ ее.

— Ничего я. Извѣстно-мол: будетъ благодарить, коли благодѣтелевъ своихъ отыщетъ.

— Ахъ, ты, дурная, дурная! да развѣ мы безъ билета его туда отдадимъ! А ты билетецъ возьми! По билетцу-то мы и сами его какъ разъ отыщемъ! Вотъ выхолятъ, выкормятъ, уму-разуму научатъ, а мы съ билетцемъ и тутъ какъ тутъ: пожалуйте молодца нашего, Володьку-проказника, назадъ! Съ билетцемъ-то мы его со дна морского выудимъ... Такъ ли я говорю?

Но Улитушка ничего не отвѣтила на вопросъ: только извительныя мельканія на лицѣ ея выступили еще рѣзче прежняго. Порфирій Владимірычъ не выдержалъ.

Язва ты, язва!—сказалъ онъ:—дьяволъ въ тебѣ сидитъ,

чортъ... тьфу! тьфу! тьфу! Ну, будетъ. Завтра, чуть свѣтъ, возьмешь ты Володьку, да скорехонько, чтобъ Евпраксеюшка не слыхала, и отправляйтесь съ Богомъ въ Москву. Воспитательный-то знаешь?

— Важивала,—однословно отвѣтила Улитушка, какъ бы намекая на что-то въ прошломъ.

— А важивала—такъ тебѣ и книги въ руки. Стало быть, и входы, и выходы—все должно быть тебѣ извѣстно. Смотри же, помѣсти его, да начальниковъ низенько попроси—вотъ такъ!

Порфирій Владимірычъ всталъ и поклонился, коснувшись рукою земли.

— Чтобъ ему хорошо тамъ было! не какъ-нибудь, а настоящимъ бы манеромъ! Да билетецъ, билетецъ-то выправь. Не забудь! По билету мы его послѣ вездѣ отыщемъ! А на расходы я тебѣ двѣ двадцатипяти-рублевенькихъ отпущу. Знаю вѣдь я, все знаю! И тамъ сунуть придется, и въ другомъ мѣстѣ баранка въ бумажкѣ подарить... Ахти, грѣхи наши, грѣхи! Всѣ мы люди, всѣ человѣки, всѣ сладенькаго да хорошенькаго хотимъ! Вотъ и Володька нашъ! Кажется, великъ ли, и всего съ ноготокъ, а поди-ка, сколько ужъ денегъ стоитъ!

Сказавши это, Іудушка перекрестился и низенько поклонился Улитушкѣ, молчаливо рекомендуя ей не оставить проказника-Володьку своими попеченіями. Будущее приблудной семьи было устроено самымъ простымъ способомъ.

На другое утро послѣ этого разговора, покуда молодая мать металась въ жару и въ бреду, Порфирій Владимірычъ стоялъ передъ окномъ въ столовой, шевелилъ губами и крестилъ стекло. Съ краснаго двора выѣзжала рогожная кибитка, увозившая Володьку. Вотъ она поднялась на горку, поровнялась съ церковью, повернула налѣво и скрылась въ деревнѣ. Іудушка сотворилъ послѣднее крестное знаменіе и вздохнулъ:

— Вотъ батя намедни про оттепель говорилъ,—сказалъ онъ самому себѣ:—анъ Богъ-то морозцу вмѣсто оттепели послалъ! Морозцу, да еще какого! Такъ-то и всегда съ нами бываетъ! Мечтаемъ мы, воздушные замки строимъ, умствуемъ, думаемъ и Бога самого перемудрить—а Богъ возьметъ да въ одну минуту все наше высокоуміе въ ничто обратитъ!

VI.—Выморочный.

Агонія Іудушки началась съ того, что ресурсъ празднословія, которымъ онъ до сихъ поръ такъ охотно злоупотреблялъ, сталъ видимо сокращаться. Все вокругъ него опустѣло: одни перемерли, другіе—ушли. Даже Аниниька, несмотря на жалкую будущность кочующей актрисы, не соблазнилась головлевскими привольями. Оставалась одна Евпраксеюшка, но независимо отъ того, что это былъ ресурсъ очень ограниченный, и въ ней произошла какая-то порча, которая не замедлила пробиться наружу и разъ навсегда убѣдить Іудушку, что красные дни прошли для него безвозвратно.

До сихъ поръ Евпраксеюшка была до такой степени беззащитна, что Порфирій Владимірычъ могъ угнетать ее безъ малѣйшихъ опасеній. Благодаря крайней неразвитости ума и врожденной дряблости характера, она даже не чувствовала этого угнетенія. Покуда Іудушка сарамословилъ, она безучастно смотрѣла ему въ глаза и думала совсѣмъ о другомъ. Но теперь она вдругъ нѣчто поняла, и ближайшимъ результатомъ пробудившейся способности пониманія явилось внезапное, еще несознанное, но злое и непобѣдимое отвращеніе.

Очевидно, пребываніе въ Головлевѣ погорѣловской барышни не прошло безслѣдно для Евпраксеюшки. Хотя послѣдняя и не могла дать себѣ отчета, какого рода боли вызвали въ ней случайные разговоры съ Аниниькой, но внутренно она почувствовала себя совершенно взбудораженною. Прежде ей никогда не приходило въ голову спросить себя, зачѣмъ Порфирій Владимірычъ, какъ только встрѣтитъ живого человѣка, такъ тотчасъ же начинаетъ опутывать его цѣлою сѣтью словесныхъ обрывковъ, въ которыхъ ни за что уцѣпиться невозможно, но отъ которыхъ дѣлается невыносимо тяжело: теперь ей стало ясно, что Іудушка, въ строгомъ смыслѣ, не разговариваетъ, а „тиранитъ“, и что, слѣдовательно, нелишне его „осадить“, дать почувствовать, что и ему пришла пора „честь знать“. И вотъ она начала вслушиваться въ его безконечныя словоизліянія, и дѣйствительно только одно въ нихъ и поняла: что Іудушка пристаетъ, досаждаетъ, зудитъ.

— Вотъ барышня говорила, будто онъ и самъ не знаетъ, за-

чѣмъ говорить,—разсуждала она сама съ собою:—нѣтъ, въ немъ эта злость дѣйствуетъ! Знаетъ онъ, который человѣкъ противъ него защиты не имѣетъ—ну и вертитъ имъ, какъ ему любо!

Впрочемъ это было еще второстепенное обстоятельство. Главнымъ образомъ дѣйствіе пріѣзда Аниниьки въ Головлево выразилось въ томъ, что онъ взбунтовалъ въ Евпраксеюшкѣ инстинкты ея молодости. До сихъ поръ эти инстинкты какъ-то тупо тлѣли въ ней; теперь—они горячо и привязчиво вспыхнули. Многое она поняла изъ того, къ чему прежде относилась совсѣмъ безучастно. Вотъ, напримѣръ: почему же нибудь да не согласилась Аниниька остаться въ Головлевѣ, такъ-таки напрямикъ и сказала: „страшно!“ Почему такъ?—а потому просто, что она молода, что ей „жить хочется“. Вотъ и она, Евпраксеюшка, тоже молода... Да, молода! Это только такъ кажется, будто молодость въ ней жиромъ запыла—нѣтъ, временемъ куда тоже ишбко она сказывается. И зоветъ, и манитъ; то замретъ, то опять вспыхнетъ. Думала она, что и съ Іудушкой дѣло обойдется, а теперь вотъ... „Ахъ, ты, гнилушка старая! ишь вѣдь какъ обошелъ!“ Хорошо бы теперича съ дружкомъ пожить да съ настоящимъ, съ молоденькимъ! Обнялися бы, завалилися! сталъ бы милый дружокъ цѣловать-миловать, ласковыя слова на ушко говорить: ишь, моль, ты бѣлая да разсыпчатая! „Ахъ, кикимора проклятая, нашелъ вѣдь чѣмъ — костями своими старыми прельстить! Смотри, чай, и у погорѣловской барышни молодчикъ есть! Безпремѣнно есть! То-то она подобрала хвосты да удрала. А тутъ вотъ сиди въ четырехъ стѣнахъ, жди, пока ему, старому, въ голову вступитъ!..“

Разумѣется, Евпраксеюшка не сразу заявила о своемъ бунтѣ, но, однажды вступивши на этотъ путь, уже не останавливалась. Отыскивала причѣпки, припоминала прошлое, и между тѣмъ какъ Іудушка даже не подозрѣвалъ, что внутри ея зрѣетъ какая-то темная работа, она молчаливо, но ежеминутно разжигала себя до ненависти. Сперва явились общія жалобы, въ родѣ: „чужой вѣкъ заѣлъ“; потомъ наступила очередь для сравненій. „Вотъ въ Мазулинѣ Палагеюшка у барина въ экономкахъ живетъ: сидитъ руки складши да въ шолковыхъ платьяхъ ходитъ. Ни она на скотный, ни на погребъ — сидитъ у себя въ покойничкѣ да бисеромъ вяжетъ!“ И всѣ эти обиды и протесты заканчивались однимъ общимъ воплемъ:

— Ужъ какъ же у меня теперича противъ тебя, распостылаго, сердце разожглось! Ну, такъ разожглось! такъ разожглось!

Къ этому главному поводу присоединился и еще одинъ, который былъ въ особенности тѣмъ дорогъ, что могъ послужить отличнѣйшею придѣлкою для вступленія въ борьбу. А именно, воспоминаніе о родахъ и объ исчезновеніи сына Володьки.

Въ то время, когда произошло это исчезновеніе, Евпраксеюшка отнеслась къ этому факту какъ-то тупо. Порфирій Владимірычъ ограничился тѣмъ, что объявилъ ей объ отдачѣ новорожденнаго въ добрыя руки, а чтобъ утѣшить — подарилъ ей новый шалевый платокъ. Затѣмъ все опять заплыло и пошло по старому. Евпраксеюшка даже рьянѣе прежняго окунулась въ тину хозяйственныхъ мелочей, словно хотѣла на нихъ сорвать неудавшееся свое материнство. Но продолжало ли потихоньку теплиться материнское чувство въ Евпраксеюшкѣ, или просто ей блажь въ голову вступила, во всякомъ случаѣ воспоминаніе о Володькѣ вдругъ воскресло. И воскресло въ ту самую минуту, когда на Евпраксеюшку повѣяло чѣмъ-то новымъ, свободнымъ, вольнымъ, когда она почувствовала, что есть иная жизнь, сложившаяся совсѣмъ иначе, нежели въ стѣнахъ головлевскаго дома. Понятно, что придирка была слишкомъ хороша, чтобъ не воспользоваться ею.

— Нишь вѣдь что сдѣлалъ! — разжигала она себя: — робёнка отнялъ! словно щенка въ омутѣ утопилъ!

Мало-по-малу мысль эта овладѣла ею всецѣло. Она и сама повѣрила какому-то страстному желанію вновь соединиться съ ребенкомъ, и чѣмъ назойливѣе разгоралось это желаніе, тѣмъ больше и больше сила пріобрѣтала ея досада противъ Порфирія Владимірыча.

— По крайности, теперь хоть забава бы у меня была! Володя! Володюшка! рождной мой! Гдѣ-то ты? чай, къ наневницѣ въ деревню спихнули! Ахъ, прокляти на васъ нѣтъ, господа вы проклятые! Надѣлаютъ робятъ, да и забросятъ, какъ щенятъ, въ яму: никто, молъ, не спроситъ съ насъ! Лучше бы мнѣ въ ту пору ножемъ себя по горлу полыхнуть, нечѣмъ ему, охавернику, надъ собой надругаться давать!

Явилась ненависть, желаніе досадить, изгадить жизнь, извести: началась несносѣйшая изъ всѣхъ войнъ — война придирокъ, подразниваній, мелкихъ уколовъ. Но именно только такая война и могла сломить Порфирія Владимірыча.

Однажды, за утреннимъ чаемъ, Порфирій Владимірычъ былъ очень непріятно изумленъ. Обыкновенно онъ въ то время источалъ изъ себя цѣлыя массы словеснаго гноя, а Евпраксеюшка, съ блюдечкомъ чая въ рукѣ, молча внимала ему, зажавъ зубами кусокъ сахара и отъ времени до времени фыркая. И вдругъ, только-что началъ онъ развивать мысль (къ чаю въ этотъ день былъ поданъ теплый, свѣжеиспеченный хлѣбъ), что хлѣбъ бываетъ разный: видимый, который мы *ядимъ* и черезъ это тѣло свое поддерживаемъ, и невидимый, духовный, который мы *вкушаемъ* и тѣмъ стяжаемъ себѣ душу, какъ Евпраксеюшка самымъ безцеремоннымъ образомъ перебила его разглагольствія.

— Сказываютъ, въ Мазулинѣ Палагеюшка хорошо живетъ! — начала она, оборотившись всѣмъ корпусомъ къ окну и развязно покачивая ногами, сложенными одна на другую.

Іудушка слегка вздрогнулъ отъ неожиданности, но на первый разъ однако не придалъ этому случаю особеннаго значенія.

— И ежели мы долго не ѣдимъ хлѣба видимаго, — продолжалъ онъ, — то чувствуемъ голодъ тѣлесный; если же продолжительное время не вкушаемъ хлѣба духовнаго...

— Палагеюшка, слышь, въ Мазулинѣ хорошо живетъ! — вновь перебила его Евпраксеюшка, и на этотъ разъ уже, очевидно, не спроста.

Порфирій Владимірычъ вскинулъ на нее изумленные глаза, но все-таки воздержался отъ выговора, словно бы почуялъ что-то недоброе.

— А хорошо живетъ Палагеюшка — такъ и Христосъ съ ней! — кротко молвилъ онъ въ отвѣтъ.

— Ейный-то господинъ, — продолжала колобродить Евпраксеюшка, — никакихъ непріятностевъ ей не дѣлаетъ, ни работой не принуждаетъ, а между прочимъ завсе въ шолковыхъ платьяхъ водитъ.

Изумленіе Порфирія Владимірыча росло. Рѣчи Евпраксеюшки были до такой степени ни съ чѣмъ несообразны, что онъ даже не нашелся, что̀ предпринять въ данномъ случаѣ.

— И на всякій день у нея платья разныя, — словно во снѣ бредила Евпраксеюшка: — на сегодня одно, на завтра другое, а на праздникъ особенное. И въ церкву въ коляскѣ четверней ѣздятъ:

сперва она, потомъ господинъ. А понъ, какъ увидитъ коляску, трезвонить начинаетъ. А потомъ она у себя въ своей комнатѣ сидитъ. Коли господину желательно съ ней время провести—господина у себя принимаетъ, а не то такъ съ дѣвушкой, съ горничной ейной, разговариваетъ или бисеромъ вяжетъ!

— Ну, такъ что жъ?—очнулся наконецъ Порфирій Владимірычъ.

— Объ томъ-то я и говорю, что Палагеюшкино житье очень ужъ хорошо!

— А твое, небось, хуже житье? Ахъ-ахъ-ахъ, какая ты однакожъ... ненасытная!

Смолчи на этотъ разъ Евпраксеюшка—Порфирій Владимірычъ, конечно, разразился бы цѣлымъ потокомъ бездѣльныхъ словъ, въ которомъ безслѣдно потонули бы всѣ дурацкіе намеки, возмутившіе правильное теченіе его празднословія. Но Евпраксеюшка повидимому и намѣренія не имѣла молчать.

— Что говорить!—огрызнулась она:—и мое житье нехудое! Въ затрапезахъ не хожу, и то слава-те Господи! Въ прошломъ году за два ситцевыхъ платья по пяти рублей отдали... расщолились!

— А шерстяное-то платье позабыла? а платокъ-то недавно кому купили? ахъ-ахъ-ахъ!

Вмѣсто отвѣта Евпраксеюшка уперлась въ столъ рукой, въ которой держала блюдечко, и метнула въ сторону Іудушки косой взглядъ, исполненный такого глубокаго презрѣнія, что ему съ непривычки сдѣлалось жутко.

— А ты знаешь ли, какъ Богъ за неблагодарность-то наказываетъ?—какъ-то нерѣшительно залепеталъ онъ, надѣясь, что хоть напоминаніе о Богѣ сколько-нибудь образумитъ неизвѣстно съ чего взбалмошную бабу. Но Евпраксеюшка не только не проняласъ этимъ напоминаніемъ, но тутъ же на первыхъ словахъ оборвала его.

— Нечего! нечего зубы-то заговаривать! нечего на Бога указывать!—сказала она:—не маленькая! Будетъ! повластвовали! потиранили!

Порфирій Владимірычъ замолчалъ. Налитой стаканъ съ чаемъ стоялъ передъ нимъ почти остывшій, но онъ даже не притрогивался къ нему. Лицо его побѣлѣло, губы слегка вздрагивали, какъ бы усиливаясь сложиться въ усмѣшку, но безъ успѣха.

— А вѣдь это—Аннушкины штуки! это она, ехидная, натравила тебя!—наконецъ произнесъ онъ, самъ впрочемъ не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что̀ говоритъ.

— Какія же это штуки?

— „Да вотъ что ты разговаривать-то со мной начала... Она! она научила! Некому другому, какъ ей!—волновался Порфирій Владимірычъ.—Смотри-тка-те, ни съ того, ни съ сего, вдругъ шолковыхъ платьевъ захотѣлось! „Да ты знаешь ли, безстыдница, кто изъ вашего званья въ шолковыхъ-то платьяхъ ходитъ?

— Скажите, такъ буду знать!

— „Да просто самыя... ну, самыя безпутныя — тѣ только ходятъ!

Но Евпраксюшка даже этимъ не усовѣстилась, но, напротивъ того, съ какою-то наглою резонностью отвѣтила:

— Не знаю, почему онѣ безпутныя... Извѣстно, господа требуютъ... Который господинъ нашу сестру на любовь съ собой склонилъ... ну, и живетъ она, значитъ... съ нимъ! И мы съ вами не молебны, чай, служимъ, а тѣмъ же, чѣмъ и мазулинскій баринъ, занимаемся.

— Ахъ, ты... тьфу! тьфу! тьфу!

Порфирій Владимірычъ даже помертвѣлъ отъ неожиданности. Онъ смотрѣлъ во всѣ глаза на взбунтовавшуюся наперсницу, и цѣлая масса праздныхъ словъ такъ и закипала у него въ груди. Но въ первый разъ въ жизни онъ смутно заподозрилъ, что бываютъ случаи, когда и праздными словомъ убить человѣка нельзя.

— Ну, голубушка! съ тобой, я вижу, сегодня не сговорить!—сказалъ онъ, вставая изъ-за стола.

— И сегодня не сговорите, и завтра не сговорите... никогда! Будетъ! повластвовали! Наслушалась я довольно: послушайте теперь вы, каковы мои слова̀ будутъ!

Порфирій Владимірычъ бросился-было на нее съ сжатыми кулаками, но она такъ рѣшительно выпятила впередъ свою грудь, что онъ внезапно опѣшилъ. Оборотился лицомъ къ образу, воздѣлъ руки, потрепеталъ губами и тихимъ шагомъ побрелъ въ кабинетъ.

Весь этотъ день ему было не по себѣ. Онъ еще не имѣлъ опредѣленныхъ опасеній за будущее, но уже одно то волновало его, что случился такой фактъ, который совсѣмъ не входилъ въ обычное рас-

преданіе, его дня, и что фактъ этотъ прошелъ безнаказанно. „Даже къ обѣду онъ не вышелъ, а притворился больнымъ и скромненько, притворно ослабѣвшимъ голосомъ попросилъ принести ему поѣсть въ кабинетъ.

Вечеромъ, послѣ чаю, который, въ первый разъ въ жизни, прошелъ совершенно безмолвно, онъ всталъ по обыкновенію на молитву; но напрасно губы его шептали обычное послѣдованіе на сонъ грядущимъ: возбужденная мысль даже внѣшнимъ образомъ отказывалась слѣдить за молитвой. Какое-то дряпное, но неотступное безпокойство овладѣло всѣмъ его существомъ, а ухо невольно прислушивалось къ слабѣющимъ отголоскамъ дня, еще раздававшимся то тамъ, то сямъ, въ разныхъ углахъ головлевскаго дома. Наконецъ, когда пронесся гдѣ-то за стѣной послѣдній отчаянный звукъ и вслѣдъ затѣмъ все вдругъ стихло, словно окунулось куда-то глубоко на дно, онъ не выдержалъ. Безшумно крадучись, побрелъ онъ вдоль коридора и, подойдя къ Евпраксеюшкиной комнатѣ, приложилъ къ двери ухо, чтобъ подслушать. Евпраксеюшка была одна, и слышно было только, какъ она, зѣвая, произноситъ: „Господи! Спасъ милостивый! Успленья Матушка!“ и въ то же время горстью чешетъ себѣ поясницу. Порфирій Владимірычъ попробовалъ взяться за ручку двери замка, но дверь была заперта.

— Евпраксеюшка! ты здѣсь?—окликнулъ онъ.

— Здѣсь, да не про васъ!—огрызнулась она такъ грубо, что Іудушкѣ оставалось молча отретироваться въ кабинетъ.

На другой день послѣдовалъ другой разговоръ. Евпраксеюшка, какъ нарочно, выбирала время утренняго чая для уязвленія Порфирія Владимірыча. Словно она чутьемъ чуяла, что всѣ его бездѣльничества распредѣлены съ такою точностью, что нарушенное утро причиняло безпокойство и боль уже на цѣлый день.

— Посмотрѣла бы я, хоть бы глазкомъ бы полюбовалась, какъ нѣкоторые люди живутъ!—начала она какъ-то загадочно.

Порфирія Владимірыча всего передернуло. „Начинается!“—подумалъ онъ, но смолчалъ и ждалъ, что̀ дальше будетъ.

— Право! съ дружкомъ съ милымъ да съ молоденькимъ! Ходятъ по комнатамъ парочкой да другъ на дружку любуются! Ни онъ словомъ браннымъ ее не попрекнетъ, ни она противъ его. „Душенька ты“ да „другъ мой“—только и разговора у нихъ! Мило! благородно!

Эта матерія была особенно ненавистна для Порфирія Владимірыча. Хотя онъ и допускалъ прелюбодѣяніе въ размѣрахъ строгой необходимости, но все-таки считалъ любовное времяпровожденіе бѣсовскимъ искушеніемъ. Однако онъ и на этотъ разъ смалодушничалъ, тѣмъ больше, что ему хотѣлось чаю, который ужъ нѣсколько минутъ прѣлъ на конфоркѣ, а Евпраксеюшка и не думала наливать его.

— Конечно, изъ нашей сестры много глупыхъ бываетъ,—продолжала она, нахально раскачиваясь на стулѣ и барабаня рукой по столу:—иную такъ осѣтитъ, что она изъ-за ситцеваго платья на все готова, а другая и просто, безо всего, себя потеряетъ!.. Квасу, говоритъ, огурцовъ, ней-бишь сколько хочется! Нашли чѣмъ прельстить!

— Такъ неужто жъ изъ-за интереса одного...—рискнулъ робко замѣтить Порфирій Владимірычъ, слѣдя глазами за чайникомъ, изъ котораго уже начиналъ валить паръ.

— Кто говоритъ: изъ-за интереса изъ-за одного? ужъ не я ли интересанкой сдѣлалась! — вдругъ кинулась въ сторону Евпраксеюшка:—куска, видно, стало жалко! Кускомъ попрекать стали!

— Я не попрекаю, а такъ говорю: не изъ одного, говорю, интереса люди...

— То-то „говорю“! Вы говорите, да не заговаривайтесь! Ишь ты, изъ интересу я служу! А позвольте спросить, какой такой интересъ я у васъ нашла? Окромя квасу да огурцовъ...

— Ну, не одинъ квасъ да огурцы... —не удержался, увлекся, въ свою очередь, Порфирій Владимірычъ.

— Что жъ, сказывайте! сказывайте, что̀ еще?

— А кто къ Николѣ каждый мѣсяцъ четыре мѣшка муки посылаетъ?

— Ну-съ, четыре мѣшка? еще чего нѣтъ ли?

— Крупъ, масла постнаго... словомъ, всего...

— Ну, крупъ, масла постнаго... ужъ для родителевъ-то жалко стало! Ахъ, вы!

— Я не говорю, что жалко, а вотъ ты...

— Я же виновата сдѣлалась! Мнѣ куска безъ попрёковъ съѣсть не дадутъ, да я же виновата состою!

Евпраксеюшка не выдержала и залилась слезами. А чай между тѣмъ прѣлъ да прѣлъ на конфоркѣ, такъ что Порфирій Владими-

рычъ не на шутку встревожился. Поэтому онъ перемогъ себя, тихонько подсѣлъ къ Евпраксеюшкѣ и потрепалъ ее по спинѣ.

— Ну, добро, наливай-ка чай... чего разрюмилась!

Но Евпраксеюшка еще раза два-три всхлипнула, надула губы и уперлась мутными глазами въ пространство.

— Вотъ ты сейчасъ объ молоденькихъ говорила, — продолжалъ онъ, стараясь придать своему голосу ласкающую интонацію: — что жъ, вѣдь и мы тово... не перестарки, чай, тоже!

— Нашли чего! отстаньте отъ меня!

— Право-ну! Да я... знаешь ли ты... когда я въ департаментѣ служилъ, такъ за меня директоръ дочь свою выдать хотѣлъ!

— Протухлая, видно, была... кособокая какая-нибудь!

— Нѣтъ, какъ слѣдуетъ дѣвица... А какъ она „*Не шей ты мнѣ, матушка*“ пѣла! такъ пѣла! такъ пѣла!

— Она-то пѣла, да подпѣватель-то былъ плохой!

— Нѣтъ, я, кажется...

Порфирій Владимірычъ недоумѣвалъ. Онъ не прочь былъ даже поподличать, показать, что и онъ можетъ въ нарочкѣ пройтись. Въ этихъ видахъ онъ началъ какъ-то нелѣпо раскачиваться всѣмъ корпусомъ и даже покусился обнять Евпраксеюшку за талію; но она грубо уклонилась отъ его протянутыхъ рукъ и сердито крикнула:

— Говорю честью: уйди, домовой! не то кипяткомъ ошпарю! И чаю мнѣ вашего не надо! Ничего не надо! Нынь что вздумали — куском понрекать начали! Уйду я отсюда! вотъ-те Христосъ, уйду!

И она дѣйствительно ушла, хлопнувъ дверью и оставивъ Порфирія Владимірыча одного въ столовой.

Іудушка былъ совсѣмъ озадаченъ. Онъ началъ-было самъ наливать себѣ чай, но руки его до того дрожали, что потребовалась помощь лакея.

— Нѣтъ, этакъ нельзя! надо какъ-нибудь это устроить... сообразить! — шепталъ онъ, въ волненіи расхаживая взадъ и впередъ по столовой

Но именно ни „устроить“, ни „сообразить“ онъ ничего не былъ въ состояніи. Мысль его до того привыкла перескакивать отъ одного фантастическаго предмета къ другому, нигдѣ не встрѣчая затрудненій, что самый простой фактъ обыденной дѣятельности заставалъ его врасплохъ. Едва начиналъ онъ „соображать“, какъ цѣлая масса

пустяковъ обступала его со всѣхъ сторонъ и закрывала для мысли всякій просвѣтъ на дѣйствительную жизнь. Лѣнь какая-то обуяла его, общая умственная и нравственная анемія. Такъ и тянуло его прочь отъ дѣйствительной жизни на мягкое ложе призраковъ, которые онъ могъ переставливать съ мѣста на мѣсто, одни пропускать, другіе выдвигать, словомъ,—распоряжаться, какъ ему хочется.

И опять цѣлый день провелъ онъ въ полномъ одиночествѣ, потому что Евпраксеюшка на этотъ разъ уже ни къ обѣду, ни къ вечернему чаю не явилась, а ушла на цѣлый день на село къ попу въ гости и возвратилась только поздно вечеромъ. Даже заняться ничѣмъ онъ не могъ, потому что и пустяки на время какъ будто оставили его. Одна безвыходная мысль тиранила: „надо какъ-нибудь устроить, надо!" Ни праздныхъ выкладокъ онъ не могъ дѣлать, ни стоять на молитвѣ. Онъ чувствовалъ, что къ нему приступаетъ какой-то недугъ, котораго онъ покуда еще не можетъ опредѣлить. Не разъ останавливался онъ передъ окномъ, думая къ чему-нибудь приковать колеблющуюся мысль, чѣмъ-нибудь развлечь себя, и все напрасно. На дворѣ начиналась весна, но деревья стояли голыя, даже свѣжей травы еще не показывалось. Вдали виднѣлись черныя поля, по мѣстамъ исчерченныя бѣлыми пятнами снѣга, еще держащагося въ низкихъ мѣстахъ и ложбинахъ. Дорога сплошь черифла грязью и сверкала лужами. Но все это представлялось ему словно сквозь сѣтку. Около мокрыхъ службъ царствовало полнѣйшее безлюдье, хотя вездѣ всѣ двери были настежь; въ домъ тоже никого докликаться было нельзя, хотя до слуха безпрестанно долетали какіе-то звуки, въ родѣ отдаленнаго хлопанья дверьми. Вотъ бы теперь невидимкой оборотиться хорошо, да подслушать, что̀ объ немъ хамово отродье говоритъ! Понимаютъ ли подлецы его милости, или, можетъ быть, за его же добро да его же судачатъ? Вѣдь имъ хоть съ утра до вечера въ хайло-то нихай—все мало, все какъ съ гуся вода! Давно ли, кажется, новую кадку съ огурцами начали, а ужъ... Но только-что онъ началъ забываться на этой мысли, только-что начиналъ соображать, сколько въ кадкѣ можетъ быть огурцовъ и сколько слѣдуетъ, при самомъ широкомъ разчетѣ, положить огурцовъ на человѣка, какъ опять въ головѣ мелькнулъ лучъ дѣйствительности и разомъ перевернулъ вверхъ дномъ всѣ его разчеты.

— Нишь ты, вѣдь! даже не спросилась—ушла!—думалось ему, пока глаза бродили въ пространствѣ, усиливаясь различить поповскій домъ, въ которомъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ эту минуту соловьемъ разливалась Евпраксеюшка.

Но вотъ и обѣдъ подали: Порфирій Владимірычъ сидитъ за столомъ одинъ и какъ-то вяло хлебаетъ пустой супъ (онъ терпѣть не могъ супъ безъ ничего, но *она* сегодня нарочно велѣла именно такой сварить).

— Чай, и попу-то до смерти тошно, что она къ нему напросилась!— думается ему:—все же лишній кусокъ подать надо! И щецъ, и каши... а для гостьи, пожалуй, и жарковца какого-нибудь...

Опять фантазія его разыгрывается; опять онъ начинаетъ забываться, словно его сонъ заводитъ. Сколько лишнихъ ложекъ щецъ пойдетъ? сколько каши? и что попъ съ попадьей говорятъ по случаю прихода Евпраксеюшки? какъ они промежду себя ругаютъ ее... Все это—и кушанья, и рѣчи—такъ и мечется у него, словно живое, передъ глазами.

— Поди, изъ чашки такъ всѣ вмѣстѣ и хлебаютъ!.. Ушла! съумѣла гдѣ себѣ найти лакомство! на дворѣ слякоть, грязь—долго ли до обѣды! Придетъ ужо, хвосты обтрепанные принесетъ... ахъ, ты, гадина! именно гадина! Да, надо, надобно какъ-нибудь...

На этой фразѣ мысль неизмѣнно обрывалась. Послѣ обѣда легъ онъ по обыкновенію заснуть, но только измучился, проворочавшись съ боку на бокъ. Евпраксеюшка пришла домой ужъ тогда, когда стемнѣло, и такъ прокралась въ свой уголъ, что онъ и не замѣтилъ. Приказывалъ онъ людямъ, чтобъ непремѣнно его предупредили, когда она воротится; но и люди, словно стакнулись, смолчали. Попробовалъ онъ опять толкнуться къ ней въ комнату, но и на этотъ разъ нашелъ дверь запертою.

На третій день, утромъ, Евпраксеюшка хотя и явилась къ чаю, но заговорила еще грознѣе и шибче.

— Гдѣ-то Володюшка мой теперь?—начала она, притворно давая своему голосу слезливый тонъ.

Порфирій Владимірычъ совсѣмъ помертвѣлъ при этомъ вопросѣ.

Хоть бы глазкомъ на него взглянула, какъ онъ, родимый, тамъ мается! А то, пожалуй, и померъ ужъ... право!

Іудушка тревожно шевелилъ губами, шепча молитву.

— У насъ все не какъ у людей!—Вотъ у мазулинскаго господина Палагеюшка дочку родила—сейчасъ ее въ батистъ-дикось нарядили, постельку розовенькую для нея устроили... Одной мамѣ сколько сарафановъ да кокошниковъ надарили! А у насъ... э-эхъ... вы!

Евпраксеюшка круто повернула голову къ окну и шумно вздохнула.

— Правду говорятъ, что всѣ господа проклятые! Народятъ дѣтей—и забросятъ въ болото, словно щенятъ! И горюшка имъ мало! И отвѣта ни передъ кѣмъ не дадутъ, словно и Бога на нихъ нѣтъ! Волкъ—и тотъ этого не сдѣлаетъ!

У Порфирія Владимірыча такъ и вертѣлось все нутро. Онъ долго перемогалъ себя, но наконецъ не выдержалъ и процѣдилъ сквозь зубы:

— Однако... новыя моды у тебя завелись! ужъ третій день сряду я твои разговоры слушаю!

— Что жъ, и моды! Моды—такъ моды! не все вамъ одинъ говорить—можно, чай, и другимъ слово вымолвить! Право-ну! Ребенка прижили—и что съ нимъ сдѣлали! Въ деревнѣ, чай, у бабы въ избѣ сгноили! ни призору за нимъ, ни ницци, ни одежи... лежитъ, поди, въ грязи да сѣску прокислую сосетъ!

Она прослезилась и концомъ шейнаго платка утерла глаза.

— Вотъ ужъ правду погорѣловская барыння сказала, что страшно съ вами. Страшно и есть. Ни удовольствія, ни радости, одинъ только каверзы... Въ тюрьмѣ арестанты лучше живутъ. Но крайности, еслибъ у меня теперича ребенокъ былъ—все бы я забаву какую ни на есть видѣла. А то натко! былъ ребенокъ—и того отняли.

Порфирій Владимірычъ сидѣлъ на мѣстѣ и какъ-то мучительно моталъ головой, точно его и въ самомъ дѣлѣ къ стѣнѣ прижали. Но временамъ изъ груди его даже вырывались стоны.

— Ахъ, тяжело!—наконецъ произнесъ онъ.

— Нечего „тяжело"! сама себя раба бьетъ, коли плохо живетъ! Право, съѣзжу я въ Москву, хоть глазкомъ на Володьку взгляну! Володька! Володенька! ми-и-и-лый! Баринъ! съѣзжу-ка, что-ли, я въ Москву?

— Незачѣмъ!—глухо отозвался Порфирій Владимірычъ.

— Ань съѣзжу! и не спрошусь ни у кого, и никто запретитъ мнѣ не можетъ! Потому я—мать!

— Какая ты мать! Ты дѣвка гулящая—вотъ ты кто!—разразился наконецъ Порфирій Владимірычъ:—сказывай, что тебѣ отъ меня надобно?

Къ этому вопросу Евпраксеюшка повидимому не приготовилась. Она уставилась въ Іудушку глазами и молчала, словно размышляя, чего ей въ самомъ дѣлѣ надобно.

— Вотъ какъ! ужъ дѣвкой гулящей звать стали!—вскрикнула она, заливаясь слезами.

— Да! дѣвка гулящая! дѣвка, дѣвка! тьфу! тьфу! тьфу!

Порфирій Владимірычъ окончательно вышелъ изъ себя, вскочилъ съ мѣста и почти бѣгомъ выбѣжалъ изъ столовой.

Это была послѣдняя вспышка энергіи, которую онъ позволилъ себѣ. Затѣмъ онъ какъ-то быстро осунулся, отупѣлъ и струсилъ, тогда какъ приставаньямъ Евпраксеюшки и конца не было видно. У нея была въ распоряженіи громадная сила—упорство тупоумія, и такъ какъ эта сила постоянно била въ одну точку: досадить, изгадить, то по временамъ она являлась чѣмъ-то страшнымъ. Мало-помалу арена столовой сдѣлалась недостаточною для нея: она врывалась въ кабинетъ и тамъ настигала Іудушку (прежде она и подумать не посмѣла бы войти туда, когда баринъ „занятъ"). Придетъ, сядетъ къ окну, упрется посоловѣлыми глазами въ пространство, почешется лопатками объ косякъ и начнетъ колобродить. Въ особенности же пришлась ей по сердцу одна тема для разговоровъ—тема, въ основаніи которой лежала угроза оставить Головлево. Въ сущности она никогда серьезно объ этомъ не думала и даже была бы очень изумлена, еслибъ ей вдругъ предложили возвратиться въ родительскій домъ; но она догадывалась, что Порфирій Владимірычъ пуще всего боится, чтобъ она не ушла. Приговаривалась она къ этому предмету всегда помаленьку, окольными путями. Помолчитъ, почешетъ въ ухѣ и вдругъ словно бы что вспомнитъ.

— Сегодня, у Николы, поди, блины пекутъ!

Порфирій Владимірычъ при этомъ вступленіи зеленѣетъ отъ злости. Передъ этимъ онъ только-что началъ очень сложное вычисленіе—на какую сумму онъ можетъ продать въ годъ молока, ежели всѣ коровы въ округѣ примрутъ, а у него одного, съ Божьею помощью, не только останутся невредимы, но даже будутъ давать молока противъ прежняго вдвое. Однако, въ виду прихода Евпрак-

сеюшки и поставленнаго ею вопроса о блинахъ, онъ оставляетъ свою работу и даже усиливается улыбнуться.

— Отчего же тамъ блины некуть?—спрашиваетъ онъ, ослабляясь всѣмъ лицомъ своимъ:—ахъ, батюшки, да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ родительская сегодня! а я-то, ротозѣй, и позабылъ! Ахъ, грѣхъ какой! маменьку-то покойницу и помянуть будетъ нечѣмъ!

— Поѣла бы я блиновъ... родительскихъ!

— А кто жъ тебѣ не велитъ! распорядись! Кухарку Марьюшку за бока! а не то такъ Улитушку! Ахъ, хорошо Улита блины печетъ!

— Можетъ, она и другимъ чѣмъ на васъ потрафила? —язвитъ Евпраксеюшка.

— Нѣтъ, грѣхъ сказать, хорошо, даже очень хорошо Улитка блины печетъ! Легкіе, мягкіе—ай, поѣшь!

Порфирій Владимірычъ хочетъ шуточкой да смѣшкомъ развлечь Евпраксеюшку.

— Поѣла бы я блиновъ, да не головлевскихъ, а родительскихъ! —кобянится она.

— И за этимъ у насъ дѣло не станетъ! Архипушку-кучера за бока! вели нарочку лошадушекъ заложить, кати себѣ да покатывай!

— Нѣтъ ужъ! что ужъ! попалась птица въ западню... сама глуна была! Кому меня, этакую-то, нужно? Сами гулящей дѣвкой недавно назвали... чего ужъ!

— Ахъ-ахъ-ахъ! и не стыдно тебѣ напраслину на меня говорить! А ты знаешь ли, какъ Богъ-то за напраслину наказываетъ?

— Назвали! прямо такъ-таки гулящей и назвали! вотъ и образъ тутъ: при немъ, при Батюшкѣ! Ахъ, распостылое мнѣ это Головлево! сбѣгу я отсюда! право, сбѣгу!

Говоря это, Евпраксеюшка ведетъ себя совершенно непринужденно: раскачивается на стулѣ, копается въ носу, почесывается. Очевидно, она разыгрываетъ комедію, дразнитъ.

— Я, Порфирій Владимірычъ, вамъ что-то хотѣла сказать,— продолжаетъ она колобродить:—вѣдь мнѣ домой надобно!

— Погостить, что-ли, къ отцу съ матерью собралась?

— Нѣтъ, я совсѣмъ. Останусь, значитъ, у Николы.

— Что такъ? обидѣлась чѣмъ-нибудь?

— Нѣтъ, не обидѣлась, а такъ... надо же когда-нибудь... Да и скучно у васъ... ида страшно! Въ домѣ-то словно все вымерло!

„Людишки — вольница, все по кухнямъ да по людскимъ прячутся; сиди въ цѣломъ домѣ одна: еще зарѣжутъ, того гляди! Ночью спать ляжешь—изо всѣхъ угловъ шёпоты ползутъ!

Однако проходили дни за днями, а Евпраксеюшка и не думала приводить въ исполненіе свою угрозу. Тѣмъ не менѣе дѣйствіе этой угрозы на Порфирія Владимірыча было очень рѣшительное. Онъ вдругъ какъ-то понялъ, что, несмотря на то, что съ утра до вечера изнывалъ въ такъ-называемыхъ трудахъ, онъ, собственно говоря, ровно ничего не дѣлалъ и могъ бы остаться безъ обѣда, не имѣть ни чистаго бѣлья, ни исправнаго платья, еслибъ не было чьего-то глаза, который смотрѣлъ за тѣмъ, чтобъ его домашній обиходъ не прерывался. „До сихъ поръ онъ какъ бы не чувствовалъ жизни, не понималъ, что она имѣетъ какую-то обстановку, которая созидается не сама собой. Весь его день шелъ однажды заведеннымъ порядкомъ: все въ домѣ группировалось лично около него и ради него; все дѣлалось въ свое время: всякая вещь находилась на своемъ мѣстѣ—словомъ сказать, вездѣ царствовала такая неизмѣнная точность, что онъ даже не придавалъ ей никакого значенія. Благодаря этому порядку вещей, онъ могъ на всей своей волѣ предаваться и празднословію, и праздномыслію, не опасаясь, чтобы уколы дѣйствительной жизни когда-нибудь вывели его на свѣжую воду. Правда, что вся эта искусственная махинація держалась на волоскѣ; но человѣку, постоянно погруженному въ самого себя, не могло и въ голову придти, что этотъ волосокъ есть нѣчто очень тонкое, легко рвущееся. Ему казалось, что жизнь установилась прочно, навсегда... И вдругъ все это должно рушиться въ одинъ мигъ, по одному дурацкому слову: „нѣтъ ужъ! что ужъ! уйду!“ Іудушка совершенно растерялся. Что, ежели она въ самомъ дѣлѣ уйдетъ? думалось ему. И онъ мысленно начиналъ строить всевозможныя нелѣпыя комбинаціи, съ цѣлью какъ-нибудь удержать ее, и даже рѣшался на такія уступки въ пользу бунтующей Евпраксеюшкиной младости, которыя ему никогда бы прежде и въ голову не пришли.

— Тьфу! тьфу! тьфу!—отплевывался онъ, когда возможность столкновенія съ кучеромъ Архипушкой или съ конторщикомъ Игнатомъ представлялась ему во всей обидной наготѣ своей.

Скоро однакожъ онъ убѣдился, что страхъ его насчетъ ухода Евпраксеюшки былъ по малой мѣрѣ неоснователенъ, и вслѣдъ за-

тѣмъ существованіе его какъ-то круто встунило въ новый и совершенно для него неожиданный фазисъ. Евпраксеюшка не уходила, но даже замѣтно пріутихла съ своими приставаніями. Взамѣнъ того, она совершенно бросила Порфирія Владимірыча. Наступалъ май, пришли красные дни, и она ужъ почти совсѣмъ не являлась въ домъ. Только по постоянному хлопанью дверей Іудушка догадывался, что она зачѣмъ-нибудь прибѣжала къ себѣ въ комнату, съ тѣмъ, чтобы вслѣдъ затѣмъ опять исчезнуть. Вставая утромъ, онъ не находилъ на обычномъ мѣстѣ своего платья и долженъ былъ вести продолжительные переговоры, чтобы получить чистое бѣлье; чай и обѣдъ ему подавали то спозаранку, то слишкомъ поздно, причемъ прислуживалъ полуньяный лакей Прохоръ, который являлся къ столу въ занятанномъ сюртукѣ и отъ котораго вѣчно воняло какою-то противною смѣсью рыбы и водки.

Тѣмъ не менѣе Порфирій Владимірычъ ужъ и тому былъ радъ, что Евпраксеюшка оставляла его въ покоѣ. Онъ примирялся даже съ безпорядкомъ, лишь бы знать, что въ домѣ все-таки есть нѣкто, кто этотъ безпорядокъ держитъ въ своихъ рукахъ. Его страшила не столько безурядица, сколько мысль о необходимости личнаго вмѣшательства въ обстановку жизни. Съ ужасомъ представлялъ онъ себѣ, что можетъ наступить минута, когда ему самому придется распоряжаться, приказывать, надсматривать. Въ предвидѣніи этой минуты онъ старался подавить въ себѣ всякій протестъ, закрывалъ глаза на наступавшее въ домѣ безначаліе, стушевывался, молчалъ. А на барскомъ дворѣ между тѣмъ шла ежедневная открытая гульба. Съ наступленіемъ тепла головлевская усадьба, дотолѣ степенная и даже угрюмая, оживилась. Вечеромъ все населеніе дворовыхъ, и заштатные, и состоящіе на дѣйствительной службѣ, и старъ, и младъ—все высыпало на улицу. Пѣли пѣсни, играли на гармоникѣ, хохотали, взвизгивали, бѣгали въ горѣлки. На Игнатѣ-конторщикѣ появилась ярко-красная рубаха и какая-то неслыханно узенькая жакетка, борты которой совсѣмъ не закрывали его молодецки выпяченной груди; Архипъ-кучеръ самовольно завладѣлъ выѣздною шелковой рубашкой и плисовой безрукавкой и очевидно соперничалъ съ Игнатомъ въ плаваніи насчетъ сердца Евпраксеюшки. Евпраксеюшка бѣгала между ними и, словно шальная, кидалась то къ одному, то къ другому. Порфирій Владимірычъ боялся взглянуть въ окно, чтобъ не сдѣлаться

свидѣтелемъ любовной сцены, но не слышать не могъ. По временамъ въ ушахъ его раздавался звукъ полновѣснаго удара: это кучеръ Архипушка всей пятерней далъ разъ Евпраксеюшкѣ, гоняясь за нею въ горѣлкахъ (и она не разсердилась, а только присѣла слегка); по временамъ до него доносился разговоръ:

— Евпраксея Никитишна! а Евпраксея Никитишна! — взываетъ пьяненькій Прохоръ съ барскаго крыльца.

— Чего надобно?

— Ключъ отъ чаю пожалуйте, баринъ чаю просятъ!

— Подождетъ... кикимора!

Въ короткое время Порфирій Владимірычъ совѣмъ одичалъ. Весь обычный ходъ его жизни былъ взбудораженъ и извращенъ, но онъ какъ-то ужъ пересталъ обращать на это вниманіе. Онъ ничего не требовалъ отъ жизни, кромѣ того, чтобъ его не тревожили въ его послѣднемъ убѣжищѣ — въ кабинетѣ. Насколько онъ прежде былъ придирчивъ и надоѣдливъ въ отношеніяхъ къ окружающимъ, настолько же теперь сдѣлался боязливъ и угрюмо-покоренъ. Казалось, всякое общеніе съ дѣйствительною жизнью прекратилось для него. Ничего бы не слышать, никого бы не видѣть — вотъ чего онъ желалъ. Евпраксеюшка могла цѣлыми днями не показываться въ домъ; людишки могли сколько хотѣли вольничать и бездѣльничать на дворѣ — онъ ко всему относился безучастно, какъ будто ничего не было. Прежде, еслибъ конторщикъ позволилъ себѣ хотя малѣйшую неаккуратность въ доставленіи рапортичекъ о состояніи различныхъ отраслей хозяйственнаго управленія, онъ навѣрное истранилъ бы его поученіями; теперь ему по цѣлымъ недѣлямъ приходилось сидѣть безъ рапортичекъ, и онъ только изрѣдка тяготился этимъ, а именно, когда ему нужна была цифра для подкрѣпленія какихъ-нибудь фантастическихъ разсчетовъ. За то, въ кабинетѣ, одинъ-на-одинъ съ самимъ собою, онъ чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ, имѣющимъ возможность праздномыслить сколько душѣ угодно. Подобно тому, какъ оба брата его умерли, одержимые запоемъ, такъ точно и онъ страдалъ тою же болѣзнью. Только это былъ запой иного рода — запой праздномыслія. Запершись въ кабинетъ и засѣвши за письменный столъ, онъ съ утра до вечера изнывалъ надъ фантастической ра-

ботой: строилъ всевозможныя несбыточныя предположенія, учитывалъ самого себя, разговаривалъ съ воображаемыми собесѣдниками и создавалъ цѣлыя сцены, въ которыхъ первая случайно взбредшая на умъ личность являлась дѣйствующимъ лицомъ.

Въ этомъ омутѣ фантастическихъ дѣйствій и образовъ главную роль играла какая-то болѣзненная жажда стяжанія. Хотя Порфирій Владимірычъ и всегда вообще былъ мелоченъ и наклоненъ къ кляузѣ, но, благодаря его практической нелѣпости, никакихъ прямыхъ выгодъ лично для него отъ этихъ наклонностей не получалось. Онъ надоѣдалъ, томилъ, тиранилъ (преимущественно самыхъ беззащитныхъ людей, которые, такъ сказать, сами напрашивались на обиду), но и самъ чаще всего терялъ отъ своей затѣйливости. Теперь эти свойства всецѣло перенеслись на отвлеченную, фантастическую почву, гдѣ уже не имѣлось мѣста ни для отпора, ни для оправданій, гдѣ не было ни сильныхъ, ни слабыхъ, гдѣ не существовало ни полиціи, ни мировыхъ судовъ (или, лучше сказать, существовали, но единственно въ видахъ огражденія его, Іудушкиныхъ, интересовъ) и гдѣ, слѣдовательно, онъ могъ свободно опутывать цѣлый міръ сѣтью кляузъ, притѣсненій и обидъ.

Онъ любилъ мысленно вымучить, разорить, обездолить, высосать кровь. Перебиралъ одну за другой всѣ отрасли своего хозяйства: лѣсъ, скотный дворъ, хлѣбъ, луга и проч., и на каждой созидалъ узорчатое зданіе фантастическихъ притѣсненій, сопровождаемыхъ самыми сложными разсчетами, куда входили и штрафы, и ростовщичество, и общія бѣдствія, и пріобрѣтеніе цѣнныхъ бумагъ—словомъ сказать, цѣлый запутанный міръ праздныхъ помѣщичьихъ идеаловъ. А такъ какъ тутъ все зависѣло отъ произвольно предполагаемыхъ переплатъ или недоплатъ, то каждая переплаченная или недоплаченная копѣйка служила поводомъ для передѣлки всего зданія, которое такимъ образомъ видоизмѣнялось до безконечности. Затѣмъ, когда утомленная мысль уже не въ силахъ была слѣдить съ должнымъ вниманіемъ за всѣми подробностями спутанныхъ выкладокъ по операціямъ стяжанія, онъ переносилъ арену своей фантазіи на вымыслы болѣе растяжимые. Припоминалъ всѣ столкновенія и пререканія, какія случались у него съ людьми не только въ недавнее время, но и въ самой отдаленной молодости, и разрабатывалъ ихъ съ такимъ разсчетомъ, что всегда изъ всякаго столкновенія выходилъ побѣдителемъ.

Онъ мстилъ мысленно своимъ бывшимъ сослуживцамъ по департаменту, которые опередили его по службѣ и растравили его самолюбіе настолько, что заставили отказаться отъ служебной карьеры; мстилъ одноклассникамъ по школѣ, которые нѣкогда пользовались своею физической силой, чтобъ дразнить и притѣснять его; мстилъ сосѣдямъ по имѣнію, которые давали отпоръ его притязаніямъ и отстаивали свои права; мстилъ слугамъ, которые когда-нибудь сказали ему грубое слово или просто не оказали достаточной почтительности; мстилъ маменькѣ Аринѣ Петровнѣ за то, что она просадила много денегъ на устройство Погорѣлки, — денегъ, которыя, „по всѣмъ правамъ", слѣдовали ему; мстилъ братцу Стёпкѣ-балбесу за то, что онъ прозвалъ его Іудушкой; мстилъ тетенькѣ Варварѣ Михайловнѣ за то, что она, въ то время, когда ужъ никто этого не ждалъ, вдругъ народила дѣтей „съ бору да съ сосенки", вслѣдствіе чего сельцо Заврюшкино навсегда ускользнуло изъ Головлевскаго рода. Мстилъ живымъ, мстилъ мертвымъ.

Фантазируя такимъ образомъ, онъ незамѣтно доходилъ до опьянѣнія: земля исчезала у него изъ-подъ ногъ, за спиной словно выросли крылья. Глаза блестѣли, губы тряслись и покрывались пѣной, лицо блѣднѣло и принимало угрожающее выраженіе. И по мѣрѣ того какъ росла фантазія, весь воздухъ кругомъ него населялся призраками, съ которыми онъ вступалъ въ воображаемую борьбу.

Существованіе его получило такую полноту и независимость, что ему ничего не оставалось желать. Весь міръ былъ у его ногъ, — разумѣется, тотъ немудреный міръ, который былъ доступенъ его скудному міросозерцанію. Каждый простѣйшій мотивъ онъ могъ варьировать безконечно, за каждый могъ по нѣскольку разъ приниматься сызнова, разрабатывая всякій разъ на новый манеръ. Это былъ своего рода экстазъ, ясновидѣніе, нѣчто подобное тому, что происходитъ на спиритическихъ сеансахъ. Ничѣмъ неограничиваемое воображеніе создаетъ мнимую дѣйствительность, которая, вслѣдствіе постояннаго возбужденія умственныхъ силъ, претворяется въ конкретную, почти осязаемую. Это — не вѣра, не убѣжденіе, а именно умственное распутство, экстазъ. Люди обезчеловѣчиваются, ихъ лица искажаются, глаза горятъ, языкъ произноситъ непроизвольныя рѣчи, тѣло производитъ непроизвольныя движенія.

Порфирій Владимирычъ былъ счастливъ. Онъ плотно запиралъ

окна и двери, чтобъ не слышать, спускалъ шторы, чтобъ не видѣть. Всѣ обычныя жизненныя отправленія, которыя прямо не соприкасались съ міромъ его фантазіи, онъ дѣлалъ на скорую руку, почти съ отвращеніемъ. Когда пьяненькій Прохоръ стучался въ дверь его комнаты, докладывая, что подано кушать, онъ нетерпѣливо вбѣгалъ въ столовую, наперекоръ всѣмъ прежнимъ привычкамъ, спѣша съѣдать свои три перемѣны кушанья и опять скрывался въ кабинетъ. Даже въ манерахъ у него, при столкновеніи съ живыми людьми, явилось что-то отчасти робкое, отчасти глупо-насмѣшливое, какъ будто онъ, въ одно и то же время, и боялся, и вызывалъ. Утромъ онъ спѣшилъ встать какъ можно раньше, чтобы сейчасъ же приняться за работу. Молитвенное стояніе сократилъ: слова молитвы произносилъ безучастно, не вникая въ ихъ смыслъ: крестныя знаменія и воздѣянія рукъ творилъ машинально, неотчетливо. Даже представленіе объ адѣ и его мучительныхъ возмездіяхъ (за каждый грѣхъ—возмездіе особенное), повидимому, покинуло его.

А Евпраксеюшка между тѣмъ млѣла въ чаду плотскаго вожделѣнія. Гарцуя въ нерѣшимости между конторщикомъ Игнатомъ и кучеромъ Архипушкой, и въ то же время кося глазами на краснорожаго плотника Илюшу, который съ цѣлой артелью подрядился вывѣсить господскій погребъ, она ничего не замѣчала, что дѣлается въ барскомъ домѣ. Она думала, что баринъ какую-нибудь „новую комедію“ разыгрываетъ, и не мало веселыхъ словъ было произнесено по этому поводу въ дружеской компаніи почувствовавшихъ себя на свободѣ людишекъ. Но однажды, какъ-то случайно, зашла она въ столовую въ то время, когда Гудушка на-скоро доѣдалъ кусокъ жаренаго гуся, и вдругъ ей сдѣлалось жутко.

Порфирій Владимірычъ сидѣлъ въ засаленномъ халатѣ, изъ котораго мѣстами выбивалась ужъ вата; онъ былъ блѣденъ, нечесанъ, оброслъ какой-то щетиной вмѣсто бороды.

— Баринушка! что такое? что случилось?—бросилась она къ нему въ испугѣ.

Но Порфирій Владимірычъ только глупо-язвительно улыбнулся въ отвѣтъ на ея восклицаніе, словно хотѣлъ сказать: а ну-ка, попробуй теперь меня чѣмъ-нибудь уязвить!

— Баринушка! да что такое? Говорите! что случилось?—повторила она.

Онъ всталъ, уставилъ въ нее исполненный ненависти взглядъ и съ разстановкой произнесъ:

— Если ты, дѣвка распутная, еще когда-нибудь... въ кабинетъ ко мнѣ... Убью!

Благодаря этой случайности, существованіе Порфирія Владимірыча съ внѣшней стороны измѣнилось къ лучшему. Не чувствуя никакихъ матеріальныхъ помѣхъ, онъ свободно отдался своему одиночеству, такъ что даже не видалъ, какъ прошло лѣто. Августъ ужъ перевалилъ на вторую половину: дни сократились; на дворѣ непрерывно сѣялъ мелкій дождь; земля взмокла; деревья стояли понуро, роняя на землю пожелтѣвшіе листья. На дворѣ и около людской царствовала невозмутимая тишина: дворовые ютились по своимъ угламъ, частью вслѣдствіе хмурой погоды, частью вслѣдствіе того, что догадались, что съ барномъ происходитъ что-то неладное. Евпраксеюшка окончательно очнулась; забыла и о шолковыхъ платьяхъ, и о милыхъ дружкахъ, и по цѣлымъ часамъ сидѣла въ дѣвичьей на ларѣ, не зная, какъ ей быть и что̀ предпринять. Пьяненькій Прохоръ дразнилъ ее, что она извела барина, опоила его, и что неминовать ей за это по владиміркѣ погулять.

А Іудушка между тѣмъ сидитъ, запершись, у себя въ кабинетѣ и мечтаетъ. Ему еще лучше, что на дворѣ свѣжѣе сдѣлалось: дождь, безъ устали дребезжащій въ окна его кабинета, наводитъ на него полудремоту, въ которой еще свободнѣе, шире развертывается его фантазія. Онъ представляетъ себя невидимкою и въ этомъ видѣ мысленно инспектируетъ свои владѣнія, въ сопровожденіи стараго Ильи, который еще при папенькѣ, Владимірѣ Михайловичѣ, старостой служилъ и давнымъ-давно на кладбищѣ схороненъ.

— Умный мужикъ Илья! старинный слуга! Нынче такіе-то люди выводятся. Нынче что̀: поюлить да потарантитъ, а чуть до дѣла коснется — и нѣтъ никого! разсуждаетъ самъ съ собой Порфирій Владимірычъ, очень довольный, что Илья изъ мертвыхъ воскресъ.

Не торопясь да Богу помолясь, никѣмъ невидимые, черезъ поля и овраги, черезъ долы и луга, пробираются они въ пустошь Уховщину — и долго не вѣрятъ глазамъ своимъ. Стоитъ передъ ними лѣсище стѣна стѣной, стоитъ да только вершинами въ вышинѣ гудетъ. Деревья все одно къ одному, красныя — сосникъ, которыя въ два, а

которыя и въ три обхвата; стволы у нихъ прямые, обнаженные, а вершины могучія, пушистыя: долго, значитъ, еще этому лѣсу стоять можно.

— Вотъ, братъ, такъ лѣсокъ!—въ восхищеніи восклицаетъ Трудушка.

— Заказничокъ!—объясняетъ старикъ Илья:—еще при покойномъ дѣдушкѣ вашемъ, при Михайлѣ Васильичѣ, съ образами обошли—вонъ онъ какой выросъ!

— А сколько, по твоему, тутъ десятинъ будетъ?

— Да въ ту пору ровно семьдесятъ десятинъ мѣрили, ну, а нынѣче... тогда десятина-то хозяйственная была, противъ нынѣшней въ полтора раза побольше!

— Ну, а какъ ты думаешь, сколько на каждой десятинѣ, примѣрно, деревъ сидитъ?

— Кто ихъ знаетъ! у Бога они сосчитаны!

— А я такъ думаю, что непремѣнно шестьсотъ-семьсотъ на десятину будетъ. Да не на старую десятину, а на нынѣшнюю, на тридцатку. Постой! погоди! ежели по шестисотъ... ну, по шестисотъ по пятидесяти положить—сколько же на ста-пяти десятинахъ деревъ будетъ?

Порфирій Владимірычъ беретъ листъ бумаги и умножаетъ 105 на 650: оказывается 68.250 деревъ.

— Теперича, ежели весь этотъ лѣсъ продать... по разнотъ... какъ ты думаешь, можно по десяти рублей за дерево взять?

Старикъ Илья трясетъ головой.

— Мало!—говоритъ онъ:—вѣдь это какой лѣсъ! изъ каждаго дерева два мельничныхъ вала выйдетъ, да еще строевое бревно, хоть въ какую угодно стройку, да семеричекъ, да товаричку, да сучья... По вашему, мельничный-то валъ—сколько онъ стоитъ?

Порфирій Владимірычъ притворяется, что не знаетъ, хотя онъ давно ужъ все до послѣдней копѣйки опредѣлилъ и установилъ.

— По здѣшнему мѣсту одинъ валъ десяти рублей стоитъ, а кабы въ Москву, такъ и цѣны бы ему, кажется, не было! Вѣдь это —какой валъ! его на тройкѣ только-только увезти! да еще другой валъ, потоньше, да бревно, да семеричекъ, да дровъ, да сучьевъ... Лишь дерево-то, бѣдно-бѣдно, въ двадцати рубляхъ пойдетъ.

Слушаетъ Порфирій Владимірычъ Ильины рѣчи и не наслу-

нается ихъ! Умный, вѣрный мужикъ—этотъ Илья! Да и все вообще управленіе ему какъ-то необыкновенно удачно привелъ Богъ сладить! Въ помощникахъ у Ильи старый Вавило служитъ (тоже давно на кладбищѣ лежитъ) — вотъ, братъ, такъ крыжъ! Въ конторщикахъ — маменькинъ земскій Филиппъ-перевезенецъ (изъ вологодскихъ деревень его, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, перевезли); полѣсовщики все испытанные, неутомимые; псы у амбаровъ—злые! И люди, и псы —всѣ готовы за барское добро хоть чорту горло перегрызть!

— А нутка, братъ, давай прикинемъ: сколько это будетъ, ежели всю пустошь по разнотѣ распродать?

Порфирій Владимірычъ снова разсчитываетъ мысленно, сколько стоитъ большой валъ, сколько валъ поменьше, сколько строевое бревно, семерикъ, дрова, сучья. Потомъ складываетъ, умножаетъ, въ иномъ мѣстѣ отсѣкаетъ дроби, въ другомъ прибавляетъ. Листъ бумаги наполняется столбцами цифръ.

— Натко, братъ, смотри, что вышло!—показываетъ Гудушка воображаемому Ильѣ какую-то совсѣмъ неслыханную цифру, такъ что даже Илья, который и со своей стороны не прочь отъ пріумноженія барскаго добра, и тотъ словно съёжился.

— Что-то какъ будто и многовато!—говоритъ онъ, въ раздумьи поводя лопатками.

Но Порфирій Владимірычъ уже откинулъ всѣ сомнѣнія и только веселенько хихикаетъ.

— Чудакъ, братецъ, ты! Это ужъ не я, а цифра говоритъ... Наука, братецъ, такая есть, ариѳметикой называется... ужъ она, братъ, не солжетъ! Ну, хорошо, съ Уховщиной теперь покончили; пойдемъ-ка, братъ, въ Лисьи-Ямы, давно я тамъ не бывалъ! Сдается мнѣ, что мужики тамъ поналиваютъ, ой, поналиваютъ мужики! Да и Гаранька-сторожъ... знаю! знаю! Хорошій Гаранька, усердный сторожъ, вѣрный — это что говорить! а все таки... Маленько онъ какъ будто сшибаться сталъ!

Идутъ они неслышно, невидимо, сквозь чащу березовую едва пробираются и вдругъ останавливаются, притаивши дыханіе. На самой дорогѣ лежитъ на боку мужицкій возъ, а мужикъ стоитъ и тужитъ, глядючи на сломанную ось. Потужилъ-потужилъ, выругалъ ось, да и себя кстати ругнулъ, вытянулъ лошадь кнутомъ по спинѣ („ишь, ворона!“), однако дѣлать что-нибудь надо — не стоять же на

одномъ мѣстѣ до завтра! Озирается воръ-мужиченко, прислушивается: не ѣдетъ ли кто, потомъ выбираетъ подходящую березку, вынимаетъ топоръ... А Іудушка все стоитъ, не шелохнется... Дрогнула березка, зашаталася и вдругъ, словно спитъ, повалилась на земь. Хочетъ мужикъ отрубить отъ комля, сколько на ось надобно, но Іудушка ужъ рѣшилъ, что настоящій моментъ наступилъ. Крадучись, подползаетъ онъ къ мужику и мигомъ выхватываетъ изъ рукъ его топоръ.

— Ахъ!—успѣваетъ только крикнуть застигнутый врасплохъ воръ.

— „Ахъ!“ —передразниваетъ его Порфирій Владимірычъ:— а чужой лѣсъ воровать дозволяется? „Ахъ!“ —а чью березку-то, свою, что-ли, срубилъ?

— Простите, батюшка!

— Я, братецъ, давно всѣмъ простилъ! Самъ Богу грѣшенъ и другихъ осуждать не смѣю! Не я, а законъ осуждаетъ. Ось-то, которую ты срубилъ, на усадьбу привези, да и рублику штрафу кстати ужъ захвати: а покуда пускай топорикъ у меня полежитъ! Небось, братъ, сохранно будетъ!

Довольный тѣмъ, что успѣлъ на самомъ дѣлѣ доказать Ильѣ справедливость своего мнѣнія насчетъ Гаранькн, Порфирій Владимірычъ съ мѣста преступленія заходитъ мысленно въ избу колѣсовщика и дѣлаетъ приличное поученіе. Потомъ онъ отправляется домой и по дорогѣ ловитъ въ господскомъ овсѣ трехъ крестьянскихъ куръ. Воротившись въ кабинетъ, онъ опять принимается за работу, и цѣлая особенная хозяйственная система вдругъ зарождается въ его умѣ. Все ростущее и прозябающее на его землѣ, сѣянное и несѣянное, обращается въ деньги по разнотѣ, и притомъ со штрафомъ. Всѣ люди вдругъ сдѣлались порубщиками и потравщиками. А Іудушка не только не скорбитъ объ этомъ, но, напротивъ, даже руки себѣ потираетъ отъ удовольствія.

— Травите, батюшки, рубите! мнѣ же лучше!—повторяетъ онъ совершенно довольный.

И тутъ же беретъ новый листъ бумаги и принимается за выкладки и вычисленія.

Сколько на десятинѣ овса растетъ и сколько этотъ овесъ можетъ денегъ принести, ежели его куры мужицкія помнутъ и за все помятое штрафъ уплатятъ?

— А овесъ-то хоть и помять, аиъ послѣ дождичка и опять поправился!—мысленно присовокупляетъ Іудушка.

Сколько въ Лисьихъ-Ямахъ березокъ ростетъ и сколько за нихъ можно денегъ взять, ежели ихъ мужики воровскимъ манеромъ порубятъ и за все порубленное штрафъ заплатятъ?

— А березка-то, хоть она и срублена, ко мнѣ же въ домъ на протопленье пойдетъ; стало быть, дровъ самому пилить не надо!— опять присовокупляетъ Іудушка мысленно.

Громадныя колонны цифръ испещряютъ бумагу; сперва рубли, потомъ десятки, сотни, тысячи... Іудушка до того устаетъ за работой и, главное, такъ волнуется ею, что весь въ ноту встаетъ изъ-за стола и ложится отдыхать на диванъ. Но взбунтовавшееся воображеніе и тутъ не укрощаетъ своей дѣятельности, а только избираетъ другую, болѣе легкую тему.

— Умная женщина была маменька Арина Петровна,—фантазируетъ Порфирій Владимірычъ:—умѣла и спросить, да и приласкать умѣла—оттого и служили ей всѣ съ удовольствіемъ! однако и за ней грѣшки водились! Ой, много было за покойницей блохъ!

Не успѣлъ Іудушка помянуть объ Аринѣ Петровнѣ, а она ужъ и тутъ какъ тутъ; словно чуетъ ея сердце, что она отвѣтъ должна дать: сама къ милому сыну изъ могилы явилась.

— Не знаю, мой другъ, не знаю, чѣмъ я передъ тобой провинилась!—какъ-то уныло говоритъ она:—кажется, я...

— Те-те-те, голубушка! лучше ужъ не грѣшите!—безъ церемоніи обличаетъ ее Іудушка:—коли на то пошло, такъ я все передъ вами сейчасъ выложу! Почему вы, напримѣръ, тетеньку Варвару Михайловну въ ту пору не остановили?

— Какъ же ее останавливать! она и сама въ полныхъ лѣтахъ была, сама имѣла право распоряжаться собою!

— Ну, нѣтъ-съ, позвольте-съ! Мужъ-то какой у нея былъ? Старенькій да пьяненькій—ну, самый, самый, значитъ... безплодный! А между тѣмъ у нея четверо дѣтей проявилось... Откуда— спрашиваю я васъ—эти дѣти взялись?

— Что это, другъ мой, какъ ты странно говоришь! какъ будто я въ этомъ причинна!

— Причины не причины, а все-таки повліять могли! Смѣшкомъ бы да шуточкой, „голубушка" да „душенька"—смотришь, она

бы и посовѣстилась! А вы все напротивъ! На дыбы да съ кандачка! Варька да Варька, да подлая, да безстыжая! чуть не со всей округой ее перевѣнчали! вотъ она и того... и она тоже на дыбы встала! Жаль! Горюшкино-то наше бы теперь было!

— Далось тебѣ это Горюшкино!—говоритъ Арина Петровна, очевидно становясь въ тупикъ передъ обвиненіемъ сына.

— Мнѣ что̀ Горюшкино! Мнѣ, пожалуй, и ничего не надо! Было бы на свѣчку да на маслице—вотъ я и доволенъ! А вообще, по справедливости... Да, маменька, и радъ бы смолчать, а не сказать не могу: большой грѣхъ на вашей душѣ лежитъ, очень, очень большой!

Арина Петровна уже ничего не отвѣчаетъ, а только руками разводитъ, не то подавленная, не то недоумѣвающая.

— Или бы вотъ, напримѣръ, другое дѣло, — продолжаетъ между прочимъ Іудушка, любуясь смущеніемъ маменьки:—зачѣмъ вы для брата Степана въ ту пору домъ въ Москвѣ покупали?

— Надо было, мой другъ: надо же было и ему какой-нибудь кусокъ выбросить,—оправдывается Арина Петровна.

— А онъ взялъ да и промоталъ его! И добро бы вы его не знали: и буянъ-то онъ былъ, и сквернословъ, и непочтительный—нѣтъ-таки. Да еще папенькину вологодскую деревеньку хотѣли ему отдать! А деревенька-то какая! вся въ одной межѣ! ни сосѣдей, ни черезполосицы; лѣсокъ хорошенькій, озерцо... стоитъ какъ облупленное яичко. Христосъ съ ней! Хорошо, что я въ то время случился да воспрепятствовалъ... Ахъ, маменька, маменька, и не грѣхъ это вамъ!

— Да вѣдь сынъ онъ... пойми, все-таки—сынъ!

— Знаю я, и даже очень хорошо понимаю! И все-таки не нужно было этого дѣлать, не слѣдовало! Домъ-то двѣнадцать тысячъ серебрецомъ заплаченъ—а гдѣ онъ? Вотъ тутъ двѣнадцать тысячъ плакали, да Горюшкино тетеньки Варвары Михайловны, бѣдно-бѣдно, тысячъ на пятнадцать оцѣнить нужно... Ишь денегъ-то и многонько выйдетъ!

— Ну, ну, полно! ужъ перестань! не сердись, Христа ради!

— Я, маменька, не сержусь, я только по справедливости сужу... что̀ правда, то̀ правда—терпѣть не могу лжи! съ правдой родился, съ правдой жилъ, съ правдой и умру! Правду и Богъ любитъ, да и

намъ велитъ любить! Вотъ хоть бы про Погорѣлку — всегда скажу: много, ахъ, какъ много денегъ вы извели на устройство ея.

— Да вѣдь я сама въ ней жила...

Іудушка очень хорошо читаетъ на лицѣ маменьки слова: „кровопивецъ ты несуразный!“ — но дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ ихъ.

— Нужды нѣтъ, что жили, а все-таки... Кіотка-то и до сихъ поръ въ Погорѣлкѣ стоитъ, а чья она? Лошадь маленькая — тоже; никатулочка чайная... самъ собственными глазами еще при папенькѣ въ Головлевѣ ее видѣлъ! а вещичка-то хорошенькая!

— Ну, что ужъ!

— Нѣтъ, маменька, не говорите! оно, конечно, сразу не видно, однако какъ тутъ рубль, въ другомъ мѣстѣ — полтина, да въ третьемъ — четвертачокъ... Какъ посмотришь да поглядишь... А впрочемъ, позвольте, я лучше сейчасъ все на цифрахъ прикину! Цифра — святое дѣло; она ужъ не солжетъ.

Порфирій Владимірычъ опять устремляется къ столу, чтобъ привести наконецъ въ полную ясность, какіе убытки ему нанесла „добрый другъ маменька“. Онъ стучитъ на счетахъ, выводитъ на бумагѣ столбцы цифръ — словомъ, готовитъ все, чтобъ изобличить Арину Петровну. Но, къ счастью для послѣдней, колеблющаяся его мысль не можетъ долго удержаться на одномъ и томъ же предметѣ. Незамѣтно для него самого къ нему подкрадывается новый предметъ стяжанія и словно какимъ волшебствомъ даетъ его мысли совсѣмъ иное направленіе. Фигура Арины Петровны, еще за минуту передъ тѣмъ такъ живо мелькавшая у него въ глазахъ, вдругъ окунулась въ омутъ забвенія. Цифры смѣшались...

Давно ужъ собирался Порфирій Владимірычъ высчитать, что можетъ принести ему полеводство, и вотъ теперь наступилъ самый удобный для этого моментъ. Онъ знаетъ, что мужикъ всегда нуждается, всегда ищетъ занять и всегда же отдаетъ безъ обмана, съ лихвой. Въ особенности щедръ мужикъ на свой трудъ, который „ничего не стоитъ“, и на этомъ основаніи всегда при разсчетахъ принимается ни во что, въ знакъ любви. Много-таки на Руси нуждающагося народа, ахъ, какъ много! Много людей, не могущихъ опредѣлить сегодня, что ждетъ ихъ завтра; много такихъ, которые куда бы ни обратили тоскливые взоры — вездѣ видятъ только безнадежную пустоту, вездѣ слышатъ только одно слово: „отдай! отдай!“

И вотъ вокругъ этихъ-то безнадежныхъ людей, около этой-то перекатной голи стелетъ Іудушка свою безконечную паутину, по временамъ переходя въ какую-то неистовую фантастическую оргію.

На дворѣ апрѣль, и мужику по обыкновенію нечего ѣсть. „Проѣлись, голубчики! зиму-то пропраздновали, а къ веснѣ животы подвело!" разсуждаетъ Порфирій Владимірычъ самъ съ собою, а онъ, какъ нарочно, только-только всѣ счеты по прошлогоднему полеводству въ ясность привелъ. Въ февралѣ были обмолочены послѣднія скирды хлѣба, въ мартѣ зерно лежало ссыпанное въ закромà, а на дняхъ вся наличность уже разнесена по книгамъ въ соотвѣтствующія графы. Іудушка стоитъ у окна и поджидаетъ. Вотъ вдали, на мосту, показался въ телѣженкѣ мужикъ Фока. На поверткѣ въ Головлево онъ какъ-то торопливо задергалъ возжами и, за неимѣніемъ кнута, пугнулъ рукой лошадь, еле передвигающую ноги.

— Сюда!—шепчетъ Іудушка:—ишь у него лошадь-то! какъ только жива! А покормить ее съ мѣсяцъ, другой—ничего, животòкъ будетъ! Рубликовъ двадцать-пять, а не то и всѣ тридцать отдашь за нее.

Между тѣмъ Фока подъѣхалъ къ людской избѣ, привязалъ къ изгороди лошадь, подкинулъ ей охапку сѣнной трухи и черезъ минуту уже переминается съ ноги на ногу въ дѣвичьей, гдѣ Порфирій Владимірычъ имѣетъ обыкновеніе принимать подобныхъ просителей.

— Ну, другъ! чтò скажешь хорошенькаго?—начинаетъ Порфирій Владимірычъ.

— Да вотъ, сударь, ржицы бы...

— Чтò такъ! свою-то, видно, ужъ съѣли? Ахъ, ахъ, грѣхъ какой! Вотъ кабы вы поменьше водки пили, да побольше трудились, да Богу молились, и землица-то чувствовала бы! Гдѣ ныньче зерно—смотришь, анъ въ ту пору два или три получилось бы! Занимать-то бы и не надо!

Фока какъ-то нерѣшительно улыбается, вмѣсто отвѣта.

— Ты думаешь, Богъ-то далеко, такъ онъ и не видитъ?—продолжаетъ морализировать Порфирій Владимірычъ:—анъ Богъ-то—вотъ онъ-онъ. И тамъ, и тутъ, и вотъ съ нами, покуда мы съ тобой говоримъ—вездѣ онъ! И все онъ видитъ, все слышитъ, только дѣлаетъ видъ, будто не замѣчаетъ. Пускай, молъ, люди своимъ умомъ поживутъ; посмотримъ, будутъ ли они меня помнить! А мы этимъ

пользуемся, да вмѣсто того, чтобъ Богу на свѣчку изъ достатковъ своихъ удѣлить, мы въ кабакъ да въ кабакъ! Вотъ за это за самое и не подаетъ Богъ ржицы—такъ ли, другъ?

— Это ужъ что говорить! Это такъ точно!

— Ну, такъ вотъ видишь ли, и ты теперь понялъ. А почему понялъ? потому что Богъ милость свою отъ тебя отвратилъ. Уродись у тебя ржица, ты бы и опять фордыбачить сталъ, а вотъ какъ Богъ-то...

— Справедливо это, и кабы ежели мы...

— Постой! дай я скажу! И всегда такъ бываетъ, другъ, что Богъ забывающимъ его напоминаетъ объ себѣ. И роптать мы на это не должны, а должны понимать, что это для нашей же пользы дѣлается. Кабы мы Бога помнили, и онъ бы объ насъ не забывалъ. Всего бы намъ подалъ: и ржицы, и овсеца, и картофельцу -на, кушай! И за скотинкой бы за своей наблюлъ—вишь, лошадь-то у тебя, въ чемъ только духъ держится! и птицѣ, ежели у тебя есть, и той бы настоящее направленіе далъ!

— И это вся ваша правда, Порфирій Владимірычъ.

— Бога чтить, это—первое, а потомъ старшихъ, которые отъ самихъ царей отличіе получили... помѣщиковъ, напримѣръ.

— Да мы, Порфирій Владимірычъ, и то, кажется...

— Тебѣ вотъ „кажется“, а поразмысли да посуди—анъ, можетъ, и не такъ на повѣрку выйдетъ. Теперь, какъ ты за ржицей ко мнѣ пришелъ—грѣхъ сказать! очень ты ко мнѣ почтителенъ и ласковъ; а въ позапрошломъ году, помнишь, когда жнеи мнѣ понадобились, а я къ вамъ, къ мужичкамъ, на поклонъ пришелъ? помогите, молъ, братцы, вызвольте! вы что на мою просьбу отвѣтили? Самимъ, говорятъ, жать надо! Нынче, говорятъ, не прежнее время, чтобъ на господъ работать, нынче—воля! Воля, а ржицы нѣтъ!

Порфирій Владимірычъ учительно взглядываетъ на Фоку; но тотъ не шелохнется, словно оцѣпенѣлъ.

— Горды вы очень, отъ этого самаго вамъ и счастья нѣтъ. Вотъ я, напримѣръ: кажется, и Богъ меня благословилъ, и царь пожаловалъ, а я—не горжусь! Какъ я могу гордиться! что я такое? червь! козявка! тьфу! А Богъ-то взялъ, да за смиреніе за мое и благословилъ меня! И самъ милостію своею взыскалъ, да и царю внушилъ, чтобы меня пожаловалъ!

— Я такъ, Порфирій Владимірычъ, мекаю, что прежде, при помѣщикахъ, не въ примѣръ лучше было!—льститъ Фока.

— Да, братъ, было ваше времечко! попраздновали, пожили! Всего было у васъ: и ржицы, и свѣца, и картофельцу! Ну, да что ужъ старое поминать! я не злопамятенъ: я, братъ, давно объ женяхъ позабылъ, только такъ, къ слову вспомнилось! Такъ какъ же ты говоришь: ржицы тебѣ понадобилось?

— Да, ржицы бы...

— Купить, что-ли, собрался?

— Гдѣ купить! въ одолженіе, значитъ, до новой!

— Ахти-хти! Ржица-то, другъ, нынче кусается! Не знаю ужъ, какъ и быть мнѣ съ тобой...

Порфирій Владимірычъ впадаетъ въ минутное раздумье, словно и дѣйствительно не знаетъ, какъ ему поступить! „и помочь человѣку хочется, да и ржица кусается“...

— Можно, мой другъ, можно и въ одолженіе ржицы дать,— наконецъ говоритъ онъ:—да, признаться сказать, и нѣтъ у меня продажной ржи: теряѣть не могу божьимъ даромъ торговать! Вотъ въ одолженіе—это такъ, это я съ удовольствіемъ. Я, братъ, вѣдь помню: сегодня я тебя одолжу, а завтра—ты меня одолжишь! Сегодня у меня избытокъ—бери, одолжайся! четверть хочешь взять—четверть бери! осьминка понадобилась—осьминку отсыпай! А завтра, можетъ быть, такъ дѣло повернетъ, что и мнѣ у тебя подъ окошкомъ постучать придется: одолжи, моль, Фокушка, ржицы осьминку—ѣсть нечего!

— Гдѣ ужъ! пойдете ли, сударь, вы!..

— Я-то не пойду, а къ примѣру... И не такіе, другъ, повороты на свѣтѣ бываютъ! Вонъ въ газетахъ пишутъ: какой столбъ Наполеонъ былъ, да и тотъ пропадалъ, не потрафилъ. Такъ-то, братъ. Сколько же тебѣ требуется ржицы-то?

— Четвертцу бы, коли милость ваша будетъ.

— Можно и четвертцу. Только заранѣе я тебѣ говорю: кусается, другъ, нынче рожь, куда какъ кусается! Такъ вотъ какъ мы съ тобой сдѣлаемъ: я тебѣ шесть четериковъ отмѣрить велю, а ты мнѣ черезъ восемь мѣсяцевъ два четверичка прибылицу отдашь — такъ оно четвертца въ аккуратъ и будетъ! Процентовъ я не беру, а отъ избытка ржицей...

У Фоки даже духъ занялся отъ Іудушкина предложенія: нѣкоторое время онъ ничего не говоритъ, только лопатками пошевеливаетъ.

— Не многовато ли будетъ, сударь?—наконецъ произноситъ онъ, очевидно робѣя.

— А много—такъ къ другимъ обратись! Я, другъ, не неволю, а отъ души предлагаю. Не я за тобой посылалъ, самъ ты меня нашелъ. Ты—съ запросцемъ, я—съ отвѣтцемъ. Такъ-то, другъ!

— Такъ-то такъ, да словно бы прйполну-то ужъ много?

— Ахъ, ахъ, ахъ! А я еще думалъ, что ты—справедливый мужикъ, степенный! Ну, а мнѣ-то, скажи, чѣмъ мнѣ-то жить прикажешь? Я-то откуда расходы свои долженъ удовлетворять? Вѣдь у меня сколько расходовъ—знаешь ли ты? Конца краю, голубчикъ, расходамъ у меня не видно. Я и тому дай, и другого удовлетвори, и третьему вынь да положь! Всѣмъ надо, всѣ Порфирія Владимірыча теребятъ, а Порфирій Владимірычъ отдувайся за всѣхъ! Опять и то: кабы я кунцу рожь продалъ—я бы денежки сейчасъ на столъ получилъ. Деньги, брать,—святое дѣло. Съ деньгами какую я себѣ билетовъ, положу въ вѣрное мѣсто и стану пользоваться процентами! Ни заботушки мнѣ, ни горюшка; отрѣзалъ купончикъ—пожалуйте денежки. А за рожью-то я еще походи, да похлопочи около нея, да постарайся! Сколько ея усохнетъ, сколько на розсыпь пойдетъ, сколько мышь съѣстъ! Нѣтъ, брать, деньги—какъ можно! И давно бы мнѣ за умъ взяться пора! давно бы въ деньги все обратить, да и уѣхать отъ васъ!

— А вы съ нами, Порфирій Владимірычъ, поживите.

— И радъ бы, голубчикъ, да силъ моихъ нѣтъ. Кабы прежнія силы, конечно, еще пожилъ бы, повоевалъ бы. Нѣтъ! пора, пора на покой! Уѣду отсюда къ Троицѣ-Сергію, укроюсь подъ крылышко угоднику—никто и не услышитъ меня. А ужъ мнѣ-то какъ хорошо будетъ: мирно, честно, тихо, ни гвалту, ни свары, ни шума—точно на небесп!

Словомъ сказать, какъ ни вертится Фока, а дѣло слаживается какъ хочется Порфирію Владимірычу. Но этого мало: въ самый моментъ, когда Фока ужъ согласился на условія займа, является на сцену какая-то Шеленіха. Такъ, пустошонка лядащая, съ десятинку покосцу, да и то врядъ-ли... Такъ вотъ бы...

— Я тебѣ одолженіе дѣлаю — и ты меня одолжи,—говоритъ Порфирій Владимірычъ:—это ужъ не за проценты, а такъ, въ одолженіе! Богъ за всѣхъ, а мы другъ по дружкѣ! Ты десятинку-то шутя скоспишь, а я тебя напредки пономню! я, братъ, вѣдь простъ! Ты мнѣ на рублякъ послужишь, а я...

Порфирій Владимірычъ встаетъ и въ знакъ окончанія дѣла молится на церковь. Фока, слѣдуя его примѣру, тоже крестится.

Фока исчезъ. Порфирій Владимірычъ беретъ листъ бумаги, вооружается счетами, а костяшки такъ и прыгаютъ подъ его проворными руками... Мало-по-малу начинается цѣлая оргія цифръ. Весь міръ застилается въ глазахъ Іудушки словно дымкой: съ лихорадочною торопливостью переходитъ онъ отъ счетовъ къ бумагѣ, отъ бумаги къ счетамъ. Цифры ростутъ, ростутъ...

VII.—Разсчетъ.

На дворѣ декабрь въ половинѣ; схваченная неоглядимымъ снѣжнымъ саваномъ окрестность тихо цѣпенѣетъ; за ночь намело на дорогѣ столько сугробовъ, что крестьянскія лошади тяжко барахтаются въ снѣгу, вывозя пустыя дровнишки. А къ головлевской усадьбѣ и слѣда почти нѣтъ. Порфирій Владимірычъ до того отвыкъ отъ посѣщеній, что и главныя ворота, ведущія къ дому, и парадное крыльцо, съ наступленіемъ осени, наглухо заколотилъ, предоставивъ домочадцамъ сообщаться съ внѣшнимъ міромъ посредствомъ дѣвичьяго крыльца и боковыхъ воротъ.

Утро: бьетъ одиннадцать. Іудушка, одѣтый въ халатъ, стоитъ у окна и безцѣльно поглядываетъ впередъ. Спозаранку бродилъ онъ взадъ и впередъ по кабинету и все объ чемъ-то думалъ и высчитывалъ воображаемые доходы, такъ что наконецъ запутался въ цифрахъ и усталъ. И плодовитый садъ, раскинутый противъ главнаго фасада господскаго дома, и посёлокъ, пріютившійся на задахъ сада,—все утонуло въ снѣжныхъ сугробахъ. Послѣ вчерашней вьюги день выдался морозный, и снѣжная пелена сплошь блеститъ на солнцѣ милліонами искръ, такъ что Порфирій Владимірычъ невольно щуритъ глаза.

На дворѣ пустынно и тихо: ни малѣйшаго движенія ни у людской, ни около скотнаго двора; даже крестьянскій поселокъ угомонился, словно умеръ. Только надъ новымъ домомъ вьется сизый дымокъ и останавливаетъ на себѣ вниманіе Іудушки.

— Одиннадцать часовъ било, а попадья еще не отстряпалась,— думается ему:—вѣчно эти попы трескаютъ!

Выйдя изъ этого пункта, онъ начинаетъ соображать: будни или праздникъ сегодня, постный или скоромный день, и что̀ должна стряпать попадья—какъ вдругъ вниманіе его отвлекается въ сторону. На горкѣ, при самомъ выѣздѣ изъ деревни Нагловки, показывается черная точка, которая постепенно придвигается и ростетъ. Порфирій Владимірычъ вглядывается и, разумѣется, прежде всего задается цѣлой массой праздныхъ вопросовъ. Кто ѣдетъ? мужикъ или другой кто? Другому, впрочемъ, некому—стало быть, мужикъ... да, мужикъ и есть! Зачѣмъ ѣдетъ? ежели за дровами, такъ вѣдь нагловскій лѣсъ по ту сторону деревни... навѣрное, шельма, въ барскій лѣсъ воровать собрался! Ежели на мельницу, такъ тоже, выѣхавши изъ Нагловки, надо взять вправо... Можетъ быть, за попомъ? кто-нибудь умираетъ или ужъ и умеръ?.. А можетъ быть, и родился кто? Какая же это баба родила? Нечила по осени съ прибылью ходила, да той, кажется, еще рано..! Ежели уродился мальчикъ, такъ въ ревизію современемъ попадетъ—сколько, опишь, въ Нагловкѣ, по послѣдней ревизіи, душъ?.. А ежели дѣвочка, такъ тѣхъ въ ревизію не записываютъ, да и вообще... А все-таки и безъ женскаго пола нельзя... тьфу!

Іудушка отплевывается и смотритъ на образъ, какъ бы ища у него защиты отъ лукаваго.

Очень вѣроятно, что онъ долго блуждалъ бы такимъ образомъ мыслью, еслибъ показавшаяся у Нагловки черная точка обыкновеннымъ порядкомъ помелькала и исчезла: но она все росла и наконецъ повернула на гать, ведущую къ церкви. Тогда Іудушка совершенно отчетливо увидѣлъ, что ѣдетъ небольшая рогоженная кибитка, запряженная парой гусемъ. Вотъ она поднялась на взлобокъ и поровнялась съ церковью („не благочинный ли?“ мелькнуло у него: „то-то у попа не отстряпались о сю пору!“), вотъ повернула вправо и направилась прямо къ усадьбѣ: „такъ и есть, сюда!“ Порфирій Владимірычъ инстинктивно запахнулъ халатъ и отпрянулъ отъ окна, словно боясь, чтобъ проѣзжій не замѣтилъ его.

Онъ отгадалъ: повозка подъѣхала къ усадьбѣ и остановилась у боковыхъ воротъ. Изъ нея поспѣшно выскочила молодая женщина. Одѣта она была совсѣмъ не по сезону, въ городское ватное пальто, больше для вида, нежели для тепла, отороченное баранкомъ, и видимо закоченѣла. Особа эта, никѣмъ не встрѣченная, въ прискочку побѣжала на дѣвичье крыльцо и черезъ нѣсколько секундъ ужъ слышно было, какъ хлопнула въ дѣвичьей дверь, а слѣдомъ за этимъ опять хлопнула другая дверь, а затѣмъ во всѣхъ ближайшихъ къ выходу комнатахъ началась ходьба, хлопанье и суета.

Порфирій Владимірычъ стоялъ у двери кабинета и прислушивался. Онъ такъ давно не видалъ никого постороннято и вообще такъ отвыкъ отъ общества людей, что его взяла оторопь. Прошло съ четверть часа; ходьба и хлопанье дверью не перемежались, а ему все еще не докладывали. Это еще больше взволновало его. Ясно, что пріѣзжая принадлежала къ числу лицъ, которыя, въ качествѣ „присныхъ", не даютъ никакого повода сомнѣваться относительно своихъ правъ на гостепріимство. Кто же у него „присные"? Онъ началъ припоминать, но память какъ-то тупо ему служила. Былъ у него сынъ Володька, да сынъ Петька, была маменька Арина Петровна... давно, ахъ, давно это было! Вотъ въ Горюшкинѣ, съ прошлой осени, поселилась Надька Галкина, покойной тетеньки Варвары Михайловны дочь—неужто же она? Да нѣтъ, та ужъ однажды пыталась ворваться въ головлевское каннце, да шишъ съѣла! „Не смѣетъ она! не посмѣетъ!" твердилъ Іудушка, приходя въ негодованіе при одной мысли о возможности пріѣзда Галкиной. Но кто же можетъ быть еще?

Покуда онъ такимъ образомъ припоминалъ, Евпраксеюшка осторожно подошла къ двери и доложила:

— Погорѣловская барыння, Анна Семеновна, пріѣхала.

Дѣйствительно, это была Аннинька. Но она до такой степени измѣнилась, что почти не было возможности узнать ее. Въ Головлево явилась на этотъ разъ уже не та красивая, бойкая и кипящая молодостью дѣвушка, съ румянымъ лицомъ, сѣрыми глазами на выкатъ, съ высокой грудью и тяжелой пепельной косой на головѣ, которая пріѣзжала сюда вскорѣ послѣ смерти Арины Петровны, а какое-то слабое, тщедушное существо съ вялою грудью, вдавленными щеками, нездоровымъ румянцемъ, съ вялыми тѣлодвиженіями—

существо сутулое, почти сгорбленное. Даже великолѣпная ея коса выглядѣла какъ-то мизерно, и только глаза, вслѣдствіе общей худобы лица, казались еще больше, нежели прежде, и горѣли лихорадочнымъ блескомъ. Евпраксеюшка долгое время вглядывалась въ нее, какъ въ незнакомую, но наконецъ-таки узнала.

— Барышня! вы ли?—вскрикнула она, всплеснувъ руками.

— Я. А что?

Сказавши это, Аннинька тихо засмѣялась, точно хотѣла прибавить: да, вотъ какъ! отдѣлали-таки меня!

— Дядя здоровъ?—спросила она.

— Что дяденька! такъ ничего... Только слава, что живутъ, а то и не видимъ ихъ почéсть никогда!

— Что же съ нимъ?

— Да такъ... отъ скуки, видно, съ ними сдѣлалось...

— Неужто и на бобахъ разводить пересталъ?

— Нынче они, барышня, молчатъ. Все говорили—и вдругъ замолчали. Слышимъ иногда, какъ промежду себя въ кабинетѣ что-то разговариваютъ, и даже смѣются будто, а выдутъ изъ комнаты—и опять замолчатъ. Сказываютъ, съ покойнымъ ихнимъ братцемъ, Степаномъ Владимірычемъ, то же было... Все были веселы—и вдругъ замолчали. Вы-то, барышня, все-ли здоровы?

Аннинька только махнула рукою въ отвѣтъ.

— Сестрица все-ли здорова?

— Ужъ цѣлый годъ, какъ въ Кречетовѣ при большой дорогѣ въ могилѣ лежитъ.

— Чтой-то, спаси Господи! ужъ и при дорогѣ?

— Извѣстно, какъ самоубійцъ хоронятъ.

— Господи! все барышни были—и вдругъ сами на себя ручку наложили... Какъ же это такъ?

— Да, сперва „были барышни", а потомъ отравились—только и всего. А я вотъ струсила, жить захотѣла! къ вамъ вотъ пріѣхала! Не надолго, не пугайтесь... умру!

Евпраксеюшка глядѣла на нее во всѣ глаза, словно не понимала.

— Что на меня глядите? хороша? Ну, какова есть... А впрочемъ, послѣ объ этомъ... послѣ... Теперь велите-ка ямщика разсчитать да дядю предупредите.

Говоря это, она вынула изъ кармана старенькій портмонѣ и достала оттуда двѣ желтенькихъ бумажки.

— А вотъ и имущество мое! — прибавила она, указывая на жиденькій чемоданъ: — тутъ все: и родовое, и благопріобрѣтенное! Иззябла я, Евпраксеюшка, очень иззябла! Вся я больна, ни одной косточки во мнѣ небольной нѣтъ, а тутъ, какъ нарочно, холодище... Бду, да объ одномъ только думаю: вотъ доберусь до Головлева, такъ хоть умру въ теплѣ! Водки бы мнѣ... есть у васъ?

— Да вы бы, барышня, чайку лучше, самоваръ сейчасъ будетъ готовъ.

— Нѣтъ, чай — потомъ, а теперь водки бы... Вы дядѣ, впрочемъ, не сказывайте объ водкѣ-то покуда... Все само собой послѣ увидится.

Покамѣстъ въ столовой накрывали къ чаю, явился и Порфирій Владимірычъ. Въ свою очередь, и Аннинька съ изумленіемъ встрѣтилась съ нимъ: до такой степени онъ похудѣлъ, выцвѣлъ и задичалъ. Онъ обошелся съ Аннинькой какъ-то странно: не то чтобы холодно, а какъ будто ему до нея совсѣмъ дѣла нѣтъ. Говорилъ мало, вынужденно, точно актеръ, съ трудомъ припоминающій фразы изъ давнишнихъ ролей. Вообще, былъ разсѣянъ, какъ будто въ головѣ его въ это время шла совсѣмъ другая и очень важная работа, отъ которой его досаднымъ образомъ оторвали по пустякамъ.

— Ну, вотъ ты и пріѣхала! — сказалъ онъ: — чего хочешь? чаю? кофею? распорядись!

Въ прежнее время, при родственныхъ свиданіяхъ, роль чувствительнаго человѣка обыкновенно разыгрывалъ Іудушка, но на этотъ разъ расчувствовалась Аннинька, и расчувствовалась взаправду. Должно быть, очень у нея наболѣло внутри, потому что она бросилась къ Порфирію Владимірычу на грудь и крѣпко его обняла.

— Дядя, я къ вамъ! — крикнула она, и вдругъ залилась слезами.

— Ну, что жъ! милости просимъ! комнатъ у меня довольно — живи!

— Больна я, дяденька! очень, очень больна!

— А больна, такъ Богу молиться надо! Я и самъ, когда боленъ — все молитвой лечусь!

— Умирать я пріѣхала къ вамъ, дядя!

Порфирій Владимірычъ испытующимъ окомъ взглянулъ на нее, и чуть замѣтная усмѣшка скользнула по его губамъ.

— „Доигралась!—произнесъ онъ чуть слышно, почти про себя.

— „Да, доигралась. „Любинька—та „доигралась“ и умерла, а я вотъ... живу!

При извѣстіи о смерти Любиньки Іудушка набожно перекрестился и молитвенно пошепталъ. Аннинька между тѣмъ сѣла къ столу, облокотилась и, смотря въ сторону церкви, продолжала горько плакать.

— Вотъ плакать и отчаиваться—это грѣхъ!—учительно замѣтилъ Порфирій Владимірычъ:—по-христіански знаешь ли какъ надо? не плакать, а покориться и уповать — вотъ какъ по-христіански надлежитъ!

Но Аннинька откинулась на спинку стула и, тоскливо повѣсивъ руки, повторяла:

— Ахъ, ужъ и не знаю! не знаю, не знаю, не знаю!

— Ежели ты объ сестрицѣ такъ убиваешься—такъ и это грѣхъ!—продолжалъ между тѣмъ поучать Іудушка:—потому что хотя и похвально любить сестрицъ и братцевъ, однако если Богу угодно одного изъ нихъ или даже и нѣсколькихъ призвать къ себѣ...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! вы, дядя, добрый? добрый вы? скажите!—Аннинька опять бросилась къ нему и обняла.

— Ну, добрый, добрый, ну, говори! хочется чего-нибудь? закусочки? чайку, кофейку? требуй! распоряжайся!

Аннинькѣ вдругъ вспомнилось, какъ въ первый пріѣздъ ея въ Головлево дяденька спрашивалъ: „телятинки хочется? поросеночка? картофельцу?“—и она поняла, что никакого другого утѣшенія ей здѣсь не сыскать.

— Благодарю васъ, дядя,—сказала она, снова присаживаясь къ столу:—ничего особеннаго мнѣ не нужно. Я заранѣе увѣрена, что буду всѣмъ довольна.

— А будешь довольна, такъ и слава Богу! Въ Погорѣлку-то поѣдешь, что-ли?

— Нѣтъ, дядя, я покамѣстъ у васъ поживу. Вѣдь вы ничего не имѣете противъ этого?

— Христосъ съ тобой! живи! Ежели я и спросилъ про Погорѣлку, такъ потому, что на случай поѣздки распоряженіе нужно сдѣлать: кибиточку, лошадушекъ.

— Нѣтъ! послѣ! послѣ!

— И прекрасно. Когда-нибудь послѣ съѣздишь, а покудова съ нами поживи. По хозяйству поможешь—я вѣдь одинъ! Крыля-то эта —Гудошка почти съ ненавистью указалъ на Евпраксеюшку, разливавшую чай:—все по людскимъ рыскаетъ, такъ иной разъ и не докличешься никого, весь домъ пустой! Ну, а покамѣстъ прощай. Я къ себѣ пойду. И помолюсь, и дѣломъ займусь, и опять помолюсь... такъ-то, другъ! Давно ли Любинька-то скончалась?

— Да съ мѣсяцъ, дядя.

— Такъ мы завтра ранёхонько къ обѣденкѣ сходимъ, да кстати и панихидку по новопреставьшейся рабѣ божіей Любви отслужимъ... Такъ прощай покуда! Кушай-ко чай-то; а ежели закусочки захочется съ дорожки, и закусочки подать вели. А въ обѣдъ опять увидимся. Поговоримъ, побесѣдуемъ: коли нужно что̀ — распорядимся, а не нужно—и такъ посидимъ!

Такъ произошло это первое родственное свиданіе. Съ окончаніемъ его Аннинька вступила въ новую жизнь въ томъ самомъ постыломъ Головлевѣ, изъ котораго она ужъ дважды въ теченіе своей недолгой жизни не знала какъ вырваться.

Аннинька пошла подъ гору очень быстро. Вызванное головлевской поѣздкой (послѣ смерти бабушки Арины Петровны) сознаніе, что она „барышня", что у нея есть свое гнѣздо и свои могилы, что не все въ ея жизни исчерпывается вонью и гвалтомъ гостинницъ и постоялыхъ дворовъ, что есть наконецъ убѣжище, въ которомъ ее не настигнутъ подлыя дыханья, зараженныя запахомъ вина и конюшни, куда не ворвется тотъ „усатый", съ охрипшимъ отъ перепоя голосомъ, воспаленными глазами (ахъ, что̀ онъ ей говорилъ! какіе жесты въ ея присутствіи дѣлалъ!)—это сознаніе улетучилось почти сейчасъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ только пропало изъ вида Головлево.

Аннинька отправилась въ ту пору изъ Головлева прямо въ Москву и начала хлопотать, чтобъ ее и сестру приняли на казенную сцену. Съ этой цѣлью она обращалась и къ maman, директрисѣ института, въ которомъ она воспитывалась, и къ нѣкоторымъ институткимъ товаркамъ. Но вездѣ ее приняли какъ-то странно. Maman, отнесшаяся къ ней въ первую минуту довольно радушно, какъ только узнала, что она играетъ въ провинціальномъ театрѣ, вдругъ перемѣнила благосклонное выраженіе лица на важное и строгое, а товарки, большею

частью замужнія женщины, взглянули на нее съ такимъ нахальнымъ изумленіемъ, что она просто-на-просто струсила. Только одна, болѣе добродушная, нежели другія, желая показать участіе, спросила:

— А скажи, душка, правда ли, что когда вы, актрисы, одѣваетесь въ уборныхъ, то вамъ стягиваютъ корсеты офицеры?

Однимъ словомъ, ея попытки утвердиться въ Москвѣ такъ и остались попытками. Надо, впрочемъ, сказать правду, что и настоящихъ задатковъ она для успѣха на столичной сценѣ не имѣла. И она, и Любинька принадлежали къ числу тѣхъ бойкихъ, но не особенно даровитыхъ актрисъ, которыя всю жизнь играютъ одну и ту же роль. Аннинькѣ удалась „Перикола“, Любинькѣ — „Анютины глазки“ и „Полковникъ старыхъ временъ“. И затѣмъ, за что бы онѣ ни принимались — вездѣ выходили „Периколы“ и „Анютины глазки“, а въ большинствѣ случаевъ, пожалуй, и совсѣмъ ничего не выходило. Приходилось Аннинькѣ играть и „Прекрасную Елену“ (по обязанностямъ службы даже и часто); она накладывала на свои пепельные волосы совершенно огненный парикъ, дѣлала въ туникѣ разрѣзъ до самаго пояса, но за всѣмъ тѣмъ выходило посредственно, вяло, даже неприлично. Отъ „Елены“ она перешла къ „Отрывкамъ изъ Герцогини Герольштейнской“, и такъ какъ тутъ къ безцвѣтной игрѣ прибавилась еще совершенно безсмысленная постановка, то вышло уже что-то совсѣмъ глупое. Наконецъ взялась играть Клеретту въ „Дочери Рынка“; но здѣсь, стараясь наэлектризовать публику, до такой степени переиграла, что и неприхотливымъ провинціальнымъ зрителямъ показалось, что по сценѣ мечется даже не актриса, желающая „угодить“, а просто какая-то непристойная лахань. Вообще объ Аннинькѣ составилась репутація, что она актриса проворная, обладающая недурнымъ голосомъ, а такъ какъ при этомъ у нея была красивая внѣшность, то въ провинціи она могла, пожалуй, дѣлать сборы. Но и только. Заставить говорить объ себѣ она не могла и никакой опредѣленной физіономіи не имѣла. Даже въ средѣ провинціальной публики ея партію составляли исключительно служители всѣхъ родовъ оружія, главная претензія которыхъ заключалась въ томъ, чтобы имѣть свободный входъ за кулисы. Въ столицѣ же она была мыслима не иначе, какъ навязанная очень сильнымъ покровительствомъ, но и за всѣмъ тѣмъ отъ публики она навѣрное заслужила бы только незавидное прозвище „арфистки“.

Приходилось возвращаться въ провинцію. Въ Москвѣ Аннинька получила отъ Любиньки письмо, изъ котораго узнала, что ихъ труппа перекочевала изъ Кречетова въ губернскій городъ Самоварновъ, чему она, Любинька, очень рада, потому что подружилась съ однимъ самоварновскимъ земскимъ дѣятелемъ, который до того увлекся ею, что „готовъ, кажется, земскія деньги украсть", лишь бы выполнить все, что она ни пожелаетъ. И дѣйствительно, пріѣхавши въ Самоварновъ, Аннинька застала сестру среди роскошной сравнительно обстановки и легкомысленно рѣшившею бросить сцену. Въ минуту пріѣзда у Любиньки находился и „другъ" ея, земскій дѣятель Гаврило Степанычъ Люлькинъ. Это былъ отставной гусарскій штабсъ-ротмистръ, еще недавно belhomme, но теперь уже слегка отяжелѣвшій. Лицо у него было благородное, манеры благородныя, образъ мыслей благородный, но въ то же время все вмѣстѣ взятое внушало увѣренность, что человѣкъ этотъ отнюдь не обратится въ бѣгство передъ земскимъ ящикомъ. Любинька приняла сестру съ распростертыми объятіями и объявила, что въ ея квартирѣ для нея приготовлена комната.

Но подъ вліяніемъ недавней поѣздки въ „свое мѣсто" Аннинька разсердилась. Между сестрами завязался горячій разговоръ, а потомъ произошла и размолвка. Невольно вспомнилось при этомъ Аннинькѣ, какъ волынскій батюшка говорилъ, что трудно въ актерскомъ званіи „сокровище" соблюсти.

Аннинька поселилась въ гостинницѣ и прекратила всякія сношенія съ сестрой. Прошла Святая; на Оминой начались спектакли, и Аннинька узнала, что на мѣсто сестры уже выписана изъ Казани дѣвица Налимова, актриса неважная, но за то совершенно безпретятственная въ смыслѣ тѣлодвиженій. По обыкновенію Аннинька вышла передъ публикой въ „Периколѣ" и привела самоварновскихъ обывателей въ восторгъ. Возвратившись въ гостинницу, она нашла въ своемъ номерѣ пакетъ, въ которомъ оказались сторублевая бумажка и коротенькая записка, гласившая: „А въ случаѣ чего, и еще столько же. Купецъ, торгующій моднымъ товаромъ, Кукишевъ". Аннинька разсердилась и пошла жаловаться хозяину гостинницы; но хозяинъ объявилъ, что у Кукишева такое ужъ „обнаковеніе", чтобъ всѣхъ актрисъ съ пріѣздомъ поздравлять, а впрочемъ-де онъ человѣкъ смирный и обижаться на него не стоитъ. Слѣдуя этому совѣту,

Аннинька запечатала въ конвертъ письмо и деньги и, возвративъ на другой день все по принадлежности, успокоилась.

Но Кукишевъ оказался болѣе упорнымъ, нежели какъ объ немъ отозвался хозяинъ гостиницы. Онъ считалъ себя въ числѣ друзей Люлькина и находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ къ Любинькѣ. Человѣкъ онъ былъ состоятельный и сверхъ того, подобно Люлькину, въ качествѣ члена городской управы, состоялъ въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ относительно городского ящика. И при семъ, подобно тому же Люлькину, обладалъ неустрашимостью. Наружность онъ имѣлъ, съ гостинодворской точки зрѣнія, обольстительную. А именно, напоминалъ того жука, котораго, по словамъ пѣсни, вмѣсто ягодъ, нашла въ полѣ Маша:

Жука чернаго съ усами
И съ курчавой головой,
Съ чернобурыми бровями—
Настоящій милый мой!

Затѣмъ, заручившись такою наружностью, онъ тѣмъ болѣе считалъ себя вправѣ держать, что Любинька прямо обѣщала ему свое содѣйствіе.

Вообще Любинька повидимому окончательно сожгла свои корабли, и объ ней ходили самые непріятные для сестрина самолюбія слухи. Говорили, что каждый вечеръ у нея собирается кутежная ватага, которая ужинаетъ съ полуночи до утра. Что Любинька предсѣдаетъ въ этой компаніи и, представляя изъ себя „цыганку", полураздѣтая (при этомъ Люлькинъ, обращаясь къ пьянымъ друзьямъ, восклицалъ: „посмотрите! вотъ это такъ грудь!"), съ распущенными волосами и съ гитарой въ рукахъ, поетъ:

Ахъ, какъ было мнѣ пріятно
Съ этимъ милымъ усачомъ!

Аннинька слушала эти разсказы и волновалась. И что всего болѣе изумляло ее—это то, что Любинька поетъ романсъ объ усачѣ на цыганскій манеръ; точь въ точь какъ московская Матрена! Аннинька всегда отдавала полную справедливость Любинькѣ, и еслибъ ей сказали, напримѣръ, что Любинька „неподражаемо" поетъ куплеты изъ „Полковника старыхъ временъ"—она, разумѣется, нашла бы это совершенно натуральнымъ и охотно повѣрила бы. „Да этому нельзя

было и не вѣрить, потому что и курская, и тамбовская, и пензенская публика до сихъ поръ помнитъ, съ какою неподражаемою наивностью Любинька своимъ маленькимъ голоскомъ заявляла о желаніи быть *под*полковникомъ... Но чтобы Любинька могла пѣть по-цыгански, на манеръ Матреши—это извините-съ! это—ложь-съ! Вотъ она, Аннинька, *можетъ* такъ пѣть—это несомнѣнно. Это ея жанръ, это ея амплуа, и весь Курскъ, видѣвшій ее въ пьесѣ „Русскіе романсы въ лицахъ", охотно засвидѣтельствуетъ, что она „можетъ".

И Аннинька брала въ руки гитару, перекидывала черезъ плечо полосатую перевязь, садилась на стулъ, клала ногу на ногу и начинала: „и-эхъ! и-ахъ!" И дѣйствительно, выходило именно, точка въ точку, такъ, какъ у цыганки Матреши.

Какъ бы то ни было, но Любинька роскошничала, а Люлькинъ, чтобы не омрачить картины хмельного блаженства какими-нибудь отказами, повидимому уже приступилъ къ позаимствованіямъ изъ земскаго ящика. Не говоря о массѣ шампанскаго, которое всякую ночь выпивалось и выливалось на полъ въ квартирѣ Любиньки, она сама дѣлалась съ каждымъ днемъ капризнѣе и требовательнѣе. Явились на сцену сперва выписанныя изъ Москвы платья отъ m-me Минангуа, а потомъ и брилліанты отъ Фульда. Любинька была разсчетлива и не пренебрегала цѣнностями. Пьяная жизнь—сама по себѣ, а золото и каменки, въ особенности выигрышные билеты—сами по себѣ. Во всякомъ случаѣ жилось не то чтобы весело, а буйно, безнадежно, изъ угара въ угаръ. Одно было непріятно: оказывалось нужнымъ заслуживать благосклонное вниманіе господина полицеймейстера, который хотя и принадлежалъ къ числу друзей Люлькина, но иногда любилъ дать почувствовать, что онъ въ нѣкоторомъ родѣ власть. Любинька всегда угадывала, когда полицеймейстеръ бывалъ недоволенъ ея угощеніемъ, потому что въ такихъ случаяхъ къ ней являлся на другой день утромъ частный приставъ и требовалъ паспортъ. И она покорялась: утромъ подавала частному приставу закуску и водку, а вечеромъ собственноручно дѣлала для господина полицеймейстера какой-то „шведскій" пуншъ, до котораго онъ былъ большой охотникъ.

Кукишевъ видѣлъ это разливное море и страдалъ отъ зависти. Ему захотѣлось, во что бы ни стало, имѣть точно такой же въѣзжій домъ и точь въ точь такую же „кралю". Тогда можно было бы и

время разнообразнѣе проводить: сегодня ночь — у Люлькинской „крали", завтра ночь — у его, Кукишева, „крали". Это была его завѣтная мечта, мечта глупаго человѣка, который чѣмъ глупѣе, тѣмъ упорнѣе въ достиженіи своихъ цѣлей. И самою подходящею личностью для осуществленія этой мечты представлялась Аннинька.

Однакожъ Аннинька не сдавалась. До сихъ поръ кровь еще не говорила въ ней, хотя она имѣла много поклонниковъ и не стѣснялась въ обращеніи съ ними. Была одна минута, когда ей казалось, что она готова полюбить мѣстнаго трагика, Милославскаго 10-го, который и въ свою очередь, повидимому, сгаралъ къ ней страстью. Но Милославскій 10-й былъ такъ глупъ и притомъ такъ упорно нетрезвъ, что ни разу ничего ей не высказалъ, а только таращилъ глаза и какъ-то нелѣпо икалъ, когда она проходила мимо. Такъ эта любовь и заглохла въ самомъ зачаткѣ. На всѣхъ же остальныхъ поклонниковъ Аннинька просто смотрѣла какъ на неизбѣжную обстановку, на которую провинціальная актриса осуждена самыми условіями своего ремесла. Она покорялась этимъ условіямъ, пользовалась тѣми маленькими льготами (рукоплесканія, букеты, катанья на тройкахъ, пикники и проч.), которыя они ей предоставляли, но дальше этого, такъ сказать, внѣшняго расчутства не шла.

Такъ поступила она и теперь. Въ продолженіе цѣлаго лѣта она неуклонно пребывала на стезѣ добродѣтели, ревниво ограждая свое „сокровище" и какъ бы желая заочно доказать волынскому батюшкѣ, что и въ средѣ актрисъ встрѣчаются личности, которымъ не чуждо геройство. Однажды она даже рѣшилась пожаловаться на Кукишева начальнику края, который благосклонно ее выслушалъ и за геройство похвалилъ, рекомендовавъ и на будущее время пребывать въ ономъ. Но вмѣстѣ съ симъ, увидѣвъ въ ея жалобѣ лишь предлогъ для косвеннаго нападенія на его собственную, начальника края, персону, изволилъ присовокупить, что, истративъ силы въ борьбѣ съ внутренними врагами, не имѣетъ твердаго основанія полагать, чтобы онъ могъ быть въ требуемомъ смыслѣ полезнымъ. Выслушавъ это, Аннинька покраснѣла и ушла.

Между тѣмъ Кукишевъ дѣйствовалъ такъ ловко, что успѣлъ заинтересовать въ своихъ домогательствахъ и публику. Публика какъ-то вдругъ догадалась, что Кукишевъ правъ, и что дѣвица Погорѣльская 1-я (такъ она печаталась въ афишахъ) не Богъ вѣсть

какая „фря“, чтобы разыгрывать изъ себя недотрогу. Образовалась цѣлая партія, которая поставила себѣ задачей обуздать строптивую выскочку. Началось съ того, что закулисные завсегдатаи стали обѣгать ея уборную и свили себѣ гнѣздо по сосѣдству, въ уборной дѣвицы Налимовой. Потомъ—не выказывая, впрочемъ, прямо враждебныхъ дѣйствій—начали принимать дѣвицу Погорѣльскую, при ея выходахъ, съ такою убійственною воздержностью, какъ будто на сцену появился не первый сюжетъ, а какой-нибудь отлаженный статистъ. Наконецъ настояли на томъ, чтобы антрепренеръ отобралъ у Аниньки нѣкоторыя роли и отдалъ ихъ Налимовой. И что еще любопытнѣе—во всей этой подпольной интригѣ самое дѣятельное участіе принимала Любинька, у которой Налимова состояла на правахъ наперсницы.

Къ осени Аниньку съ изумленіемъ увидѣла, что ее заставляютъ играть Ореста въ „Прекрасной Еленѣ“, и что изъ прежнихъ первыхъ ролей за ней оставлена только Перикола, да и то потому, что сама дѣвица Налимова не рѣшилась соперничать съ нею въ этой пьесѣ. Сверхъ того, антрепренеръ объявилъ ей, что, въ виду охлажденія къ ней публики, жалованья ея сокращается до 75 рублей въ мѣсяцъ съ однимъ полубенефисомъ въ теченіе года.

Аниньку струсила, потому что при такомъ жалованьи ей приходилось переходить изъ гостиницы на постоялый дворъ. Она написала письма къ двумъ-тремъ антрепренерамъ, предлагая свои услуги, но отовсюду получила отвѣтъ, что нынче и безъ того отъ Периколъ отбою нѣтъ, а такъ какъ, сверхъ того, изъ достовѣрныхъ источниковъ сдѣлалось извѣстно объ ея строптивости, то и тѣмъ больше падеждъ на успѣхъ не предвидится.

Аниньку проживала послѣднія запасныя деньги. Еще недѣля—и ей не миновать было постоялаго двора, наравнѣ съ дѣвицей Хоронавиной, игравшей Параенису и пользовавшейся покровительствомъ квартальнаго надзирателя. На нее начало находить что-то въ родѣ отчаянія, тѣмъ больше, что въ ея номеръ каждый день таинственная рука подбрасывала записку одного и того же содержанія: „Перикола! покорись! Твой Кукишевъ“. И вотъ, въ эту тяжелую минуту къ ней совсѣмъ неожиданно ворвалась Любинька.

— Скажи на милость, для какого принца ты свое сокровище бережешь?—спросила она кратко.

Аннинька оторопѣла. Прежде всего ее поразило, что и волынскій батюшка, и Любинька въ одинаковомъ смыслѣ употребляютъ слово „сокровище". Только батюшка видитъ въ сокровищѣ „основу", а Любинька смотритъ на него какъ на пустое дѣло, отъ котораго, впрочемъ, „подлецы-мужчины" способны доходить до одурѣнія.

Затѣмъ она невольно спросила себя: что такое, въ самомъ дѣлѣ, это сокровище? дѣйствительно ли оно сокровище и стоитъ ли беречь его?—и увы!—не нашла на этотъ вопросъ удовлетворительнаго отвѣта. Съ одной стороны, какъ будто совѣстно остаться безъ сокровища, а съ другой... ахъ, чортъ побери! да неужели же весь смыслъ, вся заслуга жизни въ томъ только и должны выразиться, чтобы каждую минуту вести борьбу за сокровище?

— Я въ полгода успѣла тридцать выигрышныхъ билетовъ сконить,—продолжала между тѣмъ Любинька:—да вещей сколько... Посмотри, какое на мнѣ платье!

Любинька повернулась кругомъ, обдернулась сперва спереди, потомъ сзади и дала себя осмотрѣть со всѣхъ сторонъ. Платье было дѣйствительно и дорогое, и изумительно сшитое: прямо отъ Минангуа изъ Москвы.

— Кукишевъ—добрый,—опять начала Любинька:—онъ тебя какъ куколку вырядитъ, да и денегъ дастъ. Театръ-то можно будетъ и по боку... достаточно!

— Никогда!—горячо вскрикнула Аннинька, которая еще не забыла словъ: „святое искусство!"

— Можно и остаться, если хочешь. Старшій окладъ опять получишь, впереди Налимовой пойдешь.

Аннинька молчала.

— Ну, прощай. Меня внизу ждутъ наши. И Кукишевъ тамъ. Ѣдемъ?

Но Аннинька продолжала молчать.

— Ну, подумай, коли есть надъ чѣмъ думать... А когда надумаешь—приходи. Прощай!

17-го сентября, въ день Любинькиныхъ именинъ, афиша самоваровскаго театра возвѣщала *экстраординарное* представленіе. Аннинька явилась вновь въ роли „Прекрасной Елены", и въ тотъ же вечеръ, „на сей только разъ", роль Ореста выполнила дѣвица Погорѣльская 2-я, то-есть Любинька. Къ довершенію торжества, и

тоже „на сей только разъ“, дѣвицу Налимову одѣли въ трико и коротенькую визитку, слегка тронули лицо сажей, вооружили желѣзнымъ листомъ и выпустили на сцену въ роли кузнеца Клеона. Въ виду всего этого и публика была какъ-то восторженно настроена. Едва показалась изъ-за кулисъ Аннинька, какъ ее встрѣтилъ такой гвалтъ, что она, совсѣмъ уже отвыкшая отъ овацій, почувствовала, что къ ея горлу подступаютъ рыданія. А когда, въ третьемъ актѣ, въ сценѣ ночного пробужденія, она встала съ кушетки почти обнаженная, то въ залѣ поднялся въ полномъ смыслѣ слова стонъ. Такъ что одинъ черезъ-чуръ наэлектризованный зритель крикнулъ появившемуся въ дверяхъ Менелаю: „да уйди ты, постылый человѣкъ, вонъ!“ Аннинька поняла, что публика простила ее. Съ своей стороны, Кукишевъ, во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, съ достоинствомъ заявлялъ о своемъ торжествѣ и въ антрактахъ поилъ въ буфетѣ шампанскимъ знакомыхъ и незнакомыхъ. Наконецъ и антрепренеръ театра, преисполненный ликованія, явился въ уборную Анниньки и, встав на колѣна, сказалъ:

Ну, вотъ, барышня, теперь вы—наша! И потому съ нынѣшняго же вечера, по прежнему, переводитесь на высшій окладъ съ соотвѣтствующимъ числомъ бенефисовъ-съ!

Однимъ словомъ, всѣ ее хвалили, всѣ поздравляли и заявляли о сочувствіи, такъ что она и сама, сначала робѣвшая и какъ бы не находившая мѣста отъ гнетущей тоски, совершенно неожиданно прониклась убѣжденіемъ, что она... выполнила свою миссію!

Послѣ спектакля всѣ отправились къ именинницѣ, и тутъ поздравленія усугубились. Въ квартирѣ Любиньки собралась такая толпа и сразу такъ надымила табакомъ, что трудно было дышать. Сейчасъ же сѣли за ужинъ и полилось шампанское. Кукишевъ ни на шагъ не отходилъ отъ Анниньки, которая повидимому была слегка смущена, но въ то же время уже не тяготилась этимъ ухаживаніемъ. Ей казалось немножко смѣшно, но и лестно, что она такъ легко пріобрѣла себѣ этого рослаго и сильнаго купчину, который шутя можетъ подкову согнуть и разогнуть, и которому она можетъ все приказать, и что захочетъ, то съ нимъ и сдѣлаетъ. За ужиномъ началось общее веселье, то пьяное, безпорядочное веселье, въ которомъ не принимаютъ участія ни умъ, ни сердце и отъ котораго на другой день болитъ голова и ощущаются позывы на тошноту. Только одинъ изъ

присутствующихъ, трагикъ Милославскій 10-й, глядѣлъ угрюмо и, уклоняясь отъ шампанскаго, рюмка за рюмкой хлоналъ водку-простецa. Что касается до Аннинькн, то она нѣкоторое время воздерживалась отъ „уноенія": но Кукишевъ былъ такъ настоятеленъ и такъ жалко умолялъ на колѣняхъ: „Анна Семеновна! за вами дюбе́ть-съ (debet)! Позвольте просить-съ! за наше блаженство-съ! совѣть да любовь-съ! Сдѣлайте ваше одолженіе-съ!" — что ей хоть и досадно было видѣть его глупую фигуру и слушать его глупыя рѣчи, но она все-таки не могла отказаться, и не успѣла опомниться, какъ у нея закружилась голова. Любинька, съ своей стороны, была такъ великодушна, что сама предложила Аннинькѣ спѣть: „Ахъ, какъ было мнѣ пріятно съ этимъ милымъ усачомъ", что послѣдняя и выполнила съ такимъ совершенствомъ, что всѣ воскликнули: „вотъ это такъ ужъ точно... по Матрешиному!" Взамѣнъ того Любинька мастерски спѣла куплеты о томъ, какъ пріятно быть *под*полковникомъ, и всѣхъ сразу убѣдила, что это настоящій ея жанръ, въ которомъ у нея точно также нѣтъ соперницъ, какъ у Аннинькн — въ нѣсняхъ съ цыганскимъ пошибомъ. Въ заключеніе Милославскій 10-й и дѣвица Налимова представили „сцену-маскарадъ", въ которой трагикъ декламировалъ отрывки изъ „Уголино" („Уголино", трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, соч. Н. Полевого), а Налимова подавала ему реплики изъ неизданной трагедіи Баркова. Выходило нѣчто до такой степени неожиданное, что дѣвица Налимова чуть-чуть не затмила дѣвицъ Погорѣльскихъ и не сдѣлалась героинею вечера.

Было уже почти свѣтло, когда Кукишевъ, оставивши дорогую именинницу, усаживалъ Аннинькy въ коляску. Благочестивые мѣщане возвращались отъ заутрени и, глядя на расфранченную и слегка поиатывавшуюся дѣвицу Погорѣльскую 1-ю, угрюмо ворчали:

— Люди изъ церкви идутъ, а они вино жрутъ... пронасти на васъ нѣтъ!

Отъ сестры Аннинька отправилась уже не въ гостинницу, а на *свою* квартиру, маленькую, но уютную и очень мило отдѣланную. Туда же, слѣдомъ за ней, вошелъ и Кукишевъ.

Вся зима прошла въ какомъ-то неслыханномъ чаду. Аннинька окончательно закружилась, и ежели по временамъ вспоминала объ „сокровищѣ", то только для того, чтобы сейчасъ же мысленно присовокупить: „какая я, однакожъ, была дура!" Кукишевъ подъ влія-

ніемъ гордаго сознанія, что его идея насчетъ „кралн" равнаго достоинства съ Любинькой осуществилась, не только не жалѣлъ денегъ, но, подстрекаемый соревнованіемъ, выписывалъ непремѣнно два наряда, когда Люлькинъ выписывалъ только одинъ, и ставилъ двѣ дюжины шампанскаго, когда Люлькинъ ставилъ одну. Даже Любинька начала завидовать сестрѣ, потому что послѣдняя успѣла за зиму наколотить сорокъ выигрышныхъ билетовъ, кромѣ порядочнаго количества золотыхъ бездѣлушекъ съ камешками и безъ камешковъ. Онѣ, впрочемъ, опять сдружились и рѣшили все накопленное хранить сообща. При этомъ Аннинька все еще о чемъ-то мечтала и въ интимной бесѣдѣ съ сестрой говорила:

— Когда *все это* кончится, то мы поѣдемъ въ Погорѣлку. У насъ будутъ деньги, и мы начнемъ хозяйничать.

На что Любинька очень цинично возражала:

— А ты думаешь, что *это* когда-нибудь кончится... дура!

На несчастье Аннинькн, у Кукишева явилась новая „идея", которую онъ началъ преслѣдовать съ обычнымъ упорствомъ. Какъ человѣку неразвитому и притомъ несомнѣнно неумному, ему казалось, что онъ очутится наверху блаженства, если его „краля" будетъ „дѣлать ему акомпанименть", т. е. вмѣстѣ съ нимъ станетъ пить водку.

- Хлопнемте-съ! вмѣстѣ-съ! по одной-съ! —. приставалъ онъ къ ней безпрестанно (онъ всегда говорилъ Аннинькѣ „вы", во-первыхъ, цѣня въ ней дворянское званіе и, во-вторыхъ, желая показать, что и онъ не даромъ жилъ „въ мальчикахъ" въ московскомъ гостиномъ дворѣ).

Аннинька нѣкоторое время отбивалась, ссылаясь на то, что и Люлькинъ никогда не заставлялъ Любиньку пить водку.

Однакожъ онъ изъ любви къ господину Люлькину, все-таки, кушаютъ-съ! — возразилъ Кукишевъ: — да и позвольте вамъ доложить, кралечка-съ, развѣ намъ господа Люлькины образецъ-съ? Они Люлькины-съ, а мы съ вами — Кукишевы-съ! Оттого мы и хлопнемъ по нашему-съ, по- кукишевски-съ!

Однимъ словомъ, Кукишевъ настоялъ. Однажды Аннинька приняла изъ рукъ своего возлюбленнаго рюмку, наполненную зеленой жидкостью, и разомъ опрокинула ее въ горло. Разумѣется, не взвидѣла свѣта, поперхнулась, закашлялась, закружилась и этимъ привела Кукишева въ неистовый восторгъ.

— Позвольте вамъ доложить, кралечка! вы не такъ кушаете-съ! вы слишкомъ ужъ скоро-съ! — поучалъ онъ ее, когда она немного успокоилась: — —накальчикъ (такъ называлъ онъ рюмку) слѣдуетъ держать въ ручкахъ вотъ какъ-съ! Потомъ поднести къ устамъ и не торопясь: разъ, два, три... Господи баславй!

И онъ спокойно и серьезно опрокинулъ рюмку въ горло, точно вылилъ содержаніе ея въ лахань. Даже не поморщился, а только взялъ съ тарелки миніатюрный кусочекъ чернаго хлѣба, обмакнулъ въ солонку и пожевалъ.

Такимъ образомъ Кукишевъ добился осуществленія и второй своей „идеи", и началъ ужъ помышлять о томъ, какую бы такую новую „идею" выдумать, чтобы господамъ Люлькинымъ въ носъ бросилось. И, разумѣется, выдумалъ.

— Знаете ли что-съ?—вдругъ объявилъ онъ:—ужо, какъ лѣто наступитъ, отправимтесь-ка мы съ господами Люлькиными за кампанію ко мнѣ на мельницу-съ, возьмемъ съ собой закавязкъ-съ (такъ называлъ онъ коробокъ съ виномъ и закуской) и искупаемся въ рѣчкѣ-съ, съ обоюднаго промежду себя согласія-съ!

— Ну, ужъ этому-то никогда не бывать!—возражала съ негодованіемъ Аннинька.

— Отчего такъ-съ? Сначала искупаемся-съ, потомъ чуточку хлопнемъ-съ, а потомъ немного проклажё и опять искупаемся-съ! Расчудесное будетъ дѣло-съ!

Неизвѣстно, осуществилась ли эта новая „идея" Кукишева, но извѣстно, что цѣлый годъ длился этотъ пьяный угаръ, и въ продолженіе этого времени ни городская управа, ни земская таковая жъ не обнаружили ни малѣйшаго безпокойства относительно господъ Кукишева и Люлькина. Люлькинъ впрочемъ ѣздилъ, для вида, въ Москву и, воротившись, сказывалъ, что продалъ на срубъ лѣсъ; а когда ему напомнили, что онъ ужъ четыре года тому назадъ, когда жилъ съ цыганкой Домашкой, продалъ лѣсъ, то онъ возражалъ, что тогда онъ сбылъ урочище Дрыгаловское, а теперь пустошь Дашкину-Стыдобушку. Причемъ, для приданія своему разсказу большаго вѣроятія, присовокупилъ, что проданная пустошь была такъ названа потому, что при крѣпостномъ правѣ въ этомъ лѣсу „застали" дѣвку Дашку и тутъ же на мѣстѣ наказывали за это розгами. Что касается Кукишева, то онъ, для отвода глазъ, распускалъ подъ рукой слухъ,

что безпошлинно привезъ изъ-за границы въ карандашахъ партію кружевъ, и этою операціей нажилъ хорошій барышъ.

Тѣмъ не менѣе въ сентябрѣ слѣдующаго года полицеймейстеръ попросилъ у Кукишева заимообразно тысячу рублей, и Кукишевъ имѣлъ неблагоразуміе отказать. Тогда полицеймейстеръ началъ о чемъ-то перешептываться съ товарищемъ прокурора („оба у меня шампанское каждый вечеръ лакали!" показывалъ впослѣдствіи на судѣ Кукишевъ). И вотъ, 17 сентября, въ годовщину Кукишевскихъ „любвей", когда онъ, вмѣстѣ съ прочими, вновь праздновалъ именины Любиньки, прибѣжалъ гласный изъ городской управы и объявилъ Кукишеву, что въ управѣ собралось присутствіе и составляется протоколъ.

— Стало быть, „дюбетъ" нашли?—довольно развязно воскликнулъ Кукишевъ и безъ дальнихъ разговоровъ послѣдовалъ за посланнымъ въ управу, а оттуда въ острогъ.

На другой день всполошилась и земская управа. Собрались члены, послали въ казначейство за денежнымъ ящикомъ, считали, пересчитывали, но какъ ни хлопали на счетахъ, а въ концѣ концовъ оказалось, что и тутъ „дюбетъ". Люлькинъ присутствовалъ при ревизіи, блѣдный, угрюмый, но... благородный! Когда „дюбетъ" обнаружился вполнѣ осязательно и члены, каждый про себя, обсуждали, какое Крыгаловское урочище придется каждому изъ нихъ продавать для пополненія растраты, Люлькинъ подошелъ къ окну, вынулъ изъ кармана револьверъ и тутъ же всадилъ себѣ пулю въ високъ.

Много говору надѣлало въ городѣ это происшествіе. Судили и сравнивали. Люлькина жалѣли, говорили: „по крайней мѣрѣ благородно покончилъ!" Объ Кукишевѣ отзывались: „аршинникомъ родился, аршинникомъ и умретъ". А объ Аннинькѣ и Любинькѣ говорили прямо, что это — „онѣ", что это — „изъ-за нихъ", и что ихъ тоже не мѣшало бы засадить въ острогъ, чтобы подобнымъ проціалыгамъ впредь неповадно было.

Слѣдователь, однакожъ, не засадилъ ихъ въ острогъ, но за то такъ напугалъ, что онѣ совсѣмъ растерялись. Нашлись, конечно, люди, которые пріятельски совѣтовали припрятать что поцѣннѣе, но онѣ слушали и ничего не понимали. Благодаря этому, адвокатъ истцовъ (объ управы наняли одного и того же адвоката), отважный малый, въ видахъ обезпеченія исковъ, явился, въ сопровожденіи су-

дебнаго пристава, къ сестрамъ, и все, что нашелъ, описалъ и опечаталъ, оставивъ въ ихъ распоряженіи только платья и тѣ золотыя и серебряныя вещи, которыя, судя по выгравированнымъ надписямъ, оказывались приношеніями восхищенной публики. Любинька успѣла однакожъ при этомъ захватить пачку бумажекъ, подаренную ей наканунѣ, и спрятать за корсетъ. Въ этой пачкѣ оказалась тысяча рублей—все, чѣмъ сестры должны были неопредѣленное время существовать.

Въ ожиданіи суда ихъ держали въ Самоварномъ мѣсяца четыре. Затѣмъ начался судъ, на которомъ онѣ, а въ особенности Аннинька, выдержали цѣлую пытку. Кукишевъ былъ цинченъ до мерзости; даже надобности не было въ тѣхъ подробностяхъ, которыя онъ выложилъ; но онъ, очевидно, хотѣлъ порисоваться передъ самоварновскими дамами, и излагалъ рѣшительно все. Прокуроръ и частный обвинитель, люди молодые и тоже желавшіе доставить самоварновскимъ дамамъ удовольствіе, воспользовались этимъ, чтобъ сообщить процессу игривый характеръ, въ чемъ, конечно, и успѣли. Аннинька нѣсколько разъ падала въ обморокъ, но частный обвинитель, озаботчиваясь обезпеченіемъ иска, рѣшительно не обращалъ на это вниманія и ставилъ вопросы за вопросами. Наконецъ слѣдствіе кончилось и предоставлено было слово заинтересованнымъ сторонамъ. Ужъ поздно ночью присяжные вынесли Кукишеву обвинительный приговоръ съ смягчающими, впрочемъ, обстоятельствами, вслѣдствіе чего онъ былъ тутъ же присужденъ къ ссылкѣ на житье въ Заканную Сибирь, въ мѣста не столь отдаленныя.

Съ окончаніемъ дѣла сестры получили возможность уѣхать изъ Самоварнаго. Да и время было, потому что спрятанная тысяча рублей подходила подъ исходъ. А сверхъ того и антрепренеръ кречетовскаго театра, съ которымъ онъ предварительно сошлись, требовалъ, чтобы онѣ явились въ Кречетовъ немедленно, грозя въ противномъ случаѣ прервать переговоры. О деньгахъ, вещахъ и бумагахъ, опечатанныхъ по требованію частнаго обвинителя, не было ни слуха, ни духа...

Таковы были послѣдствія небрежнаго обращенія съ „сокровищемъ". Измученныя, истерзанныя, подавленныя общимъ презрѣніемъ, сестры утратили всякую вѣру въ свои силы, всякую надежду на просвѣтъ въ будущемъ. Онѣ похудѣли, опустились, струсили. И въ до-

вершенію всего Аниниька, побывавши въ школѣ Кукишева, пріучилась шить.

Дальше пошло еще хуже. Въ Кречетовѣ, едва успѣли сестры выйти изъ вагона, какъ ихъ тотчасъ же разобрали по рукамъ. Любиньку принялъ ротмистръ Папковъ, Аниниьку—купецъ Забвенный. Но прежнихъ приволій уже не было. И Папковъ, и Забвенный были люди грубые, драчуны, но тратились умѣренно (Забвенный выражался: „глядя по товару"), а черезъ три, четыре мѣсяца и значительно охладѣли. Къ довершенію, рядомъ съ умѣренными любовными успѣхами шли и черезъ-чуръ умѣренные успѣхи сценическіе. Антрепренеръ, выписавшій сестеръ въ разсчетѣ на скандалъ, произведенный ими въ Самоваровѣ, совсѣмъ неожиданно просчитался. На первомъ же представленіи, когда объ дѣвицы Погорѣльскія были на сценѣ, кто-то изъ райка крикнулъ: „эхъ, вы, подсудимыя!"—и кличка эта такъ и осталась за сестрами, сразу рѣшивъ ихъ сценическую судьбу.

Потянулась вялая, глухая, лишенная всякаго умственнаго интереса жизнь. Публика была холодна, антрепренеръ дулся, покровители—не заступались. Забвенный, который, подобно Кукишеву, мечталъ, какъ онъ будетъ „понуждать" свою кралю прохаживаться съ нимъ по маленькой, какъ она будетъ сначала жеманиться, а потомъ мало-по-малу уступитъ, былъ очень обиженъ, когда увидѣлъ, что школа уже пройдена сполна, и что ему остается только одна утѣха: собирать пріятелей и смотрѣть, какъ Анютка „водку жретъ". Съ своей стороны и Папковъ былъ недоволенъ и находилъ, что Любинька похудѣла, или, какъ онъ выражался, „постервѣла".

— У тебя прежде тѣлеса были,—допрашивалъ онъ ее:—сказывай, куда ты ихъ дѣвала?

И вслѣдствіе этого не только не церемонился съ нею, но даже не разъ, подъ пьяную руку, бивалъ.

Къ концу зимы сестры не имѣли ни покровителей „настоящихъ", ни „постояннаго положенія". Онѣ еще держались кое-какъ около театра, но о „Периколахъ" и „Полковникахъ старыхъ временъ" не было ужъ и рѣчи. Любинька впрочемъ выглядѣла нѣсколько бодрѣе: Аниниька же, какъ болѣе нервная, совсѣмъ опустилась и, казалось, позабыла о прошломъ и не сознавала настоящаго. Сверхъ того, она начинала подозрительно кашлять: на встрѣчу ей видимо шелъ какой-то загадочный недугъ...

Слѣдующее лѣто было ужасно. Мало-по малу сестеръ начали возить по гостинницамъ къ проѣзжающимъ господамъ и на нихъ установилась умѣренная такса. Скандалы слѣдовали за скандалами, побоища за побоищами, но сестры были живучи какъ кошки и все льнули, все желали жить. Онѣ напоминали тѣхъ жалкихъ собаченокъ, которыя, несмотря на ошпариванія, израненныя, съ перешибленными ногами, все-таки лѣзутъ въ облюбованное мѣсто, визжатъ и лѣзутъ. Держать при театрѣ подобныя личности оказалось неудобнымъ.

Въ эту мрачную годину только однажды лучъ свѣта ворвался въ существованіе Анниньки. А именно: трагикъ Милославскій 10-й прислалъ изъ Самоварнова письмо, въ которомъ настоятельно предлагалъ ей руку и сердце. Аннинька прочла письмо и заплакала. Цѣлую ночь она металась, была, какъ говорится, сама не своя, но на утро послала короткій отвѣтъ: „Для чего? для того, что-ли, чтобъ вмѣстѣ водку пить?" Затѣмъ мракъ сгустился пуще прежняго и снова начался безконечный подлый угаръ.

Любинька первая очнулась, или, лучше сказать, не очнулась, а инстинктивно почувствовала, что жить довольно. Работы впереди уже не предвидѣлось: и молодость, и красота, и зачатки дарованія — все какъ-то вдругъ пропало. О томъ, что есть у нихъ пріютъ въ Погорѣлкѣ, ей ни разу даже не вспомнилось. Это было что-то далекое, смутное, совсѣмъ забытое. Если ихъ прежде не манило въ Погорѣлку, то теперь и подавно. Да, именно теперь, когда приходилось почти умирать съ голода, теперь-то меньше всего и манило туда. Съ какимъ лицомъ она явится?—съ лицомъ, на которомъ всевозможныя пьяныя дыханія выжгли тавро: „подлая!" Вездѣ они легли, эти проклятыя дыханія; вездѣ они чувствуются, на всякомъ мѣстѣ. И что̀ всего ужаснѣе — и она, и Аннинька настолько освоились съ этими дыханіями, что незамѣтно сдѣлали ихъ неразрывною частью своего существованія. Имъ неомерзительны ни трактирная вонь, ни гвалтъ постоялыхъ дворовъ, ни цинизмъ пьяныхъ рѣчей, такъ что еслибъ онѣ ушли въ Погорѣлку, то имъ навѣрное всего этого будетъ недоставать. Но, кромѣ того, вѣдь и въ Погорѣлкѣ надо чѣмъ-нибудь существовать. Сколько ужъ лѣтъ онѣ мыкаются по бѣлу свѣту, а объ доходахъ съ Погорѣлки что-то не слыхать. Не миѳъ ли она? не вымерли ли тамъ всѣ! Всѣ эти свидѣтели далекаго и вѣчно памятнаго дѣтства, когда ихъ, сиротокъ, бабенька Арина Петровна воспиты-

вала на кислом молокѣ и попорченной солонинѣ... Ахъ, что это было за дѣтство! что это за жизнь... вся вообще! Вся жизнь... вся, вся, вся жизнь!

Ясно, что надо умереть. Разъ эта мысль освѣтила совѣсть, она дѣлается ужъ неотвязною. Обѣ сестры нерѣдко пробуждались отъ угара; но у Аниньки эти пробужденія сопровождались истериками, рыданіями, слезами и проходили быстрѣе. Любинька была холоднѣе по природѣ, а потому не плакала, не проклинала, а только упорно помнила, что она „подлая“. Сверхъ того, Любинька была разсудительна и какъ-то совершенно ясно сообразила, что жить даже и разсчета нѣтъ. Совсѣмъ ничего не видится впереди, кромѣ позора, нищеты и улицы. Позоръ—дѣло привычки, его можно перенести, но нищеты—никогда! Лучше покончить разомъ, со всѣмъ.

— Надо умереть,—сказала она однажды Аниньку тѣмъ же холодно-разсудительнымъ тономъ, которымъ, два года тому назадъ, спрашивала ее, для кого она бережетъ свое сокровище.

— Зачѣмъ?—какъ-то испуганно возразила Анинька.

— Я тебѣ серьезно говорю: надо умереть!—повторила Любинька:—пойми! очнись! постарайся!

— Что-жъ... умремъ!—согласилась Анинька, едва-ли однакожъ сознавая то суровое значеніе, которое заключало въ себѣ это рѣшеніе.

Въ тотъ же день Любинька наломала головокъ отъ фосфорныхъ спичекъ и приготовила два стакана настоя. Одинъ изъ нихъ выпила сама, другой подала сестрѣ. Но Анинька мгновенно струсила и не хотѣла пить.

— Ней... подлая!—кричала на нее Любинька:—сестрица! милая! голубушка! ней!

Анинька, почти обезумѣвъ отъ страха, кричала и металась по комнатѣ. И въ то же время инстинктивно хваталась руками за горло, словно пыталась задавиться.

— Ней! ней... подлая!

Артистическая карьера дѣвицъ Погорѣльскихъ кончилась. Въ тотъ же день вечеромъ Любинькинъ трупъ вывезли въ поле и зарыли. Анинька осталась жива.

По пріѣздѣ въ Головлево, Аннинька очень быстро внесла въ старое Іудушкино гнѣздо атмосферу самаго безпардоннаго кочеванья. Вставала поздно; затѣмъ, неодѣтая, нечесаная, съ отяжелѣвшей головой, слонялась вплоть до обѣда изъ угла въ уголъ, и до того вымученно кашляла, что Порфирій Владимірычъ, сидя у себя въ кабинетѣ, всякій разъ пугался и вздрагивалъ. Комната ея вѣчно оставалась неприбранною; постель стояла въ безпорядкѣ; принадлежности бѣлья и туалета валялись разбросанныя по стульямъ и полу. Въ первое время она видѣлась съ дядей только во время обѣда и за вечернимъ чаемъ. Головлевскій владыка выходилъ изъ кабинета весь одѣтый въ черное, говорилъ мало и только по прежнему изнурительно-долго ѣлъ. Повидимому онъ присматривался, и Аннинька, по скошеннымъ въ ея сторону глазамъ его, догадывалась, что онъ присматривался именно къ ней.

Вслѣдъ за обѣдомъ наступали ранніе декабрьскіе сумерки и начиналась тоскливая ходьба по длинной анфиладѣ парадныхъ комнатъ. Аннинька любила слѣдить, какъ постепенно потухаютъ мерцанія сѣраго зимняго дня, какъ меркнетъ окрестность и комнаты наполняются тѣнями и какъ потомъ вдругъ весь домъ окутается въ непроницаемую мглу. Она чувствовала себя легче среди этого мрака, и потому почти никогда не зажигала свѣчей. Только въ концѣ длинной залы стрекотала и оплывала дешевенькая пальмовая свѣчка, образуя своимъ пламенемъ небольшой свѣтящійся кругъ. Нѣкоторое время въ домѣ происходило обычное послѣобѣденное движеніе: слышалось лязганье перемываемой посуды, раздавался стукъ выдвигаемыхъ и задвигаемыхъ ящиковъ, но вскорѣ доносилось топанье удаляющихся шаговъ и затѣмъ наступала мертвая тишина. Порфирій Владимірычъ ложился на послѣобѣденный отдыхъ. Евпраксеюшка зарывалась въ своей комнатѣ въ перину. Прохоръ уходилъ въ людскую, и Аннинька оставалась совершенно одна. Она ходила взадъ и впередъ, напѣвая вполголоса и стараясь утомить себя и, главное, ни о чемъ не думать. Идя по направленію къ залѣ, вглядывалась въ свѣтящійся кругъ, образуемый пламенемъ свѣчи; возвращаясь назадъ, усиливалась различить какую-нибудь точку въ сгустившейся мглѣ. Но на зло усиліямъ, воспоминанія такъ и плыли ей на встрѣчу. Вотъ убранная, оклеенная дешевенькими обоями по досчатой перегородкѣ, съ неизбѣжнымъ трюмо и не менѣе неизбѣжнымъ букетомъ отъ подпоручика

Панкова 2-го; вотъ сцена съ закопченными, захватанными и скользкими отъ сырости декораціями: вотъ и она сама вертится на сценѣ,—именно только вертится, воображая, что играетъ; вотъ театральный залъ, со сцены кажущійся такимъ нарядными, почти блестящимъ, а въ дѣйствительности убогій, темный, съ сборною мебелью и съ ложами, обитыми обшарпанымъ малиновымъ плисомъ. И въ заключеніе—оберъ-офицеры, оберъ-офицеры, оберъ-офицеры безъ конца. Потомъ гостинница съ вонючимъ корридоромъ, слабо освѣщеннымъ коптящею керосиновой лампой; номеръ, въ который она, по окончаніи спектакля вполыхахъ забѣгаетъ, чтобъ переодѣться для дальнѣйшихъ торжествъ, номеръ съ неприбранною съ утра постелью, съ умывальникомъ, наполненнымъ грязной водой, съ валяющеюся на полу простынею и забытыми на спинкѣ кресла кальсонами; потомъ общая зала, полная кухоннаго чада, съ накрытымъ по серединѣ столомъ: ужинъ, котлеты подъ горошкомъ, табачный дымъ, гвалтъ, толкотня, пьянство, разгулъ... И опять оберъ-офицеры, оберъ-офицеры, оберъ-офицеры безъ конца...

Таковы были воспоминанія, относившіяся къ тому времени, которое она когда-то называла временемъ своихъ успѣховъ, своихъ побѣдъ, своего благополучія...

За этими воспоминаніями начинался рядъ другихъ. Въ нихъ выдающуюся роль игралъ постоялый дворъ, уже совсѣмъ вонючій, съ промерзающими зимой стѣнами, съ колеблющимися полами, досчатою перегородкой, изъ щелей которой выглядывали глянцовитые животы клоповъ. Пьяные и драчливыя ночи; проѣзжіе помѣщики, торопливо вынимающіе изъ тощихъ бумажниковъ зеленькую; хваты-купцы, подбадривающіе „актерокъ" чуть не съ нагайкой въ рукахъ. А на утро—головная боль, тошнота и тоска, тоска безъ конца. Въ заключеніе—Головлево...

Головлево—это сама смерть, злобная, пустоутробная; это смерть, вѣчно подстерегающая новую жертву. Двое дядей тутъ умерли; двое двоюродныхъ братьевъ здѣсь получили „особенно тяжкія" раны, послѣдствіемъ которыхъ была смерть; наконецъ и Любинька... Хоть и кажется, что она умерла гдѣ-то въ Кречетовѣ „по своимъ дѣламъ", но начало „особенно тяжкихъ" ранъ несомнѣнно положено здѣсь, въ Головлевѣ. Всѣ смерти, всѣ отравы, всѣ язвы—все идетъ отсюда. Здѣсь происходило кормленіе протухлой солониной; здѣсь впервые

раздались въ ушахъ сиротъ слова: постылые, нищіе, дармоѣды, ненасытныя утробы и проч.: здѣсь ничто не проходило имъ даромъ, ничто не укрывалось отъ проницательнаго взора черствой и блажной старухи: ни лишній кусокъ, ни изломанная гроповая кукла, ни изорванная тряпка, ни стоптанный башмакъ. Всякое правонарушеніе немедленно возстановлялось или укоризной, или пленкомъ. И вотъ, когда онѣ получили возможность располагать собой и поняли, что можно бѣжать отъ этого паскудства, онѣ и бѣжали... *туда!* И никто не удержалъ ихъ отъ бѣгства,—да и нельзя было удержать, потому что хуже, постылѣе Головлева не предвидѣлось ничего.

Ахъ, еслибъ все это забыть! еслибъ можно было хоть въ мечтѣ создать что-нибудь иное, какой-нибудь волшебный міръ, который заслонилъ бы собою и прошедшее, и настоящее. Но, увы! дѣйствительность, которую она пережила, была одарена такою желѣзною живучестью, что подъ гнетомъ ея сами собой потухли всѣ проблески воображенія. Напрасно мечта усиливается создать ангельчиковъ съ серебряными крылышками—изъ-за этихъ ангельчиковъ неумолимо выглядываютъ Кукишевы, Люлькины, Забвенные, Пашковы... Господи! да неужто же все утрачено? неужто даже способность лгать, обманывать себя—и та потонула въ почныхъ кутежахъ, въ винѣ и развратѣ? Надо, однакожъ, какъ-нибудь убить это прошлое, чтобъ оно не отравляло крови, не рвало на куски сердца! Надо, чтобъ налегло что-нибудь тяжелое, которое раздавило бы его, уничтожило бы совсѣмъ, до тла!

И какъ все это странно и жестоко сложилось! нельзя даже вообразить себѣ, что возможно какое-нибудь будущее, что существуетъ дверь, черезъ которую можно какъ-нибудь выйти, что можетъ хоть что-нибудь случиться. Ничего случиться не можетъ. И что всего несноснѣе: въ сущности, она ужъ умерла, а между тѣмъ внѣшніе признаки жизни—на-лицо. Надо было *тогда* кончать, вмѣстѣ съ Любинькой, а она зачѣмъ-то осталась. Какъ не раздавила ее та масса срама, которая въ то время со всѣхъ сторонъ надвинулась на нее? И какимъ ничтожнымъ червемъ нужно быть, чтобы выползти изъ-подъ такой груды разомъ налетѣвшихъ камней?

Вопросы эти заставляли ее стонать. Она бѣгала и кружилась по залѣ, стараясь угомонить взбудораженныя воспоминанія. А на встрѣчу такъ и плыли: и Герцогиня Гролыптейнская, потрясающая гусар-

скимъ мантикомъ, и Клеретта Анго, въ подвѣнечномъ платьѣ, съ разрѣзомъ спереди до самаго пояса, и Прекрасная Елена, съ разрѣзами спереди, сзади и со всѣхъ боковъ... Ничего, кромѣ безстыдства и наготы... вотъ въ чемъ прошла вся жизнь! Неужели все это было?

Около семи часовъ домъ начиналъ вновь пробуждаться. Слышались приготовленія къ предстоящему чаю, а наконецъ раздавался и голосъ Порфирія Владимірыча. Дядя и племянница садились у чайнаго стола, размѣнивались замѣчаніями о проходящемъ днѣ; но такъ какъ содержаніе этого дня было скудное, то и разговоръ оказывался скудный же. Напившись чаю и выполнивъ обрядъ родственнаго цѣлованія на сонъ грядущій, Іудушка окончательно заползалъ въ свою нору, а Аннинька отправлялась въ комнату къ Евпраксеюшкѣ и играла съ ней въ мельники.

Съ 11-ти часовъ начинался разгулъ. Предварительно удостовѣрившись, что Порфирій Владимірычъ угомонился, Евпраксеюшка ставила на столъ разное деревенское соленье и графинъ съ водкой. Припоминались безсмысленныя и безстыжія пѣсни, раздавались звуки гитары, и въ промежуткахъ между пѣснями и подлымъ разговоромъ Аннинька выпивала. Пила она сначала „по-кукишевски“, хладнокровно, „Господи баслави!“, но потомъ постепенно переходила въ мрачный тонъ, начинала стонать, проклинать...

Евпраксеюшка смотрѣла на нее и „жалѣла“.

— Посмотрю я на васъ, барышня,—говорила она:—и такъ мнѣ васъ жалко! такъ жалко!

— А вы выпейте вмѣстѣ —вотъ и не жалко будетъ!—возражала Аннинька.

— Нѣтъ, мнѣ какъ возможно! Меня и то ужъ изъ-за дяденьки вашего чуть изъ духовнаго званія не исключили, а ежели да при этомъ...

— Ну, нечего, стало быть, и разговаривать. Давайте-ка лучше я вамъ „Усача“ спою.

Опять раздавалось бряцанье гитары, опять поднимался гикъ: „и-ахъ! и-охъ!“ Далеко за-полночь на Анниньку, словно камень, сваливался сонъ. Этотъ желанный камень на нѣсколько часовъ убивалъ ея прошедшее и даже угомонялъ недугъ. А на другой день, разбитая, полуобезумѣвшая, она опять выползала изъ-подъ него и опять начинала жить.

И вотъ, въ одну изъ такихъ наскучныхъ ночей, когда Аннинька лихо распѣвала передъ Евпраксеюшкой репертуаръ своихъ наскучныхъ пѣсенъ, въ дверяхъ комнаты вдругъ показалась изнуренная, мертвенно-блѣдная фигура Іудушки. Губы его дрожали; глаза ввалились и при тускломъ мерцаніи пальмовой свѣчи казались какъ бы незрящими впадинами; руки были сложены ладонями внутрь. Онъ постоялъ нѣсколько секундъ передъ обомлѣвшими женщинами и затѣмъ, медленно повернувшись, вышелъ.

Бываютъ семьи, надъ которыми тяготѣетъ какъ бы обязательное предопредѣленіе. Особливо это замѣчается въ средѣ той мелкой дворянской сошки, которая, безъ дѣла, безъ связи съ общею жизнью и безъ правящаго значенія, сначала ютилась, подъ защитой крѣпостного права, разсѣянная по лицу земли русской, а нынѣ, уже безъ всякой защиты, доживаетъ свой вѣкъ въ разрушающихся усадьбахъ. Въ жизни этихъ жалкихъ семей и удача, и неудача — все какъ-то слѣпо, не гадано, не думано.

Иногда надъ подобной семьей вдругъ прольется какъ бы струя счастья. У захудалыхъ корнета и корнетши, смирно хирѣющихъ въ деревенскомъ захолустьи, внезапно появляется цѣлый выводокъ молодыхъ людей, крѣпонькихъ, чистенькихъ, проворныхъ и чрезвычайно быстро усвояющихъ жизненную суть. Однимъ словомъ, „умницъ". Всѣ сплошь умницы — и юноши, и юницы. Юноши — отлично кончаютъ курсъ въ „заведеніяхъ" и уже на школьныхъ скамьяхъ устраиваютъ себѣ связи и покровительства. Во-время умѣютъ выказать себя скромными (j'aime cette modestie! — говорятъ про нихъ начальники) и во-время же — самостоятельными (j'aime cette indépendance!): чутко угадываютъ всякаго рода вѣянія, и ни съ однимъ изъ нихъ не порываютъ, не оставивъ назади надежной лазейки. Благодаря этому, они на всю жизнь обезпечиваютъ для себя возможность безъ скандала и во всякое время сбросить старую шкуру и облечься въ новую, а въ случаѣ чего и опять надѣть старую шкуру. Словомъ сказать, это истинные дѣлатели вѣка сего, которые всегда начинаютъ искательствомъ и *почти всегда* кончаютъ предательствомъ. Что же касается до юницъ, то и онѣ, въ мѣрѣ своей спеціальности, содѣйствуютъ возрожденію семьи, т.-е. удачно выходятъ замужъ, и затѣмъ

обнаруживаютъ столько такта въ распоряженіи своими атурами, что безъ труда завоевываютъ видныя мѣста въ такъ-называемомъ обществѣ.

Благодаря этимъ случайно сложившимся условіямъ, удача такъ и плыветъ на встрѣчу захудалой семьи. Первые удачники, бодро выдержавши борьбу, въ свою очередь воспитываютъ новое чистенькое поколѣніе, которому живется уже легче, потому что главные пути не только намѣчены, но и проторены. За этимъ поколѣніемъ выростутъ еще поколѣнія, покуда наконецъ семья естественнымъ путемъ не войдетъ въ число тѣхъ, которыя ужъ безъ всякой предварительной борьбы, прямо считаютъ себя имѣющими прирожденное право на пожизненное ликованіе.

Въ послѣднее время, по случаю возникновенія запроса на такъ-называемыхъ „свѣжихъ людей",— запроса, обусловленнаго постепеннымъ вырожденіемъ людей „не-свѣжихъ",—примѣры подобныхъ удачливыхъ семей начали прорываться довольно часто. И прежде бывало, что отъ времени до времени на горизонтѣ появлялась звѣзда съ „косицей", но это случалось рѣдко, во-первыхъ, потому, что стѣна, окружавшая ту безпечальную область, на вратахъ которой написано: „здѣсь во всякое время ѣдятъ пироги съ начинкой", почти не представляла трещинъ, а во-вторыхъ, и потому, что для того, чтобы въ сопровожденіи „косицы" проникнуть въ эту область, нужно было воистину имѣть за душой что-либо солидное. Ну, а нынче и трещинъ порядочно прибавилось, да и самое дѣло проникновенія упростилось, такъ какъ отъ пришельца солидныхъ качествъ не спрашивается, а требуется лишь „свѣжесть" и больше ничего.

Но на ряду съ удачливыми семьями существуетъ великое множество и такихъ, представителямъ которыхъ домашніе ненаты съ самой колыбели ничего, повидимому, не дарятъ, кромѣ безвыходнаго злополучія. Вдругъ, словно вша, нападаетъ на семью не то невзгода, не то порокъ, и начинаетъ со всѣхъ сторонъ ѣсть. Расползается по всему организму, прокрадывается въ самую сердцевину и точитъ поколѣніе за поколѣніемъ. Появляются коллекціи слабосильныхъ людишекъ, пьяницъ, мелкихъ развратниковъ, безсмысленныхъ праздношатающихъ и вообще неудачниковъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ мельче вырабатываются людишки, пока наконецъ на сцену не выходятъ худосочные заморыши, въ родѣ однажды уже изображенныхъ мною Голов-

лять *), — зауморыши, которые при первомъ же натискѣ жизни не выдерживаютъ и гибнутъ.

Именно такого рода злополучный фатумъ тяготѣлъ надъ Головлевской семьей. Въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній три характеристическія черты проходили черезъ исторію этого семейства: праздность, непригодность къ какому бы то ни было дѣлу и запой. Первыя двѣ приводили за собой пустословіе, пустомысліе и пустоутробіе; послѣдній являлся какъ бы обязательнымъ заключеніемъ общей жизненной неурядицы. На глазахъ у Порфирія Владимірыча сгорѣло нѣсколько жертвъ этого фатума, а кромѣ того преданіе гласило еще о дѣдахъ и прадѣдахъ. Все это были озорливые, пустомысленные и никуда непригодные пьяницы, такъ что Головлевская семья навѣрное захудала бы окончательно, если бы посреди этой пьяной неурядицы случайнымъ метеоромъ не блеснула Арина Петровна. Эта женщина, благодаря своей личной энергіи, довела уровень благосостоянія семьи до высшей точки, но и за всѣмъ тѣмъ ея трудъ пропалъ даромъ, потому что она не только не передала своихъ качествъ никому изъ дѣтей, а, напротивъ, сама умерла, опутанная со всѣхъ сторонъ праздностью, пустословіемъ и пустоутробіемъ.

До сихъ поръ Порфирій Владимірычъ однакожъ крѣпился. Можетъ быть, онъ сознательно оберегался пьянства, въ виду бывшихъ примѣровъ, но, можетъ быть, его покуда еще удовлетворялъ запой пустомыслія. Однакожъ окрестная молва не даромъ обрекала Іудушку заправскому, „пьяному" запою. Да онъ и самъ по временамъ какъ бы чувствовалъ, что въ существованіи его есть какой-то пробѣлъ, что пустомысліе даетъ многое, но не все. А именно: недостаетъ чего-то оглушающаго, остраго, которое окончательно упразднило бы представленіе о жизни и разъ навсегда выбросило бы его въ пустоту.

И вотъ вожделѣнный моментъ подвернулся самъ собою. Долгое время, съ самаго пріѣзда Аннинькн, Порфирій Владимірычъ, запершись въ кабинетъ, прислушивался къ смутному шуму, доносившемуся до него съ другого конца дома; долгое время онъ отгадывалъ и недоумѣвалъ... И наконецъ учуялъ.

На другой день Аннинька ожидала поученій, но таковыхъ не послѣдовало. По обычаю Порфирій Владимірычъ цѣлое утро проси-

*) См.: „Семейные итоги".

дѣлъ запершись въ кабинетѣ, но когда вышелъ къ обѣду, то вмѣсто одной рюмки водки (для себя) налилъ двѣ и молча, съ глуповатой улыбкой, указалъ рукой на одну изъ нихъ Аннинькѣ. Это было, такъ сказать, молчаливое приглашеніе, которому Аннинька и послѣдовала.

— Такъ ты говоришь, что Любинька умерла?—спохватился Іудушка въ серединѣ обѣда.

— Умерла, дядя.

— Ну, царство небесное! Роптать—грѣхъ, а помянуть—слѣдуетъ. Помянемъ, что-ли?

— Помянемте, дядя.

Выпили еще по одной, и затѣмъ Іудушка умолкъ: очевидно, онъ еще не вполнѣ оправился послѣ своей продолжительной одичалости. Только послѣ обѣда, когда Аннинька, выполняя родственный обрядъ, пошла поблагодарить дяденьку поцѣлуемъ въ щеку, онъ въ свою очередь потрепалъ ее по щекѣ и вымолвилъ:

— Вотъ ты какая!

Вечеромъ въ тотъ же день, во время чая, который на сей разъ длился продолжительнѣе обыкновеннаго, Порфирій Владимірычъ нѣкоторое время съ той же загадочной улыбкой посматривалъ на Анниньку, но наконецъ предложилъ:

Закусочки, что-ли, велѣть поставить?

— Что жъ... велите!

То-то: лучше ужъ у дяди на глазахъ, чѣмъ по закоулкамъ... По крайней мѣрѣ дядя...

Іудушка не договорилъ. Вѣроятно онъ хотѣлъ сказать, что дядя по крайней мѣрѣ „удержитъ", но слово какъ-то не выговорилось.

Съ этихъ поръ каждый вечеръ въ столовой появлялась закуска. Наружныя ставни оконъ затворялись, прислуга удалялась спать и племянница съ дядей оставались глазъ-на-глазъ. Первое время Іудушка какъ бы не поспѣвалъ, но достаточно было недолговременной практики, чтобъ онъ вполнѣ сравнялся съ Аннинькой. Оба сидѣли, не торопясь выпивали и между рюмками припоминали и бесѣдовали. Разговоръ, сначала безразличный и вялый, по мѣрѣ того, какъ головы разгорячались, становился живѣе и живѣе и наконецъ незамѣтно переходилъ въ безпорядочную ссору, основу которой составляли воспоминанія о Головлевскихъ умертвіяхъ и увѣчіяхъ.

Зачинщицею этихъ ссоръ всегда являлась Аннинька. Она съ

безпощадною назойливостью раскапывала Головлевскій архивъ и въ особенности любила дразнить Іудушку, доказывая, что главная роль во всѣхъ увѣчіяхъ, на ряду съ покойной бабушкой, принадлежала ему. При этомъ каждое слово ея дышало такою циническою ненавистью, что трудно было себѣ представить, какимъ образомъ въ этомъ измученномъ, полуиотухшемъ организмѣ могло еще сохраняться столько жизненнаго огня. Эти подразниванія уязвляли Іудушку до безконечности: но онъ возражалъ слабо и больше сердился; а когда Аннинька, въ своемъ озорливомъ наусьиваньи, заходила слишкомъ далеко, то кричалъ крикомъ и проклиналъ.

Такого рода сцены повторялись изо дня въ день, безъ измѣненія. Хотя всѣ подробности скорбнаго семейнаго синодика были исчерпаны очень быстро, но синодикъ этотъ до такой степени неотступно стоялъ передъ этими подавленными существами, что всѣ мыслительныя ихъ способности были какъ бы прикованы къ нему. Всякій эпизодъ, всякое воспоминаніе прошлаго растравляли какую-нибудь язву, и всякая язва напоминала о новой свитѣ Головлевскихъ увѣчій. Какое-то горькое, мстительное наслажденіе чувствовалось въ разоблаченіи этихъ отравъ, въ ихъ расцѣнкѣ и даже въ преувеличеніяхъ. Ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ не оказывалось ни одного нравственнаго устоя, за который можно бы удержаться. Ничего, кромѣ жалкаго скопидомства съ одной стороны, и безсмысленнаго пустоутробія—съ другой. Вмѣсто хлѣба—камень, вмѣсто поученія—колотушка. И въ качествѣ варіанта—наскучное напоминаніе о дармоѣдствѣ, хлѣбоядствѣ, о милостынѣ, объ утаенныхъ кускахъ... Вотъ отвѣтъ, который получало молодое сердце, жаждавшее привѣта, тепла, любви. И что жъ! по какой-то горькой насмѣшкѣ судьбы, въ результатѣ этой жестокой школы оказалось не суровое отношеніе къ жизни, а страстное желаніе насладиться ея отравами. Молодость сотворила чудо забвенія: она не дала сердцу окаменѣть, не дала сразу развиться въ немъ начаткамъ ненависти, а, напротивъ, опьянила его жаждой жизни. Отсюда безшабашный, закусливый угаръ, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не далъ придти въ себя и далеко отодвинулъ вглубь все Головлевское. Только теперь, когда ужъ почуялся конецъ, въ сердцѣ вспыхнула сосущая боль: только теперь Аннинька настоящимъ образомъ поняла свое прошлое и начала настоящимъ образомъ ненавидѣть.

Хмельныя бесѣды продолжались далеко за полночь, и еслѝъ ихъ

не смягчала хмельная же безпорядочность мыслей и рѣчей, то онѣ на первыхъ же порахъ могли бы разрѣшиться чѣмъ-нибудь ужаснымъ. Но, къ счастью, если вино открывало неистощимые родники болей въ этихъ замученныхъ сердцахъ, то оно же и умиротворяло ихъ. Чѣмъ глубже надвигалась надъ собесѣдниками ночь, тѣмъ безсвязнѣе становились рѣчи и безсильнѣе обуревавшая ихъ ненависть. Подъ конецъ не только не чувствовалось боли, но вся насущная обстановка исчезала изъ глазъ и замѣнялась свѣтящеюся пустотой. Языки запутывались, глаза закрывались, тѣлодвиженія косѣли. И дядя, и племянница тяжело поднимались съ мѣстъ и, пошатываясь, расходились по своимъ логовищамъ.

Само собой разумѣется, что въ домѣ эти ночныя похожденія не могли оставаться тайной. Напротивъ того, характеръ ихъ сразу опредѣлился настолько ясно, что никому не показалось страннымъ, когда кто-то изъ домочадцевъ, по поводу этихъ похожденій, произнесъ слово: „уголовщина". Головлевскія хоромы окончательно оцѣпенѣли: даже по утрамъ не видно было никакого движенія. Господа просыпались поздно, и затѣмъ до самаго обѣда изъ конца въ конецъ дома раздавался надрывающій душу кашель Аннушки, сопровождаемый непрерывными проклятіями. Іудушка со страхомъ прислушивался къ этимъ раздирающимъ звукамъ и угадывалъ, что и къ нему тоже идетъ на встрѣчу обѣда, которая окончательно раздавитъ его.

Отовсюду, изъ всѣхъ угловъ этого постылаго дома, казалось, выползали „умертвія". Куда ни пойдешь, въ какую сторону ни повернешься, вездѣ шевелятся сѣрые призраки. Вотъ папенька Владиміръ Михайловичъ, въ бѣломъ колпакѣ, дразнящійся языкомъ и цитирующій Баркова; вотъ братецъ Степка-балбесъ и рядомъ съ нимъ братецъ Нашка-тихоня; вотъ Любинька, а вотъ и послѣдніе отпрыски Головлевскаго рода: Володька и Петька... И все это хмельное, блудное, измученное, истекающее кровью... И надъ всѣми этими призраками витаетъ живой призракъ, и этотъ живой призракъ — не кто иной, какъ самъ онъ, Порфирій Владимірычъ Головлевъ, послѣдній представитель вымирающаго рода.

Въ концѣ концовъ постоянныя припоминанія старыхъ умертвій должны были оказать свое дѣйствіе. Прошлое до того выяснилось,

что малѣйшее прикосновеніе къ нему производило боль. Естественнымъ послѣдствіемъ этого былъ не то испугъ, не то пробужденіе совѣсти,—скорѣе даже послѣднее, нежели первое. Къ удивленію, оказывалось, что совѣсть не вовсе отсутствовала, а только была загнана и какъ бы позабыта. И вслѣдствіе этого утратила ту дѣятельную чуткость, которая обязательно напоминаетъ человѣку о ея существованіи.

Такія пробужденія одичалой совѣсти бываютъ необыкновенно мучительны. Лишенная воспитательнаго ухода, не видя никакого просвѣта впереди, совѣсть не даетъ примиренія, не указываетъ на возможность новой жизни, а только безконечно и безплодно терзаетъ. Человѣкъ видитъ себя въ каменномъ мѣшкѣ, безжалостно отданнымъ въ жертву агоніи раскаянія, именно одной агоніи, безъ надежды на возвратъ къ жизни. И никакого иного средства утишить эту безплодно разъѣдающую боль, кромѣ шанса воспользоваться минутою мрачной рѣшимости, чтобы разбить себѣ голову о камни мѣшка...

Іудушка, въ теченіе долгой пустоутробной жизни, никогда даже въ мысляхъ не допускалъ, что тутъ же, о-бокъ съ его существованіемъ, происходитъ процессъ умертвія. Онъ жилъ себѣ потихоньку да помаленьку, не торопясь да Богу помолясь, и отнюдь не предполагалъ, что именно изъ этого-то и выходитъ болѣе или менѣе тяжелое увѣчье. А слѣдовательно тѣмъ меньше могъ допустить, что онъ самъ и есть виновникъ этихъ увѣчій.

И вдругъ ужасная правда освѣтила его совѣсть, но освѣтила поздно, безъ пользы, уже тогда, когда передъ глазами стоялъ лишь безповоротный и непоправимый фактъ. Вотъ онъ состарѣлся, одичалъ, одной ногой въ могилѣ стоитъ, а нѣтъ на свѣтѣ существа, которое приблизилось бы къ нему, „пожалѣло" бы его. Зачѣмъ онъ одинъ? зачѣмъ видитъ кругомъ не только равнодушіе, но и ненависть? отчего все, что ни прикасалось къ нему — все погибло? Вотъ тутъ, въ этомъ самомъ Головлевѣ, было когда-то цѣлое человѣчье гнѣздо—какимъ образомъ случилось, что и пера не осталось отъ этого гнѣзда? Изъ всѣхъ выпѣстованныхъ въ немъ птенцовъ уцѣлѣла только племянница, но и та явилась, чтобъ надругаться надъ нимъ и доканать его. Даже Евпраксеюшка—ужъ на что простодушна — и та ненавидитъ. Она живетъ въ Головлевѣ, потому что отцу ея, попомарю, ежемѣсячно посылается отсюда домашній запасъ, но живетъ, несомнѣнно, ненавидя. И ей онъ, Іуда, нанесъ тягчайшее увѣчье, и у нея онъ съумѣлъ

отнять свѣтъ жизни, отнявъ сына и бросивъ его въ какую-то безъименную яму. Къ чему привела вся его жизнь? Зачѣмъ онъ лгалъ, пустословилъ, притворялъ, сконфузничалъ? Даже съ матеріальной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія „наслѣдства“ — кто воспользуется результатами этой жизни? кто?

Повторяю: совѣсть проснулась, но безплодно. Іудушка стоналъ, злился, метался и съ лихорадочнымъ озлобленіемъ ждалъ вечера не для того только, чтобы бестіально упиться, а для того, чтобы утопить въ винѣ совѣсть. Онъ ненавидѣлъ „расчутую дѣвку“, которая съ такою холодною наглостью бередила его язвы, и въ то же время неудержимо влекся къ ней, какъ будто еще не все между ними было высказано, а оставались еще и еще язвы, которыя тоже необходимо было растравить. Каждый вечеръ онъ заставлялъ Аннушку повторять разсказъ о Любинькиной смерти, и каждый вечеръ въ умѣ его больше созрѣвала идея о саморазрушеніи. Сначала эта мысль мелькнула случайно, но по мѣрѣ того, какъ процессъ умертвій выяснялся, она прокрадывалась глубже и глубже и наконецъ сдѣлалась единственною свѣтящеюся точкой во мглѣ будущаго.

Къ тому же и физическое его здоровье рѣзко пошатнулось. Онъ уже серьезно кашлялъ и по временамъ чувствовалъ невыносимые приступы удушья, которые, независимо отъ нравственныхъ терзаній, сами по себѣ въ состояніи наполнить жизнь сплошной агоніей. Всѣ внѣшніе признаки спеціальнаго Головлевскаго отравленія были на-лицо, и въ ушахъ его уже раздавались стоны братца Павлушки-тихони, задохшагося на антресоляхъ дубровинскаго дома. Однакожъ эта вялая, худая грудь, которая, казалось, ежеминутно готова была треснуть, оказывалась удивительно живучею. Съ каждымъ днемъ вмѣщала она все бо́льшую и бо́льшую массу физическихъ мукъ, а все-таки держалась, не уступала. Какъ будто и организмъ, своею неожиданною устойчивостью, мстилъ за старыя умертвія. „Неужто жъ это не конецъ?“ каждый разъ съ надеждой говорилъ Іудушка, чувствуя приближеніе припадка: а конецъ все не приходилъ. Очевидно, требовалось насиліе, чтобы ускорить его.

Однимъ словомъ, съ какой стороны ни подойди, всѣ разсчеты съ жизнью покончены. Жить и мучительно, и не нужно; всего нужнѣе было бы умереть: но бѣда въ томъ, что смерть не идетъ. Есть что-то измѣнническки-подлое въ этомъ озорливомъ замедленіи умиранія, когда

смерть призывается всѣми силами души, а она только обольщаетъ и дразнитъ...

. . . . . .

Дѣло было въ исходѣ марта, и Страстная недѣля подходила къ концу. Какъ ни опустился въ послѣдніе годы Порфирій Владимірычъ, но установившееся еще съ дѣтства отношеніе къ святости этихъ дней подѣйствовало и на него. Мысли сами собой настраивались на серьезный ладъ; въ сердцѣ не чувствовалось никакого иного желанія, кромѣ жажды безусловной тишины. Согласно съ этимъ настроеніемъ, и вечера утратили свой безобразно-пьяный характеръ и проводились молчаливо, въ тоскливомъ воздержаніи.

Бабушка и Аннинька сидѣли вдвоемъ въ столовой. Не далѣе, какъ часъ тому назадъ, кончилась всенощная, сопровождаемая чтеніемъ двѣнадцати евангелій, и въ комнатѣ еще слышался сильный запахъ ладана. Часы пробили десять; домашніе разошлись по угламъ, и въ домѣ водворилось глубокое, сосредоточенное молчаніе. Аннинька, взявши голову въ обѣ руки, облокотилась на столъ и задумалась; Порфирій Владимірычъ сидѣлъ супротивъ, молчаливый и печальный.

На Анниньку эта служба всегда производила глубоко-потрясающее впечатлѣніе. Еще будучи ребенкомъ, она горько плакала, когда батюшка произносилъ: „И сплетше вѣнецъ изъ терній, возложиша на главу Его, и трость въ десницу Его", и всхлипывающимъ дискантикомъ подтягивала дьячку: „Слава долготерпѣнію Твоему, Господи! слава Тебѣ!" А послѣ всенощной, вся взволнованная, прибѣгала въ дѣвичью, и тамъ, среди сгустившихся сумерекъ (Арина Петровна не давала въ дѣвичью свѣчей, когда не было работы), разсказывала рабынямъ „Страсти Господни". Лились тихія рабьи слезы, слышались глубокія рабьи воздыханія. Рабыни чуяли сердцами своего Господина и Искупителя, вѣрили, что Онъ воскреснетъ, воистину воскреснетъ. И Аннинька тоже чуяла и вѣрила. За глубокой ночью истязаній, подлыхъ издѣвокъ и поношеній — для всѣхъ этихъ нищихъ духомъ виднѣлось царство лучей и свободы. Сама старая барыня, Арина Петровна, обыкновенно грозная, дѣлалась въ эти дни тихою, не бранилась, не попрекала Анниньку сиротствомъ, а гладила ее по головкѣ и уговаривала не волноваться. Но Аннинька даже въ постели долго не могла успокоиться, вздрагивала, металась по нѣскольку разъ въ теченіе ночи, вскакивала и разговаривала сама съ собой.

Потомъ наступили годы ученія, а затѣмъ и годы странствованія. Первые были безсодержательны, вторые—мучительно пошлы. Но и тутъ, среди безобразій актерскаго кочевья, Аннинька ревниво выдѣляла „святые дни“ и отыскивала въ душѣ отголоски прошлаго, которые помогали ей по-дѣтски умиляться и вздыхать. Теперь же, когда жизнь выяснялась вся, до послѣдней подробности, когда прошлое проклялось само собою, а въ будущемъ не предвидѣлось ни раскаянія, ни прощенія, когда изсякъ источникъ умиленія, а вмѣстѣ съ нимъ изсякли и слезы—впечатлѣніе, произведенное только-что выслушаннымъ сказаніемъ о скорбномъ пути, было по истинѣ подавляющимъ. И тогда, въ дѣтствѣ, надъ нею тяготѣла глубокая ночь, но за тьмою, все-таки, предчувствовались лучи. Теперь—ничего не предчувствовалось, ничего не предвидѣлось: ночь, вѣчная, безсмѣнная ночь—и ничего больше. Аннинька не вздыхала, не волновалась и, кажется, даже ни о чемъ не думала, а только вшла въ глубокое оцѣпенѣніе.

Съ своей стороны, и Порфирій Владимірычъ, съ неменьшею аккуратностью, съ молодыхъ ногтей чтилъ „святые дни“, но чтилъ исключительно съ обрядной стороны, какъ истый идолопоклонникъ. Каждогодно, наканунѣ великой пятницы, онъ приглашалъ батюшку, выслушивалъ евангельское сказаніе, вздыхалъ, воздѣвалъ руки, стукался лбомъ въ землю, отмѣчалъ на свѣчѣ восковыми катышками число прочитанныхъ евангелій, и все-таки ровно ничего не понималъ. И только теперь, когда Аннинька разбудила въ немъ сознаніе „умертвій“, онъ понялъ впервые, что въ этомъ сказаніи идетъ рѣчь о какой-то неслыханной неправдѣ, совершившей кровавый судъ надъ Истиной...

Конечно, было бы преувеличеніемъ сказать, что по поводу этого открытія въ душѣ его возникли какія-либо жизненныя сопоставленія, но несомнѣнно, что въ ней произошла какая-то смута, почти граничащая съ отчаяніемъ. Эта смута была тѣмъ мучительнѣе, чѣмъ безсознательнѣе прожилось то прошлое, которое послужило ей источникомъ. Было что-то страшное въ этомъ прошломъ, а что̀ именно—въ масѣ невозможно припомнить. Но и позабыть нельзя. Что-то громадное, которое до сихъ поръ неподвижно стояло, прикрытое непроницаемое завѣсою, и только теперь двинулось на встрѣчу, каждоминутно угрожая раздавить. Еслѝбъ еще оно взаправду раздавило—это было бы самое лучшее; но вѣдь онъ живучъ—ножа гуй, и выпол-

зеть. Нѣтъ, ждать развязки отъ естественнаго хода вещей—слишкомъ гадательно: надо самому создать развязку, чтобы покончить съ невыносимою смутою. Есть такая развязка, есть. Онъ уже съ мѣсяцъ приглядывается къ ней, и теперь, кажется не промнётъ. „Въ субботу пріобщаться будемъ—надо на могилку къ покойной маменькѣ проститься сходить!“ вдругъ мелькнуло у него въ головѣ.

— Сходимъ, что-ли?—обратился онъ къ Аннинькѣ, сообщая ей вслухъ о своемъ предположеніи.

— Пожалуй... съѣздимте...

— Нѣтъ, не съѣздимте, а...—началъ-было Порфирій Владимірычъ, и вдругъ оборвалъ, словно сообразилъ, что Аннинька можетъ помѣшать.

„А вѣдь я передъ покойницей-маменькой... вѣдь я ее замучилъ... я!“ бродило между тѣмъ въ его мысляхъ, и жажда „проститься“ съ каждой минутой сильнѣе и сильнѣе разгоралась въ его сердцѣ. Но „проститься“ не такъ, какъ обыкновенно прощаются, а пасть на могилу и застыть въ волнахъ смертельной агоніи.

— Такъ ты говоришь, что Любинька сама отъ себя умерла?—вдругъ спросилъ онъ, видимо съ цѣлью подбодрить себя.

Сначала Аннинька словно не разслышала вопроса дяди, но, очевидно, онъ дошелъ до нея, и потому что черезъ двѣ-три минуты она сама ощутила непреодолимую потребность возвратиться къ этой смерти, измучить себя ею.

Такъ и сказала: „ней... подлая!“? — переспросилъ онъ, когда она подробно повторила свой разсказъ.

— Да... сказала.

— А ты осталась?.. не выпила?

— Да... вотъ живу...

Онъ всталъ и нѣсколько разъ въ видимомъ волненіи прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ. Наконецъ подошелъ къ Аннинькѣ и погладилъ ее по головѣ.

— Бѣдная ты! бѣдная ты моя!—произнесъ онъ тихо.

При этомъ прикосновеніи въ ней произошло что-то неожиданное. Сначала она изумилась, но постепенно лицо ея начало искажаться, искажаться, и вдругъ цѣлый потокъ истерическихъ, ужасныхъ рыданій вырвался изъ ея груди.

— Дядя! вы добрый? скажите, вы добрый?—почти крикомъ кричала она.

Прерывающимся голосомъ, среди слезъ и рыданій, твердила она свой вопросъ, тотъ самый, который она предложила еще въ тотъ день, когда, послѣ „странствія", окончательно воротилась для водворенія въ Головлевъ, и на который онъ въ то время далъ такой нелѣпый отвѣтъ.

— Вы добрый? скажите! отвѣтьте! вы добрый?

— Слышала ты, что̀ за всенощной сегодня читали?—спросилъ онъ, когда она наконецъ затихла:—ахъ, какія это были страданія! Вѣдь только этакими страданіями и можно... И простилъ! всѣхъ навсегда простилъ!

Онъ опять началъ большими шагами ходить по комнатѣ, убиваясь, страдая и не чувствуя, какъ лицо его покрывается каплями пота.

— Всѣхъ простилъ!—вслухъ говорилъ онъ самъ съ собою:— не только тѣхъ, которые *тогда* напоили Его оцтомъ съ желчью, но и тѣхъ, которые и послѣ, вотъ теперь, и впредь, во вѣки вѣковъ, будутъ подносить къ Его губамъ опять, смѣшанный съ желчью... Ужасно! ахъ, это ужасно!

И вдругъ, остановившись передъ ней, спросилъ:

— А ты... простила?

Вмѣсто отвѣта она бросилась къ нему и крѣпко его обняла.

— Надо меня простить!—продолжалъ онъ:—за всѣхъ... И за себя... и за тѣхъ, которыхъ ужъ нѣтъ... Что̀ такое! что̀ такое сдѣлалось!?—почти растерянно восклицалъ онъ, озираясь кругомъ: — гдѣ... *вся*?..

. . . . . .

Измученные, потрясенные, разошлись они по комнатамъ. Но Порфирію Владимірычу не спалось. Онъ ворочался съ боку на бокъ въ своей постели и все припоминалъ, какое еще обязательство лежитъ на немъ. И вдругъ въ его памяти совершенно отчетливо возстановились тѣ слова, которыя случайно мелькнули въ его головѣ часа за два передъ тѣмъ: „Надо на могилку къ покойницѣ-маменькѣ проститься сходить"... При этомъ напоминаніи ужасное, томительное безпокойство овладѣло всѣмъ существомъ его...

Наконецъ онъ не выдержалъ, всталъ съ постели и надѣлъ ха-

..ать. На дворѣ было еще темно и ни откуда не доносилось ни малѣйшаго шороха. Порфирій Владимірычъ нѣкоторое время ходилъ по комнатѣ, останавливался передъ освѣщеннымъ лампадкой образомъ Искупителя въ терновомъ вѣнцѣ и вглядывался въ него. Наконецъ онъ рѣшился. Трудно сказать, насколько онъ самъ сознавалъ свое рѣшеніе, но черезъ нѣсколько минутъ онъ, крадучись, добрался до передней и щелкнулъ крючкомъ, замыкавшимъ входную дверь.

На дворѣ вылъ вѣтеръ и крутилась мартовская мокрая мятелица, посылая въ глаза цѣлые ливни талаго снѣга. Но Порфирій Владимірычъ шелъ по дорогѣ, шагая по лужамъ, не чувствуя ни снѣга, ни вѣтра и только инстинктивно запахивая полы халата.

На другой день, рано утромъ, изъ деревни, ближайшей къ погосту, на которомъ была схоронена Арина Петровна, прискакалъ верховой съ извѣстіемъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги найденъ закоченѣвшій трупъ головлевскаго барина. Бросились къ Аннинькѣ, но она лежала въ постели въ безсознательномъ положеніи со всѣми признаками горячки. Тогда снарядили новаго верхового и отправили его въ Горюшкино къ „сестрицѣ“ Надеждѣ Ивановнѣ Галкиной (дочкѣ тетеньки Варвары Михайловны), которая уже съ прошлой осени зорко слѣдила за всѣмъ, происходившимъ въ Головлевѣ.

II.

САТИРЫ ВЪ ПРОЗѢ

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Еще не такъ давно (а можетъ быть даже и совсѣмъ „недавно“) мы не только съ снисходительностью, но даже съ крайнимъ равнодушіемъ взирали на гражданскія и нравственныя убѣжденія людей, съ которыми намъ приходилось идти бокъ-о-бокъ въ обществѣ. Намъ казалось, что убѣжденія составляютъ нѣчто постороннее, сложившееся силою внѣшнихъ обстоятельствъ, силою фатализма, и отнюдь не причастное личной жизненной работѣ каждаго изъ насъ. Совѣсть наша затруднялась мало, смущалась еще менѣе. Если требовалось опредѣлить признаки извѣстнаго явленія, сдѣлать оцѣнку извѣстнаго поступка, мы, безъ излишнихъ хлопотъ, посылали эту покладистую совѣсть въ тотъ темный архивъ, въ которомъ хранилась попорченная крысами и побитая молью мудрость вѣковъ, и безъ труда отыскивали на пожелтѣвшихъ столбцахъ ея все, что было нужно для удовлетворенія неприхотливыхъ нашихъ потребъ.

Тамъ, въ этомъ мрачномъ хранилищѣ нашихъ жизненныхъ воззрѣній, лежали всегда готовыя къ нашимъ услугамъ связки старыхъ дѣлъ, надписи на которыхъ гласили: убѣжденія дворянскія, убѣжденія мѣщанскія, убѣжденія холопскія. Кодексъ мудрости, общежитія и приличій, кодексъ условной нравственности, условной истины и условной справедливости былъ весь тутъ на-лицо: стоило только заглянуть въ него, и мы навѣрное знали, какъ слѣдуетъ поступить намъ въ данномъ случаѣ, какъ слѣдуетъ вести себя вообще. Такимъ образомъ мы узнавали, что дворянину не полагалось приличнымъ заниматься торговлею, промыслами, сморкаться безъ помощи платка

и т. п., и не полагалось неприличнымъ поставить на карту цѣлую деревню и промѣнять дѣвку Аринку на борзого щенка; что крестьянину полагалось неприличнымъ брить бороду, пить чай и ходить въ сапогахъ, и не полагалось неприличнымъ пропонтировать сотню верстъ пѣшкомъ съ письмомъ отъ Матрены Ивановны къ Авдотьѣ Васильевнѣ, въ которомъ Матрена Ивановна усерднѣйше поздравляетъ свою пріятельницу съ днемъ ангела и извѣщаетъ, что она, слава Богу, здорова.

Въ эти недавнія счастливыя времена мы знакомились другъ съ другомъ, заводили дружескія связи, женились и посягали по соображеніямъ, совершенно не имѣющимъ никакого дѣла до убѣжденій. То-есть, коли хотите, они и были, эти убѣжденія, но то были убѣжденія затылка, убѣжденія брюшной полости, но отнюдь не убѣжденія мысли. Тотъ, напримѣръ, кто пилъ водку зорную и закусывалъ маринованнымъ грибкомъ, тотъ улыбался и подмигивалъ, и вообще чувствовалъ себя особенно радостно лишь при видѣ человѣка, который тоже предпочитаетъ зорную всякимъ другимъ настойкамъ и тоже закусываетъ грибкомъ. Между этими двумя индивидуумами была живая связь, существовала возможность обмѣна мыслей и чувствъ. Тотъ, кто игралъ въ ералашъ по три копѣйки, подыскивалъ себѣ въ общество такихъ именно людей, которые также играли въ ералашъ и также по три копѣйки, и на приверженцевъ преферанса смотрѣлъ хотя и неневраждебно, но и безъ сердечнаго участія. И всѣ убѣжденія заключались тутъ въ томъ, что одинъ игралъ рисковано, другой подендисто, одинъ отъ туза-короля самъ-шесть начиналъ ходить съ маленькой, другой же прямо лупилъ съ туза и короля.

„Даже въ томъ безвѣтномъ, но крѣпко сплоченномъ духовными узами меньшинствѣ людей мыслящихъ, на которомъ съ любовью отдыхаетъ взоръ изслѣдователя явленій нашей общественной жизни, въ тѣхъ немногочисленныхъ кружкахъ, которые въ самыя безотрадныя эпохи исторіи, несмотря на существующую окрестъ слякоть и темень, все-таки прорываются тамъ и сямъ, какъ зеленѣющіе оазисы будущаго на печальномъ фонѣ картины настоящаго, въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ необходимость нравственнаго убѣжденія, какъ внутренняго смысла всей жизни, признается за безспорную истину, гдѣ члены относятся другъ къ другу, съ точки зрѣнія убѣжденій, съ крайнею строгостью и взыскательностью, — даже тамъ существовала какая-то патріархальная снисходительность въ сужденіяхъ о лицахъ, стоящихъ внѣ

жизни и условій кружка̀ и пользующихся какимъ-нибудь значеніемъ на поприщѣ общественной дѣятельности.

Говоря объ NN, мы не давали себѣ труда изслѣдовать, какого разряда принципъ вноситъ въ общество дѣятельность этого человѣка, но справлялись единственно о томъ, добрый ли онъ малый, или злецъ. И если онъ оказывался добрымъ, то мы приходили въ восторгъ; а если еще при этомъ онъ пускалъ намъ въ носъ фразу, въ родѣ того, что „нельзя, господа, не сочувствовать тому честному направленію, которое характеризируетъ дѣятельность нынѣшняго молодого поколѣнія", то мы готовы были вылизать его всего, отъ головы до пятокъ.

Слѣдствіемъ такой патріархальной простоты нравовъ было то, что многіе люди очень нелѣпые пошли чуть не за геніевъ, многія рѣчи очень глупыя стали чуть не на ряду съ изреченіями мудрости. Попробовалъ бы кто-нибудь изъ „нашихъ" отпустить такую штуку, что „нельзя, дескать, не сочувствовать" и т. д.—всякій изъ здѣсидящихъ зажалъ бы ему уста, сказавши: „охота вамъ, почтеннѣйшій другъ, предаваться такому дремучему празднословію!" —но такъ какъ этимъ празднословіемъ занялся NN, существо, съ трудомъ выговаривающее па̀па и ма̀ма, то въ его устахъ самый позывъ къ празднословію, болѣе или менѣе не изукрашенному обычными ингредіентами нашего древняго краснорѣчія, уже казался поступкомъ, который мы спѣшили запечатлѣть въ нашихъ благодарныхъ умахъ, гдѣ мы тщательно собирали лепестки для будущихъ вѣнковъ героямъ нашихъ сердечныхъ вожделѣній.

И мы, члены этого строгаго и взыскательнаго, члены этого по истинѣ нравственнаго меньшинства, до такой степени искренно восторгались убогими нашими героями, что потребность лизаться упорно засѣла въ насъ даже по сю пору, когда, повидимому, нѣтъ уже и побудительныхъ причинъ ни для лизанія, ни для телячьихъ восторговъ.

Ошибка горькая и обильная послѣдствіями самаго тлетворнаго свойства, ибо она отнимала у нашихъ убѣжденій ту безповоротную крѣпость и силу, безъ которой немыслимо никакое дѣятельное вліяніе на общество, ибо она была причиной безчисленныхъ стачекъ съ неправдою, безобразіемъ ходячей общественной нравственности, ибо она успокоивала насъ въ той пассивной роли наблюдателей-сводниковъ, которую мы сами себѣ навязали.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ошибка и не необъяснимая. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему прилѣпиться, какъ распознать истину отъ лжи, при существованіи всеобщей, почти эпидемической путаницы понятій и представленій? И какъ не примкнуть, напримѣръ, къ NN, который, по крайней мѣрѣ, умѣетъ конфузиться и краснѣть, тогда какъ рядомъ съ нимъ какой-нибудь MM нахально несетъ свою плосконосую морду, безнаказанно ставя ее поперекъ всему благородно мыслящему? Мысль человѣческая съ трудомъ выноситъ одиночество, а чувство и вовсе не терпитъ его. Это свойство человѣческой природы, эта общительность человѣка сообщаютъ нѣчто роковое всей его дѣятельности, вынуждая его, независимо отъ него самого, признавать за добро то, что, въ сущности, представляетъ собой лишь меньшую сумму зла. Сквозникъ-Дмухановскій не только во снѣ, но и наяву видѣлъ кругомъ себя только свиныя рыла: что мудренаго, что онъ и Хлестакова призналъ за человѣка? Наши публицисты такъ долго видѣли то же самое, что видѣлъ и вышеупомянутый градоначальникъ: что мудренаго, что въ настоящее время они съ остервенѣніемъ приглашаютъ сограждань любить даже въ такихъ случаяхъ, когда, по совѣсти, слѣдовало бы приглашать ихъ плевать?

Скажутъ, быть можетъ: „зачѣмъ же члены этого добродѣтельнаго, этого взыскательнаго меньшинства не поищутъ образцовъ гражданской доблести среди самихъ себя, зачѣмъ они вторгаются въ ту сферу, гдѣ властвуютъ свиныя рыла?“ Отвѣтъ на это простой: затѣмъ, что мысль человѣческая никакъ не можетъ признать кружка за міръ. Какъ бы ни были для насъ милы и симпатичны люди кружка, какъ бы хорошо ни чувствовали мы себя среди нихъ, все-таки мы не можемъ совершенно оборвать тѣ нити, которыя привязываютъ насъ къ міру, все-таки мы сознаемъ, что дѣло, настоящее дѣло — не въ кружкѣ, а внѣ его, и именно въ той темной области, въ которой живутъ и дѣйствуютъ Сквозники-Дмухановскіе.

Но въ особенности мудрено было не ошибиться въ выборѣ героевъ въ послѣднее время. Россіяне такъ изолгались въ какія-нибудь пять лѣтъ времени, что рѣшительно ничего нельзя понять въ этой всеобщей хлестаковщинѣ. Въ публичныхъ мѣстахъ нѣтъ отбоя отъ либераловъ всевозможныхъ мастей, и только слишкомъ чуткое и привычное ухо, за шумихою пустозвонныхъ фразъ, можетъ подмѣтить старинную заскорузлость воззрѣній и какое-то лукавое,

чуть сдерживаемое іріурочиваніе вопросовъ общихъ, историческихъ къ пошленькимъ интересамъ скотнаго двора своей собственной жизни.

Будете ли вы, напримѣръ, по желѣзной дорогѣ—присмотритесь, сдѣлайте милость, къ тому, что̀ кругомъ васъ дѣлается, прислушайтесь къ тому, что̀ говорится въ вагонахъ. И рѣчи, и морды — все, кажется, протестуетъ! И протестуетъ въ какомъ-то плюхо-просящемъ, миноромъ тонѣ, какъ будто такъ и суетъ всѣмъ и каждому и въ носъ, и въ ротъ, и въ глаза, что я, дескать, самъ по себѣ ничего, я червь, я слякоть, я клонъ постельный, а вотъ отечество-то за что страдаетъ!

Вы входите въ вагонъ и садитесь на избранное вами мѣсто; передъ вами располагается почтенный старецъ, украшенный усами и словно чувствующій себя неловко въ новомъ партикулярномъ платьѣ, которое на немъ надѣто. Идетъ общая суматоха, всегда сопряженная съ первоначальнымъ приглаживаніемъ и усаживаніемъ; какая-то дама, вся блѣдная и разстроенная, чуть-чуть не каждому пассажиру готова пожаловаться, что ея Grégoire опять-таки потерялъ свой mouchoir de poche; какой-то господинъ съ крестомъ на шеѣ застѣнчиво увѣряетъ своего знакомаго, что онъ вообще орденовъ не носитъ, но въ дорогу всегда надѣваетъ крестъ, потому что у насъ безъ этого нельзя. Проходятъ еще нѣсколько почтенныхъ старцевъ, также съ усами и также въ новыхъ партикулярныхъ платьяхъ.

— Какъ, и вы тоже!—восклицаетъ вашъ сосѣдъ, ловя за рубу одного изъ проходящихъ усачей.

— На травяное продовольствіе! — отвѣчаетъ проходящій и, уныло усмѣхнувшись, отправляется далѣе.

Но вотъ поѣздъ трогается. Быстро пролетаетъ передъ глазами пассажировъ всякая чушь и гиль: паршивые лѣсочки, чахлые лужочки, чуть дышущіе ручеечки. Сосѣда вашего замѣтно начинаетъ коробить.

— Ну, посмотрите! что жъ это за пейзажъ такой! — обращается онъ къ вамъ съ какимъ-то желчнымъ озлобленіемъ.

Вслушайтесь въ его голосъ, и вы безъ труда поймете, что въ этомъ голосѣ есть трещина, и что въ этой трещинѣ засѣла кровная обида.

Ну, на кой чортъ поѣздъ стоитъ здѣсь десять минутъ! — ораторствуетъ усачъ на одной изъ промежуточныхъ станцій: — за

границей на обѣдъ только пять минутъ даютъ:—нѣтъ, видно, далеко еще намъ до нихъ!

И вплоть до самыхъ Узаковъ не умолкаютъ бунтовскія рѣчи усатаго сосѣда, и только великолѣпная вилла либеральнаго fermier Василія Александрыча Кокорева на минуту смягчитъ его непреклонное сердце и заставитъ раздвинуться густо разросшіяся его брови.

Для васъ этотъ усачъ—явленіе совершенно новое. Обращаясь къ воспоминаніямъ прожитыхъ лѣтъ, вы отыскиваете въ нихъ образцы усачей совершенно особаго рода, усачей съ клубами пѣны у рта, усачей не внимающихъ и не разсуждающихъ, усачей, снабженныхъ волчьей пастью и употребляющихъ лисій хвостъ лишь въ виду матеріальной, грубой силы, которая одна имѣла привилегію смирять ихъ бѣшенство. И вотъ сердце ваше начинаетъ мало-по-малу мякнуть и расползаться; вы съ любопытствомъ и даже съ пріятнымъ изумленіемъ прислушиваетесь къ бунтовскимъ рѣчамъ сосѣда, и находите, что онѣ... тово... такъ себѣ... ничего! Вы не замѣчаете ихъ нелѣпости и пустоты, вы оставляете безъ изслѣдованія даже ту трещину въ голосѣ, о которой говорено выше: до того васъ поражаетъ новость положенія и неожиданность встрѣчи съ старцемъ, который чѣмъ-то недоволенъ, который почему-то ругается, но ругается безъ прежнихъ раскатистыхъ переливовъ, въ которыхъ такъ и слышалось нахальство и сознаніе ничѣмъ несокрушимой силы.

„Эге!“—думаете вы:—„вотъ оно что! вотъ даже въ какія каменоломни пустили свои корни либеральныя тенденціи вѣка!“

И вслѣдствіе этого разсужденія начинаете смотрѣть на вашего сосѣда если не съ любовью, то непремѣнно съ отеческою снисходительностью. Смѣю, однакожъ, увѣрить васъ, что вы горько ошибаетесь, и что каменоломни все-таки остаются каменоломнями, несмотря ни на какія тенденціи вѣка.

Представьте себѣ, что въ то самое время, какъ вы услаждаете слухъ либеральными рѣчами сосѣда, въ вагонъ, сверхъ чаянія, отыскивается такой шутникъ, прозорливый знатокъ надтреснутыхъ голосовъ и сердецъ человѣческихъ, который находитъ для себя забавнымъ высвистать мнимаго либерала. Вотъ онъ полегоньку подкрадывается къ нему, вотъ онъ шепчетъ ему на ухо:

— А знаете ли, Иванъ Антонычъ, сейчасъ получено извѣстіе,

что князь Петръ Мартынычъ предлагаетъ вамъ занять мѣсто начальника таможеннаго округа?

Господи! какимъ пиковымъ валетомъ вывертывается вдругъ Иванъ Антонычъ изъ своего либерализма! какія муравы, какіе водопады внезапно начинаютъ вертѣться въ глазахъ его! И не придетъ ему даже въ голову, что полученное извѣстіе—нуфъ, что въ вагонѣ, и въ особенности „сейчасъ“, невозможно было даже получить его!

— Вотъ и насъ, стариковъ, вспомнили! вотъ и насъ, старыхъ слугъ, не забыли!—восклицаетъ онъ съ какимъ-то дѣтскимъ смѣхомъ, внезапно переходя изъ либерализма ругательнаго въ либерализмъ хвалительный.

Положительно завѣряю васъ, что еслибы былъ просторъ и поднесъ ему Василій Александрычъ рюмочку, онъ охотно пустился бы въ присядку.

А въ другомъ углу вагона завязывается между тѣмъ иного сорта либеральный разговоръ. Женоподобный, укутанный пледами господинъ, какъ дважды два четыре, доказываетъ сидящему съ нимъ рядомъ путешественнику-французу, что мы отупѣли, и что причину этого отупѣнія слѣдуетъ искать въ неумѣренномъ преобладаніи бюрократіи и въ несносной страсти къ регламентаціи.

— Vous croyez donc que si l'on donnait plus d'essort à la libre initiative des poméschiks?...—спрашиваетъ французъ, который желаетъ показать, что онъ отлично хорошо умѣетъ все понимать à demimots.

— Voilà!—отвѣчаетъ женоподобный господинъ.

— Monsieur est donc pour le système du selfgovernment?—продолжаетъ французъ.

— Voilà!—отвѣчаетъ женоподобный господинъ, и горделиво оглядываетъ нищихъ духомъ, сидящихъ въ отдѣленіи вагона.

А нищіе духомъ разѣваютъ рты отъ умиленія и начинаютъ подозрѣвать, что между ними сидитъ, по малой мѣрѣ, самъ знаменитый публицистъ и защитникъ свободы Ржевскій, путешествующій инкогнито въ скромномъ образѣ господина Юматова (Юпитеръ въ образѣ лебедя).

Вы, конечно, не раздѣляете мнѣнія нищихъ духомъ; быть можетъ, вы даже находите, что идея о помѣщичьемъ selfgovernment вовсе не такъ смѣла и нова, какъ кажется съ перваго взгляда, ибо она

достаточно проявила свои достоинства въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Но благодушіе, при пособіи сравнительнаго метода и нѣкоторыхъ историческихъ воспоминаній, опять-таки береть верхъ надъ всѣми соображеніями. Вы не слыхали до сихъ поръ, чтобъ слово „selfgovernment“ произносилось гдѣ-нибудь внѣ вашего кружка; и вдругъ оно произносится громогласно—и гдѣ же? въ вагонѣ! и кѣмъ же? какимъ-то золотушнымъ отпрыскомъ нашихъ древнихъ исарей-богатырей! Вы готовы вообразить себя въ Икаріи, гдѣ безпечально ходятъ нагіе люди и непринужденно выбрасываютъ изъ себя всякій вздоръ, который взбредетъ имъ въ голову; вы отнюдь не хотите вѣрить, что находитесь въ любезномъ отечествѣ, гдѣ ходятъ все люди одѣтые, и гдѣ законами общежитія дозволяется изрекать только умныя рѣчи. Васъ это трогаетъ; въ порывѣ умиленія, вы не замѣчаете, что, въ сущности, васъ поражаетъ здѣсь не дѣло, а только звукъ; что точно такъ же смякло бы ваше сердце, еслибы кто-нибудь изъ этихъ постороннихъ для васъ людей вдругъ произнесъ имя родной Заманиловки, гдѣ протекло ваше безмятежное дѣтство, и напомнилъ вамъ старую няню Іоновну, тѣшившую васъ сказочками про бабу-ягу костяную ногу, про козляточекъ-маляточекъ... Что за славная, что за благодатная картина встала бы вдругъ въ душѣ вашей! Какимъ тепломъ, какою яркостью лучей и красокъ охватило бы все ваше существо! И съ какою любовью взглянули бы вы на этого незнакомца, который, самъ того не вѣдая, ударилъ по самой чувствительной струнѣ вашего сердца, который заставилъ васъ еще и еще разъ произнести: „о, моя юность! о, моя свѣжесть!“

Милостивый государь! слово, столь глубоко васъ тронувшее, имѣетъ въ настоящемъ случаѣ именно то самое значеніе, какое имѣло бы нечаянное упоминовеніе родной Заманиловки. Вся разница заключается только въ томъ, что чувствительность, проявляемая по поводу Заманиловки, весьма невинна и ни къ чему не обязываетъ, а чувствительность, проявляемая по поводу произнесеннаго въ упоръ хвастливаго словечка, весьма непохвальна, ибо, кромѣ неопрятности, производимой глазами и носомъ, ведетъ къ затмѣнію и страшной путаницѣ.

Я знаю, вы утѣшаете себя мыслью, что еще немножко, еще одну капельку—и золотушный юноша самъ собой станетъ на ту прямую дорогу, которая такъ складно рисуется въ вашемъ воображеніи. Анъ нѣтъ, онъ гораздо дальше отъ этой прямой дороги, нежели его предки,

исари-богатыри. Тѣ просто ломили себѣ впередъ, какъ ломитъ впередъ Михайло Иванычъ Топтыгинъ, прокладая пути сообщенія сквозь чащу лѣсную; а золотушный юнона впередъ не ломитъ, столѣтнихъ сосенъ не валитъ, а злобствуетъ тихимъ манеромъ, какъ прилично человѣку благовоспитанному, то-есть показывая кукишъ въ карманъ. Тѣхъ можно было по просту гнуть въ баранiй рогъ; тѣхъ можно было взять за плечи и поставить на прямую дорогу, если они добровольно на нее не становились; а съ золотушнымъ юношей такъ поступить нельзя. Онъ ужъ понахватался кой-чего; онъ уже развратилъ свою мысль десяткомъ-двумя забористаго свойства словечекъ; онъ уже покрылся извѣстнаго рода слизью, по милости которой схватить его безъ перчатокъ—дѣло весьма затруднительное и щекотливое.

Нѣтъ, вы поразмыслите хорошенько да подивитесь природѣ-матери, которая допускаетъ, что въ одной и той же головѣ помѣщаются рядомъ такiя понятiя, какъ selfgovernment и la libre initiative des poméschiks!

Но вотъ и въ третьемъ углу засѣли либералы, и въ третьемъ углу ведется живая и многознаменательная бесѣда.

— А что вы скажете о нашей дорогой новорожденной? вѣдь просто, батюшка, сердце не нарадуется!—говоритъ очень чистенькiй съ виду, весьма похожiй на мышинаго жеребчика старичокъ, бойко поглядывая по сторонамъ и какъ бы заявляя всѣмъ и каждому: „не смотрите, дескать, что наружность у насъ тихонькая, и мы тоже не прочь войти въ задоръ... Какъ-же-съ!“

Вы знаете, что на языкѣ нашихъ мышиныхъ жеребчиковъ подъ именемъ „дорогой новорожденной“ слѣдуетъ разумѣть гласность, и что гласность въ настоящее время составляетъ ту милую болячку сердца, о которой всѣ говорятъ дрожащими отъ радостнаго волненiя голосами, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно перекосивши рыло на сторону.

— Удивительно!—отвѣчаетъ другой такой же бодренькiй, румяненькiй старичокъ:—мы вчера читаемъ съ Петромъ Иванычемъ да только глаза себѣ протираемъ!

— А помните ли, прежде-то! Получишь, бывало, книжку журналъ: „либо тебѣ „трюфель“ подносятъ, либо „„Двумя словами о происхожденiи славянъ“ потчуютъ... Просто, можно сказать, засоряющая зрѣлiе литература была!

— Недавно я, Степанъ Сергѣичъ, статью господина Юматова въ одной газетѣ прочиталъ—просто такъ-таки и говоритъ: облагородить, говоритъ, все это нужно, джентри англійскую завести нужно; силу, говоритъ, силу намъ дайте, да гордости маленько прибавьте, а мы ужъ проберемъ сзади проборъ любезному отечеству!

— Неужто такъ и написано?

— Именно такъ, Степанъ Сергѣичъ! и даже какъ бы вы думали, даже не въ Петербургѣ и не въ Москвѣ писано, а такъ въ какомъ-то Сердобскѣ—уму непостижимо!

— Изъ рыбарей...

— Именно изъ рыбарей-съ! И что же-съ? книжки тоже почитываютъ... Гнейста тамъ... Такъ-таки прямо и говоритъ: я, говоритъ, Гнейста читалъ; жаль, говоритъ, что не всѣ его прочитали...

— Н-да; а вѣдь главное что̀ утѣшительно, Ѳедоръ Алексѣичъ, это то, что вѣдь всякую штуку на свой манеръ обработываютъ!

— Да ужъ насчетъ чего другого, а насчетъ смѣтки это именно, что противъ русскаго другому не выйти. Возьмемъ, напримѣръ, хоть простого плотника...

Начинаются разсказы о плотникахъ, строящихъ самоучкой великолѣпные дворцы, перекидывающихъ по глазомѣру диковинные мосты и проч. Извѣстно, что анекдоты подобнаго рода еще въ великомъ ходу въ обширной Россійской имперіи, и что они составляютъ тотъ незыблемый фундаментъ, на которомъ мышиные жеребчики созидаютъ славу и надежды Россіи.

— Утѣшительно это, Ѳедоръ Алексѣичъ! какъ себѣ хотите, а утѣшительно это!

— Какъ-же-съ, какъ-же-съ! вотъ и господинъ Юматовъ— Гнейстъ-то Гнейстомъ, однако и объ совѣтникахъ губернскихъ правленій упомянулъ: это, говоритъ, не джентри, потому что безъ сапогъ къ намъ приходятъ, а вотъ предводители и засѣдатели —тѣ джентри, потому что въ сапогахъ ходятъ, хоть и нѣтъ у нихъ ни силы, ни гордости...

— Смекалка, значитъ, есть: про чужое читаемъ, а свое тоже примѣчаемъ!

„Добрые люди!" —разсуждаете вы мысленно: — „и до вашихъ мозговъ коснулся лучъ свѣта! и ваши сердца растворились жаждою гласности! Хоть уморительно, хоть черезъ нень колоду, а

все же вы разсуждаете, все же въ головахъ вашихъ копошится какое-то вожделѣніе! Да, и это ужъ шагъ впередъ!“ Но, въ сущности, этого шага впередъ нѣтъ, и вы очень неосновательно думаете, что въ старыхъ, мѣстами продырявленныхъ мѣхахъ можетъ заключаться новое вино. Я думаю даже, что добродѣтельное ваше разсужденіе, безъ ущерба для истины, можетъ быть замѣнено слѣдующимъ: „глупые люди! и до вашихъ мозговъ коснулась эпидемія болтовни! и вы получили способность извергать изъ себя цѣлые потоки словъ, лишившихся, по милости вашей, смысла и значенія!“ и проч. и проч. На мой взглядъ, вы были бы правы. Подумайте, что̀ такое, въ самомъ дѣлѣ, эти люди, на которыхъ вы взираете съ такою отеческою заботливостью! Вѣдь это тѣ самые, которые еще вчера хихикали и радовались, видя, какъ краснорѣцкій буй-туръ Рыковъ трескаетъ по зубамъ благоговѣйно взирающихъ на него обывателей („строгонекъ, но часть свою въ порядкѣ держитъ!“ говорили они); это тѣ самые, которые еще вчера съ умиленіемъ и неизреченною душевною сладостью бесѣдовали о томъ, какъ извѣстный магикъ и чревовѣщатель Ударь-Ерыгинъ услѣдилъ что-то такое, грозящее общественному спокойствію (то самое, что̀ они теперь такъ сладостно привѣтствуютъ подъ именемъ давно желаннаго новорожденнаго), какъ онъ все это искусно накрылъ, раздулъ по мѣрѣ силъ своихъ и приподнесъ кому слѣдуетъ: вѣдь это тѣ самые, которые и завтра будутъ кланяться какому угодно тельцу, и даже не изъ выгодъ, а только потому, что „не нами заведено, не нами и кончится“. Вѣдь это не люди, а дряхлые людишки, у которыхъ можно позаимствоваться огнемъ для сигары, но въ смыслѣ рѣчей которыхъ вслушиваться не только безполезно, но даже вредно, по той простой причинѣ, что занятіе подобнаго рода вноситъ въ существованіе человѣка отраву праздности и чревоугодничества.

Я предполагаю, что весь этотъ умственный маскарадъ, вся эта путаница понятій и представленій происходитъ отъ того, что мы вступаемъ, такъ сказать, въ эпоху конфуза. Я не могу сообщить положительныхъ свѣдѣній насчетъ того, какимъ образомъ и откуда занесено къ намъ это новое въ русской жизни явленіе. Извѣстно, что мы прежде не только совсѣмъ никогда не конфузились, но, напротивъ того, съ самою любезною откровенностью приступали ко всякаго рода задачамъ. Знаменитая русская поговорка: „тянь да лянь—и карабь“, столь долго служила основаніемъ нашей общественной и политической

дѣятельности, что нынѣшній конфузъ составляетъ явленіе несомнѣнно новое и невольно обращающее на себя вниманіе. Вотъ все, что̀ можно сказать положительнаго насчетъ происхожденія конфуза: затѣмъ, что касается до деталей, то, несмотря на всю новость этого явленія, несмотря на то, что оно пришло къ намъ, такъ сказать, на нашихъ же глазахъ, исторія его, благодаря запутанности сопровождавшихъ ее обстоятельствъ, уже представляется весьма темною. Мнѣ, напримѣръ, всегда казалось, что истиннымъ насадителемъ конфуза былъ почтенный нашъ писатель И. С. Тургеневъ, который еще въ сороковыхъ годахъ предрекалъ его господство своими Рудиными и Гамлетами щигровскаго уѣзда, но, съ другой стороны, нѣкоторые достойные полнаго вѣроятія помѣщики положительно и даже подъ оболочкою тайны (извѣстно, что секретныя свѣдѣнія всегда вѣрнѣе несекретныхъ) удостовѣряютъ, что первый, бросившій сѣмена стыдливости въ сердца россіянъ, былъ императоръ французовъ, Людовикъ-Наполеонъ. Предоставляю читателю разсудить между этими двумя мнѣніями; я же нахожу для себя удобнѣйшимъ обратиться къ самому явленію. Откуда бы ни происходилъ нашъ конфузъ, но несомнѣнно, что мы сконфузились и оплошали почти поголовно. Конфузъ проникъ всюду: конфузъ въ сердцахъ помѣщиковъ, конфузъ въ соображеніяхъ почтеннаго купечества, конфузъ въ литературѣ и журналистикѣ, конфузъ въ умахъ администраторовъ. Послѣдніе сконфузились сугубо — и за себя, и за другихъ. Они почему-то сообразили, что все бремя эпохи конфуза лежитъ на ихъ плечахъ, и что слѣдовательно имъ предстоитъ учетверить свою собственную конфузливость, дабы укрѣпить корни этого невиданнаго у насъ растенія въ сердцахъ прочихъ человѣковъ. Зубатовъ видимо оторопѣлъ. Ударъ-Ерыгинъ, какъ муха, напѣвшаяся отравы, сонно перебираетъ крыльями. Оба видятъ, что на смѣну имъ готовится генералъ Конфузовъ, и оба изъ кожи лѣзутъ, чтобъ предъявить кому слѣдуетъ, что они и сами способны сконфузиться настолько, насколько начальство прикажетъ.

Величественный Зубатовъ! ты, который до сихъ поръ представлялъ собой римлянина Катона, расхаживающаго въ вицмундирѣ по каменистому полю глуповской администраціи! ты, который все подчищалъ и подмывалъ, въ твердомъ упованіи, что сможешь наконецъ самую жизнь и будешь себѣ гулять одинъ-одинешенекъ по травѣ-муравѣ, среди животныхъ и птицъ домашнихъ! Что̀ съ тобой сдѣ-

лалось? Куда дѣвался твой „delenda Carthago“, переведенный по-русски: „въ баранiй рогъ согну“?

Боже! и онъ застыдился, и вслѣдствіе того помолодѣлъ и помилѣлъ! Все подпрыгиваетъ, все „хи-хи-хи“ да „ха-ха-ха“, не то что прежде: „го-го го“ да „ге-ге-ге“! Все провиниться боится, все циркуляры пишетъ: „бери, дескать, примѣръ съ меня, съ меня, ангела кротости! взятокъ ни-ни! въ зубы ниже-ни! а съ откупщикомъ амуриться—сохрани тебя Боже!“ О крутыхъ мѣрахъ исполнительности и думать забылъ. Когда ему докладываютъ, что такой-то неправникъ не соскочилъ съ колокольни, не утонулъ въ стаканѣ воды, не пролѣзъ сквозь ушко игольное, онъ не ржетъ какъ озаренный: подъ судъ! подъ судъ его!“ —а кротко замѣчаетъ: „ахъ, любезный! надо еще справиться: можетъ быть, у него свои резоны есть?“ Когда ему объясняютъ, что такой-то Замухрышкинъ цѣлый уѣздъ грабитъ, онъ предварительно полюбопытствуетъ, сколько у него дѣтей, и, получивши свѣдѣніе, что шестеро, молвитъ: oh, les enfants! les enfants! ils font commettre bien des crimes!“ —причемъ непремѣнно погладитъ по головкѣ своего Колю.

За это всѣ Замухрышкины въ одинъ голосъ величаютъ его ангеломъ, а корреспонденты „Московскихъ Вѣдомостей“ — „нашимъ справедливымъ и благодушнымъ начальникомъ“. Просители тоже отъ него безъ ума. Всѣмъ-то пообѣщаетъ, всѣхъ-то утѣшитъ, а если и откажетъ кому, то такъ откажетъ, что отъ удовольствія растеряться можно. Только и слышишь: „ахъ, какъ мнѣ жаль!“ да „зачѣмъ вы не пожаловали ко мнѣ раньше!“ Стонъ стоитъ въ Глуповѣ по случаю учтиваго обращенія.

— И не видывали мы, сударь! — говоритъ обыватель Анемподистъ Осдотычъ: — и не видывали такого! Бывало, начальникъ-то позоветъ: „а ну-те, говоритъ, чистописовые! а знаете ли, говоритъ, что васъ всѣхъ правъ состоянія лишить велѣно?“ Такъ мы, сударь, такъ, бывало, всѣ ходуномъ и ходимъ предъ нимъ! А этотъ просто даже и на начальника не похожъ! на стулъ-это сядетъ, напроску подастъ: „разскажите, говоритъ, какая у васъ статистика!“

Вновь спрашиваю я тебя, величественный Зубатовъ: ты ли это?! Если это ты, то помни что конфузъ входитъ пудами, а выходитъ золотниками, и что однажды опоенную лошадь никакія человѣческія усилія не въ силахъ возвратить къ прежней лошадиной бодрости и

нестомчивости! Что, если вновь когда-нибудь приказано будетъ не конфузиться? Что, если вновь приказано будетъ по десяти разъ въ день утонать въ стаканѣ воды и по сту разъ соскакивать съ колокольни? „Дрожать за тебя или нѣтъ? Воспрянешь ты, или... но нѣтъ. меня объемлетъ ужасъ при одномъ предположеніи... нѣтъ, я не сказалъ, я даже не предполагалъ ничего подобнаго!

И ты, дитя моего сердца, ты, любострастный магикъ и чревовѣщатель Ударъ-Ерыгинъ! Ты, подсмотрѣвшій у Анфельбаума (даже не у Германа) нѣсколько дешевыхъ фокусовъ и удивлявшій ими добродушныхъ соотечественниковъ во время артистическихъ путешествій твоихъ по глуповскимъ палестинамъ, — и ты повѣсилъ голову, и ты о чемъ-то задумался! Я, который вижу насквозь твою душу, я знаю, что ты задумался о томъ, какъ бы примирить инстинкты чревоугодничества съ требованіями конфуза. Я знаю, что ты увидѣлъ грошъ въ карманѣ твоего ближняго, и что тебя терзаетъ мысль, какимъ образомъ такъ устроить, чтобъ выкрасть его. Какъ сдѣлать, чтобъ добрые люди не догадались, что ты занимаешься воровскимъ ремесломъ? Какъ устроить, чтобъ добрые люди, даже и догадавшись, все-таки продолжали относиться къ тебѣ какъ къ человѣку честному? И вотъ ты замышляешь какой-то новый, неслыханный фокусъ, — но увы! кромѣ глотанія ножей, ничего изобрѣсти не можешь, потому что и въ этомъ искусствѣ ты не пошелъ дальше Анфельбаума, и въ этомъ искусствѣ ты еще не научился давать представленія безъ помощи стола, накрытаго сукномъ, подъ которымъ сидитъ душка Разбитной, сей нелицемѣрный холопъ и блюдолизъ всѣхъ Чебылкиныхъ, Зубатовыхъ и Ударъ-Ерыгиныхъ, и подаетъ тебѣ, по востребованію, жареныхъ голубей.

Да, усилія твои тщетны: ибо зеленое сукно, которымъ накрытъ былъ столъ, велѣно сдернуть. Разбитного застали врасплохъ подъ столомъ въ то самое время, какъ онъ, весь потный отъ духоты, совсѣмъ было-состряпалъ въ шляпѣ яичницу. Двугривенный, бывшій у тебя въ рукахъ, такъ и остался двугривеннымъ, и не превратился ни въ апельсинъ, ни въ полуимперіалъ... Тебѣ не воспрещается дѣлать фокусы, но дѣлай ихъ безъ сукна, глотай шпаги на чистоту!

А такъ какъ ты еще недостаточно искусенъ для этого, такъ какъ ты трусъ и боишься подавиться, то очевидно, что грошъ, видѣнный тобой въ карманѣ ближняго, тамъ и останется. Да, ты самъ сознаешь,

что останется, ты до такой степени сознаешь это, что даже, скрѣпя сердце, рѣшаешься бросить мысль о благопріобрѣтеніи его. Признаюсь тебѣ, меня очень радуетъ такое самоотверженіе съ твоей стороны: я съ любопытствомъ наблюдаю, какъ ты пріучаешься къ твоей новой роли, какъ ты, по старой привычкѣ, все еще лебезишь около чужихъ becmановъ, какъ ты похотливо расширяешь ноздри, заглядывая въ нихъ, и какъ, въ то же время, не смѣешь простереть подергиваемую воровской судорогой руку, чтобъ стяжать чужое достояніе. Другъ! ты до такой степени мило все это дѣлаешь, что добросердечные глуповцы серьезно начинаютъ безпокоиться, ужъ не хочешь ли ты подарить имъ самимъ по двугривенному изъ твоей собственной „неистощимой“ шкатулки (помнишь ли фокусъ, который показывалъ ты въ Крутогорскѣ, подъ названіемъ: „неистощимая шкатулка, или крутогорскіе откупщики—основатели женскихъ гимназій“?). Истинно говорю тебѣ, что это самый отчаянный фокусъ изъ всѣхъ, которые ты когда-либо показывалъ въ теченіе твоей многотрудной жизни, и что еще долго послѣ тебя твои многочисленные послѣдователи будутъ показывать его почтеннѣйшей публикѣ, подъ названіемъ: „укрощенная страсть къ мошенничеству, или конфузъ—руководитель администраціи“.

Но если Зубатовы и Ударъ-Брыгины восчувствовали и помилѣли, то какимъ образомъ долженъ дѣйствовать самъ господинъ Конфузовъ? Очевидно, онъ долженъ источать безконечные источники слезъ умиленія при видѣ тѣхъ задатковъ самостоятельности, которые успѣли проявить въ послѣднее время россіяне; очевидно, онъ долженъ восторженно размокать и съ каждой минутой все болѣе и болѣе обращаться въ сырость, подъ знойными лучами гласности!

Поборники конфуза—а ихъ не мало, и большая часть принадлежитъ къ тому достойному меньшинству, о которомъ говорено выше—удостовѣряютъ, что преобладаніе въ жизни этого элемента все-таки лучше, нежели господство нахальства и грубой физической силы. Когда въ отношеніи къ жизни—говорятъ они—примѣшивается нѣкоторое чувство стыдливости, то, само собой разумѣется, что и самое развитіе жизни происходитъ безпрепятственнѣе, нежели въ то время, когда отъ неуклюжихъ прикосновеній къ ней остаются лишь слѣды грязныхъ медвѣжьихъ лапъ.

Въ этомъ силлогизмѣ есть, однакожъ, страшная недомолвка. Во-

первыхъ, мы принимаемъ на вѣру, что нашъ конфузъ есть конфузъ дѣйствительный, конфузъ разумный, что въ немъ заключается сознательная попытка къ освобожденію жизни отъ одуряющаго попечительства различныхъ непріязненныхъ ея развитію началъ. Но мы ошибаемся. Нашъ конфузъ—временный: нашъ конфузъ, въ переводѣ на русскій языкъ, означаетъ неумѣніе. Мы конфузимся, такъ сказать, скрѣпя сердце; мы конфузимся и въ то же время помышляемъ: „ахъ, какъ бы я тебя жамкнулъ, кабы только умѣлъ!" Отъ этого въ нашемъ конфузѣ нѣтъ ни послѣдовательности, ни добросовѣстности; завтра же, если мы „изыщемъ средства", мы жамкнемъ, и жамкнемъ, съ тѣмъ ужасающимъ прожоретвомъ, съ какимъ принимается за сытный обѣдъ человѣкъ, много дней удовлетворявшій свой аппетитъ одними черными сухарями. Во-вторыхъ, конфузъ, проводя, въ сущности, тѣ же принципы, которые проводило и древнее нахальство, даетъ имъ болѣе мягкія формы, и, при помощи красивой внѣшности, совершенно заслоняетъ отъ глазъ посторонихъ наблюдателей ничтожество и даже гнусность своего содержанія. Силѣ можно отвѣтить силою же; глупости и пустословію отвѣчать нечѣмъ. Отношенія дѣлаются натянутыми и безнравственными. Чувствуешь, что жизненныя явленія мельчаютъ, что и умы, и сердца изолгались до крайности, что въ воздухѣ словно дымъ столбомъ стоитъ отъ вранья, сознаешь, что между либеральнымъ враньемъ и либеральнымъ дѣломъ лежитъ цѣлая пропасть,—чувствуешь и сознаешь все это, и за всѣмъ тѣмъ, какъ бы колдовствомъ какимъ, приходишь къ оправданію вранья, приходишь къ убѣжденію, что это вранье есть истина минуты, придумываешь какую-то „переходную" эпоху, въ которую будто бы дозволяется безнаказанно нести чушь, и на которую, безъ зазрѣнія совѣсти, сваливаешь всякую современную нечистоту, всякое современное безобразіе!..

Согласитесь: ну, не страшная ли это недомолвка, и не лучше ли, не безопаснѣе ли для самаго дѣла—къ лжи относиться какъ къ лжи, а не придумывать различныхъ оправдательныхъ ухищреній, которыя могутъ только продлить зловредное торжество ея?

Итакъ, противодѣйствовать вранью, обличать его несостоятельность отнюдь еще не значитъ противодѣйствовать стремленіямъ къ самостоятельности и независимости дѣйствій. Если и у дѣйствительнаго либерализма есть свои характеристическіе оттѣнки, дѣлающіе

проявленія его крайне разнообразными и имѣющими между собой мало общихъ точекъ соприкосновенія, то тѣмъ бо́льшая неизмѣримость разстоянія легла между либерализмомъ, разсматриваемымъ какъ результатъ цѣлой жизненной работы, и либерализмомъ, не уходящимъ въ глубь далѣе оконечностей языка. Если, чтобъ дѣйствовать сознательно въ томъ или другомъ смыслѣ, необходимо прежде всего опознаться въ многоразличіи убѣжденій, необходимо уяснить себѣ истинное ихъ значеніе, то тѣмъ болѣе необходимо умѣть различать убѣжденія искреннія отъ убѣжденій, вызванныхъ прихотью минуты и бо́льшимъ или мѣньшимъ желудочнымъ засореніемъ. Скажу болѣе: чѣмъ сильнѣе и настоятельнѣе сказывается уму и сердцу чувство уваженія къ первымъ, то тѣмъ живѣе сознается въ то же время необходимость отрицанія послѣднихъ. Да, именно отрицанія, упорнаго, безпощаднаго отрицанія, потому что эти безсмысленныя фіоритуры либерализма, которыми, какъ древле кашею, наполнены въ настоящее время рты россіянъ, мѣшаютъ разслушать простой и честный мотивъ его.

Загляднемъ, напримѣръ, въ нашу текущую литературу—что̀ за зрѣлище представляется очамъ нашимъ! Увы! это ужъ не то доброе старое время, когда ратовали исключительно наши кондовые, наши цеховые мастера! Увы! даже Корытниковы, даже „Проѣзжіе“ и „Прохожіе“, несмотря на недавность ихъ появленія,—и тѣ перестаютъ производить впечатлѣніе и составляютъ уже скромное меньшинство! Увы! литературная нива обмірщилась, литературная нива сдѣлалась простымъ выгономъ, на которомъ властительно выступаютъ Ноздревы, Чертопхановы и Нѣточкины! Ноздревъ! ты ли это, mon cher? Если это ты, то почему ты смотришь такимъ Лафайэтомъ? Или у насъ нынче масляница, а объ масляницѣ тебѣ неловко остаться самимъ собою? Или, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, тебѣ выгоднѣе быть Лафайэтомъ, нежели прежнимъ сорви-головой Ноздревымъ?

Каждый часъ, каждая минута вызываютъ новыя требованія, ведутъ за собой новыхъ дѣятелей. Еще вчера Глуповъ былъ полонъ хвалебныхъ гимновъ, а нынче онъ ужъ грубитъ, онъ почти ругается! Давно ли кн. Черкасскій торжественно защищалъ розгу, а нынче... розга, гдѣ ты? По крайней мѣрѣ, Поздревъ не только отвергаетъ пользу ея, но даже стыдится и краснѣетъ при одномъ воспоминаніи.

что это орудіе составляло когда-то одно изъ самыхъ существенныхъ опредѣленій глуповской гражданственности.

Всѣ „рыбари", которые доселѣ занимались сокрушеніемъ зубовъ и челюстей человѣческихъ, покинули это занятіе изъ опасенія получить сдачи. Но занятіе было выгодно, ибо, съ помощью его, пріобрѣталось право преобладанія въ такъ-называемомъ обществѣ. Безъ него чувствовалась тоска и одиночество, безъ него земля исчезала подъ ногами, права попирались и видимо истаявали. Какъ быть? Гдѣ, въ какомъ иномъ принципѣ искать основанія къ сохраненію драгоцѣннаго права? Рыбари недоумѣвали, потому что до сихъ поръ они спокойно отдыхали себѣ подъ сѣнью своихъ смоковницъ (такъ называли они навозныя кучи своихъ скотныхъ дворовъ), и даже сновъ никакихъ не видѣли. Къ счастію, на выручку подоспѣлъ графъ Монталамберъ, который, въ русскомъ извлеченіи, побѣдоноснымъ образомъ доказалъ, что унывать и недоумѣвать не слѣдуетъ. „Воззрите на Англію, — сказалъ онъ нашимъ рыбарямъ: — вѣдь и вы тѣ же лорды, и вы та же джентри, только безъ гордости и силы: старайтесь же добыть и то, и другое, и все пойдетъ какъ по маслу!" Шутка сказать, однакожъ: добыть гордость и силу! Гдѣ ихъ возьмешь? Вѣдь ихъ не добудешь ни бранью ямскою, ни зубосокрушеніемъ! Вѣдь гордость и сила составляютъ продуктъ исторіи, а гдѣ она? Но „рыбари", разъ рѣшившись, не задумались и надъ этими вопросами. „Чортъ съ ней, съ исторіей! — сказали они другъ другу: — обходились же безъ нея наши отцы-коллежскіе ассессоры, наши отцы-татарскіе выходцы, наши отцы-эмигранты; обойдемся какъ-нибудь и мы! И не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, отчасти пустили шипъ по змѣиному, отчасти защелкали по соловьиному.

И вотъ отъ чего, въ настоящую минуту, нѣтъ того болота на всемъ пространствѣ глуповскихъ палестинъ, на которомъ не слышалось бы щелканіе соловья-либерала.

Увлеченія мысли, равно какъ и движенія страсти дѣйствуютъ на людей весьма разнообразно. Однихъ доводятъ они до отчаянія и крайняго упадка нравственныхъ силъ — картина скорбная, но не внушающая, однакожъ, ни отвращенія, ни даже непрошеннаго сожалѣнія къ паціенту, а, напротивъ того, почти всегда возбуждающая искреннюю симпатію къ нему. Ибо въ сегодняшнемъ истощеніи еще чуется вчерашняя сила: ибо и самое разрушеніе имѣетъ здѣсь горькій и пол-

ный мучительныхъ невзгодъ смыслъ. Въ другихъ, борьба, посредствомъ которой мысль искупляетъ будущее торжество свое, производитъ не атонію силъ, а общее ихъ возбужденіе, доходящее до героизма. Мысль, сдѣлавшаяся страстною, мысль, доведенная до энтузіазма—вотъ та волканическая сила, которая изъ сокровенныхъ нѣдръ толпы выбрасываетъ историческихъ дѣятелей, вотъ та неистощимая струя, которая, капля по каплѣ, неотступно долбитъ камни невѣжества и предразсудковъ. Въ-третьихъ, наконецъ, всякое волненіе душевное разрѣшается лишь прыщами и подозрительною накожною сыпью.

Всѣ эти рекламы либерализма, о которыхъ шла рѣчь выше, не больше какъ прыщи, посредствомъ которыхъ разрѣшилось долго сдерживаемое умственное глуповское худосочіе. Я не говорю, чтобъ прыщи были безполезны, я даже не отрицаю законности ихъ существованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не скорбѣть душою, когда меня увѣряютъ, что дѣло такъ и должно кончиться одними прыщами, и что прыщи составляютъ вѣнецъ исторіи. Исторія, думаю я, должна привести къ просвѣтленію человѣческаго образа, а не къ поврежденію его, и съ этой точки зрѣнія необычайное изобиліе накожной сыпи и упорная ея устойчивость не только не радуютъ меня, но, напротивъ того, до глубины души огорчаютъ. Я положительнымъ образомъ протестую противъ претензіи прыщей на право безконечнаго господства въ жизни и противъ того безнравственнаго девиза, съ которымъ они являются въ міръ и въ силу котораго абсолютная истина жизни представляется опасною и недостижимою химерой, а вмѣсто нея предлагается въ руководство другая истина, заключающаяся въ болѣе или менѣе проворномъ эскамотированіи одной лжи посредствомъ другой.

При этомъ я прибѣгаю къ сравненію и спрашиваю себя: если я свой старый синій камзолъ окрашу въ зеленый цвѣтъ, измѣнится ли отъ того непрочность самой ткани? если я, относительно затхлаго, отжившаго принципа, ограничусь только перенесеніемъ его съ одного лица на другое, измѣнится ли отъ того вредоносная сущность его? Не только не измѣнится, но я не получу даже удовольствія обмануть самого себя; ибо въ первомъ случаѣ я тотчасъ же убѣжусь, что невинная моя забота повлекла за собой лишь трату денегъ на окраску

негоднаго платья, а во второмъ — результатомъ моихъ усилій можетъ быть даже болѣзненное сотрясеніе.

Очевидно, слѣдовательно, что крыши не обладаютъ тѣми условіями, съ которыми сопрягается мысль о господствѣ надъ истиной. Ихъ существованіе законно и даже необходимо, но оно обусловливается бо́льшимъ или мѣньшимъ накопленіемъ худосочія. Слѣдовательно, для насъ собственно весь вопросъ приводится къ тому, какую именно сумму историческаго худосочія благопріобрѣли мы до настоящей минуты возрожденія, съ тѣмъ, чтобъ, на основаніи этого даннаго, опредѣлить время, когда начнутъ подсыхать крыши. Къ сожалѣнію, мы не привели еще въ извѣстность перваго, и потому не можемъ отвѣчать вполнѣ удовлетворительно и на второе.

Однако признаки подсыханія начинаютъ уже сказываться. Исторія не останавливаетъ своего хода и не задерживается крышами. События слѣдуютъ одни за другими съ быстротою молніи и мгновенно засушиваютъ водяри самые злокачественные. То, что вчера было лишь смутною надеждой, нынѣче является уже фактомъ совершившимся, является побѣдой жизни надъ смертью. Вчерашній либерализмъ сегодня оказывается уже отсталостью. Наступаетъ день разсчета, настаетъ пора общаго покаянія.

Если вчера позволительно было ораторствовать и заявлять о сочувствіи, если вчера умѣстно было толковать о необходимости возрожденія, то тѣмъ болѣе умѣстно и позволительно *нынѣче* окончательно разсчитаться съ прежнею жизнью, разсчитаться не только оконечностями языка, но и самымъ дѣломъ. Но, во всякомъ случаѣ, не только умѣстно, а даже совершенно необходимо объясняться съ полною откровенностью, безъ утайки и удержанія, и, говоря объ чемъ-нибудь языкомъ утвердительно, не произносить въ то же время мысленно частицы *не*.

Ибо какъ ни любезно прошедшее, какъ ни привлекательно приволье дней минувшихъ, но оно невозвратимо.

Да, милостивые государи! оно невозвратимо, и я отлично хорошо понимаю тотъ холодъ, который объемлетъ ваши сердца при этой мысли. Вы уязвлены сугубо: не только въ вашей нелѣпой претензіи остановить жизнь, но и въ вашемъ самолюбіи. Вы пѣли и щелкали, все въ чаяніи, что отъ вашего щелканія туманъ въ болотѣ поднимется,—однако туманъ не поднялся. Вы прикидывались свободо-

любцами. Все въ чаяніи, что распущенность мысли и обиліе словоизверженія отведутъ глаза.—однако глаза не отведены. Мысль обмірщилась, сѣмя брошено, и какъ ни хлопочите вы, оно фаталистически должно пройти всѣ фазисы своего развитія. Конечно, оно можетъ дать плодъ и сторицею, и можетъ уродиться самъ-другъ, но все-таки желанный плодъ будетъ — это вѣрно. Это другое зерно скуднаго урожая также падетъ на землю и также дастъ плодъ. Истинно вамъ говорю, милостивые государи, что я отлично хорошо понимаю тотъ холодъ, который объемлетъ сердца ваши!

Вы видите, что жизнь ускользнула у васъ промежъ пальцевъ, что вы, бывшіе до сихъ поръ въ самомъ центрѣ жизненнаго круга, внезапно, какъ бы колдовствомъ какимъ, очутились внѣ его. Вы ли не пѣли жизни дифирамбовъ, вы ли не обращались къ ней льстивыми голосами, вы ли не угрожали ей распаденіемъ, если она не приметъ васъ въ руководители, вы ли, наконецъ, не доносили, не клеветали на нее! И вотъ, однакожъ, не помогли ни дифирамбы, ни угрозы: равнодушно катится себѣ да катится волны жизни, и съ каждымъ часомъ, съ каждой минутой откатываются отъ васъ все далѣе и далѣе, къ далекимъ берегамъ того безпредѣльнаго океана будущаго, который вы не хотѣли и не умѣли изслѣдовать. Истинно вамъ говорю, что я отлично хорошо понимаю тотъ холодъ, который объемлетъ сердца ваши!

Вы припоминаете ваше прошлое и сравниваете съ нимъ пустыню настоящаго;—это первая причина скорби.

Вы припоминаете ваши недавнія, еще неостывшія попытки обмануть жизнь; вы чувствуете, съ невольной краской на лицѣ, что на время сдѣлались ренегатами, и—что болѣе всего — ренегатами неудавшимися; что вы безполезно поранили свои мозги сочувствіемъ къ какимъ-то новымъ началамъ жизни;—это вторая причина скорби.

Вы сознаете, что васъ никто не уважаетъ, что объ васъ даже не скорбятъ, ибо для всѣхъ стала ясна арлекинская пестрота вашей одежды. Вамъ нельзя помянуть добромъ ваше прошлое, а отъ будущаго отказались вы сами: прошлое не принимаетъ васъ, потому что дверь въ него заперта напливомъ новой жизни и вашимъ собственнымъ ренегатствомъ; будущее не принимаетъ васъ, потому что таковъ ужъ законъ исторіи, что соръ и нечистота фаталистически отметаются ею въ царство тѣней;—это третья причина скорби.

Одним словом, разсчитывая по пальцам и принимая въ соображеніе, что дважды-два, какъ ни вертись, все будутъ составлять четыре, а не пять, вы приходите къ тому убѣжденію, что для васъ остается одно только приличное убѣжище: смерть;—это четвертая причина скорби.

Истинно вамъ говорю, милостивые государи, что я отлично хорошо понимаю тотъ холодъ, который объемлетъ сердца ваши!

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я столько же хорошо понимаю и тѣ ругательства, которыми полны ваши души. Горечь ихъ такъ велика, что вы уже не въ силахъ таить ихъ, не въ силахъ долѣе выдержать вашу роль. „Умремъ, но напакостимъ!" —восклицаешь ты, авторъ золотушныхъ фельетоновъ-реклямъ, —ты, идолъ Ноздревыхъ и Чертопхановыхъ! „Ни пядь-пальца! ни четверть шага!" —вторитъ возбужденный тобой юный англоманъ, Сеня Бирюковъ: „car il faut, à la fin, que nous ayons le courage de notre opinion!" —„Ayons le courage de notre opinion!" —поютъ хоромъ полосатые, выдохшіеся потомки Буракиныхъ и Обалдуй-Таракановыхъ.

Сеня, мой милый Сеня! я согласенъ, что это своего рода гражданское мужество; но ежели ты думаешь, что тебѣ первому принадлежитъ честь открытія его, то горько ошибаешься.

Не знаю, какъ въ твоихъ палестинахъ, а въ моемъ родномъ городѣ Глуповѣ такого рода гражданское мужество давно уже въ ходу. Мы только не отдавали ему надлежащей справедливости и даже не выводили изъ него тѣхъ великихъ реклямъ къ будущему, какія выводили славянофилы изъ всероссійскаго смиренія и послушливости, но оно существуетъ — это вѣрно. Да не можетъ быть, чтобъ и въ твоихъ палестинахъ оно не водилось, это гражданское мужество. Стоитъ только, не красивъ за себя, потревожить свои воспоминанія, а героическаго хлама, навѣрное, найдется въ нихъ весьма достаточно.

Сколько разъ, напримѣръ, колотилъ ты своего Петрушку за то, что онъ спитъ на твоей шубѣ, покуда ты до ужду отлучаешь съ дочерьми Матрены Ивановны или съ племянницами Анфисы Петровны, а онъ и до сихъ поръ продолжаетъ высыпаться на той же шубѣ... Это ли не гражданское мужество?

Сколько разъ ты съѣкъ свою маленькую курчавую сучку Джиши за то, что она связывается съ разными неблагообразными дворовыми

Валетками и Барбосками.—а она и до сихъ поръ связывается... Это ли не courage de son opinion?

Сколько разъ ты посылалъ въ часть поваренка Никитку за то, что въ твоемъ супѣ поочередно появляются то тараканъ, то мочалка, а тараканъ и мочалка и до сихъ поръ продолжаютъ составлять неизбѣжную приправу твоего dîner de garçon... Это ли не доблесть безпримѣрная, доблесть неслыханная, доходящая до аскетизма, до горькой насмѣшки надъ собственной спиной ея обладателя?

Слѣдовательно, и въ этомъ дѣлѣ ты и твои единомышленники, Гриша, Сережа и Коля, являетесь не новаторами, а лишь слѣпыми подражателями Петрушки, Никитки и Джипси, съ тою только разницей, что васъ, за ваше гражданское мужество, не будутъ ни колотить, ни сѣчь, ни посылать въ часть.

Тѣмъ не менѣе, откровенность ваша, друзья мои, мнѣ нравится. Во-первыхъ, она отнюдь никому не вредитъ; во-вторыхъ, веселѣе какъ-то смотрѣть на васъ теперь, когда вы на чистоту ругаетесь, нежели въ то время, когда вы подольщались, грустили и клянчили, и вымаливали себѣ конѣечку; и въ-третьихъ, я не могу не держать въ памяти и того, что вы находитесь наканунѣ смерти, а въ такомъ интересномъ положеніи всякая дикость къ лицу. Спросите у меня стаканъ воды со льдомъ, спросите у меня буженины съ чеснокомъ, спросите клюквы, спросите грибовъ—я охотно дамъ вамъ всего этого, ибо знаю, что воздержаніе не подаритъ вамъ ни одной лишней минуты, а удовлетвореніе прихоти утѣшитъ васъ, и вы отойдете въ царство тѣней съ улыбкою, а не съ искривленнымъ ртомъ и стиснутыми зубами.

Итакъ, въ минуту разсчета, въ минуту отпущенія грѣховъ, пестрая риза ложнаго либерализма упала сама собою, фраза значительно похудѣла и утратила свою одутловатость, реклама стушевалась... Очень пріятно!

Н. Боже, какъ просто, какъ безхитростно совершалась эта внезапная перемѣна діверсіи! Почти механически. Мы не дали себѣ труда даже оговориться, мы даже не почтили публику соблюденіемъ самыхъ простыхъ приличій, обыкновенно употребляемыхъ при подобнаго рода метаморфозахъ. Что за дѣло до того, что насъ назовутъ безстыдниками! Чувствуя и цѣня только боль физическую, мы не гонимся за выраженіями, не гонимся даже за толчками, памятуя

правилo пресловутаго Расплюева, что жаловаться слѣдуетъ тогда только, когда хватятъ, что называется, до безчувствія.

Но эта безхитростность, эта казацкая способность обращаться безцеремонно съ самыми деликатными предметами имѣютъ и свою полезную сторону. Но крайней мѣрѣ, мы, люди меньшинства, которые съ такою сердечною тревогой внимали либеральнымъ упражненіямъ ревнителей тьмы; мы, которые сторяча повѣрили, что каменоломни раскаиваются и изъявляютъ искреннее желаніе сдѣлаться цвѣтущими и благоухающими садами; мы, которые неустанно вплетали миртъ и лавръ въ вѣнки героевъ, снисходительно улыбавшихся нашей юношеской горячности,—мы убѣдились, наконецъ, что не отъ гробовъ повапленныхъ предстоитъ ждать слова жизни, что не на нихъ должны покоиться наши упованія.

Эти упованія, эти надежды должны быть обращены нами къ намъ самимъ. Въ нашихъ собственныхъ убѣжденіяхъ, въ жизненности нашихъ собственныхъ силъ должны мы исключительно искать для себя опоры, и ни въ чемъ иномъ.

Если поколѣніе, къ которому обращаются эти строки, хочетъ сдѣлаться достойнымъ своего призванія, пускай оно не пугается исключительности, пускай оно и въ мысляхъ, и въ выраженіяхъ, и въ дѣйствіяхъ соблюдаетъ ту опрятность и даже брезгливость, которая одна можетъ обезпечить дѣйствительный успѣхъ въ будущемъ.

Повторяю: мы, люди глуповскаго міра, слишкомъ повадливы, слишкомъ покладисты. Мы во всякой средѣ легко уживаемся, со всякимъ явленіемъ миримся почти безъ сопротивленія. И потому изъ насъ можно лѣпить всякую фигуру, и даже безъ большихъ издержекъ: стоитъ только по головѣ погладить. Удивительная способность таять и обращаться въ сырость умерщвляетъ въ насъ всякую инициативу, всякую попытку къ самодѣятельности. И вѣдь не то горько, что мы таемъ, а то, что мы таемъ искренно, что мы при этомъ кривляемся и хихикаемъ, что мы чувствуемъ себя столь же счастливыми, сколько счастливыми чувствовали себя наши достославные предки, когда ихъ трепали по плечу ихъ добрые начальники... И вотъ плоды: роковая случайность, какъ господствующая стихія въ жизни, неприличный сумбуръ въ понятіяхъ и представленіяхъ и полное отсутствіе серьезности въ обращеніи съ предметами...

Отъ всего этого добра насъ можетъ спасти только упоминаемая

выше опрятность мысли, опрятность чувства. До тѣхъ поръ, покуда мы будемъ направо и налѣво раздавать poignées de main встрѣчному и поперечному, болѣе принимая въ соображеніе покрой жилета, нежели покрой мысли, до тѣхъ поръ мы будемъ нелѣпы, мы будемъ презрѣнны, до тѣхъ поръ наше слово будетъ подобно писку кулика-поручейника, назойливо, но безплодно раздающемуся надъ пустынными берегами кормилицы-поилицы рѣки Большой Глуповицы.

Да, только доведенная до героизма мысль можетъ породить героизмъ и въ дѣйствіяхъ! Да, только непреклонности логики дана роковая тайна совершать чудеса!

Итакъ, вотъ къ какому пришли мы результату, любезный сынъ Глупова!

Но, договорившись до такого заключенія, я чувствую, что сердце мое поражено смущеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что мы освободились отъ всякихъ глуповскихъ обязательствъ, что въ глазахъ нашихъ ужъ нѣтъ героевъ, что руки и умы у насъ развязаны, что мысль наша не робѣетъ и не ползаетъ въ прахъ передъ авторитетами—что жъ дальше?

Вѣдь, навѣрное, мы изъ того съ тобой хлопочемъ и бьемся, читатель, что у насъ есть въ запасѣ какая-нибудь жизненная мысль, что у насъ имѣются въ виду какія-то новыя жизненныя основы, которыми мы хотѣли бы замѣнить прежнія, пораженныя ржавчиной пружины, еще и донынѣ заставляющія дѣйствовать старый глуповскій механизмъ. А если все это есть, то неужто же сидѣть намъ въ скромномъ безмолвіи надъ нашими сокровищами, неужто жъ прятать намъ ихъ для себя и для пріятелей? Нѣтъ, не сидѣть и не прятать—это ясно, во-первыхъ, потому, что было бы безсмысленно обладать сокровищемъ и въ то же время съ умысломъ уничтожать его цѣнность, а во-вторыхъ, потому, что еслибъ и хотѣли мы смирно сидѣть—не усидимъ ни за что въ свѣтѣ! Другъ! у мысли есть сила особенная, которая такъ и подталкиваетъ человѣка впередъ да впередъ, такъ и шепчетъ ему въ ухо: „разскажи да разскажи!“

Итакъ, мы будемъ, мы обязаны дѣйствовать. Отлично!

Гдѣ же, въ какой средѣ будемъ мы проводить нашу мысль? Памятуешь ли ты, что арена твоей дѣятельности не въ пространствѣ и времени, а все въ томъ же миломъ Глуповѣ, гдѣ выше такъ

сладко свищутъ соловьи-либералы, что ты никогда и никуда не уйдешь отъ Глупова, что онъ будетъ преслѣдовать тебя по пятамъ, доколѣ не загонитъ въ земныя пропасти, что онъ до тѣхъ поръ будетъ всасываться тебѣ въ кровь, покуда не доведетъ ее до разложенія?

Если ты это памятуешь, то долженъ также знать, что хотя Глуповъ безспорно хорошій городъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, городъ, любящій жить въ мирѣ съ дѣйствительностью и откровенно, даже почти неприлично трусящій при малѣйшемъ намекѣ на разладъ съ нею. Мы, люди стараго глуповскаго закала, любимъ, чтобъ во „всемъ этомъ" было легкое, постепенное и неторопливое впередъ постуканіе, и притомъ чтобъ постуканіе это существовало преимущественно въ нашихъ общественныхъ діалогахъ и только самую чуточку переходило въ практику. Ибо подъ практикой мы разумѣемъ только самую настоящую, дѣйствительную практику, а не химеры. Мы охотно, напримѣръ, пожертвуемъ какимъ-нибудь фестончикомъ, мы охотно побесѣдуемъ между собой насчетъ разныхъ этихъ усовершенствованьицъ, мы даже не прочь шепнуть другъ другу на ушко que la position n'est plus tenable („совсѣмъ-таки мелкихъ денегъ достать нельзя — просто смерть!"), но чтобъ въ соображенія наши входили какія-нибудь эдакія абстрактности — отъ этого упаси насъ Боже! И главное, безъ скандала, mon cher, безъ скандала! Ибо согласіе съ дѣйствительностью представляетъ свои безконечныя удобства, ибо согласіе съ дѣйствительностью вноситъ миръ и благоволеніе въ сердца человѣковъ. Mon cher! мнѣ очень пріятно видѣть васъ, человѣка съ широкими, непреклонными убѣжденіями; я вамъ сочувствую, и не только съ удовольствіемъ, но даже съ учащеннымъ біеніемъ сердца прислушиваюсь къ рѣчамъ, горячимъ потокомъ льющимся изъ устъ вашихъ; но оставьте же меня наслаждаться этимъ сладкимъ біеніемъ сердца въ спокойствіи, не тормошите, не огорчайте меня, не отрывайте меня такъ насильственно и грубо отъ раковины, въ которой я съ такимъ удобствомъ обмялъ себѣ мѣсто! Пусть, слушая васъ, я буду воображать себя въ театрѣ — на это я согласенъ; но чтобъ я призналъ за вами право втискивать и меня въ число хористовъ — это ужъ извините! Внимая вамъ, я мысленно созерцаю процессію, несущую съ торжествомъ Іоанна Лейденскаго, я слышу маршъ, я слышу хоръ толпы — все это очень хорошо, все это раздражаетъ мои нервы, и раздра-

жать, могу сказать, въ самомъ благородномъ смыслѣ; но не могу же я... не могу же я... согласитесь, что вѣдь я не могу!

Такова наша глуповская политика, такова наша глуповская философія. И если ты не хочешь дѣйствовать въ пустотѣ, если ты желаешь, чтобъ мы, глуповцы, внимали тебѣ, ты долженъ поддѣлаться подъ нашу масть, ты долженъ признать насъ всецѣло, съ нашею политикой и нашею философіей.

И такимъ образомъ для твоей дѣятельности представляется два пути: или ты рѣшишься самъ притвориться глуповцемъ, съ тѣмъ, чтобъ сначала пріучить насъ къ музыкѣ рѣчей, а потомъ, неожиданнымъ движеніемъ руки и не давши намъ, такъ сказать, опомниться, вдругъ снять съ насъ дурацкій колпакъ,—или же прямо пойдешь на проломъ, прямо схватишься за кисточку колпака и будешь тянуть его прочь съ головы.

Если ты послѣдуешь первому пути—ты пропалъ! Во-первыхъ, люди, дѣятельность которыхъ основана на уступкахъ и нравственномъ сводничествѣ, не уважаются. Это ничего, что сами глуповцы первѣйшіе сводники въ мірѣ, и что не пропадаютъ же они отъ этого: развѣ они уважаютъ другъ друга? да развѣ они и нуждаются въ уваженіи? развѣ знаютъ они, что такое уваженіе? Они живутъ — и больше ничего. А для тебя уваженіе нужно, ибо ты имѣешь претензію снять дурацкій колпакъ, ибо, не пріобрѣтя уваженія, ты не „притворишься“ глуповцемъ, а сдѣлаешься имъ дѣйствительно. Во-вторыхъ, мы, глуповцы, хотя и простодушный народъ, но имѣемъ чутье острое и цѣпкое. Мы какъ разъ подпюхаемъ, что ты не вирямъ глуповецъ, а только прикидываешься имъ. А подпюхавши, мы скажемъ другъ другу: „эге! да онъ мошенникъ! да къ тому же, слава Богу, и трусъ!“ И вѣдь натѣшимся же мы въ ту пору надъ тобой! Мы вышлемъ на тебя Зубатова, который, замѣтивъ въ твоей физіономіи нѣчто угрюмое, неподходящее къ дѣтской беззаботности, требуемой правилами глуповскаго этикета, подступитъ къ самому твоему лицу и тономъ, не терпящимъ отговорокъ, потребуетъ, чтобъ ты сдѣлалъ „хи-хи!“ (И сдѣлаешь, mon cher! и получше тебя люди бывали и тѣ „хи-хи!“ дѣлывали!) Мы вышлемъ на тебя Ударь-Ерыгина, который, видя, что ты принялъ образъ жалкой, отощавшей кошки, робко пробирающейся по стѣнѣ, чтобъ стащить со стола кусокъ мяса, подстережетъ тебя и ловко ошпаритъ горячими помоями. А мы-то

будемъ надрываться отъ смѣху! а мы-то будемъ взапуски цвырять въ тебя, кто камешкомъ, а кто и полѣномъ, въ то время, какъ ты, весь въ язвахъ, будешь, подпрыгивая отъ боли, удаляться отъ насъ въ пустыню!

Если ты пойдешь вторымъ путемъ — ты пропалъ сугубо. Представь себѣ, въ самомъ дѣлѣ, какая комическая можетъ выйти изъ этого штука! Съ одной стороны — ты глуповскій реформаторъ, со всѣмъ энтузіазмомъ убѣжденія, со всею непреклонностью мысли и дѣйствія; съ другой стороны — мы, добродушные глуповскіе граждане, съ нашимъ „потихоньку да полегоньку", съ нашимъ „поспѣшишь да людей насмѣшишь", мы, воспитанные на административныхъ фокусахъ Ударь-Ерыгина... а? какъ бы ты думалъ, развѣ мы не заклюемъ тебя?

Заклюемъ. Это какъ свять Богъ — заклюемъ. Ишь вѣдь чего захотѣлъ: снять съ насъ дурацкій колпакъ! Да знаешь ли ты, что колпакъ этотъ не столько внѣшнее украшеніе, сколько таинственный продуктъ нашего внутренняго существа? Да чуешь ли ты, что колпакъ этотъ не снимается, а соскабливается, и что соскоблить его съ насъ не иначе можно, какъ выскобливъ предварительно самую жизнь нашу? Ишь ты начальникъ какой нашелся! Ишь ты пророкъ какой выискался!

И много острыхъ и исполненныхъ праведнаго негодованія словъ пошлемъ мы тебѣ на встрѣчу — и выживемъ-таки тебя, сиборъ! Если ты съ перваго же раза не убѣдишься, если ты съ перваго раза не бѣжишь съ поля, мы выживемъ тебя постепенными мѣрами; мы исподволь лишимъ тебя огня и воды: мы будемъ выдергивать изъ-подъ тебя стулъ въ то время, какъ ты будешь садиться; мы будемъ внезапно открывать трапы подъ твоими ногами; мы будемъ подсыпать песку въ твое кушанье.

Однимъ словомъ, нехитростными, вполнѣ глуповскими, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вполнѣ дѣйствительными мѣрами изведемъ-таки тебя! Достанетъ ли всего твоего ума, чтобъ противостоять странной силѣ нашей глупости? Достанетъ ли всего твоего героизма, чтобъ посвятить твою жизнь на предугадываніе тѣхъ остроумныхъ сюрпризовъ, которые наше глуповское досужество будетъ изготовлять тебѣ на каждомъ шагу?

Но ты, быть можетъ, усомнишься въ истинѣ моихъ словъ: быть

можетъ, ты возразишь, что не все же Глуповское общество предано умственному растлѣнію, что и въ этомъ обществѣ, вѣроятно, найдутся элементы свѣжіе, не подкупленные прошедшимъ, которыхъ явная выгода будетъ заключаться въ томъ, чтобъ внять твоему голосу и поддержать его.

На это скажу тебѣ: я со всякимъ тщаніемъ изучалъ Глуповъ, и хотя въ немъ дѣйствительно имѣются указываемые тобой элементы, тѣмъ не менѣе свѣжесть ихъ весьма и весьма сомнительна. „Другъ! вѣдь и надъ ними прошла исторія, вѣдь и они не вчера рожденные, а тоже позатаскавшіеся въ пыли вѣковъ, и притомъ такъ сильно позатаскавшіеся, что эта вѣковая пыль, что этотъ навозъ вѣковой сдѣлались существенною частью ихъ самихъ, и едва ли не извратили ихъ внутренняго смысла. Поразскажу тебѣ, что̀ знаю, о нашихъ глуповскихъ „элементахъ“.

„Два сорта есть глуповцевъ: глуповцы старшіе, кушающіе сладко, почивающіе мягко, щеголяющіе въ полосатыхъ одеждахъ и носящіе разнообразныя имена и фамиліи, и, наконецъ, глуповцы меньшіе, извѣстные подъ общимъ названіемъ „Иванушекъ“.

Первыхъ ты знаешь—это народъ отпѣтый. Это тѣ самые, которые такъ занозисто шумятъ въ вагонахъ, которые, въ сущности, ничего никогда не чувствовали, ничему никогда не сочувствовали, ни о чемъ не мыслили, которые не жили, а, такъ сказать, ѣли жизнь, какъ нѣчто съѣдобное, какъ сочный, еще дымящійся кровью кусокъ говядины. Глуповъ кишитъ ими, этими поборниками матеріализма, видящими въ матеріализмѣ только удовлетвореніе требованіямъ человѣческой похоти. Посмотри на всѣхъ этихъ полосатыхъ, выдохшихся и выродившихся потомковъ Буракиныхъ и Оболдуй-Таракановыхъ (а быть можетъ и ихъ куаферовъ), посмотри на этихъ румяныхъ, плечистыхъ и кремнистоголовыхъ представителей славяно-куаферской нашей производительности, и суди самъ, можетъ ли проникнуть какая-нибудь мысль сквозь эту плотную каменную обшивку?

„Други! пріятели! Сеня Бирюковъ! Бернардъ Форбрихеръ! Оеня Козелковъ! обнимемъ другъ друга и прольемъ слезы умиленія!

Прежде всего, попробуемся другъ на друга! „Да, мы все тѣ же, какими были восемь лѣтъ тому назадъ, когда всѣ вмѣстѣ, шумною толпою, оставили школьную скамью! да, мы не измѣнили своимъ убѣжденіямъ, мы каждый день по два раза мѣняли на себѣ бѣлье.

мы не позволяли себѣ донашивать разорванныя или потускнѣвшія перчатки, мы остались вѣрными требованіямъ и правиламъ хорошаго тона!

Потомъ, помянемъ воспитателей, охранителей нашей юности! Помянемъ и профессоровъ, хотя — помнишь, Сеня? — профессоръ исторіи и ставилъ тебѣ единицу за то, что ты никогда не могъ различить Геродота отъ Гомера („чортъ ихъ знаетъ! оба на Г... начинаются!" — объяснялъ ты намъ въ свое оправданіе, и какъ мы помирали со смѣху при этомъ!)

Помянемъ Луизу бѣлокурую, помянемъ Берту чернобровую, помянемъ Мину свѣтлокудрую, этихъ истинныхъ, дѣйствительныхъ наставницъ нашей юности!

Но не забудемъ и Бертона, у котораго мы научились прекраснѣйшимъ манерамъ и обольстительному comme il faut!

Выпьемъ, друзья, выпьемъ!

И потомъ отправимся... „туда"!

Однако, стой, Сеня! Я не хочу, чтобъ ты меня какъ-нибудь „тамъ" осрамилъ: дай-ко, я проэкзаменую тебя, не забылъ ли ты что̀ изъ наукъ, которыя намъ преподавались!

— А позвольте, милостивый государь, узнать, кто нынѣ первый портной въ Петербургѣ?

— Лѣтъ десять тому назадъ, первымъ портнымъ почитался Сарра̀, но вскорѣ нальму первенства перенялъ у него Шармеръ. Платье Шармера легко и удобно; человѣкъ, одѣтый этимъ портнымъ, нерѣдко впадаетъ въ недоумѣніе, дѣйствительно ли онъ одѣтъ. Впрочемъ, въ послѣднее время многіе указываютъ на Дюмгрона, какъ на достойнаго соперника Шармеру.

— Bene. А позвольте узнать, гдѣ можно пріобрѣсти въ Петербургѣ лучшее мужское бѣлье?

— Все у Леперта, все у того же несравненнаго Леперта, или, лучше сказать, у достойнаго преемника его генія, Левека. Нѣкоторые указываютъ на Дюбюра, но, по мнѣнію моему, это парадоксъ. Рубашки послѣдняго отстаютъ отъ груди, скоро вытягиваются сверху, и вообще такъ плохи, что могутъ быть носимы только людьми средняго рода.

— Charmant! Но такъ какъ человѣкъ не можетъ существовать безъ сапоговъ...

— Понимаю вашу заботливость. Въ этомъ отношеніи Эммерманъ можетъ вполнѣ удовлетворить васъ, хотя нельзя не сознаться, что мѣсто стараго Поля до сихъ поръ остается еще незанятымъ.

— Bravo! Но я хотѣлъ бы съѣсть что-нибудь... легонькое этакое что-нибудь...

— Идите къ Мартену—vous trouverez d'excellentes choses! Можете прибѣгнуть также къ Дюону или къ Шотану, но при этомъ не забудьте погрустить о тѣхъ, которые обязываются утолять свой голодъ у Палкина и Еремѣева!

— Shame! Shame!!—восклицаютъ хоромъ Бернаръ Форбрихеръ и Ѳедя Козелковъ.

— Bravissimo! Я вижу, Сеня, что ты не измѣнилъ наукѣ, да и наука не измѣнила тебѣ! Идемъ же съ миромъ и вкусимъ отъ уготованныхъ намъ „тамъ“ сладостей!

Вотъ тебѣ старшій нашъ Глуповъ. Надѣюсь, что ты съ перваго же слова поймешь, что тутъ ни на Сеню, ни на Ѳедю, ни на Бернара разсчитывать нечего. Но если ты настолько наивенъ, что будешь упорствовать въ своихъ видахъ на насъ, то предупреждаю тебя: будь осторожень, ибо мы какъ разъ на тебя и пожалуемся!

Въ самомъ дѣлѣ, сообрази хорошенько: вѣдь мы счастливы, счастливы настолько, насколько мыслительная наша сила способна понимать идею счастія, а счастливому человѣку что нужно? Счастливому человѣку нужно, чтобъ его оставили въ покоѣ, чтобъ его не развлекали ни мысли горькія, ни картины печальныя, чтобъ весь онъ могъ сосредоточиться въ законномъ наслажденіи принадлежащимъ ему счастіемъ. Счастливый человѣкъ не любитъ даже, чтобъ во время его прогулки ему попался нищій, и для огражденія себя отъ подобной непріятности онъ или велитъ убрать назойливаго нищаго куда слѣдуетъ, или же торопливо суетъ ему въ руку гривенникъ, и потомъ цѣлый часъ улыбается, наслаждаясь мыслью, что сдѣлалъ однимъ счастливцемъ на свѣтѣ больше. Съ какой же стати ты заявляешь претензію на наше вниманіе,—ты, который хочешь потревожить спокойное, роковое теченіе нашей жизни, ты, который ищешь, чтобъ жизнь поступилась въ твою пользу частью или даже и всѣмъ своимъ историческимъ достояніемъ! Mon cher! если хочешь, вотъ тебѣ цѣлый полтинникъ, но не приставай къ намъ, не вынуждай, чтобъ мы велѣли куда-нибудь тебя убрать!

Что касается до Иванушекъ то, прежде всего, я долженъ сдѣлать общее, но весьма справедливое замѣчаніе. Можно мыслить, можно развиваться и совершенствоваться, когда духъ свободенъ, когда брюхо сыто, когда тѣло защищено отъ неблагопріятныхъ вліяній атмосферы и т. п. Но нельзя мыслить, нельзя развиваться и совершенствоваться, когда мыслительныя способности всецѣло сосредоточены на томъ, чтобъ какъ-нибудь не лопнуть съ голоду, а будущее сулитъ только чищеніе сапоговъ и ношеніе подносовъ („смотри, подлецъ! не урони подноса: морда отвѣчать будетъ!" — кричитъ господинъ, имѣющій возможность развиваться и совершенствоваться).

Руководясь этими мыслями, наши Иванушки успокоились. Они не смотрятъ ни вверхъ, ни по сторонамъ, а все въ землю и въ землю, справедливо разсуждая, что смотрѣть по сторонамъ и парить подъ облаками—дѣло не ихнее, а Сени Бирюкова, которому на это и крылья даны... И знаешь ли что? я полагаю, что они даже очень рады тому, что у нихъ выработалась подъ ногами такая солидная историческая почва, потому что, опираясь на нее, они не только освобождаются отъ тѣхъ безчисленныхъ и горькихъ тревогъ, исходъ которыхъ если не совсѣмъ безнадеженъ, то во всякомъ случаѣ крайне сомнителенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаютъ для себя всегда готовую и даже весьма приличную отговорку.

Спроси у глуповца:—отчего ты не развитъ, грубъ и невѣжественъ?—онъ отвѣтитъ тебѣ: „а оттого, что тятька и мамка смолоду мало сѣкли". Спроси еще: —отчего ты имѣешь лишь слабое понятіе о человѣческомъ достоинствѣ? отчего такъ охотно лѣзешь цѣловать въ плечико добрыхъ благодѣтелей? и пр. и пр.—онъ отвѣтитъ: „а вотъ у насъ Сила Терентьичъ есть—такъ тотъ онамедни, какъ его выстегали, еще въ ноги поклонился, въ благодарность за науку!"

Въ самомъ дѣлѣ, что мы за выскочки такіе, чтобъ учить другихъ! Мы находимся на исторической почвѣ—и знать ничего не хотимъ. И какъ ты тамъ ни ломайся, какъ ты тамъ ни глумись, а глуповецъ все-таки останется правъ, спокоенъ и доволенъ... потому что онъ объяснился, и объясненіе это вполнѣ сниметъ гнетъ съ его совѣсти.

„Другое дѣло, если ты примешься поплотиѣе, если ты спросишь глуповца, зачѣмъ же онъ не соскочитъ съ этой неудобной исторической почвы? О, въ такомъ случаѣ... въ такомъ случаѣ онъ нѣ-

сколько сконфузится и покраснѣетъ и... и все-таки постарается свернуть на историческую почву.

А впрочемъ онъ и объясняться-то съ тобой не станетъ! Нашъ Иванушка врядъ ли даже сознаетъ, что подъ нимъ есть какая-то историческая почва. Мнѣ кажется, что онъ просто-на-просто носитъ эту почву съ собой, какъ часть своего собственнаго существа, и даже не подозрѣваетъ, чтобъ тутъ настояла надобность въ чемъ-то оправдываться, что-то объяснять.

По этому поводу считаю нелишнимъ разсказать тебѣ нѣкоторый глуповскій анекдотъ.

Однажды весной, въ самое половодье, подъѣзжалъ я къ родному моему Глупову. День былъ базарный, и та часть рѣки Большой Глуповицы, гдѣ была устроена паромная пристань, была буквально усыпана народомъ. Требовался порядокъ, а если требовался порядокъ, то, натурально, ощущалась потребность и въ начальствѣ. Оно и было тутъ на-лицо, и на этотъ разъ заблагоразсудило распорядиться такъ, чтобъ ни одна изъ плывущихъ по рѣкѣ барокъ и лодокъ отнюдь не осмѣливалась переплывать за паромный ходъ, покуда не свалитъ весь народъ. Сказано—сдѣлано; барки и лодки остановились и оцѣпенѣли, какъ очарованныя. Однако одна лодка соскучилась: къ величайшему своему несчастію, она обладала способностью анализа, и на этомъ основаніи рѣшила, что разсужденіе начальства неудовлетворительно, и что покуда машина нагружается—сотни лодокъ могутъ очутиться по другую сторону паромнаго хода. Но начальство немедленно подняло гвалтъ и откомандировало своего дантиста для преслѣдованія и наказанія ослушника. До сихъ поръ все въ порядкѣ вещей, и я, конечно, не остановился бы на такомъ общеизвѣстномъ и общепонятномъ фактѣ, еслибы рядомъ съ формальнымъ его проявленіемъ не раскрывался и внутренній его смыслъ, высказавшійся какъ въ положеніи, принятомъ преслѣдуемымъ, такъ и въ отношеніи къ нему толпы, тѣснившейся на паромѣ.

Преслѣдуемый, какъ только завидѣлъ дантиста, не пустился на утекъ, какъ можно было бы ожидать, но показалъ рѣшимость духа изумительную, то-есть пересталъ грести и, сложивъ весла, ожидалъ. Мнѣ показалось даже, что онъ заранѣе и инстинктивно далъ своему тѣлу наклонное положеніе, какъ бы защищаясь только отъ смертнаго боя. Ну, натурально, дантистъ орломъ налетѣлъ, и черезъ минуту

воздухъ оглашался воплями раздирающими, воплями, выворачивающими наизнанку человѣческія внутренности.

А толпа была весела, толпа развратно и подло хохотала. „Хорошень его! хорошень его!" — неистово гудѣла тысячеустая. „Накладывай ему! накладывай! вотъ такъ! вотъ такъ!" — вторила она мѣрному хлопанью кулаковъ. Только одинъ нашелся честный старикъ, который не вытерпѣлъ и произнесъ: „разбойники!" — но и тотъ, замѣтивъ, что я разслышалъ невольный его вздохъ, какъ-то измѣнился въ лицѣ и сталъ робко пробираться сквозь толпу на ту сторону парома.

Разберемъ этотъ фактъ логически.

Ни слова о дѣйствіи паромнаго начальства: оно поступило здѣсь... какъ бы потоньше выразиться?.. ну, да поступило по соображенію съ обстоятельствами дѣла и идеею собственнаго своего величія...

Изслѣдованію нашему подлежатъ собственно два предмета: положеніе преслѣдуемаго и отношеніе толпы къ происшествію.

Для чего преслѣдуемый не пошелъ на утёкъ, для чего онъ сложилъ вёсла? — для того, что онъ фаталистъ, что онъ видитъ вдали силу и впередъ убѣжденъ, что отъ силы не скрыть ему своего тѣла нигдѣ. Почему онъ фаталистъ, почему онъ вѣритъ въ вѣчное, неотразимое торжество силы? — онъ самъ этого не объясняетъ себѣ, но онъ чувствуетъ паническое оцѣпенѣніе при одномъ появленіи силы, но онъ, какъ кроликъ при видѣ боа, сидитъ недвижимъ и какъ будто очарованъ до тѣхъ поръ, пока чудовище не поглотитъ его.

Однако и онъ вздумалъ же однажды протестовать, и, несмотря на запрещеніе, все-таки переплылъ по ту сторону паромнаго хода. Что означаетъ этотъ фактъ? А то и только то, что ему небезызвѣстно изъ практики, что не всегда же сила дерется, но иногда и улыбается, что иногда она благодушна и согласна удовольствоваться тѣмъ, что обругаетъ непотребно, но до зубовъ не коснется. Вотъ на эту-то пріятную случайность, на эту-то возможность улыбки онъ и разсчитывалъ.

Но для чего же онъ даетъ своему тѣлу наклонное положеніе, и притомъ такое, чтобъ голова, то-есть именно та часть тѣла, которая всего болѣе представляетъ шансовъ для смертнаго боя, была по возможности защищена? Неужели смерть не составляетъ для него высшаго блага? Неужели и онъ еще дорожитъ жизнью? Нѣтъ, онъ не

дорожитъ ею съ разумной точки зрѣнія, то-есть не видитъ въ ней блага, одному ему принадлежащаго, блага, которымъ никто постороннiй не имѣетъ права располагать по своему произволу: но онъ дорожитъ ею инстинктивно, дорожитъ потому, что жилъ вчера, живетъ нынѣче, надо же и завтра жить. Онъ трусъ и не пойдетъ открыто на встрѣчу смерти, но встрѣтитъ смерть равнодушно, когда она сама придетъ къ нему, откуда бы и почему бы она ни пришла (время ли тутъ справляться, когда умирать надо!), и еще равнодушнѣе или, лучше сказать, ходчѣе, натуральнѣе встрѣтитъ, если она придетъ къ нему какъ логическое послѣдствiе цѣлаго ряда фактовъ, каковы, напримѣръ, побои. Возьмемъ хотя настоящiй случай: здѣсь преслѣдуемый укрываетъ отъ ударовъ свою голову, но почему?—потому и только потому, что онъ еще не знаетъ, потребуется ли она. Потребуйся эта голова—ничего! онъ и ее вытащитъ, и будетъ только охать да взывать къ батюшкамъ и матушкамъ, но защищаться не станетъ ни подъ какимъ видомъ—слишкомъ учтивъ! И выйдетъ тутъ умертвiе — и больше ничего!

Отъ преслѣдуемаго перейдемъ къ толпѣ.

Скажите, Бога ради, благосклонный читатель, отчего ее не прорвало при видѣ этой гнусной расправы съ однимъ изъ своей среды? Ужели она не доросла, по крайней мѣрѣ, до того сознанiя, что нельзя же наказывать не только смертнымъ, но и никакимъ боемъ, и не только такое преступленiе, какъ, напримѣръ, нарушенiе безсмысленнаго приказанiя наромнаго унтеръ-офицера, но и всякое другое преступленiе, хотя бы оно было во сто разъ тяжеле, хотя бы отданное приказанiе было не безсмысленно и отдалъ его не унтеръ-офицеръ, а самъ Ударъ-Ерыгинъ? Положа руку на сердце, я полагаю, что именно оттого ее и не прорвало, что она не доросла даже до этого понятiя. Опять-таки повторяю: такого рода понятiе достунно вамъ, любезные читатели, вамъ, которые занимались самоусовершенствованiемъ въ тиши кабинета, въ сообществѣ книжекъ или сочувственныхъ вамъ людей, подъ условiемъ взаимнаго обмѣна мыслей и чувствъ, но недоступно грубой толпѣ, которая, изъ-за куска насущнаго хлѣба, потѣла и выбивалась изъ силъ, вскидывая вилами навозъ на телѣги и потомъ раскидывая его по полямъ.

Но, сверхъ того, толпа имѣетъ ту же непреклонную вѣру въ роковую неизбѣжность силы, какъ и самъ преслѣдуемый. Она живетъ

не подъ вліяніемъ умозрѣній, но подъ вліяніемъ дѣйствія эмпириковъ и шарлатановъ, которые научили ее горькому житейскому опыту.

Одинъ утѣшительный фактъ — это старикъ, который вздохнулъ: „разбойники!“ Но нѣтъ, и онъ безобразенъ. Какъ онъ подло стушевался, какъ только замѣтилъ, что вздохъ его кѣмъ-то разслушанъ! какъ робко, съ какимъ наивно-глупымъ видомъ сталъ онъ и подмигивать, и подсмѣиваться, и тишкомъ-тишкомъ пробираться на другую сторону парома, чтобъ не обвинили его въ христіанскомъ сочувствіи къ ближнему! Положимъ, что въ его понятіяхъ я былъ однимъ изъ тѣхъ, противъ которыхъ онъ осмѣлился протестовать — что жъ изъ этого? Или протестовать можно только втихомолку! Или ужъ такая печать рокова на положена, въ силу которой самое праведное негодованіе разрѣшается лишь кукишемъ въ карманѣ?

Вотъ тебѣ младшій нашъ Глуповъ, вотъ тебѣ нашъ Иванушка!

По этому случаю мнѣ вспомнился другой анекдотъ, разсказанный мнѣ когда-то нѣкоторымъ глуповскимъ старожиломъ. „Жили да были въ нашемъ Глуповѣ два сосѣда: Иванъ богатый да Иванъ бѣдный. Много было добра всякаго у Ивана богатаго, а еще больше было у него зависти; у Ивана же бѣднаго только и богатства было, что лошадь нѣгая. Вотъ только и полюбись Ивану богатому этотъ нѣгашко; присталъ къ сосѣду: продай да продай своего живота. Однако Иванъ бѣдный заупрямился! не размыслилъ, стало быть, по началу, что если сильному да богатому чего захочется, такъ ужъ, значитъ, такъ тому и быть. „Ладно же, — говоритъ Иванъ богатый, — не хочешь за деньги отдать — отдашь даромъ; не хочешь честью раздѣлаться — раздѣлаешься безчестьемъ!“ И возненавидѣлъ онъ его, сударь мой, пуще ворога лютаго, и сталъ съ тѣхъ поръ наше общество на него напущать. Соберемся, бывало, на сходку — сборщика или тамъ добросовѣстнаго выбирать — кого выбирать? „А чего жъ лучше Ивана бѣднаго? говоритъ Иванъ богатый. „Катай Ивана бѣднаго!“ — вопятъ глуповцы. Случится ли воровство по сосѣдству (ужъ и лихи наши глуповцы воровать-то!) — на кого подозрѣніе положить? „Ужъ это безпремѣнно Иванъ бѣдный укралъ!“ — говоритъ Иванъ богатый: — „потому, онъ человѣкъ неимущій, и кромѣ его некому промежъ насъ этимъ ремесломъ заниматься!“ Одно слово: тошно стало жить Ивану бѣдному: прежде былъ онъ неимущъ, а теперь и вовсе разорился. Выйдетъ, бывало, за ворота, лохматый да нечитой, глазами

впередъ упрется, словно самъ дивуется, какъ это еще жизнь въ немъ держится. Наши глуповскіе ребята про все это знали, и очень Ивана бѣднаго жалѣли. И сколько разъ жалѣючи ему говаривали: „поди-ты, Ваню́шка, къ своему врагу: простить онъ, это вѣрно — простить!“ Однако онъ все еще крѣпился; скажетъ, бывало, совѣтчикамъ: „подлецы вы!“ и отойдетъ прочь. Хорошо. Вотъ только нала однажды къ намъ вѣсть о рекрутчинѣ: собралась это сходка, и, натурально, прежде всѣхъ за недоимщиковъ приня.лись. Горланилъ больше Иванъ богатый. „Эти недоимщики, говоритъ, всему нашему обществу поношеніе: отъ Ивана-то бѣднаго, поди, лѣтъ за пять уплаты никакой нѣтъ!“ Стали судить да рядить, и приговорили Ивана бѣднаго, какъ гражданина нерадиваго и порочнаго, отдать въ солдаты безъ очереди. Узналъ это нашъ Ваню́шка, словно съ колокольни спрыгнулъ. Прибѣжалъ это на сходку: и прощенья-то просить, и обзываетъ-то непотребно; однако ребята наши на своемъ стали: „отдать да отдать Ивана въ солдаты!“ твердятъ. А у Ивана жена въ нетопленой избѣ голосомъ голоситъ, у Ивана малыя дѣти верезгомъ верезжатъ... Смирился-съ. Не только нѣгашку Ивану богатому на дворъ свелъ, а, сказываютъ, даже не мало въ ногахъ у него убивался. И вотъ, сударь, живетъ теперь нашъ Иванъ приня́вючи, и сталъ онъ даже Иванычемъ. Иванъ-то богатый, за смиреніе, не только что продерзость его прежнюю простилъ, а даже за мѣсто благодѣтеля ему сдѣлался... Анъ и выходитъ, что ласковое-то теля двѣ матки сосетъ, а гордому-то да строптивому и одна сосать не даетъ“...

Анъ и выходитъ... выходитъ что-ли, достойный сынъ Глупова?

А можетъ быть, ты скажешь мнѣ, что при такихъ условіяхъ жить невозможно. „Невозможно“ — это не совсѣмъ такъ, а что „противно“ жить — это вѣрно.

. . . . . .

Вотъ, однакожъ, до чего мы договорились съ тобой. Мнѣ стало грустно, да и читателю, быть можетъ, не совсѣмъ весело. А между тѣмъ мнѣ не хочется оставлять читателя въ мрачномъ расположеніи духа: мнѣ хочется, во что бы то ни стало, развеселить его.

И въ самомъ дѣлѣ, изъ-за чего тебѣ мучиться, благосклонный мой читатель! И безъ того слишкомъ одолѣваютъ тебя мелочи и дрязги жизни, мелочи и дрязги дѣйствительныя, дающія себя знать и поощреніями, и пощипываніями, чтобъ къ нимъ прибавлять еще

дрязги воображаемыя, какія-то дрязги будущаго. Ты берешь книгу въ руки, чтобъ развлечься, чтобъ отогнать отъ себя жизненный кошмаръ, который такъ аккуратно давитъ тебя, а тебя потчуютъ новыми кошмарами, тебя приглашаютъ о чемъ-то побезпокоиться, надъ чѣмъ-то задуматься, а пожалуй, и помучиться...

Итакъ, будемъ смѣяться.

Передо мной вереницей проходятъ мимо мои отставные герои. Фейеры, Живновскіе, Чебылкины, Порфирій Петровичи — то-то смѣшные люди!.. Ха-ха!

Передо мной проходитъ Аринушка, но уже безъ сумы, потому что ее укралъ Фейеръ, чтобъ воспользоваться обѣдкомъ пирога, который кинула въ нее рука нищелюбиваго купца Хрентюгина... Ха-ха!

Передо мной проходитъ скитникъ, бѣжавшій отъ міра прелестнаго въ пустыни и разсѣдины земныя, и мирно оканчивающій свой подвигъ въ острогѣ... Ха-ха!

Передо мной проходитъ мой глубокомысленный критикъ, который обвиняетъ меня въ томъ, что я вывожу наружу плутни становыхъ (какъ будто я что-нибудь вывожу, какъ будто я кого-нибудь обличаю, или обрываю, или упрекаю, или бью по щекамъ, а не просто описываю и изображаю... о, милый Глуповъ!), а не вывожу наружу плутней повыше... Ха-ха!

Передо мной проходитъ моя собственная персона, возражающая вышеупомянутымъ критикамъ: „кто же вамъ мѣшаетъ, друзья, прикидывать, сравнивать и прилагать? дерзайте, дѣти, дерзайте!“... Ха-ха!

Глуповъ! милый Глуповъ! отчего надрывается сердце, отчего болитъ душа, при одномъ упоминовеніи твоего имени? Или есть невидимое, но крѣпкое нѣкоторое звено, приковывающее мою судьбу къ твоей, или ты подбросилъ въ питье мое зелья, которое безвозвратно приворожило меня къ тебѣ? Кажется, и не пригожъ ты, и не слишкомъ уменъ: нѣтъ въ тебѣ ни природы могучей, ни воздуха вольнаго: нищета, да убожество, да дикость, да насиліе... плюнулъ бы и пошелъ прочь! Анъ нѣтъ, всѣ сердца къ тебѣ несутся, всѣ уста поютъ хвалу твою! Странная какая-то творится тутъ штука: подойдешь къ тебѣ поближе, вкусишь отъ винограда твоего — тоснитъ: чувствуешь, какъ въ явь дуракомъ дѣлаешься; уйдешь отъ тебя —

плачешь: чувствуешь, что вдругъ становишься словно не самимъ собою!

Отчего же несутся къ тебѣ сердца? отчего же уста сами собой такъ складываются, что поютъ хвалу твою? А оттого, милый Глуповъ, что мы всѣ, сколько насъ ни есть, мы всѣ плоть отъ плоти твоей, кость отъ костей твоихъ. Всѣхъ-то ты прикормилъ, всѣхъ-то ты воспиталъ, всѣхъ-то ты напоилъ отъ многообильныхъ водъ рѣки Вольной Глуповицы—какъ же намъ не любить тебя? Это нужды нѣтъ, что иногда словно тошнитъ: тошнота-то, милый человѣкъ, вѣдь своя, родная, прирожденная, такъ сказать, тошнота! Ну, потошнитъ-потошнитъ, да и пройдетъ! Это нужды нѣтъ, что временемъ словно обухомъ по головѣ тебя треснетъ: обухъ-то вѣдь свой, глуповскій обухъ, тотъ самый обухъ, который дѣйствуетъ по пословицѣ: „кого люблю, того и бью“—бери же его благоговѣйно въ руки и цѣлуй! Свое и бьетъ какъ-то не больно, и смердитъ не совсѣмъ чтобъ не-естественно! А все оттого, милый ты человѣкъ, что любовность вездѣ въ очію присутствуетъ, что и съѣмъ-то мы не зря, а тоже приговариваемъ: „не грубя, не балуй, сударь, сиди смирно, будь послушливъ!“

Многимъ это не нравится; многіе предпочли бы, пожалуй, чтобъ было поменьше любовности да побольше разсчетливости въ дѣйствованіи обухомъ: для многихъ обухъ даже вовсе не составляетъ прелести... Дивлюсь развращенности вкусовъ и не возражаю! Но не могу, однакожъ, умолчать, что я, съ своей стороны, признаю мой Глуповъ всецѣло, со всѣми его особенностями и даже съ его собственнымъ запахомъ. Какой же это былъ бы Глуповъ, спрашиваю я, если бы обитателей его не тошнило, если бы они не были слегка пришиблены? И были ли бы мы, сыны Глупова, такъ безмятежно благополучны, такъ отвратительно счастливы, если бы намъ предлагали какіе-то „проклятые“ вопросы, если бы насъ заставляли дѣлать сочиненія на темы въ родѣ: „восходъ солнца въ Глуповѣ“ или „сила любви къ Глупову“?

И какіе могли бы мы дать отвѣты на вопросы, кромѣ того, что „отвѣтовъ, по тщательному розыску, въ городѣ Глуповѣ не оказалось“, или: „отвѣты были, но въ пожаръ, случившійся въ такомъ-то году, сгорѣли“. А сочиненія? Возьмемъ для примѣра хоть тему „восходъ солнца“—что такое восходъ солнца? Мы не знаемъ, восхо-

дитъ ли солнце и какъ восходитъ въ городахъ Умновѣ и Буяновѣ, а въ Глуповѣ это тотъ самый моментъ, когда, по преимуществу, сгущаются въ жилыхъ покояхъ ночные звуки—и больше ничего. Коли хотите, это опредѣленіе голо и какъ-то пахуче-просто, но за то оно наглядно и точно, но за то тутъ ни одной черты нельзя ни убавить, ни прибавить. Объ чемъ же тутъ сочинять? Или опять насчетъ любви —что такое любовь къ Глупову? Откуда любовь? гдѣ ея сѣдалище? за что любовь? почему любовь? А кто жъ его знаетъ, откуда, гдѣ, за что и почему! Любимъ—и все тутъ! Глуповъ, высиживая насъ, не говорилъ: люби меня за то, что я, дескать,—

Хорошъ,
Пригожъ,
Прекрасенъ суть,—

а приказывалъ:

Ахъ, люби меня безъ размышленій...

(да и „ахъ" не говорилъ, а по-просту выражался: „люби не люби, а подплясывай!")—вотъ мы и любимъ безъ размышленія: родители любили, и мы любимъ!

Что тутъ думать! я твоя, ты мой!

Какія же тутъ могутъ быть еще сочиненія?

Повторяю: Глуповъ нравится мнѣ всецѣло, со всѣми особенностями. Я открыто, передъ лицомъ цѣлой вселенной, признаю себя гражданиномъ Глупова и ничего-таки не стыжусь, потому что это дѣло уладили papa и maman, а я только съ благодарностью принялъ его послѣдствія. Я знаю Глуповъ, и Глуповъ меня знаетъ, и мы любимъ другъ друга, и мы счастливы! Мы взглянемъ другъ на друга—и разсмѣемся.—„Ты чему, дурашка, смѣешься?" спроситъ меня Глуповъ.—„А ты чему, тятька, смѣешься?" спрошу и я въ свою очередь. И оба удовлетворимся, и оба вздохнемъ легонько.

Или опять: Глуповъ покажетъ мнѣ палецъ—я зарадуюсь; я покажу Глупову палецъ—онъ зарадуется. „Ну, чему ты, дурашка, радуешься?" спроситъ меня Глуповъ.—„А ты чему, тятька, радуешься?" спрошу и я въ свою очередь. И опять оба довольны, и опять вздохнемъ легонько. Нѣтъ, воля ваша, а я именно счастливъ, что papa и maman вздумалось въ лицѣ моемъ подарить Глупову лишняго гражданина!

Und ich war in Arcadien geboren...

Да, и я сынъ Глупова, и я катался какъ сыръ въ маслѣ, что, какъ извѣстно, и составляетъ настоящую, неподдѣльную глуповскую Аркадію. Я жилъ этою жизнью, я упивался производящимъ сгущѣніе крови виномъ ея; нѣтъ того мѣста въ моемъ организмѣ, которое не было бы вкладцѣ уязвлено тобою, о Глуповъ!

Не вѣрьте же, добрые мои сограждане, не вѣрьте тому супостату, который станетъ внушать вамъ, будто я озлобленъ противъ васъ, будто я поднимаю васъ на-смѣхъ! Во-первыхъ, я столько разъ повторялъ вамъ: люблю, люблю и люблю, что сомнѣніе въ истинности моихъ чувствъ было бы даже обидно: не лгу же я въ самомъ дѣлѣ! А во-вторыхъ, откуда возьму я злобы противъ того, что составляло и составляетъ основу моего существованія? Откуда возьму я силы отречься отъ прошлаго, которое, какъ коррозивный меркурій, проникаетъ всѣ поры моего настоящаго? Успокойтесь же, глуповцы, и внимайте мнѣ съ благодушіемъ!

Если я посвящаю вамъ досуги свои, если я подношу вамъ свои сочиненія, я дѣлаю это потому, что желаю порадовать васъ моими успѣхами, желаю, чтобъ вы погладили меня по головкѣ, чтобъ вы сказали: вотъ, молъ, какой у насъ сынишка шустрый ростетъ, книжки самъ сочиняетъ! А если въ этихъ книжкахъ вы замѣтите что-нибудь... то, Бога ради, не останавливайтесь на этой горькой мысли! вѣрьте, отцы мои, что это только отъ усердія, что, въ сущности, всѣ мои усилія направлены только къ тому, чтобъ пощекотать у васъ брюшко! Въ этомъ заключается вся моя претензія, и дальше ея я нейду.

Да если бы я и хотѣлъ идти—кто меня пуститъ! Вы, глуповцы, народъ хоть и смирный, но, съ другой стороны, и упрямый. Вы охотно допустите, чтобъ кто-ни-на-есть (разумѣется, тотъ, кому на это право дано) собственноручно въ вашей физіономіи симметрію поправилъ, но не очень долюбливаете, когда кто-нибудь вамъ очень близко въ душу заглянетъ, да, пожалуй, еще посягнетъ на ваше лучшее достояніе—на вашъ сонъ. Чего добраго, соберетесь съ силами да и пожалуетесь!

Итакъ, примите меня благосклонно и не думайте, что я домогаюсь чести быть вашимъ учителемъ! Я только заношу, что между вами происходитъ, я описываю ваши нравы и обычаи, ваши горести и увеселенія, ваши досуги и сновидѣнія—сдѣлайте же милость, почивайте себѣ съ миромъ и не фискальте на меня!

Я отнюдь не упрекаю васъ за то, что вы не заводите въ средѣ своей общества трезвости, и отнюдь не настаиваю на томъ, чтобъ вы прониклись духомъ благодѣтельной устности! Я только заявляю, что въ васъ нѣтъ ни трезвости, ни устности, и даже не прибавляю отъ себя, нахожу ли этотъ фактъ печальнымъ или радостнымъ (откупщикъ находитъ его радостнымъ). Сдѣлайте же милость, не считайте меня зараженнымъ какимъ-то новымъ духомъ и не фискальте на меня!

О новомъ духѣ, признаюсь вамъ, я даже понятія не имѣю. Слышалъ я, правда, какъ генералъ Зубатовъ кому-то изъ приближенныхъ говорилъ:

— Толкуютъ тамъ: новымъ духомъ вѣетъ! новымъ духомъ вѣетъ! Какимъ это новымъ духомъ, желалъ бы я знать! Только лакеи стали грубить, а то все остается по старому.

И больше ничего я объ этомъ новомъ духѣ не знаю и не слыхалъ.

Итакъ, будемъ жить въ мирѣ и добромъ согласіи. Пусть младшіе уважаютъ старшихъ, а старшіе утѣшаются младшими. Пусть старшіе, взирая на младшихъ, говорятъ: „кость отъ костей моихъ", а младшіе отвѣчаютъ: „какъ прикажете-съ". Да не будетъ между нами ни раздоровъ, ни распрей, да не будетъ ничего подобнаго тому, что случилось намедни за моремъ, въ городѣ Буяновѣ, гдѣ сынъ отцу въ глаза сказалъ: „не дури, тятька! разобью зубы"! Да не будетъ!

Ну, вотъ, ты и разсмѣялся, читатель!

I.—Госпожа Падейкова.

Въ концѣ не помню ужъ какого года, но только не очень давно, случилось происшествіе, которое въ особенности поразило умственныя способности Прасковьи Павловны Падейковой.

А именно, двадцатаго ноября, въ самый день преподобнаго Григорія Декаполита, собственная, приданная ея дѣвка Феклушка торжественно, въ общемъ собраніи всей дѣвичьей, объявила, что скоро она, Феклушка, съ барыней за однимъ столомъ будетъ сидѣть, и что неизвѣстно еще, кто кому на сонъ грядущій пятки чесать будетъ, она ли Прасковьѣ Павловнѣ, или Прасковья Павловна ей.

О таковой, распространяемой дѣвкой Феклушкой, ереси ключница Акулина не замедлила доложить Прасковьѣ Павловнѣ.

Но прежде, нежели продолжать разсказъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о героинѣ его.

Госпожа Падейкова—женщина лѣтъ сорока-пяти и въ цѣломъ околоткѣ извѣстна какъ дама, которой пальца въ ротъ не клади. Оставшись послѣ мужа вдовой въ весьма молодыхъ лѣтахъ и будучи еще въ дѣтствѣ воспитана въ самой суровой школѣ („я тандрессовъ-то этихъ да сахаровъ не знала, батюшка... да!" —отзывалась она о себѣ въ минуты откровенности), Прасковья Павловна мало-по-малу пріучилась къ полной самостоятельности въ своихъ дѣйствіяхъ, что однакожъ не мѣшаетъ ей называть себя сиротою и беззащитною, въ особенности если разговоръ коснется чего-нибудь чувствительнаго. Въ ея наружности есть нѣчто мужественное, не терпящее ни противорѣчій, ни оправданій. Высокая и плечистая, она сложена какъ-то по-мужски, голосъ имѣетъ рѣзкій и повелительный, поступь твердую, а взоръ свѣтлый и до того проницательный, что, навѣрно, ни одна дворовая дѣвка не укроетъ отъ него своей беременности. Прасковья Павловна вдовѣетъ честно, то-есть безъ малѣйшей тѣни подозрѣнія, и потому въ дѣйствіяхъ ея царствуетъ совершенное нелицепріятіе. Пріятно видѣть, какъ она за всѣмъ присматриваетъ, сама всѣмъ руководитъ и сама же творитъ судъ и расправу, распредѣляя виновнымъ кому два, кому три тычка. Велемудрыхъ иностранныхъ очковъ она не носитъ и, будучи съ дѣтства поклонницей патріархальнаго воззрѣнія, съ большою основательностью полагаетъ, что ничто такъ не исправляетъ лѣнивыхъ и не поощряетъ ретивыхъ, какъ тычокъ, данный во-время и съ толкомъ.

— Не нужно только рукамъ волю давать,—говоритъ она сосѣдямъ, пріѣзжающимъ къ ней поучиться мудрому управленію имѣніемъ:—а то какъ не наказывать—не наказывать нельзя!

Понятно, что при такой самостоятельности дѣйствій, посреди общаго, никогда ненарушаемаго безпрекословія, поступокъ Феклушки долженъ былъ сильно взволновать Прасковью Павловну.

— Кто тебя волтеріанству научилъ?—спросила она Феклушку, поставивъ ее предъ лицо свое и предварительнымъ тѣлодвиженіемъ давъ ей почувствовать разницу между дѣйствительностью и утопіей:—отвѣчай, кто тебя волтеріанству паучилъ?

Окулушка сначала оробѣла, но потомъ пустилась въ различные извороты и доложила барынѣ, что преподобный старецъ явился ей во снѣ и объявилъ безотмѣнную свою волю, чтобъ она на будущее время всякое купанье серебряной ложечкой бла. Но Прасковья Павловна не далась въ обманъ.

— Врешь ты, паскуда!—сказала она:—станетъ преподобный къ тебѣ, холопкѣ, являться!.. Сослать ее, мерзавку, на скотный дворъ!

Сдѣлавши это распоряженіе, Прасковья Павловна, однако, не успокоилась.

Переходя отъ одного умозаключенія къ другому, она весьма основательно пришла къ убѣжденію, что всѣ эти штуки исходятъ не отъ кого другого, какъ отъ садовника Порфишки, котораго ужъ не разъ и не два заставали вдвоемъ съ Окулушкой.

— Такъ вотъ они объ чемъ шушукались!—сказала Прасковья Павловна:—позвать ко мнѣ Порфишку!

Порфишку привели. Должно быть, ему уже было приблизительно извѣстно, въ чемъ долженъ заключаться предстоящій съ барыней разговоръ, потому что онъ сталъ передъ Прасковьей Павловной съ рѣшительнымъ видомъ и, заложивъ руки за спину, отставилъ одну ногу впередъ. Прасковью Павловну прежде всего поразило это послѣднее обстоятельство.

— Гдѣ у тебя ноги?—спросила она, подступая къ Порфишкѣ.

— При себѣ-съ.—отвѣчалъ Порфишка, рѣшившись, повидимому, относиться къ барынѣ иронически.

— Я тебя спрашиваю, гдѣ у тебя ноги?—повторила Прасковья Павловна, все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе подступая къ Порфишкѣ.

— Не извольте, сударыня, драться!—отвѣчалъ Порфишка, не смущаясь и не перемѣняя позы.

Прасковья Павловна была женщина, и вслѣдствіе того имѣла душу деликатную. При видѣ столь дерзкой невозмутимости, деликатность эта вдругъ вспыла наверхъ и заставила ее не только опустить поднятыя длани, но и сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ.

— Долой съ моихъ глазъ... грубіянъ!—сказала она:—не огорчай меня своимъ присутствіемъ!

Порфишка взглянулъ на барыню съ какою-то грустной ироніей, разинулъ-было ротъ, чтобъ еще что-нибудь высказать, но только пожевалъ губами и, вѣроятно, отложивъ объясненіе до болѣе удоб-

наго случая, вышелъ. Такимъ образомъ предположенное дознаніе не удалось. Послѣ объясненія этого Прасковья Павловна осталась въ неописанномъ волненіи. Надо сказать правду, что происшествіе съ Феклушкой вовсе не составляло для нея столь неожиданнаго факта, какъ это можно было бы подумать съ перваго взгляда. Давно уже по селамъ и весямъ носились слухи, Богъ вѣсть кѣмъ и откуда заносимые, что вотъ-вотъ всѣ Феклушки, Маришки, Порфишки и Проньки вдругъ отобьются отъ рукъ, откажутся подавать барынѣ умываться, перестануть чистить ножи, выносить изъ лоханей и проч. Сначала Прасковья Павловна подозрѣвала, что слухи эти идутъ отъ разносчика Феки, который по временамъ наѣзжалъ въ Падейково съ разнымъ хламомъ и имѣлъ привычку засиживаться въ дѣвичьей. Вслѣдствіе этого Фокѣ запрещенъ былъ въѣздъ въ деревню и въ то же время приняты были и другія дѣйствительныя мѣры къ охраненію нравственности дворовыхъ. Но слухи не унимались; напротивъ того, какъ волны, они росли и высились, принимая, по обычаю, самыя прихотливыя и фантастическія формы.

То будто звѣзда на небѣ странная появилась: это значитъ— Маришка барынѣ хвостъ показываетъ; то будто середь поля мальчикъ въ бѣлой рубашечкѣ не вѣсть откуда взялся и орѣшки въ рукахъ держитъ, и жалобненько такъ-то на всѣхъ глядитъ: это значитъ—„Димитрій царевичъ по Бориса царя приходилъ: то будто Авдѣй кузнецъ, лежа на печи, похвалялся: „мнѣ-ста, да мы-ста, да вы-ста", и все въ томъ же тонѣ. Очевидно, что есть что-нибудь, а если что-нибудь есть, то еще очевиднѣе, что надо принять противъ этого „что-нибудь" неотложныя и рѣшительныя мѣры, надо подумать о томъ, какимъ образомъ встрѣтить невзгоду такъ, чтобъ она не застала врасплохъ.

Но какъ ни усиливалась Прасковья Павловна, какъ ни изощряла свои умственныя способности, однако ничего, кромѣ розги, выдумать не могла.

„Такъ бы, кажется, и перепорола всѣхъ!" — думала она по временамъ, и думала совсѣмъ не потому, чтобъ была зла, а единственно потому, что смыслъ всѣхъ завѣщанныхъ ей преданій удостовѣрялъ ее въ томъ, что въ розгѣ заключается глубокое нравственно-дидактическое таинство.

Поступокъ Феклушки и Порфишки окончательно разстроилъ ее.

„Какъ!—думала она, тревожно расхаживая по залѣ:—какой-нибудь скверный холопишка смѣетъ говорить со мною, отставивши ногу впередъ!“

Въ это время истопникъ Сёмка, полу-калѣка, полу-идіотъ явился въ комнату, неся на спинѣ бремя дровъ, которыя съ грохотомъ разсыпались по полу.

„Вотъ и этотъ, чай, бариномъ будетъ!“ полу-презрительно, полу-иронически сказала про себя Прасковья Павловна, останавливаясь передъ Сёмкой.

— Сёмка! скоро и ты, чу, въ баря выйдешь!

Сёмка безсмысленно засмѣялся и замоталъ головой. Прасковьѣ Павловнѣ показалось, что онъ уже сочувствуетъ Феклушкѣ и Порфишкѣ. „Нѣтъ, видно, во всѣхъ этотъ *ядъ* ужъ дѣйствуетъ!“ подумала она и вслухъ прибавила:

— Что жъ, хочется, что-ли, Сёмка?

Сёмка загоготалъ и утерся рукавомъ своей нестриженной рубашки.

— Вонъ, подлецъ!—крикнула Прасковья Павловна и вонъ себя выбѣжала въ дѣвичью.

— Дѣвки! сейчасъ всѣ до одной молитесь Богу, чтобъ *этого зла* не было!—сказала она.

Но не успѣли еще дѣвки исполнить приказаніе ея, какъ къ крыльцу подъѣхала повозка, запряженная тройкой лошадей. Оказалось, что пріѣзжій былъ нѣкто Гаврило Семенычъ Грузиловъ, сосѣдъ Падейковой, служившій вмѣстѣ съ тѣмъ засѣдателемъ отъ господъ дворянъ въ М. уѣздномъ судѣ.

Грузиловъ хотя и находился въ былыя времена въ военной службѣ, гдѣ, съ Божьею помощью, дослужился даже до прапорщичьяго чина, но за давно прошедшимъ временемъ все, что было въ наружности его напоминающаго о поползновеніяхъ воинственности, улетучилось, и въ немъ, какъ онъ самъ выражался, никакихъ военныхъ аллюровъ не осталось, кромѣ нѣкоторой слабости къ старику-ерофеичу. Вообще, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ благонравныхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, которые, въ присутствіи сильныхъ и богатыхъ помѣщиковъ, скромно жмутся въ углу или около печки, заложивъ одну руку за спину, а другую пріютивши гдѣ-то около пуговицъ форменнаго и всегда застегнутаго сюртука.

— А, Гаврило Семенычъ! откуда, сударь, пожаловалъ?—сказала Прасковья Павловна, идя на встрѣчу входящему Грузилову:— а у меня, батюшка, здѣсь между дѣвками вольность проявилась... конституціевъ, видишь, хочется!—Вотъ я вамъ задамъ ужо конституціевъ!

— Точно такъ-съ. Прасковья Павловна.—осмѣлился замѣтить Грузиловъ: — точно такъ-съ; нынче это промежду нихъ модный духъ... такъ точно, какъ бы сказать, между благородными людьми мода бываетъ!

— Вотъ я эту моду ужо повыбью! —отвѣчала Прасковья Павловна и повела гостя во внутренніе покои.

— Я къ вамъ, Прасковья Павловна, съ дѣльцемъ-съ,—таинственно проговорилъ Грузиловъ, едва держась на кончикѣ стула и безпокойно поглядывая на полуотворенную дверь, мимо которой безпрестанно шмыгали дворовыя дѣвки.

Прасковья Павловна измѣнилась въ лицѣ.

— Что такое? — спросила она дрожащимъ голосомъ, уже предчувствуя бѣду.

— Гм... точно-съ... извѣстіе-съ... до всѣхъ касающе...—пробормоталъ Грузиловъ, самъ инстинктивно робѣя.

— Да ты не тымкай, а говори, сударь, дѣло! — сказала съ сердцемъ Прасковья Павловна.

Грузиловъ снова съ безпокойствомъ взглянулъ на дверь, гдѣ, какъ ему показалось, торчали двѣ женскія головы, очевидно желавшія подслушать барскій разговоръ.

— Нерметѐ... ле портъ?—сказалъ онъ рѣшительно, хотя до настоящей минуты отъ роду не выговаривалъ ни одного французскаго слова.

— Фермé!—отвѣчала Прасковья Павловна.

Грузиловъ приперъ дверь поплотнѣе.

— Имѣю честь доложить,—сказалъ онъ въ полголоса:—что на сихъ дняхъ *оно* ужъ кончено, то-есть рѣшено и подписано-съ!

— Какъ рѣшено? кѣмъ подписано? да говори же, сударь, говори!

— Такъ точно-съ; для *нихъ*, можно сказать, все счастіе составили-съ!

— Парлѐ франсѐ!—сказала Прасковья Павловна, поднимаясь съ дивана и подступая къ Грузилову:—де ки, де ки савѐ?

— Иванъ Степанычъ вчерашняго числа достовѣрное извѣстіе получили-съ...

Прасковья Павловна съ глухимъ воплемъ опустилась на диванъ. Грузиловъ засуетился около нея.

— Матушка Прасковья Павловна!—говорилъ онъ нѣсколько ослабѣвшимъ отъ страха голосомъ:—матушка, не сердитесь! Богъ дастъ, все по прежнему будетъ!

Прасковья Павловна, упершись въ спинку дивана и зажмуривъ глаза, безмолвствовала.

— Не прикажете ли изъ дѣвокъ кого-нибудь позвать?—продолжалъ растерявшійся Грузиловъ.

Но Прасковья Павловна по прежнему безмолвствовала. Грузиловъ бросился къ двери.

— Ахъ, нѣтъ! — вскрикнула Прасковья Павловна томнымъ голосомъ.

— Успокойтесь, матушка!—утѣшалъ Грузиловъ:—Иванъ Степанычъ сказывали, что все это только такъ-съ, предварительно-съ... для того только, чтобъ французу по губамъ помазать... Да прикажите же, сударыня, дѣвку-то позвать!

— Ахъ, нѣтъ, Гаврило Семенычъ!—отвѣчала Прасковья Павловна:—зачѣмъ ихъ безпокоить! Богъ знаетъ, можетъ быть, еще намъ съ тобой придется за ними ухаживать!

— Ужъ это не дай Богъ-съ!—уныло молвилъ Грузиловъ.

— Нѣтъ ужъ, нѣтъ... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! съ нынѣшняго дня! съ нынѣшняго дня!.. это! горько!—восклицала Надейкова, томно устремляя глаза къ небу.

— Успокойтесь же, матушка!—увѣщевалъ между тѣмъ Грузиловъ:—все это слухъ одинъ-съ... И въ древности Симъ-Хамъ-Іафетъ были-съ, и на будущее время нѣтъ имъ резона не быть-съ!

— Нѣтъ, Гаврило Семенычъ, — сантиментально продолжала Прасковья Павловна:—я вотъ какъ скажу: съ нынѣшняго дня я всю мою надежду на Бога возложила,—какъ Онъ, Царь Небесный, положитъ, такъ пусть и будетъ... Только ужъ я въ обиду себя не дамъ! —прибавила она совершенно неожиданно.

Грузиловъ молчалъ.

— Я еще давеча чувствовала, что готовится что-то ужасное! даже сонъ былъ какой-то странный... Всегда видишь во снѣ что-нибудь пріятное: или по ковру ходишь, или по рѣкѣ плывешь, или вообще что-нибудь на пользу дѣлаешь, а нынче просто-на-просто привидѣлось какое-то большущее черное пятно: такъ будто и колышется передъ глазами! то налѣво повернетъ, то направо попятится, то будто подъ сердце подступить хочетъ...

— Это точно-съ, что сонъ несообразный,—замѣтилъ Грузиловъ: —а впрочемъ, не всегда сны вѣроятія достойны, сударыня! Недалеко искать, жена-покойница видѣла, примѣрно хоть нонче, будто, съ позволенія сказать, въ грязи погрузла; ну, и думали мы тогда, что это значитъ—наслѣдство получить; анъ, замѣсто того, она на завтра преставилась-съ!..

— Нѣтъ, Гаврило Семенычъ, мой сонъ правду говоритъ... я это вижу! Ну, что жъ, и пускай всѣ будутъ дворянками! Вотъ завтра позову всѣхъ, и Феклушку позову... ну, и скажу имъ: теперь, дѣвки, ужъ не мнѣ вами командовать, а вы командуйте мной! вы теперь барыни, а я ваша холопка! Только прелюбопытно это будетъ, Гаврило Семенычъ, какъ это онѣ за команду-то примутся? Вѣдь онѣ это дѣло какъ понимаютъ? По ихнему, сидѣть бы сложа руки, чтобъ все это имъ даромъ да даромъ... а того и не подумаютъ, мерзавки, что даромъ-то и крышъ на носу не вскочитъ: все сначала почнется.

— Это точно-съ.

— Поэтому-то я и говорю, что въ этихъ случаяхъ всего вѣрнѣе на Бога упованіе возлагать. Вотъ и давеча: точно меня въ грудь кольнуло: сижу я одна и все говорю: „что̀ Батюшка Царь Небесный захочетъ, то̀ и сдѣлаетъ! мы Ему не то что тѣла, а и души, и платье, и домъ... и все, словомъ сказать, въ безотчетность препоручить должны!“ Такъ вотъ и говорю; и сама не знаю, что̀ со мной сдѣлалось, а только все говорю, все говорю! а въ груди-то у меня такъ и колетъ, словно вотъ кто меня сзади подталкиваетъ: смотри, дескать, все это не даромъ! сокрушать твое счастіе! Такъ оно и случилось. Нѣтъ, Гаврило Семенычъ, меня предчувствія никогда не обманываютъ... никогда!

Очевидно, что Прасковья Павловна, незамѣтно для самой себя, понемногу вошла въ тотъ фазисъ душевнаго состоянія, когда постигшее человѣка несчастіе мало-по-малу отодвигается на задній планъ, а

впередъ выступаетъ безконечное самоуслажденіе своими собственными соболѣзнованіями. Она, если можно такъ выразиться, смаковала свое горе, прислушиваясь къ своимъ рѣчамъ, и, внезапно вообразивъ себя чѣмъ-то въ родѣ кроткой страдалицы, искренно начала чувствовать то пріятное разслабленіе во всемъ организмѣ, которое, какъ извѣстно, предшествуетъ всѣмъ подвигамъ самоотверженія.

— Нѣтъ, видно, ужъ намъ на роду такъ написано! — продолжала она, улыбаясь довольно ласково и трепля Грузилова по плечу: — видно, ужъ мы негодны стали, а угодны стали холопки. Вонъ у меня ихъ съ тридцать въ дѣвичьей написано: хоть всѣхъ дѣлай дворянками... съ Богомъ! Такъ-то, Гаврило Семенычъ, такъ-то, почтенный мой! возьмемся-ка мы съ тобой за соху и станемъ землю ковырять! Что жъ, вѣдь коли по правдѣ говорить — хуже-то намъ отъ этого не будетъ, еще для души что-нибудь полезное сдѣлаемъ. А то это хозяйство да хлопоты — только грѣхъ съ ними одинъ!

Грузиловъ усмѣхнулся: онъ самъ начиналъ мало-по-малу расплываться и сочувствовать идиллическому настроенію души Прасковьи Павловны.

— Это вы справедливо насчетъ грѣха изволили замѣтить, — сказалъ онъ: — грѣхъ точно есть-съ, потому что въ хозяйствѣ дѣло извѣстное, безъ того нельзя, чтобъ не безъ рукъ-съ... Ну, и кровь отъ этого самаго портится, а ужъ жизнь какъ сокращается, такъ это именно, можно сказать, какъ только Богъ по грѣхамъ насъ поддерживаетъ!

— Ну, вотъ, видишь ли! стало быть, и правда моя, что все это къ нашему же добру ведетъ!.. Наймемъ вотъ у своихъ же крестьянъ земличцы, да и станемъ жить да поживать... Конечно, тогда ужъ сладкаго куска не требуй, а будь сытъ, чѣмъ Богъ послалъ — за то грѣха меньше будетъ! Вотъ мы служили-служили мамону, а что выслужили? Можетъ, за мамонъ-то насъ Богъ и наказываетъ!

При словѣ „мамонъ", Грузиловъ вспомнилъ, что онъ еще не завтракалъ, но сказать объ этомъ Прасковьѣ Павловнѣ не осмѣлился. Съ своей стороны, хозяйка умолкла и нѣсколько минутъ сидѣла, потупивши голову и перебирая пальцами.

— А мудреное будетъ дѣло-съ! — сказалъ наконецъ Грузиловъ.

Прасковья Павловна ожила.

— Да ужъ такъ-то, сударь, мудрено, — сказала она, снова при-

ходя въ волненіе: —что я вотъ думаю-думаю, и никакъ-таки придумать не могу! И такъ прикинешь, и такъ повернешь —и все какъ-то ничего не выходитъ! Ну, ты возьми, сударь, подумай! Вѣдь, что-ли, барями будутъ? Вѣдь, что-ли, хорошія кушанья ѣсть будутъ? Такъ вѣдь про нихъ хорошаго-то не напасешься—пойми ты это! Да опять и то: если бы и можно было доподлинно напастись, такъ вѣдь они, можно сказать, озоромъ все разбросаютъ! Не то чтобъ кроткимъ манеромъ сѣсть за столъ да поѣсть, чѣмъ Богъ послалъ—онъ, сударь, будетъ только глотку свою драть: подавай ему и того, и сего, и пидюшечку-то подай, и теленочка-то зарѣжь, и капустки-то нарубн... да Божье-то добро, вмѣсто того, чтобъ въ ротъ брать, онъ подъ столъ да подъ лавку!..

— Это истинно-съ! вотъ у меня кучеръ Прохоръ — изволите, чай, знать?—такъ онъ, коли хмелинка у него въ голову попадетъ, такъ-таки никакъ въ ротъ кускомъ попасть не можетъ, а все, знаете, мимо суётъ... презабавно на него въ ту пору смотрѣть бываетъ!

— Ну, вотъ видишь ли! а онъ теперь еще въ страхѣ находится: что жъ это будетъ, коли на него и страху-то ужъ не станетъ! У меня вотъ Сёмка-дурачокъ есть, такъ онъ даже и ѣсть-то путемъ не попроситъ, коли посторонніе не накормятъ... ну, и онъ, стало быть, бариномъ сдѣлается?

— Да-съ, это будетъ любопытно-съ, — отвѣчалъ Грузиловъ, хихикнувъ отъ удовольствія.

— Нѣтъ, ты не смѣйся!—сказала Прасковья Павловна строго: —это дѣло слезъ, а не смѣха стоюще! Мое теперь дѣло сторона, а я больше объ нихъ жалѣючи говорю. Ты возьми, сударь, то въ разсчетъ, что у нихъ и натура такъ создана, что они больше, какъ бы сказать, къ тяжелымъ трудамъ приспособлены, а не то чтобъ къ нѣжностямъ да къ музыкамъ или тамъ объ духѣ что-нибудь побесѣдовать... Вѣдь это, значитъ, въ нихъ ужъ не человѣческое, а религіозное! Стало быть, если у нихъ эти тѣлесныя упражненія отнять, что же изъ этого будетъ! одно забвеніе, и больше ничего!.. Ну, опять и то подумай: что жъ, значитъ, мы, дворяне, послѣ этого будемъ! Теперь, какъ у меня что есть, такъ всякій это видитъ, всякій, значитъ, и уважаетъ меня какъ дворянку! А какъ ничего-то у меня не будетъ, кто же мнѣ, какъ дворянкѣ, уваженіе сдѣлаетъ? Вѣдь на лбу-то у меня не написано, что я дворянка! Что одѣта-то я почище

—такъ нынѣче мѣщанки-то лучше дворянокъ еще одѣваются! Всякій, значитъ, и скажетъ: какая ты дворянка! пошла, скажетъ, голубушка, прочь!

Прасковья Павловна проницательно посмотрѣла въ глаза Грузилову.

— Вотъ и служили мамону!—сказала она:—вотъ и дослужились!

При вторичномъ напоминаніи слова „мамонъ". Грузилову сдѣлалось нестерпимо тоскливо. На этотъ разъ онъ даже рѣшился преодолѣть природную свою робость и напомнить хозяйкѣ объ обязанностяхъ гостепріимства.

— Матушка Прасковья Павловна,—сказалъ онъ, запинаясь:—не соблаговолите ли... закусить что-нибудь?

— Не знаю, сударь, не знаю, какъ теперь и приказывать! Попроси развѣ самъ дворянокъ-то: можетъ, и дадутъ что-нибудь изъ милости! Я теперь и насчетъ себя ничего не знаю! будутъ онъ мою ласку помнить—ну, дадутъ что-нибудь: рыбки, что-ли, солёненькой, огурчиковъ, что-ли! а не будутъ — и не бывши день просижу... А ужъ передъ холопками своими унижаться не стану!

Однакожъ ожиданія Прасковьи Павловны не сбылись. И закуска, и вслѣдъ затѣмъ обѣдъ были поданы, какъ обыкновенно, безъ всякаго замѣшательства. Грузиловъ ѣлъ съ величайшимъ аппетитомъ, хрустѣлъ зубами, щелкалъ языкомъ и причмокивалъ губами. Нельзя сказать того же о Прасковьѣ Павловнѣ: она почти все время неподвижно слѣдила за движеніями лакея Ѳедьки и вслѣдъ за каждымъ проглатываемымъ кускомъ приговаривала: „ну, вотъ, можетъ быть, и въ послѣдній разъ такъ ѣдимъ!" Иногда аппетитъ ея даже совсѣмъ пропадалъ, и она съ досадой бросала на столъ вилку и ножикъ и отодвигала отъ себя тарелку съ непочатымъ еще кушаньемъ.

— Прахъ побери, да и совсѣмъ! —восклицала она восторженно: —пусть все пойдетъ прахомъ! пусть все пойдетъ прахомъ!

Въ этотъ же день, вечеромъ, по отъѣздѣ Грузилова, когда дѣвка Маринка доложила барынѣ, что постелька ихъ ужъ готова, Прасковья Павловна взглянула на нее какъ-то особенно кротко и сказала:

— Нѣтъ ужъ, Маринка, я раздѣнусь сама! гдѣ мнѣ тебя безпокоить... поди почивать!—Маринка остановилась въ недоумѣніи.—

Или тебѣ меня жалко? — продолжала Прасковья Павловна: — ну, что жъ, если у тебя такое доброе сердце, что ты хочешь раздѣть свою барыню — раздѣнь, я препятствовать не стану!

Ночью привидѣлся Прасковьѣ Павловнѣ сонъ.

Снилось ей, будто она пожалована въ скотницы и доитъ преогромную корову. Только доитъ она, и никакъ не можетъ ее выдоить, а между тѣмъ сзади стоитъ Порфишка и приговариваетъ: „доить тебѣ всю жизнь и не отдоиться, доить и не отдоиться!" Она будто бы хочетъ вскочить и замахнуться на Порфишку — не тутъ-то было: ноги словно приросли къ землѣ, хотя самоё ее такъ и подмываетъ, такъ и подмываетъ.

— Это, матушка, значитъ, деньгамъ переводу не будетъ, — объяснила ей ключница Акулина, которой она имѣла привычку сообщать свои сны.

— Ахъ, ужъ какія теперь, Акулинушка, деньги! — сказала Прасковья Павловна и потихоньку при этомъ вздохнула.

Надо, однакожъ, сознаться, что въ дѣвичьей не преминули воспользоваться нравственной перемѣной, происшедшей въ Прасковьѣ Павловнѣ. По увѣренію Акулины, дѣвки совсѣмъ отъ рукъ отбились, а Порфишка безвыходно поселился въ дѣвичьей и съ утра до вечера тѣмъ только и занимался, что игралъ въ гармонію и напѣвалъ дѣвкамъ любезности, отъ которыхъ онѣ мгновенно палѣли. Одного Прасковья Павловна только покачивала головой, когда ей докладывали обо всѣхъ этихъ безпорядкахъ, и, не дѣлая никакихъ распоряженій, уныло говорила: „это еще что! дай сроку, и не то еще будетъ!" Однимъ словомъ, изъ прежней дѣятельной и бойкой барыни Прасковья Павловна превратилась въ какую-то институтку-мечтательницу: по цѣлымъ днямъ просиживала у окна, вглядываясь въ безграничную даль, и томно при этомъ вздыхала...

Однажды ей доложили, что пришелъ староста.

— Ну, что, Авенирушка, скажешь? — обратилась она къ нему: — барыню, что-ли, свою старую вспомнилъ?

— Хлѣбъ, сударыня, весь измолотили.

— Ну, спасибо тебѣ, Авенирушка! спасибо вамъ, мои голубчики, что старую барыню не оставляете!

— Куда завтра народъ гнать прикажете!

— А куда гнать? извѣстно, куда поньче всѣхъ гнать велятъ!..

Нѣтъ, Авенирушка, я ноньче приказывать не могу... приказывайте лучше вы мнѣ!

Авенирушка неосторожно осклабился: Прасковья Павловна, которая зорко за нимъ слѣдила, замѣтила это.

— Ты, кажется, смѣяться вздумалъ?—спросила она его строго: —такъ я тебѣ еще докажу, подлецъ ты этакой, что значитъ барыню на смѣхъ подымать... Вонъ съ глазъ моихъ, грубіянъ!

— Я, сударыня, помилуйте... я ничего... какъ можно этакому дѣлу смѣяться! Этакому дѣлу плакать должно!

Прасковья Павловна нѣсколько смягчилась.

„Вотъ хорошіе-то да благонравные вѣтъ такъ говорятъ!" подумала она.

— Что же насчетъ барщины изволите приказать?—приставалъ староста.

— Нѣтъ, Авенирушка, хоть я и знаю, что ты добрый, а приказывать не могу!... Нѣтъ моихъ силъ, Авенирушка!

Очевидно, отношенія ея съ каждымъ днемъ становились тяжелѣе и натянутѣе. Самыя ничтожныя затрудненія, которыя, въ былыя времена, Прасковья Павловна разрѣшала однимъ взмахомъ руки, принимали теперь, въ ея воображеніи, неприступныя, чуть не чудовищныя формы. Горькія, безотрадныя мысли посѣщали ея голову во время безмолвнаго сидѣнія у окна.

„Какъ же теперь я кушанье сама себѣ готовить буду?" думала она: „я человѣкъ нѣженный..."

Пробѣгалъ ли въ это время мимо окна теленокъ, или пѣтухъ, взобравшись на кучу навоза, громкимъ голосомъ взывалъ къ своимъ хохлатымъ подругамъ:

„Стало быть, и это все — имъ!" думала Прасковья Павловна: „и теленочекъ, и курочка!"

Проходила ли по двору дѣвка Аринка, исправляющая въ домѣ должность прачки, неся на плечѣ коромысло, обремененное мокрымъ, сейчасъ только выполосканнымъ, бѣльемъ:

„Успокойся, милая!" думала сама съ собой Прасковья Павловна: „успокойся, подлячка! не долго тебѣ мыть! скоро, очень скоро..."

Но тутъ мысль ея запутывалась и, незамѣтно для нея самой, получала такія кудреватыя развѣтвленія, что не было никакой возможности уловить ихъ.

Даже преданная Акулина дѣлалась въ глазахъ ея чѣмъ-то въ родѣ отогрѣтой у пазухи змѣи.

— А вѣдь ты отъ меня сейчасъ же стречка дашь!—говорила она, когда Акулина, видя ея горесть и заботясь объ ней, какъ о маломъ ребенкѣ, приносила ей пирожка людского попробовать или сосенька съ молодымъ творожкомъ отвѣдать.

— Христосъ съ вами, сударыня! Куда мнѣ, старухѣ, отъ васъ зря бѣжать? вѣдь я васъ еще экоиькихъ знавала!

Акулина отмѣривала морщинистой рукой своей пространство на полъ-аршина отъ земли.

— Это нужды нѣтъ, что знавала!—продолжала неумолимая Прасковья Павловна:—я тебя насквозь, схидную, вижу! Лучше, что-ли, ты Феклушки-то?

— Нашли съ кѣмъ сравнить! ой, барыня!

— А останешься, такъ еще хуже того будетъ! навяжетесь вы мнѣ на шею, калѣки да хворые! Чѣмъ бы за мной походить, аиъ еще я за вами ухаживать должна... чай, и Сёмка останется!

— Покушайте-ка лучше, сударыня!

— Вотъ видишь, какъ ты со мной обращаться стала! ну, смѣла ли бы ты прежде меня бѣть принуждать! Нѣтъ, всѣхъ, всѣхъ съ глазъ долой!

Прасковья Павловна съ негодованіемъ отвергала подносимый ей жирный сочень, произнося при этомъ слѣдующія обидныя слова: „еще ядомъ, можетъ, обкормить меня хочешь!“

И все-таки я должепъ сознаться, что Прасковья Павловна была совсѣмъ не дурная женщина, и даже внутренно сама себѣ не вѣрила, обвиняя Акулину въ недостаткѣ преданности, а тѣмъ болѣе въ злостномъ желаніи обкормить ее. Она вполнѣ была убѣждена, что Акулина была преданнѣйшимъ и безотвѣтнѣйшимъ существомъ, какое только могло выработаться на русской почвѣ, подъ вліяніемъ тѣхъ горькихъ отношеній, которыя нѣкоторыми героями не безъ иронін называются патріархальными.

Она дѣйствительно знала, что Акулина возилась съ ней еще въ ту радужную пору, когда она была „экоиькой“, и что съ тѣхъ поръ завязалась между ними та неразрывная связь, по свойству которой въ глазахъ Акулины не было человѣка краше Прасковьи Павловны, а въ глазахъ Прасковьи Павловны не было ключницы честнѣе и

преданіе Акулины. Если и происходили у нихъ иногда стычки по поводу нѣкоторыхъ весьма невинныхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, пролитаго квася, безъ вѣсти пропавшаго кусочка сахара, еще вчера вечеромъ видѣннаго на комодѣ, разбитой тарелки и т. п., и если Прасковья Павловна никогда не пропускала случая назвать Акулину старой воровкой и разорительницей, то послѣдняя не только не обижалась этими импровизированными ласками, но, напротивъ того, считала бы, что въ жизни ея нѣчто недостаетъ, еслибы ихъ не было. Поэтому и настоящій казусный случай не только не измѣнилъ этихъ отношеній, но еще болѣе скрѣпилъ ихъ. Нерѣдко, когда барыня, безмолвствуя по цѣлымъ часамъ и перебирая въ умѣ своемъ всѣ ужасы, которые представляло угодливое ея воображеніе, смотрѣла въ окошко, Акулина потихоньку становилась въ дверяхъ ея комнаты и, пригорюнившись, смотрѣла на ненаглядную свою барыню.

— Куда это она огурцы несетъ? Куда она огурцы несетъ! — вскрикивала Прасковья Павловна, замѣтивъ, что дѣвочка Васютка воровски пробирается около забора, неся подъ фартукомъ деревянную чашку съ солеными огурцами:—Акулька! мерзкая! такъ-то ты барское добро бережешь!

Акулина опрометью бросалась изъ комнаты, чтобъ накрыть виновную съ поличнымъ.

— Ахъ, нѣтъ! — кричала ей вслѣдъ Прасковья Павловна: — ахъ, нѣтъ! оставь ее, Акулинушка! пусть ихъ ѣдятъ, ненасытныя! пусть все прахомъ пойдетъ!

И снова погружалась въ мечтательность. Въ такихъ тревогахъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ.

Однако Прасковья Павловна съ величайшимъ изумленіемъ вдругъ замѣтила, что въ теченіе этого времени вокругъ нея никакихъ существенныхъ измѣненій не произошло. По прежнему „дѣвки-поганки" подавали ей умываться и оправляли ея постель: по прежнему „Федька-подлецъ" чистилъ ножи, ставилъ самовары и подавалъ за обѣдомъ кушанья; по прежнему Авепирушка каждый вечеръ являлся за приказаніями... Даже пассажей особенныхъ не было, кромѣ нѣсколькихъ кражъ огурцовъ да изрѣдка раздававшихся робкихъ звуковъ гармоніи (что, впрочемъ, случалось и въ прежнее время).

Надо было истолковать себѣ это явленіе.

Но и тутъ Прасковья Павловна никакъ не могла вывести свою

мысль на прямую дорогу изъ круга сомнѣній и противорѣчій, въ которомъ она упорно вращалась.

„Нѣтъ, это они не даромъ!“ думала она иногда, по-своему зорко присматриваясь и прислушиваясь ко всему окружающему: „это они нарочно смиренниками прикинулись!“

И вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдомъ за этою черною мыслью, возникала въ умѣ ея другая, болѣе утѣшительная: „а что, если Грузиловъ наврал? что, если ничего этого нѣтъ, и все это звонъ и брехъ пустыхъ и неблагонамѣренныхъ людей?“

— Эти дворяжки кургузые только смуту заводятъ! Ѣздятъ по сосѣдямъ да только—тяфъ-тяфъ!..

Чтобъ положить предѣлъ этимъ мученіямъ, она рѣшилась ѣхать въ городъ, къ тому самому Семену Иванычу, въ которомъ, по свидѣтельству Грузилова, заключался первоначальный источникъ, изъ котораго струилось смутившее ее извѣстіе.

Городъ, обыкновенно тихій до мертвенности, былъ какъ-то неестественно оживленъ, когда въ него въѣхала Прасковья Павловна; по улицамъ суетливо сновали и щегольскіе возки, и скромные, обитые рогожей баулы, и лихія сани, запряженныя тройками, съ гремящими бубенчиками и заливающимися колокольцами.

Обстоятельство это не ускользнуло отъ вниманія Прасковьи Павловны.

— Ишь, черти, обрадовались!—произнесла она мысленно.

И съ этой минуты уже не сомнѣвалась. „Какъ только я это увидѣла,—разсказывала она въ тотъ же вечеръ Акулинѣ,— что они, съ позволенія сказать, какъ черти въ аду обѣнуются, такъ съ той же минуты и положилась во всемъ на волю Божію!“

Однако съ Семеномъ Иванычемъ повидалась, хотя бы для того, чтобъ испить чашу горечи до дна. Семенъ Иванычъ былъ всѣми уважаемый въ уѣздѣ старецъ и точно также ненавидѣлъ *этотъ ядъ*, какъ и Прасковья Павловна. Сверхъ того, онъ имѣлъ еще ту особенность, что говорилъ картаво и невнятно, но, взамѣнъ того, умѣлъ мастерски свистать по-птичьи, поддѣлываясь съ одинаковымъ успѣхомъ и подъ щелканье соловья, и подъ карканье вороны. Старики свидѣлись и немножко взгрустнули; Прасковья Павловна даже прослезилась.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ!—сказалъ Семенъ Иванычъ, въ грустномъ изумленіи простирая руки.

— И какъ все вдругъ измѣнилось, Семенъ Ивановичъ! — отвѣчала Прасковья Павловна.

Они сѣли другъ противъ друга и нѣсколько минутъ безмолвствовали, какъ бы боясь вымолвить тайное слово, обоихъ ихъ тяготившее.

— Правда?— произнесла наконецъ Прасковья Павловна.

— Правда,—отвѣчалъ Семенъ Ивановичъ, поникая головой.

Снова послѣдовало нѣсколько минутъ безмолвія, въ теченіе которыхъ собесѣдники, казалось, съ усиленнымъ вниманіемъ прислушивались къ бою маятника, въ этотъ разъ какъ-то особенно назойливо шатавшагося изъ стороны въ сторону. Что слышалось имъ въ этомъ несносномъ, мѣрномъ до тошноты „тикъ-такъ“? Слышалось ли, что каждый взмахъ маятника есть взмахъ, призывающій ихъ къ смерти? Чувствовалось ли, что кровь какъ будто застываетъ въ ихъ жилахъ, что во всемъ организмѣ ощущается тупое безпокойство и недовольство?

— Такъ прахъ же побери и совсѣмъ! — неожиданно вскрикнула Прасковья Павловна, шумно поднимаясь съ мѣста и съ сердцемъ отталкивая свой стулъ.

И кто бы могъ подумать! — она тутъ же начала упрекать Семена Ивановича, обвинять его въ вольтеріанствѣ и доказывать, какъ дважды два четыре, что это онъ своимъ поганымъ языкомъ все надѣлалъ.

— Вамъ бы только те-те-те да та-та-та!— разливалась она, очень удачно передразнивая Семена Ивановича: — вамъ бы только сплетни разводить да слухи распускать — вотъ и досплетничались! Можетъ быть, безъ вашихъ сплетней да шушуканьевъ и не догадался бы никто, и все было бы смирно да ладно!

Съ этихъ поръ спокойствіе ея было окончательно нарушено. Всякое произнесенное при ней слово, улыбка, взглядъ, движеніе руки, даже всякое явленіе природы — все мгновенно пріурочивалось ею къ одному и тому же вопросу, который всецѣло царилъ надъ всѣми ея помышленіями.

— Мутитъ-это, мутитъ все во мнѣ! хоть бы смерть, что-ли, поскорѣй пришла!— жаловалась она безпрестанно, оставаясь наединѣ съ Акулиной.

Что вы, что вы, сударыня! вѣдь ишь что выдумали!—урезонивала ее Акулина.

— Да куда же я пойду? ну, говори, дура, куда я дѣнусь-то?

—тосковала Прасковья Павловна: — въ богадѣльню меня не возьмутъ: я не мѣщанка! въ услуженіе идти — силъ моихъ нѣту! дрова колоть—такъ я и топора въ руки взять не умѣю!

— Чтой-то, Господи! ужъ и дрова колоть! — возражала Акулина.

— Нѣтъ, ты скажи, куда же я дѣнусь? Ты вотъ только грубіянничать да отвѣчать мастерица. Я слово, а она два! я слово, а она десять! А ты вотъ научи меня, куда мнѣ дѣваться-то? Въ скотницы, что-ли, по твоему, идти?.. Такъ врешь ты, холопка! еще не доросла ты до того, чтобъ барынѣ твоей въ скотницахъ быть!

Наконецъ пришла и весна. Обновилась ею вся природа, но не обновилась Прасковья Павловна. Таяніе снѣга, журчаніе воды и постепенное обнаженіе полей — явленія обыкновенно столь радостныя въ деревнѣ—возбуждали въ Прасковьѣ Павловнѣ досаду и озлобленіе, напоминая ей о приближающейся съ каждымъ днемъ развязкѣ.

— Тай, батюшка, тай! — говорила она, смотря на снѣгъ: — авось времечко скорѣй пролетитъ.

Прилетѣли скворцы. Въ этотъ годъ ихъ было какъ-то особенно много, и мигомъ наполнились всѣ скворешницы неугомоннымъ и болтливымъ ихъ населеніемъ.

Прасковья Павловна, которая всегда питала къ скворцамъ особенную нѣжность, на этотъ разъ возненавидѣла ихъ.

— Болтайте, скворки, болтайте!—говорила она: —точно наши дворняжки! болты-болты, и нѣтъ ничего!

Наконецъ загремѣлъ первый громъ. Вся природа разомъ встрепенулась и ожила: зелень какъ-то гуще окрасила листву деревъ и стебельки травы; растенія разомъ вытянулись, цвѣты раскрыли свои чашечки: муравейки закопошились, засуетились взадъ и впередъ по землѣ... Все кругомъ заблагоухало, все пришло въ движеніе, все затрепетало какимъ-то сладостнымъ, томительнымъ трепетомъ...

— Греми, батюшка, греми! — сказала Прасковья Павловна, услышавъ въ первый разъ этотъ призывъ природы къ жизни:— греми! громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится!

А тутъ еще и по дому непріятности безпрестанно выходятъ: то вдругъ Надёжка оказалась съ прибылью, то Ѳедька съ пьяныхъ глазъ легъ на горячую плиту спать... —Господи! Что же мнѣ дѣлать? что же мнѣ дѣлать?—тоскливо восклицаетъ Прасковья Павловна: — пить, и впрямь умирать пора!..

II.—Недавнія комедіи.

I. СОГЛАШЕНІЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Иванъ Павлычъ Сергѣевъ, молодой человѣкъ, уѣздный предводитель дворянства.

Андрей Карлычъ Кирхманъ, уѣздный судья, чистенькій, благообразный старичокъ.

Разумникъ Онуфріевичъ Примогеновъ, помѣщикъ, среднихъ лѣтъ; ходитъ прямо; виски приглажены; по срединѣ лба коко.

Иванъ Ивановичъ Петровъ, помѣщикъ, маленькій, кругленькій и до того сластолюбивый, что когда при немъ говорятъ о женщинахъ, то въ ногахъ его образуется движеніе въ родѣ того, какое замѣчается у очень влюбленнаго пѣтуха. Домашній другъ г-жи Антоновой.

Иванъ Ѳомичъ Сидоровъ, старикъ-помѣщикъ, скряга.

Отставной капитанъ Савва Саввичъ Постукинъ, помѣщикъ.

Целестинъ Мечиславичъ Мощиньскій, молодой помѣщикъ; между своими слыветъ подъ именемъ „выходца“.

Степанида Петровна Антонова, дама среднихъ лѣтъ; очень полна.

Софья Фавстовна Лизунова, вдова лѣтъ шестидесяти; лицо коричневое, платье коричневое; сидитъ прямо и ни на кого въ особенности не смотритъ; безпрестанно вынимаетъ изъ засаленной бумажки мятныя лепешки и сосетъ.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Сергѣева; театръ представляетъ просторную и довольно хорошо меблированную комнату. Антонова и Лизунова сидятъ въ глубинѣ сцены на диванѣ; Кирхманъ на стулѣ около Антоновой: рядомъ съ нимъ въ креслахъ расположился Примогеновъ, величественно протянувши ноги; Сидоровъ дремлетъ въ углу; Мощиньскій, заложивши руки въ карманы, юлитъ и суетится во всѣ стороны; Постукинъ, съ чубучищемъ въ рукахъ, ходитъ по комнатѣ, по временамъ останавливается и хочетъ нѣчто сказать, но, пожевавши губами, стискиваетъ въ рукѣ чубукъ и опять отправляется въ путь; Петровъ придерживается преимущественно той стороны сцены, гдѣ находится Антонова.

СЦЕНА I.

Всѣ, кромѣ Сергѣева.

Мощиньскій. Мнѣ дѣвки выгодны! Мнѣ дѣвки больше дохода приносятъ!

Антонова. А вѣдь объ этомъ надо подумать, Софья Фавстовна!

Лизунова (*бормочетъ*). Я ужъ подумала, Степанида Петровна, я подумала.

Антонова (*вздыхая*). Хорошо, какъ кто думать можетъ! А вотъ я: и сама думать не могу, и Семенъ Семенычъ у меня не приученъ... хоть ты что хочешь!

Примогеновъ. Слишкомъ строго вы его держите, Степанида Петровна!

Антонова. Да какъ и не держать-то. Разумникъ Федотычъ! Вѣдь онъ у меня ни на часъ безъ проказъ! Намедни, надо было мнѣ къ Маріѣ Ивановнѣ съѣздить; вотъ я ему и говорю:—ты, Сенечка-душечка, посиди около дѣтей, пока я съѣзжу!— „Слушаю, душечка“, говоритъ. Только что жъ бы вы думали? не успѣла я за ворота выѣхать, какъ онъ въ ту же минуту подобралъ с[illegible]ку: Ваньку столяра да Гонку подлеца, да и укатили въ „Дор[illegible]“ пьянствовать! Насилу-насилу ужъ на другое утро пьянаго-расп[illegible]наго подлѣ дороги нашли!

Петровъ. Это точно-съ; еще надобно удивляться, какъ Степанида Петровна покойны могутъ быть!

Антонова. Нѣтъ, ужъ я теперь научилась; я его на ключъ въ спальной заперла!

Мощиньскій (*на ухо*). Мнѣ дѣвки выгодиѣе! Мнѣ дѣвки больше дохода приносятъ!

Антонова. Да тьфу... дѣвки! А я вотъ, съ большого-то ума, еще третьёводнись за семьдесятъ бумажекъ на выводъ дѣвку продала!

Петровъ. Да еще какую канареечку-съ!

Антонова. Поди-ка, другіе какіе барыни получаютъ! Полтораста серебрецовъ на кругъ! Тутъ чай вѣдь всякія. Андрей Карлычъ? и худая, и хорошая?

Кирхманъ. Всякія-съ.

Антонова. А я вотъ за семьдесятъ бумажекъ! Люди за полтораста серебрецомъ, а я за семьдесятъ бумажекъ! Люди всякую: и худую, и хорошую, а я самую что ни на есть лучшую! Ай да я! Ай да Степанида Петровна! (*Всѣ смѣются.*) Смѣйтесь, батюшки, смѣйтесь!

Кирхманъ. Извольте просчитаться, сударыня.

Антонова. И никто-то вѣдь не скажетъ! (*Лизуновой.*) Вы, Софья Фавстовна, продали?

Лизунова. Продала... много... много продала.

Антонова (*добродушно*). Ну, вотъ счастье какое! Андрей Кар-

лычь! научите меня, родной, какъ бы третьёводнишнюю-то дѣвку воротить? Чай, еще замужъ-то не успѣла выдти?

Кирхманъ. Надо подумать-съ.

Антонова. Сейчасъ ужъ и думать! Для другихъ, небось, недумавши дѣлаете! И никто-таки слова не вымолвилъ! Что бы, кажется, по-христіански предупредить: вотъ-дескать, Степанида Петровна, какая выгода по хозяйству предвидится! Нѣтъ-таки. Ахъ, совсѣмъ нынѣче настоящаго христіанина не видно! (*Лизутова сочувственно киваетъ головой.*)

Кирхманъ. Это потому, сударыня, что нынѣче всякій прежде всего объ себѣ думаетъ. (*Лизутова киваетъ головой два раза.*)

Примогеновъ. Да; при современномъ вопросѣ, оно и не лишнее объ себѣ подумать... (*При словахъ: „современный вопросъ", Постукинъ внезапно останавливается передъ Примогеновымъ.*) Вы, капитанъ, сказать что-нибудь хотите? (*Постукинъ мнетъ губами, но, не сказавши ни слова, машетъ рукою и уходитъ.*)

Петровъ. Да, этотъ современный вопросъ... штучка!

Антонова (*задумчиво*). Да какъ же это, однако?! Вѣдь Прохладить-то купецъ, а купцамъ владѣть крѣпостными не велѣно?

Примогеновъ. Экъ васъ забота-то изсушила, сударыня!

Антонова. Да нѣтъ, вѣдь это выходитъ, что я на одной Аринкѣ рублей четыреста прозѣвала! Воля ваша, а я этого оставить не могу!

Примогеновъ. Ну, и не оставляйте.

Мощинскій (*на ухо*). Мнѣ дѣвки выгодиѣе! Мнѣ дѣвки больше дохода приносятъ!

Антонова. Ахъ, да хоть не мутите вы меня, дайте сообразить. Целестинъ Мечиславичъ! (*Кирхману.*) Какъ же ты-то, нѣмчикъ, позволяешь купцамъ дѣвокъ скупать?

Кирхманъ. Онѣ не проданы-съ; это такъ только, на разговорномъ языкѣ-съ... Все дѣло сдѣлано на законномъ основаніи-съ...

Примогеновъ. А вы, чай, все-таки, на всякій случай, въ судѣ не присутствовали?

Кирхманъ. По болѣзни-съ.

Петровъ. У насъ Андрей Карлычъ всегда въ такихъ случаяхъ прихварываетъ.

Примогеновъ. Пускай-мол другіе купаются! Что же, это резонъ! (*Лизутова многократно киваетъ головой.*)

Кирхманъ. Всегда по болѣзни-съ.

Петровъ. Намедни Анна Николаевна изъ-за двѣсти верстъ чуть не цѣлую деревню на фабрику пригнала... въ одно утро всѣхъ Андрей Карлычъ окрутилъ!

Кирхманъ. Не я, а судъ-съ.

Примогеновъ. Ай да Анна Николаевна!

Петровъ. Онъ, по вдовству, управляющаго при себѣ имѣютъ: онъ имъ это предпріятіе и внушилъ-съ...

Примогеновъ. Подите-ка: женщина, а какую аферу соорудила!

Петровъ. Какъ же не аферу-съ! Посудите сами: ихъ на фабрику-съ, стало быть, одними, можно сказать, ихними тѣлами всю цѣнность окупила; земля-то, стало быть, даромъ-съ, да сне имущества ихняго сколько!

Антонова (*внезапно появя, вскликиваетъ*). Ахъ, чортъ возьми! (*Общій смѣхъ.*)

Петровъ. И представьте себѣ, даже управляющаго-то этого сами для себя отыскали. Остановились онъ въ Москвѣ въ нумерахъ-съ; ну, натурально, какъ женщина молодая, къ коридорному-съ: гдѣ бы, говорятъ, такого управляющаго найтить...

Примогеновъ. Чтобъ изъ себя былъ не малъ и не тонь...

Антонова (*тихо*). Вотъ вѣдь мнѣ эдакого случая не выдается! (*Всѣ смѣются.*)

Мощинскій (*останавливаясь*). А я, господа, вотъ что придумалъ. Такъ какъ Прохладинъ всѣмъ намъ благодѣяніе сдѣлалъ, то, во-первыхъ, дать ему обѣдъ, а во-вторыхъ, просить, чтобъ и на будущее время дѣйствій своихъ по пріобрѣтенію не прекращалъ.

Петровъ. Ужъ Целестинъ Мечиславичъ всегда что-нибудь къ ущербу придумаютъ!

Антонова. На обѣдъ не согласна, а просить согласна. (*Лизунова киваетъ.*)

Кирхманъ (*разсудительно*). Я того мнѣнія, что если господинъ Прохладинъ принимаетъ въ этой операціи участіе, стало быть онъ усматриваетъ въ томъ для себя интересъ.

Примогеновъ. Основательно.

Петровъ. Знаете ли что, Целестинъ Мечиславичъ? Не лучше ли, вмѣсто обѣда-то, Ивану Данилычу транспарантъ поднести? Такъ-дескать и такъ: благодѣтельному куницу благодарные такіе-то...

Антонова (*перебивая*). Просять продолжать... Вотъ на это я согласна!

Петровъ. Обѣдъ-то вѣдь, Целестинъ Мечиславичъ, съѣстся-сь...

Мощинъскій. А транспарантъ останется... А что вы думаете, вѣдь это недурно!

Примогеновъ. Verba volant, scripta manent.

Сидоровъ (*крича во сне*). А? что? куда яблоко дѣла?

Петровъ. Ивану Ѳомичу и во снѣ-то видится, что у него яблоки воруютъ! А еще говорятъ, что одного чистоганчику у него тысячъ на двѣсти въ ламбардѣ лежитъ!

Антонова. Такъ что жъ что лежитъ! Стало быть, по вашему, коли у кого двѣсти тысячъ есть, такъ и смотрѣть сквозь пальцы, какъ все кругомъ растаскиваютъ да разворовываютъ?

Примогеновъ. Не бредитъ же, однако, сударыня!

Антонова. Нѣтъ, ужъ вы меня извините! Послѣ этого я должна заключить, что вы не хозяинъ! Я и сама не нищая, а яблоки воровать не позволю! (*Сидоровъ вздрагиваетъ во снѣ, вскакиваетъ, крестится, потомъ опять садится и засыпаетъ.*)

Примогеновъ. Да, двѣсти тысячъ—это достовѣрно! Вотъ Андрей Карлычъ знаетъ, откуда Ивану Ѳомичу тысячи-то достались! (*Кирхманъ снисходительно улыбается.*)

Антонова. Ахъ, я слышала, это цѣлый романъ!

Примогеновъ. Пожалуй, даже цѣлыхъ два. Вотъ Андрей Карлычъ знаетъ.

Петровъ. Андрей Карлычъ обо всѣхъ помаленечку знаютъ.

Кирхманъ. И не помаленечку-сь. (*Учтиво.*) Многимъ могу непріятности сдѣлать. (*Входитъ лакей. Его окружаютъ всѣ мужчины, кромѣ Сидорова. Постукинъ бросается къ лакею почти съ остервенѣніемъ.*)

Примогеновъ. Ну что. Сеня, какъ благодѣтель? проснулся?

Лакей. Умываются.

Примогеновъ. Ну, а насчетъ того... говорилъ что-нибудь?

Петровъ (*тончайшимъ фальцетомъ*). Разумникъ Федотычъ? мэ коммань де се шозъ... доместикъ иси!

Лакей. Не слыхать-съ. (*Хочетъ уйти.*)

Примогеновъ (*удерживая его*). Постой, постой, Сеня! А водку скоро подадутъ?

Лакей. Иванъ Павлычъ приказали до обѣда никому водки не давать. (*Общее впечатлѣніе. Послѣ ухода лакея слѣдуетъ нѣсколько минутъ молчанія.*)

Примогеновъ. Однако... это вещь!

Петровъ. Да-съ, это задача-съ! Бывало, шесть ли часовъ, девять ли, а ужъ какъ соберались дворяне, значитъ ту жъ минуту и водку на столъ волокутъ. (*Смотритъ на часы.*) А теперь бы и время-то самое настоящее!

Кирхманъ. Иванъ Павлычъ смолоду нерѣшительны были. Можетъ быть, насмотрѣлись нынѣче въ Петербургѣ, что въ хорошихъ домахъ не подаютъ водку безвременно—ну, и между нами обычай этотъ ввести желаютъ!

Примогеновъ (*значительно*). Дай Богъ! Дай Богъ!.. А по моему, такъ просто Иванъ Павлычъ нами гнушается!

Петровъ (*тихо Примогенову, указывая на Мощинскаго*). Разумникъ Осдотычъ! финессé! полонé ici!

Мощинскій (*останавливаясь посреди авансцены, къ зрителямъ.*) Мнѣ дѣвки выгодѣе! мнѣ дѣвки больше дохода приносятъ!

Антонова (*тоскливо*). Ахъ ты. Господи! совсѣмъ было даже забываться стала, а Целестинъ Мечиславичъ тутъ какъ тутъ... точно вотъ ядомъ! точно вотъ ядомъ!

Кирхманъ. Memento mori, сударыня! это значитъ: всякій помышляй о смертномъ часѣ!

Примогеновъ. Такъ, такъ! вотъ и намъ, можетъ, придется помышлять объ немъ... объ смертномъ-то часѣ! (*Постукиваетъ прислушивается.*) Вы, капитанъ, что-нибудь сказать желаете? (*Постукиваетъ горько улыбается, крутитъ усы и крѣпко стискиваетъ въ рукѣ чубукъ.*)

Антонова (*тихо Лизуновой*). Чтой-то, однако, Софья Фавстовна, Савва Саввичъ-то? Помнетъ-помнетъ губами, да и прочь пойдетъ! Помните, какой онъ развеселый да разговорчивый былъ?

Лизунова (*тихо*). Взволновать очень... отъ современнаго вопроса взволновать... не спитъ, не ѣстъ... только трубку... трубку только курить!

Петровъ. А любопытно бы знать, очень бы любопытно, какія-то Иванъ Павлычъ вѣсти изъ Питера вывезъ?

Антонова. Однако, позвольте васъ. Разумникъ Федотычъ, спросить, объ какомъ это вы смертномъ часѣ изволите говорить?

Примогеновъ. Точно вы, сударыня, маленькія!

Антонова. Нѣтъ, я не маленькая, а только если вы насчетъ этой эмансаціи говорите, такъ я вамъ вотъ что̀ скажу (*съ торжествующимъ видомъ*): ничему я этому не вѣрю! (*Постукивая опять горько улыбается.*)

Мощинскій. Молодецъ Степанида Петровна! Charmant! délicieux!

Антонова. Да, не вѣрю! вы вотъ мужчины, да вѣрите, а я и дама̀, да не вѣрю!

Примогеновъ. Позвольте однако...

Антонова. Я этимъ глупостямъ совсѣмъ, совсѣмъ не вѣрю! Я еще давеча всѣмъ своимъ дѣвкамъ сказала: дѣвки-подлянки! если вы этой эмансаціи дожидаетесь, такъ у насъ, говорю, становой недалеко! Такъ-это, стороной, дала имъ понятіе!

Примогеновъ. Повѣрите, Степанида Петровна, коли на бумагѣ покажутъ.

Антонова. Не повѣрю. Разумникъ Федотычъ!

Примогеновъ. И бумагѣ не повѣрите?

Антонова. И бумагѣ не повѣрю... потому не натурально.

Кирхманъ. Это весьма любопытно. (*Смѣется.*)

Антонова. Смѣйтесь, смѣйтесь, Андрей Карлычъ! Я вѣдь давно знаю, что у васъ змѣя на языкѣ. (*Кирхманъ смѣется сильнѣе.*) А я вотъ не вѣрю да и не вѣрю!

Примогеновъ. Зачѣмъ же вы пріѣхали, коли не вѣрите? Зачѣмъ Семена-то Семеныча безъ призору оставили?

Антонова. Скажите пожалуйста, какую вы власть надо мной взять хотите! Что жъ, по вашему, я и выѣхать безъ вашего позволенія не смѣй!

Примогеновъ. Успокойтесь, сударыня! Я это больше на тотъ предметъ сказалъ, что, можетъ быть, вы спички въ спальной забыли, такъ Семенъ Семенычъ...

Антонова (*всплеснувъ руками*). Ахъ, оставила! ахъ, оставила!

Примогеновъ. А это бываетъ. Прошлаго года у Андрея Петровича на деревнѣ крестьянскій мальчишка... взялъ, знаете, и на-

ложилъ подъ лавку щепочекъ да лучиночекъ: сѣмъ-ко я, дескать, яичницу сотворю.

Антонова. Ахъ, не убивайте!

Примогеновъ. И можете себѣ представить — вѣдь шутя, каналья, всю деревню спалилъ! (*Двери съ шумомъ отворяются; входитъ Сергѣевъ.*)

СЦЕНА II.

Тѣ же и Сергѣевъ (*бѣлокурый молодой человѣкъ весьма приличной наружности: кормитъ дипломата и потому бреетъ усы и бакенбарды и расчесываетъ сзади проборъ à l'anglaise: говоритъ тихо, нѣсколько переваливаясь; говоритъ отрывисто и вообще желаетъ принять начальственный тонъ; при появленіи его всѣ встаютъ*).

Примогеновъ (*кланяется, касаясь рукой до земли*). Отцу и благодѣтелю отъ сиротъ...

Мощиньскій. А мы, mon cher, глаза проглядѣли, васъ ждавши!

Сергѣевъ. Здравствуйте, господа! mesdames! (*Жметъ всѣмъ руки.*) А Иванъ Ѳомичъ по обыкновенію?..

Петровъ. А вы ему, Иванъ Павлычъ, гусара-съ... прикажете?

Сергѣевъ (*сухо*). Теперь не такое время, чтобъ шутками заниматься. (*Петровъ конфузится.*) Очень радъ, господа, видѣть васъ у себя.

Примогеновъ (*въ сторону*). Вонъ оно куда пошло! И гусары въ немилость попали! (*Громко.*) Благополучно ли въ Питеръ съѣздить изволили, благодѣтель?

Сергѣевъ. Благодарю васъ, я своей поѣздкой очень доволенъ.

Мощиньскій. Еще бы! нынче тамъ нашего брата провинціала обѣими руками хватаютъ!

Сергѣевъ. Это правда. Ѣдутъ отъ насъ... да! я имѣлъ честь объ этомъ со многими сановниками совѣщаться, и всѣ въ одинъ голосъ говорятъ: attendez, messieurs, вы будете призваны, чтобъ высказаться! Поздравляю васъ, господа!

Примогеновъ. Вотъ оно что-съ!

Мощиньскій. Au fait, оно и естественно, потому что мы вѣдь сердце Россіи.

Пимоѳеновъ. Объ чемъ же мы высказываться будемъ, благодѣтель?

Сергѣевъ. Въ этомъ отношеніи, господа, вы можете быть покойны. Конечно, объ насъ озаботятся и дадутъ что-нибудь... ну, руководство какое-нибудь...

Кирхманъ. Діалоги-съ. (*Сергѣевъ снисходительно улыбается.*)

Мощинскій. А вѣдь это отлично, mon cher, будетъ! Встанешь съ мѣста... разумѣется, поклонишься... (*Становится въ позу.*) „Господа! пользуясь дарованною намъ милостью, я прошу у васъ позволенія поговорить о различныхъ недугахъ, снѣдающихъ наше любезное отечество“...

Антонова. Гм... мы, кажется, по-добру по-здорову... Мудрено это! Чудно, право, чудно чтой-то вы говорите, господа! Слушаю я васъ, да только молчу! Слушаю да молчу!

Мощинскій (*запирая*). А что жъ, почтеннѣйшая Степанида Петровна, развѣ худо?

Антонова. Ужъ какіе мы, сударь, съ тобой говорители! Сидѣли цѣлый вѣкъ около печи да молчали! Развѣ по хозяйству что-нибудь распорядишься, такъ и тутъ больше рукой покажешь... а то говорить! Ну, позовутъ хоть меня, ну, посадятъ, разумѣется: „высказывайтесь-моль, Степанида Петровна, какая у васъ тамъ статистика... сколько коровушекъ, нидюшечекъ, поросяточекъ?“ А другой еще озорникъ подъѣдетъ: „сколько-моль у васъ денегъ въ шкатулкѣ, Степанида Петровна?“ Такъ, по вашему, я и должна на всѣ эти глупости отвѣчать? Какъ же! держи карманъ! (*Сергѣевъ, а за нимъ и прочіе смѣются; Лазутова сочувственно кивастъ головой.*)

Кирхманъ. А шкатулочка-то, видно, съ секретомъ, Степанида Петровна?

Антонова (*сантиментально*). Про то только Богъ можетъ знать, что у кого есть, Андрей Карлычъ! Тотъ, котораго считаютъ богачомъ, можетъ вдругъ оказаться бѣднымъ... такъ бѣднымъ, такъ бѣднымъ, что хуже Лазаря!..

Кирхманъ. Такъ-съ.

Антонова (*язвительно*). А тотъ, который весь вѣкъ притворяется нищимъ, вдругъ можетъ оказаться милліонщикомъ! (*Кирхманъ смѣется.*)

Мощинъскій. Нѣтъ, что касается до меня, то я непремѣнно воспользуюсь! (*Прохаживается по сцепѣ и жестикулируетъ. Къ Сергѣеву.*) А что, mon cher, нынѣшній петербургскій сезонъ очень веселъ былъ?

Сергѣевъ. Н-да... можетъ быть... но я, признаюсь, не тѣмъ былъ занятъ...

Примогеновъ (*въ сторону*). Въ носу ковырялъ! (*Громко.*) Ужъ пойдутъ ли на умъ веселости, благодѣтель! чай, однихъ вопросовъ, проектовъ да соображеній и невѣсть что!

Сергѣевъ. Да, я-таки поработалъ! (*Смотритъ на всѣхъ усталыми глазами.*)

Мощинъскій. Ну нѣтъ, я бы не вытерпѣлъ, я бы ничего не пропустилъ! Представьте себѣ, господа, что нынче въ Петербургѣ устрицы цѣлую зиму не переводились! Кронштадтскій рейдъ такъ-таки и не замерзалъ совсѣмъ! Ужъ я бы попотребилъ ихъ—ручаюсь!

Петровъ. Охотники-съ?

Мощинъскій. А главное, то въ Петербургѣ хорошо, что все такъ деликатно! Возьмите самую простую вещь: какую-нибудь котлетку у Дюссо—вѣдь весело посмотрѣть, какъ все это подается! Не то, что гдѣ-нибудь въ Новотроицкомъ, гдѣ одной салфеткой три поколѣнія утираются! (*Къ Сергѣеву.*) Не правда ли, cher?

Сергѣевъ. Н-да... можетъ быть... впрочемъ, каюсь: я какъ-то не тѣмъ былъ занятъ.

Петровъ. Ну нѣтъ, Целестинъ Мечиславичъ, и Новотроицкій обходитъ для чего-съ! Тамъ тоже ламповъ такое есть, что пальчики оближешь!

Мощинъскій. Нашли съ чѣмъ равнять! Нѣтъ, господа, только тамъ, среди этого вихря приличій, можно постигнуть, до чего можетъ дойти comme il faut! Даже въ самомъ себѣ вдругъ чувствуешь перемѣну: точно вотъ на высоту взошелъ, и все это передъ тобой открывается! Чувства совсѣмъ не тѣ дѣлаются; манера, поступь... все совершенно другое!

Примогеновъ. Генераловъ много передъ глазами, Целестинъ Мечиславичъ! Смотришь это на нихъ, ну и самъ чѣмъ-нибудь заразишься! (*Сергѣевъ лѣниво улыбается. Нѣсколько минутъ молчанія.*)

Антонова. Ахти-хти-хти! Слушаешь васъ, да только дивуу

дешься! И устрицы, и генералы, и Богъ знаетъ, чего вы еще не прилетете! А объ дѣлѣ то, объ кровномъ-то, хоть бы слово!

Мощиньскій. Да вѣдь вы не вѣрите, Степанида Петровна?

Антонова. Все же, сударь, любопытно! Иногда и мельница мелетъ, и ту послушать любопытно! Болты-болты — и нѣтъ ничего!.. ну, и отойдешь!

Кирхманъ. У начальства, конечно, побывать изволили, Иванъ Павлычъ?

Сергѣевъ. Разумѣется. Ну, конечно, приняли меня какъ нельзя лучше. Вообще, господа, должно сознаться, что Петербургъ сталъ неузнаваемъ. Я имѣлъ честь понравиться многимъ значительнымъ лицамъ... бесѣдовалъ съ ними... представлялъ мои резоны... даже противорѣчилъ, и никто ни разу не сказалъ мнѣ ничего непріятнаго!

Мощиньскій. Согласитесь, что это прогрессъ!

Петровъ (*Примогенову*). Что жъ онъ, однакожъ, объ дѣлѣ-то? Начните хоть вы, Разумникъ Ѳедотычъ!

Примогеновъ. А у насъ, Иванъ Павлычъ, слухи какіе-то безобразные пали... (*Постукивая приближается.*)

Сергѣевъ (*глубокомысленно*). Н-да?

Примогеновъ. Такіе слухи, что будто бы того... совсѣмъ будто бы ничего не будетъ!

Петровъ. Намедни у меня Степанида скотница продать кой-что по хозяйству въ городъ ходила, такъ на базарѣ такого, говоритъ, страмословія наслушалась, что даже волосъ дыбомъ всталъ!

Антонова. У скотницы-то? Перекрестись, батюшка!

Петровъ. А что жъ, Степанида Петровна, развѣ это не можетъ быть? Она преданная-съ...

Антонова. Да хоть распреданная, а волосы-то у ней все-же, чай, въ косу заплетены! (*Петровъ конфузится.*) А по моему, Иванъ Павлычъ, такъ ровно никакихъ слуховъ нѣтъ. Извѣстно, разносчики французскую революцію распускаютъ. Такъ это и прежде бывало, и нынѣче есть. Покойникъ батенька, какъ служилъ исправникомъ, сколько ихъ за это сѣкалъ!

Примогеновъ. Надо бы, благодѣтель, насчетъ этого дѣла ладкомъ да миркомъ посудить!

Кирхманъ. И мнѣ, Иванъ Павлычъ, изъ Петербурга пишутъ, что есть что-то.

Сергѣевъ. Ну да, ну да. Потолкуемте, господа. Я очень радъ васъ у себя видѣть. Дѣйствительно, нынче въ Петербургѣ все какъ-то объ меньшей братіи разсуждаютъ.

Примогеновъ. Гм... те-э-къ-съ.

Сергѣевъ. Что жъ, это нашъ долгъ... это, можно сказать, наша первая обязанность... (*Постукинъ выдается впередъ.*) Вамъ угодно высказать ваше мнѣніе, капитанъ?

Постукинъ (*пошевелитъ губами и наконецъ издастъ какой-то звукъ.*)

Сергѣевъ. Я полагаю, господа, что и съ христіанской точки зрѣнія меньшая братія заслуживаетъ...

Примогеновъ. Те-э-къ-съ.

Сергѣевъ. Какъ члены просвѣщеннаго сословія, мы съ своей стороны обязаны... это нашъ первый долгъ, господа! Я былъ во многихъ аристократическихъ салонахъ въ Петербургѣ, и вездѣ, рѣшительно вездѣ только и разговору, что объ меньшей братіи. Даже дамы —и тѣ... vraiment!

Антонова. А я бы имъ, Иванъ Павлычъ, языкъ-то къ пяткѣ пришила, такъ онѣ бы узнали, что значитъ ротъ-то непокрытый держать!

Сергѣевъ (*снисходительно*). Вы, Степанида Петровна, все по-прежнему?

Антонова. Что, батюшка, попрежнему? Ты-то съ чего свихнулся у насъ, отецъ? Бумагу, что-ли, изъ Питера вывезъ?

Примогеновъ. Да, благодѣтель, если ужъ у васъ бумажка есть, такъ вы бы ужъ потрудились...

Мощиньскій. А по мнѣ, такъ хоть завтра; я свои мѣры принялъ! (*Въ сторону.*) Завтра же чѣмъ свѣтъ всѣхъ къ Прохладину!

Сергѣевъ. Дѣйствительно, господа, у меня есть бумага. Эй Семенъ! (*Входитъ лакей.*) Тамъ, въ карманѣ дорожнаго пальто, есть бумага: подай ее сюда! (*Лакей уходитъ.*)

Антонова. Любопытно это: очень это любопытно.

Сергѣевъ. Впрочемъ, господа, я долженъ вамъ напередъ сказать, что съ своей стороны я ужъ достаточно убѣжденъ, что безъ „этого" нельзя обойтись. Въ Петербургѣ всѣ лучшіе умы такъ думаютъ. (*Рѣшительно.*) Для меня ясно, какъ день, что безъ вольнаго труда мы скоро должны будемъ сойти на степень второстепенной

державы: слѣдовательно, какое бы вы ни предприняли рѣшеніе, я все-таки буду дѣйствовать согласно съ моими убѣжденіями! (*Лакей входитъ съ бумагой, которую Постукинъ вырываетъ изъ рукъ его. Всѣ, кромѣ женщинъ и Сергѣева, бросаются къ нему. Нѣсколько времени по комнатѣ раздается гулъ.*)

Антонова. Любопытно это! очень любопытно! Точно шмели! точно шмели! (*Судорожно смѣется.*)

Примогеновъ (*громко*). „Первое“...

Антонова (*захлебываясь*). Ну, первое, и четвертое, и десятое! (*Дразнится.*) И десятое, и десятое, и десятое! И ничему этому я не вѣрю!

Сергѣевъ. Позвольте, однакожъ, Степанида Петровна, господамъ дворянамъ заняться.

Антонова. Ну, и пускай занимаются! Пусть занимаются — я не мѣшаю! Я только то знаю, что завтра же (*смотритъ на Петрова*) къ господину губернатору „бумажка“ полетитъ, что въ нашемъ уѣздѣ вольныя мысли распространяются! (*Чтеніе прекращается: Постукинъ стоитъ мрачно и крутитъ усы: прочія лица озабочены.*)

Лизунова. Мнѣ бы... бумажку бы мнѣ почитать! (*Петровъ подаетъ ей.*)

Антонова. Позвольте-ка! позвольте-ка! (*Заглядываетъ въ бумагу черезъ плечо Лизуновой.*) Какая же это бумага? Первое дѣло (*читаетъ*): „господину начальнику“ —анъ тутъ вонъ пустое мѣсто оставлено! Какому начальнику? какой губерніи? Анъ, можетъ быть, до нашей-то и не дойдетъ никогда!

Сергѣевъ (*смѣется*). Ну, а второе что-съ?

Антонова. А второе, что всякая бумага, коли она бумага, должна быть на гербовой. Я, батюшка мой, сама и невѣсть что денегъ за гербовую переплатила... я знаю! Нѣтъ, воля ваша, а это обманъ! Это такой обманъ, что даже самый (*ищетъ слова*)... самый фальшивый обманъ!

Сергѣевъ. Такъ не вѣрите?

Антонова. Не вѣрю, не вѣрю и не вѣрю! Покажите мнѣ на гербовой, тогда повѣрю.

Кирхманъ. Однако, сударыня, это дѣло очень серьезное! вы бы не мѣшали намъ!

Антонова (*стала на своем*). Покажите на гербовой—тогда повѣрю!..

Кирхманъ. Убѣдительно просимъ васъ дать намъ заняться! дѣло слишкомъ серьезно...

Антонова. Ничего я тутъ серьезнаго не вижу.

Кирхманъ. Въ такомъ случаѣ, мы, съ позволенія Ивана Павлыча, перейдемъ въ другую комнату, чтобъ вы не мѣшали.

Антонова. Ну, молчу... Ахъ, батюшки, какой грозной! Молчу, сударь, молчу! (*Водворяется молчаніе.*)

Сергѣевъ. Какъ же вы думаете, господа?

Примогеновъ. Ужъ вы бы намъ прежде свое мнѣніе высказали, Иванъ Павлычъ!

Сергѣевъ. Н-да... то-есть, вы желали бы узнать мои убѣжденія, съ тѣмъ, чтобъ принять ихъ на будущее время въ руководство? Очень радъ-съ, очень радъ-съ. Я не имѣю надобности скрывать мои убѣжденія, господа! Мои убѣжденія смѣлы, открыты, непоколебимы! Я не скрывалъ ихъ передъ высшимъ начальствомъ, охотно подѣлюсь и съ вами. Итакъ, я убѣжденъ, милостивые государи, что нашъ первый долгъ, наша, можно сказать, первѣйшая обязанность—какъ можно скорѣе доказать, что мы люди и ничто человѣческое не чуждо намъ. Кромѣ того, что это доставитъ намъ случай насладиться сознаніемъ свято исполненнаго долга, это покажетъ насъ, въ глазахъ цѣлой Россіи, какъ людей, сочувствующихъ современному направленію умовъ. Откровенно говоря, съ нашей стороны было бы очень любезно... вызваться самимъ... предложить свои услуги... однимъ словомъ, что-нибудь въ этомъ родѣ... Я надѣюсь, господа, что вы меня поняли?

Кирхманъ. Понять можно-съ. Это тѣмъ болѣе необходимо. Иванъ Павлычъ, что если мы *теперь* не вызовемся, то завтра или тамъ на будущей недѣлѣ все-таки придется вызваться.

Сергѣевъ. Это иначе не можетъ и быть. Во время пребыванія моего въ Петербургѣ я имѣлъ случай убѣдиться, что въ настоящемъ дѣлѣ вопросъ поставленъ слишкомъ ясно, чтобъ можно было допустить какія-нибудь сомнѣнія. Разсужденія, противорѣчія, представленія и т. п. тогда только хороши и умѣстны, когда въ нихъ ощущается потребность самими тѣми... (*щелкаетъ выраженія*) однимъ словомъ, тѣми, которые имѣютъ на это конфиденціальное, такъ сказать, полномочіе: въ настоящемъ же случаѣ потребности этой не ощу-

щается. Я какъ сейчасъ помню мой разговоръ объ этомъ съ графомъ Петромъ Петровичемъ: „согласитесь, mon cher, сказалъ онъ мнѣ, что человѣкъ, который стоитъ на высотѣ, имѣетъ гораздо болѣе возможности разсмотрѣть всѣ эти виды, перпективы и тому подобное, нежели человѣкъ, стоящій въ ямѣ". Я совершенно согласенъ съ графомъ Петромъ Петровичемъ. (*Закидываетъ назадъ голову.*) А потому убѣжденія мои въ этомъ дѣлѣ такъ опредѣленны и такъ тверды, что я не только себѣ, но и другимъ не позволю отступить отъ нихъ ни на шагъ!

Примогеновъ. Стало быть, ужъ и разсуждать нельзя. Иванъ Павлычъ?

Сергѣевъ (*сухо*). Нельзя-съ.

Петровъ (*въ сторону*). Смотрите-ка, генералъ какой выискался!

Антонова. Видно, ужъ вы въ губернаторы къ намъ поставлены, Иванъ Павлычъ, что такъ цыцкаете? Такъ нынче и губернаторы ужъ не цыцкаютъ: напротивъ того, лѣтось пріѣзжалъ генералъ-то въ городъ, собралъ дворянъ: „поговорите, говоритъ, господа! поговорите! я, говоритъ, васъ послушаю!"

Сергѣевъ (*сухо*). А я слушать не желаю.

Антонова. Не знаю... ужъ не будетъ ли это слишкомъ строго?

Примогеновъ (*въ полголоса*). Какъ же мы, однакожъ, такимъ манеромъ „высказываться"-то будемъ? (*Наступаетъ нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія.*)

Сергѣевъ. Слѣдовательно, господа, вамъ извѣстны теперь мои убѣжденія, и такимъ образомъ вамъ предстоитъ за симъ одинъ трудъ: въ точности сообразоваться съ ними. Теперь, если вы желаете переговорить между собой, я не хочу стѣснять своимъ присутствіемъ свободное выраженіе вашихъ мыслей. Я либералъ не на словахъ только, но и на дѣлѣ; я вездѣ и во всемъ ищу свободы... одной свободы! Я оставляю васъ, господа, но предваряю, что никакое возраженіе въ ретроградномъ смыслѣ мною допущено не будетъ. Въ этомъ случаѣ я буду твердъ и неумолимъ. Подумайте... обсудите... и когда вы рѣшитесь, то дайте мнѣ знать: я весь къ вашимъ услугамъ! (*Встаетъ и звонитъ; входитъ лакей.*) Семенъ! можешь дать водки господамъ дворянамъ! (*Величественно озираясь, выходитъ.*)

Мощиньскій (*вслѣдъ ему*). И я за вами, mon cher! Я ужъ рѣшился! Стало быть, мнѣ разсуждать тутъ не объ чемъ! (*Уходитъ.*)

СЦЕНА III.

Тѣ же, кромѣ Сергѣева и Мощиньскаго. (*Нѣсколько времени проходитъ въ глубокомъ безмолвіи. Постукинъ дѣлаетъ движеніе чубукомъ и держитъ его на вѣсу. Первая просыпается отъ оцѣпенѣнія Антонова.*)

Антонова (*передразнивая Сергѣева*). Фу-фу-фу, ту-ту-ту, фить-фить-фить! И все вышелъ нѣтъ! Такъ тебя и послушались. Мамелія Тимоѳевна! (*Къ Постукину.*) Ты-то что, батюшка, стоишь, словно блаженный, да чубучищемъ-то помахиваешь! (*Постукинъ желаетъ говорить.*) Нечего, нечего на насъ-то махать,—ты бы на него помахалъ! Онъ говоритъ, а они-то молчатъ! Онъ разглагольствуетъ—а они-то помалчиваютъ! Онъ-то разсыпается—а они-то усищами пошевеливаютъ! Точь въ точь тараканы! Ай-да отцы родные! ай-да защитители! (*Указываетъ на Кирхмана.*) И нѣмчикъ-то, и миротворецъ-то нашъ! Вмѣсто того, чтобъ молокососу носъ утереть, а онъ только сидитъ да ножками стучитъ! (*Кирхманъ смѣется.*) Смѣйся, сударь, смѣйся! Я вотъ одного такого знала, тоже все смѣялся: хи-хи-хи! да ха-ха-ха! да такъ на всю жизнь со смѣхомъ и остался. Кинулись-это къ нему, анъ у него ужъ и ротъ на сторону свело. Вотъ тебѣ и ха-ха-ха! (*Общій смѣхъ.*)

Примогеновъ. Да, крутенекъ-таки сталъ Иванъ Павлычъ! Однако это удивительно, какая въ немъ вдругъ перемѣна сдѣлалась! Какъ поѣхалъ отъ насъ, какой, кажется, былъ благонамѣренный!

Петровъ. И какіе веселые были! Бывало, ужъ никакъ безъ того не обойдутся, чтобъ надъ Иваномъ Ѳомичемъ не пошутить, а нынче даже разгнѣвались...

Антонова. Никогда онъ благонамѣреннымъ не бывалъ. Я еще въ рубашонкѣ его знавала—и тогда ужъ змѣей смотрѣлъ. Такъ, бывало, и посинѣетъ весь, такъ и закатится.

Лизунова. Пискунъ былъ... пискунъ, пискунъ былъ! (*Качаетъ головой.*)

Петровъ. А помните, Разумникъ Ѳедотычъ, какъ они однажды Ивану Ѳомичу усы нарисовали, а на голову-то песочку посыпали... сколько въ ту пору смѣху у насъ было!

Антонова. Смѣялись да смѣялись, а теперь вотъ плакать да плакать приходится.

Петровъ. Нарядиться ли, бывало, съ дѣвушками ли поиграть— на все первый сортъ были!

Кирхманъ. Позвольте, господа! что̀ было, того ужъ не воротить, а намъ теперь предстоитъ предметомъ своимъ заняться. Итакъ, начнемъ.

Антонова. Выручайте, батюшки! выручайте!

Кирхманъ. Ну-съ. Иванъ Иванычъ, ваше мнѣніе?

Петровъ (*смущаясь*). Я-съ... тово-съ... я-съ... конечно-съ... Отчего же вы, однакожъ, Андрей Карлычъ, съ меня-съ? Тутъ вѣдь и другіе господа дворяне есть!

Кирхманъ. Отчего же не съ васъ-съ?

Петровъ. Нѣтъ, Андрей Карлычъ, это вы по злобѣ на меня, какъ вы надѣетесь меня этимъ сконфузить...

Кирхманъ. Ну-съ, стало быть Иванъ Иванычъ мнѣнія не имѣютъ... (*Обращается къ Примогенову.*)

Петровъ (*взволнованный*). Нѣтъ-съ, вы меня извините, Андрей Карлычъ, я свое мнѣніе очень имѣю! Я, Андрей Карлычъ... желаю-съ!

Кирхманъ. Чего вы желаете?

Петровъ. Да-съ... желаю-съ! хоть это, можетъ быть, *нѣкоторымъ* и непріятно, однако я бунтовщикомъ никогда не былъ-съ!

Антонова. Экъ, батюшка, вывезъ!

Кирхманъ. Ну-съ, стало быть, это разъ. Вы-съ? (*Обращается къ Примогенову.*)

Примогеновъ. Полагаю принять къ свѣдѣнію... но не къ руководству!

Кирхманъ. Вы, капитанъ? (*Постукивая потрясаетъ головой.*) Понятно. Вы, Софія Фавстовна?

Лизунова. Не знаю... не знаю... ничего я не знаю...

Антонова. А я такъ и знать ничего не хочу!

Кирхманъ. Итакъ, мнѣнія собраны. Одинъ голосъ *за*, три— *противъ*, одинъ сомнительный. Результатъ довольно благопріятный. Что до меня, господа, то вы, конечно, не удивитесь, если я скажу, что вполнѣ согласенъ съ Иваномъ Иванычемъ (*не безъ ироніи*)... потому что бунтовщикомъ никогда не былъ и быть не желаю!

Антонова (*встаетъ и приседаетъ передъ Кирхманомъ*). Подарилъ, голубчикъ!

Кирхманъ. Да-съ, я согласенъ съ Иваномъ Иванычемъ и имѣю на то свои основательныя причины. Я очень знаю, что коль скоро это дѣло пошло въ ходъ, то намъ *не желать* нельзя. Сегодня мы не желаемъ, завтра не будемъ желать, а ужъ послѣ-завтра пожелаемъ... непремѣнно!

Антонова. Не знаю; развѣ языкъ изъ меня вытянутъ или мысли въ головѣ совсѣмъ разобьютъ!

Кирхманъ. И разобьютъ-съ. Слѣдственно, намъ прежде всего нужно посѣщить заявленіемъ нашей готовности, а потомъ... (*вполголоса*), а потомъ можно будетъ оставить все попрежнему-съ...

Петровъ (*хихикая отъ удовольствія, тончайшимъ фальцетомъ*). А потомъ можно будетъ оставить все попрежнему!

Антонова. Вотъ на это я согласна!

Примогеновъ. Это похоже на дѣло. Что называется, изморомъ, то-есть, изморомъ, изморомъ ее!

Антонова. Эмансацію-то!

Кирхманъ. Разумникъ Ѳедотычъ постигъ мою мысль во всемъ ея объемѣ. Въ дѣлахъ такого рода, господа, прежде всего форму соблюсти надо, чтобъ все глядѣло прилично и гладко.

Петровъ (*хихикая*). А потомъ оставить все попрежнему. Безподобно!

Кирхманъ. Объясню вамъ это примѣромъ. Былъ у меня въ судѣ секретарь. Бывало, позовешь его, разъяснишь, что такое-то дѣло слѣдуетъ рѣшить такъ-то. Вотъ онъ приготовитъ все, поднесетъ къ подписи; смотришь—совсѣмъ не то! Опять призовешь его, опять внушишь; на другой день онъ опять приготовитъ, и опять не то. И до тѣхъ поръ такимъ образомъ дѣйствуетъ, покуда не махнешь на все рукой и не подпишешь, какъ ему хочется. Не можемъ ли мы изъ этого примѣра извлечь для себя поученіе?

Примогеновъ. Можно!

Петровъ. Даже очень можно-съ!

Кирхманъ. Или вотъ примѣръ еще болѣе практическій. Бывало, когда губернское начальство требуетъ отъ суда какихъ-нибудь очень непріятныхъ объясненій, я всегда поручалъ объясняться этому секретарю. Я дѣлалъ это въ томъ уваженіи, что господинъ секре-

тарь имѣлъ дарованіе писать столь обширно и столь непонятно, что губернское начальство удовлетворялось немедленно.

Петровъ. Какъ же! какъ же! Бывало, мы такъ и говаривали ему: напиши-ка, братъ, Иванъ Дорофеичъ, объясненьице да съ прилетеньицемъ!

Кирхманъ. Не можемъ ли мы, господа, и изъ этого примѣра извлечь для себя поученіе?

Примогеновъ. Ничего, можно!

Петровъ. Даже очень можно-съ!

Кирхманъ. Итакъ, господа, въ настоящемъ положеніи дѣла я еще не вижу причины огорчаться. Я думаю, что не только слѣдуетъ безусловно исполнить желаніе нашего достойнаго представителя, но не мѣшало бы даже для вида прикинуть что-нибудь! Такъ, самую малость... по части чувствъ!

Примогеновъ. Букетами, то-есть, пустить!

Петровъ (*окончательно повеселѣвъ, почти визжитъ*). А потомъ оставить все попрежнему!

Кирхманъ. Ибо прежде всего надобно смотрѣть на дѣло прямо, не пугаясь его. Если вообще во всякомъ предметѣ есть своего рода мягкое мѣсто, то отчего же и здѣсь ему не быть?

Примогеновъ. Это совершенно справедливо.

Кирхманъ. А если есть это мягкое мѣсто, то зачѣмъ же намъ заранѣе тревожиться опасеніями, быть можетъ и воображаемыми? Не лучше ли приступить къ дѣлу съ легкимъ сердцемъ и устроить такимъ образомъ, чтобъ все осталось попрежнему?

Антонова. Ахъ, какъ это хорошо! Я ужъ теперь начинаю чувствовать, какъ все это во мнѣ дрожитъ!

Кирхманъ. Это оттого, сударыня, что вы благодѣтельствовать очень любите.

Антонова. А что вы думаете, Андрей Карлычъ! Я вотъ иногда сижу одна, и все думаю, и все думаю: что вотъ у насъ и курочка-то есть, и поросеночекъ-то есть, и всего-то довольно, и всѣмъ-то мы изобильны, а у нихъ ничего-то, ничего-то этого нѣтъ! Нѣтъ, какъ ни говорите, а это ужасно!

Примогеновъ. Вотъ оно что значитъ нѣмецкая-то нація! Куда бы мы дѣлись безъ нѣмцевъ! Сейчасъ Андрей Карлычъ все разрѣшилъ, даже Степаниду Петровну въ чувство привелъ!

Антонова. Меня, Разумникъ Ѳедотычъ, въ чувство очень привести можно! Ахъ, кабы кто только зналъ! Ахъ, кабы кто только зналъ! Все-то это во мнѣ ослабло! Ничего-то во мнѣ крѣпкаго нѣтъ!

Кирхманъ. Стало быть, разногласія нѣтъ, господа?

Всѣ. Согласны! согласны!

Петровъ. Позвольте, надо у Ивана Ѳомича мнѣніе спросить.

Антонова. Да ужъ отстань, стрекоза! что̀ его, убогаго, трогать! Иванъ Ѳомичъ! Иванъ Ѳомичъ! (*Сидоровъ пробуждается и смотритъ крупомъ съ изумленіемъ.*)

Петровъ. Иванъ Ѳомичъ! все кончено, домой ѣхать пора! (*Всѣ смѣются: Сидоровъ молча достаетъ изъ-подъ стула шапку.*)

Кирхманъ. Слѣдственно мы и Ивану Павлычу можемъ сказать, что согласны?

Всѣ. Согласны! Согласны!

Петровъ. Не хватить ли „уру“, господа? (*Постукиваетъ дѣлаетъ рѣшительное движеніе впередъ.*)

Примогеновъ. Господа! капитанъ предику сказать желаетъ! (*Молчаніе.*)

Постукинъ (*долго жуетъ губами, но наконецъ говоритъ*). Согласенъ! да! я согласенъ! Только ужъ тово... по мордасамъ... ббоуду! Хоть мииліонъ штрафу... а ббоуду! (*Смѣхъ и рукоплесканія.*)

Антонова. Ахти-хти-хти! Вотъ и веселье наше къ намъ воротилося!

(*Занавѣсъ опускается.*)

II. ПОГОНЯ ЗА СЧАСТЬЕМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Зубатовъ.
Кузнеевъ, старичокъ лѣтъ семидесяти; одѣтъ бѣдно.
Пересвѣтъ-Кава, сорока лѣтъ, отставной ротмистръ, бель-омъ съ весьма любезными манерами; говоритъ съ акцентомъ.
Кувшинниковъ, штабсъ-капитанъ.
Пьеръ Уколкинъ
Simon Накатниковъ } молодые люди; цвѣтъ и надежда Глупова.
Сеня Бирюковъ.
Мадамъ Артамонова.
Антоша, ея сынъ, восемнадцати лѣтъ.
Дама подъ вуалемъ.
Дежурный чиновникъ.

Театръ представляетъ пріемную комнату въ домѣ Зубатова. Бьетъ десять часовъ.

СЦЕНА I.

(*Дежурный чиновникъ, молодой человѣкъ, сидитъ около окна и ничѣмъ въ особенности не занимается: иногда положитъ одну ногу на другую крестомъ, иногда обѣ ноги уставитъ на полъ: иногда взглянетъ на потолокъ и задумается; иногда устремитъ глаза въ уголъ и тоже задумается.*)

Чиновникъ. Что бы такое сегодня вообразить? Удивительно, какъ это уединеніе дѣйствуетъ! Барыни какія-то являются, цѣлый романъ въ головѣ происходитъ. Если бы я теперича сосчиталъ, сколько меня, со времени поступленія моего въ канцелярію, барынь полюбило, порядочный бы кушъ вышелъ! Намедніись цѣлую недѣлю велъ интригу съ Анной Ивановной... поизрасходовалась она немного, а ничего... можно! Главное, манера пріятная, бѣлье тончайшее, ну и то еще лестно, что начальница! Бывало, докладываешь *ему*, что черноглазовскій городничій явился, а самъ думаешь: эхъ, кабы ты только зналъ, въ какихъ мы отношеніяхъ съ *твоей*-то сейчасъ были! (*Смѣется.*) Недурна тоже и предсѣдателева жена, только бойка

очень! Ну, и съ этой ладкомъ покончили! (*Зѣваетъ.*) Что бы, однако, сегодня вообразить? Развѣ ужъ сызнова начать съ Анной Ивановной канитель тянуть? Что жъ, начнемъ! А то опять эти черти просители развлекутъ!

СЦЕНА II.

Тотъ же и Кузнеевъ (*входитъ робко и бочкомъ пробирается къ чиновнику*).

Чиновникъ (*въ сторону.*) Вотъ ужъ и принесла кого-то нелегкая ни свѣтъ ни заря!

Кузнеевъ. Осмѣлюсь безпокоить васъ, милостивый государь, вопросомъ: скоро ли будутъ принимать ихъ превосходительство?

Чиновникъ. Я надъ ихними мыслями распоряженія не имѣю (*Мечтаетъ.*)... „Сходите-ка въ садъ, говоритъ, доложите Аннѣ Ивановнѣ, что завтракъ поданъ". Иду я это по аллеѣ и вижу: сидитъ она въ бесѣдкѣ, въ бѣломъ неглеже...

Кузнеевъ. Я, признаться, еще въ восемь часовъ заходилъ, однако ихъ превосходительство почивали.

Чиновникъ. Если бы вы въ шесть зашли, такъ и жандарма, пожалуй, нашли бы спящимъ!.. (*Мечтаетъ.*) Сидитъ она въ бесѣдкѣ и книжку читаетъ, ножки подъ себя сложила и неглеже на грудкѣ приподнялось.

Кузнеевъ. Вотъ я и въ девять не полѣнился зайти, однако опять почиваютъ... ну, я и опять въ садикѣ погулялъ-съ: солнышко-то нынче ужъ очень хорошо грѣетъ, сударь! веселое солнышко!

Чиновникъ. „Дѣло вешнее-съ... (*Мечтаетъ.*) „Читали ли вы, говоритъ, Александра Дюма?"...

Кузнеевъ. Только, слышу, на соборной колокольнѣ десять бьетъ: я, знаете, бѣжать, ань бѣжать-то ужъ ноги не бѣгутъ... Прилелея кой-какъ трусочкомъ, докладываю швейцару: встали?— „Сейчасъ, говоритъ, встали"... Ну, и слава те, Господи!

Чиновникъ (*мечтаетъ*). На другой день призываетъ онъ меня опять: „Подите, говоритъ, доложите Аннѣ Ивановнѣ, что пора ей къ Матренѣ Ивановнѣ ѣхать..."

Кузнеевъ. Осмѣлюсь обезпокоить васъ, милостивый государь, вопросцемъ?

Чиновникъ. Законами не воспрещается. (*Мечтаетъ.*) „Антроновъ, говоритъ, у меня, кажется, подвязка на правой ножкѣ развязалась!"

Кузнеевъ. Всеконечно, вамъ небезъизвѣстно, сколько по здѣшнему уѣзду этихъ новыхъ мѣстъ роздано?

Чиновникъ. Всеконечно, небезъизвѣстно, но сіе есть государственная тайна. (*Мечтаетъ.*) Вотъ я бросаюсь это на полъ...

Кузнеевъ. Однако?

Чиновникъ. Ну, и „однако" все же тайна. (*Мечтаетъ.*) Только въ это самое время входитъ лакей и докладываетъ, что лошади готовы.

Кузнеевъ. Просителей-то, просителей-то, я чай, по утрамъ... и не пересчитаешь?

Чиновникъ. Да-таки въ родѣ того: пятыя сутки съ утра до вечера словно стадо въ пріемной — не продохнешь! (*Мечтаетъ.*) „Благодарю, говоритъ, господинъ чиновникъ, что бумажку подняли!"

Кузнеевъ. Осмѣлюсь, сударь, доложить вамъ про свое обстоятельство. Неподалеку у меня тутъ имѣньице: такъ, сударь, домишечко убогенькій, однако и заведеньице есть, и земляцы малая толика... ужъ какъ бы для меня-то способно было!

Чиновникъ (*разсѣянно*). Вы говорите—неподалеку?

Кузнеевъ. Всего, сударь, верстъ съ пятокъ, а прямикомъ и того не будетъ.

Чиновникъ. Гм... да... прямикомъ... оно конечно... (*Мечтаетъ.*) На третій день приходитъ въ пріемную горничная Маша: „вы, говоритъ, чиновникъ Антроновъ?"—а сама смотритъ на меня и смѣется...

Кузнеевъ. Опека у меня, сударь, на рукахъ. Послѣ дочки шестеро внучатъ осталось... Ужъ какъ бы для нихъ-то эти полторы тысячки пригодились!

Чиновникъ (*зѣвая*). Полторы тысячи? да... это не вредно... (*Мечтаетъ.*) „Вамъ, говоритъ, приказано сказать, что вы очень изъ себя интересны"...

Кузнеевъ. Ну, и я тоже: хоть старъ, а могу... и побранить могу... и взыскать могу.

Чиновникъ. Однако вы мнѣ мѣшаете.

Кузнецовъ (*съежившись*). Помилуйте-съ, я полагалъ-съ, что вы не заняты-съ...

Чиновникъ. А почемъ вы знаете, что у меня въ головѣ происходитъ? можетъ быть, я обдумываю...

СЦЕНА III.

Тѣ же, мадамъ Артамонова и Антоша. (*Артамонова — очень бойкая барыня, одѣта пышно: Антоша во фракѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ: въ продолженіе всего дѣйствія стоитъ неподалеку отъ матери и по временамъ кусаетъ ногти.*)

Артамонова (*чиновнику*). Генералъ дома? (*Подозрительно взглядываетъ на Кузнецова: сквозь зубы.*) Опередилъ-таки!

Чиновникъ. Дома-съ.

Артамонова. Ну, слава Богу. Представьте себѣ, мой милый, мое безпокойство: ѣдемъ за десять верстъ, и все-то дорогу думаемъ: а что, если генерала вдругъ дома нѣтъ? (*Сыну.*) Antoine! ne rongez pas vos ongles!

Чиновникъ. Имъ некуда выѣхать-съ. (*Въ сторону.*) Ужъ не начать ли съ этой?

Артамонова (*отводя чиновника къ сторонѣ*). Нельзя ли, голубчикъ, узнать, какъ насчетъ этихъ новыхъ мѣстъ... много роздано?

Чиновникъ (*любезно*). Хоть это и секретъ-съ, однако для васъ извольте-съ: просьбъ поступило очень достаточно.

Артамонова (*безпокойно*). Скажите пожалуйста! и есть кандидаты съ сильными рекомендаціями?

Чиновникъ. Все больше отъ Матрены Ивановны-съ... Статскій совѣтникъ Стрекоза тоже довольно ходатайствуетъ... генералъ Брыкинъ-съ... штатъ-дама Кровопійцева... Вы не можете себѣ вообразить, сударыня, даже съ Кавказа очень многіе пишутъ-съ...

Артамонова. Этимъ-то какая печаль?

Чиновникъ. Да такъ-съ... пишутъ, что очень было бы пріятно, и больше ничего-съ...

Артамонова. Ну, такъ и есть: опять опоздали! (*Сыну.*) C'est toujours toi, mauvais sujet!

Антоша (*хочетъ что-то сказать*).

Артамонова. Ужъ молчи пожалуйста! (*Передразниваетъ.*)

„Чего, маменька, намъ снѣдать?“ да „вотъ, маменька, попросохнетъ!“... Mais qu'avez-vous donc sur la chemise? (*Антоша вытирается.*)

Чиновникъ. Напрасно, сударыня, изволите такъ тревожиться. Почти утвердительно можно сказать, что счастье поблагопріятствуетъ вамъ. (*Сентиментально.*) Счастье есть лотерея, сударыня, изъ которой вамъ, всеконечно, достанется самый лучшій билетъ!

Артамонова. Благодарю васъ, мой милый. Мнѣ очень пріятно, что здѣшніе чиновники почтительны. Вы хороши съ генераломъ?

Чиновникъ (*конфузясь*). Я-съ... сударыня...

Артамонова. То-есть, можете иногда напомнить ему? (*Обдумывая.*) Впрочемъ, я полагаю, что объ этомъ всего лучше попросить генеральскаго камердинера? Какъ ваше мнѣніе?

Чиновникъ. Я-съ... сударыня... право, не могу...

Артамонова. Камердинеры всегда большое вліяніе имѣютъ. Съ ними могутъ соперничать только правители канцелярій—это ужъ я знаю! (*Указывая на Кузнеева.*) Это кто?

Чиновникъ. Не знаю-съ. Кажется, тоже насчетъ новыхъ мѣстъ-съ.

Артамонова. Этотъ-то? (*Антоша фыркаетъ.*) Antoine! vous salirez votre chemise!

Антоша. Не могу, maman! очень ужъ смѣшно!

СЦЕНА IV.

Тѣ же и Кувшинниковъ (*входитъ и кланяется на всѣ стороны; потомъ садится на стулъ и вынимаетъ прошеніе, которое внимательно и съ нѣкоторымъ безпокойствомъ прочитываетъ*).

Артамонова (*издали косясь на бумагу*). Желала бы я знать, что тамъ такое написано?

Кувшинниковъ (*читаетъ въ полголоса и съ разстановкой, какъ будто силится понять*). „Будучи приведенъ въ извѣстность, что чрезъ обстоятельства высшаго соизволенія, прежде предполагаемыя нынѣ къ осуществленію удовлетворительно развиваются“... *къ сему... гм... къ сему...* (*Антоша внезапно прыскаетъ со смѣху.*)

Артамонова. Antoine! c'est très-impoli ce que vous faites-là!

Антоша. Maman! il n'y a pas de substantif!

Кувшинниковъ (*продолжаетъ читать*): „И обладая имѣніемъ малымъ, большею частію изъ песковъ состоящимъ, съ нѣкоторымъ присовокупленіемъ каменистой и худородной земли“... *Прошенію*... гм... *прошенію!* (*Встаетъ въ волненіи со стула и нѣкоторое время ходитъ по комнатѣ. Наконецъ съ рѣшительнымъ видомъ подходитъ къ Кузнееву.*) Позвольте просить васъ, милостивый государь, прочитать это прошеніе! (*Кузнеевъ принимаетъ отъ него бумагу и читаетъ. Антоша вновь не можетъ удержаться и прыскаетъ. Кувшинниковъ смотритъ на него съ изумленіемъ.*) Это очень любопытно...

Артамонова. Antoine! mais vous allez vous attirer une histoire, mauvais sujet!

Антоша. Maman! позвольте мнѣ выйти въ швейцарскую!

Артамонова. Restez ici et n'osez pas rire!

Кувшинниковъ (*Кузнееву*). Поняли?

Кузнеевъ. Темновато нѣсколько... однако отчего-же-съ... понять можно-съ... (*Тыкаетъ пальцемъ въ бумагу.*) Вотъ тутъ бы... вотъ тутъ бы... одно только словечко... самое, знаете, маленькое... чтобъ только, знаете, видъ дать... (*Показываетъ первымъ и указательнымъ пальцемъ нѣчто дѣйствительно очень маленькое.*)

Кувшинниковъ. Представьте себѣ, я сряду три дня читаю... даже въ нотъ бросаетъ... (*Антоша внезапно убѣгаетъ изъ комнаты, закрывши ротъ рукою. Артамоновой.*) Сударыня! я, кажется, не подалъ никакого повода вашему сродственнику...

Артамонова. Извините, капитанъ, это съ нимъ безъ всякой причины бываетъ. (*Къ чиновнику.*) Посмотрите, мой милый, что тамъ съ нимъ дѣлается? (*Чиновникъ уходитъ, выражая при этомъ самую любезную готовность служить.*)

СЦЕНА V.

Тѣ же и дама подъ вуалью.

Дама (*встрѣчая чиновника въ дверяхъ*). Позвольте узнать, мсьё, гдѣ здѣсь можно подождать генерала?

Чиновникъ. Въ этой комнатѣ, сударыня.

Дама. Какъ? здѣсь? ахъ, какъ это странно! (*Отходитъ въ сторону и садится.*)

Артамонова (*въ сторону*). Чему же она удивляется, однако?

СЦЕНА VI.

Тѣ же и Пересвѣтъ-Жаба (*входитъ съ письмомъ въ рукахъ; смотритъ на всѣхъ благосклонно и любезно улыбается. За нимъ входитъ и чиновникъ*).

Артамонова (*въ сторону*). Вотъ и еще кого-то принесла нелегкая! хотя бы принялъ поскорѣй, развязалъ бы ужъ, что-ли! (*Чиновнику.*) Ну что, мой милый?

Чиновникъ. Они сейчасъ пожалуютъ-съ.

Артамонова. Благодарю васъ, голубчикъ.

Пересвѣтъ-Жаба (*чиновнику*). Нельзя ли доложить генералу, что ротмистръ Пересвѣтъ-Жаба пріѣхалъ?

Чиновникъ. Они сейчасъ выйдутъ-съ.

Пересвѣтъ-Жаба. Съ письмомъ отъ Матрены Ивановны... вѣроятно, генералу угодно будетъ принять меня особенно...

Чиновникъ. Они кушаютъ чай-съ.

Пересвѣтъ-Жаба. А! ну это другое дѣло! (*Окидываетъ всѣхъ ласковымъ взоромъ.*) Конечно, чай—такое занятіе, которое прерывать не слѣдуетъ! (*Садится неподалеку отъ дамы съ вуалью. Воцаряется молчаніе, которое длится нѣсколько минутъ. Антоша возвращается и садится около матери, которая ему выговариваетъ.*)

Пересвѣтъ-Жаба (*къ дамѣ съ вуалью*). Вы, конечно, съ просьбой, къ генералу, сударыня?

Дама (*поправляя вуаль, чуть слышно*). Да-съ.

Пересвѣтъ-Жаба. Да, надо правду сказать: нынче ужъ вѣкъ такой наступилъ, что всякому чего-нибудь хочется.

Дама. Я не всякая-съ.

Пересвѣтъ-Жаба. Помилуйте, сударыня, зачѣмъ же такъ понимать мои слова? Я не смѣю и думать-съ... я вообще... я къ тому это сказалъ, сударыня, что вѣкъ нашъ вообще имѣетъ направленіе практическое...

Артамонова. Я думаю, однако, что и въ прежнее всякому чего-нибудь да хотѣлось.

Пересвѣтъ-Жаба. Не смѣю съ вами спорить, сударыня, но все-таки, если вамъ угодно будетъ сравнить недавнее прошедшее съ нашимъ настоящимъ, вы сами удивитесь, сколько мы въ какія-нибудь пять лѣтъ прожили! Пытливость ума какая-то... пароходы... акціонерныя компаніи... Нѣтъ, какъ хотите, а это шагъ! (*Вновь воцаряется молчаніе.*)

Пересвѣтъ-Жаба. Пріятно жить въ такую эпоху, сударыня! Пріятно чувствовать, какъ все это кругомъ обновляется, молодѣетъ! Начну, напримѣръ, съ себя; конечно, я человѣкъ со средствами, могъ бы существовать независимо... наслаждаться природою... увлекаться съ любимымъ писателемъ въ страны воображенія... однако, нѣтъ! Въ воздухѣ, знаете, что-то такое... такъ вотъ и подталкиваетъ: дѣйствуй, дѣйствуй и дѣйствуй! (*Машетъ руками.*)

Кузнецовъ (*умильно*). Даже мы, старики, и мы это чувствуемъ, господинъ ротмистръ!

Пересвѣтъ-Жаба (*смотритъ на Кузнецова ласково*). А что вы думаете, вѣдь это правда! У меня сосѣдъ по имѣнію есть, лѣтъ ужъ осьмидесяти старикъ... ну, и параличъ тоже... осьмой годъ недвижимъ лежитъ... а и онъ намедни сь говоритъ: „пожилъ бы. Станиславъ Казимировичъ, еще вотъ какъ пожилъ бы!“ Эпоха такая!

Артамонова. Ну, пожить-то и во всякую эпоху хочется!

Пересвѣтъ-Жаба. Не смѣю съ вами спорить, сударыня, но все-таки позволю себѣ продолжать думать, что въ настоящей эпохѣ есть именно что-то живительное, возбуждающее (*полнетъ въ воздухъ*). Конечно... жить... то-есть пользоваться земными благами... (*скороговоркой*) понять... повѣсть хорошаго... конечно, такое желаніе законно во всякое время; но согласитесь, что въ прежнее время не было ни этой пытливости, ни этой полноты, ни этого жару... а это великая вещь, сударыня! Всякому, знаете, хочется примѣнить, провести что-нибудь... убѣжденіе какое-нибудь эдакое... Я даже такъ полагаю, что со стороны человѣка, который имѣетъ убѣжденія, было бы непростительно не выступить съ ними на поприще гражданственности!

Кувшинниковъ (*въ сторону*). Эхма! кабы все это да въ просьбу вклепть!

Пересвѣтъ-Жаба. Скажу опять-таки про себя. Я человѣкъ независимый, имѣю хорошее состояніе, слѣдовательно могъ бы, повидимому, жить, ни въ комъ не нуждаясь. Однако я чувствую, что это было бы съ моей стороны непростительно... даже подло... и вотъ я готовъ! (*Декламируя.*) Привѣтствую тебя, вѣкъ пытливости! вѣкъ изобрѣтательности ума! вѣкъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ!

Кувшинниковъ (*въ сторону*). Ахти-хти! и я бы готовъ, да этотъ чертовъ сынъ стрекулистъ, кажется, всю просьбу испакостилъ.

Кузнеевъ. Это справедливо, господинъ ротмистръ, что на зовъ отечества всякій изъ насъ свою ленточку... (*Дѣлаетъ крошечное движеніе рукой.*)

Пересвѣтъ-Жаба. И возьмите, сударыня, что во всемъ это движеніе, эта жизнь! Начнемъ съ нашего благонамѣреннаго, нашего истинно благодушнаго начальника. Скажите на милость: когда же была видна такая заботливость, такое истинное христіанское попеченіе обо всемъ? Чтобъ все это было хорошо, чтобъ все это благословляло, все радовалось... чтобъ помѣщикъ былъ доволенъ, чтобъ мужичокъ былъ счастливъ... согласитесь, что никогда? Повѣрите ли вы мнѣ, я даже въ губернскій городъ лѣтъ десять не ѣздилъ—такъ все это было противно! И вдругъ теперь пріѣзжаю—какое пріятное изумленіе! мостовая вездѣ съ иголочки... тамъ бульварецъ... тутъ театрикъ... не тряхнетъ нигдѣ... просто даже странно послѣ прежняго безобразія! Нѣтъ, какъ хотите, а онъ не бюрократъ! Онъ дворянинъ! именно дворянинъ! Есть въ немъ эта сила, это что-то неуловимое, это... это...

Кузнеевъ. Осмѣлюсь доложить, господинъ ротмистръ, что былъ здѣсь, лѣтъ тридцать тому назадъ, начальникомъ Ѳедоръ Петровичъ Фютяевъ... тоже и театровъ, и бульваровъ—страсти сколько настроили! а послѣ нихъ поступили генералъ Вислоуховъ, и все это опять уничтожать начали!

Пересвѣтъ-Жаба. Да?

Кузнеевъ. Точно такъ-съ. А Ѳедоръ Петровичъ именно прямой начальникъ были! И такъ это строго себя противъ всѣхъ держали, что даже смотрѣть на нихъ внушительно было!

Пересвѣтъ-Жаба. Ахъ, да не то! да не въ строгости тутъ сила, милостивый государь! Тутъ просто что-то неуловимое... какъ

бы вамъ выразить? „Ну, сдѣлай это, mon cher!“ — и всякій сдѣлаетъ съ удовольствіемъ!

Кузнеевъ. Конечно-съ, мѣрами кротости... это такъ! Однако, осмѣлюсь доложить вашему высокоблагородію, что съ купцами не всегда это удобно. Пойдутъ это у нихъ сказы да разсказы, да отговорки разныя —ну! а начальству не всегда досужно бываетъ.

СЦЕНА VII.

Тѣ же, Уколкинъ и Накатниковъ (*входятъ очень шумно и вообще выказываютъ развязность самаго лучшаго тона; одѣты пестро: часто между собой перемигиваются, указывая на прочихъ соискателей*).

Уколкинъ (*чиновнику*). Въ какомъ положеніи начальство?

Накатниковъ. То-есть, въ „положеніи“ или ужъ въ „состояніи“?

Уколкинъ. Joli!

Чиновникъ. Чай кушаютъ-съ.

Уколкинъ. А импрессаріо?

Чиновникъ. Прошли къ нимъ-съ.

Уколкинъ. Ну, волоките его сюда; скажите, что Тамберликъ и Кальцоляри ждутъ... joli?

Накатниковъ. Да вы не переврите; не скажите: „трубочистъ и канцелярія“...

Уколкинъ. Joli!

Чиновникъ. Сейчасъ-съ. (*Уходитъ.*)

Уколкинъ (*въ полголоса, подмигивая на прочихъ дѣйствующихъ лицъ*). Катнемъ?

Накатниковъ. Вальнемъ!

Уколкинъ. Какъ... какъ... какъ это ты давеча сказалъ: „вотъ онъ-онъ“?

Накатниковъ. Съ пальцемъ девять, съ огурцомъ пятнадцать, наше вамъ-съ!

Уколкинъ. Charmant!

Артамонова (*въ сторону*). Это, прости, Господи, что еще за скоморохи ввалились?

Пересвѣтъ-Жаба (*очевидно заигрываетъ съ Уколкинымъ и Накатниковымъ*). Вотъ, хоть бы взять, напримѣръ, нынѣшнее молодое поколѣніе... Скажу откровенно: я тоже былъ молодъ, и въ то же время не послѣднюю роль игралъ, однако нѣтъ... не то! Не было, знаете, этого дѣльнаго взгляда, не было этого изящества, этой волшебной простоты, которая такъ очаровываетъ въ нынѣшнемъ молодомъ поколѣніи!

Уколкинъ (*въ полголоса Накатникову*). Гм... однако этотъ антрепренеръ не дуракъ.

Накатниковъ. У него аппетитъ очень силенъ... joli?

Кузнеевъ (*подходя къ Накатникову*). Позвольте, Семенъ Петровичъ! вы, кажется, не изволите узнавать меня... Кузнеевъ Хрисанфъ Степановъ.

Накатниковъ. Боже! да это, кажется, тотъ самый Кузнеевъ, который...

Кузнеевъ. Именно, Семенъ Петровичъ, тотъ самый...

Накатниковъ. Знаменитый Кузнеевъ!

Уколкинъ. Достославный Кузнеевъ!

Кузнеевъ (*Уколкину*). И васъ тоже, Петръ Николаичъ, имѣю честь знать... Точно-съ, мы, какъ бы сказать, люди темные: куда намъ съ образованными людьми компанію весть! однако и мы тоже слышимъ!

Уколкинъ. И много лестнаго слышите?

Кузнеевъ. Столь много, Петръ Николаичъ, что, кажется, еслибы у меня былъ такой сынъ, то я именно почелъ бы себя счастливымъ!

Накатниковъ. А у васъ сынъ развѣ очень плохъ?

Кузнеевъ. Я совсѣмъ не имѣю сына, Семенъ Петровичъ!

Накатниковъ. Въ такомъ случаѣ я понимаю! Достославный Кузнеевъ, томясь жаждой родительской любви, желаетъ усыновить насъ! Папаша! позволь облобызать тебя!

Уколкинъ. Безцѣнный родитель! позволь придушить тебя въ объятіяхъ сыновней нѣжности!

СЦЕНА VIII.

Те же и Бирюковъ; за нимъ дежурный чиновникъ. (*Бирюковъ выходитъ изъ внутреннихъ апартаментовъ; Уколкинъ и Накатниковъ немедленно устремляются къ нему: Пересвѣтъ Каба встаетъ и расшаркивается; лицо Кузнецова принимаетъ выраженіе человѣка на всю жизнь осчастливленнаго; Кувшинниковъ держитъ руки по швамъ; дама съ вуалемъ безпокойно подергивается на стулѣ; мадамъ Артамонова взираетъ съ любопытствомъ и дѣлаетъ знакъ Антошѣ, чтобъ онъ потрафилъ. Бирюковъ, высокій, румяный и плечистый молодой человѣкъ, гладко выстриженъ, слегка картавитъ, держится прямо и вообще всей складкой выражаетъ нѣкоторое подобіе англійскому джентльменскому типу, въ противоположность Уколкину и Накатникову, въ пріемахъ которыхъ видно нѣчто напоминающее французовъ-кучеровъ.*)

Бирюковъ. А! солисты! (*Жметъ имъ руки.*) Который же изъ васъ Тамберликъ?.. mais savez-vous que le général a beaucoup ri!

Уколкинъ. Joli? не правда ли? Вѣдь это я выдумалъ! Ѣдемъ мы сюда, а я и говорю Накатникову: знаешь что̀, Simon? велимъ объ себѣ доложить: Тамберликъ и Кальціояри?

Накатниковъ. Ну, а какъ же тамъ-то, Сеня? (*показываетъ глазами на верхъ.*) Вальнемъ?

Уколкинъ (*перебивая его*). А то вчера вечеромъ идемъ мы въ клубъ, и вдругъ намъ на встрѣчу мужикъ: „вотъ онъ-онъ!“ кричитъ; а Накатниковъ ему такъ, знаешь, равнодушно: „съ пальцемъ девять, съ огурцомъ пятнадцать—наше вамъ-съ!“ „Да ты понимаешь? съ пальцемъ девять... понимаешь? И такъ, знаешь, равнодушно... délicieux? (*Бирюковъ смѣется.*)

Накатниковъ. Ну, да полно же, Уколкинъ! Такъ какъ же, Сеня — вальнемъ?

Бирюковъ (*въ полголоса*). L'affaire est baclée. (*Уколкинъ и Накатниковъ жмутъ ему руки.*)

Уколкинъ. Сеня! Vous avez un noble coeur!

Накатниковъ. Сеня! Vous avez bien mérité de la patrie!

Бирюковъ (*ласково*). Шуты! перестаньте! l'on va descendre à l'instant!

Уколкинъ. А намъ нужно ждать?

Бирюковъ. Нѣтъ, васъ Анна Ивановна обѣдать зоветъ. Je vous dis que c'est une affaire arrangée.

Уколкинъ. Нѣтъ, да ты пойми, Сеня, какую ты вещь устроилъ: ты, я, Накатниковъ... et Mokrotnikoff pour président... Да вѣдь мы вчетвертомъ такой концертъ...

Бирюковъ. Будетъ еще пятый.

Уколкинъ. Кто же?

Бирюковъ. Маленькій князекъ.

Уколкинъ. Соломенныя ножки? Ну что жъ, это ничего: онъ будетъ у насъ вмѣсто флейточки! Ну, а въ другихъ уѣздахъ какъ?

Бирюковъ. Un choix admirable. Анна Ивановна шутя говоритъ, что у нея слѣдующей зимой составится un quadrille des myrovoys.

Уколкинъ. Mais quelle femme séduisante!

Накатниковъ. Гм... въ старину были тѣлеса...

Бирюковъ. Молчи ты, шутъ гороховый! Вотъ зададутъ тебѣ „тѣлеса“!

Уколкинъ. Да! à propos: чуть-чуть не позабылъ!.. позволь рекомендовать тебѣ родителя!.. Достославный Кузнецовъ! ползите сюда!

Кузнецовъ. Петръ Николаичъ шутятъ-съ. Однако, я очень радъ-съ. (*Подаетъ Бирюкову руку, которую тотъ не беретъ: за дверьми слышится шумъ.*)

Бирюковъ. Тсс... самъ! Убирайтесь! (*Накатниковъ и Уколкинъ скрываются; слышится:* „au revoir“, au plaisir“ и проч.)

СЦЕНА IX.

Тѣ же и Зубатовъ (*румяный, бодрый старикъ: держитъ себя по-военному; глаза голубые: носъ большой; густые бакены съ просѣдью; привыкъ повелѣвать, а потому часто дѣлаетъ попытки перейти въ рычательный тонъ, но, вспомнивъ о существованіи благодѣтельной гласности, сдерживаетъ себя. Повторяется та же сцена, что и при появленіи Бирюкова, но въ усиленномъ градусѣ.*)

Зубатовъ (*подходя къ Артамоновой*). Чѣмъ могу быть полезнымъ, сударыня?

Артамонова. Permettez-moi de vous recommander mon fils. général... Antoine! faites donc votre révérence au général!

Зубатовъ (*нѣсколько изумленъ*). Очень радъ, очень радъ, но въ чемъ же дѣло, сударыня?

Артамонова. Mon général...

Зубатовъ (*мало-по-малу баровѣетъ*). Позвольте васъ просить объясняться по-русски, сударыня.

Артамонова. Я пріѣхала, генералъ, рекомендовать вамъ моего сына на одно изъ новыхъ мѣстъ.

Зубатовъ. А вашъ сынъ гдѣ кончилъ воспитаніе?

Артамонова. Мой сынъ воспитывался дома, и я сама наблюдала, чтобъ внушить ему самыя строгія правила, генералъ.

Зубатовъ. Очень жаль-съ! очень жаль-съ! Но намъ необходимы люди, кончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ!

Артамонова. Однако согласитесь, генералъ, что это тиранія!

Зубатовъ. Очень соболѣзную! И даже соглашаюсь съ вами отчасти; но таковы намѣренія высшаго начальства, а я... я рабъ, сударыня! то-есть, я хочу сказать: я рабъ своего долга!

Артамонова. Однако это странно...

Зубатовъ. Что жъ дѣлать, сударыня! Я самъ не всегда понимаю... и вполнѣ сочувствую вашему материнскому горю, но проникать въ высшія намѣренія не почитаю себя въ правѣ...

Артамонова. Итакъ, мы не можемъ питать никакой надежды?

Зубатовъ. Очень жаль-съ! очень жаль-съ! (*Подходитъ къ дамѣ съ вуалью.*) Чѣмъ могу служить, сударыня?

Дама (*поднявъ вуаль*). Мой мужъ служитъ на Кавказѣ, ваше превосходительство...

Артамонова (*перебиваетъ*). Но, быть можетъ, для сына моего сдѣлаютъ исключеніе, генералъ?

Зубатовъ (*очень любезно, но уже весь баровый*). Можетъ быть-съ, можетъ быть-съ... не знаю, сударыня... очень радъ буду за вашего сына!

Артамонова. Потому что еслибы Antoine, по молодости, и не смогъ чего сдѣлать, то я, какъ мать, могу ему помочь! Я пятнадцать лѣтъ вдовѣю и двадцать лѣтъ управляю имѣніемъ, генералъ!

Зубатовъ. Очень понимаю, сударыня! но что жъ прикажете дѣлать! я рабъ... то-есть, я хочу сказать: рабъ своего долга!

Дама съ вуалью. Мой мужъ служитъ на Кавказѣ. ваше превосходительство... (*Останавливается.*)

Зубатовъ. Что жъ прикажете, сударыня?

Дама (*нѣкоторое время молчитъ; потомъ застѣнчиво, почти плача*). Я позабыла-съ.

Зубатовъ (*снисходительно*). Постарайтесь вспомнить. сударыня... ну. напримѣръ, что бы такое! ну. напримѣръ... быть можетъ, супругъ вашъ мѣста ищетъ...

Дама (*повеселѣвъ*). Точно такъ! точно такъ! новыя мѣста! новыя мѣста!

Зубатовъ. Вашъ супругъ—помѣщикъ здѣшней губерніи?

Дама. Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство, мы не помѣщики-съ.

Зубатовъ. Очень жаль-съ! очень жаль-съ! но намъ необходимы именно помѣщики и именно здѣшней губерніи!

Дама. Такъ это перемѣнить невозможно?

Зубатовъ. Я не полагаю-съ. Конечно... быть можетъ... въ воздаяніе заслугъ... нѣтъ правилъ безъ исключеній...

Дама. Мой мужъ мнѣ именно пишетъ. что потребуется строгость, и что онъ, какъ военный...

Зубатовъ. Очень соболѣзную, сударыня. что долженъ лишиться такого полезнаго сотрудника. но что жъ дѣлать? предписанія закона ясны, тверды и положительны!

Дама (*нѣсколько подумавъ*). Ваше превосходительство! намъ бы эти полторы тысячи...

Зубатовъ. Что жъ дѣлать! что жъ дѣлать, сударыня! Я имѣлъ уже честь объяснить вамъ, что слова закона ясны. тверды и положительны!

Дама. Очень вамъ благодарна, ваше превосходительство! (*Закрываетъ лицо вуалемъ и выходитъ.*)

Артамонова. Какъ вы думаете, генералъ, если я напишу къ графу Ивану Никитичу... это будетъ хорошо?

Зубатовъ. А вы коротко знаете графа?

Артамонова. Гм... не то чтобъ коротко, а такъ. Я однажды съ нимъ въ одномъ вагонѣ по желѣзной дорогѣ ѣхала.

Зубатовъ (*почти посинѣвъ отъ злости, но еще сдерживается; еще минута—и обрушитъ*). Гм... да... это будетъ недурно!

Артамонова. Да вы поймите, генералъ, что намъ, съ нашимъ вліяніемъ въ уѣздѣ, съ нашимъ состояніемъ, остаться ни при чемъ...

Зубатовъ (*вышелъ изъ себя и издаетъ только безсложные звуки*). Фффъ... ззз...

Артамонова (*сначала смотритъ на него съ изумленіемъ, потомъ пугается*). Antoine! allons-nous en! allons-nous en! (*Быстро убѣгаетъ съ сыномъ.*)

Пересвѣтъ-Жаба (*подавая письмо, вкрадчивымъ голосомъ*). Отъ Матрены Ивановны, ваше превосходительство!

Зубатовъ (*видимо встревоженный побѣгомъ госпожи Артамоновой и мыслью, что она можетъ прибѣгнуть къ благодѣтельной гласности*). Что вы хотите сказать этимъ, милостивый государь? (*Къ Бирюкову.*) Семенъ Петровичъ! эта дама... успокойте! (*Бирюковъ выходитъ; изъ передней слышится: „de grâce, madame“.. „mais non, il nous battra“ и т. п. По боковымъ подергиваніямъ, которыя овладѣваютъ Зубатовымъ, видно, что ему сильно подмываетъ пойти въ переднюю.*)

Пересвѣтъ-Жаба (*вразумительно*). Отъ Матрены Ивановны, ваше превосходительство!

Зубатовъ. Я васъ спрашиваю, что вы хотите этимъ сказать? (*Пересвѣтъ-Жаба увядаетъ; Кузнецовъ видимо намѣревается улизнуть; входитъ Бирюковъ.*)

Бирюковъ. Cette dame retournera demain à pareille heure.

Зубатовъ. Благодарю. (*Пересвѣтъ-Жабѣ.*) Такъ вы говорили, что имѣете письмо отъ Матрены Ивановны?

Пересвѣтъ-Жаба (*расцвѣтаетъ*). Точно такъ, ваше превосходительство. (*Подаетъ письмо.*)

Зубатовъ (*читаетъ письмо*). Очень жаль! очень жаль! (*Пересвѣтъ-Жаба мгновенно увядаетъ.*) У меня все это ужъ организовано... люди подобраны... ждемъ только сигнала изъ Петербурга... очень жаль! очень жаль-съ!

Пересвѣтъ-Жаба. Ваше превосходительство! Я въ цѣломъ околоткѣ извѣстенъ своею строгостью!

Зубатовъ. Тѣмъ больше для меня отказать вамъ. Потому что намъ нужна строгость! (*Видимо желаетъ прочесть лекцію о строгости.*) Строгость—это, такъ сказать, главнѣйшій нервъ админи-

страціи! (*Подходитъ къ Кузнецову; Переводитъ-Какъ машинально облизывается.*)

Кузнецовъ (*струсилъ и съежился*). Позвольте мнѣ уйти, ваше превосходительство!

Зубатовъ. Вы развѣ только поглядѣть сюда пришли?

Кузнецовъ. Нѣтъ-съ, я, ваше превосходительство, съ просьбицей-съ: только просьба-то моя, вижу, не дѣльная.

Зубатовъ. Въ чемъ же ваша просьба?

Кузнецовъ. Самая, ваше превосходительство, не дѣльная. Нѣтъ, ужъ увольте, ваше превосходительство! позвольте уйти!

Зубатовъ (*давая ему дорогу, обидчиво*). Я, государь мой, не держу васъ! (*Кузнецовъ уходитъ, наклонивъ голову, какъ будто ожидая удара.*) Странно! это очень странно! (*Къ дежурному чиновнику.*) Вы, прежде нежели допускать просителей до меня, обязаны обстоятельно разспрашивать, объ чемъ они просятъ. (*Чиновникъ раскрываетъ ротъ, чтобъ говорить.*) Молчать! Семенъ Петровичъ! потрудитесь сказать Предпочтительному, чтобъ онъ впередъ не присылалъ ко мнѣ этого дурака на дежурство!

Чиновникъ (*въ сторону*). Вотъ тебѣ и Анна Ивановна!

Зубатовъ (*Кувшинникову*). Вамъ что? (*Кувшинниковъ молча подаетъ просьбу.*) Извольте объяснить словесно, въ чемъ заключается ваша надобность.

Кувшинниковъ. Тамъ все написано-съ.

Зубатовъ (*читаетъ*). Ничего не понимаю! положительно-таки ничего не понимаю!

Кувшинниковъ. Желаю получить мѣсто-съ.

Зубатовъ. Нѣтъ мѣста-съ.

Кувшинниковъ. Такъ нѣтъ мѣста-съ?

Зубатовъ. Нѣтъ мѣста-съ.

Кувшинниковъ. И на два съ полтиной нѣтъ-съ?

Зубатовъ (*изумленный, вращаетъ кругомъ глазами*). Что это такое? что это такое?

Вирюковъ (*смѣясь, въ полголоса Зубатову*). Il demande s'il ne pourrait pas être nommé comme candidat.

Зубатовъ (*понявъ*). А! (*Кувшинникову.*) И на два съ полтиной нѣтъ мѣста-съ.

Кувшинниковъ. Благодарю покорно-съ! (*Дѣлаетъ полуоборотъ налѣво и выходитъ.*)

Зубатовъ (*къ Пересвѣтъ-Кабѣ*). А! вы еще здѣсь?.. Гм... такъ вы говорите, что вы строги?

Пересвѣтъ-Кабъ (*расцвѣтая*). Весь нашъ уѣздъ засвидѣтельствуетъ вашему превосходительству. Смѣю увѣрить ваше превосходительство, что у меня все это останется по старому!

Зубатовъ. Ну, хорошо! ну, хорошо! я вижу! Семенъ Петровичъ! (*Неожиданно оборачивается спиной и уходитъ во внутреннія комнаты, насвистывая дорогой: „jeune fille aux yeux noirs!“ Пересвѣтъ-Кабъ раскрываетъ ротъ отъ изумленія.*)

Бирюковъ. А это значитъ, что вамъ слѣдуетъ отправиться въ канцелярію его превосходительства, къ господину Предпочтительному... тамъ есть механикъ такой: онъ васъ зашпретъ. (*Пересвѣтъ-Кабъ задыхается отъ радости и хочетъ поцѣловать у Бирюкова руку.*) Mais finissez donc! mais finissez donc!

(*Занавѣсъ опускается.*)

III.—Недовольные.

СЦЕНА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Андрей Иванычъ.	Пожилые, оставшіеся за штатомъ дѣйствительные статскіе совѣтники. Похожи другъ на друга до смѣшного; не тощи и съ виду добродушны. Андрей Иванычъ посолидѣе и выше ростомъ; Иванъ Андреичъ ростомъ не великъ, и когда сидитъ на стулѣ, то не достаетъ ногами пола.
Иванъ Андреичъ.	

Иванъ Андреичъ. Конечно, ваше превосходительство, кабы на мѣсто Семена Петровича Степана Иваныча, на мѣсто Василія Кирилыча Сергѣя Николаича, а на мѣсто Ѳедора Ѳедорыча Петра Григорьича...

Андрей Иванычъ (*держа въ рукахъ сигару*). А Оедора Ѳедорыча куда жъ?

Иванъ Андреичъ. Оедора Ѳедорыча можно бы членомъ-съ... въ совѣтецъ какой-нибудь... Съ сохраненіемъ, разумѣется...

Андрей Иванычъ. Съ сохраненіемъ... н-да!.. это пожалуй...

Иванъ Андреичъ. Русское царство, ваше превосходительство, очень обширно: отчего Ѳедора Оедорыча не прокормить? Сколько теперича одинихъ жидовъ прокармливаетъ, желѣзнодорожниковъ, подрядчиковъ-съ, а чтобъ Оедора Ѳедорыча...

Андрей Иванычъ. Прокормить въ состояніи.

Иванъ Андреичъ (*заискивающимъ голосомъ, какъ бы намѣреваясь пощекотать Андрея Ивановича*). А на мѣсто бы Петра Григорьича...

Андрей Иванычъ (*перебивая его*). Мечта одна!

Иванъ Андреичъ. Отчего же мечта-съ? Ваше превосходительство въ такихъ еще лѣтахъ...

Андрей Иванычъ. Мечта одна!

Иванъ Андреичъ. А какъ бы дѣло-то пошло-съ!

Андрей Иванычъ (*распускаясь и скороговоркой*). Къ концу мѣсяца—чисто! ни единой, ни самомалѣйшаго отношенія... (*Дѣлая надъ собой усиліе.*) М-мечта одна! (*Минута молчанія.*)

Иванъ Андреичъ. Нынче, ваше превосходительство, все фантазіи на службѣ пошли... ничего положительнаго нѣтъ-съ...

Андрей Иванычъ. Правда.

Иванъ Андреичъ. Пошла въ ходъ филантропія-съ... протолеріатъ-съ...

Андрей Иванычъ. Пролетаріатъ, то-есть.

Иванъ Андреичъ. Мы, бывало, въ неизвѣстное-то не пускались-съ. Видишь по бумагамъ, что коллежскому секретарю время на титулярные присѣло—ну, и пишешь: „аксіосъ“.

Андрей Иванычъ. То-есть не „аксіосъ“, а „внести въ общее присутствіе“.

Иванъ Андреичъ. Ну, конечно-съ. Насъ, ваше превосходительство, воображеніямъ-то не учили... съ насъ дѣла спрашивали...

Андрей Иванычъ. Это такъ.

Иванъ Андреичъ. А нынче „титулярнаго-то совѣтника“—

въ сторону-съ... все норовятъ, какъ бы въ „уничтоженіе чиновъ" ударить!

Андрей Иванычъ (*глубокомысленно*). Оно къ тому идетъ.

Иванъ Андреичъ (*хихикая*). Стало быть, ваше превосходительство, такимъ манеромъ у насъ, въ департаментѣ, какой-нибудь коллежскій секретарь директоромъ сдѣлаться можетъ?

Андрей Иванычъ (*усиленно выпуская дымъ*). Оно къ тому идетъ.

Иванъ Андреичъ. Ну, это ужъ очень что-то забавно будетъ!.. Я думаю, наши-то, департаментскіе, такъ и прыснутъ, какъ онъ войдетъ этакъ фертикомъ въ департаментъ?

Андрей Иванычъ. Не прыснутъ!

Иванъ Андреичъ. Да нѣтъ-съ, послѣ этого, ваше превосходительство, и сторожъ Михей надежды имѣть можетъ...

Андрей Иванычъ. Ну, этотъ еще погодитъ.

Иванъ Андреичъ. А что жъ, ваше превосходительство, нынѣче и эту идею подать можно... право-съ! (*Хихикая.*) Нынѣче эти новости вотъ какъ любятъ! Только презабавно, презабавно это будетъ: войдетъ это Михей, да вмѣсто портфеля-то — щетка въ рукахъ...

Андрей Иванычъ. Этого-то еще не будетъ, а что коллежскій секретарь будетъ директоромъ, такъ это вѣрно.

(*Нѣсколько минутъ молчанія въ продолженіе которыхъ Иванъ Андреичъ сидитъ смущенный, а Андрей Иванычъ скрещиваетъ ноги и смотритъ на собесѣдника съ торжествомъ, какъ бы говоря ему: „ди, братъ, и я либерал! а ты что думалъ!"*)

Иванъ Андреичъ (*въ раздумьи*). А вѣдь какъ поразмыслишь, такъ это именно правда, что оно къ тому идетъ.

Андрей Иванычъ. Къ тому.

Иванъ Андреичъ. Вездѣ-съ... по всѣмъ вѣдомствамъ-съ... Возьмемъ, напримѣръ, почтовое вѣдомство-съ... Ужъ какое было, кажется, смирное: муха, бывало, пролетитъ, и то слышно... И вдругъ-съ: сперва штемпельные куверты, а потомъ и этого мало показалось — марки выдумали!

Андрей Иванычъ. Выдумали.

Иванъ Андреичъ. А кому, кажется, какое зло штемпельный куверть сдѣлалъ?

Андрей Иванычъ. Совершенно никому.

Иванъ Андреичъ. Или вотъ дома-съ. Надоѣло, что по фамиліямъ называются, все это старо, извольте видѣть!.. Что жъ! переформировали и это-съ! Нумерами какими-то окрестили — налѣво чётъ-съ, направо нѣчетъ-съ...

Андрей Иванычъ. Смотрѣть скучно!

Иванъ Андреичъ. Идешь иногда по улицѣ, видишь все это разрушеніе... даже вздохнешь потихонечку-съ.

Андрей Иванычъ. Все комитетъ о сокращеніи переписки сдѣлалъ.

Иванъ Андреичъ. Н-да-съ, этотъ комитетъ, доложу вамъ... Вѣдь какое, кажется, мѣсто, даже и не мѣсто совсѣмъ, а просто какъ бы сказать... комитетъ-съ! А сколько яду пролилъ!

Андрей Иванычъ. Даже остроты ума никакой нѣтъ. Вотъ губернаторамъ разрѣшили: подъ бумагами полной фамиліи не подписывать, а только одинѣ буквы начальныя.

Иванъ Андреичъ (*вздохнувъ*). Заварили кашу!

Андрей Иванычъ. Каково-то будетъ расхлебывать!

Иванъ Андреичъ. Расхлебать-то бы еще можно, а главное, ваше превосходительство, слугъ хорошихъ нѣтъ!

Андрей Иванычъ. И то правда.

Иванъ Андреичъ. То-есть, такихъ слугъ, какъ въ наше время были, чтобъ за начальство въ огонь и въ воду, чтобъ и написать могли, и поправить бы могли, и отношенія эти понимали бы... кому и какъ. Словомъ, чтобъ все это шито да крыто было...

Андрей Иванычъ. Да, были мастера!

Иванъ Андреичъ. Ужъ такіе мастера, что въ нынѣшнее время даже постичь трудно. Помните ли, напримѣръ, ваше превосходительство, какъ оберъ-полиціймейстеръ къ нашему графу бумагу прислалъ, что такого-то числа найденъ на улицѣ безъ чувствъ лежащій человѣкъ, назвавшій себя чиновникомъ Ленехинымъ? Помните ли, какъ мы въ ту же минуту отвѣчали, что такого чиновника въ нашемъ вѣдомствѣ не состоитъ, а между тѣмъ этого Ленехина заднимъ числомъ изъ службы выключили?

Андрей Иванычъ. А помните ли вы, какъ у нашего графа князь Р. мнѣнія по дѣлу Теницына спрашивалъ?

Иванъ Андреичъ. Помню, помню!.. Еще мы ему отвѣчали, что наше мнѣніе то же, что и по дѣлу Чурилова... Помню!

Андрей Иванычъ. И какъ онъ къ намъ потомъ приставалъ, что обстоятельства сихъ двухъ дѣлъ совершенно различныя, а мы ему въ отвѣтъ все одно да одно: отвѣтственно — дескать тогда-то, за нумеромъ такимъ-то!

Иванъ Андреичъ. Ха-ха!

Андрей Иванычъ. Да, были мастера! Были... да сплыли.

Иванъ Андреичъ. Оно и нынче, ваше превосходительство, не мудрено бы... Всѣ эти марки, нумера... Можно бы ко всему привыкнуть... Только вотъ слугъ нѣтъ!

Андрей Иванычъ. Нѣтъ. (*Задумываются и вздыхаютъ.*)

Иванъ Андреичъ (*послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія*). Вотъ и насъ съ вами, ваше превосходительство...

Андрей Иванычъ. Сократили.

Иванъ Андреичъ. А мы могли бы еще послужить, ваше превосходительство!

Андрей Иванычъ. И очень.

Иванъ Андреичъ. Вашему превосходительству и всего-то пятьдесятъ съ небольшимъ.

Андрей Иванычъ. Да и вашему превосходительству не больше шестидесяти...

Иванъ Андреичъ. Мы еще много полезныхъ вещей могли бы сдѣлать, ваше превосходительство!

Андрей Иванычъ. Да, мы бы... тово...

Иванъ Андреичъ. Возьмемъ хоть инспекторскую часть: сколько бы тутъ графъ новыхъ можно было подѣлать! Или еще: приказы издаются нынче по вѣдомствамъ, а можно бы, сверхъ того, издавать ихъ и по алфавиту...

Андрей Иванычъ. Полезно.

Иванъ Андреичъ. Иной, ваше превосходительство, не знаетъ, въ какомъ вѣдомствѣ служитъ лицо, его интересующее, а по алфавиту его въ одну минуту отыскать можно.

Андрей Иванычъ. Удобство большое.

Иванъ Андреичъ. И удобство-съ, а главное, что для всѣхъ безобидно...

Андрей Иванычъ. Это главное. (*Новое молчаніе, въ продолженіе котораго Иванъ Андреичъ хочетъ что-то сказать, но нѣкоторое время не рѣшается.*)

Иванъ Андреичъ (*заискивающимъ голосомъ*). А что, ваше превосходительство, если дѣйствительно оправдается слухъ этотъ самый, что васъ на мѣсто Петра Григорьича?

Андрей Иванычъ (*повертываясь на стулѣ отъ внутренняго довольства*). Развѣ слухъ есть?

Иванъ Андреичъ. Ходитъ, ваше превосходительство, ходитъ!

Андрей Иванычъ (*тревожно*). Развѣ сказывалъ кто?

Иванъ Андреичъ. Какъ-же-съ, ваше превосходительство, какъ-же-съ! Давеча иду я по Гороховой (я нынѣче, отъ нечего-дѣлать, моціономъ больше занимаюсь), и вдругъ-это, изъ-за угла, на-встрѣчу мнѣ Гаврило Петровичъ...

Андрей Иванычъ. Гаврило Петровичъ? Онъ, кажется, благонамѣренный?

Иванъ Андреичъ. Отличный человѣкъ-съ! Ни про кого кромѣ пріятнаго ничего не скажетъ! А ужъ какъ ваше превосходительство уважаетъ, такъ даже захлебывается весь-съ!..

Андрей Иванычъ. Надо имѣть въ виду... Ну-съ?

Иванъ Андреичъ. Ну-съ, встрѣчается со мной Гаврило Петровичъ. „А слышали, говоритъ: вѣдь Андрея-то Иваныча на мѣсто Петра Григорьича хотятъ назначить? А мы, говоритъ, думали, что у насъ ужъ и департаментъ-то весь прахомъ пошелъ!"

Андрей Иванычъ (*подумавши*). Что жъ, я послужить не прочь!

Иванъ Андреичъ. А ужъ для службы-то было бы какъ полезно!.. такъ полезно! Безъ лести вашему превосходительству доложу!

Андрей Иванычъ (*повеселѣвъ*). Ну, ужъ и вы тогда на меня не пеняйте, Иванъ Андреичъ! Я ваше превосходительство опять на свѣжую воду выведу! Въ вицы, сударь, ко мнѣ, въ вицы!—вотъ мы, сударь, какъ васъ!

Иванъ Андреичъ (*внезапно покрываясь масломъ*). Что жъ, ваше превосходительство!.. И я отъ трудовъ не прочь!

Андрей Иванычъ. Славно мы заживемъ!

Иванъ Андреичъ. Главное, ваше превосходительство, что единодушіе будетъ... Потому что у меня, ваше превосходительство, и ухо, и око, и все, такъ сказать... Это какъ передъ истиннымъ Богомъ-съ!... Потому что, при исполненіи служебныхъ обязанностей, и

душа и тѣло—все это не мое, а начальниково-съ... Вотъ я какъ себя понимаю!

Андрей Иванычъ. Это основательно!

Иванъ Андреичъ. А потому самому я и позволяю себѣ думать, что если бы на мѣсто Петра Григорьича назначили ваше превосходительство—эта часть большому бы подверглась преуспѣянію!

Андрей Иванычъ. Да, я бы... тово!

Иванъ Андреичъ. Возьмемъ хоть инспекторскую часть... Сколько тутъ добраго можно сдѣлать!

Андрей Иванычъ. Да, я бы... тово...

Иванъ Андреичъ. Или вотъ насчетъ опредѣленій и увольненій... Вѣдь это теперь, ваше превосходительство, въ младенчествѣ...

Андрей Иванычъ. Да, я бы... тово... Я бы все это двинулъ.

Иванъ Андреичъ. У васъ бы, ваше превосходительство, не зазѣвались!

Андрей Иванычъ. Надо такъ полагать!

Иванъ Андреичъ. Однимъ словомъ, ваше превосходительство, только бы это устроилось, а ужъ мы бы... (*Машетъ рукой и задумывается. Андрей Иванычъ тоже нѣкоторое время разсѣянно пускаетъ кольца дыма. Оба встаютъ.*)

Вмѣстѣ (*къ публикѣ*). Да! Мы бы... мы бы... (*Скороговоркой и рѣшительно.*) Да, мы бы... тово!

IV.—Скрежетъ зубовный.

(Посвящается любителямъ отечественнаго просвѣщенія.)

Май у насъ нынѣче особенно душистъ и радошенъ. На волѣ, за городомъ, такъ хорошо, свѣжо, нарядно и благоуханно, что, кажется, вѣкъ бы не вышелъ оттуда. Поля въ иномъ мѣстѣ уже покрыты сильными зеленями, въ другомъ еще сверкаютъ черноватыми полосами только-что взрыхленной земли; деревья одѣты довольно густою, но еще молодою, некрасна-зеленою листвою; воздухъ влаженъ и весь проникнутъ испареніями нѣжащейся на весеннемъ солнцѣ земли; въ синемъ небѣ не видно ни облачка, и все оно словно играетъ, словно

сверкаетъ, но не тѣмъ давящимъ сверканіемъ, какимъ бываетъ облито знойное іюльское небо, а какимъ-то мягкимъ, ласковымъ, радостнымъ, точно милое, улыбающееся лицо ребенка, только-что освѣженное студеною водою; въ пространствѣ волнами ходятъ звуки. Богъ вѣсть откуда и кѣмъ заносимые: радостные и торжествующіе, они сплошнымъ гуломъ стелются по землѣ, словно сама всецѣлая природа въ этихъ звукахъ стонетъ подъ бременемъ внутренней силы и ликованія. И неизвѣстно, посредствомъ какого тайнаго процесса все это ликованіе, все это цвѣтеніе, вся эта сила, звучность и ясность вдругъ переходятъ внутрь человѣка, и дѣлается ему такъ легко, такъ хорошо жить на свѣтѣ, что даже душа какъ будто играть начинаетъ... право!

Зато картина пустѣющаго города съ каждымъ днемъ дѣлается печальнѣе и печальнѣе. Замеръ послѣдній звукъ польки, разыгранной усердымъ оркестромъ гарнизоннаго батальона: замерли балы, никники, рауты и катанья; замерли таинственныя рѣчи болѣе или менѣе любовнаго содержанія, напоптываемыя ловкими канцеляристами и обольстительными юристами училища правовѣдѣнія во время кадрилей и мазурокъ: бѣлая ѣдкая пыль густою стѣной стоитъ на улицахъ; дорожные экипажи различныхъ видовъ и свойствъ то-и-дѣло снуютъ по направленію къ заставѣ, унося своихъ обладателей куда-то далеко-далеко, на лоно неумирающей природы и умирающаго крѣпостного права; все суетится, все рвется вонъ изъ города.

Замерли и начатки нашего краснорѣчія.

„Да, и у насъ оно выросло, это преславутое древо краснорѣчія, которымъ до сихъ поръ мы любовались лишь издали: и у насъ, подъ прохладною тѣнью его, уже многіе пріобрѣли для себя миръ душевный и невозмутимость сердечную: и у насъ, Dieu merci, болтаетъ Сергій, насытившись вдоволь разъѣдающими рѣчами раба божія Павла, можетъ въ веселіи сердца своего воскликнуть: „ахъ, чортъ возьми, кто бы могъ думать, что у насъ явятся такія ядовитыя вести!.. да вѣдь это Jules Favre pur sang!" (только видимый съ затылка, прибавлю я отъ себя)—да, и мы наконецъ съ законною гордостью можемъ сболтнуть изумленной Европѣ, что въ нашихъ

. . . . . parages
Le doux ramage

—уже не мечта разгоряченнаго воображенія, а настоящая, истинная

истина!.. И если вамъ, о, любители отечественнаго просвѣщенія! доселѣ остается неизвѣстнымъ сей достопримѣчательный фактъ, то это происходитъ оттого, что вы слишкомъ охотно разсуждаете о свойствахъ буквы ижицы, и изъ-за ижицы не замѣчаете обновляющейся Россіи.

Что до меня, то я самъ его видѣлъ, самъ убѣдился въ существованіи этого милаго растенія, называемаго древомъ краснорѣчія, и, если хотите, могу даже сообщить вамъ „краткое“ описаніе его. Почва, въ которой лежатъ его корни, болотиста и злокачественна: стволъ его жидокъ и тонокъ, но верхушка объемиста, и если не густа, то косматa: листья блѣдны и безсочны, но снабжены колючками, которыя если не наносятъ положительнаго вреда, то производятъ въ субъектѣ, къ нимъ касающемся, чесотку и волдыри. Вообще, это дитя хилое, больное, слабосильное и, несмотря на свои колючки, весьма безобидное. При малѣйшемъ дуновеніи вѣтра оно всей своей растрепанной массой приклоняется къ землѣ и рабски болѣзненно притомъ стонетъ. „Я безвреденъ! я безвреденъ!—слышится въ этомъ желанномъ стонѣ:—меня можно бить, и потому незачѣмъ убивать!“ И вѣтры все дуютъ да дуютъ, а дерево все живетъ да живетъ, какъ будто для того, чтобъ доказать нелѣпую мысль, что и въ мракѣ есть свѣтъ, и въ смерти есть жизнь.

Пріятель мой Иванъ Педагоговъ, великій охотникъ до всякаго рода словоизверженій, едва лишь издали завидѣлъ вершину этого дерева, какъ уже не въ силахъ былъ воздержать необузданность своего сердца, преисполненнаго благими намѣреніями и безкорыстнѣйшими побужденіями. Онъ вдругъ, безъ всякой побудительной причины, уподобился укушенному шакалу, началъ соваться и бѣгать, и въ заключеніе стиснулъ меня въ своихъ объятіяхъ, въ которыхъ однакожъ я, въ качествѣ наблюдателя, не могъ не замѣтить сильнаго присутствія реторики. „Любезный другъ! ты дѣлаешь сочиненіе на тему: „восходъ солнца“! думалъ я, покуда онъ задыхающимся отъ искуственнаго волненія голосомъ декламировалъ передо мной: „О, какъ мы должны гордиться тѣмъ, что дожили до такого момента! Другъ мой! Еслибы да къ этому на мѣсто Петра Петровича назначили Оедора Оедоровича, то нѣтъ сомнѣнія, что обновленіе нашего любезнаго отечества можно бы считать совершившимся!“ Послѣ этой рѣчи мы оба заплакали, заплакали гнусными, дѣлан-

ными слезами, и я до сихъ поръ не могу отдѣлаться отъ тяжести, которая легла на мое сердце отъ этихъ неприличныхъ слезъ.

Появленіе на нашей почвѣ дерева краснорѣчія тѣмъ болѣе должно было поразить, что до сихъ поръ мы думали, что ораторское искусство не можетъ быть добродѣтелью россіянъ. Предки наши занимались воздѣлываніемъ земли, утучняли стада свои, были гостепріимны и благодушны, сидѣли большею частью „уставя брады"; когда же хотѣли солгать, то приговаривали только: „да будетъ мнѣ стыдно", и затѣмъ были уже совершенно увѣрены, что любезный собесѣдникъ обязанъ принимать слова ихъ за чистую монету. Вотъ свидѣтельство, оставленное намъ исторіей. Сверхъ того, извѣстно, что россіяне съ успѣхомъ занимались приготовленіемъ многоразличныхъ сортовъ меда, но, во всякомъ случаѣ, въ числѣ этихъ сортовъ никогда не значилось меда краснорѣчія.

Очевидно, что, при такомъ земледѣльческомъ, скотоутучняющемъ характерѣ цивилизаціи, страсти къ словоизверженіямъ не могло быть дано много мѣста. „Бинь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами", гласитъ намъ мудрость вѣковъ; а „Пчелы", да „Изумруды" прибавляютъ: „человѣку даны два уха, чтобъ слушать, и одинъ языкъ, чтобъ говорить".

И дѣйствительно, отцы наши говорили или черезъ-чуръ сжато, или же хотя по временамъ и размашисто, но больше наполняли свои рѣчи украшеніями и учтивостями въ родѣ: „тово", „таперича", „тово-воно какъ оно", „съ позволенія сказать" и т. д. Въ подкрѣпленіе моей мысли позвольте мнѣ представить вамъ нѣсколько образцовъ этого древняго, коренного нашего витійства.

Краснорѣчіе Мареа. „Не разсуждать! руки по швамъ!" При этомъ—гласитъ преданіе—нерѣдко случалось и такъ, что Марей, вмѣсто словъ, ограничивался простымъ рычаніемъ, что, безъ сомнѣнія, представляетъ самую сжатую форму для изъясненія чувствъ и мыслей.

Краснорѣчіе сельское. Но объ этомъ видѣ краснорѣчія я много распространяться не стану; оно вполнѣ резюмировано г. Тургеневымъ въ звукѣ: „чюки-чюкъ! чюки-чюкъ!"

Краснорѣчіе бюрократическое. „Да вы знаете ли, милостивый государь! да какъ вы осмѣлились, государь мой! да извѣстно ли вамъ, что я васъ туда упеку, куда Макаръ телятъ не гонялъ!"

Краснорѣчіе торжественное, или, такъ сказать, обѣденное.

Очень радъ, господа, что имѣю случай... тово... Это теперича доказываетъ мнѣ, что вы съ одной стороны... чувства преданности... ну, и прочее... а съ другой стороны и я, безъ сомнѣнія, не премину... отъ слезъ не могу говорить... Господа! за здоровье Крутогорской губерніи!"

Однимъ словомъ, пользуясь указаніями опыта и бывшими примѣрами, мы имѣли полное право догадываться, что у насъ скорѣе можетъ процвѣтать балетъ, нежели драматическое искусство.

И вдругъ мы задумали отречься отъ преданій, завѣщанныхъ благоразумными отцами нашими, и въ юношескомъ восторгѣ забыли даже пословицу: бѣлъ пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами. Мы, весь свой вѣкъ твердившіе: „а вотъ поговори ты у меня, такъ узнаешь, какъ кузькину мать зовутъ", мы, проливавшіе слезы умиленія при одномъ словѣ: „безмолвіе", которымъ грады и веси цвѣтутъ — мы... вдругъ почувствовали, что у насъ одно ухо, чтобъ слушать, и два языка, чтобъ говорить, и что пирогъ, который мѣшалъ намъ свободно разѣвать ротъ, съѣденъ весь безъ остатка... Да полно, мы ли это?

Н-да, это мы.

Въ одно морозное, свѣтлое ноябрское утро мы проснулись и безъ всякой причины ощутили въ себѣ нѣчто въ высшей степени странное. Какъ будто вокругъ насъ что-то измѣнилось: и просторъ съузился, и пригорочки на ровныхъ мѣстахъ появились; какъ будто въ насъ нѣчто оборвалось; какъ будто и извнѣ, и внутри что-то, въ одно и то же время, и покалываетъ, и тревожитъ, и возбуждаетъ, и смущаетъ насъ. „Добро бы еще это случилось весной, когда, по пословицѣ, и щенка щенку обнять желаетъ, а то, разсудите сами, на дворѣ осень, глубокая темная осень, а въ насъ происходитъ явленіе чисто весенняго свойства! И въ то же самое время (должно полагать, вслѣдствіе общаго ненормальнаго состоянія организма) въ оконечностяхъ языка почувствовали мы нестерпимое раздраженіе... „Напаса, хацу гавалить!" сказали мы. — „Говори, другъ мой!" отвѣчали намъ.

Какая же причина столь внезапнаго явленія? Что заставило насъ замѣнить наше прежнее необузданное молчаніе столь необузданною болтовнею?... Хотя отвѣчать на этотъ вопросъ довольно трудно, однако попытаюсь.

Ближайшія изслѣдованія даютъ поводъ думать, что первою и

главною побудительною причиной было то, что намъ вышло позволеніе говорить, подобно тому, какъ выходятъ: отставка, опредѣленіе, отсрочка, новыя формы и т. д. Спрашивается: если вышла человѣку отставка, можетъ ли онъ продолжать служить? Если вышла человѣку новая форма одежды, можетъ ли онъ продолжать ходить въ старой? Подобно сему, если вышло человѣку дозволеніе говорить, можетъ ли онъ молчать? И самое нежеланіе съ его стороны воспользоваться предоставленнымъ правомъ не должно ли быть признано равносильнымъ ослушанію волѣ начальства?

Разрѣшеніе этихъ скромныхъ вопросовъ вовсе не такъ легко, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Я даже думаю, что для совершенно яснаго ихъ разумѣнія необходимо перенестись на историческую почву, нужно принять въ соображеніе et ceci, et cela. Какъ понималъ, напримѣръ, слово „дозволеніе" Гостомыслъ? какой смыслъ давали ему Рюриковичи? и прямо или перекосясь взирали на него Батыевичи? Но, вступая на историческую почву, я прежде всего долженъ откровенно признаться, что свѣдѣнія мои о Гостомыслѣ весьма слабы. Помню, что когда я былъ маленькій, то съ именемъ его въ умѣ моемъ соединялась мысль о мракѣ временъ, а съ мыслью о мракѣ временъ соединялось представленіе темнаго чулана, ключъ отъ котораго постоянно хранился у ключницы Акулины. А такъ какъ старая Акулина охотнѣе согласилась бы разстаться съ жизнью, нежели подѣлиться съ кѣмъ-нибудь драгоцѣннымъ ключомъ, то мнѣ оставалось сожалѣть только о томъ, что чуланъ недостаточно великъ, чтобъ скрыть въ своемъ мракѣ, кромѣ Гостомысла, еще десятка два лицъ, которыя безъ ущерба для своей репутаціи могли бы воспользоваться этимъ убѣжищемъ. Впослѣдствіи я пришелъ въ возрастъ: изученіе исторіи продолжалось, но старую Акулину уже замѣнилъ почтенный нашъ публицистъ М. П. Погодинъ. Онъ также никому не довѣрялъ ключа отъ своего чулана, и я, вновь не имѣя возможности познакомиться съ „мракомъ временъ", попрежнему негодовалъ на моего руководителя: зачѣмъ онъ окуталъ подвальнымъ туманомъ хотя удѣльный періодъ, эту безалабернѣйшую тюрю изъ всѣхъ недоѣденныхъ тюрь, когда-либо хранившихся въ подвалахъ и чуланахъ разсчетливыхъ русскихъ хозяекъ. Итакъ, все, что я могу сообщить читателямъ о Гостомыслѣ, заключается въ томъ, что это былъ тотъ самый старичина, который разрѣшилъ своимъ одноде-

венцамъ просить варяговъ въ наши хлѣвы хлѣба-соли откушать. Какъ будто сквозь сонъ мелькаетъ передъ глазами моими лубочная картина, видѣнная мною еще въ томъ счастливомъ возрастѣ, когда Акулина была неразлучною спутницей моихъ историческихъ изысканій. Гостомыслъ изображенъ на ней лежащимъ на кровати (къ сожалѣнію, фамилія мебельнаго мастера, дѣлавшаго кровать, осталась неизвѣстною); вокругъ него стоятъ, какъ водится, уставя бороды, въ длинныхъ парчевыхъ мантіяхъ, коварные царедворцы того времени, къ которымъ маститый старецъ держитъ рѣчь свою.

Внизу безобразнѣйшимъ шрифтомъ было изображено: „Гостомыслъ *разрѣшаетъ* своимъ единоплеменникамъ призвать варяговъ изъ-за моря". Заучивши наизусть эту подпись, я былъ твердо увѣренъ, что варяги были какіе-нибудь благодѣтельные геніи, въ родѣ бывшаго въ то время въ нашемъ городѣ городничаго, безпрестанно слонявшагося по мяснымъ рядамъ безъ всякой иной цѣли, кромѣ попечительнаго наблюденія, чтобъ жителямъ не были продаваемы съѣстные припасы въ испорченномъ видѣ. Каково же было мое удивленіе, когда я впослѣдствіи изъ книгъ и наставленій нашего почтеннаго публициста узналъ, что эти варяги только и дѣлали, что жгли и грабили русскую землю; что они были не только непростительно невѣжливы съ нашими дамами, но даже не давали себѣ труда попросить въ своихъ невѣжествахъ извиненія у ихъ мужей; что они угоняли стада наши, безцеремонно выпивали нашъ медъ, и, дергая нашихъ доблестныхъ предковъ за бороды, давали симъ послѣднимъ (т.-е. бородамъ) презрительное наименованіе „мочалокъ"! Извѣстившись объ этихъ неистовствахъ, я долго не могъ придти въ себя отъ огорченія. „Что могло заставить,—восклицалъ я въ мучительномъ безпокойствѣ:—что могло заставить нашихъ предковъ внезапно забыть всѣ оскорбленія и стремглавъ броситься за-море къ варягамъ?" И я долго мучился бы этимъ вопросомъ, еслибы, съ лѣтами, не сталъ твердою ногою на ту историческую почву, съ которой мнѣ сдѣлалось яснымъ, какъ дважды два, что весь узелъ этой драмы заключается именно въ словѣ: „разрѣшеніе". Да; не „разрѣши" Гостомыслъ—и долго, быть можетъ, не было бы порядка въ землѣ русской, и долго, быть можетъ, оставалась бы она только великою и обильною! И затѣмъ всюду, куда я потомъ ни обращался, бродя по дебрямъ и лѣсамъ нашей исторіи, всюду видѣлъ, что слово „разрѣшеніе" имѣло для насъ такую ма-

гическую силу, отъ которой слабѣли не только умы, но и желудки нашихъ предковъ. Вотъ Рюриковичи, разрѣшающіе своимъ добрымъ подданнымъ полянамъ колотить добрыхъ подданныхъ кривичей, а кривичамъ — добрыхъ подданныхъ радимичей. И всѣ эти поляне, кривичи и радимичи не только не задаютъ себѣ вопроса, откуда и на какой конецъ этотъ градъ колотушекъ, но, пользуясь даннымъ разрѣшеніемъ, съ безкорыстною отчетливостью тузятъ другъ друга и по сусаламъ, и подъ микитки, и въ рождество! Вотъ Батыевичи, любезно разрѣшающіе нашимъ предкамъ платить имъ дани многи, и предки не только пользуются этимъ дозволеніемъ, но даже всякій разъ произносятъ при этомъ: „хи-хи!" Вотъ Иванъ Грозный, разрѣшающій утопить въ Волховѣ цѣлое народонаселеніе; вотъ Петръ Великій, разрѣшающій дворянамъ вступать на службу и брить бороды... Боже, какъ дѣлается легко, какъ все становится ясно, если перенесешь вопросъ на историческую почву! И что бы мы стали дѣлать, если бы не было у насъ этой благодѣтельной исторической почвы? Пожалуй, смотря на нашихъ нынѣшнихъ ораторовъ, мы и впрямь могли бы подумать, что они заговорили — чего добраго — не дождавшись разрѣшенія!..

Но, слава Богу, этого нѣтъ, и я надѣюсь, о. любители отечественнаго просвѣщенія! что въ настоящее время слово „разрѣшеніе" имѣетъ для васъ ясный и опредѣленный смыслъ, и что самая исторія настоящей цивилизаціи вполнѣ разъясняется посредствомъ одного этого слова.

Итакъ, если кѣмъ-либо употребляется, напримѣръ, выраженіе: „дозволяется быть веселымъ", то это положительно значитъ, что веселость есть вещь обязательная, и что всякій, кто отнынѣ осмѣлится взглянуть исподлобья, или быть недовольнымъ погодой, и проч., долженъ подлежать истязанію, какъ нарушающій общественную симметрію. Подобно сему, слова: „позволяется говорить" — положительно означаютъ... не то, что отнынѣ могутъ пользоваться даромъ слова желающіе, а то, что всякій благонамѣренный гражданинъ долженъ считать своею обязанностью говорить, и не просто говорить, а до тѣхъ поръ, пока на устахъ не покажутся клубы пѣны, а глаза не провалятся Богъ вѣсть куда... Выходитъ, что это ужъ не краснорѣчіе, а нѣчто въ родѣ щекотанія подъ мышками...

Второю причиной, побудившей насъ къ словеснымъ подвигамъ,

было. кажется, то, что въ послѣднее время развелось на Руси много людей, которые вдругъ, ни съ того, ни съ сего, начали утверждать, что вѣчно спать невозможно. Сначала одинокіе голоса эти насъ забавляли; мы даже охотно имъ вѣрили, потому что дѣло касалось насъ еще стороною. Но вотъ мало-по-малу они начали раздаваться назойливѣе и назойливѣе, и въ то самое время, когда, погруженные въ волшебный сонъ, мы ходили по коврамъ и по бархату, нѣкто взялъ на себя трудъ окончательно растолкать насъ. „Очнитесь, лежебоки! — услышали мы: — вставать велѣно!“ Можете себѣ представить, въ какой переполохъ мы пришли отъ этого привѣтствія! Съ просонья мы были нѣкоторое время въ недоумѣніи, не зная, трусить ли намъ, или быть храбрыми, уткнуться ли снова въ подушку, или выставить измятое лицо на свѣтъ божій... Вокругъ насъ все смотрѣло какъ-то ново и непривычно; кипѣла новая жизнь, проходили новые люди, которые глядѣли на насъ хотя и безъ злобы, но съ какою-то сдержанной ироніей. „Что намъ дѣлать? что намъ дѣлать? — восклицали мы, ощущая всѣ муки предсмертной тоски: — откуда всѣ эти приспѣльцы? что значатъ эти приготовленія?“ И долго бы колебались мы, если бы время не убѣдило насъ, наконецъ, что надъ нами много смѣются и очень мало злорадствуютъ. „Слѣдовательно надо быть храбрыми!“ воскликнули мы, и въ то же мгновеніе разразились цѣлымъ потокомъ словъ. Мы внезапно почувствовали, что и мы можемъ лицомъ товаръ показать, тѣмъ болѣе, что намъ предстояло защищать свое право лежанія, сладкое право, безъ боя добытое нашими предками.

Итакъ, второю причиной нашей болтливости было живое и законное чувство самосохраненія.

Объ чемъ же мы говоримъ и какъ говоримъ? спросите вы. Прежде, нежели отвѣчать на этотъ вопросъ, позвольте мнѣ разсказать нѣсколько печальныхъ исторій.

У меня былъ знакомый, который вмѣстѣ съ прелестнѣйшимъ голосомъ былъ одаренъ отъ природы и чувствительнѣйшей душою. Повидимому, нѣжный теноръ и чувствительная душа — двѣ вещи, которыя какъ нельзя болѣе идутъ другъ къ другу, однако на дѣлѣ выходило совершенно противное. Едва, бывало, затянетъ мой пріятель: „oh, per che non posso odiar ti“, какъ голосъ его внезапно оборвется, и изумленные слушатели, вмѣсто нѣнія, дѣлаются свидѣ-

телями самыхъ горькихъ, а иногда и безобразныхъ рыданій. Такимъ образомъ мы, почитатели вокальныхъ дарованій нашего друга, такъ-таки и не могли добиться случая насладиться звуками его голоса, хоть ни одинъ изъ насъ ни на минуту не усомнился въ томъ, что голосъ этотъ долженъ быть прелестенъ.

У меня былъ другой знакомый, который могъ бы быть образцовымъ человѣкомъ, если бы... еслибы не та же чувствительность, бѣдственныя послѣдствія которой описаны уже мною выше. Бывало, недѣлю-другую пріятель мой только и дѣла что благодѣтельствуетъ, а потомъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, взгрустнетъ... и пошелъ все въ рыло да въ рыло.

У меня есть третій знакомый, который могъ бы быть весьма пріятнымъ публицистомъ, еслибы перо его, собственнымъ своимъ побужденіемъ, не производило всякій разъ такого кляксы, послѣ которой дѣятельность публициста становится совершенно невозможною.

Примѣровъ такихъ маленькихъ несчастій встрѣчается не мало, и я разсказалъ объ нихъ для того собственно, что у меня развелось въ настоящее время множество знакомыхъ, которые могли бы затмить своимъ краснорѣчіемъ и Беррье, и лорда Дерби, если бы не препятствовало тому несовмѣстное съ ораторскою карьерой косноязычіе.

Однако вы можете себѣ представить, какъ я долженъ чувствовать себя несчастливымъ, проводя жизнь среди такихъ неудавшихся дарованій! Очевидно, я долженъ ихъ утѣшать, увѣрять деликатнымъ образомъ, что это ничего, что это пройдетъ, что, можетъ быть, и ихъ усердіе принесетъ со временемъ желаемые плоды... Но къ дѣлу.

„Объ чемъ мы говоримъ и какъ говоримъ?" Легко вамъ поставить такой вопросъ, но каково тому, кто принялъ на себя добровольную обязанность отвѣчать на него! Уловите мнѣ „сію мечту", которая вотъ-вотъ сейчасъ зародилась въ головѣ вашего молчаливаго и углубившагося въ себя сосѣда! А между тѣмъ „сія мечта" существуетъ —въ этомъ вы не можете сомнѣваться, потому что сами видите, какъ она явственно играетъ на губахъ и въ бровяхъ молчаливаго господина! Уловите мнѣ это благоуханіе, эту раздражающую эманацію любви, которая горитъ въ воздухѣ, окружающемъ вашу возлюбленную. А между тѣмъ вы ни на минуту не можете усомниться въ существованіи ихъ, потому что слишкомъ явственно ощущаете, какъ сердце ваше мучительно раскрывается, чтобъ принять въ себя эти

жгучія ощущенія! Поймайте мнѣ, наконецъ, рукой первый палецъ той же руки, заключенный между вторымъ и третьимъ пальцами.

Увѣряю васъ, что уловить характеръ и содержаніе нашего краснорѣчія гораздо труднѣе, нежели... нежели даже поймать вышеупомянутый первый палецъ.

Однако попытаюсь.

Во-первыхъ, я долженъ съ прискорбіемъ сознаться, что сжатость, которою преимущественно щеголяли наши предки, утрачена нами безвозвратно. Увы! мы уже не говоримъ больше: „цыцъ, собака!" Мы уже находимъ, что эти первобытныя формы не соотвѣтствуютъ современному состоянію цивилизаціи, и что никакая рѣчь не можетъ быть, въ строгомъ смыслѣ, названа человѣческою, если она не обставлена приличными дѣлу обстоятельствами и не заключаетъ въ себѣ силлогизма. Поэтому мы стараемся выразить мысль нашу не прямо, а какъ-нибудь стороною: даемъ, напримѣръ, почувствовать, что „на свѣтѣ становые существуютъ", что „если они существуютъ, то надо полагать, что есть какая-нибудь цѣль этого существованія"... Или, напримѣръ, по поводу искренняго желанія содрать кожу съ нашего ближняго, мы отнюдь не выскажемъ прямо, что очень бы, дескать, пріятно и, такъ сказать, пользительно, но прежде углубимся въ дѣвственные лѣса Америки, поднимемъ завѣсу, скрывающую отъ насъ древній Римъ, „съ истиннымъ прискорбіемъ" найдемъ, что вездѣ и всегда обдираніе ближняго считалось чуть-ли не доблестью, и только тогда уже, когда достаточно забросаемъ слушателя грязью нашихъ историческихъ и статистическихъ изысканій, осторожненько заключимъ, что если вездѣ были люди, вездѣ человѣки, что если древній Римъ, покорившій полъ-вселенной... то почему же бы и намъ и т. д.

Признаюсь откровенно, я душевно оплакиваю такое направленіе нашего краснорѣчія. Во-первыхъ, я всякій разъ вспоминаю при этомъ наше древнее: „да будетъ мнѣ стыдно", а во-вторыхъ, мнѣ истинно жаль, что столько драгоцѣннаго времени, которое можно было бы съ пользою употребить за зеленымъ столомъ, тратится на сомнительное и торопливое ознакомленіе съ „краткой всеобщей исторіей" Кайданова.

Второе качество, дающее содержаніе нашему краснорѣчію, заключается въ желаніи нашемъ доказать, что мы люди и ничто человѣческое намъ не чуждо. Казалось бы, что людямъ нечего и доказывать,

что они люди: вѣдь такъ естественно быть человѣкомъ! Однако мы усиливаемся, мы заявляемъ объ этомъ всѣмъ и каждому, мы просимъ вѣрить и даже очень огорчаемся, если бы кому-нибудь вздумалось покачать при этомъ головою. Что означаетъ этотъ фактъ? То ли, что мы до сихъ поръ были слишкомъ робки, или то, что нами искони обладало чрезмѣрное высокомѣріе?

Я полагаю, что въ этихъ безпрестанныхъ оговоркахъ и извиненіяхъ есть частица того и другого. Многіе изъ насъ были дѣйствительно до того скромны, что названіе „людей" охотно присвоивали всѣмъ и каждому, исключая самихъ себя. Французъ — человѣкъ, англичанинъ — человѣкъ, даже нѣмецъ отчасти человѣкъ, но мы.... какъ мы смѣемъ! Другіе, напротивъ того, до безконечности злоупотребляя словомъ „человѣкъ", не на шутку убѣдились, что намъ можно называться барами, благородіями, превосходительствами и т. д., но отнюдь не „человѣками". Слѣдовательно, появленіе въ нашемъ разговорномъ языкѣ слова: „человѣкъ", въ собственномъ его смыслѣ, было такъ ново и такъ оригинально, что нѣтъ ничего удивительнаго, если на первыхъ порахъ мы желаемъ вдоволь натѣшиться имъ. За то посмотрите на насъ, какъ мы краснѣемъ и потупляемъ глаза, когда объявляемъ во всеуслышаніе о своей принадлежности къ общечеловѣческой семьѣ! Сквозь каждый звукъ нашего голоса просвѣчиваетъ и нетерпѣніе наше какъ можно скорѣй получить дипломъ на званіе человѣковъ, и наша неувѣренность въ томъ, дѣйствительно ли мы „люди". и не напустили ли мы на себя это мнѣніе, подобно тому, какъ долгое время напускали на себя убѣжденіе въ томъ, что мы герои и цѣлый міръ шапками закидать можемъ. Тѣмъ не менѣе (послѣ того говорите, что я человѣкъ мало снисходительный!).—несмотря на то, что эти стыдливыя, прикрытыя фиговымъ листомъ протестаціи, эти жалобныя моленія страшно раздражаютъ мнѣ нервы, — я все-таки вижу въ нихъ успѣхъ и нахожу ихъ похвальными и заслуживающими поощренія. И въ этомъ случаѣ я не только не противорѣчу самому себѣ, но, напротивъ того, имѣю даже совершенно основательныя причины радоваться такому искаженію мысли человѣческой. По крайней мѣрѣ, думаю я, теперь рѣже и рѣже встрѣчаются тѣ неистовые герои, которые нѣкогда языкомъ своимъ приводили въ ужасъ самую природу, ихъ создавшую. По крайней мѣрѣ, если древнее ехидство еще живо, то оно уже не поднимаетъ головы, не говоритъ во всеуслышаніе, что

оно ехидство, но робко извивается по землѣ и, заговаривая льстивыми голосами, просить пожаловать ему ручку поцѣловать. Согласитесь, что это уже изрядный шагъ впередъ, и что всякій, желающій пользы дѣлу, о томъ только и долженъ умолять боговъ, чтобъ неувѣренность въ человѣческомъ достоинствѣ продолжилась въ насъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, когда мы и въ самомъ дѣлѣ сдѣлаемся людьми. Ибо, въ противномъ случаѣ, мы, чего добраго, спевѣжничаемъ и какъ разъ уподобимся тѣмъ мужикамъ-бахваламъ, про которыхъ сложена поговорка: „человѣкъ онъ умный: на пусто не плюнетъ, а все въ горшокъ да въ чашку“.

Третье качество, въ которомъ мы искренно желаемъ завѣрить почтенѣйшую публику, намъ внимающую, есть современность. Когда все кругомъ насъ говоритъ и пишетъ объ обветшалости крѣпостного права, о неудобствѣ откуповъ, взяточничества и казнокрадства, можемъ ли мы оставаться равнодушными? Можемъ ли мы, спрашиваю я васъ, удержать біенія сердецъ нашихъ и не приподнесть нашего собственнаго издѣлія букетовъ на алтарь отечества? Очевидно, что нѣтъ — во-первыхъ, потому, что это не будетъ à la mode, а во-вторыхъ, и потому, что кто же бы тогда сталъ внимать намъ? Вымолвимъ мы теперь такое слово, какъ напримѣръ: *откупа полезны*, гдѣ жъ бы нашлась публика для такихъ рѣчей?! Итакъ, мы условились единодушно и заранѣе, что откупа — гадость, взяточничество — мерзость, казнокрадство — мерзость, ябедничество — мерзость, а крѣпостное право — une chose sans nom. Но, Господи! что за горечь кипитъ въ нашихъ сердцахъ, когда мы произносимъ эти слова! Какое горькое дрожаніе усматривается на поблѣднѣвшихъ губахъ нашихъ! что за соленый вкусъ ощущается на языкѣ, когда онъ лепечетъ заповѣдное вступленіе къ предстоящей рѣчи: „господа! нѣтъ сомнѣнія, что предметъ, насъ занимающій, заслуживаетъ искренняго нашего сочувствія!“ „Чорта съ два, искренняго!“ думаемъ мы въ это самое время, и повѣрьте, что для насъ было бы во сто кратъ пріятнѣе, если бы заставили насъ проглотить ежа, нежели выдавить изъ себя эту простую, невинную фразу! Однакожъ мы выдавливаемъ ее, и хотя внутри насъ все колышится и какъ будто хохочетъ, но слова наши въ порядкѣ, носы не буйствуютъ, языки въ порядкѣ и даже физіономіи въ порядкѣ... Да, чортъ побери... въ порядкѣ!..

Изъ всего сказаннаго выше вы можете сами легко сдѣлать за-

ключеніе о томъ, что составляетъ содержаніе нашего краснорѣчія. Это, во-первыхъ, стараніе не войти въ слишкомъ явное противорѣчіе съ грамматикой и синтаксисомъ; во-вторыхъ, желаніе убѣдить всѣхъ и каждаго, что ничто человѣческое намъ не чуждо, и въ-третьихъ, стремленіе, хоть какъ-нибудь, хоть бокомъ пріобщиться къ общему, современному направленію идей. Словомъ, чтобъ опредѣлить характеръ нашего витійства однимъ терминомъ, можно назвать его разнозисто-стыдливо-пустопорожнимъ.

Однако я сознаю, что вы въ правѣ возразить мнѣ, что съ такимъ малоразнообразнымъ фондомъ можно съ грѣхомъ пополамъ составлять только вступленія или предисловія. Къ сожалѣнію, я ничего не могу сказать противъ этого, потому что и мнѣ достовѣрно извѣстно, что до сихъ поръ мы дѣйствительно говорили одни вступленія. Но, съ другой стороны, вы, конечно, будете снисходительнѣе, если примете въ разсчетъ молодость нашихъ лѣтъ, нашу неопытность и другія качества... Откуда взять намъ содержанія для нашихъ ораторскихъ упражненій? Изъ науки — но развѣ мы учились? Изъ жизни — но развѣ мы жили?

Въ первомъ отношеніи, я вамъ скажу по секрету, что если бы не „Русскій Вѣстникъ", то рѣшительно неизвѣстно, какъ бы мы вывернулись изъ нашихъ тѣсныхъ обстоятельствъ. Онъ впервые повѣдалъ изумленному міру, что есть на свѣтѣ государства благоустроенныя, есть государства такъ себѣ, что называется, середина на половинѣ, и есть государства совершенно разстроенныя (мы же до сихъ поръ, въ простотѣ души, объясняли себѣ, что государство есть государство и больше ничего); онъ довелъ до нашего свѣдѣнія, что усовершенствованные пути сообщенія не въ примѣръ лучше неусовершенствованныхъ; онъ поразилъ нашъ слухъ словами: „кредитъ" (подъ этимъ словомъ мы разумѣли исключительно опекунскій совѣтъ, въ которомъ закладывали свои имѣнія), „спекуляція" (съ этимъ словомъ въ умѣ нашемъ соединялось смутное понятіе о чемъ-то въ родѣ мазурика), „поземельная рента" (подъ этимъ выраженіемъ мы ровно ничего не разумѣли) и многими другими, при произнесеніи которыхъ мы благодарно раскрывали наши рты. Что было бы, что было бы, если бы не существовалъ „Русскій Вѣстникъ"? часто спрашиваю я самого себя. Я трепещу произнесть, но мнѣ кажется, что мы поневолѣ ввергнись бы въ бездну „Исторіи г. Кайданова" и „Статистики

г. Зябловскаго". Но такъ какъ, съ другой стороны, „Русскій Вѣстникъ" издается періодически и небольшими книжками, и слѣдовательно не можетъ за-разъ обучить всему, то очевидно, что покуда онъ будетъ издаваться, покуда не извлечетъ изъ первобытной тьмы всего, что̀ намъ на потребу, мы все-таки не можемъ съ увѣренностью сказать, что мы дѣйствительно что-нибудь знаемъ. Что̀, если вдругъ „Русскій Вѣстникъ", въ слѣдующей же книжкѣ, начнетъ разсматривать извѣстный вопросъ съ другой точки зрѣнія? думаемъ мы, блѣднѣя... И вдругъ окажется, что то̀, что̀ въ такомъ-то нумерѣ доказывалось такъ убѣдительно и осязательно, на самомъ дѣлѣ вовсе не убѣдительно и не осязательно? Куда мы тогда посѣли съ своими „кредитами" и „поземельными рентами"? Страхъ этой неизвѣстности заставляетъ насъ быть осторожными и держаться болѣе береговъ, не пускаясь далеко въ много-волнистое море научныхъ изысканій. Вотъ когда „Русскій Вѣстникъ" изобрѣтетъ компасъ, когда онъ окончитъ свое земное странствованіе и съ свойственною ему скромностью произнесетъ: „здѣсь предѣлы человѣческой мудрости, добрые сограждане!" —тогда милости просимъ поговорить съ нами.

Что касается до жизни, то какія поученія могли мы извлечь изъ нея? Или мы все по отлогому мѣсту, не знали ни враговъ, ни пригорковъ, не ѣхали, можно сказать, а катились. Урожай у насъ—Божья милость, неурожай—такъ, видно, Богу угодно: цѣны на хлѣбъ высоки—стало быть, такія куницы даютъ; цѣны низки—тоже куницы даютъ... Господи! и жарко-то намъ, и объѣлись-то мы, и не умѣемъ-то, и не знаемъ-то... поневолѣ со всякою мыслью свыкнешься, со всякимъ фактомъ примиришься! О чемъ тутъ думать, чѣмъ озабочиваться! Или какъ-нибудь прежде —проживемъ какъ-нибудь и теперь, и послѣ! Развѣ поможешь тутъ думаньями да размышленіями! И точно, мы не думали и не размышляли: развѣ по хозяйству что-нибудь укажешь, да и то больше рукой, а не словомъ...

Итакъ, ни наука, ни жизнь не даютъ дѣйствительнаго содержанія для нашего витійства. Понятно, что при такихъ данныхъ мы поневолѣ должны ограничиваться одними вступленіями и предисловіями, но за то въ искусствѣ предисловій мы въ самое короткое время сдѣлали столько успѣховъ, что едва-ли не обогнали на этомъ поприщѣ всѣ народы земного шара.

Послушаемъ нашихъ ораторовъ.

— Милостивые государи! — говоритъ престарѣлый князь Обо-лдуй-Тараканов (о происхожденіи и заслугахъ этого значительнаго древняго рода я когда-нибудь долгу читателю особо). — Милостивые государи! не подлежитъ никакому сомнѣнію, и всѣ вы, конечно, со мною согласитесь, что нашему любезному отечеству открывается будущность не только прекрасная, но даже, смѣю думать, и блестящая. Я, милостивые государи, и часто, и много объ этомъ помышляю въ тиши моего уединенія, и сознаюсь вамъ искренно, что результатъ моихъ помышленій есть таковъ: ни одно въ мірѣ отечество не имѣло столько прекрасныхъ залоговъ, столько утѣшительныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ несомнительныхъ принциповъ и данностей будущаго благополучія, сколько имѣетъ ихъ наша матушка Русь православная. Возьмемте древній Римъ, взглянемте изъ нашего отдаленія на Съверо-Американскіе Штаты, сошлемтесь на Францію и Англію (ужъ я не говорю, мм. гг., объ Испаніи!) — что мы видимъ? Вездѣ раздоры, вездѣ партіи: Маріи завидуетъ Силлъ. Аннибалъ Сципіону, и т. д. Взамѣнъ того, что видимъ у насъ? Города цвѣтутъ, селенія процвѣтаютъ, порядокъ не нарушается, арміи удивляютъ міръ, пролетаріатъ невозможенъ. Просвѣщенное дворянство стремится и изъявляетъ готовность, почтенное купечество съ своей стороны жертвуетъ, добрые земледѣльцы благоденствуютъ и наслаждаются плодами рукъ своихъ... однимъ словомъ, всѣ сословія соединены одною и притомъ неразрывною, такъ сказать, цѣпью! Не говорю здѣсь о разныхъ географическихъ данностяхъ, но невзлишнимъ считаю напомнить здѣсь, что мы имѣемъ Сибирь, которая, какъ извѣстно, составляетъ весьма важное подспорье въ нашемъ гражданскомъ и государственномъ быту. Таково наше настоящее, милостивые государи! Есть ли что-нибудь подобное въ другихъ государствахъ? Встрѣчалось ли такое соединеніе единодушія съ благодушіемъ въ какія бы то ни было отдаленныя времена исторіи? Никогда и нигдѣ. Вотъ плоды моихъ досельныхъ размышленій! Но отъ настоящаго обращусь къ грядущему, позволяя себѣ поднять трепетною рукою завѣсу, его скрывающую. (*Тако князя начинаетъ мало-по-малу перекатываться.*) Что вижу и тамъ, достойные мои слушатели? Я вижу усовершенствованные пути сообщенія, вижу безпримѣрное развитіе нашей промышленности, испытавшей на себѣ вліяніе благотворнаго и оплодотворяющаго кредита, вижу процвѣтаніе земледѣлія и

скотоводства, вижу свободный трудъ, господа! Нѣтъ сомнѣнія, что сей послѣдній есть такой же нервъ земледѣлія, какъ кредитъ—нервъ промышленности. Благодаря новѣйшимъ изысканіямъ нашихъ ученыхъ, это истина несомнительная, и съ нашей стороны было бы не только неблагоразумно, но и неразсчетливо отвергать ее. Итакъ, прежде всего заявимъ, милостивые государи, наше сочувствіе благодушной принципіи, которая въ отвлеченіи, т.-е. взятая сама по себѣ, не терпитъ возраженія. Да, я первый готовъ подать примѣръ въ этомъ смыслѣ, первый во всеуслышаніе готовъ сказать всѣмъ и каждому, что безъ свободнаго труда нѣтъ и не можетъ быть надежныхъ условій истиннаго процвѣтанія для государства! И не одинъ я такъ думаю: всѣ мы, господа, сколько насъ ни есть, единодушны въ этомъ отношеніи! Но если съ вершинъ отвлеченности мы спустимся къ низменностямъ практичности, если отъ умозрѣній великодушія обратимся къ примѣняемости обыкновенныхъ нашихъ житейскихъ условій — что мы должны заключать? То, мм. гг., что всякая теоричность прежде всего должна быть повѣрена практичностью, и только тогда можно судить, въ какой степени можетъ быть достигнута примѣняемость условій. Но справедливъ будетъ тотъ изъ васъ, достойные слушатели, кто изъ словъ моихъ заключитъ, что я врагъ теоретическихъ требованій, или осуждаю свободный трудъ въ его отвлеченности. Повторяю, что мы всѣ, и притомъ всѣми силами души, должны стремиться къ осуществленію этой мысли, но, какъ человѣкъ практичности, какъ земледѣлецъ, прибавляю: надо предварительно повѣрить эту мысль въ ея осуществительности, надо опредѣлить теченіе ея въ ея постепенности, надо приготовить почву, милостивые государи, и тогда уже, и только тогда начать сѣять наше прекрасное сѣмя! Сойдемъ въ тайники души своей, спросимъ себя съ полною откровенностью: готовъ ли *онъ* къ встрѣчѣ съ тѣми трудностями жизни, съ которыми будетъ неизбѣжно сопряжено его новое положеніе? И замѣтьте, господа, я не говорю о готовности умственной или нравственной... нѣтъ, я говорю о простой готовности физической... да, не болѣе какъ физической! Какія отличительныя черты встрѣчаемъ мы въ поселянахъ нашихъ? Младенческую безпечность и нѣкоторую наклонность къ сладостному far-niente. Поселянинъ, какъ дитя, срываетъ цвѣты жизни, не заботясь о будущемъ и вполнѣ слѣдуя евангельскому изреченію: *довлѣетъ дневи злоба его*. И все въ его суще-

ствованіи было приспособлено къ этому порядку вещей. Все ему улыбалось и ничто не огорчало. Требовались ли правительствомъ подати и повинности — онѣ платились за него; постигалъ ли страну неурожай —его ожидали богатые запасы землевладѣльца, всегда готоваго поспѣшить на помощь ближнему. Потворяю, онъ срывалъ цвѣты жизни, не касаясь корней ея. Если мы оторвемъ его отъ этого идиллическаго настроенія души, если поставимъ его лицомъ къ лицу съ суровой мачихой дѣйствительностью — чего можемъ мы ожидать? Не того ли, что онъ захиритъ и зачахнетъ, какъ хирѣютъ и чахнутъ тепличныя растенія, бывъ пересажены изъ теплой и влажной атмосферы теплицъ на холодную и негостепріимную почву нашихъ сѣверныхъ полей?.. И такъ, господа, во имя живого всегда присущаго намъ чувства чести, я умоляю васъ быть осмотрительными! Я умоляю васъ не спѣшить на встрѣчу волнамъ пожирающаго океана, подъ девизомъ вашихъ будущихъ дѣйствій избрать слова, глубоко начертанныя въ моемъ собственномъ сердцѣ: неторопливость и постепенность!

Князь кончаетъ при всеобщемъ ропотѣ одобренія. Онъ очень доволенъ собою и повидимому съ гордостью сознаетъ, что вполнѣ исполнилъ долгъ, предписываемый природою: сходилъ въ Америку, побывалъ въ Римѣ, заѣхалъ даже во Францію, не говоря объ Испаніи, высказалъ нѣсколько пріятныхъ словъ о „теоричности" и не навлекъ никакого сомнѣнія насчетъ знакомства своего съ грамматикой и словосочиненіемъ. Престарѣлое лицо его лоснится, роть улыбается до такой степени широко, что, кажется, такъ и хочетъ собѣгать посмотрѣть, что̀ дѣлается на затылкѣ; самая спина вздрагиваетъ какою-то веселою, юношескою дрожью, какъ будто она во что бы то ни стало хочетъ принять участіе въ недавнемъ словесномъ торжествѣ.

Слушатели тоже съ своей стороны довольны. Пріятель князя, Андрей Карлычъ Кирхманъ, успѣлъ шепнуть имъ на ушко, какой истинный смыслъ слѣдуетъ придавать словамъ: „постепенность и неторопливость": многіе, вслѣдствіе этого толкованія, весело потираютъ себѣ руки, и уважаемый Сила Терентьевичъ Барсученко считаетъ долгомъ незамедлительно и отъ имени всѣхъ возблагодарить князя.

— Позвольте и мнѣ, господа,—говоритъ онъ мягкимъ, словно бланжевымъ голосомъ: — позвольте и мнѣ положить свою ленту на алтарь отечества!.. Золотое вы слово сказали, князь, насчетъ этой

теоричности! Конечно, въ томъ и сомнѣваться нельзя, что всѣ мы не прочь и всѣ мы чувствуемъ, что любовь къ матушкѣ Россіи есть первый долгъ и священная обязанность. Князь очень вѣрно это выразилъ, и хотя я не имѣю блестящаго образованія, но понимать могу. Только ужъ насчетъ этой теоричности скажу, что лучше бы совсѣмъ ея не было! Я долго на свѣтѣ живу: сначала въ полку служилъ, а съ тѣхъ поръ, вотъ ужъ тридцать лѣтъ, управляю имѣніями моими и жены моей, и всегда имѣлъ передъ глазами одну практичность, а теоричности нигдѣ не видалъ. Да и не было ея совсѣмъ въ наши времена. Слѣдственно, если слово ваше, князь, о теоричности можно назвать золотымъ, то другія слова ваши о постепенности и неторопливости нельзя назвать иначе, какъ брилліантовыми! Довольно.

За Барсученкомъ вступаетъ на сцену отставной капитанъ Постукинъ, но онъ не говоритъ, а только безпорядочно машетъ руками и страшно при этомъ оттопыриваетъ губы. За Постукинымъ слѣдуютъ Петровы, Ивановы, Ѳедоровы, Григорьевы и прочіе потомки коллежскихъ асессоровъ, Амалатбековы, Уланбековы, Млодзіевскіе, Войдзицкіе... и всю эту компанію достойнымъ образомъ заключаетъ отличающійся представительной наружностью маркизъ де-Шасе-Круазе. Сердце земли надрывается скорбью, рѣки выходятъ изъ береговъ, Гиссабонъ разрушается и рыба-китъ выбрасываетъ изъ себя Іону отъ ихъ благородныхъ воплей и восклицаній. „Постепенность! Постепенность!“—стонетъ этотъ новый каталъ.

Потревожился и другой князь. Князь этотъ—его сіятельство князь Полугаровъ, всѣхъ кабаковъ, выставокъ и штофныхъ лавочекъ всерадостный обладатель и повелитель. Онъ покидаетъ бочку, въ которой, какъ Діогенъ, скрывался отъ взоровъ людскихъ, и громкимъ хрюканіемъ заявляетъ желаніе сказать слово на пользу общую.

— Господа! —говоритъ онъ: —вы меня извините: я нынѣшнихъ этихъ словъ не знаю, а говорю просто, что Богъ на сердце положитъ. Теперича я разсуждаю такъ: желѣзныя дороги—хорошо, грамотность—хорошо, пароходство—и того лучше. Все это рождаетъ новыя потребности, новыя потребности рождаютъ новыя отрасли промышленности, а новая промышленность пускаетъ въ народное обращеніе денежные знаки—все равно что масло въ кашу! Да я и не къ тому веду рѣчь. Извѣстно, что матушка Русь православная не погибнетъ. Это мы сто разъ доказали, и передоказали, и есть такіе признаки,

которые дают право думать, что мы докажем это и не один разъ. Поведу рѣчь прямо и откровенно объ откупахъ. Я, господа, былъ откупщикомъ, есмь откупщикъ и буду откупщикомъ (hilarité générale). Говорю по опыту: ремесло неблагонадежное... Мужику, послѣ тяжелой дневной работы, хочется подкрѣпить свои силы рюмкой добраго полугара, а ему вмѣсто вина дают какую-то мутную жидкость, отъ которой только воняет сивухой. Такого дѣла защищать нельзя —это ясно какъ день, а потому нельзя и не сочувствовать нашей благодѣтельной литературѣ, которая выводитъ нашего брата, откупщика, на свѣжую воду. И все-таки, господа, я былъ откупщикомъ, есмь откупщикъ и не теряю надежды умереть откупщикомъ—что жъ это значитъ? Не значитъ ли это, что дѣйствія мои разногласятъ съ убѣжденіями? Не значитъ ли это, что я говорю одно, а дѣлаю другое? А ларчикъ просто отворялся, сказалъ дѣдушка Крыловъ, и сказалъ истину святую. Я есмь и буду откупщикомъ, потому что не убѣжденъ, чтобъ мы были достаточно приготовлены къ принятію какой-нибудь другой системы. Во время тридцати-лѣтней моей откупной карьеры я и примѣривалъ, и прикладывалъ, и дѣйствительно привелъ къ тому убѣжденію, что откупа—вещь нехорошая. Однако мы къ этому привыкли, однако это доходъ даетъ—вотъ на что я хочу указать. Поговорю о привычкѣ. Извѣстно, что истый русскій человѣкъ безъ клоповъ спать не можетъ, безъ таракановъ щи хлебать не въ силахъ, безъ ухабовъ и рытвинъ ѣзда ему не въ ѣзду. Отнимите у него эти привычки (комфортъ)—и вотъ ропотъ! Кто жъ можетъ предусмотрѣть, что безъ откуповъ самая жизнь ему не будетъ въ тягость? Никто. А это статья важная. Теперь поговорю о доходѣ. Что такое доходъ? А доходъ, господа, это тотъ самый „мальчикъ съ пальчикъ", та самая „птичка-невеличка", которая въ государствѣ всѣ суставчики въ движеніе приводитъ. Отъ опредѣленія обращусь къ самому дѣлу, т.-е. къ откупамъ. Тутъ, господа, ужъ не то, что „плевъ сто рублевъ", тутъ пахнетъ милліонами; а запахъ милліоновъ—сильный, острый, всѣмъ любезный, совсѣмъ не то, что запахъ теоріи. Чѣмъ замѣнить эти милліоны? какою новою затыкаемостью заткнуть эту старую поглощаемость? Прикидывалъ я и на глазомѣръ, прикидывалъ и на аршинъ, тридцать лѣтъ только и дѣлалъ, что измѣрялъ эту поглощаемость—и все какъ съ гуся вода! И опять-таки скажу: великое русское спасибо господамъ писателямъ, которые выводятъ на

свѣжую воду нашего брата откупщика! Объ одномъ только они маленько забываютъ—это объ томъ, что и въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, необходимы два непремѣнныя условія: *постепенность и неторопливость*. Слова нѣтъ, государи мои, идите впередъ и идите неуклонно, разсматривайте, обсуждайте, взвѣшивайте! однимъ словомъ, помогайте нашей улиткоподобной близорукости вашею орлоподобною далекозоркостью! Но дѣйствуйте постепенно, не торопясь; но конѣйкѣ собирайте въ общую русскую сокровищницу—и вотъ передъ вами милліардъ въ туманѣ! Это я всегда скажу. Монументъ новой литературѣ на свой счетъ воздвигну, а правду скажу. Ибо правды не боюсь. Хлѣбъ соль ѣшь, а правду рѣжь, говоритъ русская пословица. И еще: Варвара мнѣ тетка, а правда мнѣ мать!

Можно себѣ представить, какое электрическое дѣйствіе производитъ на нашу улиткоподобность такого рода словонзверженность! Мы постепенно открываемъ наши раковины и высовываемъ оттуда наши рожки. Порицаніе откуповъ сначала пугаетъ насъ, но послѣ, прислушиваясь къ музыкѣ рѣчей, мы начинаемъ одобрительно помавать рожками и даже неблагоразумно высовываемъ изъ раковины все туловище, забывая, въ минутномъ упоеніи, что гдѣ-нибудь близко таится грозная піявка, которая ждетъ только минуты, чтобъ воспользоваться нашею одуряемостью и попробовать вкусъ нашей извлекаемости. „Да, да! постепенность и неторопливость!“ восклицаютъ всѣ эти Герники и Ицки, всѣ эти Бестіанаки и Мерзеконаки и, восклицая, скрежещутъ зубами.

— Почтенный князь Полугаровъ!—нашелъ въ отвѣтъ Іосель Гершонъ, молодой, но уже въ конецъ изворовавшійся еврей:—позвольте, отъ лица всего нашего собранія, изъявить вамъ истинную признательность за то, что вы такъ вѣрно выразили мысль нашу. Въ своей простой, но откровенной рѣчи вы вполнѣ примирили требованія современной мысли съ благоразуміемъ, свойственнымъ мудрому! Никто изъ насъ не станетъ защищать того, что несовмѣстно ни съ требованіями вѣка, ни съ требованіями строгой справедливости... Всѣ мы давно уже прокричали откупамъ: pereant! Но мудрый, прежде нежели начнетъ разрушать старое зданіе, всегда приведетъ въ точную извѣстность, достаточно ли у него приготовлено матеріаловъ, чтобъ воздвигнуть новое. Вы, почтенный князь, поступили подобно этому мудрому и указали намъ ту самую дорогу, по которой всегда и вездѣ

шло человѣчество, въ величественномъ поступаніи своемъ, отъ временъ древняго, до-историческаго мрака и до настоящихъ свѣтлыхъ минутъ. Честь вамъ и слава!

Но вотъ и еще нѣкто выходитъ изъ тьмы, по всей вѣроятности также съ благою цѣлью положить грошъ на алтарь отечества. Ба, да никакъ это старый знакомый нашъ, Порфирій Петровичъ! Что вызвало его изъ мрака? Что заставило его покинуть зеленый столъ, на которомъ онъ сейчасъ только соорудилъ большой шлемъ князю Чебылкину? Посмотрите, какъ онъ торопится и съменитъ ножками, какъ онъ пыхтитъ и краснѣетъ! Я бьюсь объ закладъ, что онъ горитъ нетерпѣніемъ подѣлиться съ слушателями какою-то радостною новостью! „Что такое? что такое?" съ безпокойствомъ вопрошаютъ другъ друга члены почтенной крутогорской публики. — „Не изобрѣтенъ ли порохъ? Не открыта ли Америка? Или найденъ новый способъ выиграть семь въ червяхъ съ восьмеркой самъ-другъ козырей?" —Всѣ эти недоумѣнія разрѣшаются Порфиріемъ Петровичемъ самымъ неожиданнымъ образомъ.

— Ну, господа!—начинаетъ онъ, предварительно потоптавшись на одномъ мѣстѣ, какъ это приличествуетъ всякому оратору, получившему первоначальное образованіе въ городѣ Сергачѣ и потомъ съ честью окончившему курсъ наукъ въ сморгонской академіи:—вотъ и мы, наконецъ, воспользовались двумя первѣйшими благами жизни: устностью и гласностью... тэ-э-къ-съ!..

Однако добрые жители Крутогорска (извѣстные подъ именемъ aimables kroutogoriens), еще не освоенные съ безвреднымъ значеніемъ этихъ словъ, въ испугѣ окружаютъ Порфирія Петровича и осаждаютъ его вопросами.

— Откуда приходятъ къ вамъ подобныя новости?—восклицаетъ до глубины души оскорбленный генералъ Змѣищевъ.

— Свихнулся старикъ!—произноситъ губернскій врачъ.

— За такія новости его надо въ Вятку сослать!—настаиваетъ генералъ Змѣищевъ.

— Въ Вятку!—добродушно повторяетъ Алексѣй Дмитричъ Разумовскій.

— Господа!—продолжаетъ между тѣмъ Порфирій Петровичъ, нисколько не смущаясь:—новость эта получена мной изъ вѣрныхъ рукъ, а именно отъ одного одолженнаго мною столоначальника (*про-*

износя послѣднія слова, Порфирій Петровичъ издаетъ горломъ звукъ)...

— Гм!—замѣчаетъ губернскій врачъ.

— Признаюсь откровенно, я отъ души порадовался... Вотъ, подумалъ я, какъ отечество-то наше процвѣтаетъ! Давно ли, кажется, давно ли?... А вотъ теперь и съ гласностью!

— Да еще и съ устностью!—раздается чей-то голосъ въ толпѣ, возбуждая общій сочувственный хохотъ.

— Да и можно ли этому не радоваться!—безстрашно напѣваетъ Порфирій Петровичъ:—ибо если мы молча совершали подвиги, то чего жъ можно и должно ожидать, когда мы всѣ вдругъ заговоримъ! Теперь, значитъ, всякій будетъ имѣть возможность пожинать отъ трудовъ рукъ своихъ; я, скажетъ, думаю такъ-то, а я, скажетъ, думаю такъ. И такъ далѣе, по мѣрѣ силъ и способностей, и выйдетъ, теперича, у насъ тутъ обмѣнъ прожектовъ, мыслей, чувствъ и замѣчаній. Лежатъ два кремня рядомъ—ну, и ничего; лежатъ и безмолвствуютъ. Идетъ мимо искусный прохожій: береть одинъ кремень, береть другой, разсматриваетъ ихъ внимательно, осторожно ударяетъ ихъ другъ объ друга—и вотъ искра! Выходитъ, что если меня, напримѣръ, угнететъ исправникъ, то я, не говоря ни слова, прибѣгаю къ гласности...

— Сначала-то слѣдуетъ прибѣгнуть къ устности,—перебиваетъ чей-то голосъ въ толпѣ:—загнуть, то-есть...

— Прибѣгаю къ гласности,—продолжаетъ Порфирій Петровичъ:—и вотъ угнетателю моему стыдно! Или посылаю, напримѣръ, я кухарку на рынокъ: купецъ, разумѣется, ее обманываетъ, береть въ три-дорога и вдобавокъ продаетъ дурной продуктъ. Что жъ, я прибѣгаю къ гласности—и купцу стыдно! Нельзя, господа, не сочувствовать такому явленію! Нельзя не радоваться такимъ благимъ предначертаніямъ и не менѣе благимъ предначертаніямъ. Людямъ съ чистымъ сердцемъ нечего опасаться гласности. Не только она не потревожитъ ихъ мира душевнаго, но еще и воздастъ каждому по дѣламъ его. Чего, напримѣръ, могу я бояться, если я исполнилъ долгъ свой по совѣсти и данной присягѣ. Утромъ я всталъ, помолился Богу...

— Умылся и чаю напился,—прерываетъ голосъ въ толпѣ.

— Что жъ, и въ этомъ постыднаго я ничего не вижу!—отвѣчаетъ Порфирій Петровичъ, и затѣмъ, обращаясь къ теченію своей

рѣчи, продолжаетъ:—и такъ, помолившись Богу, отправился въ палату, исправилъ тамъ что слѣдуетъ; потомъ, возвратясь домой, провелъ нѣсколько часовъ въ кругу своей семьи...

— Часочекъ-другой вскрашнулъ,—прерываетъ тотъ же враждебный голосъ, но на этотъ разъ уже не возбуждаетъ ни въ комъ сочувствія.

— Шш!—раздается со всѣхъ сторонъ, и Порфирій Петровичъ получаетъ возможность продолжать рѣчь свою безпрепятственно.

— Потомъ вечеромъ поѣхалъ въ клубъ или въ гости... Такимъ образомъ я исполнилъ долгъ христіанина, долгъ гражданина, долгъ семьянина и не упустилъ изъ вида обязанностей члена общества!.. Спрашивается: что можетъ сказать обо мнѣ пасквильнаго, или гнуснаго, или противоестественнаго „гласность“? Окромя хорошаго, ровно ничего. Итакъ, гласность есть дѣло святое, и нижайшій поклонъ отъ всѣхъ тому, кто первый это слово произнесъ.

Порфирій Петровичъ останавливается и тяжело дышетъ. По всему видно, что до сихъ поръ онъ взвозилъ въ гору какую-то огромную и тяжелую фуру, которую, наконецъ, и поставилъ благополучно на вершину. Теперь ему предстоитъ трудъ эту же самую фуру спустить подъ гору, у подошвы которой разстилается цѣль его путешествія —отличное, покрытое плесенью, болото.

— Но, употребляя слово: „гласность“,—начинаетъ онъ помаленьку спускать:—я, само собой разумѣется, понимаю гласность благонамѣренную, то-есть такую, которая никого не обижаетъ, никого не затрогиваетъ и предоставляетъ всякому спокойно пожинать плоды рукъ своихъ. Конечно, многіе, быть можетъ, поймутъ это дѣло иначе и возмечтаютъ, что во имя гласности можно всѣхъ и каждаго по зубамъ колотить. Для лицъ подобнаго образа мыслей я кратко повторяю прежнее мое уподобленіе: лежали два камня и безмолвствовали: шелъ мимо *искусный* прохожій, *осторожно* ударилъ одинъ камень о другой —и вотъ искра! Что, если бы прохожій былъ *неискусенъ*? Что, если бы онъ ударилъ *неосторожно*? Если бы по близости оказался навозъ или другой удобовоспламеняющійся матеріалъ? Извлеченная изъ кремня искра упала бы въ сей матеріалъ, воспламенила бы его—и вотъ пожаръ! Подобно сему, и гласность, находящаяся въ рукахъ неискусныхъ и употребляемая безъ осторожности, можетъ произвести не умѣренное и благопотребное для лю-

безнаго отечества освѣщеніе, но нагубный и мало потребный для онаго пожаръ. Руководствуясь этими соображеніями, я соболѣзную о тѣхъ, которые, въ ослѣпленіи своемъ, и въ солнцѣ думаютъ зрѣть пятна, и радуюсь о тѣхъ, которые, пользуясь благодѣтельною гласностью, за правило себѣ поставили: *достепенность и осторожность*.

Порфирій Петровичъ умолкъ. Онъ нѣсколько сконфуженъ, но не потому, чтобъ солгалъ, а единственно по новости дѣла. Но чтобъ не испортить своей репутаціи въ глазахъ согражданъ, онъ всячески старается маскировать свое смущеніе, точится на мѣстѣ, покрякиваетъ, отираетъ слезящіеся глаза и въ заключеніе столь искусно повертывается на одной ножкѣ, что окончательно сбиваетъ съ толку своихъ слушателей, которымъ становится ясно какъ день, что для Порфирія Петровича всякая штука—какъ съ гуся вода. Добрые жители Крутогорска взволнованы и растроганы. Они густою толпой окружаютъ Порфирія Петровича, жмутъ ему руки и вообще выказываютъ какое-то необыкновенное первое разслабленіе.

Увы! и я съ своей стороны изумленъ и растроганъ, хотя и не сильно облобызать Порфирія Петровича въ сахарныя уста.

„Гласность!“ думаю я: „откуда, изъ какихъ темныхъ норъ вызвала ты всѣхъ этихъ таракановъ, которые до сихъ поръ спокойно себѣ копошились въ горшкѣ надъ кускомъ чернаго хлѣба, покуда всепребѣляющая рука заботливой кухарки не заливала ихъ кипяткомъ и не прекращала тѣмъ прожорливой ихъ дѣятельности? Подобно тому, какъ на выборы являются лица, никѣмъ не виданныя, являются только для того, чтобъ изумить вселенную безобразіемъ мохнатыхъ шапокъ, узостью панталонъ, густотою рыка и необыкновеннымъ ожирѣніемъ затылковъ, изумить и черезъ нѣсколько дней снова потонуть во мракѣ: подобно тому и на торжество гласности и разума являются какія-то страшныя чудища, лишь замѣнившія мохнатость шапокъ—мохнатостью понятій, а узость панталонъ—узостью стремленій, и сохранившія во всей неприкосновенности и густоту рыка, и необыкновенное ожирѣніе затылковъ!“

Что, ежели, вмѣсто того, чтобъ потонуть, по минованіи надобности, во мракѣ, чудища эти укоренятся навсегда съ ихъ мохнатыми шапками и узкими панталонами?

Утомленный болтовнею дня, я не безъ сладостнаго чувства надежды взираю на сумракъ вечера, постепенно окутывающій окрестность. Жадно и зорко слѣжу я за послѣдними движеніями угасающаго дня, и все мнѣ кажется, что огни въ окнахъ недостаточно скоро меркнутъ, что собаки на улицахъ слишкомъ громко лаютъ, какъ бы продолжая и преобразуя своимъ лаемъ ту безлѣпицу, которая преслѣдовала меня въ теченіе дня. Окна общественнаго клуба ярко освѣщены, и сквозь застилающее ихъ облако дыма я замѣчаю, какъ снуютъ взадъ и впередъ какія-то неимовѣрныя усатыя фигуры съ чубучинами въ рукахъ, снуютъ безъ дѣла и безъ цѣли, останавливаясь только за тѣмъ, чтобъ выпить рюмку водки. Но вотъ и огни стали окончательно гаснуть: вотъ послѣдній разъ, и какъ будто сквозь сонъ, гдѣ-то взвизгнула охрипшувшая отъ злобы шавка; вотъ и капитанъ Постукинъ выпилъ послѣднюю рюмку очищенной, выпилъ, крякнулъ и закусилъ кусочкомъ чернаго хлѣба... Покой! забвеніе! ты ли грядешь?..

Но, увы! горькая работа сердца, разъ начатая, уже не въ силахъ улечься и угомониться вмѣстѣ съ затихающими звуками. Мохнатыя чудища продолжаютъ преслѣдовать меня даже въ моемъ одиночествѣ и производятъ столь сильное раздраженіе во всемъ моемъ существѣ, что я чувствую, какъ ходитъ кровь ходенемъ въ жилахъ моихъ. Ночь, которую я звалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, вмѣсто желаемаго успокоенія, приноситъ мнѣ лишь мучительныя грезы. Въ безмолвіи, которое меня окружаетъ, мнѣ слышатся какіе-то досадные звуки, смутный гулъ которыхъ заставляетъ болѣзненно сжиматься мое сердце; сѣрыя тѣни, одна за другой, смѣняются передъ глазами моими... Я ощущаю боль во всемъ организмѣ; всѣ чувства мои насторожены; какая-то особенная чуткость объемлетъ всѣ мыслящія способности души моей: глазъ мой видитъ незримое, ухо мое слышитъ неслышимое, руки мои осязаютъ неосязаемое...

„Все ночь, все еще ночь!“ думаю я.

Мучимый внутреннею тревогой, изнемогая отъ жажды успокоенія, я съ злобнымъ нетерпѣніемъ обращаюсь къ востоку: не видно ли тамъ луча, не сверкнула ли тамъ, среди черныхъ тучъ, та яркая полоса, которая должна возсіять міру свѣтомъ радости? Востокъ! востокъ! скоро ли освѣтишься ты?

„Засни!“ шепчетъ мнѣ ночь: „засни, замученный! засни, истом-

ленный! Сонъ убаюкаетъ тебя на мягкихъ крыльяхъ своихъ: онъ неслышно пронесетъ тебя чрезъ суровыя пространства, чрезъ трудныя времена, въ ту волшебную страну, гдѣ бѣгутъ голубыя рѣки, гдѣ горитъ голубое небо, въ ту страну, гдѣ, торжествуя, блещетъ ликъ человѣческій, не изнуренный вѣчными исканіями, вѣчными и горькими стремленіями...

„Кинь ты черную думу, забудь обо всемъ! Зачѣмъ замѣчать, сколько золъ тѣснитъ душу брата твоего, сколько нужда точитъ его изможденное тѣло? Къ чему эти странныя, сѣрыя картины, на которыхъ такъ любитъ останавливаться уязвленное воображеніе твое? Взгляни, сколько еще разлито свѣта въ самыхъ сумеркахъ, окружающихъ тебя! сколько еще теплится красоты и добра подъ темнымъ флёромъ, наброшеннымъ на жизнь!“

Но мнѣ не спится. Ни шопотъ ночи, ни усталость отъ прожитыхъ волненій дня не усыпляютъ меня... Сладко было бы мнѣ забыться, сладко было бы, безъ тревогъ, не глядя впередъ и не оборачиваясь назадъ, окунуться въ волны рѣки забвенія; но есть внутри меня нѣчто гнетущее, что мѣшаетъ мнѣ поддаться убаюкивающему обаянію ночи. Въ невыразимой тоскѣ продолжаю я обращаться къ востоку: „востокъ, востокъ! скоро ли, ахъ, скоро ли освѣтишься ты?“

Но что же за видѣніе отдѣляется въ глубинѣ изъ мрака, объемлющаго окрестность? Потрясая косою, стуча всѣмъ составомъ своимъ, неподвижно неся безокую голову, оно проходитъ мимо меня, цѣпенія мою мысль, обдавая холодомъ и ужасомъ все существо мое. Смерть! ты ли это? Если это ты, желанная! если это ты—конецъ и разрѣшеніе тревогъ и исканій жизни! если это ты—успокоеніе мучительныхъ надеждъ и обагренныхъ кровью сердца желаній! если это ты—миръ и забвеніе! —то зачѣмъ же воображеніе мое населяетъ огнями ада зіяющія впадины головы твоей? Зачѣмъ самая тьма ихъ кажется мнѣ сверкающею? Не тебя ли я столько лѣтъ жаждалъ—то съ томительной тоской, то съ сладостнымъ трепетомъ? Не къ тебѣ ли обращались всѣ упованія и мечты моего сердца? Сладко умереть! думалъ я. Сладко забыться и быть забытымъ среди кликовъ растлѣнія, среди постящихся и знаменующихся лицемѣровъ-грабителей, среди ликующихъ откупщиковъ и оскабляющихся ябедниковъ! Стоны торжища жизни, стоны, отъ которыхъ надрывается сердце земли, пронесутся

мимо меня, разъѣдая только живое и не касаясь того, что заранѣе и добровольно обрекло себя забвенію!

Отчего же теперь, когда ты явилась передо мной, грозная и торжествующая, меня объемлетъ иной трепетъ, иная тоска? Или запала въ сердце мое робость? или срослась со мною эта горькая привычка жить, которую многіе почему-то называютъ сладкою? Да, я не безъ радостнаго волненія вижу, какъ проходитъ мимо меня грозное видѣніе, не задѣвъ меня своею косой; я сладко вздыхаю по мѣрѣ того, какъ оно отъ меня удаляется... „Я хочу жить!“ кричу я изъ всѣхъ силъ, подобно тому выздоравливающему, который, еще шатаясь на дрожащихъ и ослабѣвшихъ ногахъ, не знаетъ, какъ надышаться ему свѣжимъ воздухомъ, и нѣтъ не напьется золотыхъ лучей солнца, горячимъ свѣтомъ облитыхъ и его, и всю природу.

И вотъ безграничная панорама открывается передо мной: скорбные образы возстаютъ изъ мглы и тумана; далекая-далекая, окутанная снѣжнымъ саваномъ, равнина разстилается передъ глазами моими... И все мнѣ кажется, что нѣкто вблизи меня стонетъ, что весь міръ полонъ горечи и страданій...

Смерть! смерть! куда же лежитъ разрушительный путь твой? кого обрекла ты на гибель?

Она идетъ, стуча всѣмъ составомъ своимъ: она идетъ по холмамъ и по лугамъ, по лѣсамъ и по полямъ, идетъ черезъ рвы и рѣки, черезъ разсѣлины и топи... Она проникаетъ всюду, гдѣ только слышится трепетъ и дыханіе жизни!

И вотъ вдали, въ длинной вереницѣ городовъ и селъ, чертоговъ и хижинъ, замелькали огни, послышалась суета и движеніе. Люди ветхіе, хворые, еле дышущіе, выходятъ на дорогу: иные идутъ съ поникшими головами: другіе еще трепещутъ отъ неостывшаго сознанія недавняго торжества: иныхъ терзаетъ раскаяніе: черты другихъ исказились ненавистью: одни еще простираютъ дрожащія руки, чтобъ оборониться отъ прикосновенія смерти: другіе клонятся подъ ударами ея безропотно.

Вотъ тучный, весь претворившійся въ брюхо откупщикъ. „Я современный человѣкъ! я дѣйствительно былъ когда-то мерзавцемъ, но теперь... теперь я воистину человѣкъ современный!“ воетъ онъ, пряча оторопѣвшими руками за пазуху штофъ съ мутной, испорченной жидкостью. „Виноватъ, я грабилъ... я много грабилъ! Но если

душѣ моей не безъизвѣстенъ позоръ преступленія, то не заглаживаетъ ли его столь же нечуждая ей сладость раскаянія? Прочитай мои статьи, выслушай мои рѣчи... и пощади меня!“

Вотъ и умирающій торгашъ. Живой, онъ никогда не доводилъ себя до сознанія, что вся жизнь его есть непрерывная сѣть хитросплетеннаго плутовства и неправедныхъ стяжаній, но предъ лицомъ смерти онъ струсилъ. Тщетно окружаетъ его толпа алчныхъ родственниковъ и прихлебателей; тщетно усиливаются они вырвать сокровище изъ хладѣющихъ, но все еще страстно его прижимающихъ рукъ... Онъ глухъ къ ихъ стонамъ, слѣпъ къ ихъ кривляніямъ. Иные звуки терзаютъ его слухъ, иные образы смущаютъ его цѣпенѣющую мысль. Тамъ, вдали, среди облаковъ чернаго дыма, прорѣзываемаго красными языками неугасимаго огня, представляется ему царь тьмы, сидящій на престолѣ изъ змій, видятся ему огненныя сковороды, раскаленныя клещи, видится собственная душа его, ходящая по мытарствамъ... „Страшно! страшно!“ лепечетъ костѣющій языкъ его. Ахъ, не вамъ, добрые родственники, и не вамъ, преданные прихлебатели, оставить онъ кубышку свою! Новое любостяжаніе, новое, неслыханное воровство смущаетъ его бѣдную голову: нельзя ли на тѣ самыя деньги, ради которыхъ погубилъ онъ душу свою, купить для нея царство небесное?...

Вотъ закоренѣлый казнокрадъ и взяточникъ. Онъ застегнулъ мундиръ на всѣ пуговицы, вымылъ руки и, показывая ихъ смерти, заискивающимъ голосомъ шепчетъ: „обѣ чисты!“

Вотъ и ты, бѣдная, сгорбленная нуждой, бабушка Непила. Спокойно сидишь ты у воротъ покосившейся избенки твоей, черпая клюкой по землѣ и бормоча про себя все одни и тѣ же съ младенчества затверженныя слова. Безъ страха ждешь ты минуты, когда сереброкудрые ангелы возьмутъ твою душеньку и успокоятъ ее на лонѣ Авраамовомъ... Однако отчего же и ты порой задумываешься? Отчего по временамъ губы твои смыкаются, рука крѣпче сжимаетъ клюку, и ты всѣми остатками твоего существа какъ будто прислушиваешься къ чему-то, какъ будто припоминаешь нѣчто? Или еще не порвалась нить, привязывающая тебя къ жизни? или жизненное начало, независимо отъ тебя самой, еще совершаетъ въ тебѣ работу свою? или не совсѣмъ еще застыло старое горе, не всѣ выплакались старыя слезы, не покрылось еще пепломъ забвенія пережитое и выстраданное изъ жизни?..

Смерть! смерть! гдѣ же остановишь ты шествіе свое? Ужели ни слабость, ни бѣдность, ни кротость, ни искренность не избѣгнуть косы твоей? Гдѣ же будетъ ютиться жизнь, кому суждено быть подъ сосудомъ ея? Для кого заалѣетъ востокъ давно желаннымъ свѣтомъ радости?

И вдругъ мнѣ чудится, что я тихо-тихо опускаюсь, что меня со всѣхъ сторонъ обхватываетъ нѣчто мягкое, нѣжащее... Вотъ заалѣлъ востокъ... вотъ улеглись тѣни ночи... въ воздухѣ пронеслось словно неявственное дребезжаніе и наполнило слухъ мой... Предметы, покрытые цвѣтами радуги, внезапно закружились передъ глазами моими... Вотъ ворвалось въ мою комнату, неизвѣстно откуда, облако бѣлесоватаго тумана... Вотъ, наконецъ, и ничего не видно... Сонъ! ты ли это?

СОНЪ.

Веталъ-встрепенулся дуракъ Иванушка, пожелалъ онъ, голубчикъ, глаза протереть, руки-ноги протянуть, поразмять свое тѣло бѣлое. Только глянулъ онъ—анъ въ глазахъ у него бѣлый свѣтъ словно мутенъ стоитъ: хочетъ руку поднять—анъ рука, ровно чужая, о бокъ болтается; чуетъ ногами, что подъ нимъ дорога торная, а куда идти, взадъ ли, впередъ ли—не вѣдаетъ. Ишь до чего, лежебокъ, досналея, что забылъ, въ которую сторону головами лежалъ!.. Всплакался тогда Иванушка.

— Эко чудо!—говоритъ:—слышишь, дяденька, никакъ я маленько вздремнулъ, что глаза у меня словно не разлипаются!

— Ишь, соня, хватился! — отвѣчаетъ дядя: — спалъ на печи безъ просыну, да туда же на свѣтъ Божій взглянуть хочетъ! А ты поди сперва да промой глаза-то живой водой!

Побѣжалъ Иванушка къ тому ручью, гдѣ живая вода бѣжитъ, обмылся, обчистился, да и въ ручекъ, по старой привычкѣ, кстати плюнулъ и пошелъ на дорогу.

Видитъ: идутъ по дорогѣ люди ветхіе, идутъ и руками разводятъ, словно сомнѣваются. Шибко не показались они Иванушкѣ.

— Что за мразь!—говоритъ: -и куда это я попалъ? Эй вы, господа честные, молодцы удалые! не можно ли васъ поспрошать, въ кои страны больно спѣшно ползете?

Возопили къ нему старцы ветхіе:

— Идемъ мы, младый юноша, Иванъ сынъ Ивановичъ, отъ міру прелестнаго, отъ жизни прелюбезныя въ страну пренародную...

— Ну, мнѣ, видно, съ вами идти несподручно будетъ?—молвилъ Иванушка и пошелъ отъ нихъ прочь.

Пошелъ Иванушка по той неторенной дорогѣ, гдѣ младая жизнь кишитъ, гдѣ цвѣтутъ цвѣточки алые, гдѣ растетъ трава шелковая, гдѣ поютъ птицы райскія, гдѣ бѣгутъ ручьи молочные... Любо Иванушкѣ! Глаза у него разгорѣлися, кудри русыя по широкимъ плечамъ разметалися, ходенемъ пошла грудь могучая, встрепенулось въ ней сердце богатырское, пьетъ не напьется онъ воздуха вольнаго...

. . . . . .

— Ваше благородіе! ваше благородіе! — раздается въ ушахъ моихъ знакомый голосъ:—извольте скорѣе вставать! Иванушку-дурака за столъ посадили!

Слова эти поражаютъ меня: я спѣшу встать и прихожу въ комнату, по срединѣ которой поставленъ столъ и которая видомъ и убранствомъ своимъ напоминаетъ мнѣ нѣчто знакомое. За столомъ сидитъ молодой малый съ русыми волосами, круглымъ и добродушно осклабляющимся лицомъ...

— Это онъ самый Иванушка и есть,—объясняетъ мнѣ тотъ же голосъ, который разбудилъ меня.

Но Иванушкѣ неохота сидѣть въ креслахъ; краска робости или, лучше сказать, той милой застѣнчивости, которая составляетъ врожденное свойство истиннаго сына полей, выступаетъ на лицѣ его; онъ рвется и мечется въ креслѣ, и если бы не удерживала его сзади сильная рука извѣстнаго своими административными способностями Зубатова, приставленнаго къ нему въ видѣ дядьки, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что Иванушка безъ оглядки бѣжалъ бы изъ этой душной комнаты въ тѣ родныя равнины, надъ которыми широко раскинулось сѣренькое небо, гдѣ привольно гуляютъ буйные вѣтры, разнося изъ конца въ конецъ перекатистую пѣсню Иванушки.

— Сиди же, Иванушка! сиди, любезный! — увѣщеваетъ Зубатовъ.

Но Иванушка продолжаетъ барахтаться. На открытомъ лицѣ его я безошибочно могу прочесть тревожную думу, которая неотступно преслѣдуетъ его во время этого барахтанья.

„Врешь! не обманешь! — думаетъ онъ:—развѣ мы своего мѣста не знаемъ!“

Съ этимъ словомъ Иванушка ловкимъ манеромъ выскользаетъ изъ рукъ его и совершенно неожиданно скрывается подъ столъ.

— Господи! вотъ дѣтище-то Богъ послалъ!—угрюмо ворчитъ сторожъ, отправляясь вытаскивать Иванушку.

— Да сядь же, Иванушка! сядь, голубчикъ!—продолжаетъ усовѣщивать Зубатовъ: — какъ передъ Богомъ, обмана тутъ нѣтъ, а именно посадить тебя отъ начальства приказано!

Иванушка вслушивается и повидимому начинаетъ сдаваться. Но переходъ отъ сомнѣнія къ увѣренности совершается въ немъ быстро и рѣзко. Минуту назадъ, онъ прятался подъ столъ—теперь же, къ полному изумленію всѣхъ предстоящихъ, онъ не только сѣлъ на мѣстѣ, но даже ноги на столъ вскинулъ.

— Не годится, Иванушка, не годится такъ!—снова вступается Зубатовъ:—ты пойми, голубчикъ, что не для озоретва здѣсь посаженъ... Сядь, Ваня! сядь же смирехонько, подожми подъ себя ноженьки, коли совладать съ ними не въ мочь!

Нѣкоторое время, однако, Иванушка сомнѣвается. Видалъ онъ на своемъ вѣку виды, и потому знаетъ вѣрно, что всѣ на этомъ мѣстѣ споконъ вѣку именно такъ сиживали, какъ онъ сидитъ! Все думается ему, не издѣвается ли надъ нимъ Зубатовъ, не надуваетъ ли его, не будетъ ли ущерба его значенію, если онъ сядетъ, какъ всѣ люди сидятъ. Однако добрые его инстинкты возымѣли свое дѣйствіе. Не прошло четверти часа, какъ вижу я: сидитъ Иванушка на мѣстѣ прямо и чинно, руками не болтаетъ, ногами не неистовствуетъ, смотритъ ласково и радошно.

— Ну, давай, коли такъ, судить да рядить!— говоритъ онъ, предварительно перекрестившись.

V.—Нашъ губернскій день.

Введеніе.

Какъ тамъ ни шути, а жить скучно. Жизнь сорвалась съ прежней колеи, а на новую попасть и не смѣетъ, и не умѣетъ. Люди ходятъ какъ сонные или сидятъ себѣ сложа руки, вперивъ взоры въ

туманную даль — ничего въ волнахъ не видно! Особенно мастерски умѣемъ скучать мы, провинціалы. Тамъ, въ Петербургѣ, что-то затѣвается, какая-то все стряпня идетъ: одни болтаютъ, что готовится нѣчто громадное; другіе брешутъ, что черезъ-чуръ что-то маленькое. Мы сидимъ въ мурьѣ и недоумѣваемъ; намъ-то желалось бы, чтобъ все это было маленькое да миніатюрненькое... а вдругъ, чортъ возьми, левіаѳана хватятъ? Вѣдь съ нашими робятами и это случиться можетъ!

Вотъ пронеслись слухи, будто откупа трещатъ — предсѣдатель казенной палаты дрожитъ и слабѣетъ желудкомъ. „Куда же я съ малыми дѣтьми дѣнусь? — спрашиваетъ онъ самъ себя: — да пойми же ты, чортъ, что у меня восемь дочерей и каждой надобно по приданому!“

До свѣдѣнія губернатора доходитъ, что въ губерніяхъ будутъ заведены новыя какія-то учрежденія, совсѣмъ будто бы независимыя. „Какъ же я теперича повелѣвать буду? — вопрошаетъ онъ самъ себя: — Да пойми же ты, чортъ, какъ я за благосостояніе губерніи-то отвѣчать буду?“

Предсѣдатель судебной палаты тоже узналъ кое-что о гласномъ судопроизводствѣ, и тоже совсѣмъ растерялся. Онъ то застегнетъ, то разстегнетъ свой вицмундиръ, то берется за шляпу, точно идти куда-то собирается, то бросаетъ шляпу на столъ и садится. Наконецъ рѣшается послать за секретаремъ.

— Иванъ Ксенофонтычъ! слышалъ?

— Поговариваютъ-съ.

— Ну?

— Поговариваютъ-съ.

— Какъ же это... въ публикѣ-то сидѣть?

— Будемъ прописывать-съ.

— Да, но какъ же, братъ, это... въ публикѣ-то?

— Будемъ прописывать-съ.

— Да пойми же ты, любезный: вѣдь кругомъ-то вездѣ публика понатыкана! Пу-бли-ка!

— Что-же-съ? Каждому кто что заслужилъ-съ!

— О, чортъ поберп да и совсѣмъ!

— Это точно-съ.

Однимъ словомъ, всѣ повѣсили головы, всѣ отстали отъ дѣла,

которое уже признается старымъ, отжившимъ свой вѣкъ: всѣ ждутъ чего-то новаго, а новое не идетъ,

— Хоть бы развязали, что-ли!—слышится со всѣхъ сторонъ.

Всѣ эти люди сидятъ на чеку, словно куда-то собираются, словно теперь только почему-то вспомнили, что они лишь временные жильцы этого міра. Очевидно нѣчто волнуетъ ихъ, и мы, конечно, поймемъ и это волненіе, и эту озабоченность, если припомнимъ, что это „нѣчто" —ни болѣе, ни менѣе, какъ вопросъ о жизни и смерти ихъ.

Скучно жить! Скучно видѣть людей, которые разучились смѣяться, которыхъ мысль постоянно находится въ отсутствіи. Подойдешь къ губернатору, спросишь: „не угодно ли вашему превосходительству карточку? а онъ вмѣсто отвѣта выпучитъ глаза и бормочетъ какія-то безсвязныя фразы: „гм... да... что?... объ чемъ, бишь, мы говорили?" Прошу покорно тутъ думать о какихъ-нибудь общественныхъ удовольствіяхъ при видѣ столь огорченнаго начальника!

Да и одинъ ли губернаторъ, одинъ ли предсѣдатель опустили носы? Увы! улицы пусты, базары обезлюдѣли! Полиція не знаетъ, драться ли ей, или вѣжливенько приглашать: пойдемъ, дескать, милый мой, я тебя въ части посѣку! Обыватели тоже пришли въ сомнѣніе. То, что прежде разрѣшалось въ одно мгновеніе ока и однимъ мановеніемъ руки, нынче перекладывается съ мѣста на мѣсто, перевертывается съ боку на бокъ, да такъ на боку и остается.

— Да разрѣши ты мою нужду!—пристаетъ несчастный обыватель къ лицу власть имѣющему.

— Нельзя, братецъ, закона нѣтъ!—отвѣтствуетъ лицо власть имѣющее.

— Охъ, да хоть бы ужъ развязали поскорѣй!—вопитъ обыватель, и слѣдомъ за нимъ эхо изъ конца въ конецъ перекатываетъ: —Охъ, да хоть бы ужъ развязали поскорѣй!

Какъ жить? какъ поступать? чѣмъ быть?—вотъ вопросы, которые слышатся всюду. Пойдешь направо—назовутъ ретроградомъ; сунешься налѣво—прослывешь прогрессистомъ... Оба прозвища равно небезопасны. Одинъ мой знакомый говоритъ: „а мы пройдемъ серединкой!" Гм... хорошо, коли кто эквилибристикѣ обучался, а каково тому, кто этой науки не знаетъ? Каково идти-то по этой перекладинѣ? Каково цѣлую жизнь о томъ только думать, какъ бы не покачнуться ни направо, ни налѣво и не выронить изъ рукъ спасительнаго шеста?

Объ чемъ писать? какіе подвиги воспѣвать? Подвиговъ нѣтъ—ихъ мѣсто заступило унылое балансированіе: героевъ нѣтъ—ихъ мѣсто заступили люди, у которыхъ трясутся поджилки; фестивалей и пиршествъ нѣтъ—ихъ мѣсто заступили молчаливыя сборища съ головными помаваніями, съ односложными рѣчами и скорбными дрожаніями устъ и ноздрей. Что за время! что за время!

Увы! я охотно бы разсказалъ, напримѣръ, о томъ, какъ Леонидъ Звонскій, протанцовавъ туръ вальса съ Пульхеріей Пронской, почувствовалъ, что все его существо внезапно охватилось токомъ любовнаго электричества, но не могу, потому что мнѣ никто не повѣритъ. „Подите! скажетъ мнѣ читатель: да развѣ вы не знаете, что нынѣче Леонидъ Звонскій насчетъ любовныхъ дѣлъ совсѣмъ слабъ сталъ?" И читатель будетъ правъ, потому что дѣйствительно Звонскій не тѣмъ занятъ: онъ думаетъ о томъ, будетъ или не будетъ опредѣленъ помощникомъ управляющаго питейными сборами, и, весь погруженный въ разсчеты и соображенія, взираетъ на Пульхерію не только съ холодностью, но даже не безъ ироніи.

Еще охотнѣе я началъ бы свой разсказъ такъ: „Леонидъ Звонскій принадлежалъ къ одной изъ великихъ либеральныхъ партій, которыя въ послѣднее время оказали столько услугъ для отечественнаго преуспѣянія. Онъ ненавидѣлъ откупа со всею искренностью пламенной души", и т. д., и т. д. Конечно, тутъ было бы больше правдоподобія и больше животрепещущаго интереса (ибо кто же, въ самомъ дѣлѣ, не принадлежитъ нынѣче къ одной изъ либеральныхъ партій?), однако я и этого написать не рѣшусь. Во-первыхъ, если я углубляюсь въ свой предметъ надлежащимъ образомъ, то разсказъ можетъ выйти не совсѣмъ цензурный; во-вторыхъ, откупной либерализмъ уже нѣсколько провонялъ сивухой и въ этомъ видѣ давно сданъ въ архивъ.

Одинъ мой пріятель предлагаетъ такого рода сюжетъ: „Леонидъ Звонскій, начитавшись мемуаровъ Казановы, ощутилъ и т. д. „Тутъ можетъ выйти цѣлый рядъ очень миленькихъ сценъ, да и цензура непремѣнно пропуститъ разсказъ", прибавляетъ пріятель. Но нѣтъ... я не могу писать на эту тему! Я не сомнѣваюсь, что цензура пропуститъ разсказъ мой, но сомнѣваюсь, чтобъ нашелся журналъ, который рѣшился бы напечатать его.

Что жъ остается мнѣ дѣлать? Очевидно, остается грустить вмѣстѣ

со всѣми, остается быть лѣтописцемъ вздоховъ... Поймите, какъ это трудно!

Да и какой еще вздохъ? какой его цвѣтъ? какой его запахъ? Во времена счастливыя, въ тѣ времена, когда жизнь изживается „безъ тоски, безъ думы роковой", отвѣтъ на эти вопросы дать не трудно. Тогда вздохъ бываетъ голубой и пахнетъ фіалкой. Вотъ Леонидъ Звонскій, который только-что кончилъ вторую фигуру кадрили съ возлюбленной Пульхеріей; онъ садится возлѣ предмета своихъ страстныхъ, но законныхъ помышленій и вздыхаетъ... Вздохъ не задерживается въ груди его, не вылетаетъ оттуда ураганомъ: онъ выходитъ легко, ровно, благоуханно. Очевидно, Звонскій вздыхаетъ потому только, что онъ счастливъ; онъ принадлежитъ Пульхеріи, Пульхерія принадлежитъ ему; кадриль кончится, и растроганные родители благословятъ ихъ... Вотъ патріархъ-помѣщикъ, въ „бояхъ домашнихъ посѣдѣлый", который только-что получилъ оброкъ съ возлюбленныхъ домочадцевъ своихъ. Онъ сидитъ за конторкой, разглаживаетъ замасленныя и измятыя пачки ассигнацій и вздыхаетъ... Миръ царствуетъ во всемъ существѣ его; онъ пересчитываетъ деньги, и въ душу его закрадывается увѣренность, что недоимки нѣтъ и что слѣдовательно домочадцы его блаженствуютъ и живутъ припѣваючи. Веселыя картины рисуетъ его воображеніе: пейзанки гуляютъ въ кумачныхъ сарафанахъ, пейзане — въ синихъ суконныхъ поддевкахъ; а тамъ горѣлки, хороводы, орѣхи, пряники... Тутъ вздохъ понятенъ: тутъ онъ служитъ выраженіемъ того кроткаго блаженства, которое наполняетъ душу и катится благоуханной струей по всѣмъ жиламъ... Вотъ чиновникъ, который сейчасъ только сходилъ въ карманъ своего ближняго; онъ тоже нѣчто считаетъ, онъ умиленъ духомъ, онъ чувствуетъ, какъ дыханіе спирается въ его зобу, онъ вздыхаетъ. Понятно, что и тутъ вздохъ не можетъ быть горькимъ.

Все это вздохи голубые, пропитанные запахомъ фіалки. Человѣкъ, который вздыхаетъ такимъ образомъ, можетъ сказать о себѣ: я вздыхаю, потому что во мнѣ играетъ сердце, потому что природа разыгрываетъ въ мою пользу постоянное увеселительное представленіе. Я вижу цвѣтокъ — и радуюсь; я внимаю пѣнію птички — и радуюсь; я слышу мычаніе осла — и радуюсь; все въ Божьемъ мірѣ манитъ и взираетъ на меня свѣтлыми очами, все говоритъ: живи и наслаждайся!

Но я имѣю дѣло съ міромъ огорченныхъ, съ міромъ людей тре-

пещущихъ и скучающихъ. Они тоже вздыхаютъ, но ихъ вздохи желтые и пропитанные тлѣніемъ органическихъ остатковъ. Имѣть дѣло съ подобными вздохами почти невыносимо.

А другихъ вздоховъ нѣтъ. Странно измѣнился міръ Божій: уже не смотритъ онъ на человѣка свѣтлыми очами, не приглашаетъ его жить и наслаждаться. Подобно бурѣ, вырывающей съ корнемъ столѣтніе дубы и щадящей молодые, гибкіе побѣги, смерть прошла крыломъ своимъ по рядамъ человѣческимъ и посѣкла въ одинъ мигъ все, что̀ считало себя на вѣки несокрушимымъ. Валятся люди, а за ними валится цѣлый порядокъ явленій, валится цѣлая жизнь.

Лѣтописецъ минуты, я роковою силой осужденъ раздѣлять настроеніе ея. Міръ грустенъ—и я грущу вмѣстѣ съ нимъ; міръ вздыхаетъ—и я вмѣстѣ съ нимъ вздыхаю. Мало того, я приглашаю грустить и вздыхать вмѣстѣ со мною и читателя.

Изъ послѣдующихъ очерковъ онъ увидитъ, что̀ сталось съ нашимъ провинціальнымъ „днемъ", этимъ днемъ, который еще столь недавно̀ былъ днемъ веселія и утѣхъ.

I.

У пустынника.

Мы составляемъ особое общество, status in statu. Насъ немного: губернаторъ, губернскій предводитель дворянства, я, предсѣдатель казенной палаты, управляющій палатой государственныхъ имуществъ и жандармскій штабъ-офицеръ. Еще допускается къ намъ откупщикъ, потому собственно, что имѣетъ очень пріятное обхожденіе.

До тѣхъ поръ, пока мы не начали грустить, мы жили очень весело: днемъ распоряжались, а вечеромъ играли въ стуколку; но теперь это все перемѣнилось. Коли хотите, мы продолжаемъ и распоряжаться, и играть въ стуколку, но на все это легла какая-то печать унынія. Все идетъ машинально, безъ присказокъ, безъ острыхъ словъ, словно не сами мы все это дѣлаемъ, а играетъ и распоряжается въ насъ непорвавшійся еще процессъ нашего прежняго, веселаго существованія. Скоро онъ порвется, а съ нимъ вмѣстѣ порвутся распоряженія и стуколка...

Есть у насъ пріятель, который слыветъ между нами подъ име-

немъ „пустынника". Почему мы дали ему такое прозвище—объяснить не могу. Развѣ потому, что онъ любитъ прибѣгнуть къ славянскимъ оборотамъ рѣчи, а можетъ быть и потому, что въ дѣйствительности ничто такъ не противно его природѣ, какъ уединеніе. Человѣкъ онъ старый и одинокій, но еще до сихъ поръ сохранившій въ душѣ своей юношескую веселость и проказливость. Мы любили посѣщать его. Когда ни придите къ нему, у него всегда словно масляница: либо самъ всѣмъ поетъ, либо соберетъ мальчишекъ да и заставитъ ихъ голосить, а самъ сидитъ на диванѣ и благодушествуетъ.

— Величай, душе!—дерутъ во все горло мальчишки.

— Преславнаго и пречестнаго!—подтягиваетъ имъ пустынникъ, и когда придется забирать голосомъ высоко, то вытянетъ шею и руки простретъ, точь въ точь какъ дѣлаютъ регенты.

И такимъ образомъ время проходитъ быстро, весело и для души невредительно.

— Не люблю, государи мои, не люблю одинъ оставаться! черти въ уединеніи посѣщаютъ!—говаривалъ онъ намъ, когда мы веселою толпой врывались въ его уединенную комнату. И потомъ, словно о чемъ-то задумавшись, прибавлялъ:—И по хлѣбѣ явился ему діаволъ... Вотъ и выходитъ, государи мои, что діаволъ-то завсегда намъ тайно сопричутствуетъ, ибо еще отцы наши выражались: веселіе есть Руси пити и ясти... Ахти-хти, грѣхи наши!

И дѣйствительно, такой страстной жажды общества, сопровождаемой безпримѣрнѣйшимъ гостепріимствомъ, рѣдко можно было встрѣтить! Бывало, чуть немного засидится безъ гостей, какъ ужъ бредетъ на балконъ и выглядываетъ оттуда, не видать ли гдѣ праздношатающагося, котораго можно бы залучить, накормить, напоить и утѣшить. И благо тому, кто, завидѣвъ издалека его приземистую фигуру съ распущенными по вѣтру волосами, послѣдуетъ влеченію сердца и, не оглядываясь по сторонамъ, пойдетъ прямо туда, гдѣ ожидаютъ всѣ утѣхи, какихъ только можетъ пожелать самый прихотливый желудокъ.

— Не хотите ли зернистой икорки закусить? Мнѣ наши черноглазовскія дѣвки вотъ эко мѣсто въ презентъ прислали!—привѣтствуетъ онъ гостя, и тутъ же сряду дрожащимъ старческимъ голосомъ запоетъ:—при-и-ди-те поклони-и-и-и-м-ся!.. Да балыкъ тоже претонкій есть: это наши мужики изъ Полорѣцка презентовали!

И не пройдетъ получаса, какъ одно за другимъ переберутся всѣ произведенія глуповской природы во всѣхъ видахъ и со всевозможными приправами. Не пройдетъ получаса, какъ гость уже ощущаетъ себя и сытымъ, и глупымъ.

— Теперь бы вотъ поплясать гожò!—восклицаетъ пустынникъ:—я смолоду-то куда дерзокъ плясать былъ!

И вотъ призываются пѣсенники, плюются гонцы за новыми собесѣдниками, столъ уставляется новыми сѣдями и питіями, и начинается пиръ горой до самой ночи.

Увы! этому ликованію, этой вѣчной масляницѣ суждено было прекратиться!

На дняхъ я посѣтилъ утромъ пустынника и былъ самымъ грустнымъ образомъ пораженъ происшедшею въ немъ перемѣной. По обыкновенію онъ сидѣлъ на диванѣ и по обыкновенію же кого-то дрожащимъ голосомъ величалъ. Это тоскливое величаніе и прежде порой досаждало мнѣ; теперь же, какъ только я его заслышалъ, сердце мое сжалось, какъ бы томимое тяжкимъ предчувствіемъ. Дѣйствительно, закуски на столѣ не было: пустынникъ сидѣлъ и качалъ головой изъ стороны въ сторону, словно бѣлый медвѣдь, оторванный отъ родной стихіи и посаженный въ звѣринецъ. Казалось, даже лысина его потускнѣла.

— Что съ вами, пустынникъ?—спросилъ я его послѣ обычнаго привѣтствія.

— Скорблю!

Я посмотрѣлъ на него въ недоумѣніи. Грѣшный человѣкъ, я подумалъ сначала, что у него вышелъ весь запасъ свѣжей икры, что откупщикъ забылъ прислать ему обычную дань водки и пива, и эта догадка тоскливо подѣйствовала на мой желудокъ.

— Мятутся!—продолжалъ онъ, и вслѣдъ затѣмъ въ грустно-миноромъ тонѣ запѣлъ:—И смятошася людіе...

Я все-таки не понималъ, хотя нельзя было сомнѣваться, что нѣчто произошло. Конечно, мнѣ не безъизвѣстно было, что наше маленькое общество съ нѣкотораго времени прониклось гражданскою скорбью; но какое же дѣло до нея пустыннику? Пустынникъ—отрѣзанный ломоть отъ общества; пустынникъ самой природой такимъ образомъ устроенъ, что было бы у него вдоволь ѣства да пойла, да малахай шолковый, такъ не проймешь его никакою скорбью—это

лно! И вдругъ о чемъ-то скорбитъ и произноситъ отрывистыя и неподобныя рѣчи!

— Да что же случилось, пустынникъ?—спросилъ я.

Онъ въ свою очередь взглянулъ на меня, но въ этомъ взглядѣ виднѣлась скорбная иронія.

— Не велѣть ли развѣ рыбки подать? Мнѣ намедни преотмѣнной изъ Несчанолѣсья прислали!—сказалъ онъ, но въ звукахъ его голоса слышался укоръ, и я даже явственно различалъ, что укоръ этотъ относится именно ко мнѣ, какъ будто онъ говоритъ: „малодушный человѣкъ! я знаю, что ты думаешь объ осетринѣ... въ такую горестную для отчизны минуту!“

— Да нѣтъ, позвольте же, зачѣмъ рыбки? Если въ самомъ дѣлѣ что-нибудь важное случилось, то можно и безъ рыбы... Скажите, что же случилось?

Онъ посмотрѣлъ на меня строго.

— Да что ты, сударь, смѣешься, что-ли?

— Нѣтъ, не смѣюсь.

— Не знаешь, что-ли, что дѣлается!

— Да что же такое, наконецъ?

— А вотъ, сударь, что! Приходитъ ко мнѣ сегодня одинъ изъ моихъ жеребцовъ стоялыхъ (пустынникъ называлъ такимъ образомъ своихъ дворовыхъ) и кланяется мнѣ... вотъ эдакъ (пустынникъ кивнулъ головой съ невыносимымъ пренебреженіемъ)! Я на него смотрю и думаю: не въ горячкѣ ли малый, не очунется ли? Однако нѣтъ: стоитъ какъ столбъ безчувственный. — Постой! что ты, дама, что-ли?— спрашиваю я его. „Нѣтъ, говоритъ, я не дама, а по вашему мнѣнію выходитъ—я жеребецъ стоялый!“ Ну, ужъ меня, знаешь, и разбирать зачало, однако все терплю.—Что жъ, говорю, коли ты не дама, зачѣмъ же такъ кланяешься?—Все еще, знаешь, мыслю, что онъ очунѣетъ... Хорошо. Только что жъ бы ты думалъ онъ сдѣлалъ? „А коли, говоритъ, мой поклонъ тебѣ не нравится, такъ и нѣтъ тебѣ ничего!“ Повернулся хребтомъ-то, да и былъ таковъ! А? что? хорошо?

— Гм... да...

Я не зналъ, что отвѣтить пустыннику, но чувствовалъ, что въ головѣ моей бродитъ не то мысль, не то ощущеніе, однимъ словомъ нѣчто такое, что можно бы формулировать словами: „эге! да это явленія одного и того же порядка!“

— Такъ вы думаете!...—сказалъ я вслухъ.

— Чего тутъ думать... оно!

— Гм... да... это оно!

Мы не объяснили другъ другу, что̀ значитъ это „оно": мы поняли. Я вознамѣрился-было посѣтовать, высказать нѣсколько жалкихъ словъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ люди, которыхъ претензіи ограничиваются желаніемъ выпить и закусить, и которыхъ, вмѣсто того, заставляютъ ломать голову надъ какими-то проклятыми вопросами. Но пустынникъ оказался и рѣшительнѣе, и воинственнѣе меня. Онъ вскочилъ съ дивана и накинулся на меня съ такою неистовою яростью, что я одну минуту думалъ, что онъ растерзаетъ меня на части.

— Чего же вы-то, начальство, смотрите? — закричалъ онъ на меня, сверкая глазами.

Я поникъ головой.

— Вѣдь это зараза!—продолжалъ онъ, все болѣе и болѣе наступая:—вѣдь это чума!

Я почувствовалъ себя сугубо виновнымъ. Мнѣ не приходило даже въ голову сказать въ свое оправданіе стереотипную фразу: „да чѣмъ же я виноватъ?—которою, по заведенному изстари обычаю, оправдываются всѣ птенцы бюрократіи. Мнѣ какъ-то вдругъ пришли на умъ всѣ пословицы, въ родѣ: „взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ". „любишь кататься, любишь и саночки возить" и проч. Я вдругъ почувствовалъ, что на мнѣ лежитъ какая-то отвѣтственность: что я долженъ былъ предугадать, предвидѣть, предозаботиться и предотвратить! Держа въ рукахъ своихъ милліонную частицу административной возжи, имѣя право, въ милліонной части, рѣшить и вязать, я обязанъ былъ тянуть свою тягу, насколько ставало моихъ силъ. Если возжа ослабла—слѣдовательно я не натягивалъ ее съ надлежащею заботливостью, слѣдовательно я не исполнилъ своего долга, слѣдовательно я былъ безъ оправданій.

Пустынникъ, казалось, понялъ, что во мнѣ происходитъ нѣчто очень тяжелое, и смягчился.

— Да ужъ не велѣть ли рыжичковъ подать? Мнѣ дѣвки мелконькихъ такихъ въ уксусѣ прислали!—сказалъ онъ ласково.

Но мнѣ было не до грибковъ. Чортъ знаетъ, что̀ бродило въ это время въ головѣ моей, но только, вмѣсто того, чтобъ отказаться и поблагодарить, я отвѣчалъ:

— А кто ихъ знаетъ, можетъ быть онѣ не дѣвки, а бабы!

Пустынникъ усмѣхнулся.

— Да ну ужъ, ну! велѣть, что-ли? Вижу! все вижу! Обидѣлъ я тебя!

— Нѣтъ ужъ, увольте... Лучше потолкуемъ!

Я былъ смущенъ: мнѣ представлялась „зараза". Не могу опредѣлительно объяснить фигуру этого существа, но помню, что это было нѣчто похожее на громадное черное пятно, которое безобразно шевелилось передъ моими глазами, словно угрожая лечь мнѣ на грудь всею своею массой. Стало быть, она поселилась вездѣ, коли проникла даже въ такое тихое пристанище, какъ домъ нашего милаго пустынника!

— Такъ потолкуемъ!—повторилъ я.

— Потолкуемъ!—отвѣчалъ онъ.

Но уста наши нѣмѣли. Было какое-то слово, которое, казалось, вертѣлось на губахъ, но оно словно застыло тамъ.

— Вотъ каково оно тяжко!—произнесъ наконецъ пустынникъ:—что даже словъ не измыслишь!

Что за будущее представлялось воображеніямъ нашимъ! Сѣрое, неприглядное, покрытое бурьяномъ и колючками! Нужны мы или не нужны?—безпрестанно приходило на мысль. Или мы тотъ самый бурьянъ и есть, который предстоитъ настоятельная надобность скосить? Если мы бурьянъ, то какое же сдѣлаютъ употребленіе изъ насъ, подкошенныхъ? Отдадутъ ли на кормъ осламъ, или просто кинутъ въ навозъ? Если же мы не бурьянъ, то за что же, Господи! за что же?

Странное дѣло! Въ то время, когда наши души были полны скорби, въ саду, прилегавшемъ къ пустынникову дому, беззаботно чирикали птички. Для нихъ горизонтъ былъ чистъ и безоблаченъ; имъ не угрожала ни гласность, ни устность, ни уничтоженіе откуповъ; вокругъ нихъ природа оставалась неизмѣнною; вчера она радовала, насыщала и убаюкивала, и завтра будетъ точно такъ же радовать, насыщать и убаюкивать. Майскій солнечный день такъ и врывался въ комнату сквозь отворенную дверь балкона, врывался со всѣмъ своимъ влажнымъ тепломъ, со всѣми благоуханіями молодой, только-что распустившейся флоры. Хорошо тамъ въ саду; хорошо птицамъ, хорошо жучкамъ и мошкамъ, хорошо цвѣтамъ! Только человѣку скверно вездѣ: и на солнышкѣ, и въ тѣни, и въ саду, и на погребѣ;

вездѣ преслѣдуетъ безотвязная дума, вездѣ насквозь прохватываетъ мысль о заразѣ...

Отъ представленія о человѣкѣ мысль моя невольно перенеслась къ представленію о губернаторѣ (привычка!). — Если вообще человѣку нехорошо, то каково же должно быть губернатору?—безпокойно спрашивалъ я себя.

„Расхитятъ! растащатъ! по кусочкамъ разнесутъ!" долженъ онъ ежемгновенно твердить себѣ, чтобъ не ослабнуть духомъ. Каково тутъ жить? Каково недреманнымъ-то окомъ всю жизнь глядѣть? Ну, а чѣмъ онъ, напримѣръ, виноватъ, если и въ самомъ дѣлѣ растащатъ? Развѣ онъ не человѣкъ? Развѣ не хочется ему и погулять, и выпить, и съ дѣвушками побаловать, и на птичекъ полюбоваться? Развѣ весна-то не дѣйствуетъ на него?

— А чего вы смотрѣли, покуда у васъ злонамѣренныя мысли распространялись?—спросятъ его, быть можетъ, строгіе цѣнители и судьи.

— А я, скажетъ, въ это время у Матрены Ивановны пирогъ съ грибами ѣлъ, ибо я тоже обязанъ и о соединеніи общества подумать.

— Правда. Ну, а гдѣ вы были въ то время, какъ у васъ въ Оковскомъ уѣздѣ нѣкоторый продерзостный нахалъ на полной сходкѣ утверждалъ, что словесное производство лучше безсловеснаго?

— А я въ это время у себя въ кабинетѣ на приговорахъ уголовной палаты „согласенъ", „согласенъ", „согласенъ" писалъ!

— Правда.

Такого рода разговоръ можно продолжать хоть до завтра, и все-таки въ результатѣ ничего иного не выйдетъ, кромѣ: правда, правда и правда.

Признаюсь, если бы я былъ губернаторомъ, я отнюдь не затруднился бы никакимъ вопросомъ. Я бы заранѣе для себя такой катехизисъ составилъ, въ которомъ начерталъ бы простодушные, но дышащіе истиной отвѣты на всевозможные вопросы.

Вопросъ. Это что?

Отвѣтъ. Не разорваться же мнѣ!

Вопросъ. А это что?

Отвѣтъ. А это правитель канцеляріи напуталъ!

Вопросъ. Ну, а это что?

Отвѣтъ. Гм... это? Помнится, что я посылалъ туда своего чиновника, а онъ ничего не сдѣлалъ! и т. д., и т. д.

„Дѣла пошли бы у меня какъ по маслу, начальство было бы довольно, я былъ бы правъ, а обыватели славословили бы имя мое.

Размысливъ все это, я почувствовалъ себя облегченнымъ: идея объ отвѣтственности уже не лежала тяжелымъ камнемъ на сердцѣ: призракъ слабонатянутой административной вожжи не тревожилъ воображенія. Очевидно, весна подѣйствовала благотворно: я даже не прочь былъ отвѣдать грибковъ.

— Однако вы несправедливы, пустынникъ, къ начальнику-то къ нашему!—молвилъ я, покоряясь новому порядку идей.

— Въ чемъ же, сударь?

— Намедни я былъ у него по дѣламъ... Только, знаете, слово за слово — онъ мнѣ и открылся: „повѣрите ли, говоритъ, Николай Иванычъ, вотъ третій вицмундиръ приходится бросить, съ тѣхъ поръ, какъ эти слухи пошли!" Такъ вотъ оно что!

— Что жъ, нѣтомъ, что-ли, оно изъ него выходитъ?

Смѣйтесь тамъ или не смѣйтесь, а что человѣкъ скорбитъ—это вѣрно!

— Гм... да... чай, расходъ на одёжу большой!

Мнѣ стало обидно и больно.

— Пустынникъ!—сказалъ я серьезно: — поймите, что это дѣло совсѣмъ не шуточное. Вѣдь мы всѣ, сколько насъ ни есть, должны будемъ, такъ сказать, сократиться... исчезнуть...

— Скорблю!—вздохнулъ пустынникъ.

— Вмѣсто того, чтобъ смѣяться другъ надъ другомъ, намъ надлежало бы соединиться!

— О семъ мечтаю и всечасно сего желаю!

— Вотъ у Ивана Николаича восемь дочерей невѣсть: вѣдь ему и съ дочерьми исчезнуть придется!

— Яко исчезаетъ дымъ! да исче-е-езнутъ!—затянулъ пустынникъ.

— Намедни я у Семена Петровича былъ! онъ тоже говоритъ: что я съ этой устностью буду дѣлать!

— Куда прочіе, туда и онъ!

— Да вѣдь люди-то какіе!

— Люди отмѣнные!

— И всѣхъ вотъ словно холерой посѣкло! Вѣдь мухъ зла не сдѣлали! Иванъ-то Николаичъ курицы въ супѣ не съѣстъ безъ того, чтобъ не сказать: „Вотъ, курочка, кабы не плотоядность человѣческая, клевала бы ты да клевала теперь по зернышку!“

— Что и говорить!

— А вы еще обвиняете!

— Постой! Я въ чемъ обвиняю? Я въ томъ, сударь, и обвиняю, что много въ васъ добродѣтели этой развелось... да! Возьмемъ хоть губернатора: сажаетъ это всякаго, руку подаетъ — пристойно ли? Нѣтъ, вотъ я съ предмѣстникомъ его хлѣбъ-соль важивалъ, такъ тотъ и слово-то молвитъ, бывало, такъ словно укуситъ, того гляди! Видъ-отъ одинъ дикій что̀ предвѣщалъ!

— Однако какъ же руки не подать? согласитесь!

— Да такъ: не подавай да и шабашъ! Иной еще такой озорникъ вынется: ты ему руку подашь, а онъ на нее плюнетъ!

Признаюсь, это предположеніе совѣмъ сшибло меня съ ногъ своею непредвидѣнностью. Во все время моей административной карьеры ничего подобнаго не приходило мнѣ на мысль — и вдругъ!

„А ну, если и въ самомъ дѣлѣ плюнетъ?“ подумалъ я.

Вся кровь во мнѣ закипѣла: я явственно слышалъ, какъ внутри меня разомъ поднялись тысячи голосовъ, которые кричали: въ острогъ! въ острогъ его!

— Такъ-то вотъ, сударь! Дѣло-то оно съ маленькаго начинается: тамъ посадишь, тамъ погладишь, анъ онъ ужъ и думаетъ, что и завсегда его сажать да гладить слѣдуетъ... Черти!

— Да вѣдь велѣно!—сказалъ я голосомъ, полнымъ отчаянія: —кому бы охота, кабы не велѣно!

— А коли велѣно, такъ, стало быть, и шабашъ!

Мы умолкли: часы заунывно простонали двѣнадцать. Странное дѣло! я еще не завтракалъ, а между тѣмъ былъ такъ сытъ, какъ будто цѣлаго осетра одолѣлъ.

— Сколько добродѣтельныхъ людей чрезъ это самое погибнуть должны!—промолвилъ пустынникъ.

„Можетъ быть, и я!“ подумалъ я.

„Можетъ быть, и я!“ подумалъ пустынникъ.

Въ это время, неся поднос и гремя тарелками, влетѣлъ въ комнату прислужникъ въ длинномъ кафтанчикѣ на манеръ ополченскаго.

На подносѣ красовались вещи знакомыя, но вѣчно милыя: янтарный балыкъ, свѣжая икра, духовая осетрина, копченыя стерляди и проч.

— Ну, мы дождѣ побесѣдовали; теперь потрапезуемъ!

— Нѣтъ, нѣтъ! ужъ увольте! я сытъ!

— Чѣмъ же сытъ? развѣ у кого потрапезовалъ!

— Нѣтъ, ни у кого! Я... я просто сытъ...

— Гм... оно и вправду... какая нынче ѣда!

— Какая ѣда!—повторилъ я машинально.

— Не о хлѣбѣ единомъ... такъ-то!

— Прощайте, пустынникъ!

— Куда же?

— Да надобно бы... тово...

Я хотѣлъ-было сказать, что надобно бы распорядиться, но вспомнилъ, что все уже кончено, что зараза уже совершаетъ разъѣдающій кругъ свой—и запнулся.

— Нѣтъ, ужъ прощайте!

— Ну, прощай, сударь, прощай! Я-то съ своими справлюсь; вотъ вы-то, гражданскіе, какъ?

Я взялся за шляпу и спѣшилъ уйти. Слова пустынника давили меня: никогда еще я не понималъ такъ отчетливо, что все кончено; никогда будущее не представлялось мнѣ въ такомъ черномъ цвѣтѣ.

„Зараза!—думалъ я, возвращаясь домой:—зараза!“

И такимъ образомъ, погибая отъ думы, я пробылъ въ этотъ день не завтракавши.

II.

Обѣдъ.

Бьетъ четыре часа; дѣла покончены, пора обѣдать. Впереди еще остается цѣлый день, пустой и длинный день... Куда дѣваться? куда дѣваться такъ, чтобъ уйти отъ политическихъ соображеній, не слыхать политическихъ вздоховъ, не видать политическихъ взоровъ? Свиданіе съ пустынникомъ положительно разстроило меня. Представьте себѣ, что когда секретарь принесъ мнѣ къ подписи бумаги, то я вмѣсто своей фамиліи вездѣ подписался: „зараза“, „зараза“, „зараза“... Хорошо, если ни одна изъ этихъ бумагъ не отправлена

по начальству, а то вѣдь отъ этихъ приказныхъ станется, что и нарочно пошлютъ—каковъ тогда срамъ!

Куда дѣваться? Дома оставаться нельзя, во-первыхъ, потому, что дома нечего дѣлать, а во-вторыхъ, и потому, что мы положительно не привыкли къ уединенію. Какъ только останешься одинъ, такъ вотъ тебя и томитъ, такъ и сосетъ что-то: десятки да двойки въ глаза мечутся, нагія плечи, розовыя улыбки, французскія рѣчи—такъ и тревожатъ воображеніе... Правду говорилъ пустынникъ, что въ уединеніи черти посѣщаютъ.

— Не зайдете ли къ намъ отобѣдать?—вдругъ раздался подъ окномъ моимъ ласковый голосъ, и велѣдъ за тѣмъ показался украшенный брильянтовымъ перстнемъ палецъ, который легонько постукивалъ по стеклу.

И палецъ, и перстень принадлежали генералу Голубчикову. Разумѣется, я поспѣшилъ воспользоваться приглашеніемъ съ благодарностью.

Генералъ Голубчиковъ—тотъ самый предсѣдательствующій старецъ, у котораго восемь дочерей. Онъ любитъ и видимо ласкаетъ меня, потому что полагаетъ, что изъ этого выйдетъ гименей. Быть можетъ, это предположеніе и не лишено основанія, однако я еще крѣпился: пускай, думаю, старикъ покончитъ!

Генералъ—очень маленькій и чистенькій старичокъ. Когда онъ бываетъ въ хорошемъ расположеніи духа, мы называемъ его мышинымъ жеребчикомъ, когда же въ мрачномъ (а это случается всякій разъ, какъ только зайдетъ рѣчь объ уничтоженіи откуповъ), то каримъ мериномъ.

— Господа! сегодня нашъ генералъ въ образѣ мышинаго жеребчика!—раздается въ одномъ концѣ комнаты, какъ только онъ войдетъ.

— Нѣтъ, онъ сегодня въ образѣ каряго мерина! — раздается въ другомъ концѣ.

И такимъ образомъ шутки идутъ не прерываясь, но шутки безобидныя, незлостныя, доказывающія лишь наше расположеніе къ милому генералу.

Увы! я не могу не сознаться, что съ нѣкотораго времени генералъ почти постоянно является въ образѣ каряго мерина. Глаза его тускнѣютъ, носъ какъ-то раздался вширь и вытянулся, словно хочетъ

слиться съ мясистыми губами; въ звукахъ его голоса слышится нѣчто похожее на томное, разслабленное ржаніе; однимъ словомъ, по всему видно, что его насквозь пронизываютъ заботы о любезныхъ восьми дочеряхъ.

Какъ и всѣ мы, генералъ гостепріименъ, но въ немъ это гостепріимство усугубляется вѣчно присущимъ воспоминаніемъ о дочеряхъ. Милые птенцы! имъ необходимы развлеченія, имъ нужно общество, имъ нужны, наконецъ, женихи. Разсказываютъ, будто его зятьямъ не житье, а масляница; я этому очень вѣрю. Я самъ, неоднократно обѣдая у генерала, замѣчалъ какихъ-то двоихъ господъ, которыхъ генеральша разъ навсегда рекомендовала мнѣ такъ: „мужья моихъ двухъ старшихъ дочерей" (эти дочери были выданы замужъ еще до возникновенія слуховъ объ уничтоженіи откуповъ). Господа имѣли видъ здоровый, ѣли за обѣдомъ съ двоякимъ аппетитомъ, и никто имъ въ этомъ не препятствовалъ ни косвенными взглядами, ни тонко брошеннымъ намекомъ на то, что вотъ, дескать, есть люди на свѣтѣ, на которыхъ и пропасти нѣтъ. Напротивъ того, мнѣ даже достовѣрно извѣстно, что этихъ господъ не только поятъ и кормятъ, но даже одѣваютъ, обуваютъ и обмываютъ. По этому случаю ихъ въ нашемъ обществѣ называютъ въ шутку „наемными мужьями".

— Да поскорѣе!—весело торопилъ меня генералъ, покуда я облекался въ сюртукъ:—вы, можетъ быть, не слыхали еще, что сегодня у насъ по палатѣ распоряженіе получено, которое даетъ основаніе заключить, что откупа́ остаются на неопредѣленное время... да!

— Ну, вотъ и славу Богу! — отвѣчалъ я также весело. Съ одной стороны меня радовала мысль, что хоть на этотъ разъ я убѣгу отъ политики; съ другой стороны, я все-таки невольно говорилъ самъ себѣ: пускай старикъ покопитъ! пускай его!

Я вышелъ: мы поздоровались.

— Представьте, какъ все это неожиданно вышло: сидимъ мы сегодня въ палатѣ и по обыкновенію разсуждаемъ о томъ, что̀ ожидаетъ впереди нашу матушку Русь православную, какъ вдругъ приходитъ пакетъ. Раскрываю—и что же, напримѣръ, вижу! „Снисходя, говоритъ, къ ходатайству грека Мерзоконаки, оставляемъ..." Ну, однимъ словомъ, оставляемъ, да и все тутъ!

Генералъ хихикнулъ, какъ будто его кто-нибудь нечаянно щекотнулъ пальцемъ подъ мышкой.

— Ну, и слава Богу!—повторилъ я.

— Я впрочемъ заранѣе зналъ, что это такъ будетъ! Да оно, коли хотите, и неправдоподобно! Не было еще примѣровъ въ исторіи, чтобъ правительство просвѣщенное добровольно отказывалось отъ такихъ полезныхъ сотрудниковъ...

— Да, объ нихъ именно можно сказать, что это истинные вѣрноподданные!

— Это такъ. Потому живутъ смирно и никого не задѣваютъ!

— Мало того, что не задѣваютъ, но всегда, такъ сказать, на общую пользу стремятся!

— И это опять-таки именно такъ. Кто во время послѣдней войны неестественныя суммы, съ явнымъ для себя ущербомъ, на торгахъ набавилъ?

— Мерзоконаки и Ламурдосъ!

— Кто нашего губернатора изъ бѣды выручилъ, когда велѣно было женскія училища вездѣ заводить?

— Ламурдосъ и Мерзоконаки.

— Кто обществу угодилъ, когда оно постоянный театръ имѣть пожелало?

— Ламурдосъ, Ламурдосъ и Ламурдосъ!

— Какъ вспомнишь да соединишь все это въ одинъ фокусъ, такъ оно денегъ-то и многонько выйдетъ!

— Что ужъ и говорить!

— А вѣдь имъ тоже съ деньгами-то, чай, жаль разставаться! А вѣдь они даже вида этого не подадутъ, что жаль! А вѣдь у нихъ только и словъ, что „сейчасъ" да „съ нашимъ удовольствіемъ"! Самый, то-есть, кроткій, безотвѣтный народъ!

Такимъ образомъ, славословя Ламурдоса, мы дошли до самой квартиры генерала. Столъ былъ уже накрытъ и насъ встрѣтила въ залѣ сама Прасковья Петровна, которая привѣтствовала меня самымъ утонченнымъ образомъ. За нею стояла Nathalie, та самая, на которую старики Голубчиковы наиболѣе разсчитывали въ отношеніи гименея. Я взглянулъ на нее, и такъ какъ былъ въ отличномъ расположеніи духа, то мнѣ опять пришло на мысль: пускай старикъ покопитъ! пускай!

Надобно сказать правду, что въ наружности Nathalie было нѣчто двойственное. Когда она имѣла основаніе надѣяться и, вслѣдствіе

того, чувствовала себя счастливою, то была похожа на мать и могла нравиться; когда же сладкія надежды гименея покидали ее и будущее покрывалось чернымъ флеромъ, то была похожа на отца и нравиться не могла. Сколько разъ, бывало, видя ее въ этомъ послѣднемъ образѣ, я съ досадой восклицалъ: „охъ, ужъ этотъ мнѣ карій меринъ! даже хамелеонство свое проклятое потомству передалъ!“ Однако дѣлать было нечего.

На этотъ разъ Nathalie была похожа на отца. Вообще съ нѣкотораго времени на всемъ домѣ генерала лежала словно опала какая-то. Не говоря ужъ объ немъ самомъ, все семейство его, очевидно, скорбѣло. Прасковья Петровна, несмотря на утонченную свѣтскость манеръ, предписывающую выказывать какъ можно больше равнодушія къ житейскимъ мелочамъ, безпрестанно прорывалась. То не донесетъ до рта ложки съ супомъ и съ крикомъ: „ахъ, это ужасно!“ положитъ ее опять въ тарелку; то потянется, чтобъ достать соли, но на обратномъ пути почувствуетъ дрожаніе въ рукѣ и разсыплетъ свою ношу на столъ, и т. д.

— Хоть не бѣйте сидя!—говаривалъ мнѣ иногда генералъ съ полными слёзъ глазами.

Да, политическіе кризисы ужасны; они возбуждаютъ чувства и уничтожаютъ аппетитъ. Но еще чаще бываетъ такъ, что аппетитъ остается прежній, а органы, долженствующіе служить ему, внезапно, вслѣдствіе какихъ-то нелѣпыхъ политическихъ соображеній, отказываются отъ исполненія своихъ обязанностей. Несноснѣе этого положенія ничего быть не можетъ. Человѣкъ, постигнутый такимъ несчастіемъ, постепенно линяя и выцвѣтая, дѣлается наконецъ способнымъ только ронять ножи и вилки, которые, какъ орудія ѣды, во всякое другое время могли бы доставить ему полное удовольствіе. Только во время глубокаго мира, когда политическій горизонтъ совершенно безоблаченъ, можно найти полную гармонію между аппетитомъ и чувствами; только тогда они пополняютъ и даже, такъ сказать, подстрекаютъ другъ друга: чувства рождаютъ новый аппетитъ, аппетитъ рождаетъ новыя чувства. Веселѣе и пріятнѣе этого положенія нельзя себѣ ничего вообразить.

— А я, ma chère, пріятную новость принесъ!—началъ генералъ.

— Ну, вотъ и прекрасно! А то, признаюсь вамъ, Николай

Иванычъ, даже противно жить стало: кругомъ все только пошлости одинъ слышишь!

— Да вы спросите напередъ, какую новость-то! — сказалъ я, желая нѣсколько помучить генеральшу:—вѣдь дозволено оглашать всѣ злоупотребленія... и съ именами. Прасковья Петровна, съ именами-съ!

— Да къ тому же и гласное судопроизводство вводится!— брякнулъ за мной генералъ, любезно подмигивая мнѣ.

Но генеральша не могла видѣть подмигиванія, потому что съ ней сдѣлалось дурно. Разумѣется, генералъ струсилъ и засуетился около нея: онъ безпрестанно хлопалъ ей по ладони и нѣжнымъ голосомъ ворковалъ на ухо:

— Ma chère! я пошутилъ! этого никогда не будетъ! Напротивъ того, откупа продолжены, а типографіи всѣ до одной закрыты!

— А!—слабо вскрикнула Прасковья Петровна.

Признаюсь, я не ожидалъ, чтобъ слово „откупъ“ заключало въ себѣ такую магическую силу. Конечно, всѣ мы, члены великой отечественной консервативной партіи, чувствуемъ искреннюю преданность къ откупщику, но это все-таки не мѣшаетъ намъ сохранять нѣкоторый decorum въ выраженіи чувствъ нашихъ. Со стороны генеральши подобный поступокъ могъ быть объясненъ только силою материнскихъ чувствъ и деликатностью женскихъ нервовъ.

— Maman всегда такъ! Когда papa въ первый разъ получилъ извѣстіе, что откупщиковъ всѣхъ выгоняютъ, она по пяти разъ въ день въ обморокъ падала!—сфискалила мнѣ на ухо Nathalie.

„Какая однако милая дѣвушка!“ подумалъ я.

— Потому что вѣдь намъ нельзя,—продолжала Nathalie: — у papa денегъ не будетъ, если откупщиковъ выгонятъ.

„Ну, деньги-то у papa, пожалуй, и теперь есть!“ подумалъ я.

Между тѣмъ генеральша оправилась совершенно; она ужъ шутила и даже пребольно выдрала генерала за ухо за его неумѣстную выходку.

— И вамъ бы то же слѣдовало сдѣлать,—сказала она, обращаясь ко мнѣ:—да такъ ужъ и быть, на этотъ разъ я снисходительна.

Въ глазахъ ея я прочелъ: „прощаю тебя, но сдѣлай же милость не медли: сдѣлай счастливою мою дочь!“

— Maman! вы однакожъ забыли, что къ papa письмо изъ Петербурга есть!—вступилась Nathalie.

— Ахъ, да, дѣйствительно, къ тебѣ есть письмо, Jean: enfants, apportez donc la lettre à papa!

Я совершенно согласенъ, что лучше, если бы этого письма совсѣмъ не было, но ужъ во всякомъ случаѣ было бы лучше, если бы оно пришло послѣ обѣда. Едва генералъ прочиталъ нѣсколько строкъ, какъ уже позеленѣлъ отъ верхняго края до нижняго; сердца всѣхъ присутствующихъ сжались болѣзненнымъ предчувствіемъ.

— Вотъ такъ штука!—сказалъ наконецъ генералъ какимъ-то унылымъ голосомъ, какъ будто всѣ внутренности его въ одну минуту отсырѣли.

Въ письмѣ было изображено:

„Нѣтъ сомнѣнія, что вы уже получили, почтеннѣйшій другъ, распоряженіе насчетъ продолженія откупной системы. Скажу безъ хвастовства: нужно было много ловкости, чтобъ при настоящемъ откупновраждебномъ настроеніи умовъ провести нашу мысль, однако мы не пощадили ни трудовъ, ни издержекъ, и провели. Но не спѣшите радоваться, ибо радоваться въ наше время столь же несовмѣстно, какъ и мечтать о временахъ недавняго, но, увы! невозвратимаго отечественнаго благополучія. Едва успѣли мы покончить, какъ противная партія ударила уже въ набатъ. Что говорилось и писалось по этому случаю, того бумагѣ довѣрить не могу, однако, положа руку на сердце, скажу: уши вянутъ! Подобно злымъ и неотвязнымъ шавкамъ набросились школяры на нашъ проектъ и неистовымъ своимъ крикомъ (именно однимъ крикомъ) успѣли-таки поколебать величественное зданіе его.

„Мы стояли на твердой почвѣ и упирались въ казенный интересъ; противники наши приводили возраженія мечтательныя и опирались на требованія нравственности. „Нравственность—говорили мы—есть вещь второстепенной важности, когда дѣло идетъ объ интересѣ казны и славѣ любезнаго отечества“ (вамъ должно быть по опыту извѣстно, почтеннѣйшій другъ, что слава безъ денегъ мертва есть).—„Интересъ казны—возражали наши противники—есть вещь второстепенной важности, когда дѣло идетъ о нравственности“. И такимъ образомъ сговориться никакъ не могли, тѣмъ болѣе, что и самое преніе какъ бы о томъ только шло, чтобъ сказуемое на мѣсто подлежащаго поставить, а подлежащее на мѣсто сказуемаго. Все сіе было бы смѣшно, если бы не заключало въ себѣ, какъ въ зернѣ, за-

чатка самыхъ горькихъ послѣдствій. Границы россійскія, какъ вамъ извѣстно, обширны — войска требуется пропасть; народъ русскій многочисленъ и склоненъ къ увеселеніямъ — полиціи требуется пропасть; полиція, съ своей стороны, обладаетъ нѣкоторою игривостью нравовъ — губернаторовъ требуется пропасть... но всего и не перечтешь... Съ одной стороны обширность, съ другой лѣнистость и малообработанность — вотъ положеніе нашего любезнаго отечества въ финансовомъ, экономическомъ и административномъ отношеніяхъ! Донынѣ все это тло, все это удовлетворялось: обширность была обезпечена, лѣнистость уничтожалась, къ воздѣлыванію полей принимались мѣры. Откуда извлекались средства для всего этого? спрашиваю я васъ. Откуда, какъ не изъ откуповъ? Они представляли и для государства, и для общества убѣжище постоянное и непоколебимое: они изображали собой шкатулку, въ которую всякій достойный гражданинъ свободно запускалъ руку, безъ опасеній завязить ее. Тутъ была цѣлая государственная теорія, на мѣсто которой нынѣшніе мечтатели предлагаютъ что? Предлагаютъ нравственность?.. Скучно слушать! И тѣмъ не менѣе побѣдили! Откупа окончательно и безвозвратно уничтожены...

„Не могу по этому случаю не выразить моего искренняго сожалѣнія о васъ и о всемъ вашемъ почтенномъ семействѣ. Знаю по себѣ, что подобные удары переносить не легко, но думаю, что упованіе на милость Божію и въ семъ крайнемъ случаѣ не оставитъ васъ. Оно одно...“

И т. д., и т. д.

Подписалъ: „Георгій Лампурдосъ“.

Описать сцену ужаса и смятенія, которая произошла вслѣдствіе чтенія этого письма, я не въ силахъ. Скажу одно: лица у дочерей-невѣстъ вытянулись, и на лицахъ этихъ я очень явственно могъ прочесть, что женихи улетѣли. Наемные мужья, пользуясь общей суматохой, незамѣтно удрали. Генералъ, вдругъ преобразившись въ каряго мерина, шагалъ по комнатѣ и безпрестанно повторялъ, что жизнь есть обманъ. Генеральша, едва замѣтно вздрагивая ноздрями, возражала, что жизнь совсѣмъ не обманъ, а что, напротивъ того, дураки сами во всемъ виноваты.

— Представьте себѣ, Николай Иванычъ! — сказала она, обра-

щаясь ко мнѣ:—даже въ дѣтяхъ эта зараза дѣйствуетъ! Намедніись, на балѣ у Пеструшкиныхъ, подходитъ мой Иванъ Николаевичъ къ сыну Шалимова, гимназисту, и хочетъ, знаете, по щечкѣ его потрепать... Только какъ бы вы думали, что̀ этотъ мальчишка сдѣлалъ? Повернулся эдакъ къ нему спиной, да и говоритъ: „я, говоритъ, съ вами незнакомъ, потому что вы откуда защищаете!“

— Се!..

— Нѣтъ, да каковъ клопъ! Вѣдь отъ земли не видать букашку, а туда же въ политику лѣзетъ!

— Скажите пожалуйста!

— Право! Какъ же теперь можемъ мы жаловаться, когда ужъ дѣтей своихъ не умѣемъ въ истинныхъ правилахъ воспитать! Когда мы сами вездѣ кричимъ: откуда гадость! крѣпостное право мерзость! Ну и докричались!

— Я, ma chère, никогда ничего подобнаго не кричалъ! — отозвался генералъ.

— Ахъ, отстань пожалуйста! Не объ тебѣ и говорятъ!

— Я положительно отъ того терплю, что жизнь есть обманъ! —приставалъ генералъ.

— Да отстань же, сдѣлай милость! Развѣ кто-нибудь съ тобой споритъ?

— Я положительно утверждаю, что жить въ настоящее время не только гадко, но даже и не безопасно.

Генеральша пожала плечами.

— Взгляните въ микроскопъ на каплю воды—вы увидите, что инфузоріи съ жадностью пожираютъ другъ друга! Взгляните на нашъ человѣческій міръ даже безъ увеличительнаго стекла—вы увидите, что люди съ такою же жадностью пожираютъ другъ друга, какъ и безсмысленныя инфузоріи!

— Mais qu'est-ce qu'il a donc?—сказала генеральша, съ безпокойствомъ глядя на мужа.

— Я положительно удостовѣряю, что Ламшурдосъ подлецъ!— провозгласилъ генералъ торжественно.

Генеральша вскочила со стула и вся перепуганная устремилась къ мужу.

— Jean! что̀ съ тобой, другъ мой?—сказала она.

— Грекъ Ламшурдосъ подлецъ, потому что лишилъ меня апе-

тита! Грекъ Ламнурдосъ подлецъ, потому что, не будь его поганаго письма, я былъ бы въ настоящую минуту счастливъ! Вотъ все, что я желалъ сказать.

Генералъ заплакалъ.

— За докторомъ! ради Бога, за докторомъ! — вскрикнула встревоженная генеральша.

— Меня ни одинъ докторъ лечить не станетъ! — продолжалъ жаловаться генералъ: — мнѣ даже крошка Шалимовъ въ глаза сказалъ, что я ретроградъ... да! О, если бы я былъ либераломъ! Я былъ бы теперь здоровъ, и всякій докторъ согласился бы лечить меня съ удовольствіемъ!

Генеральша металась: малыя дѣти взвизгивали и машинально хватались за фалды генерала, словно боялись, что онъ улетитъ... Смутно стало на душѣ моей. Съ одной стороны, мнѣ представлялся вопросъ: неужели я и обѣдать сегодня не буду? съ другой стороны, взирая на генерала, я невольно говорилъ самъ себѣ: ну, нѣтъ, братъ! кошить ты ужъ больше не будешь!

— Кушать подано! — гаркнулъ въ это время лакей.

Никто не тронулся.

— La soupe est sur la table, maman! — робко подсказала Nathalie, которая, надо сказать правду, и въ мирное, и въ смутное время кушала съ одинаковымъ аппетитомъ.

Но генеральша такъ строго взглянула на дочь, что та навѣрное откусила себѣ языкъ.

Я увидѣлъ, что надеждамъ моимъ суждено разлетѣться въ прахъ, взялся за шляпу и поспѣшилъ уйти. На другой день весь городъ зналъ, что генералъ лишился разсудка, что онъ безъ умолку говоритъ какія-то странныя рѣчи, упоминаетъ о грекѣ Ламнурдосѣ и грозитъ дѣтямъ, что если они будутъ дурно учиться, то онъ отдастъ ихъ въ ретрограды, а самъ останется въ либералахъ и будетъ носить бѣлый колпакъ.

III.

На балъ.

Въ бывалыя времена, когда губернаторша желала повеселить себя и своихъ demoiselles, то просто говорила губернатору:

— Губернаторъ! что же ты не прикажешь откупщику балъ дать?

— Можно! —отвѣтствовалъ обыкновенно губернаторъ, и тотчасъ же посылалъ за откупщикомъ.

— Балъ?—вопрошалъ губернаторъ.

— Можно-съ,—отвѣтствовалъ откупщикъ.

И дѣло устраивалось легко, просто и умилительно. Губернаторъ оставался доволенъ, что онъ далъ возможность откупщику повеселиться; откупщикъ оставался доволенъ, что онъ хотя на нѣсколько часовъ могъ послужить въ нѣкоторомъ смыслѣ административнымъ орудіемъ для соединенія общества.

Нашъ глуповскій губернаторъ не дальнозоркъ (употребляю это слово не въ обидномъ для этого сановника смыслѣ, но просто желая выразить, что онъ близорукъ). Помѣщики знаютъ это и говорятъ: „это ничего“; чиновники знаютъ это и говорятъ: „это ничего“; наконецъ, мѣстные либералы знаютъ это и говорятъ: „это ничего“. Для всѣхъ „ничего“—стало быть очень хорошо.

Съ своей стороны скажу: это хорошо, именно потому, что это „ничего“. Горе тому граду, въ которомъ „князь“ онъ, усердецъ по службѣ и не чуждъ разговоровъ о прогрессѣ. „Князь“ можетъ забрать себѣ въ голову, что онъ благопамѣреннѣйшій и образованнѣйшій человѣкъ, и чортъ знаетъ чего надѣлаетъ. Почнетъ купцовъ за бороды трясти, а помѣщикамъ репримандъ дѣлать, почнетъ женскія гимназіи устроять, почнетъ заботиться о распространеніи обществъ трезвости... однимъ словомъ, учредитъ нѣчто въ родѣ временнаго землетрясенія.

Нашъ начальникъ края принадлежитъ къ такъ-называемой старой школѣ. Онъ управляетъ съ прохладою, любитъ поѣсть, попить и поврать съ барынями, о прогрессѣ же не имѣетъ никакого понятія. За то чиновники боготворятъ его; за то помѣщики безпрестанно зовутъ его къ себѣ откушать; за то откупщикъ устрояетъ въ честь его обжорныя торжества и говоритъ на нихъ благодарственные спичи, въ которыхъ сравниваетъ его съ Минервою; за то землетрясенія—ни временнаго, ни постояннаго — у насъ нѣтъ и не бывало. За то онъ пріѣхалъ къ намъ на губернію худенькій и мизерненькій, а въ два года отъѣлся такъ, что сдѣлался совершенной кубышечкой, и только послѣднія моральныя потрясенія возвратили его къ первоначальной худобѣ и мизерности.

На дняхъ какъ-то губернаторша, по старой привычкѣ, обратилась къ мужу съ обычнымъ вопросомъ относительно устройства какого-либо увеселенія.

— Губернаторъ!—сказала она:—ты забываешь, душа моя, что откупщикъ ужъ третій мѣсяцъ ничего не дѣлаетъ!

— Мож...—отвѣчалъ-было губернаторъ, но потомъ спохватился и, махнувъ рукою, прибавилъ очень рѣшительно:—нельзя!

— C'est inconcevable!—сказала губернаторша.

— Чего тутъ „inconcevable"!—запальчиво возразилъ губернаторъ:—ты знаешь ли, сударыня, что за нами съ тобой нынче тысячи глазъ наблюдаютъ?

Въ это время маленькій Володя (сынокъ ихъ превосходительствъ) навелъ на maman свое зеркальце (на дѣтскомъ языкѣ это называется *устроить зайчика*), и отраженіе свѣта на минуту ослѣпило глаза ея. Губернаторша подумала, что это смотрятъ тѣ самыя тысячи глазъ, о которыхъ только-что упомянулъ губернаторъ.

— Во всякомъ случаѣ хоть намъ самимъ да слѣдуетъ что-нибудь устроить!—сказала она:—вѣдь это невозможно! Aglaé и Cléopatre (pauvres petites!) совсѣмъ никакихъ развлеченій не имѣютъ!

— Я самъ объ этомъ... да! надо положить конецъ этимъ распрямъ, надо соединить обѣ партіи!—пробормоталъ губернаторъ, какъ бы обдумывая нѣчто грандіозное.

— Ну, вотъ и прекрасно! Кстати же мы такъ давно не доставляли никакихъ удовольствій обществу!

Слово „партіи" не ново въ провинціи, но значеніе его на нашихъ уже глазахъ совершенно измѣнилось. Въ прежнія времена у насъ обыкновенно свирѣпствовали двѣ партіи: стараго предводителя дворянства и новаго предводителя дворянства. Обѣ партіи исключительно занимались тѣмъ, что объѣдали и опивали своихъ патроновъ и бушевали на выборахъ, кладя имъ шары направо, подося имъ шары на блюдѣ и вообще оказывая самые разнообразные знаки всевозможной преданности. Тутъ борьба не имѣла никакого политическаго оттѣнка, тутъ дѣло шло единственно о томъ, кто кого перекормитъ. И, Господи! что за обѣды проистекали изъ этого благороднаго соревнованія? Петръ Петровичъ шесть недѣль снимаетъ съ круга какого-то благороднаго теленка; холитъ и ублажаетъ нѣкоторую необычайную свинью: бѣлые какъ снѣгъ поросята визжатъ и мятутся

отъ желудочныхъ болей, слѣдствія неслыханнаго обжорства... Партія Петра Петровича притаила дыханіе, взирая на эти приготовленія, и заботится только о томъ, чтобъ Иванъ Яковлевичъ какъ-нибудь не прозналъ о нихъ и не успѣлъ отразить ударъ чѣмъ-нибудь въ томъ же родѣ. Но Иванъ Яковлевичъ тоже не промахъ: съ помощью преданныхъ ему клевретовъ онъ зорко слѣдитъ за своимъ противникомъ, и въ то время, какъ тотъ торжествуетъ мысленно побѣду, онъ наноситъ ему ударъ въ самое сердце, посылая въ Москву за такою провизіей, о которой мудрецамъ глуповскимъ и во снѣ не снилось.

— Фазановъ! фазановъ! фазановъ!—кричитъ онъ восторженно и отъ нетерпѣнія даже подпрыгиваетъ.

И вотъ, чрезъ какой-нибудь день послѣ обѣда у Петра Петровича, гдѣ гости до оглушѣнія объѣдались неслыханными колбасами и чудодѣйственною телятиной, устраивается обѣдъ у Ивана Яковлевича, гдѣ гостямъ предлагаютъ фазановъ и тончайшее вино въ бутылкахъ съ золотыми ярлыками... Чудное время! гдѣ ты?

Мы, предержащія власти, а также и изъ благоразумныхъ людей, которые находили для себя выгоднымъ равно уважать и Петра Петровича, и Ивана Яковлевича—мы съ одинаковымъ рвеніемъ ѣли и у того, и у другого. Мы ѣли и радовались, что въ отечествѣ нашемъ процвѣтаетъ гостепріимство, что въ отечествѣ нашемъ откармливаются неслыханныя свиньи, и что это не мѣшаетъ фазанамъ населять отечественные лѣса. Души наши ничѣмъ не возмущались, ибо мы были чисты; сердца наши стучали въ груди ровно, ибо мы были пьяны: понятно, какое благотворное вліяніе оказывало это обстоятельство на дѣла.

Увы! партіи остались, но это партіи, такъ сказать, голодныя. Нынче не ѣдятъ и не пьютъ, но разговариваютъ. Порою кажется, что міръ долженъ потонуть въ потокѣ словесъ, стоновъ и восклицаній. Завелись ретрограды, завелись либералы красные, умѣренные, завелись даже такіе люди, которые соглашаются и съ одними, и съ другими, и съ третьими, и надѣются пройти какъ-нибудь по серединѣ (не потомки ли это доблестныхъ мужей, которые, во времена оны, обѣдывали и у Петра Петровича, и у Ивана Яковлевича?). И странное дѣло! прежніе люди партій, встрѣчаясь въ обществѣ, все-таки подавали другъ другу руки и даже взаимно другъ у друга обѣдывали; нынѣшніе же не только взаимно не угощаются (и самимъ-то, видно, перекусить нечего!), но даже выказываютъ другъ другу со-

вершенное презрѣніе, выражая оное плевками, пощечинами и плеваніемъ въ глаза... Вотъ какъ ожесточилось человѣчество въ какіенибудь два года!

У насъ въ настоящее время двѣ партіи: ретрограды и либералы (разумѣется, умѣренные). Представителемъ первыхъ служитъ Сидоръ Петровичъ (сынъ Петра Петровича), представителемъ послѣднихъ —Эммануэль Иванычъ (сынъ Ивана Яковлевича). Чего хотятъ ретрограды, чего добиваются либералы—понять очень трудно. Съ одной стороны, ретрограды кажутся либералами, ибо составляютъ оппозицію; съ другой стороны, либералы являются ретроградами, ибо говорятъ и дѣйствуютъ такъ, какъ бы состояли на жалованьи. Повторяю: понять очень трудно. Если же захотѣть объяснить, какой смыслъ имѣетъ у насъ слово „оппозиція“, то навѣрно въѣдешь въ такой дремучій лѣсъ, изъ котораго потомъ и дороги не найдешь. Скажу одно: если гнаться за опредѣленіями, то первую партію всего приличнѣе было бы назвать ретроградною либералѣй, а вторую—либеральною ретроградѣей.

Нашъ начальникъ края искренно сокрушался, взирая на всѣ эти раздоры.

— Ахъ, mon cher!—не разъ говаривалъ онъ мнѣ: —мнѣ хотѣлось бы, чтобъ все это было полегче да потише...

Желаніе вполнѣ законное. По мнѣнію его, благосостояніе губерніи было бы нарушено, ибо благосостояніе это тогда только возможно, когда помѣщики совершенно довольны. Сколько положилъ онъ труда, чтобъ умирить враждующія стороны! Сколько истинно сводническихъ способностей выказалъ онъ, перебѣгая изъ одного лагеря въ другой и успѣвая пошептаться à parte со всякимъ изъ враждующихъ членовъ! И все вотще! Члены, вмѣсто исполненія его желанія, показывали ему языки (да, нынѣче и это дѣлается!) и даже съ дерзостью замѣчали, что онъ суется не въ свое дѣло. Балъ представлялся послѣднимъ, крайнимъ средствомъ для сближенія враговъ.

— Если и послѣ того я не успѣю,—сказалъ начальникъ края, —тогда...

Онъ хотѣлъ сказать: „тогда выйду въ отставку“, но запнулся и подумалъ: „тогда... я останусь на службѣ по прежнему!“

Когда мы пріѣхали, балъ былъ въ полномъ разгарѣ. Волнующееся море танцующихъ пестрѣло самыми яркими и разнообразными

цвѣтами; дамы граціозно колыхались; кавалеры нашептывали любезности и выдѣлывали такія ла, которыя положительно доказывали, что они съ честью выдержали весь курсъ петербургскихъ шницбаловъ. Въ одномъ углу интересная блондинка млѣла подъ звуки рѣчей мѣстнаго льва, Свербиллы-Заморжицкаго, который разсказывалъ, что вчера проигралъ въ стуколку послѣдніе пять цѣлковыхъ, что сегодня утромъ онъ успѣлъ изобличить во взяткѣ своего надсмотрщика и что однажды въ Петербургѣ въ него влюбилось разомъ пять княгинь. Въ другомъ углу очень бойкая брюнетка спрашивала своего кавалера: „что вы зѣваете?" Танцующихъ обступила густая толпа праздныхъ зрителей, которыхъ довольныя лица, казалось, говорили:

— Эге! да вѣдь это все наши!

Хорошая вещь балъ, господа, но въ особенности хорошъ балъ въ провинціи. Онъ хорошъ тѣмъ, что служитъ какъ бы продолженіемъ нашихъ домашнихъ дѣлъ, что никто изъ насъ не передѣлываетъ себя по этому случаю, что всѣ мы находимся какъ бы въ семейномъ кружкѣ своемъ. Въ этой непринужденности отношеній есть своя особенная, неисчерпаемая прелесть. Хотя мы знаемъ другъ друга наизусть, знаемъ всѣхъ этихъ женщинъ съ благоухающими плечами и цвѣтущими улыбками, но это не мѣшаетъ намъ видѣть другъ друга каждый разъ все съ новымъ и новымъ наслажденіемъ. Причина такого явленія, я полагаю, заключается въ томъ, во-первыхъ, что мы сами очень ужъ милы, а во-вторыхъ, въ томъ, что намъ не нужно много затруднятьея и напрягать воображеніе, чтобъ найти предметъ для разговора. Предметы эти общи намъ всѣмъ въ равной степени, и хотя мало разнообразны, но за то прямо вытекаютъ изъ нашего существованія и потому затрогиваютъ насъ гораздо сильнѣе, нежели какой-нибудь вымученный разговоръ о преимуществѣ Тамберлика передъ Кальцоляри. Тѣ, которые распространяютъ мнѣніе о чопорности провинціальныхъ баловъ, тѣ или клевещутъ на провинцію, или не знаютъ сами, о чемъ говорятъ и пишутъ. Да, они не видали тѣхъ подмигиваній и улыбокъ, которыя пересылаются отъ одного конца залы въ другой; они не слыхали тѣхъ веселыхъ покрякиваній, которыми сосѣдъ сосѣду выражаетъ свою мысль. Что же касается до того, что на провинціальныхъ балахъ царствуетъ чиноночитаніе, то это и не можетъ быть иначе: чиноночитаніе существуетъ въ природѣ, а потому нѣтъ резона не быть ему и на балахъ.

Въ самыхъ дверяхъ залы я встрѣтился съ Сидоромъ Петровичемъ, и съ перваго же взгляда убѣдился, что предпріятіе нашего почтеннаго начальника края совершенно не удалось.

— Скажите пожалуйста, что это съ вашимъ префектомъ сдѣлалось? совсѣмъ, что-ли, онъ голову потерялъ?—обратился ко мнѣ этотъ ретроградъ.

Сидоръ Петровичъ въ шутку называлъ всѣхъ вообще губернаторовъ „префектами“, ибо стоялъ за selfgovernment, а централизацію признавалъ вреднымъ порожденіемъ наплыва французскихъ демократическихъ идей. Съ другой стороны, Эммануэль Иванычъ называлъ всѣхъ губернаторовъ „нашими“, потому что былъ сторонникомъ самой строгой административной централизаціи и находилъ, что наше губернское учрежденіе есть горькій плодъ нашей древней азіатской распущенности.

— Развѣ что-нибудь случилось?—спросилъ я.

Чего „случилось“! Онъ, кажется, вознамѣрился нынѣче потѣшить публику увеселительнымъ представленіемъ! Вообразите: вѣдь онъ выдумалъ сводить меня съ нашимъ доморощеннымъ Лафайетомъ... да вѣдь такъ и толкается, такъ и толкается! А тутъ ему сдуру Ламадниковъ взялся помогать: тотъ Лафайета на меня толкаетъ — чуть было носы намъ не разбили! Извольте видѣть, это у нихъ называется примирять враждующія стороны!

— Вѣроятно, однакожъ, его превосходительство имѣлъ при этомъ въ виду какую-нибудь благонамѣренную цѣль...

— Да чортъ его дери съ его благонамѣренными цѣлями! да какое намъ дѣло до его цѣлей!

— Однакожъ согласитесь сами, Сидоръ Петровичъ, его превосходительство, какъ начальникъ края...

— Нѣтъ, да вы представьте себѣ: вѣдь такъ и толкаетъ! такъ и толкаетъ! „Позвольте, господинъ префектъ, говорю я ему: развѣ въ вашихъ instructions написано, чтобъ толкаться? Да вы за маленькаго, что-ли, или за вашего adjoint или substitut меня принимаете?“ Такъ вѣдь нѣтъ, не унялся: щекочетъ у меня подъ мышками да и полно! На силу вѣдь освободился!

— Ахъ, какъ это непріятно! Куда жъ вы теперь?

— Домой, батюшка, домой, и съ этой минуты на всѣ эти bals

de la préfecture ни шагу! Нѣтъ, да каковъ, однако? Щекотаться выдумалъ!

— Послушайте, Сидоръ Петровичъ, вашъ отъѣздъ можетъ глубоко огорчить начальника края... Конечно, я совѣтовать вамъ не смѣю, но съ своей стороны полагалъ бы, что благоразумное снисхожденіе и, такъ сказать, покорность волѣ начальства...

Но я не успѣлъ кончить, потому что Сидоръ Петровичъ какъ-то странно обозрѣлъ меня съ ногъ до головы и тотчасъ же началъ спускаться по лѣстницѣ. „Эге! подумалъ я: да какой же ты ретроградъ! Ты, братъ, либералъ, да еще какой—въ носъ бросится!“

Между тѣмъ въ кабинетѣ его превосходительства разыгрывалась другая исторія. Начальникъ края стоялъ посреди комнаты совершенно растрепанный и застѣнчиво выслушивалъ заносчивыя рѣчи Эммануеля Ивановича. Гости сжались и притаились; нѣкоторые изъявили явное намѣреніе улизнуть, другіе попрятались къ сторонѣ, но ни одинъ не пикнулъ. Среди этой всеобщей тишины привольно было раздаваться громкому голосу нашего либерала.

— Вы обязаны были, государь мой,—кричалъ онъ,—предварительно освѣдомиться, пріятно ли будетъ *мнѣ*... *да, мнѣ!* а не подмигивать какому-нибудь баши-бузуку Гамадникову толкаться!

— Эммануель Ивановичъ! повѣрьте, я никакъ не думалъ, чтобъ вы такъ горячо приняли такое дѣйствіе, которое, въ сущности, заключало въ себѣ лишь желаніе примирить двухъ благонамѣренныхъ согражданъ и...

— Я, государь мой, ни съ кѣмъ не ссорился! Я имѣю свои политическія убѣжденія, а Сидоръ Петровичъ—свои! Мы можемъ оспаривать другъ друга, мы можемъ даже враждовать, но толкать себя никому не позволимъ! Jeu de mains, jeu de vilains: время нашей прошло безвозвратно, государь мой! Вы должны бы болѣе другихъ помнить и понимать, что мы живемъ въ цивилизованномъ государствѣ, которое нѣкогда имѣло во главѣ своей блаженной памяти государя императора Петра Великаго и которое мы имѣемъ честь и счастье называть своимъ отечествомъ!

— Но, повѣрьте...

— Извините, мнѣ здѣсь не мѣсто!

Сказавъ эти слова, Эммануель Ивановичъ вышелъ, гордо потрясая головой. Зрители мгновенно вышли изъ оцѣпенѣнія и зажуж-

жали какъ имели въ рою. Всѣ до одного выражали непритворное сожалѣзнованіе о нашемъ добромъ начальникѣ, который за свое усердіе и благонамѣренность вознагражденъ столь пакостнымъ образомъ. Но начальникъ стоялъ блѣдный, приложивъ палецъ къ носу, и какъ бы въ забытьи повторялъ:

— Стало быть, толкаться нельзя... славно!

— Мое почтеніе, ваше превосходительство!—сказалъ я, подходя къ нему.

— Здравствуйте! Вы слышали, что онъ говорилъ?

— Отчасти, ваше превосходительство; я пришелъ ужъ на самомъ кончикѣ...

— Да, у него отличный даръ слова! я всегда утверждалъ и теперь утверждаю! Тотъ... Сидоръ... тотъ ничего! Поболталъ-поболталъ руками—и дѣло съ концомъ! А этотъ... орелъ!

Я смутился; я уже надѣялся, что во второй разъ буду свидѣтелемъ умственнаго разстройства.

— Онъ говоритъ, что толкаться не слѣдуетъ—это такъ!—продолжалъ, между тѣмъ, начальникъ края:—но развѣ я толкался? Я просто хотѣлъ ихъ свести... я просто желалъ, чтобъ общество наше не омрачалось...

— Несомнѣнно, что цѣль вашего превосходительства была самая благонамѣренная...

— Не правда ли? Вѣдь я имѣлъ не только право, но и обязанность такъ поступить? Вѣдь мое назначеніе какое? Мое назначеніе быть миротворцемъ, мое назначеніе—улаживать, соединять, предотвращать... А онъ говоритъ, что я толкаюсь!

Но хотя мы всѣмъ хоромъ спѣшили подтвердить, что сводить людей еще не значитъ толкаться, гармонія была уже нарушена. Губернаторъ повѣсилъ носъ: губернаторша бросала окрестъ безпокойные взоры; губернаторскія demoiselles, танцуя, болтали руками, что случалось съ ними лишь тогда, когда ихъ волновали политическія соображенія.

— Я бы этого стараго Манюшку (презрительное отъ „Эммануэль") за ноги повѣсилъ! Просто всю картину испакостилъ, подлецъ!—шепнулъ мнѣ на ухо тотъ самый Ламинадниковъ, который помогалъ начальнику края примирять враждующія стороны.

— Я просто не знаю, что дѣлать!—нашептывалъ мнѣ съ дру-

гой стороны начальникъ края:—правленіе губерніей сдѣлалось рѣшительно невозможнымъ!

— Я полагаю,ваше превосходительство...

— Вотъ вы увидите, что они на предстоящихъ выборахъ надѣлаютъ!

— Я полагаю, ваше превосходительство, что относительно этихъ обывателей надлежитъ быть строже!—осмѣлился замѣтить я, возмущенный всѣмъ мною видѣннымъ и слышаннымъ:—необходимо, чтобъ они всегда чувствовали руку надъ собой...

— Нельзя, mon cher! —отвѣчалъ онъ мнѣ рѣшительно:—зайдите ко мнѣ завтра утромъ, и я объясню вамъ подробно, où nous en sommes!

— N'est-ce pas quel esclandre!—обратилась ко мнѣ губернаторша:—ces vieux grigous qui se donnent des airs!

— Ахъ, матушка!—прервалъ ее губернаторъ.

— Да помилуй, Nicolas!

— Ахъ, матушка! —вновь настаивалъ губернаторъ.

— Папасецка! ты навѣрное этихъ гьюбіяновъ въ тюйму посадишь?—сказала старшая губернаторская demoiselle, подлетѣвшая къ намъ въ эту минуту и имѣвшая обыкновеніе при постороннихъ картавить, какъ маленькій ребенокъ.

— Ахъ, матушка!—опять возразилъ губернаторъ.

Губернаторша и ея demoiselle сѣли удалиться, потому что по опыту знали, что когда губернаторъ начнетъ говорить: „ахъ, матушка!“ то изъ него ужъ ничего, кромѣ этихъ словъ, и не выбьешь. Въ этомъ отношеніи онъ нѣсколько походилъ на попугая: вдругъ нападетъ на него стихъ говорить: „нельзя-съ“—ну, цѣлый день и говоритъ: „нельзя-съ“; въ другой разъ вздумаетъ говорить: „закона нѣтъ“—такъ и пойдетъ на цѣлый день: „нѣтъ закона“. До такой степени зарапортуется, что даже когда докладываютъ, что кушанье подано, онъ все-таки кричитъ: „нѣтъ закона!“

— Ахъ, Nicolas, какой ты разсѣянный!—замѣтитъ, бывало, губернаторша.

— Ахъ, матушка!—возразитъ губернаторъ, и съ этой минуты, вмѣсто „нѣтъ закона“, почнетъ пилить: „ахъ, матушка!“

Надо сознаться, что съ непривычки это крайне затрудняетъ сношенія съ нашимъ начальникомъ края, а незнакомыхъ съ его обы-

чаями подвергаетъ даже въ крайнее изумленіе. Я помню, одинъ англійскій баронъ, пріѣхавшій изъ-за двѣсти верстъ жаловаться, что у него изъ грунтоваго сарая двѣ вишни украли, даже страшно оскорбился, когда начальникъ губерніи, вмѣсто всякой резолюціи, сказалъ ему: „ахъ, матушка!“ —и чуть-ли даже не хотѣлъ довести объ этомъ до свѣдѣнія высшаго начальства.

— На что это похоже! — сказалъ онъ мнѣ: — у него ищутъ правосудія, а онъ: „ахъ, матушка!“

Но когда присмотришься къ людямъ, когда поймешь, что все это отъ незлобивости происходитъ, тогда все сдѣлается ясно, и въ сношеніяхъ никакой помѣхи происходить не будетъ.

Вокругъ по залѣ пронесся зловѣщій шопотъ. Пьеръ Уколкинъ, цвѣтъ и надежда нашей молодежи, весь взволнованный, переходилъ отъ одного гостя къ другому и таинственно передавалъ какую-то новость. „Телеграфическая депеша! телеграфическая депеша!“ — слышалось всюду, и внезапно, вопреки всѣмъ приличіямъ, по угламъ образовались кружки, такъ что губернаторское семейство осталось совершенно одинокимъ по срединѣ залы.

— Да что тамъ такое?—спросилъ меня губернаторъ, встревоженный горькимъ предчувствіемъ.

Губернаторша озиралась во всѣ стороны; губернаторскія demoiselles съ изумленіемъ смотрѣли на мать, какъ бы говоря: maman, maman! да что-жъ мы не танцуемъ!

— Господа! ваше поведеніе крайне изумляетъ его превосходительство!—сказалъ я, подходя къ той группѣ, въ которой оратор-ствовалъ Пьеръ Уколкинъ.

— Шт... le gouverneur est flambé! —отвѣчалъ Уколкинъ.

Я не понялъ: я все еще думалъ, что рѣчь идетъ объ этой поганой исторіи между Сидоромъ Петровичемъ и Эммануелемъ Ивановичемъ, и поспѣшилъ выразить все мое изумленіе.

— Mais non, il ne s'agit pas de cela!—шопотомъ сказалъ мнѣ Уколкинъ: —je vous dis que le gouverneur est flambé!

Въ глазахъ у меня завертѣлись зеленые кружки. Съ одной стороны: „бѣдный старикъ!“ — съ другой стороны: „чортъ возьми, нельзя ли какъ-нибудь мнѣ на его мѣсто?“ — все это страннымъ образомъ перемѣшалось въ моей головѣ. Во всякомъ случаѣ, я былъ крайне смущенъ, ибо на мнѣ лежала тяжкая обязанность предувѣдо-

мить обо всемъ губернатора. Къ счастью, ее добровольно принялъ на себя Лампадниковъ.

— Ваше превосходительство! — сказалъ онъ: — въ древности знаменитѣйшіе философы, будучи настигаемы ударами судьбы, вѣнчали себя розами...

Кругомъ оратора мало-по-малу образовалась толпа.

— Ваше превосходительство! отъ лица всего общества принимаю смѣлость выразить вамъ наше соболѣзнованіе!—вмѣшался Пьеръ Уколкинъ.

Губернаторъ все еще хлопалъ глазами.

— Vous n'êtes plus gouverneur!—шепнулъ я ему на ухо.

Губернаторъ не изумился, не заплакалъ и не закричалъ. Онъ только инстинктивно распаркался и сказалъ: — Честь имѣю поздравить!

— Mais qu'est-ce que c'est donc cela? mais qu'est-ce qu'ils ont, Nicolas?—приступала губернаторша.

— Честь имѣю поздравить!—повторилъ губернаторъ.

— Mais dites donc! mais dites donc!

— Честь имѣю поздравить!—неизмѣнно отзывался губернаторъ на всѣ приставанія.

Легко можно представить себѣ, въ какое положеніе были поставлены присутствующіе! Ясно, что танцы должны были прерваться, ясно, что ужинъ... При этой мысли волосы мои встали дыбомъ.

„Да вѣдь Лампадниковъ говоритъ, что въ древности философы вѣнчались розами,—думалъ я;—стало быть"...

Но скоро сомнѣнія мои разсѣялись окончательно. Я собственными глазами увидѣлъ, какъ гости одинъ за другимъ брались за шляпы и незамѣтно исчезали.

— Какая неблагодарность! — шептала губернаторша, не объясняя однакожъ, къ кому относятся ея слова.

— Честь имѣю поздравить!—отозвался губернаторъ:—а впрочемъ... увѣнчаемъ себя розами, какъ говоритъ Лампадниковъ! Эй, человѣкъ! шампанскаго!

Но зала была пуста.

— Честь имѣю поздравить!—въ послѣдній разъ уныло повторилъ начальникъ края.

— «Кумиръ развѣнчанный—все Богъ!»

—не безъ иронiи подумалъ я, надѣвая галоши:—однако поужинать такъ-таки и не удалось!

Заключеніе.

Итакъ, мы не завтракаемъ, не обѣдаемъ и не ужинаемъ. Хотя я самъ отчасти дѣлаю то же самое, но порою, когда голодъ уже слишкомъ настоятельно даетъ себя чувствовать, въ голову мою невольно закрадывается сомнѣніе, дѣйствительно ли мы правы, поступая столь самоубійственнымъ образомъ?

Дѣйствительно ли намъ угрожаетъ опасность?

Дѣйствительно ли міръ погибаетъ подъ гнетомъ новыхъ идей, утопаетъ въ развратѣ реформъ и преобразованій?

Дѣйствительно ли въ воздухѣ пахнетъ фіалками, а не скотнымъ дворомъ?

Оглядываюсь кругомъ себя—и съ удовольствіемъ примѣчаю, что все обстоитъ благополучно. Правда, что появилось множество неслыханныхъ прежде промышленныхъ обществъ, но дѣйствія ихъ ограничивались доселѣ только невыдачею дивиденда простодушнымъ акціонерамъ. Правда, что старики вымираютъ или кротко стушевываются, но молодые, которые взлѣзаютъ на упраздненныя мѣста, отнюдь ихъ не хуже. Въ нихъ тотъ же запахъ, тотъ же вкусъ, та же закваска. Собственно отечество нисколько отъ того не теряетъ.

Скажу болѣе: отечество даже много выигрываетъ.

Мы, старики, смотрѣли на Божій міръ слишкомъ простодушно; мы не строили системъ, не добивались принциповъ; мы жили и дѣйствовали сплеча. Рѣшаясь на что-либо, мы справлялись только о томъ, такъ ли было поступаемо въ подобныхъ случаяхъ прежде; но почему поступалось именно такъ, а не иначе, почему Петръ всегда оказывался правымъ, а Иванъ всегда виноватымъ, почему добродѣтель и смиреніе служатъ украшеніемъ простолюдиновъ, а пороки и непокорливость, не украшая ихъ, служатъ лишь къ огорченію начальства—всѣ эти вопросы, вся эта философія жизни ускользала отъ насъ. Мы благодѣтельствовали единственно по добротѣ сердца, и если были у насъ подъ руками рецепты на различные административные случаи, то это были рецепты, механически списанные изъ домашняго лечебника, безъ изслѣдованія причины цѣлительности

ихъ свойствъ. Напротивъ того, молодое поколѣніе успѣло привести все это въ ясность, и тамъ, гдѣ мы говорили: „видно, такъ Богу угодно“—съумѣли доискаться до системы, а тамъ, гдѣ мы говорили: „самъ чортъ не разберетъ“—дорылись до принциповъ. Такимъ образомъ, хотя сущность осталась та же, что и прежде, но Иванъ уже знаетъ, почему онъ долженъ оставаться виноватымъ, а простолюдины не оставлены въ невѣдѣніи насчетъ того, что̀ именно должно считаться ихъ украшеніемъ и что̀—посрамленіемъ. Ясно, что жизнь сдѣлалась несравненно болѣе пріятною.

Конечно, нашъ милый грекъ Лампурдосъ справедливо выразился, что безъ системы нельзя, но онъ ошибся, сказавъ, что именно въ настоящее время мы живемъ безъ системы. Удостовѣряю его, что никогда „система“ не сказывалась столь настоятельно, какъ въ настоящую минуту. Прежнія системы были не что иное, какъ младенческій лепетъ передъ тѣми, которыя воздвигаются нынѣ.

Но важнѣе всего то, что мы не имѣли понятія о томъ, что̀ такое дисциплина, что̀ такое корпорація. Мы думали, что всякій изъ насъ можетъ дуть въ свою дудку, какъ ему угодно; мы свободно якшались съ суетными и неосвященными; мы охотно прохаживались съ ними по хересамъ, отнюдь не подозрѣвая, что это общеніе пріучаетъ ихъ смотрѣть на насъ какъ на простыхъ смертныхъ и поселяетъ въ нихъ вредную мысль о возможности кормить насъ современемъ подзатыльниками. Напротивъ того, истинный служитель системы всегда живетъ особнякомъ и сохраняетъ гордую неприступность: подобно идолу, онъ стоитъ гдѣ-нибудь въ углу, одѣтый сумракомъ; жрецы (правители канцелярій) сметаютъ съ него пыль, а обыватели только кадятъ и славословятъ—и ничего болѣе.

Такіе истинные служители только теперь нарождаются на Руси и, надо отдать имъ справедливость, понимаютъ свое дѣло отлично. Несмотря на молодость и неопытность, они сразу постигли, что галиматья, взятая сама по себѣ, есть вещь отличная, и что вся штука заключается въ томъ, чтобъ возвести ее въ перлъ созданія. Вотъ они и возводятъ...

Итакъ, галиматья осталась, но галиматья, возведенная въ перлъ созданія. Отчего же мы испугались, отчего потеряли аппетитъ, составлявшій доселѣ лучшее украшеніе нашей жизни? Я вамъ скажу—отчего.

Несмотря на дряхлость и истощеніе силъ, мы желаемъ жить. „Послужилъ бы, ей Богу еще послужилъ бы!“—повторяемъ мы безпрерывно: до такой степени слова „жить“ и „служить“ сдѣлались въ нашихъ понятіяхъ синонимами. Привыкнувъ дѣйствовать всегда во имя личныхъ ощущеній, мы и на все происходящее въ мірѣ смотримъ въ силу этихъ же ощущеній. Если бы міръ разрушался, но насъ это разрушеніе не коснулось,—мы не почувствовали бы его, мы не ощутили бы ни озлобленія, ни негодованія. Но худо то, что міръ стоитъ, а мы разрушаемся. Это мы уже считаемъ дерзостью, и на все, что не валится кругомъ насъ, смотримъ какъ на посягателей, отнимающихъ наши лакомые куски. Отсюда стоны, раздирающіе воздухъ, отсюда вопли о вторженіи новыхъ идей, угрожающихъ будто бы смертью старымъ порядкамъ.

Исторія эта не новая. Всякій разъ, какъ какой-нибудь Иванъ Петровичъ сходитъ съ дѣятельнаго поприща и на смѣну его является Петръ Иванычъ, мы уже трясемся и надсаживаемъ себѣ грудь, крича, что послѣ-завтра имѣетъ быть революція. Кто нашептываетъ намъ эту мысль, кто внушаетъ намъ такое обидное мнѣніе о Петрѣ Иванычѣ—мы и сами затруднились бы объяснить это; но несомнѣнно, что явленіе это повторяется безъ ошибки каждый разъ, какъ на горизонтѣ восходитъ новое свѣтило. Намъ и въ голову не приходитъ, что свѣтило это вовсе даже не свѣтило, а просто-на-просто новый милостивецъ, что ни сущность дѣлъ, ни теченіе ихъ нимало отъ того не измѣняются, и что вся штука ограничивается тѣмъ, что на мѣсто Ивана Петровича, покровительствовавшаго многочисленной династіи Трифонычей, поступилъ Петръ Иванычъ, покровительствующій не менѣе многочисленной династіи Сидорычей. А кто же и въ какія времена могъ уловить политическіе признаки, характеризующіе эти двѣ разновидности?

Трифонычи смѣняютъ Сидорычей, Сидорычи смѣняютъ Трифонычей—вотъ, благодареніе Богу, всѣ перевороты, возможные въ нашемъ любезномъ отечествѣ. Если такая перетасовка картъ можетъ назваться переворотомъ, то, конечно, нельзя не согласиться, что онъ совершается и на нашихъ глазахъ. Пожалуй, можно сказать даже, что въ настоящее время онъ совершается сугубо, потому что на мѣсто старыхъ и простыхъ Трифонычей поступили Трифонычи молодые, сугубые, махровые.

Но вопросъ не въ этомъ; вопросъ въ томъ, слѣдуетъ ли изъ этой перетасовки заключать, что на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ любезное отечество, будетъ завтра дыра?..

Соображая все вышеизложенное, я нахожу, что мы имѣемъ болѣе причинъ радоваться, нежели унывать. Что̀ нужды, что насъ оттираютъ, а отчасти и умерщвляютъ? Мы обязаны въ этомъ случаѣ позабыть о себѣ и имѣть въ виду одно отечество. Если оно довольно, если преемники наши не только не отступаютъ отъ мудрой политики своихъ предковъ, но даже видимо оную совершенствуютъ — этого достаточно для успокоенія уязвленныхъ сердецъ нашихъ!

Итакъ, забудемъ наши горести и станемъ жуировать жизнью, въ надеждѣ, что доблестные потомки не посрамятъ именъ и дѣлъ доблестныхъ отцовъ своихъ. Благо тому, кто въ этой сладкой увѣренности можетъ встрѣтить тихій закатъ жизни своей! Благо тому, кто, взирая на рѣзвящуюся юность, можетъ безъ озлобленія сказать: „да, и я былъ молодъ! и я въ свое время проказничалъ!“

VI.—Литераторы-обыватели.

Пчелка златая!
Что ты жужжишь?
Все вкругъ летая,
Прочь не летишь?

Конечно, вамъ случалось, читатель, пробѣгать въ газетахъ и журналахъ послѣдняго времени различные „голоса“ изъ всевозможныхъ концовъ Россіи: и изъ Рязани, и изъ Елабуги, и изъ Астрахани, однимъ словомъ, отовсюду, гдѣ только слышится человѣческое дыханіе. Вы, вѣроятно, замѣтили также, что характеръ этихъ „голосовъ“, „впечатлѣній“ и проч. совершенно не тотъ, какимъ отличались подобныя же литературныя произведенія, еще столь недавно находившія себѣ убѣжище въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Въ нихъ уже не идетъ рѣчи о томъ, что вчерашняго числа въ городѣ N выпалъ градъ величиною съ голубиное яйцо, но повѣствуется преимущественно о предметахъ, близко касающихся нашего умственнаго и гражданскаго развитія; о градѣ же хотя и упоминается, но вскользь,

и единственно для того, чтобъ заявить, что при единодушныхъ усиліяхъ мѣстныхъ полицейскихъ властей и этотъ бичъ не могъ бы имѣть тѣхъ пагубныхъ для земледѣльца послѣдствій, съ которыми онъ сопряженъ въ настоящее время. Не говорится въ нихъ даже и о томъ, что такого-то числа въ городѣ Б., на бульварѣ, играла музыка бѣлобородовскаго пѣхотнаго полка, а господа офицеры наслаждались благопріятною погодой и очаровывали дамъ своимъ благонравіемъ; напротивъ того, если порою и встрѣчается разсказъ о какомъ-либо происшествіи подобнаго рода, то и музыка, и самая погода являются здѣсь дѣломъ побочнымъ; главныя же усилія автора направлены къ тому, чтобъ заявить, что во время музыки произведенъ былъ скандалъ, причемъ прапорщикъ К*** ущипнулъ жену виннаго пристава („не сынъ ли это вышневолоцкаго готтентота?“—спрашиваетъ анонимный корреспондентъ).

Не знаю, какъ кого, а меня это явленіе очень радуетъ. Какъ человѣкъ благонамѣренный и современный, я съ удовольствіемъ взираю, какъ любезное наше отечество полегоньку выворачивается наизнанку. И не то чтобъ мнѣ нравился собственно процессъ этого выворачиванія, но я искренно убѣжденъ, что только благодаря ему наша изнанка въ непродолжительномъ времени перестанетъ быть скверною и дырявою, какою была до сихъ поръ, и съ помощью соединенныхъ усилій калужскихъ, рязанскихъ и астраханскихъ корреспондентовъ замѣнится хотя неизящною, но за то несокрушимою подкладкою изъ арестантскаго холста.

И дѣйствительно, многія уже заявленныя въ этомъ смыслѣ попытки самымъ отраднымъ образомъ убѣждаютъ меня, что если корни гласности горьки, то плоды ея отмѣнно вкусны и сладки. Такимъ образомъ, напримѣръ, слѣдя за „голосами изъ Рязани“, я съ удовольствіемъ вижу, что городъ этотъ рѣшительными и быстрыми шагами изготовляется къ совершенству. Тамъ процвѣтаетъ женская гимназія; тамъ открыты воскресные классы и публичная библіотека: тамъ, въ Зарайскомъ уѣздѣ, благоденствовали общества трезвости, покуда извѣстный публицистъ и либералъ (по-русски: „свободный художникъ“) Василій Александровичъ Кокоревъ (онъ же и мѣстный откупщикъ) своими очаровательными манерами вновь не приковалъ мужичковъ къ кабаку; тамъ, въ недавнее время, устроенъ бульваръ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ со временъ Олега сваливался навозъ („куда же

мы теперича навозъ валить будемъ?" —спрашиваютъ другъ друга смущенные обыватели—не-литераторы): тамъ имѣетъ быть выстроенъ, стараніями откупщика, каменный театръ, и носятся даже слухи объ устройствѣ водопровода... Отдыхая сердцемъ на этихъ утѣшительныхъ извѣстіяхъ, я живо представляю себѣ и обывателей города Рязани, спѣшащихъ принесть свою ленту на общественное устройство, и душку-откупщика, устремляющагося выстроить не питейный домъ, какъ бывало прежде, а храмъ искусствъ, въ которомъ будутъ приноситься посильныя жертвы Таліи и Мельпоменѣ! И все это безъ малѣйшаго подзатыльника, безъ самоничтожнѣйшей административной затрещины, по одному только искреннему убѣжденію, что пора и намъ... тово... тово воно какъ оно! И я невольнымъ образомъ восклицаю: „ахъ! если бы можно было умереть въ Рязани!"

Но если хороша Рязань, то недурна и Калуга. И въ ней съ большимъ рвеніемъ принимаются за анализированіе отечественныхъ нечистотъ, и въ ней болѣзненно звенитъ въ воздухѣ вопросъ о женской гимназіи, и въ ней идетъ усердная очистка улицъ и дѣятельно освобождаются площади отъ наслоившагося на нихъ навоза. Однимъ словомъ, все шло бы хорошо, если бы, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, не подкостили шесть или семь молодыхъ прогрессистовъ, которые, явясь пообѣдавши въ театръ, неизвѣстно почему вообразили себѣ, что пришли въ баню и начали вести себя en conséquence. „Недурно умереть и въ Калугѣ!" —размышляю я, ибо надѣюсь, что упомянутые прогрессисты потому только дѣйствовали столь безцеремонно, что были пообѣдавши, и что передъ обѣдомъ они парни смирные.

Меня до слезъ трогала полемика между селомъ Ивановымъ и Вознесенскимъ посадомъ. „Коварные вознесенцы!" восклицалъ я, читая статейку ивановскаго обывателя. „Да куда же, однако, вы лѣзете, ивановцы!" —думалъ я, съ другой стороны, смакуя возраженіе обывателя вознесенскаго. И я до сихъ поръ не могъ уяснить себѣ, въ чемъ заключаются обиды и язвы, которыми преисполненъ этотъ знаменитый споръ двухъ муниципій, но лицамъ, имѣющимъ чувствительное сердце, не совѣтую читать относящіеся до него документы, такъ какъ чтеніе это можетъ довести до идеи о самоубійствѣ.

Вотъ сладкіе плоды гласности! Подобно лирѣ Орфея, она приводитъ въ движеніе утесы, въ гранитности которыхъ никто доселѣ

не сомнѣвался, и заставляетъ плясать безсловесныхъ, которые до настоящей минуты паслись по привольнымъ равнинамъ обширнаго нашего отечества. Подъ вліяніемъ тихаго ея вѣянья умственныя тундры нашихъ бюрократовъ населяются цвѣтами проектовъ и предположеній, а сердца обывателей воспламеняются неутолимою жаждой просвѣщенія и добровольныхъ пожертвованій. Подъ сѣнью ея весело засыпаютъ всѣ „Ивановы“, „Батраковы“, „Калужане“, „Угличане“, „Проѣзжіе“, „Прохожіе“, въ сладкомъ убѣжденіи, что и они не безполезные члены общества, что и имъ удалось пролить капельку въ обширную лохань родного преуспѣянія.

И если противники гласности указываютъ мнѣ на какой-то Краснорѣцкъ, гдѣ будто бы и до сихъ поръ, подобно вѣтру пустынь, рыскаетъ по улицамъ Рыковъ, сокрушая зубы попадающимся на встрѣчу обывателямъ, то я отнюдь не смущаюсь этимъ обстоятельствомъ. Во-первыхъ, разсуждаю я, свѣту истины не суждено проникать съ одинаковою легкостью во всѣ закоулки земного шара, и если существуютъ на свѣтѣ цѣлыя страны, погруженныя въ скверну исламизма, то почему же Краснорѣцку не быть погруженнымъ въ скверну зуботычинъ? Во-вторыхъ, если Рыковъ и дѣйствительно не внемлетъ спасительнымъ увѣтамъ гласности, то это составляетъ лишь частный случай, доказывающій, что голова Рыкова подобна каменоломнѣ, для разработки которой потребенъ желѣзный ломъ, а не гласность. И въ-третьихъ, наконецъ, что̀ значитъ мрачный скрежетъ зубовъ одинокаго Краснорѣцка передъ радостными кликами, раздающимися въ пользу гласности въ Пензѣ, Тамбовѣ и другихъ центрахъ отечественнаго просвѣщенія?

И не обращая болѣе вниманія на унылый Краснорѣцкъ, я съ сердечнымъ замираніемъ жду каждаго новаго нумера „Московскихъ Вѣдомостей“. Изъ нихъ я узнаю, во-первыхъ, что у насъ въ городѣ Глуповѣ городничій совсѣмъ отъ рукъ отбился: на главной площади лежитъ кучами навозъ; по улицамъ ходятъ стаями собаки, готовыя растерзать всякаго indiscret; въ трактирахъ—вонь и мерзость; торгующее сословіе продаетъ втридорога и притомъ дурной товаръ; въ довершеніе же всего, на днѣхъ виденъ былъ на небѣ метеоръ, но никто не заблагоразсудилъ обратить на него вниманіе, ибо купцы и мѣщане въ это время ужъ спали, а городничій и прочіе аристократы играли въ карты. „Да, братъ, плохъ ты! совсѣмъ, старикъ, плохъ!“

—обращаюсь я мысленно къ глуповскому городничему:—„пора бы тебѣ въ отставку, да съ женой на печку спать!“ Во-вторыхъ, я узнаю, что въ городѣ Нововласьевскѣ былъ предложенъ обществу вопросъ о женскомъ училищѣ, но общество оказало при этомъ не только равнодушіе, но даже невѣжество, соединенное съ тупоумiемъ; городничій, какъ урожденный насадитель просвѣщенія, простеръ-было десную свою, чтобъ учинить бородотрясеніе одному изъ ревнителей тьмы, но долженъ былъ остаться при одномъ намѣреніи, ибо общество единодушно оскалило зубы. „Да, братъ!“ —обращаюсь я мысленно и къ нововласьевскому городничему:—„лѣтъ шесть тому назадъ, попытки твои, всеконечно, увѣнчались бы успѣхомъ: и бороды были бы вытрясены, и Нововласьевскъ не остался бы безъ просвѣщенія, а теперь вотъ... ахти-хти-хти!“ И еще, наконецъ, узнаю, что въ окрестностяхъ города Глазина ухаетъ въ болотѣ какая-то птица; что крестьяне въ одинъ голосъ говорятъ, что это ухаетъ лѣшій и предвѣщаетъ войну, а исправникъ и не думаетъ объ истребленіи этихъ предразсудковъ, какъ будто бы это и не его дѣло!

Прочитавши все это, я ощущаю спокойствіе во всемъ моемъ организмѣ. Я убѣждаюсь до очевидности, что нѣтъ уголка на Руси, который не имѣлъ бы своего нѣсноѣдца, карателя пороковъ и оградителя чистоты и невинности; что десница его оградитъ меня въ моихъ странствіяхъ и удержитъ станціоннаго смотрителя отъ отказа мнѣ въ лошадяхъ, если сіи послѣднія дѣйствительно находятся на лицо, а не въ разгонѣ. Я сознаю себя безопаснымъ; я чувствую, что могу жить и дышать свободно; что если кровожадный откупщикъ отпуститъ мнѣ скверной водки, то не останется безъ обруганія; что если ночью на улицѣ нападутъ на меня собаки, то бдительный градоначальникъ выскочитъ изъ-за угла и не допуститъ растерзать меня; что если у меня въ домѣ случится пожаръ, то мѣстная пожарная команда распорядится мною и моимъ имуществомъ прежде даже, нежели я о томъ провѣдаю.

Вотъ сладкіе плоды гласности! снова восклицаю я и, полный прочитаннаго, спокойно засыпаю себѣ съ „Московскими Вѣдомостями“ въ рукахъ, а во снѣ между тѣмъ безчисленными грудами возстаютъ передо мной все новыя и новыя родныя срамоты!

Не могу до сихъ поръ позабыть то ужасное, потрясающее дѣйствіе, которое произвело въ нашемъ родномъ городѣ Глуповѣ полу-

ченіе первой обличительной статьи, направленной противъ нашего градоначальника. Погода въ этотъ день стояла тихая и радостная: дороги были въ самомъ исправномъ положеніи и почта по этому случаю пришла необыкновенно рано, какъ бы сговорившись съ редакціей „Московскихъ Вѣдомостей“, чтобъ сколь возможно неотложнѣе поразить нашъ городъ скорбью. Почтенный нашъ градоначальникъ, какъ нарочно, всталъ утромъ съ постели правой ногой и, будучи въ отличномъ расположеніи духа, отправился обрѣзывать сухіе сучья у недавно посаженныхъ имъ яблонь: супруга его, сидя на крылечкѣ, варила варенье изъ только-что поднесенной ей сочной и крупной клубники; маленькій Коля и крохотная Ляля прыгали и рѣзвились, ежеминутно перебѣгая отъ нѣжно любимой баловницы-матери къ строгому, но справедливому отцу.

— Мамаса! эту клубнику купецъ пьисьяй?—пищала сметливая, отъ природы надѣленная замѣчательнымъ хозяйственнымъ взглядомъ Ляля.

— А вцеласнее сѣно напасѣ Иванъ Ѳомичъ пьисьяй!—задумчиво разсуждалъ Коля, заглядѣвшись на вкусныя нѣжки, накинавшія на вареньи.

— Мамаса! это за то, стобъ напаса Андьюску ихняго высѣкъ?—допытывалась рѣзвая Ляля.

— Цыцъ, пострѣлята! — отозвался нашъ градоначальникъ, вслушавшись въ долетавшіе до него отрывки невиннаго дѣтскаго разговора. — Уйми ты ихъ, сударыня! этакъ они, пожалуй, при губернаторѣ сдуру ляпнутъ!

Однимъ словомъ, все здѣсь дышало идиліей, но не той приторно-сладкой идиліей, въ которой дѣйствующими лицами являются разрумяненные пастухи и пастушки, а нашею родною, отечественною идиліей, которая преимущественно избираетъ себѣ убѣжище въ самомъ сердцѣ полиціи (по пословицѣ: „невинное къ невинному льнетъ“), и въ которой замѣчается полное отсутствіе барашковъ (барашки эти, въ видѣ брюхастыхъ купцовъ и изворовавшихся мѣщанъ, обыкновенно пасутся тамъ, гдѣ кончается картина, а именно въ глуповскомъ гостиномъ дворѣ),—однимъ словомъ, идиліей, въ которой нерѣдко слышатся доносящіеся съ пожарнаго двора крики: „ай, батюшки, не буду!“

Но въ мірѣ всегда такъ бываетъ, что чѣмъ чище и непорочнѣе

невинность. тѣмъ менѣе она пріобрѣтаетъ правъ наслаждаться плодами своей безукоризненности. Невинный ягненокъ едва успѣлъ подойти къ ручью, чтобъ утолить жажду, какъ на него уже наскакиваетъ хищный волкъ и самымъ наглымъ образомъ придирается къ нему, что онъ мутитъ воду („а я совсѣмъ и не мутилъ!" — пищитъ ягненокъ). Въ рѣкѣ Нилѣ безпечно купается бѣдный мальчикъ, а изъ-за камышей уже стережетъ его крокодилъ. Въ городѣ Нововласьевскѣ нѣкоторый фабрикантъ, благодѣтельствуя своимъ меньшимъ братіямъ, дѣятельно выкупаетъ ихъ на волю, какъ вдругъ налетаетъ на него бюрократъ, и какъ дважды два четыре доказываетъ, что товаромъ симъ спекулировать воспрещается („Ваше превосходительство! позвольте мнѣ двадцать тысячъ на общеполезное устройство пожертвовать!" — какъ бѣлуга ревѣтъ фабрикантъ, силясь освободить попавшую въ капканъ лапу. „Изволь, братецъ", — отвѣчаетъ его превосходительство). Тѣмъ менѣе долженъ былъ ожидать себѣ отъ судьбы попадья нашъ градоначальникъ, который, несмотря на чистоту своихъ побужденій, все-таки былъ менѣе невиненъ, нежели упомянутые выше ягненокъ, купающійся мальчикъ и нововласьевскій благодѣтельный фабрикантъ. И дѣйствительно, царствовавшая въ городническомъ домѣ съ утра идиллія была возмущена самымъ неожиданнымъ образомъ, и крокодиломъ на этотъ разъ явился уѣздный стряпчій.

Стряпчій вбѣжалъ прямо въ садъ, какъ говорится, словно съ цѣпи сорвался.

— Необыкновенная вещь! удивительная вещь!—во все горло кричалъ онъ, еще издали махая только-что полученнымъ нумеромъ газеты.

У градоначальника во рту сдѣлалось горько: ему представилось, что въ рукахъ у стряпчаго указъ губернскаго правленія о преданіи его за невинность суду, и вдругъ, не болѣе какъ въ нѣсколько секундъ, онъ пережилъ всю прежнюю жизнь свою.

— Что такое? что такое? — могъ онъ только проговорить, устремляясь на встрѣчу гостю.

— Вотъ ужъ подлинно гость хуже татарина!—ворчала, между тѣмъ, градоначальница, которая отъ испугу чуть-чуть не выронила изъ рукъ тазикъ съ вареньемъ.

— А вотъ-съ, прочтите-съ!—отвѣчалъ стряпчій, тыкая пальцемъ въ одно мѣсто развернутаго листа.

Въ этомъ мѣстѣ было изображено:

„Что сказать вамъ о нашемъ городѣ? Несмотря на всеобщее стремленіе къ преуспѣянію, у насъ оказывается полное равнодушіе къ общественнымъ интересамъ, а въ кругу нашихъ аристократовъ только и слышатся что толки о вчерашнемъ преферансѣ. Грустно! за доказательствами, впрочемъ, ходить недалеко. Въ недавнее время былъ въ нашемъ городѣ пожаръ; сгорѣли холостыя постройки при домѣ мѣщанки Залунаевой, и какъ бы вы думали, кто послѣдній явился на пожаръ? Стыжусь за свой городъ, но изъ уваженія къ истинѣ (amicus Plato, sed magis amica veritas) долженъ во всеуслышаніе объявить, что послѣднею прибыла наша пожарная команда, и притомъ прибыла въ то время, когда пожаръ былъ окончательно потушенъ усиліями частныхъ лицъ. Говорятъ, будто городничій былъ въ то время на пулькѣ у одного изъ нашихъ аристократовъ и не могъ оторваться отъ интересной игры; говорятъ, будто и пожарная команда была занята совсѣмъ другимъ дѣломъ... Мало ли что говорятъ! Поневолѣ вспомнишь описанный въ вашей многоуважаемой газетѣ пожаръ въ городѣ А**, во время котораго начальникъ губерніи дѣйствовалъ лично, и притомъ съ такимъ самоотверженіемъ, что у него обгорѣли фалды! А пора бы, кажется, и намъ!“

Туземецъ.

Когда нашъ градоначальникъ прочелъ эту рацею, окружающіе предметы внезапно исчезли изъ глазъ его и воздухъ наполнился зелеными струистыми кругами, которые то отдѣлялись другъ отъ друга, то снова сливались. За ними, словно сквозь дымку, виднѣлась черная пропасть, изъ которой грозилось губернское начальство. Уничтоженный и ошеломленный стоялъ онъ, выпустивъ газету изъ рукъ и ухватясь за фалды. Конечно, въ эту минуту онъ ничего такъ страстно не желалъ, какъ того, чтобъ глупыя его фалды сгорѣли до тла, и онъ уподобился бы тому герою, который прославилъ собою городъ А**.

— Что тамъ за глупость еще написана?—вступилась градоначальница:—Ляля! подай-ка сюда газету!

— Да-съ, поцеливаютъ-таки нашего брата!—задумчиво за-

мѣтилъ стряпчій:—эта гласность, доложу вамъ, словно тля: разъ заведется,—такъ и съѣстъ поѣдомъ человѣка до тла!

— Да и вы хороши! разбѣжались смаху, точно и Богъ знаетъ радость какую принесли!—кстати отозвалась градоначальница:—это все, я думаю, учителишки накостятъ!

Голосъ дорогой супруги возвратилъ градоначальника къ сознанію горькой дѣйствительности, но этотъ возвратъ выразился въ немъ какъ-то безпорядочно.

— Желалъ бы я! желалъ бы я! —вдругъ вскрикнулъ онъ такимъ неестественнымъ голосомъ, что стряпчій затрясся и побѣлѣлъ какъ полотно, а дѣти въ испугѣ заметались и, въ довершеніе всего, разразились самымъ неистовымъ плачемъ.

Вѣроятно онъ имѣлъ намѣреніе выразить этимъ восклицаніемъ, что желалъ бы знать, кто былъ неизвѣстный составитель пасквиля, но по стиснутымъ кулакамъ можно было догадываться, что восклицаніе имѣло и другой смыслъ.

— Я тебѣ говорю, что это учителишки накостятъ!—отозвалась градоначальница, которая одна не потеряла присутствія духа.

— Живъ не хочу быть, коли не изуродую!—воскликъ градоначальникъ.

— А я бы на вашемъ мѣстѣ презрѣлъ-съ!—замѣтилъ стряпчій.

— Нѣтъ, ужъ это аттàндe! Истиннымъ Богомъ клянусь, что зубы въ пепелъ обращу!

— Еще неизвѣстно, какъ губернское начальство посмотритъ!—благоразумно увѣщевалъ стряпчій:—съ слѣдующей же почтой запроса надо ожидать-съ!

— Ну что жъ, я такъ и отвѣчу, что распоряженіе сдѣлано!

— Ну да-съ... а все-таки будто сомнительно! Нынче, Ѳедоръ Ильичъ, пасквилянты-то не дóлу смотрятъ, а больше вздравши носъ ходятъ! Я съ своей стороны полагалъ бы не горячась, а исподволь... домашними средствами... черезъ часъ по ложкѣ...

— А что ты думаешь! вѣдь Иванъ-то Пахомычъ правду говоритъ!—замѣтила градоначальница.

— Сквозь строй жизненныхъ обстоятельствъ пропустить, —задумчиво пояснилъ свою мысль стряпчій:—чтобъ человѣка сего, такъ сказать, постепенными и неторопливыми мѣрами огня и воды лишить... такъ-то-съ!

— Понимаю,—отвѣчалъ градоначальникъ.

— Напримѣръ, если этотъ человѣкъ имѣетъ привычку прогуливаться, можно неизвѣстныхъ людей на него напустить, которые, будто пьяные, могутъ легонько бока ему помять, а потомъ скрыться-съ!

— Понимаю,—сказалъ градоначальникъ.

— Ахъ, это безподобно?—воскликнула градоначальница.

— Или, напримѣръ, Яшку вора научить, чтобъ онъ у того человѣка въ квартирѣ пошарилъ!

— Понимаю!

— Или, напримѣръ...

— Понимаю! — воскликнулъ градоначальникъ, переходя отъ уныніи къ восторгу и благодарно сжимая въ рукахъ своихъ обѣ руки стряпчаго:—Анна Петровна! водки и закуспть!

— Такъ-то лучше будетъ! — задумчиво заключилъ стряпчій.

Выпивши и закусивши, градоначальникъ нашъ, по обычаю, отправился пѣшкомъ осматривать городъ, и глуповскіе мѣщане могли собственными глазами убѣдиться, что въ лицѣ его было что-то ангельское. Въ этотъ достопамятный день въ городѣ Глуповѣ не было разбито ни одной рожи, а торговля и промышленность внезапно процвѣли, яко кринъ сельный. Пришедши въ лавку мясника Брадищева и увидѣвъ, что мясо покрыто не холстомъ, а грязной рогожей, градоначальникъ не полѣзъ на хозяина, какъ озаренный, но кротко и учтиво сказалъ, что говядина, любезный мой, по Своду Законовъ, должна быть чистымъ полотенцемъ покрыта! „это не я, милый мой, говорю, а Сводъ Законовъ!“ —На такую рѣчь Брадищевъ могъ лишь выпучить глаза, какъ бы говоря ими: „да что жъ ты по зубамъ-то меня не бьешь?“ —но и за всѣмъ тѣмъ градоначальникъ не воспользовался своимъ правомъ, а только вздохнулъ и отправился тихимъ манеромъ въ лавку мясника Усачева, гдѣ также дѣйствовалъ кроткими мѣрами убѣжденія.

На возвратномъ пути изъ обзора встрѣтился исправникъ, который, по всему было видно, поспѣшалъ къ Ѳедору Ильичу, чтобъ поздѣлиться съ нимъ свѣжею новостью и сообща пособолѣзновать.

— Скажите, какая новость!—крикнулъ онъ ему съ дрожекъ, остановивъ на минуту ретивую пару кругленькихъ саврасокъ.

Но Ѳедоръ Ильичъ, не прекращая шествія, лишь улыбнулся кротко и махнулъ рукой.

— Да стойте же! — закричалъ ему вслѣдъ исправникъ: — на пулькѣ-то сегодня будете?

Градоначальникъ остановился и нѣсколько секундъ пребывалъ въ мучительной борьбѣ съ самимъ собою.

— Буду!—сказалъ онъ, наконецъ, рѣшительно и плюнулъ при этомъ въ сторону, какъ бы отбиваясь отъ дьявольскаго навожденія.

— То-то-же!—присовокупилъ съ своей стороны исправникъ:— смотрѣть-то на нихъ нечего!

Вслѣдъ затѣмъ встрѣтился судья, который шелъ нѣкомъ и, по причинѣ тучности, до того запыхался, что, ставши лицомъ къ лицу съ градоначальникомъ, нѣкоторое время разводилъ только руками. Ѳедора Ильича нѣсколько покоробило.

— Скажите, какая новость! —проговорилъ между тѣмъ судья.

— А вамъ что за дѣло?—со злобою отвѣчалъ городничій, и, отвернувшись отъ судьи, пошелъ своею дорогой.

Но не успѣлъ онъ пройти и десяти шаговъ, какъ изъ-за угла вскинулся на него почтмейстеръ.

— Скажите, какая новость! — кричалъ онъ, какъ-то странно всхлипывая.

— Экъ, васъ, чертей, развозило!—процѣдилъ сквозь зубы градоначальникъ, и потомъ, въ свою очередь наскочивъ на почтмейстера, не безъ азарта спросилъ:—позвольте, Иванъ Максимычъ, вамъ что отъ меня угодно?

— Помилуйте, Ѳедоръ Ильичъ... я ничего-съ... я собственно по чувству христіанскаго человѣколюбія-съ...

— Ну, такъ я вамъ вотъ что скажу: когда про васъ будетъ въ газетахъ написано, что вы на почтовыхъ лошадяхъ по городу ѣздите, что вы съ почто-содержателей взятки берете, что вы частныя письма прочитываете... тогда я вамъ кренделя пришлю!—А теперь прошу васъ оставить меня въ покоѣ!

Сказавъ это, градоначальникъ почти бѣгомъ побѣжалъ до дому, и только тогда отдохнулъ душой, когда взялся за скобку двери.

Однимъ словомъ, въ средѣ нашей уѣздной аристократіи переполохъ былъ рѣшительный. Каждый изъ членовъ ея счелъ нужнымъ сойти въ глубину души своей и провѣрить свою служебную и даже домашнюю дѣятельность. Оказалось, что дѣло совсѣмъ дрянь выходитъ. Почтмейстеръ простеръ свою щепетильность въ этомъ отно-

шеній до того, что вдругъ почувствовалъ, будто въ квартирѣ его пахнетъ чѣмъ-то кисленькимъ, и въ ту же минуту приказалъ покурить вездѣ порошками. Окружный начальникъ сначала храбрился и не прочь былъ даже посочувствовать пензвѣстному корреспонденту, но потомъ, пошептавшись о чемъ-то съ исправникомъ, вдругъ поблѣднѣлъ и съ этой минуты началъ звонить во всѣ колокола, что это ни на что не похоже, и что этакъ, чего добраго, незамѣтно можно подорвать величественное зданіе общественнаго благоустройства. Одинъ исправникъ остался совершенно равнодушенъ къ общей тревогѣ, и въ этотъ же вечеръ, обыгравъ, по обыкновенію, своихъ партнеровъ въ карты, съ самымъ убійственнымъ хладнокровіемъ произнесъ: „по мнѣ, лишь бы выигрывать, а затѣмъ милости просимъ!.. хоть въ каждомъ нумерѣ!“

Вѣсть о посрамленіи городничаго дошла и до гражданъ города Глупова, но здѣсь эффектъ, ею произведенный, былъ совершенно особаго рода. Прежде всѣхъ, какъ и водится, узналъ городской голова, къ которому прямо отъ городничаго забѣжалъ стрянчій. Должно быть, разсказъ стрянчаго былъ особенно умилителенъ, потому что голова, слушая его, совсѣмъ растужился.

— Ишь ты, что!—сказалъ онъ, когда стрянчій кончилъ:—что жъ теперича мнѣ-ка дѣлать?

— Да надо бы... тово...

— Отечество собрать, видно, надоть.—продолжалъ голова и жалобно вздохнулъ.

— Общество не общество, а именитыхъ.

Голова вновь вздохнулъ.

— Однако, какъ же это?—произнесъ онъ:—не въ примѣръ, значитъ, прочимъ?

— Ну, такъ что жъ такое?

— Ничего-съ... я такъ только—къ примѣру, что отечество собрать, видно, надоть... ничего-съ, можно-съ!

На скорую руку были собраны въ домъ головы именитые, къ которымъ хозяинъ держалъ рѣчь.

— Ну, именитые,—сказалъ онъ:—градоначальника нашего обидѣли... Богъ грѣхамъ терпѣлъ, царь жаловалъ, губерніи начальникъ благодарность объявлялъ, а нетъ борзой облаялъ... поditкось!..

— Значитъ, смириться должонъ!—произнесъ одинъ изъ именитыхъ.

— Это, Ѳедоръ Аѳанасьичъ, значитъ, для смиренія ему Богъ послалъ,—произнесъ другой.

— Божьи дѣла судить намъ не приходится.—сказалъ голова: —а выраженіе отъ насъ по этому случаю потребуется!

Именитые переглянулись.

— Что жъ, именитые, почтить начальника въ горести, по мѣрѣ силы возможности, есть каждаго долгъ и обязанность...

Молчаніе.

— Итакъ, возблагодаримъ Создателя! — произнесъ голова. вспомнивъ, что однажды начальникъ губерніи именно этими словами кончилъ рѣчь свою.

И вотъ какимъ образомъ „Московскія Вѣдомости“ сдѣлались причиной, что нашъ градоначальникъ былъ въ этомъ году лишній разъ именинникомъ.

Въ этотъ же вечеръ, въ трактирѣ купца Босоногова. собрались всѣхъ шерстей приказные. Разговоръ, какъ и слѣдовало ожидать, шелъ объ афронтѣ, полученномъ городничимъ, но всѣ рѣшительно терялись въ догадкахъ насчетъ сочинителя этого афронта. Споръ шелъ горячій и оживленный; говорили и pro, и contra; находились защитники и у городничаго, но справедливость требуетъ сказать, что большая часть спорящихъ оказалась приверженною благодѣтельной гласности.

— Нельзя достаточно похвалить неизвѣстнаго корреспондента, —произнесъ секретарь уѣзднаго суда Наградинъ:—въ настоящемъ случаѣ онъ явилъ себя истиннымъ гражданиномъ.

— Лихо откаталъ городничаго!—отозвался столоначальникъ Благолѣповъ.

— Чего ужъ откаталъ! въ самое рыло угодилъ!—присовокупилъ секретарь магистрата Столпниковъ.

— Не объ откатаніи идетъ здѣсь рѣчь,—замѣтилъ Наградинъ: —ибо статья написана безъ излишествъ, и истина является въ пристойномъ ея одѣяніи. Достохвально то, что неизвѣстный корреспондентъ отважился взять на себя защиту правъ человѣчества противъ посягательства лица сильнаго и власть имѣющаго!

— Не могу, однакожъ, не сказать, что неизвѣстный поступилъ

крайне неосторожно. — возразилъ секретарь полиціи Поповъ: — ибо городничій, какой бы онъ ни былъ, все-таки — установленная власть!

— Патрона своего защищаете,. почтеннѣйшій?

— Нѣтъ, не патрона защищаю, а сужу дѣло по существу!

— Нѣсть власть, аще не отъ Бога!—вздохнувъ, сказалъ архиваріусъ Пульхеровъ и какъ-то тоскливо заглянулъ въ слѣдующую комнату, гдѣ на большомъ столѣ, въ симметрическомъ порядкѣ, красовались графины съ различными сортами водокъ.

— Противъ этого не возражаю, но не могу отъ себя не замѣтить, что и въ писаніи не похваляются глупыя дѣвы, погасившія свѣтильникъ; въ настоящемъ же случаѣ градоначальникъ нашъ едва ли не уподобился означеннымъ глупымъ дѣвамъ.

При этихъ словахъ въ залу трактира вошло новое лицо; при появленіи его, собесѣдники значительно переглянулись, какъ будто бы всѣхъ ихъ озарила одна и та же мысль. И дѣйствительно, вошедшій былъ не кто иной, какъ учитель глуповскаго уѣзднаго училища, Корытниковъ.

— Иванъ Ѳомичъ! милости просимъ побесѣдовать! — радушно пригласилъ Столпниковъ.

Корытниковъ былъ еще молодой малый, только-что преодолѣвшій трудности гимназическаго курса. Поселившись въ Глуповѣ съ недавняго времени и имѣя слишкомъ ограниченныя средства жизни, онъ вообще рѣдко показывался въ обществѣ; но на этотъ разъ почему-то нашелъ нужнымъ измѣнить своей обычной нелюдимости и, войдя въ трактиръ, обнаружилъ особенную потребность къ душевнымъ излiяніямъ. Онъ выступалъ какою-то смѣлою, бойкою поступью и все его молодое лицо какъ будто свѣтилось улыбкою.

— Что, господа, не о сегодняшнемъ ли нумерѣ газеты разсуждаете?—спросилъ онъ.

— Вообще о гласности,—отвѣчалъ Наградинъ: - желательно бы знать мнѣніе ученаго сословія на этотъ счетъ.

— А что? ловко статейка написана?—спросилъ Корытниковъ, котораго, повидимому, болѣе интересовало впечатлѣніе, произведенное статьею, нежели отвлеченныя разсужденія о послѣдствіяхъ гласности.

— Нечего сказать, лихо откаталъ неизвѣстный! — отозвался Благолѣповъ.

— Угодилъ въ самое рыло!—повторилъ Столпниковъ, которому, очевидно, понравилось это выраженіе.

Корытниковъ, смѣясь, пожалъ Столпникову руку.

— Я, господа, такъ разсуждаю, что настоящее время — самое благопріятное для гласности! — сказалъ онъ, становясь въ позу и незамѣтно впадая въ дидактизмъ: — для Россіи наступаетъ, такъ сказать, эпоха очищенія. Потребность очищенія чувствуется повсюду: она разлита въ воздухѣ; она проникаетъ всѣ слои нашего общества; она до такой степени присуща всѣмъ намъ, что если я, напримѣръ, встрѣчаю на улицѣ подлеца, то не могу воздержать себя, чтобъ не высказать ему во всеуслышаніе, что онъ подлецъ!

— Не будетъ ли слишкомъ шибко? — возразилъ Поповъ, сомнительно посмѣиваясь.

— Нѣтъ, это будетъ только священною обязанностью со стороны каждаго гражданина, сознающаго свой долгъ въ отношеніи къ обществу! Я убѣжденъ, если всѣ мы будемъ такъ дѣйствовать и мыслить, то очевидно, что подлецамъ, негодяямъ и тунеядцамъ невозможно будетъ существовать на свѣтѣ! Единодушія, милостивые государи, единодушія требуетъ отъ васъ страждущее общество! и вы сами изумитесь, какъ скоро и какъ естественно воцарятся на землѣ добро и истина!

— И подлецовъ будутъ по рылу бить! — воскликнулъ Благолѣповъ, весело подпрыгивая.

— А учителя и архиваріусы будутъ господствовать!—задумчиво замѣтилъ Пульхеровъ, почесывая себѣ колѣнки.

Всѣ засмѣялись.

— Позвольте, господа! — отозвался Наградинъ: — заключеніе Ивана Ѳомича хотя и нельзя признать безусловно вѣрнымъ (ибо подлецы бываютъ тѣлосложенія различнаго, и не всякій изъ нихъ допуститъ сказать ему въ лицо слово истины!), но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя и отрицать, что обличеніе, выраженное въ формѣ легкаго нравоученія, несомнѣнно должно принести пользу. Съ этой точки зрѣнія, я не могу не радоваться, что и нашъ родной Глуповъ нашелъ своего дѣнисателя.

— А что? вѣдь ловко статейка написана?

— И ловко, и благоразумно... нѣтъ недостатка въ словесныхъ украшеніяхъ, но нѣтъ и излишествъ...

Корытниковъ, при такой похвалѣ, весь вспыхнулъ отъ наслажденія.

— Однимъ словомъ,—продолжалъ Наградинъ:—если неизвѣстный сочинитель скрываетъ себя въ лицѣ вашемъ, то позвольте привѣтствовать васъ и поздравить съ успѣхомъ!

Наградинъ протянулъ руку Корытникову, а за нимъ и всѣ прочіе бросились поздравлять его. Со всѣхъ сторонъ посыпались восклицанія и радостные возгласы, причемъ Столпниковъ не преминулъ въ третій разъ сказать:—„угодилъ въ самое рыло!“ Одинъ Поповъ смотрѣлъ какъ-то сумрачно исподлобья.

— Вы угадали, господа!—сказалъ Корытниковъ взволнованнымъ голосомъ:—авторъ статьи, вызвавшей ваше сочувствіе, дѣйствительно я! Но не могу не оговориться при этомъ, что я дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ не самъ собою; я былъ не что иное, какъ орудіе, выразившее общую потребность! Повторяю, господа, времена созрѣли! Умолчи я, несомнѣнно нашелся бы другой, который, быть можетъ, еще съ бо́льшей рѣзкостью выразилъ бы чувства общаго негодованія! Такъ или иначе, но кора была неизбѣжна—таковъ непреложный законъ общественной Немезиды!

— Это справедливо!—выразился Наградинъ, какъ бы давая тѣмъ почувствовать, что и онъ не прочь бы попытать счастія на поприщѣ гласности.

— Стой, братцы!—воскликнулъ Благолѣповъ:—ужъ коли на то пошло, такъ и я... тово... рѣшился!

— Ура!—загремѣли присутствующіе.

— Давеча прочиталъ я статью Ивана Ѳомича, и вдругъ какъ будто свыше меня озарило! Думаю: катать, такъ катать... чѣмъ наша изба хуже городнической!

— При тебѣ?—лаконически спросилъ Наградинъ.

— При мнѣ-съ.—отвѣчалъ Благолѣповъ, робѣя.

— Послушаемъ,—сказалъ Наградинъ.

Благолѣповъ вынулъ изъ бокового кармана бумагу, откашлялся и совсѣмъ было-приступилъ къ чтенію, но вдругъ смалодушествовалъ и застыдился.

— Валяй!—поощрили присутствующіе.

Благолѣповъ началъ:

„У насъ судья очень хорошій человѣкъ. Тучности столь необык-

новенной, что даже когда въ креслѣ сидитъ и ничего не дѣлаетъ, то и тутъ, по времени, столь зѣвнетъ, какъ бы верстъ тридцать не кормя сдѣлалъ. А фанты и онъ вынимать мастеръ".

Авторъ остановился.

— Продолжай!—сказалъ Наградинъ.

— Все-съ.—отвѣчалъ смущенный Благолѣповъ.

— Недостаточно,—сказалъ Наградинъ.

— Отдѣлки мало!—отозвался Корытниковъ:—мысль есть, но не мѣшало бы, такъ сказать, округлить ее, чтобъ она являлась не въ наготѣ, а окруженная приличными аттрибутами!

— У меня еще другое есть написано-съ,—проговорилъ Благолѣповъ.

— Послушаемъ,—произнесъ Наградинъ.

„У насъ засѣдатели хорошіе люди..."

— Это можно измѣнить-съ.—сказалъ онъ, вдругъ остановившись.

— Ничего, продолжай!—сказалъ Наградинъ.

„У насъ засѣдатели хорошіе люди. Придутъ въ судъ и ковыряютъ въ носу, доколѣ секретарь не сунетъ въ руки докладного и не заставитъ резолюціи переписывать. Одинъ, на дняхъ, началъ съ оборота листа переписывать, и симъ образомъ весь докладной перенакостилъ..."

— А вѣдь это истинное происшествіе!—прервалъ Наградинъ, снисходительно улыбаясь.

...„и симъ образомъ весь докладной перенакостилъ. Другой, дабы избѣжать надзора секретаря, почасту выбѣгаетъ изъ присутствія въ сторожевскую и услаждаетъ свой вкусъ неприхотливой бесѣдой со сторожами и приводимыми арестантами. Прелюбопытно это видѣть, какъ они сидятъ на своихъ мѣстахъ, уткнувшись въ докладные, и, держа перья всѣми пальцами (на манеръ малолѣтнихъ), пыхтятъ и отдуваются, машинально списывая резолюціи съ заготовленныхъ нарочито лоскуточковъ, между тѣмъ какъ мысли ихъ заняты совсѣмъ не отправленіемъ суда, а предстоящими щами и кулебякой!"

— Тутъ есть уже фактъ.—сказалъ Наградинъ, между тѣмъ какъ присутствующіе единодушно смѣялись.

— И все-таки голо!—отозвался Корытниковъ.

— Помилуйте! отчего-же-съ?—возразилъ Благолѣповъ, нѣсколько обиженный.

— Обработки мало!

— Съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться, — сказалъ Наградинъ:—но въ сравненіи съ первой статьей успѣхъ замѣтенъ.

— По мнѣнію моему, объ статьи слѣдовало бы соединить въ одну, и тогда, съ помощью нѣкоторой переработки, можетъ быть, что-нибудь и выйдетъ! Если авторъ дозволитъ, это можно сейчасъ же.

И такъ какъ Благолѣповъ не возражалъ, то черезъ полчаса, благодаря Корытникову, статья явилась на судъ публики уже въ слѣдующемъ обновленномъ видѣ:

„Въ настоящее время, во всѣхъ концахъ Россіи, всѣ, даже самые отсталые люди, начинаютъ сознавать живую потребность въ судѣ правомъ и нелицепріятномъ. И дѣйствительно, что̀ можетъ быть святѣе, что̀ можетъ быть естественнѣе этой потребности? Но наши глуповцы и тутъ умудрились выдѣлиться изъ общей массы, жаждущей возрожденія! Справедливо гласитъ русская пословица: „не бойся суда, а бойся судьи“; мудрость этого изреченія намъ приходится испытывать на бокахъ нашихъ! Какъ бы вы думали, чьимъ рукамъ ввѣрены у насъ вѣсы Ѳемиды? Я не буду ни слова говорить о личныхъ качествахъ нашихъ „судей праведныхъ“... Богъ съ ними! Быть можетъ, всѣ они хорошіе семьяне, подаютъ нищей братіи, неуклонно исполняютъ христіанскія обязанности — все это остается при нихъ! Но способны ли они, но имѣютъ ли они право судить подобныхъ себѣ?— вотъ вопросъ! Для разрѣшенія этого вопроса, позвольте мнѣ представить вамъ портретную галерею нашихъ „судей праведныхъ“. Предупреждаю: не ищите въ этихъ портретахъ остроумія — ищите одну истину, одну голую истину! Судья—отличный человѣкъ: тученъ до того, что даже когда, ничего не дѣлая, сидитъ въ креслахъ, то и тутъ, черезъ какихъ нибудь полчаса, такъ запыхается, какъ будто не кормя во весь духъ тридцать верстъ проскакалъ. Не дурные люди и засѣдатели: придутъ въ судъ и слоняются изъ угла въ уголъ, покуда секретарь почти насильно не засадитъ ихъ за докладной и не заставитъ резолюціи переписывать. Казалось бы, работа не головоломная, но и тутъ бываютъ смѣхотворные случаи. На дняхъ одинъ засѣдатель, переписывая съ черновой довольно длинную резолюцію, занимавшую двѣ страницы, что̀ бы вы думали ухитрился сдѣлать? Началъ съ оборота листа, а кончилъ началомъ! И это бываетъ сплошь да рядомъ! А другой засѣдатель, чтобъ избѣжать надзора секретаря,

безпрестанно, какъ школьникъ, бѣгаетъ въ сторожевскую, гдѣ проводитъ время въ разговорахъ съ сторожами и арестантами. Вообще довольно любопытно заглянуть въ нашъ судъ и видѣть, какъ наши „судьи праведные" сидятъ за докладными и, пыхтя и потѣя, безсознательно списываютъ резолюціи съ листочковъ, на которыхъ онѣ предварительно пишутся секретаремъ, между тѣмъ какъ мысль ихъ „далече отстоитъ" отъ предмета ихъ занятій и поглощена исключительно щами и кулебякой, ожиданіемъ которыхъ уже съ утра раздражено ихъ воображеніе. Таковъ составъ нашего суда! Можно ли послѣ этого удивляться, что еслибы не почтенный секретарь суда Р. Е. Н., то у насъ не только праваго, но и никакого суда не было бы. А фанты вынимать и наши судьи мастера!"

— Превосходно! — отозвались присутствующіе. Награднинъ крѣпко пожалъ руку Корытникову и тутъ же заказалъ для всей компаніи пуншу.

— Я съ своей стороны на передѣлку согласенъ, — отозвался Благолѣповъ:—но зачѣмъ же вы опустили, что засѣдатели въ носу ковыряютъ?

— Это подробность, которая мало идетъ къ дѣлу,—отвѣчалъ Корытниковъ.

— Нѣтъ, я не могу съ этимъ согласиться! нѣтъ, это не подробность, а, такъ сказать, занятіе ихъ жизни! Я требую, чтобъ это обстоятельство не было выпущено изъ вида!

— Что жъ, Иванъ Ѳомичъ, можно потѣшить малаго!—снисходительно замѣтилъ Награднинъ.

— Я желаю, чтобъ было сказано такъ: „придутъ въ судъ и, *ковыряя въ носу*, слоняются изъ угла въ уголъ"... — настаивалъ Благолѣповъ.

Споръ былъ въ самомъ разгарѣ, когда появился пуншъ. Купецъ Босоноговъ, какъ бы въ ознаменованіе важнаго событія, превзошелъ самого себя, и по комнатѣ внезапно разлился тотъ острый запахъ клюковъ, который, по мнѣнію канцелярскихъ служителей, составляетъ непремѣнное условіе отличнаго пуншa.

— Пожалуйте!—сказалъ Награднинъ, привѣтливо приглашая присутствующихъ.

— Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь! — произнесъ Пульхеровъ, вздыхая и почесывая себѣ колѣнки.

— Разъ за здоровье гласности выпить!—отозвался Столпниковъ.

И вновь полилась шумная бесѣда, вновь полились словоизверженія, словопренія, словоизліянія... И вечеръ кончился бы прекрасно, еслибы не подгадилъ предатель Попковъ. Когда ужъ было достаточно выпито, онъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, началъ придираться къ автору.

— А вѣдь ты тово... ты, братъ, сквернословъ!—сказалъ онъ, обращаясь къ Корытникову.

— Господину Попкову, кажется, не нравится статья моя?—возразилъ Корытниковъ, нѣсколько пріосанясь.

— Да ты скажи, чему въ ней нравиться-то? — сквернословіе пополамъ съ пустословіемъ—вотъ и все!

При этихъ словахъ Корытникову сдѣлалось холодно, несмотря на достаточное количество выпитаго пунша. Только теперь онъ сообразилъ, что сдѣлалъ великую глупость, признавъ себя передъ Попковымъ авторомъ непріязненной городничему статьи.

— Я надѣюсь, однако, господа, что здѣсь сидятъ благородные люди, которые не употребятъ во зло моей откровенности!—проговорилъ онъ, нѣсколько запинаясь.

— Держи карманъ, „благородные“!—сказалъ Попковъ, язвительно усмѣхаясь.

— Да онъ не скажетъ!—успокаивалъ Наградинъ.

— Анъ скажу! отсохни у меня языкъ, если не скажу!—съ своей стороны увѣрялъ Попковъ.

— Послѣ этого, позвольте мнѣ возразить вамъ, господинъ Попковъ, что вы подлецъ!—сказалъ Корытниковъ, самъ не помня, что говоритъ.

— Ну, и пущай подлецъ!

— Позвольте, однакожъ, просить васъ...

— А коли подлецъ, такъ зачѣмъ у подлеца прощенія просишь?

— Я не прощенія прошу, я прошу...

— Нѣтъ ужъ, сказано: „подлецъ“, такъ подлецъ и есть; слѣдовательно и неестественно тебѣ у подлеца прощенія просить!

Однимъ словомъ, Попковъ утвердился на томъ, что онъ „подлецъ“, и нашелъ позицію эту столь для себя выгодною, что соединенныя усилія всей компаніи не могли вышибить его изъ нея.

Не могу сказать утвердительно, что произошло послѣ этого, но знаю, что въ скоромъ времени послышались звуки битой посуды, и купецъ Босоноговъ, для собственнаго своего спасенія, вынужденъ былъ преждевременно потушить свѣчи и дать знать въ полицію.

Цѣлую ночь, со связанными назадъ руками, провелъ Корытниковъ въ такъ-называемой сибиркѣ; на нарахъ, занимавшихъ почти все пространство тѣсной и душной каморы, въ которую онъ былъ брошенъ, во всю мочь храпѣла пьяная нищенка, а въ другомъ углу безпокойно метался парень, за полчаса передъ тѣмъ пойманный въ воровствѣ. Напрасно Корытниковъ протестовалъ, напрасно заявлялъ, что онъ учитель, напрасно бранился и угрожалъ: сторожъ сначала только посвистывалъ въ отвѣтъ на его протесты, а потомъ разостлалъ на полу шинель, перекрестился и, затушивъ починъ, преспокойно растянулся себѣ на полу.

Бываютъ минуты въ жизни, когда, несмотря на всю очевидность явленія, разсудокъ человѣка упорно отказывается вѣрить въ возможность происходящаго. Кажется, что все это видишь въ какомъ-то страшномъ бреду, въ какой-то горячечной тоскѣ, что вотъ-вотъ пройдутъ горячечные симптомы, и сама собой исчезнетъ эта невозможная, гнетущая обстановка. Игрокъ, окончательно проигравшій все свое состояніе, человѣкъ, сдѣлавшій подлость, въ которой тутъ же его уличили, господинъ, не привыкшій получать по лицу, и получившій, бѣднякъ, у котораго украли послѣдній рубль,—должны именно находиться въ этомъ мучительномъ состояніи невѣрія очевиднымъ свидѣтельствамъ разсудка. Въ такомъ точно положеніи былъ и Корытниковъ. Сначала онъ еще находилъ въ себѣ довольно силы, чтобъ браниться и протестовать, но потомъ, когда сторожъ потушилъ свѣчу, когда камору вдругъ охватилъ со всѣхъ сторонъ густой мракъ, когда кругомъ воцарилась глубокая тишина, нарушаемая лишь безобразнымъ храпомъ пьяной бабы, когда окончательно исчезла надежда услышать откуда-нибудь живое слово, имъ овладѣлъ ужасъ и оцѣпенѣніе. Инстинктивно онъ еще продолжалъ изрѣдка стучать ногами отъ злобы и порывался разорвать веревку, связывавшую его локти, но потомъ опять стихалъ и такъ же инстинктивно началъ то плакать, то скрежетать зубами. Измученнаго физически и нравственно застало его утро.

Когда его привели въ полицію, градоначальникъ нашъ былъ крайне изумленъ и даже огорченъ.

— Ба! Иванъ Ѳомичъ! какими судьбами?—воскликнулъ онъ, простирая къ нему руки.

— Да вотъ, благодаря вашимъ сбиррамъ... а быть можетъ и лично вамъ,—отвѣтилъ Корытниковъ, и вдругъ затрясся всѣмъ тѣломъ.

— Ахъ, что это за свиньи народъ!—въ отчаяніи закричалъ Ѳедоръ Ильичъ:—ну, что прикажете съ такими апаѳемами дѣлать! Эй, кто тутъ есть? позвать ко мнѣ старшаго!

— Прикажите, по крайней мѣрѣ, мнѣ руки на первый разъ развязать!—осмѣлился замѣтить Корытниковъ.

— Какъ! и руки связаны! ну, скажите на милость!—счелъ долгомъ вновь изумиться Ѳедоръ Ильичъ.

Однимъ словомъ, оказалъ отеческую заботливость; назвалъ себя свиньею и старымъ дуралеемъ; извинился за полицейскихъ; извинился чуть не за всю полицію Россійской имперіи. Оказалось, что это было одно недоразумѣніе, происшедшее отъ того, что подлецы полицейскіе не наметались еще отличать людей образованныхъ отъ необразованныхъ. Поликову, какъ главному виновнику недоразумѣнія, была посулена отставка, причемъ Ѳедоръ Ильичъ энергически погрозилъ ему кулакомъ.

Не стану описывать дальнѣйшихъ приключеній Корытникова; скажу однакожъ, что программа стрянчаго была не только выполнена, но даже и украшена значительными присовокупленіями. Происшествія и такъ-называемыя исторіи какъ будто взапуски ловили бѣднаго публициста; не успѣвалъ онъ освободиться отъ одного казуса, какъ изъза угла ждалъ его уже другой. Явились дѣвицы, которыя положительнымъ образомъ доказывали, что онѣ шли себѣ по ровному мѣсту, и шли бы благополучно такимъ манеромъ и до сей минуты, но, повстрѣчавшись съ Корытниковымъ, вдругъ оступились. Число этихъ оступившихся было такъ велико, что весь городъ отшатнулся отъ виновника столькихъ паденій, а городничиха даже отплевывалась каждый разъ, какъ при ней произносили фамилію Корытникова. Самъ начальникъ края усомнился и счелъ долгомъ пригласить къ себѣ на совѣтъ директора училищъ.

— Что это у васъ въ Глуповѣ... Донъ-Жуанъ какой-то...

mille e tre!—сказалъ начальникъ края, кстати вспомнивъ фразу Лепорелло изъ Моцартова „Донъ-Жуана".

— Молодой человѣкъ-съ, ваше превосходительство!—отвѣчалъ директоръ, умильно осклабляясь.

— Однакожъ, все-таки! Александръ Македонскій былъ великій человѣкъ, но зачѣмъ же стулья ломать!—замѣтилъ начальникъ края, вспомнивъ кстати фразу изъ „Ревизора".

— Какъ прикажете, ваше превосходительство!

— Да я полагалъ бы покончить это домашнимъ образомъ... ха-ха!... mille e tre! Я полагаю, всего лучше перевести его въ другое мѣсто... подальше отъ Дульцинеи!

И такимъ образомъ, en petit comité, былъ рѣшенъ вопросъ о переводѣ публициста Корытникова изъ города Глупова въ городъ Дурацкое-Городище.

Къ чести Корытникова я долженъ сказать, что несправедливость судебъ отнюдь не заставила его упасть духомъ и понурить голову. Проникнутый убѣжденіемъ въ святости своего гражданскаго назначенія, онъ съ легкимъ сердцемъ отправился въ Дурацкое-Городище, твердо увѣренный, что и тамъ найдется мѣщанка Залунаева, и тамъ найдется градоначальникъ, не брегущій о благосостояніи и здравіи насомаго имъ стада.

Что, если бы Залунаевой не оказалось? Что, если бы градоначальникъ, вмѣсто того, чтобъ играть въ карты, непрестанно тушилъ пожары и ходилъ по городу не иначе, какъ съ обгорѣлыми фалдами? Что, если бы ни одинъ метеоръ, ни одна комета не проходили въ городѣ Глуповѣ незамѣченными? Что, если бы засѣдатели не ковыряли въ носу? Угомонилась ли бы тогда публицистская дѣятельность Корытникова? Произнесъ ли бы онъ тогда: „nunc dimittis!" и обмакнулъ ли бы обличительное перо свое, вмѣсто чернильницы, въ песочницу, въ знакъ того, что дальнѣйшее служеніе его обществу становится безполезнымъ?

Къ общему удовольствію всѣхъ „Проѣзжихъ". „Прохожихъ". „Калужанъ". „Угличанъ" и проч., отвѣтить на эти вопросы столь же мудрено, какъ и на то, когда бы кто, не шутя, спросилъ: что было бы, если бы русскій народъ не былъ мужественъ въ бояхъ, твердъ въ перенесеніи бѣдствій и великодушенъ въ счастіи? И въ самомъ дѣлѣ: „что было бы тогда?"—А чортъ его знаетъ, что бы тогда

было!—отвѣчаю я, и нахожу, что отвѣтъ мой есть единственно приличный въ этомъ случаѣ. Что было бы, если бы русскій народъ и т. д.? Признаюсь, я даже не могу придти въ себя отъ потрясенія, произведеннаго во мнѣ этимъ непристойнымъ вопросомъ.—А что̀ было бы, если бы ты ходилъ вверхъ ногами, а внизъ головой? А что было бы, если бы у тебя, вмѣсто двухъ глазъ во лбу, былъ одинъ на затылкѣ?—И я столь близко подхожу къ лицу вопрошающаго, что онъ блѣднѣетъ и въ то же мгновеніе проситъ меня извинить его.

Но если дико и непонятно кажется намъ сомнѣніе въ доблестяхъ нашихъ соотечественниковъ; если, съ одной стороны, не предвидится конца мужеству русскихъ въ бояхъ, твердости ихъ въ перенесеніи бѣдствій и великодушію въ счастіи, то, съ другой стороны, кто даетъ намъ право предполагать, что когда-нибудь умретъ мѣщанка Залунаева, а засѣдатели перестанутъ ковырять въ носу? Но истинѣ, никто!

Допустимъ, что вы живете далеко отъ Глупова, допустимъ, что вы лишены даже удовольствія дышать благорастворенным воздухомъ Дурацкаго-Городища. Что жъ изъ этого? Не думаете ли вы, что вотъ такъ-таки и избавились и отъ Залунаевой, и отъ городничаго, приносящаго жертвы мамонѣ, а не современнымъ интересамъ? Ошибаетесь, мой милый! Вашъ родной Глуповъ всегда находится при васъ, и никуда не уйти вамъ отъ Дурацкаго-Городища!

Вы выходите на улицу. Вонъ бѣдный Ванька, съ занедевѣвшею отъ мороза бородой и съ побѣлѣвшими щеками и носомъ; на улицахъ пустынно и тихо; ковыряющіе въ носу засѣдатели сидятъ себѣ въ теплѣ по домамъ и ѣдятъ пироги съ начинкой; нѣтъ сѣдока бѣдному Ванькѣ, и онъ со злобой настегиваетъ свою худую клячу, которая въ отвѣтъ на это помахиваетъ хвостомъ,—какъ-то учтиво, кротко, умиленно помахиваетъ. Этотъ Ванька—мѣщанка Залунаева; эта ободранная, избитая кляча—мѣщанка Залунаева! Вотъ, на базарѣ, принесла старуха-салопница продать попорченную и разрозненную пару шерстяныхъ носковъ; подходитъ служивый и предлагаетъ за товаръ девять копѣекъ; что жъ, цѣна, повидимому, хорошая, но старуха упрямится и проситъ двѣнадцать; съ одной стороны, кавалеръ готовъ въ стуѣ старуху истолочь, съ другой стороны, старуха не прочь горло кавалеру перервать—и все изъ-за трехъ копѣекъ! Эта старуха—мѣщанка Залунаева! Этотъ кавалеръ—мѣщанка Залунаева!

Увы! міръ кишитъ Залунаевыми! Они ходятъ по бѣлому свѣту и

съ бородами, и безъ бородъ, и въ шапкахъ, и въ шишкахъ, и о двухъ ногахъ, и о четырехъ! Если вы любитель русской фауны и имѣете крошечку любознательности, то не стѣсняйтесь, сдѣлайте милость, пронзайте булавочкой всѣхъ этихъ Залупаевыхъ и, пришедши домой, насаживайте ихъ на листъ бѣлой бумаги—увидите, какая у васъ образуется коллекція!

А городничіе, поклоняющіеся мамонѣ? А засѣдатели, начинающіе переписывать съ оборота листа? Ужели изсякнетъ родникъ ихъ? Да чѣмъ же тогда будетъ сладка наша жизнь? Чѣмъ будетъ сдабриваться наше горькое существованіе? Воображаю я себѣ, если бы нашъ (не глуповскій, а полоумновскій) Ѳедоръ Ильичъ не заигрывался до зашоя въ карты и не наѣдался до отупѣнія золотыми стерлядями, вытаскиваемыми изъ орошающей наше отечество рѣки Большой-Глуповицы... Господи! что бы это было! Во-первыхъ, чело Ѳедора Ильича на вѣки задернулось бы непроницаемымъ мракомъ начальническаго всемогущества; во-вторыхъ, онъ съ утра о томъ бы только и думалъ, какъ бы кого-нибудь оборвать, какъ бы сокрушить кому-нибудь зубы! Коли хотите, это былъ бы своего рода Катонъ, но намъ едва ли пришлось бы отъ этого легче. Нѣтъ, я рѣшительно держу сторону Ѳедора Ильича въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется мнѣ au naturel! По крайней мѣрѣ, теперь я знаю, что и онъ не изъятъ своего рода слабостей, и слѣдовательно, какъ человѣкъ, снизойдетъ и къ моимъ прегрѣшеніямъ. По крайней мѣрѣ, теперь я знаю, что наступитъ вечеръ, зажгутся въ квартирѣ исправника огоньки, Ѳедоръ Ильичъ весь углубится въ карты—анъ Глуповъ-то и поотдохнетъ мало-мало!

Messieurs! сознаюсь откровенно, я человѣкъ слабый и терпѣть не могу Катоновъ, которые прутъ впередъ, сами не зная куда! Я понимаю русскаго человѣка, который расшибетъ своему ближнему носъ, да тутъ же и водочки поднесетъ, и я понимаю русскаго человѣка, которому расшибутъ носъ и въ то же время водочки поднесутъ. Кулакъ, разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, утрачиваетъ свою свирѣпую, искаженную злобой физіономію и принимаетъ въ моихъ глазахъ какое-то благодушное, почти ангельское выраженіе.

Итакъ, мы логическимъ путемъ приходимъ къ тому заключенію, что всякое сомнѣніе въ неизсякаемости Залупаевыхъ и засѣдателей должно быть устранено. Но, съ другой стороны, передо мной возни-

кать новый, не менѣе важный вопросъ: возможно ли, естественно ли при такой обстановкѣ не сдѣлаться публицистомъ? Я замѣчаю, что разсужденія увлекли меня слишкомъ далеко, и что я, самъ того не подозрѣвая, попалъ, такъ сказать, въ самое сердце болота, составляющаго предметъ настоящей статьи... О, Боже! что это за удивительное болото! и какъ должно трепетать сердце охотника, взирающаго на неоглядныя глазу равнины его! Сколько на немъ кочекъ! сколько ржавыхъ трясинъ и колдобинъ! сколько куликовъ и чибисовъ! Стонъ стоитъ въ воздухѣ отъ разнообразныхъ взвизгиваній этихъ добродѣтельныхъ птицъ, которыя не имѣютъ въ жизни иной цѣли, кромѣ высиживанія безчисленнаго множества невинныхъ цыплятъ! Что, если бы не было охотника, отъ времени до времени разрѣжающаго своими мѣткими выстрѣлами эту сплошную массу пернатыхъ? Что, если бы вверху надъ облаками не зрѣялъ коршунъ, высматривающій съ такомъ знатока-помѣщика, который изъ цыплятъ пооткормленнѣе и пожирнѣе?

Но къ дѣлу.

Прежде всего я долженъ оговориться, что всей душой сочувствую Корытникову. Cher Корытниковъ! вашу руку! Прохожій! прими меня въ свои объятія! Житель Ярославля!

Лобзай меня! твои лобзанья
Мнѣ слаще мирры и вина!

Но шутки въ сторону: я сердечно убѣжденъ, что всѣ вы — почтенные люди, горячо и искренно сочувствуете тѣмъ начаткамъ истины и добра, появленіе которыхъ привѣтствуете съ такою радостью. Горесть мѣщанки Залупаевой не можетъ не трогать вашего сердца, ибо въ сердцѣ этомъ всегда найдется откликъ для всякаго истиннаго горя. Преступная безпечность Ѳедора Ильича не можетъ не возбуждать вашего негодованія, ибо въ ней заключается источникъ золъ дѣйствительныхъ, невымышленныхъ, золъ, которыхъ жало преимущественно обращено противъ бѣднаго и безпомощнаго. Сосредоточиваясь въ самихъ себѣ и размышляя о вещахъ міра сего, вы невольнымъ образомъ переноситесь мыслью къ временамъ вашей юности, къ тѣмъ золотымъ временамъ, когда съ каѳедры къ вамъ обращалась живая рѣчь, если не самого Грановскаго, то одного изъ учениковъ его, вызывая къ дѣятельности благороднѣйшіе инстинкты души, когда

съ иной, болѣе обширной каѳедры, лилось къ вамъ полное страсти слово Бѣлинскаго, волнуя и утѣшая васъ, и наполняя сердца ваши скорбью и негодованіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указывая цѣль для вашихъ стремленій.—Будемъ же вѣрны добру и истинѣ! будемъ вѣрны памяти наставниковъ вашихъ!—восклицаете вы, и бодро выступаете впередъ на честный бой съ лицемѣріемъ, равнодушіемъ и неправдою!

Да, замѣчательное было это время! То было время, когда слово служило не естественною формой для выраженія человѣческой мысли, а какъ бы покровомъ, сквозь который неполно и словно намеками свѣтились очертанія этой мысли: и чѣмъ хитрѣе, чѣмъ запутаннѣе сплетенъ былъ этотъ покровъ, тѣмъ скорбнѣе, тѣмъ нетерпѣливѣе трепетала подъ нимъ полная мощи мысль, и тѣмъ горячѣе отдавалось ея эхо въ молодыхъ душахъ читателей и слушателей! То было время, когда мысль должна была оговариваться и лукавить, когда она тысячу разъ вынуждена была окунуться въ помойныхъ ямахъ житейскаго базара, чтобы выстрадать себѣ право, хотя однажды, хотя на мгновеніе, засіять надъ міромъ лучомъ надежды, лучомъ грядущаго обновленія! И, стало быть, крѣпки были эти люди, если и при такой обстановкѣ они не изолгались, не измелочничались, не сдѣлались отступниками!

Я вѣрю, о, „Прохожій", что когда ты берешься за перо, чтобъ обличить раба сіяющаго и лукаваго, то передъ тобой невольно и неотразимо возстаютъ тѣ свѣтлыя личности наставниковъ, которымъ ты жадно внималъ въ былое время. И въ душѣ твоей заманчиво рисуется живая преемственность мысли и стремленій, на служеніе которымъ ты хочешь принести посильную ленту твою.

Повторяю, я вѣрю твоей искренности. Но ты не замѣчаешь, что иные люди, иныя вещи, что цѣлый новый міръ народился кругомъ тебя. Ты забываешь, что и въ устахъ твоихъ наставниковъ отвлеченные интересы человѣчества служили только покровомъ, подъ которымъ не всегда искусно скрывалась томительная жажда иной, болѣе реальной дѣятельности. Ты забываешь, что ты переялъ отъ учителей только фразу, и что переимчивость, какъ бы ни была она счастлива, не представляетъ еще достаточнаго права, чтобы поучать людей.

Но странная и неудержимая сила обстоятельствъ! Въ то время, какъ ты мучишься въ потугахъ рожденія, чтобъ бросить міру какую-

нибудь высокопарную мысль о человѣчествѣ и постепенномъ поступаніи его на пути совершенствованія, трезвая и неподкупная дѣйствительность силой приковываетъ тебя къ тѣсной твоей раковинѣ, къ родному твоему Глупову! И выходитъ тутъ нѣчто нелѣпое: Глуповъ —и человѣчество, судья Ianушниковъ—и вѣчные законы правды...

Корытниковъ! именемъ той же преемственности, убѣждаю васъ: бросьте подъ столъ перо ваше, или обуздайте вашу мысль!

Неужели вы не можете снев'ѣжничать безъ того, чтобъ этотъ актъ вашей жизни не сопровождался цѣлымъ громомъ тромбоновъ и трубъ?

Неужели солнце правды, солнце гласности, солнце устности, солнце трезвости, которое вѣчно свѣтитъ въ душѣ вашей, до того лучезарно, что мѣшаетъ вамъ просто и безъ ужимокъ подойти къ той навозной кучѣ, которую вы взялись, которую вамъ фаталистически суждено описывать?

Юный другъ мой! если наставники ваши горькою необходимостью вынуждались окунать мысль свою въ помои, то вы совершенно добровольно, совершенно никѣмъ не вынуждаемые, окунаете ее въ многочисленныя солица души вашей, и я принимаю смѣлость завѣрить васъ, что эти солица непзмѣримо непріятнѣе помой Бѣлинскаго и Грановскаго!

Зачѣмъ, когда вы беретесь за перо, васъ внезапно одолѣваетъ какое-то адское самоуслажденіе? Зачѣмъ вы съ самозабвеніемъ склоняете на бокъ вашу слабенькую головку, жмурите ваши голубенькіе глазки, уподобляясь соловью, заслушивающемуся своихъ собственныхъ пѣсенъ? Зачѣмъ это?

Вспомните, mon cher, что соловей потому имѣетъ право наслаждаться самимъ собой и заслушиваться до опьяненія своихъ пѣсенъ, что пѣсни, которыя онъ поетъ, суть его собственныя пѣсни! Сдѣлайте-ка намъ ваше собственное „Фю-ію-ію-ію“, и тогда я первый готовъ буду признавать ваше право на самоуслажденіе.

Вспомните и то, что міръ кишитъ кругомъ васъ примѣрами горькихъ послѣдствій самоуслажденія. Я могу указать вамъ на цѣлый кружокъ весьма почтенныхъ людей, которые, заручившись одною идейкой, до того перемололи ее на всѣ лады и образцы, что въ настоящее время не могутъ безъ тошноты взирать другъ на друга („Господи! и въ немъ сидитъ эта треклятая идея!“), не могутъ безъ

ужаса вспомнить о той минутѣ, когда надобно будетъ вновь вести бесѣду, и вновь на ту же тему... потому что иной въ запасѣ не обрѣтается!

Если этого мало для васъ, то укажу еще на каплуновъ. Этотъ достойный сожалѣнія народъ, не имѣя никакихъ иныхъ видовъ въ будущемъ, кромѣ удовольствія быть обкармливаемымъ до отвратительности, также съ неистовствомъ предается самоуслажденію, въ продолженіе всего того времени, покуда грецкіе орѣхи, комки творогу и прочая дрянь переваривается въ зобахъ ихъ. А тутъ, между тѣмъ, не имѣется даже ни одного наличнаго достоинства, а есть лишь весьма непріятный изъянъ, изъ чего вы можете убѣдиться, что для того, чтобъ считать себя въ правѣ наслаждаться самимъ собою, вовсе нѣтъ необходимости быть Богъ вѣсть какимъ соловьемъ, а достаточно въ иныхъ случаяхъ быть и простымъ каплуномъ.

Зачѣмъ вы взираете на себя какъ на историка и философа, тогда какъ вы просто-на-просто лѣтописецъ, а быть можетъ отчасти и водевилистъ?

На вашемъ мѣстѣ, я писалъ бы статьи мои такъ:

„Января дня 18.. года. Городъ Полоумновъ. Сего числа Ударъ-Ерыгинъ, въ присутствіи всѣхъ, проглотилъ шпагу, или, точнѣе сказать, цѣлое скралъ дѣло (имя рекъ): онъ показалъ при этомъ столь замѣчательное проворство, что никто даже не ахнулъ".

Туземецъ.

И довольно! Неужели вы думаете, что статья эта, несмотря на свою сухую, лѣтописную форму, менѣе задеретъ Ударъ-Ерыгина, нежели та же статья, разбавленная разсужденіями о томъ, что „въ наше время, когда, казалось бы, воровство преслѣдуется повсюду", или о томъ, что „въ наше время, когда привычки законности мало-по-малу проникаютъ во всѣ административныя трущобы", и т. п.?

Смѣю васъ увѣрить, Корытниковъ, что нѣтъ. Прочитавши вашу статью, онъ скажетъ: „что за чортъ! о какомъ это онъ воровствѣ говоритъ! развѣ я воръ?" — ибо онъ убѣжденъ, и вслѣдъ за нимъ убѣждено и большинство, что воровствомъ называется только похищеніе чужихъ платковъ изъ кармановъ; актъ же, подобный тому, который имъ совершенъ, онъ называетъ административною ловкостью. Или еще скажетъ: „О какихъ это привычкахъ законности онъ тамъ

проповѣдуетъ? Э! да онъ, кажется, позабылъ пословицу: что̀ русскому здорово, то̀ нѣмцу смерть! — и наоборотъ. Хорошъ бы я былъ, кабы дѣйствовалъ на законномъ основаніи!“ И съ своей точки зрѣнія онъ будетъ правъ; конечно, это будетъ точка зрѣнія ударъ-ерыгинская, но все-таки точка зрѣнія, съ которою, быть можетъ, согласятся и многіе другіе: иные по слабости, другіе изъ страха, третьи изъ корысти, четвертые, наконецъ, по привычкѣ во всемъ соглашаться съ лицомъ, обладающимъ извѣстною степенью нахальства. Напротивъ того, прочитавши мою статью, онъ позеленѣетъ и губы его затрясутся. Поймите, что я оскорбилъ его въ томъ, въ чемъ онъ считалъ себя неогрѣшимымъ: въ его проворствѣ! Затроньте его честность — онъ скажетъ, что честность — понятіе относительное: затроньте пользу общественную — онъ скажетъ, что еще бабушка на-двое сказала, черное ли бѣло, или бѣлое черно. Но не затрогивайте его проворства! Онъ думалъ, что никто не подозрѣваетъ, что онъ глотаетъ шпаги: онъ воображалъ, что всѣ глаза устремлены на него съ дѣтскою довѣрчивостью, что никому и на мысль не приходило видѣть въ немъ фокусника... и вдругъ! Увѣряю васъ, что онъ устыдится, устыдится хотя того, что былъ недостаточно искуснымъ фокусникомъ...

Столоначальникъ Благолѣповъ съ гораздо бо̀льшимъ тактомъ поналъ пальцемъ въ небо, когда кратко доложилъ читателю, что „судья у насъ хорошій человѣкъ“ и проч. (зри выше). Вы испортили статью его, драгоцѣнную по своей наивности; вы напустили туману туда, гдѣ слѣдовало бы только исправить орфографическія ошибки и проставить знаки препинанія. Я увѣренъ, что будь Благолѣповъ не столоначальникомъ, а секретаремъ уѣзднаго суда, онъ не дозволилъ бы вамъ перемѣнить ни іоты въ своемъ произведеніи, и былъ бы правъ. Итакъ, больше краткости, любезный Корытниковъ! больше той величественной краткости, которая прямо и неуклонно впивается въ самую морду заподозрѣннаго въ гнусности субъекта — и тогда смѣло дерзайте на поприще гласности!

И еще позволю себѣ одно замѣчаніе: вы не всегда удачно выбираете темы для вашихъ обвиненій и не вполнѣ удачную берете для нихъ обстановку.

Начнемъ хоть съ Ѳедора Ильича. Слова нѣтъ, что происшествіе, которое послужило канвой для вашей краснорѣчивой статьи — весьма печальное происшествіе, ибо оно лишило мѣщанку Залунаеву ея хо-

лостыхъ строеній. Но съ другой стороны, еслибы вы потрудились объясниться съ обвиняемымъ, то, можетъ быть, и въ половину не были бы такъ строги къ нему. Вспомните, Корытниковъ, что вы не просто нравы и обычаи административные описываете, а желаете поучать!

Итакъ, еслибы вы спросили Ѳедора Ильича: „по какому случаю вы, государь мой, не явились своевременно на пожаръ, бывшій въ домѣ Залупаевой?—я увѣренъ, что, вмѣсто отвѣта, почтенный нашъ градоначальникъ молча повелъ бы васъ на пожарный дворъ.

Тамъ онъ представилъ бы вамъ:

1) Двѣ пожарныя трубы, изъ которыхъ одна носитъ названіе *новой* и дѣйствуетъ плохо, а другая именуется *старою* и, что называется, только колобродитъ, то-есть брызжетъ во всѣ стороны и обливаетъ водой однихъ зрителей.

2) Четырехъ лошадей (отчего жъ и не двухъ?), изъ которыхъ двѣ изъявляютъ сильное желаніе окунуться въ купель силоамскую.

3) Десятокъ инвалидовъ, изъ которыхъ двое въ эту самую минуту, что называется, безъ заднихъ ногъ.

— Что жъ вы не представляете куда слѣдуетъ?—спросите вы.

— Представляемъ-съ!

— Что жъ отвѣчаютъ?

— И отвѣчаютъ-съ!

— Да что отвѣчаютъ?

— А отвѣчаютъ: здорово живешь-съ!

Такимъ образомъ одинъ пунктъ обвиненія устраненъ, и Ѳедоръ Ильичъ осязательно доказалъ вамъ, что никакой въ свѣтѣ пожаръ не можетъ и не обязанъ бояться его, подъ опасеніемъ прослыть за трусишку и дурака.

— Но какъ же вамъ не стыдно только и дѣла, что въ карты дуться?—продолжаете вы свои обвиненія.

— Помилуйте, отчего-же-съ? день-то деньской слоняешься, день-деньской всякую нечистоту по городу прибираешь—надо же и отдохнуть-съ.

Вы начинаете понимать, что не виноватъ же Ѳедоръ Ильичъ, что карты служатъ для него единственно доступнымъ средствомъ отдохновенія; что тутъ есть нѣчто, кроющееся въ самой средѣ, въ которой онъ процвѣтаетъ: что Ѳедоръ Ильичъ самъ по себѣ не можетъ

ни жить, ни дѣйствовать иначе, нежели какъ онъ живетъ и дѣйствуетъ. И вы невольнымъ образомъ повторите: „отчего же и не отдохнуть хорошему человѣку?“

Я же, съ своей стороны, могу въ оправданіе нашего градоначальника, прибавить, что онъ вовсе не такъ равнодушно принялъ вѣсть о пожарѣ. Напротивъ того, когда ему доложили: „мѣщанка Залупаева горитъ, ваше высокоблагородіе!“—то онъ стремительно бросилъ карты и воскликнулъ при этомъ: „вѣдь дернула же ее нелегкая горѣть въ такую пору!“ Стало быть, онъ страдалъ.

Но, кромѣ изложенныхъ выше обвиненій, вы позволили вашей фантазіи увлечь васъ дальше, нежели сколько было нужно для выполненія вашей же собственной задачи. Вы указали на героя, прославившаго собой городъ А****, и пожелали, чтобъ Ѳедоръ Ильичъ, подобно этому герою, ходилъ съ обгорѣлыми фалдами. Позвольте сказать вамъ, что упрекъ этотъ сколько несправедливъ, столько же и неоснователенъ.

Самъ Ѳедоръ Ильичъ всего болѣе возмущенъ былъ именно этимъ мѣстомъ вашей статьи.

— Ну, скажите на милость!—говорилъ онъ въ тотъ самый вечеръ собравшейся у исправника компаніи единомышленниковъ:—ну, что жъ было бы хорошаго, если бы я, какъ профанъ какой-нибудь, безъ фалдъ по городу бѣгалъ? Да и на чей я счетъ, кукишъ съ масломъ, буду фалды новыя покупать?

Резоннѣе и складнѣе этого отвѣта я ничего придумать не въ состояніи.

Или опять судья: чѣмъ виноватъ онъ, что тученъ? Или засѣдатели: чѣмъ виноваты, что ковыряютъ въ носу? Благолѣповъ правду сказалъ, что это занятіе всей ихъ жизни; а если это такъ, то слѣдовательно никто и не имѣетъ права лишать ихъ возможности предаваться этому занятію.

Извините меня, Корытниковъ, но мнѣ кажется, что вы скользите только по поверхности; вы только подозрѣваете, что есть гдѣ-то, въ окрестностяхъ вашихъ, болото, но гдѣ оно и какого оно свойства—это тайна, которую вамъ врядъ ли суждено когда-нибудь проникнуть.

Но времена созрѣли, и какъ бы ни была мало-искусна пѣвня Корытникова, онъ не можетъ не пѣть. Выдьте весною на улицу, при-

слушайтесь, какой концертъ задаютъ тамъ воробьи! Стадами они перелетаютъ съ одной крыши на другую: въ припрыжку, и какъ бы торопясь куда-то, снуютъ по улицѣ; суетливыми и веселыми обществами хлопочутъ около обнажившихся кучекъ старой ветоши, и что за неистовыя чириканія оглашаютъ въ то время теплый, насыщенный влагою воздухъ! Воробка, воробка! зачѣмъ такъ подпрыгиваешь? зачѣмъ, дурачокъ, такъ весело чирикаешь? Но не даетъ отвѣта воробка, а только пуще и пуще чирикаетъ, уморительнѣе и уморительнѣе подпрыгиваетъ.

Подобно сему и Корытниковъ, объятый весеннимъ чувствомъ, поетъ возрожденіе природы, поетъ красоту гласности и самоуправленія, поетъ взволнованность своихъ собственныхъ чувствъ. Спросите, зачѣмъ поетъ онъ нѣсню про городничаго?—онъ въ отвѣтъ споетъ вамъ нѣсенку про почтмейстера; спросите, зачѣмъ поетъ про почтмейстера?—онъ споетъ вамъ нѣсню объ исправникѣ... Дальнѣйшихъ объясненій отъ него не требуйте, ибо это объясненіе лежитъ въ его артистически устроенномъ горлышкѣ и въ той весенней оттепели, которая чувствуется въ воздухѣ.

И потому Ѳедоръ Ильичъ поступилъ не только нечестно, но даже и неразсчетливо, преслѣдуя Корытникова съ такою неумолимостью. Во-первыхъ, онъ этимъ преслѣдованіемъ ничего не выигралъ, ибо хотя и удалось ему изгнать Корытникова, но мѣсто его тотчасъ же занялъ Благолѣповъ, занялъ Наградинъ, занялъ Столпниковъ, и въ настоящую минуту нѣтъ въ Россіи города, въ которомъ такъ часто раздавалось бы чириканье воробьевъ, какъ въ нашемъ родномъ городѣ Глуповѣ. Во-вторыхъ, не достигши своей цѣли, Ѳедоръ Ильичъ сдѣлался грустенъ и раздражителенъ. Онъ безъ разбора хваталъ и ловилъ пріѣзжающихъ на базаръ мужиковъ и торговцевъ, вездѣ предполагая измѣну, во всякомъ неизвѣстномъ ему лицѣ заподозрѣвая насадителя клеветы и распространителя ложныхъ слуховъ. Взятки сталъ брать пуще прежняго: первѣе всего, слѣдующія ему вообще, по установленнымъ праотцами обрядамъ, а потомъ—слѣдующія ему же за страхъ будущаго обруганія.

— Пускай пишутъ!—пускай пишутъ!—приговариваетъ онъ, съ какимъ-то дикимъ наслажденіемъ пересчитывая и разглаживая на столѣ ладонью поднесенныя ему ассигнаціи.

Но нѣтъ!—онъ обманываетъ лишь себя, говоря такимъ обра-

зомъ! Въ ту самую минуту, какъ онъ притворяется равнодушнымъ къ филиппикамъ Благолѣпова (доказывающаго, между прочимъ, что Оедоръ Ильичъ до того безпеченъ, что не даетъ себѣ даже труда выдергать вылѣзающіе изъ его носа волосы), онъ чувствуетъ, что внутри его нѣчто колышется и хохочетъ, что руки его судорожно сжимаются, какъ бы обвивая мысленно длинную шею Благолѣпова.

— Желалъ бы я!—восклицаетъ онъ въ безсильной ярости, но уже не тѣмъ здорово-зычнымъ голосомъ, которымъ восклицалъ въ началѣ нашей статьи, а тонами двумя пониже.

И все оттого только, что онъ чириканье воробья принялъ за крикъ орла!—все оттого, что дернула нелегкая какую-то мѣщанку Залунаеву горѣть въ такое время, когда къ нему, градоначальнику, привалило восемь въ червяхъ, а пожарныя лошади отъѣзжали въ луга за сѣномъ, для собственнаго своего прокормленія!

Да!—разрушительно дѣйствуешь ты, о, гласность, на организмы человѣческіе!—Пенза! Уфа! Саратовъ! Ужели никто, никто не избѣжитъ ея всепожирающаго зѣва? Вездѣ, даже тамъ, гдѣ прежде спокойно грабили почту на главной улицѣ, даже тамъ, гдѣ нѣкогда среди бѣла-дня, безнаказанно застрѣливали людей (и никто не слыхалъ выстрѣла!), вездѣ возстаетъ свой домашній бардъ, беретъ въ руки гармонику и воспѣваетъ славу или стыдъ своей отчизны!

Самъ генералъ Зубатовъ смутился и по истинѣ не знаетъ, что̀ ему дѣлать. И до него доползло весеннее чувство, но не подновило, а, напротивъ того, произвело лишь разслабленіе въ ветхомъ его организмѣ.

— Что это за женскія гимназіи? что это за воскресныя училища?—восклицаетъ онъ, ломая въ отчаяніи руки.

И въ ту же минуту отправляетъ гонца за откупщикомъ.

Откупщикъ изумляется и вызываетъ кассира.

— За майскую треть дадено? - спрашиваетъ онъ.

— Дадено,—отвѣчаетъ кассиръ.

— Что̀ за чортъ!

Однако,—дѣлать нечего, напяливаетъ фракъ и отправляется.

— Ну, мой милый!—еще издали кричитъ ему генералъ, какъ-то особенно привѣтливо улыбаясь:—вотъ теперь-то мы посмотримъ, дѣйствительно ли вы патріотъ?

Его превосходительство слегка съёживается, точно ему змѣю за пазуху

пустили, но въ то же время старается сохранить веселый и непринужденный видъ, ибо вздумай онъ нахмуриться—генералъ, чего добраго, скажетъ ему: „невѣжа—пошелъ вонъ!“

— Что прикажете, ваше превосходительство?—говоритъ онъ, развязно расшаркиваясь.

— Для себя—ничего, для отечества—многое!—отвѣчаетъ генералъ, пронзая откупщика взорами и какъ бы измѣряя глубину его патріотизма.

— Прикажете балъ-съ... маскарадъ-съ?.. Ваши слуги, ваше превосходительство!

— Гимназію!—восклицаетъ генералъ неожиданно.

Его сиятельство стоитъ озадаченный, очевидно недоумѣвая, какое можетъ имѣть отношеніе очищенная и трехпробная къ отечественному просвѣщенію.

— Гимназію! женскую гимназію!—повторяетъ генералъ, полоснувъ себя краемъ ладони по горлу въ знакъ того, что гимназія у него вотъ гдѣ сидитъ.

Откупщикъ покраснѣлъ какъ ракъ. Онъ понимаетъ, что какъ тутъ ни вертись, а отъ издержекъ не отвертишься, но не умѣетъ еще сообразить, какою суммою можно отдѣлаться. А ну, какъ ляпнешь сдуру такой кушъ, какого совсѣмъ и не потребуется!

— Да, мой милый,—грустно говоритъ между тѣмъ генералъ: —было... было! Было время, когда мы думали о томъ, какъ бы общество наше соединить... чтобъ пикники тамъ... parties de plaisir... Теперь это все надо кинуть!

Генералъ умолкаетъ и какъ будто начинаетъ грустить, но черезъ нѣсколько минутъ поправляется и продолжаетъ уже съ нѣкоторою молодцоватостью:

— Теперь мы о гимназіяхъ разсуждаемъ... да!

Но его сіятельство все еще не собрался съ духомъ. Ему слишкомъ отчетливо представляются и недавнее пожертвованіе спирта для освѣщенія города, и недавняя покупка десяти фунтовъ чаю для больницы, и другія посильныя жертвы... ахъ, чортъ побери да и совсѣмъ!

— Конечно, ваше превосходительство,—говоритъ онъ наконецъ: — гимназія... и въ особенности для благородныхъ дѣвицъ... очень пріятное заведеніе.

— Ну-съ!

— Я къ тому, ваше превосходительство... что еще въ недавнее время... освѣщеніе города... а также и другія общеполезныя устройства-съ...

— Ну-съ!—повторяетъ генералъ.

Откупщикъ откашливается.

— Я ничего, ваше превосходительство... мы гимназіямъ не препятствуемъ-съ... мы, напротивъ того, съ нашимъ удовольствіемъ... я только насчетъ того, что еще въ недавнее время...

— Гм!.. стало быть, вы допустите, чтобъ въ какой-нибудь мерзкой газетишкѣ на всю Россію опубликовали, что *у меня* нѣтъ гимназіи?

— Помилуйте, ваше превосходительство, зачѣмъ-же-съ?

— Стало быть, для васъ все равно, что какой-нибудь щелкоперъ осмѣлится выразиться обо мнѣ, что я не имѣю достаточно энергіи, что я человѣкъ несовременный... что *у меня* нѣтъ гимназіи, наконецъ?

— Я, ваше превосходительство...

— Такъ я вамъ докажу, милостивый государь, что у меня еще есть энергія!—восклицаетъ генералъ, величественно выпрямляясь.

Однимъ словомъ, его свиѣтество смиряется, и вопросъ о женской гимназіи, едва-едва не претерпѣвшій крушеніе, разрѣшается благопріятно. Въ слѣдующемъ же нумерѣ мѣстныхъ вѣдомостей редакторъ уже предвкушаетъ ея учрежденіе въ особо написанной по этому поводу статьѣ:

„СЛУХИ".

„Слухъ носится, что, благодаря неусыпнымъ попеченіямъ (чьимъ —на это отвѣтитъ всякое сердце Полоумновской губерніи), у насъ въ скоромъ времени будетъ открыта женская гимназія, и что всѣ нужныя распоряженія уже сдѣланы. Мы уполномочены объявить, что старанія начальства въ этомъ истинно полезномъ и благотворительномъ дѣлѣ встрѣтили полное и просвѣщенное содѣйствіе со стороны мѣстнаго управляющаго акцизно-откупнымъ коммиссіонерствомъ, купца М., готоваго, какъ извѣстно, на всякаго рода пожертвованія, имѣющія цѣлью счастіе и пользу ближняго.

„Носятся и другіе, не менѣе отрадные слухи (какъ, напримѣръ, объ открытіи въ нашемъ городѣ воскресныхъ классовъ), но пока-мѣстъ умолчимъ о нихъ, предоставляя себѣ право подѣлиться съ читателемъ нашими надеждами въ то время, когда онѣ будутъ близкими къ осуществленію.

„Но такъ какъ всякая медаль имѣетъ свою хорошую и свою дурную сторону, то не можемъ пройти молчаніемъ, что дѣло просвѣщенія и въ нашей губерніи не вездѣ встрѣчаетъ одинаковое сочувствіе. Такъ, напримѣръ, дикіе и невѣжественные нововласьевцы и доселѣ упорствуютъ въ своемъ коснѣніи и твердо принятомъ намѣреніи оставаться безграмотными, во что бы то ни стало. Когда же лучъ солнца освѣтитъ это непроходимое болото?“

— Вотъ тебѣ и съ праздникомъ!—говоритъ нововласьевскій городской голова Прудовъ, прочитавъ эту любезность.

— За что жъ онъ насъ по зубамъ-то треснулъ?—спрашиваетъ въ свою очередь гласный Клубницынъ.

— А такъ вотъ: проѣзжалъ по близости—и заѣхалъ! Поди, судись съ нимъ!

И я, въ свою очередь, спрошу васъ, почтенный редакторъ полоумновской газеты: за что вы треснули по зубамъ гражданъ города Нововласьевска?

Я съ вами напередъ соглашаюсь, что просвѣщеніе—хорошая вещь, что ученіе свѣтъ, а неученіе тьма и т. п. Сознаюсь также, что образованіе, которое дается нашимъ дѣвицамъ, убійственно. Образованнѣйшая изъ нихъ еще можетъ порасказать вамъ кое-какія подробности о Гвадалквивирѣ, потому что—

Ночной зефиръ
Струитъ эоиръ,
Шумитъ, бѣжитъ Гвадалквивиръ...

или о Брентѣ, потому что—

Ночь весенняя дышала
Ароматной тишиной,
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной.

Но чуть дѣло коснется Мансанареса, послѣдуетъ неизбѣжный тупикъ, ибо Мансанаресъ—рѣчка маленькая и, должно полагать,

очень вонючая, если ни въ одномъ русскомъ романѣ о ней не упоминается. Согласенъ, что при такомъ уровнѣ образованія дѣвицы наши не въ состояніи интересоваться полезною дѣятельностью географическаго общества, ни даже принять участіе въ спорѣ, возникшемъ по поводу опредѣленія дѣйствительнаго дня смерти Бориса Годунова.

Но чѣмъ виноваты во всемъ этомъ нововласьевскіе граждане? Тѣмъ ли, что въ средѣ ихъ не отыскалось, какъ въ Колоумновѣ, благодѣтельнаго откупщика? Тѣмъ ли, что ихъ ужъ тошнитъ отъ общеполезныхъ устройствъ и сопряженныхъ съ ними пожертвованій? Тѣмъ ли, что они, быть можетъ, имѣютъ причины (по ихъ разумѣнію, даже весьма законныя) не желать именно *вашихъ* общеполезныхъ устройствъ?

И между тѣмъ, не разобравши дѣла порядкомъ, вы разогорчили нововласьевскихъ гражданъ всѣхъ до единаго!

Повторяю: разрушительно дѣйствуешь ты, о гласность! и не только на отдѣльныхъ людей, но и на цѣлые общественные организмы. Несмотря на учрежденіе женскихъ гимназій и воскресныхъ школъ, несмотря на процвѣтаніе трезвости, несмотря на успѣхи, которые въ послѣднее время сдѣлала мысль о самоуправленіи, провинціальный нашъ людъ скучаетъ и бьетъ баклуши. Прежняя привольная жизнь провинціи исчезаетъ все болѣе и болѣе; вмѣсто нея является какая-то чопорная натянутость, какой-то нелѣпый антагонизмъ, еще не высказывающійся явно, но уже дающій себя чувствовать особаго рода метаніемъ взоровъ, расширеніемъ ноздрей, покоробленіемъ усть и общимъ рылокошеніемъ. Старая веселая Русь (old merry Russia) прячется по домамъ и втихомолку переворачиваетъ анекдоты о загнанныхъ жидахъ и обманутыхъ нѣмцахъ. Подобно стыдливымъ фіалкамъ, члены ея собираются другъ у друга интимными кружками, и тутъ, сокрушаясь и вздыхая, бесѣдуютъ о временахъ минувшихъ, когда и солнце грѣло свѣтлѣе, и земля, безъ помощи удобренія, приносила самъ-двадцать, и Фильки отправлялись на конюшню безпрекословно, и винокуренные заводчики удѣляли милостивцамъ по четыре копѣйки съ ведра, а не по двѣ, какъ нынѣ. Вотъ они всѣ тутъ: вотъ и заиндевѣвшій обладатель множества Филекъ и Прошекъ, и застѣнчивый откупщикъ, и облизывающійся аристократъ изъ казенной палаты—однимъ словомъ, всѣ тѣ, которымъ дорого, чтобъ наша отечественная цивилизація развивалась постепенно, а не скачками

— Какое изобиліе рыбы въ рѣкахъ было!—тоскуетъ помѣщикъ Птицынъ.

— И какая была все крупная-съ!—вздыхаетъ недоросль изъ дворянъ Сагитовъ.

Присутствующій при этомъ разговорѣ отставной капитанъ Постукинъ хотя и не принимаетъ словеснаго участія въ разговорѣ, но оттопыриваетъ губы и отмѣриваетъ руками два аршина, чтобъ наглядно, какихъ размѣровъ водилась въ рѣкахъ рыба.

— Во всемъ, во всемъ изобиліе было!—вступается генералъ Голубчиковъ, облизываясь и стараясь истеріѣніемъ дать разговору винокуренное направленіе.

— И музицкій больше вина кусали!—подвиливаетъ хвостомъ Геринъ Шмулевичъ.

— И винокуренные заводчики свой разсчетъ находили!—подхватываетъ Голубчиковъ.

— Да и люди были какіе-то особенные!—рычитъ отставной корнетъ Катышкинъ:—примѣрно доложу хоть насчетъ дорогъ—что это за безцѣнный народъ въ дорогахъ былъ! заѣдешь, бывало, въ трущобу, экипажи были все грузные, отъ лошадей такъ и валитъ паромъ—ну, просто смерть! Ничуть не бывало! Кликнешь только: „Трошка!" Слѣзетъ это Трошка съ козелъ: тутъ ногой, тамъ плечомъ—и пошла въ ходъ колымага!

— Сердечный народъ былъ! любовный!

— И какъ, бывало, все просто дѣлалось! Угодилъ, бывало, финизервъ какой-нибудь къ обѣду сочинилъ—рюмка водки тебѣ; сплошалъ, таракана тамъ, что-ли, въ супъ пустилъ—не прогнѣвайся, другъ! сейчасъ его au naturel, и марить на конюшню!

— И не роптали!

— Не только не роптали, а еще Бога за господъ молили, поильцами, кормильцами называли!

Но—увы! какъ ни велики, какъ ни искренни сѣтованія Постукина и Сагитова, не подлежитъ сомнѣнію, что врежнее веселое время исчезло безъ возврата. Какое-то мрачное шпіонство, какое-то пошлое подглядываніе и подслушиваніе всасываются повсюду: и въ присутственныя мѣста, и въ клубы, и въ частные дома, не говоря уже объ улицахъ, перепутьяхъ, распутьяхъ и мѣстахъ пустопорожнихъ. Садитесь ли вы въ клубѣ за карты—вы, даже зажмуривъ глаза, ощу-

щаете, какъ изъ темнаго угла сверкаютъ на васъ глаза мѣстнаго публициста, какъ будто говоря вамъ: „Малодушный! какъ могъ ты найти въ себѣ рѣшимость заниматься презрѣнными картами въ то время, когда отечество столь сильно нуждается въ хорошихъ людяхъ!“ Идете ли вы по улицѣ и, зазѣвавшись по сторонамъ, ощущаете необходимость заняться носомъ—передъ вами изъ земли вырастаетъ другой публицистъ, и, прерывая ваше занятіе, вопіетъ: „Время ли, сударь, ковырять въ носу, когда отечество требуетъ служенія безпрестаннаго, неуклоннаго и неумытнаго!“ Вздумаете ли созвать къ себѣ гостей—передъ вами возстаетъ третій заскорузлый въ обличеніяхъ публицистъ и, пожирая приготовленныя закуски и яства, въ то же время неистовствуетъ руками и ногами, мечетъ огненные взоры и одаряетъ веселящихся язвительными улыбками, ясно говорящими: „смѣйтесь! веселитесь! скоро, скоро наступитъ благорастворѐніе воздуховъ и помеломъ очищено будетъ ваше нечистое торжище!“

Однимъ словомъ, нѣтъ возможности предпринять самое простое дѣйствіе: сшить себѣ новое пальто, купить фунтъ икры и т. д., чтобъ дѣйствія этого не подсмотрѣлъ мѣстный бардъ и тутъ же безцеремонно не выразилъ, что „чѣмъ икру-то пожирать, лучше бы эти деньги на воскресную школу пожертвовать!“

О, Корытниковъ! дай мнѣ вздохнуть на минуту! Я готовъ умереть, если это можетъ доставить тебѣ удовольствіе, но не смотри же на меня своими черными глазами, покуда я говорю послѣднее „прости“ женѣ и дѣтямъ!

Но нѣтъ, даже здѣсь, даже въ моемъ уединеніи, ты не оставляешь меня! Покуда я дописываю настоящую статью, изъ-за тонкой перегородки, отдѣляющей мою квартиру отъ сосѣдней, долетаютъ до моего слуха знакомые звуки. То бесѣдуютъ два друга-публициста, и въ разумной ихъ бесѣдѣ принимаетъ участіе и жена моего сосѣда.

— А трезвость продолжаетъ-таки дѣлать успѣхи! — говоритъ гость:—еще нѣсколько усилій, и побѣда за нами!

— Ахъ, какой циркуляръ насчетъ этого въ Самарѣ вышелъ!—восклицаетъ моя сосѣдка.

— Н-да,—нашему генералу такого не написать!—отзывается хозяинъ дома.

— А въ Саратовѣ, напротивъ того, дикости какія-то дѣлаются! Представьте себѣ, тамъ трезвыхъ людей бунтовщиками называютъ!

— Всякая плодотворная идея имѣетъ своихъ мучениковъ! — говоритъ гость.

— Нѣтъ, воля ваша, а со стороны саратовскихъ властей это просто отсутствіе всякаго понятія о гражданской доблести.

— Ахъ, Марья Ивановна! развѣ всякій въ состояніи вмѣстить въ себѣ это понятіе?—уныло спрашиваетъ гость.

— Конечно... однакожъ, какое варварство!

Разговоръ стихаетъ; звуки стакановъ и чашекъ мѣшаютъ мнѣ слѣдить за продолженіемъ его. Одна только фраза долетаетъ до меня, и рука моя невольнымъ образомъ передаетъ ее печати:

— А я сегодня читала „Морской Сборникъ“,—говоритъ жена сосѣда: — „Правительственныя распоряженія“ до такой степени увлекли меня, что я совершенно забылась!

1860 г.

VII.—Клевета.

(Посвящается добрымъ моимъ пріятелямъ.)

Что Глуповъ возрождается, украшается и совершенствуется—это, я полагаю, давно всѣмъ извѣстно. Онъ не имѣлъ никакихъ понятій—явились понятія; онъ не имѣлъ страстей—явились страсти. Глуповъ задранъ за живое.

Глуповцы спокойно жили доселѣ въ своемъ горшкѣ и унавоживали дно его. Когда-то какая-то рука бросила имъ въ горшокъ кусокъ чернаго хлѣба, и этого было достаточно для удовлетворенія ихъ неприхотливыхъ потребъ. Постепенно этотъ кусокъ сдѣлался истиннымъ палладіумомъ глуповскаго міросозерцанія, глуповскихъ надеждъ и глуповскаго величія. Въ немъ одномъ находили для себя глуповцы источникъ жизни и силы; онъ одинъ имѣлъ привилегію пробуждать отъ сна и вызывать къ дѣятельности этихъ зодчихъ праздности, этихъ титановъ тунеядства и чревоугодничества. Они суетились, бѣгали и ползали; они плевали другъ другу въ глаза, и въ носъ, и въ ротъ (и тутъ же на-скоро обтирались): они толкались и подставляли другъ другу ногу... и все изъ-за того, чтобъ стать поближе къ лако-

мому куску, чтобъ вырвать изъ него зубами какъ можно больше утучняющаго вещества.

Настало другое время, явилась другая рука. Стало казаться страннымъ, что Божій даръ обогащается самымъ непозволительнымъ образомъ; возникли опасенія, что при дальнѣйшемъ обогащеніи Божій даръ можетъ окончательно утратить свой первобытный образъ; почувствовалась необходимость, чтобы та же рука, которая бросила правду въ горшокъ, взяла на себя трудъ и вынуть ее оттуда. Рука явилась и ошпарила глуповцевъ.

Понятно, что послѣ этого Глупову невозможно не развиваться и не стремиться къ совершенству. Онъ и радъ бы снова юркнуть въ горшокъ, но видитъ, что кипятку еще предостаточно, и потому сгрубить не осмѣливается. Но не менѣе понятно и то, что Глуповъ, хотя и доведенный столь рѣшительнымъ оборотомъ дѣла до раскаянія, не долженъ, однакожъ, питать никакихъ особенно благодарныхъ чувствъ.

Свои чувства онъ таитъ про себя, и, чтобъ успѣшнѣе надуть публику, шевелитъ усами, цѣлуетъ ручку и увѣряетъ, что исправился и впередъ не будетъ. Но не увлекайся, о, неопытный путникъ, манящею наружностью зеленаго ковра, покрывающаго трясину! Не успѣешь ты поставить на него ногу, какъ трясина уже засосетъ тебя: не успѣешь ты войти во вкусъ глуповскихъ протестацій, какъ Глуповъ уже засосетъ тебя!

Я достаточно наблюдалъ надъ нравами глуповцевъ, чтобъ умѣть распознавать истинныя движенія сердецъ ихъ отъ движеній мнимыхъ. Я знаю, что если глуповецъ, несмотря на мое упорство, ловитъ у меня руку поцѣловать, то это значитъ, что онъ почему-то меня боится, что онъ ждетъ отъ меня какой-то милости. Быть можетъ, онъ заблуждается; быть можетъ, я не имѣю возможности сдѣлать ему ни добра, ни зла, но я напрасно сталъ бы завѣрять его въ этомъ: не повѣритъ ни за что въ свѣтѣ. Онъ подлецъ, и потому убѣжденъ, что всякій, кто имѣетъ силу, имѣетъ ее для того, чтобъ бить, и что отъ этихъ побоевъ можно избавиться только кривляніями. Въ такихъ обстоятельствахъ, если я самъ человѣкъ глупонравный и безстыжій, то могу дѣлать надъ глуповцемъ все, что̀ моей душѣ угодно: могу заставить его снимать съ меня сапоги; могу заставить его брать сигару зажженнымъ концомъ въ ротъ, пить изъ полоскательной чашки, представлять Фанни Эльслеръ, и вообще производить всѣ увеселительныя

упражненія, на изобрѣтеніе которыхъ такъ таровато глуповское воображеніе. Но за то я знаю также, что если я чуть-чуть оплошалъ, если глуповецъ почему-либо утратилъ вѣру въ мою силу, если онъ не имѣетъ побужденія ни бояться меня, ни ждать отъ меня милости, онъ сейчасъ же подобѣжитъ къ столбику и подниметъ ногу.

И потому, когда глуповецъ гримасничаетъ и говоритъ мнѣ: „ха-ха!“—я всегда совершенно явственно слышу, что въ утробѣ его бурчитъ „хо-хо!“: когда глуповецъ жметъ мою руку, я всегда самымъ положительнымъ образомъ ощущаю, что въ его рукѣ есть трясеніе какое-то, есть ехидная какая-то судорога; когда глуповецъ лѣзетъ цѣловаться со мной, я знаю навѣрное, что въ это время у него щелкаютъ зубы.

Зрѣлище унизительное и въ высокой степени безнравственное! Надо безъ оглядки бѣжать изъ этой страшной среды, чтобъ не засосаться въ нее, чтобъ не осквернить свою душу.

Во всякомъ случаѣ, глуповскими протестаціями въ любви увлекаться нельзя. Во-первыхъ, глуповецъ слишкомъ опаренъ, а во-вторыхъ, онъ ищетъ только случая, какъ бы поудобнѣе и побезнаказаннѣе поднять ногу. Повторяю: не довѣряй слишкомъ опрометчиво, о, неопытный путникъ, манящей наружности зеленаго ковра, покрывающаго сію трясину! Коверъ—это распухшая отъ водки рожа глуповца; трясина—это исполненная ехидства душа его!

Самая простая и вмѣстѣ съ тѣмъ самая дѣйствительная манера поднимания ноги—это сплетня и клевета, и глуповецъ пользуется ею до пресыщенія. Я бы сказалъ, что сплетня разъѣдаетъ Глуповъ, что со временемъ она должна въ конецъ уничтожить его, если бы не зналъ навѣрное, что тутъ ни разъѣдать, ни уничтожать нечего, что тутъ живетъ одно тлѣніе, которое потому и живетъ, что оно тлѣніе. Сплетнею и клеветой занимался Глуповъ еще до опариванія, еще въ то время, когда онъ, въ веселіи сердца, унавоживалъ дно горшка. Онъ былъ на это великій художникъ и предпочиталъ этому искусству развѣ искусство смѣшить и увеселять своихъ добрыхъ начальниковъ. Первое онъ называлъ своимъ незаконопротивнымъ упражненіемъ души и сердца, второе—своею политикой. Первое доставляло ему утѣшеніе; второе бросало ему въ ротъ катышки со стола богатаго Лазаря.

Повидимому, какое дѣло Фролу Лаврентьевичу Ржанищеву, что у

Николая Семеныча Примогенова носъ вавилонами выросъ? Анъ дѣло, потому что Флоръ Лаврентьичъ о томъ только и печалится.

Какое дѣло Ѳедькѣ Козелкову, что Сеня Бирюковъ и легъ, и всталъ у Катерины Силантьевны? Анъ дѣло, потому что Ѳедька Козелковъ находится по этому случаю въ большихъ поныхахъ: онъ наскоро сообщаетъ объ этомъ по секрету своему другу Володькѣ Паршивину, а Володька Паршивинъ приходитъ въ ужасъ, и тутъ же дѣлится полученною новостью съ Петькой Перетыкинымъ.

Какое дѣло кабаньей женѣ, что поросенковъ братъ третьяго дня съ свиньиной племянницей черезъ плетень поохался? Анъ дѣло, потому что кабанья жена до изступленія чувствъ этимъ взволнована, потому что кабанья жена дала себѣ слово неустанно искоренять поросячью безнравственность и выводить на свѣжую воду тайные поросячьи амуры.

Какое дѣло всѣмъ этимъ Терентьичамъ, Сидорычамъ и Трифонычамъ, что я ѣлъ сегодня пирогъ съ капустой, потомъ заходилъ къ Матренѣ Ивановнѣ, и у нея ѣлъ пирогъ съ налимьими печенками? Анъ дѣло, потому что едва я вхожу въ залу клуба, какъ ко мнѣ подлетаетъ Терентьичъ.

— А вы сегодня пирогъ съ капустой ѣли! — говоритъ онъ, и при этомъ строитъ такую рожу, какъ будто хочетъ спросить: „а раскуси-ко, братъ, какъ я это узналъ?“

— Ну, да, ѣлъ.

Не отлетѣлъ еще Терентьичъ, какъ подлетаетъ Сидорычъ:

— А вы сегодня у Матрены Ивановны были!

— Ну, да, былъ.

За нимъ подлетаетъ Трифонычъ:

— А вы сегодня у Матрены Ивановны пирогъ съ налимьими печенками кушали!

— Ну, да, ѣлъ.

И благо мнѣ, если я ограничусь краткими отвѣтами. Но если я истинный глуповецъ, то непремѣнно пущусь въ разысканія, буду мучиться мыслью, какимъ образомъ все это узналось, буду допытываться, буду приставать. И выйдетъ изъ этого такая благодатная штука, которая самымъ пріятнымъ образомъ наполнитъ мое существованіе въ продолженіе нѣсколькихъ дней.

Все это, однакожъ, было очень невинно и потому мало кого

трогало. Конечно, разсказъ о лежаніи и вставаніи Сени Бирюкова довольно накостнаго свойства, но свойство это значительно умѣрялось тѣмъ, что если Ѳедька Козелковъ разсказывалъ о похожденіяхъ Сени, то и Сеня, въ свою очередь, передавалъ подъ величайшею тайной, что вчера ночью достовѣрные люди видѣли, какъ Ѳедька влѣзалъ черезъ окно къ Матренѣ Ивановнѣ, и что, вслѣдствіе этого, сегодня утромъ у Ѳедьки появились золотые часы. И оба были довольны, и оба не питали ни малѣйшей другъ къ другу претензіи.

Да и можно ли было оставаться недовольнымъ? Если Флоръ Лаврентьичъ треснетъ Николая Семеныча по уху, а Николай Семенычъ также треснетъ за это Флора Лаврентьича по уху—стало быть, они квиты. Если Ѳедька Козелковъ плюнетъ Володькѣ Паршивину въ лицо, а Володька Паршивинъ за это также плюнетъ Ѳедькѣ Козелкову въ лицо—стало быть, они квиты. „Гарсонъ! подай шампанскаго!“—и все тутъ. Это круговая порука, въ которой не было ни одного небитаго и насквозь неоплеваннаго.

Однако бывали клеветы и погнуснѣе.

Повѣрить ли, напримѣръ, благосклонный читатель, что въ одной изъ глуповскихъ палестинъ нѣкоторый старецъ десять лѣтъ состоялъ подъ судомъ по жалобѣ эстляндской уроженки дѣвицы Фрикъ на обольщеніе ея тѣмъ коварнымъ старцемъ, и что жалоба эта и самая дѣвица оказались впослѣдствіи остроумнымъ вымысломъ нѣкоторыхъ развеселыхъ глуповскихъ робятъ? А между тѣмъ такое дѣло было, и видѣлъ его собственными моими глазами!

Дѣвица Фрикъ!—А позвать старца къ отвѣту! Ха-ха!

— Милостивые государи!—взываетъ старецъ:—никогда такой дѣвицы не бывало! Сами видите, что это насквиль!

Нужды нѣтъ!—Отнестись къ начальству Эстляндской губерніи о разысканіи дѣвицы Фрикъ... Хи-хи!

— Нѣтъ дѣвицы Фрикъ!—отвѣтствуетъ начальство Эстляндской губерніи.

А сдѣлать дѣвицѣ Фрикъ повсемѣстный по Россійской имперіи розыскъ... Хи-хи!

А предписать глуповской земской полиціи произвести по прошенію дѣвицы Фрикъ настрожайшее слѣдствіе... Хи-хи!

А объявить старцу, что, по свойству взводимаго на него обви-

нія. онъ обязывается отыскать лицо, которое согласилось бы взять его на поручительство... Хи-хи!

И вотъ старецъ, который, быть можетъ, мечталъ только о томъ, чтобъ остатокъ дней своихъ посвятить посыпанію пескомъ аллей своего сада, чувствуетъ существованіе свое отравленнымъ. Онъ день и ночь строчитъ отвѣты и объясненія; онъ мечется какъ угорѣлый и сорить деньгами, чтобъ достать по себѣ поручителя („чего добраго, еще напляшешься съ такимъ сорванцомъ!“ не безъ ироніи говорятъ глуповцы), онъ подаетъ жалобу за жалобой, онъ ѣздитъ, онъ кланяется, онъ умоляетъ... Но нѣтъ ничего мрачнѣе глуповцевъ, когда они принимаются острить! Напрасно кланяется и умоляетъ старецъ —они не внемлютъ; они стоятъ себѣ въ кружкѣ да покатываются.

— Скажите, пожалуйста! какая непріятная исторія!—говоритъ одинъ изъ нихъ огорченному старцу.

Старецъ клянется, что онъ невиненъ.

— Да какъ же ты, Панфилъ Пантелеичъ, не умѣлъ концы въ воду схоронить?—говоритъ другой.

Старецъ вновь клянется, что онъ невиненъ.

— Э! да ты Донъ-Жуанъ, Панфилъ Пантелеичъ!

— Э! да тебя, братъ, семейному человѣку въ домъ къ себѣ опасно пускать!..

И проводя такимъ образомъ жизнь, глуповцы блаженствовали, наслаждались и умирать отнюдь не желали. Казалось бы, что такого рода занятіе слѣдовало бы оставить, особливо въ настоящее время, когда и т. д. Казалось бы, что кабаньей женѣ надлежало бы болѣе интересоваться тѣмъ, что въ Глуповѣ о сю пору не заведено женской гимназіи, нежели амурными похожденіями поросенкова брата. Но, увы! все это только „казалось бы“! Отнюдь не слѣдуетъ забывать, что глуповское возрожденіе есть въ полной мѣрѣ глуповское, и что, слѣдовательно, самыя проявленія и послѣдствія его должны быть глуповскими.

Глуповецъ упоренъ, и отъ привычки своей (особливо, если она ему пришлась по сердцу) не отстанетъ ни за что на свѣтѣ. Разрушайся въ глазахъ его вселенная, лопайся откупъ, сокрушайся крѣпостное право—онъ останется вѣренъ своей привычкѣ и твердъ какъ скала. Казалось бы, какая дрянная привычка (и какъ бы легко ее бросить!)—ковырять въ носу, класть въ ротъ пальцы, плеваться,

когда говоришь—а глуповецъ и ее не оставилъ! Какъ же послѣ этого требовать отъ него, чтобъ онъ бросилъ сплетничать и клеветать, когда въ этомъ заключалась вся отрада его жизни, весь внутренній смыслъ ея? Очевидно, что такое требованіе было бы не только непрактично, но даже и крайне притязательно.

А потому никто и не предъявляетъ подобнаго требованія, а потому никто и не мечтаетъ, чтобъ глуповецъ когда-нибудь могъ перестать быть глуповцемъ.

Но глуповецъ опаренъ, и потому клевета его принимаетъ другой характеръ. Прежде она была легкой забавой, безцѣннымъ препровожденіемъ времени; теперь она дѣлается клеветою злостною, клеветою, имѣющею—чортъ побери!—политическій оттѣнокъ.

Глуповецъ любитъ пригибаться къ землѣ и прикидываться сидоровой козой, но онъ помнитъ. Онъ такъ хорошо помнитъ то огорченіе, которое причинило ему внезапное опариваніе, что даже дастъ себѣ слово пересказать объ этомъ въ назиданіе всему свиньину потомству („вотъ-молъ, друзья мои, какое страшное дѣло было, что у насъ въ горшкѣ словно мгла поднялась!“). На первый разъ онъ былъ какъ будто ошеломленъ, но теперь онъ уже шевелитъ усами и нюхаетъ, но теперь пзъязвленныя мѣста начинаютъ ужъ вновь мало-по-малу заростать шерстью. Онъ нюхаетъ, откуда бы могла придти на него такая напасть; но такъ какъ голову высоко поднять не можетъ, то нюхаетъ больше по близости. И всякій смертный, не раздѣляющій безусловно глуповскихъ убѣжденій, не погрязшій безусловно въ болотѣ глуповскаго міросозерцанія, кажется ему личнымъ врагомъ, котораго надлежитъ прилпчнымъ образомъ опакостить. Всякій, кто заблаговременно выползъ изъ горшка, кого опариваніе не застало врасплохъ, кажется ему отступникомъ отъ отеческихъ преданій, противъ котораго дозволительна всякая гнусность. Эта мысль охватила все существованіе глуповца. Съ тѣхъ поръ, какъ она въ немъ засѣла, онъ видитъ веселые сны, онъ чéствуетъ въ себѣ какую-то страстность: онъ уподобляется тому немощному старцу, который, женившись на молодой и здоровой дѣвушкѣ, явственно ощущаетъ, какъ ветхое его тѣло крѣпнетъ и возстановляется на счетъ молодого и свѣжаго организма. Онъ позабылъ даже о дѣвицѣ Фрикъ, онъ не обращаетъ вниманія на похожденіе поросенкова брата. Ненависть сдѣлала его почти красавцемъ: она сдѣлала его почти умнымъ...

Но если цѣль и намѣренія клеветы измѣнились, то пріемы и содержаніе ея остались тѣ же, какіе были и прежде. Поговоримъ напередъ о содержаніи.

Страннѣе всего то, что глуповцы не могутъ придумать клеветы болѣе гнусной и омерзительной, какъ назвать своего противника глуповцемъ же. Въ этомъ отношеніи они патріоты самые несостоятельные. Русскій, напримѣръ, никогда не скажетъ въ укоризну французу: „ахъ ты, русакъ-вахлакъ!“ — но либо назоветъ его „мусью безнардоннымъ“, либо напомнитъ ему то славное время, когда

Барклай де-Толли и Кутузовъ
Въ Москвѣ морозили французовъ...

Но глуповецъ — совсѣмъ дѣло другое. Онъ такъ и претъ впередъ съ своимъ „глуповцемъ“.—„Мотри, мотри, робята!—говоритъ онъ:—вѣдь это нашъ! вѣдь это наши робята на солнцѣ онучи сушатъ!“

Я полагаю, это происходитъ оттого, что горизонтъ глуповской мысли еще не успѣлъ выработать себѣ иныхъ понятій, кромѣ тѣхъ, которыя дала ему жизнь въ горшкѣ. Напримѣръ, онъ „драль взятки съ живого и съ мертваго, и по писку, который поднимали обыватели горшка, подвергнутые такой реквизиціи, заключалъ, что имъ не должно быть очень сладко. И хотя это соображеніе отнюдь не останавливало его отъ дальнѣйшихъ подвиговъ на томъ же поприщѣ, но въ головѣ его уже рождалось смутное понятіе, что взятки дѣло нехорошее, и что тотъ, кто занимается такимъ дѣломъ, есть подлецъ. Отъ этого, даже въ его понятіи, слово „взяточникъ“ сдѣлалось словомъ ругательнымъ. Отъ этого, если онъ хочетъ уязвить своего врага, то распускаетъ слухъ, что онъ взяточникъ. И выходитъ тутъ нѣчто странное, потому что, въ сущности, глуповецъ ругается здѣсь своимъ собственнымъ именемъ. И выходитъ это столь же странно, какъ если бы Сила Терентьичъ, вздумавъ хорошенько отдѣлать Терентья Силыча, не нашелся сказать ему ничего болѣе гнуснаго, кромѣ фразы: „ахъ ты, Сила Терентьичъ!“

Возьмемъ другой примѣръ. Глуповцу нерѣдко приходилось претерпѣвать побои, и онъ всякій разъ чувствовалъ, что это больно. Сверхъ того, какъ онъ ни былъ обмятъ и обколоченъ, но не могъ въ то же время не сознавать, что это и стыдно. Но если даже ему каза-

лось больно и стыдно принимать побои, то каково же должно это казаться тому, кто въ продолженіе цѣлой жизни не испытывалъ ни малѣйшей затрещины? Это соображеніе проникаетъ страшнымъ лучомъ свѣта въ его голову. Глуповецъ понимаетъ, что положеніе этого человѣка должно быть нестерпимо, и потому, если хочетъ уязвить своего противника, то распускаетъ слухъ, что его побили. И тутъ глуповецъ обругалъ своимъ собственнымъ именемъ, и тутъ Сила Терентьичъ назвалъ Терентья Силыча—Силой Терентьичемъ!

Возьмемъ третій примѣръ. Извѣстно, что глуповецъ имѣлъ совѣсть покладистую, и готовъ былъ на всякій подвигъ, лишь бы инициатива подвига исходила отъ лица, могущаго дать на водку. Стоило только поманить глуповца рукой и сказать ему: „вотъ тебѣ, Сидорычъ, двугривенный: поди и послушай тамъ-то и тамъ-то!“—и Сидорычъ устремлялся стремглавъ: онъ удѣлялъ гривенникъ своему сообщнику и на остальной гривенникъ не только подслушивалъ и подсматривалъ, но даже и присочинялъ. Съ такими теплыми парями можно было дѣйствовать широкой рукой: и дешево, и сердито. Однако подобные подвиги не всегда же сходили глуповцу съ рукъ удачно. Случалось, что ему съ замѣчательною щедростью накладывали за это и въ зубы, и въ носъ, и въ скулы, а нерѣдко повреждали и самые бока. Глуповецъ помнитъ это, и по степени полученныхъ поврежденій заключаетъ о непригодности ремесла. „Стало быть, — разсуждаетъ онъ,—скверно подглядывать, если меня бьютъ за это!“ А потому, если онъ хочетъ уязвить своего врага, то даетъ почувствовать, что онъ подкупленъ, что онъ дѣйствуетъ такъ, а не иначе, не потому, что это согласно съ его убѣжденіями, а потому, что такъ велѣно.

А глуповцы ахаютъ и вѣрятъ. Дыханіе спирается отъ радости въ ихъ зобахъ; имъ сладко и жутко отъ этихъ разсказовъ; они молодѣютъ и переносятся мыслью къ тѣмъ незабвеннымъ временамъ, когда ихъ били ежеминутно, били, не зная усталости, били и притомъ мазали сальной свѣчой по мордѣ, били и притомъ приговаривали: „не подслушивай! не мошенничай! не передергивай въ карты!“ Они вѣрятъ, они не могутъ не вѣрить, еслибы даже и хотѣли. Они такъ созданы, что не въ силахъ даже представить себѣ, чтобъ могъ существовать такой міръ, въ которомъ не было бы ни взятокъ, ни подглядыванія, ни мордобитія!

Въ этомъ случаѣ клевета пріобрѣтаетъ характеръ естественный, почти законный.

Положимъ, что горькая сила неизбѣжной судьбы приковала васъ къ Глупову, акклиматизировала среди глуповцевъ. Положимъ даже, что вы до такой степени акклиматизировались, что ничѣмъ особеннымъ и не отличаетесь отъ глуповцевъ; что у васъ, какъ и у нихъ, два желудка и только половина головы; положимъ, что вы, въ довершеніе всего, играете въ карты и не презираете водку. Повидимому, тутъ есть все, чтобъ обворожить глуповцевъ, чтобъ пріобрѣсти между ними популярность и снискать ихъ довѣріе. Однако, нѣтъ. У глуповца имѣется своего рода чутье; онъ нюхаетъ день, нюхаетъ два, и наконецъ поднюхиваетъ-таки въ васъ нѣчто несродное Глупову. И съ этой поры онъ васъ ненавидитъ, хотя и продолжаетъ цѣловать ваши руки; онъ ненавидитъ васъ тѣмъ сильнѣе, что любовь къ картамъ и снисхожденіе къ водкѣ кажутся ему съ вашей стороны лишь преднамѣреннымъ притворствомъ. Съ этихъ поръ онъ считаетъ себя вправѣ взнести на васъ всякую мерзость изъ того богатаго запаса мерзостей, который хранится въ его душѣ.

И тутъ-то именно выступаютъ на сцену истинные глуповскіе пріемы. Поговоримъ о пріемахъ.

И въ этомъ случаѣ глуповецъ остается вѣренъ самому себѣ: и здѣсь онъ прежде всего памятуетъ, что за клевету могутъ помять ему бока. Онъ знаетъ, какъ это больно, и потому дѣйствуетъ съ осторожностью.

— Вы знакомы съ мосьё Шалимовымъ?—спрашиваетъ пѣтухову свояченицу курицынъ племянникъ.

— Еще бы!—отвѣчаетъ пѣтухова свояченица.

— Правда ли, что онъ?..—подвиливаетъ курицынъ племянникъ, показывая рукою хананца.

Пѣтухова племянница, которая за минуту передъ тѣмъ даже не мечтала о возможности подобнаго вопроса, внезапно воспламеняется.

— Еще бы! да это весь Глуповъ знаетъ!—восклицаетъ она и какъ-то желчно при этомъ обдергивается.

Повидимому, это неосторожно: повидимому, пѣтухова свояченица рискуетъ, что мосьё Шалимовъ всенародно за это ее поцѣлуетъ. Однако она не смущается. Не смущается она потому, во-первыхъ, что у мосьё Шалимова нѣтъ привычки цѣловать морвёзокъ, а во-вторыхъ,

потому, что она ни на минуту не забываетъ, что живетъ въ Глуповѣ, и что въ этомъ любезномъ городѣ есть такое болото, которое въ одну минуту засосетъ въ себя какую угодно мерзость.

И дѣйствительно, вѣдь за курицынымъ племянникомъ является къ ней на выручку индѣйкинъ сынъ.

— А вы знаете, что̀ курицынъ племянникъ разсказывалъ про мосьё Шалимова?—спрашиваетъ она его.

Индѣйкинъ сынъ разѣваетъ ротъ.

— Онъ говоритъ, что мосьё Шалимовъ ужаснѣйшій взяточникъ!—продолжаетъ она и, въ видахъ собственнаго своего огражденія, прибавляетъ:—впрочемъ, это не можетъ быть!

Но индѣйкинъ сынъ уже проглотилъ. Онъ берется за шляпу и спѣшитъ подѣлиться новостью съ куликовой тещей, которая въ свою очередь передастъ ее цаплину внуку, а цаплинъ внукъ сообщаетъ сестрицамъ-чекушечкамъ.

— Слыхали? Слыхали?—стонетъ болото.

— А слыхали ли вы, какую намедни нашъ чибисъ трёпку мосьё Шалимову задалъ?—вызывается кукушкинъ сирота.

— Неужто?

— Лопни мои глаза!

— Да кто жъ это видѣлъ?

— Да гдѣ жъ это случилось?

— Ай да чибисъ!

— А я такъ напередъ зналъ, что наше болото задастъ себя знать! Ай да лихо!

Мосьё Шалимовъ сидитъ въ это время дома и, по своему обыкновенію, скорбитъ о глуповцахъ. Онъ думаетъ о томъ, какими средствами можно бы сдѣлать изъ нихъ умновцевъ, и до такой степени погруженъ въ свои мечтанія, что даже не замѣчаетъ, что противъ него уже съ полчаса, какъ очарованный, сидитъ индѣйкинъ сынъ и очевидно старается нетерпѣніемъ нѣчто снаушничать. Натурально, мосьё Шалимовъ, выслушавъ мерзость, прежде всего плюетъ, но потомъ размышляетъ и такъ, что не жирно ли будетъ, если курицынымъ дѣтямъ будутъ даромъ проходить всѣ ихъ противоестественности. Расправа.

— А ну̀те, подлецы!—говоритъ мосьё Шалимовъ:—сказывайте, кто изъ васъ первый эту пакость выпустилъ?!

— Это не я, это цаплинъ мужъ!—сѣшитъ прежде всѣхъ отозваться пѣтухова жена.

— Это не я, это сестрицы-чекушечки выдумали!—оправдывается цаплинъ мужъ.

— Что ты? пьянъ, что-ли? Не при тебѣ ли куликова сноха это разсказывала?—щебечутъ, не на шутку струсивъ, сестрицы-чекушечки.

— Анъ сами вы пьяны! Не вѣрьте имъ, добрые люди. вѣдь онѣ извѣстныя сплетницы!—возражаетъ куликова сноха.

И тутъ начинается одна изъ тѣхъ сценъ взаимныхъ поклоновъ и обоюдныхъ доносовъ. истинная прелесть которыхъ понятна только глуповцу. Въ продолженіе многихъ часовъ воздухъ оглашается односложными возгласами. въ родѣ: „нѣтъ, ты!“ анъ, ты!“—покуда, наконецъ, кукушкинъ сирота не наплюетъ въ глаза цаплину мужу, въ доказательство своей невинности.

Засосало! засосало-таки проклятое болото!

Нѣтъ сомнѣнія, что существуетъ же на свѣтѣ тотъ курицынъ сынъ, который считаетъ для себя полезнымъ и выгоднымъ наклеветать на Шалимова; но кто именно этотъ курицынъ сынъ, и какая именно курица, дымчатая или крапчатая, высидѣла такую ехидную гадину, это остается тайною глуповской почвы и глуповской природы.

Однако, постой же, достойный сынъ Глупова! умѣрь на минуту клеветническій пылъ свой и объяснимся!

Я очень хорошо понимаю, что ты имѣешь полное право клеветать. Ты глуповецъ, и въ качествѣ глуповца не можешь себѣ представить оружія болѣе дѣйствительнаго. Ты убѣжденъ, что Шалимовъ былъ непричастенъ тому опозориванію, которое надѣлало тебѣ столько хлопотъ—итакъ, клевещи на него, обличай его, удовлетворяй потребности твоего сердца безъ церемоній!

Но для чего ты хоронишься? для чего ты бѣжишь въ кусты, когда нить изслѣдованія приводитъ къ тебѣ? Для чего ты не говоришь прямо: „да, это я солгалъ! это я наклеветалъ!“

Не оттого ли, что ты жалѣешь свои щеки? Нѣтъ, ты не жалѣешь ихъ. Ты очень хорошо понимаешь, что онѣ самой природой созданы для пощечинъ; ты неоднократно доказывалъ это самымъ убѣдительнымъ образомъ, ибо не только безгорестно принималъ пощечины, но

даже, немедленно послѣ того, отправился играть въ бабки. Не оттого ли, что въ тебѣ еще остались кой-какіе огрызки совѣсти, которые мѣшаютъ тебѣ смотрѣть прямо въ глаза честнымъ людямъ послѣ такого подвига? Нѣтъ, и не оттого, ибо ты достаточно совершалъ на своемъ вѣку и не такихъ подвиговъ, и всегда смотрѣлъ на свѣтъ Божій не только прямо, но даже съ нахальствомъ.

Сказать ли тебѣ, почему ты прячешься?

Ты прячешься потому, что чувствуешь паническій страхъ при одномъ имени Шалимова. Шалимовъ, въ твоихъ понятіяхъ, не просто молотъ, могущій раздробить твою голову, не просто стуча, которая можетъ стереть тебя въ табакъ: Шалимовъ—это принципъ, который подрываетъ всѣ основы твоей внутренней жизни, Шалимовъ—это навѣки нарушенный твой сонъ.

Еще никогда въ жизни ты не испытывалъ такого потрясенія, какое испытываешь въ настоящее время. Въ тебѣ совершился цѣлый психологическій переворотъ. Ты былъ убѣжденъ до сихъ поръ, что у твоей жизни есть только физическая основа, и эта сладкая мысль наполняла твою душу тѣмъ тихимъ веселіемъ, которое можетъ ощущать только невинность теленка, заранѣе увѣреннаго, что ему не грозитъ въ будущемъ недостатка ни въ сѣнѣ, ни въ рѣзкѣ. И вдругъ явились обстоятельства, доказавшія тебѣ самымъ положительнымъ образомъ, что ты заблуждался. Представь себѣ, въ самомъ дѣлѣ: вѣдь и тобою руководилъ какой-то нравственный принципъ! вѣдь и ты не все же ѣлъ, да пилъ, да посягалъ, а тоже вѣровалъ и мыслилъ!

Да, ты вѣровалъ, ты мыслилъ—это несомнѣнно, хотя вѣрованія твои были нелѣпы, хотя мысли твои были поганы. Это несомнѣнно уже по тому одному, что вотъ теперь тебя и не бьютъ, и кормятъ исправно, а тебѣ еще больнѣе, нежели въ то время, когда тебя и били, и оставляли безъ обѣда. Ты въ первый разъ понялъ, что̀ значитъ настоятельное прикосновеніе къ нравственнымъ основамъ жизни, и какую страшную боль причиняетъ это прикосновеніе. Что̀ плюха? —съѣлъ плюху, съѣлъ двѣ—встряхнулся и пошелъ щеголять по старому... Но тутъ вѣдь сердце умираетъ отъ боли! но тутъ вѣдь кровь разлагается въ жилахъ отъ жестокаго обращенія!

И всѣ эти бѣдствія, и все это нравственное посрамленіе причинилъ тебѣ Шалимовъ и ему подобные! Истинно говорю тебѣ, что по-

нимаю всю ненависть, которая должна закипать въ твоемъ сердцѣ при одномъ упоминовеніи этого имени!

Но откуда, однако, эта сила въ Шалимовѣ? Почему же онъ сила, а сосѣдъ твой, Флоръ Лаврентьичъ Ржанищевъ—навозъ, а другой твой сосѣдъ, отставной капитанъ Постукинъ—бутыль, наполненная желудочной настойкой? Повидимому, и общественное глуповское мнѣніе мало симпатизируетъ Шалимову, и массы остаются къ нему равнодушными... и все-таки онъ сила! Стало быть, есть нѣчто среднее между глуповскимъ повѣтріемъ и глуповскою массою: стало быть, есть нѣчто еще невыразившееся, но уже предосязаемое, нѣчто неизвѣстное, но уже предощущаемое, что̀ благопріятствуетъ и покровительствуетъ Шалимову.

Если желаешь, я могу тебѣ это растолковать.

Но всѣмъ признакамъ, положеніе Глупова—одно изъ самыхъ безнадежныхъ: его точитъ какой-то недугъ, который неминуемо долженъ привести къ одру смерти. Однако онъ не только не умираетъ, но даже изъявляетъ твердое намѣреніе жить безъ конца. И несмотря на видимую нелѣпость этихъ надеждъ, я не могу не раздѣлять ихъ, я не могу не признать ихъ вполнѣ основательными. Почему? А потому, достойный мой глуповецъ, что хотя сограждане твои и поражены проказой, но воздухъ Глупова чистъ, ибо освѣжается прилетающими изъ Умнова вѣтрами. Благодаря этой чистотѣ, въ глуповскомъ воздухѣ ощущается та струя честности, которая полагаетъ непереступаемыя границы нравственной распущенности глуповцевъ. Благодаря ей, глуповское міросозерцаніе не дѣлается владыкою міра, но остается въ предѣлахъ своего горшка. Благодаря ей, глуповскій аборигенъ, который съ трудомъ можетъ отличить свѣтъ отъ тьмы, не смѣетъ, однакожъ, открыто не признавать благотворной, всепроникающей силы добра, точно такъ же, какъ ни одинъ глуповскій jeune homme bien élevé не рѣшится сказать, что громъ оттого бываетъ, что Илья пророкъ по небу ѣздитъ, хотя навѣрное знаетъ, что въ этомъ именно и заключается единственная и настоящая причина грома.

Сойди въ трущобы своего собственнаго сердца, о, глуповецъ, и очисти ихъ отъ наслоившагося вѣками навоза! И тамъ ты отыщешь зачатки нѣкоторой застѣнчивости, и тамъ ты доскребешься до чего-то похожаго на робкое признаніе силы добра! Конечно, этотъ эмбріонъ

стыдливости слишкомъ слабъ, чтобъ подѣйствовать рѣшительно на твое собственное нравственное возрожденіе, но все-же онъ достаточенъ, чтобъ внести въ твою душу тотъ спасительный трепетъ, который не дозволитъ ей испугаться надъ тѣмъ, что, по общему, вселенскому сознанію, признается за добро.

Ты не отречешься отъ клеветы, но будешь клеветать потихоньку. Ты не отречешься отъ клеветы, но, клевеща, будешь озираться кругомъ, не подслушиваетъ ли тебя кто-нибудь. Ты не отречешься отъ клеветы, но при первомъ шорохѣ струсишь, но при первомъ настоятельномъ вопросѣ отопрешься и скажешь: „это не я, это Пидѣйкина дочь!“

Да, и въ самыхъ растлѣнныхъ обществахъ имѣется своего рода стыдливость; и самый великій, самый несомнѣнный подлецъ никогда еще не доходилъ до такого цинизма, чтобъ всенародно признавать себя за подлеца и гордиться этимъ званіемъ!

Вліяніе этой честной, благотворной струи, которая спасаетъ Глуповъ отъ окончательнаго разложенія, я могу доказать тебѣ многими несомнѣнными фактами.

Скажи мнѣ, напримѣръ, почему госпожа Падейкова, которая свою горничную всегда называла Аришкою, халдою и чумичкою, вдругъ начала ее называть Аришею и голубушкою? Измѣнила ли она свое воззрѣніе на нее, убѣдилась ли, что Ариша, въ самомъ дѣлѣ, стала изъ халды голубушкой? Ни то, ни другое. И госпожа Падейкова, и Ариша остались вѣрными самимъ себѣ: по прежнему, первая непреклонна въ своихъ убѣжденіяхъ; по прежнему, послѣдняя упорствуетъ въ своей халдоватости. Однако нѣчто измѣнилось между ними: во взаимныхъ отношеніяхъ ихъ поселилась какая-то холодность, дѣлающая ихъ подъ-часъ весьма непріятными. Что же произошло, что измѣнилось? А измѣнилась, другъ, та атмосфера, въ которой онѣ до сихъ поръ жили и дѣйствовали, и вслѣдствіе этого измѣненія госпожа Падейкова и хочетъ, да не смѣетъ, а дѣвка Ариша и не хочетъ, а смѣетъ. Ясно ли?

Отчего сосѣдъ мой, капитанъ Постукинъ, извѣстный цѣлому околотку какъ малый лихой и притомъ весьма развязный на руку, внезапно опустилъ длань свою, началъ хирѣть и задумываться? Отчего онъ, вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать чубукомъ наотмашь, усовершенствовалъ себя до той степени деликатности, что только стиски-

валъ свой чубучище въ рукѣ, но бить имъ никого не билъ! Получилъ ли онъ внезапно убѣжденіе, что чубукъ не составляетъ еще совершеннаго доказательства? Нѣтъ, не получилъ, и это доказывается тою судорогою, которая коверкаетъ его руку. Закралось ли въ его душу сомнѣніе насчетъ возможности получить сдачи? Нѣтъ, не закралось; ибо до самаго конца жизни онъ оставался сложеннымъ до такой степени прочно, что одинъ поверхностный взглядъ на его наружность сразу подрывалъ всякое предположеніе о возможности сдачи. Что жъ измѣнилось? И тутъ, повторяю, измѣнилась лишь атмосфера, измѣнились лишь отношенія—и ничего больше.

А если бы ты зналъ, о, достойный глуповецъ, какой страшной, неслыханной борьбы стоило Постукину его воздержаніе! Онъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду умиралъ ежемгновенно, и все молчалъ, и все курилъ трубку, и все хотѣлъ что-то высказать... и не высказалъ! Съ тѣмъ мы его и похоронили. Только на-послѣдяхъ, передъ самой своей кончиной, онъ собралъ своихъ челядинцевъ и сказалъ имъ:

— Ну, подлецы, прощайте! По крайней мѣрѣ, не при мнѣ...

Но и тутъ не досказалъ, и тутъ сама судьба не допустила его отдать на поруганіе тайну его сердца.

Отчего у другого моего сосѣда, отставного прапорщика Сидорова, прислуга вдругъ объявила, что не хочетъ кислаго молока хлебать? Измѣнилось ли свойство молока? Сдѣлались ли желудки менѣе устойчивыми? Ни то, ни другое. Еще вчера ѣла прислуга то же самое молоко, ѣла и видъ здоровый и бодрый имѣла. Ѣли это самое молоко отцы, ѣли дѣдушки, а никогда-таки на животы не жаловались—и вдругъ словно вотъ оборвалось! Тщетно господинъ Сидоровъ уговариваетъ ихъ: „что-моль вы, сударики,—вафель что-ли вамъ хочется?“ Тщетно онъ подбѣгаетъ то къ одному, то къ другому: „а ну-ко, Егоръ!“—„а ну-ко, Прохоръ!..“ Увы! ни въ комъ не находитъ онъ никакого раскаянія! Что жъ измѣнилось? Опять-таки измѣнилась одна атмосфера: „не ѣшь, братцы, молока!“—да и набашъ!

Отчего ключница Матрена, видѣвшая прежде во снѣ, что доитъ коровъ, либо на погребъ за огурцами ходитъ, съ нѣкотораго времени видитъ, что гуляетъ въ саду по цвѣтамъ? Оттого, что атмосфера измѣнилась.

Отчего госпожа Антонова, какъ только войдетъ въ комнату исто-

никъ Стенушка, тотчасъ же прерываетъ интересный разговоръ и предупреждаетъ своего собесѣдника: „парле франсе, доместикъ иси“? Оттого, что атмосфера измѣнилась.

Многіе глуповцы, пораженные столь неожиданными для нихъ явленіями, прежде всего ищутъ объяснить ихъ себѣ чисто внѣшнимъ образомъ. Имъ все кажется, что тутъ дѣйствуютъ какіе-то зачинщики и подстрекатели, безъ тайныхъ козней которыхъ все шло бы какъ по маслу. Такъ, напримѣръ, господинъ Сидоровъ утверждаетъ, что начало всей смутѣ положилъ Егорка-Лысый, а госпожа Антонова божится и клянется, что перемѣна въ характерѣ сновидѣній ключницы Матрены произошла именно съ тѣхъ поръ, какъ эта подлая тварь снюхалась съ подлецомъ Тонкой. Пріятель мой Ударъ-Ерыгинъ идетъ въ этомъ случаѣ еще дальше. Когда до его свѣдѣнія доходитъ слухъ о подобной смутѣ, онъ даже не дастъ себѣ труда разобрать, въ чемъ дѣло, но просто-на-просто приказываетъ отобрать пятокъ или десятокъ зачинщиковъ.

Однако опытъ и добросовѣстныя изслѣдованія самымъ положительнымъ образомъ доказываютъ, что подобный способъ оцѣнки явленій совершенно несостоятеленъ.

Допустимъ, что Егорка-Лысый дѣйствительно первый сказалъ: „не пей, братцы, кислаго молока!“—но почему же онъ сказалъ это? Почему онъ вчера не говорилъ ничего, а нынче сказалъ? Почему, наконецъ, не предположить и того, что если бы Егорка, на одну только минуту, прикусилъ себѣ языкъ, то эти же самыя слова не были бы высказаны прежде него Антипкой или Прошкой? А можетъ быть, Егорка далъ еще довольно умѣренную форму требованіямъ, долгое время таившимся на днѣ всѣхъ вообще сердецъ Прошкиныхъ? А можетъ быть, не вырази этого требованія Егорка, выразилъ бы его Филька-Косачъ, и тогда Богъ вѣсть, какая вышла бы изъ этого кутерьма? А можетъ быть, Егорка явился еще миротворцемъ: можетъ быть, своимъ вмѣшательствомъ онъ еще спасъ дѣло?

Но, конечно, еще болѣе несостоятельной представляется манера Ударъ-Ерыгина. Тутъ все случайно, тутъ все такъ-таки просто ни на что не похоже. Почему именно пятокъ, а не десятокъ зачинщиковъ? И какихъ зачинщиковъ: блондиновъ или брюнетовъ? И если блондиновъ, то почему не брюнетовъ?

Я серьезно обращаю вниманіе гг. Сидорова и Ударъ-Ерыгина на

эти вопросы и приглашаю ихъ размыслить, ибо, мнѣ кажется, они смотрятъ на это дѣло слишкомъ легко.

Конечно, если взирать съ высоты глуповскихъ на всѣхъ этихъ Антипокъ и Прошекъ, которые тамъ внизу копошатся, то кажется, что они составляютъ безразличную массу, и что, въ смыслѣ общеглуповскихъ интересовъ, все равно, кого ни вырвать изъ этой массы: Антипку или Прошку. Но это не такъ. Микроскопическія наблюденія доказываютъ намъ до очевидности, что каждый изъ этихъ Антипокъ имѣетъ свое собственное очертаніе. Затѣмъ наблюденія психологическія доказываютъ еще больше: они доказываютъ, что каждый Антипка имѣетъ не только свое собственное очертаніе, но и свою собственную нравственную физіономію, такъ что если, напримѣръ, Антипку высѣкутъ понапрасну, а Прошку не высѣкутъ и за дѣло, то оба они этимъ обижаются. Стало быть, и сѣчь не слѣдуетъ зря, а тоже разсматривать. Это первый результатъ, къ которому должно привести размышленіе.

А второй результатъ будетъ заключаться въ томъ, что и Антипка, и Прошка, послѣ тщательнаго разбора дѣла, навѣрное очистятъ себя отъ всякихъ несправедливыхъ нареканій. Антипка скажетъ: „не я!“, Прошка скажетъ: „не я!“ — и оба будутъ правы, ибо виноватъ не Антипка, а время, а струя, которая, несмотря ни на что, держится себѣ да держится въ глуповскомъ воздухѣ.

Итакъ, вотъ почему ты весь трясешься при одномъ имени Шалимова, курицынъ сынъ! Вотъ почему ты боишься его пуще палки и боя смертнаго! вотъ почему ты прячешься!

Но какъ ни искусны дѣйствія клеветника, какъ ни безслѣдно засасываются они болотомъ, составляющимъ поприще клеветы, тѣмъ не менѣе положеніе его должно быть ужасно.

Каждую минуту онъ долженъ опасаться, что вотъ-вотъ его уличатъ; каждую минуту онъ долженъ трепетать, что вотъ-вотъ настанетъ страшное мгновеніе, когда онъ вынужденъ будетъ всенародно назвать себя клеветникомъ!

А ну, какъ болото не засосетъ?

А ну, какъ индѣйкинъ сынъ смалодушествуетъ?

И пораженному ужасомъ воображенію клеветника представляются какъ живыя всѣ малѣйшія подробности, вся мелочная обстановка, сопровождавшая его гнусный поступокъ. Тогда-то онъ былъ тамъ-то

и сказалъ то-то („еще въ это время ветчину съ горошкомъ подавали!“ —подсказываетъ Глуповское брюхо); тогда-то, при такихъ-то свидѣтеляхъ, курицына дочь высказала такую-то мерзость, и онъ не только не протестовалъ, но даже сомнительно улыбнулся (цаплина внучка чай разливала!“ — подсказываетъ брюхо); тогда-то онъ до такой степени увлекся, что выставлялъ себя даже очевидцемъ небывалаго происшествія („не хотите ли еще кусочекъ каплуна?“ — спрашивала его въ это время куликова теща).

Волосы шевелятся на головѣ его, во рту дѣлается горько...

Что плюха?—видалъ онъ на своемъ вѣку виды! И десять, и сто плюхъ съѣсть ничего; но быть униженнымъ передъ своей братіей, но попасться, но быть пойманнымъ, но быть названу подлецомъ въ такое время, когда подлецы перестаютъ производить фуроръ — вотъ гдѣ ужасъ! вотъ казнь, которую онъ не могъ предвидѣть, и ожиданіе которой заставляетъ его всечасно блѣднѣть и умирать!

Только воръ можетъ испытывать нѣчто подобное, когда лѣзетъ ночью въ окно чужого дома...

Но, кромѣ страха, клеветникъ долженъ по временамъ ощущать и приливы раскаянія. Когда впечатлѣніе, произведенное ошпариваніемъ, ослабѣваетъ, онъ не можетъ не сознавать, что происшествіе, столь много его огорчившее, исходитъ не отъ Шалимова, но вообще отъ силы ошпаривающихъ обстоятельствъ. И тогда онъ начинаетъ ругать себя подлецомъ и свиньею, и даже изъявляетъ намѣреніе намазать свой глупый языкъ горчицей.

Только каплунъ можетъ испытывать нѣчто подобное, когда, думая, что поймалъ носомъ кусокъ творогу, онъ внезапно догадывается, что поймалъ кусокъ извести.

Въ уваженіе этого глупаго страданія, во вниманіе къ этому нелѣпому раскаянію, убѣждаю тебя, Шалимовъ: плюнь на клеветника!

Для тебя это тѣмъ легче сдѣлать, что наблюденія надъ общимъ строемъ глуповской жизни должны были дать тебѣ удовлетворительный матеріалъ для плеванія и достаточно развить въ тебѣ способность къ такому способу выраженія чувствъ и движеній души. Плюй же смѣло! плюй прямо, плюй направо, плюй налѣво: можетъ быть, доплюешься и до клеветника!

Помни, что Глуповъ не можетъ не клеветать, потому что онъ возрождается. Возрожденіе вызвало въ немъ новыя страсти и новыя

понятія, но прежде всего вызвало ненависть къ самому возрожденію. Хоть это, повидимому, и противорѣчіе, но оно разрѣшается очень просто. Еще не остылъ въ Глуповѣ потъ прежней, горячечной его жизни; еще не перегорѣлъ внутри его старый хламъ, наконленный вѣками; онъ все еще прежній, ветхій Глуповъ, который такъ забавлялъ тебя своимъ оригинальнымъ міросозерцаніемъ... Странно было бы, если бы онъ покончилъ со своимъ прошлымъ, не поговоривъ немного, не сневѣжничавъ хоть ради очищенія совѣсти!

Но, быть можетъ, ты возразишь, что глуповскія палестины обширны, и клевета разливается въ нихъ съ зазорною быстротой. Скучно и досадно жить посреди жалкаго гвалта, поднимаемаго курицыными дѣтьми; омерзительно видѣть эти глупо разинутые рты, эти выпученные отъ радостнаго удивленія глаза. И не потому досадно, что трогаетъ самый крикъ курицыныхъ дѣтей, но потому, что крикъ лѣзетъ въ уши, что онъ поерамляетъ мысль, что онъ, во что бы то ни стало, хочетъ вгрызться въ существованіе, совершенно непричастное глуповской жизни.

Согласенъ; дѣйствительно, все это и скучно, и омерзительно. Но въ такомъ случаѣ, не лучше ли сразу покончить съ Глуповымъ?

Ты самъ отчасти виновенъ въ томъ, что Глуповъ сдѣлался развязенъ, что онъ забылъ пословицу, что розга для его же добра существуетъ. Ты былъ слишкомъ снисходителенъ къ глуповцамъ, ты слишкомъ якшался съ ними. Ты самъ нѣкоторымъ образомъ заразился глуповскими привычками, сдѣлался причастнымъ глуповскому міросозерцанію, а глуповцы, видя это, и впрямь заключили, что ты совсѣмъ сдѣлался глуповцемъ. И вотъ начались между ними „ха-ха“ да „хи-хи“, и вотъ появилась толпа amis cochons, которая, утерявъ всякій страхъ, приглашаетъ тебя выпить водочки и сыграть пулечку...

Сбрось съ себя эту дрянь! покончи съ Глуповымъ, и дѣлай свое дѣло, иди своей дорогой! Стань въ сторонѣ отъ Глупова, и вѣрь, что грязь его не забрызжетъ тебя!

VIII.—Наши глуповскія дѣла.

„Въ надеждѣ славы и добра,
Идемъ впередъ мы безъ боязни...“

Вотъ и опять я въ Глуповѣ: вотъ и опять потянулись заборы да пустыри: вотъ и опять широкой лентой блеснула въ глаза рѣка Большая Глуповица, и узенькой—рѣка Малая Глуповица; вотъ и опять пахнуло на меня ароматами свѣжеиспеченнаго хлѣба... Дѣтство! родина! вы ли это?

Сердце мое замираетъ: въ желудкѣ начинается невыразимо сладостная тревога... передо мною крутой спускъ, а за спускомъ играетъ и нѣжится наша милая, наша скромная, наша многоводная Глуповица! Господи! сколько стерлядей лавливали здѣсь во время оно! И какія славныя варева сочинялъ изъ нихъ поваръ Трифонычъ! Даже теперь языкъ невольно подщелкиваетъ, даже теперь разсудокъ отказывается вѣрить, чтобъ Тигръ и Евфратъ могли предложить первому человѣку что-либо подобное ухѣ изъ налимьихъ печенокъ, которую ѣстъ самый послѣдній изъ обитателей береговъ нашей родной рѣки!

Да, мы гордимся нашей рѣкой, и имѣемъ на это право, ибо Глуповица (шутка сказать!)—рѣка историческая. Во-первыхъ, на берегахъ ея кто-то кого-то побилъ. Во-вторыхъ, это истинная колыбель тѣхъ золотыхъ поросятообразныхъ стерлядей, которыми объѣдались достославные наши предки, которыми продолжаемъ объѣдаться и мы. Въ Глуповицѣ, какъ въ неподкупномъ зеркалѣ, отражается вся жизнь Глупова. Вмѣсто того, чтобъ утомлять свой умъ наблюденіями надъ живыми проявленіями жизни, историку и этнографу стоитъ только взглянуть на гладкую поверхность славной нашей рѣки — и всякая завѣса, будь это самая плотная, мгновенно спадаетъ съ его глазъ. Глуповъ и рѣка его — это два близнеца, во взаимной нераздѣльности которыхъ есть нѣчто трогательное, умиляющее.

Весною Большая Глуповица широко разливается. Холодныя, мутныя волны лѣниво перекатываются отъ одного берега къ другому, а надъ рѣкой стоитъ какой-то пріятный, разслабляющій гулъ. Не бурлитъ родимая Глуповица, разливая по лугамъ и ложбинамъ сокровища утучняющей влаги; ничего и никого не уноситъ она въ те-

ченіи своемъ: не слышно ни треску, ни гвалта въ воздухѣ, когда, освободившись отъ зимнихъ оковъ, вдругъ хлынетъ на вольный свѣтъ черная, негостепріимная масса водъ... Нѣтъ, учтиво и благодушно разливается наша Глуповица; неохотно и неуклюже лѣзутъ волны ея одна на другую, производя тотъ вѣжливый, разслабляющій гулъ, о которомъ говорится выше. Подъ этотъ гулъ славно спится глуповцамъ.

Лѣтомъ Глуповица пересыхаетъ. Тамъ, гдѣ темнѣли бурныя волны, выглядываютъ острова песковъ рудожелтыхъ; лукавая корова охотно рискуетъ переправиться вбродъ, чтобъ забиться въ поемные луга; безчисленныя стада водяныхъ курочекъ обсѣдаютъ песчаные берега и тоскливымъ своимъ крикомъ приводятъ въ раздраженіе нервы заѣзжаго человѣка-необывателя; вода свѣтла и прозрачна; сладко, чуть слышно журчитъ рѣка, катя въ безконечную даль голубую ленту струй своихъ. Подъ это журчаніе славно спится глуповцамъ.

Осенью Глуповица надувается и какъ будто проявляетъ желаніе подурить. Я охотно хожу тогда посмотрѣть на рѣку: все мнѣ кажется, что она собирается какую-то неслыханную дебошъ сдѣлать. Но ожиданіе мое напрасно. Тщетно вглядываюсь я въ колышащуюся пучину водъ; тщетно жду: вотъ-вотъ разверзнется эта пучина, и изъ зіяющей пропасти встанетъ чудище рыба-китъ! Вмѣсто того, я слышу только, какъ шлепаютъ волны о берега, какъ онѣ разлетаются въ брызгахъ, и опять шлепаются, и опять разлетаются... Подъ звуки этого шлепанія славно спится глуповцамъ.

Но вотъ наступаетъ и зима. Зимою славно спится глуповцамъ подъ звуки собственнаго своего храпѣнія.

Нѣкоторые мѣстные изслѣдователи полагаютъ, что отъ рѣки Большой Глуповицы поднимаются какіе-то пары особенные, которые сотворимымъ образомъ дѣйствуютъ на жителей Глупова. Напротивъ того, другіе изслѣдователи полагаютъ, что пары поднимаются собственно отъ обывателей и сотворимымъ образомъ дѣйствуютъ на Глуповицу. Я, съ своей стороны, склоняюсь къ послѣднему мнѣнію, ибо я самъ однажды видѣлъ, какъ нѣчто въ родѣ пара поднималось надъ лысиной прокурора, когда онъ, безъ шапки, возвращался съ обѣда отъ откупщика.

Особы, люди и людишки, наѣздомъ посѣщающіе Глуповъ, не нарадуются на него. Во всякое время, когда угодно, тишина и благо-

раствореніе воздуховъ: даже среди бѣлаго дня, когда, какъ извѣстно, въ Вавилонѣ происходило столпотвореніе, Глуповъ откликается на зовъ жизни только тѣмъ, что собаки, спавшія досель у воротъ, свернувшись калачикомъ, начинаютъ потягиваться и повиливать хвостами. Одинъ заѣзжій антекарь, взирая на эту картину мира и безмолвія, даже заплакалъ отъ умиленія. Онъ вообразилъ себѣ, что въ большихъ каменныхъ домахъ, ограничивающихъ главную улицу, обитаютъ трудолюбивые сапожники, богобоязненные колбасники и друзья порядка — булочники, что колбасники отдыхаютъ отъ трудовъ среди вымывшихъ руки женъ и дочерей; что старшая дочь, бѣлокурая Гретхенъ, читаетъ собравшемуся семейству трогательную повѣсть Лафонтена, а маленькій сынишка Карлъ, завладѣвши, съ дозволенія папаши, негодной кишкой, набиваетъ ее лоскутами и всякою дрянью, воображая, что дѣлаетъ колбасу... И много потребовалось усилій, чтобъ растолковать честному нѣмцу, что тишина происходитъ совсѣмъ не оттого, что городъ населенъ колбасниками, а оттого, что таково прирожденное свойство обитателей Глупова (ихъ грѣхъ первородный): не могутъ они шевелиться, ибо отяжелѣли. Начальствующіе отдыхаютъ въ объятіяхъ секретарей, помѣщики — въ объятіяхъ крѣпостного права, купцы — въ объятіяхъ единоторжія и надувательства. Чтобъ повѣрить такой отзывъ, антекарь сталъ вслушиваться въ эту тишину, и до слуха его дѣйствительно долетѣли странные ночные звуки. Услышавъ ихъ, нѣмецъ покраснѣлъ и поспѣшно сталъ собираться въ дорогу, а обыватели, провожая его сонными глазами, приговаривали: „что̀ русскому здорово, то̀ нѣмцу смерть!“

У Глупова нѣтъ исторіи. Всякая вещь имѣетъ свою исторію; даже старый губернаторскій вицъ-мундиръ имѣетъ свою исторію („а помните, какъ на обѣдѣ у градскаго головы его превосходительству вицъ-мундиръ соусомъ облили?“ — любятъ вопрошать другъ друга глуповцы), а у Глупова нѣтъ исторіи. Разсказываютъ старожилы, что была какая-то исторія, и хранилась она въ соборной колокольнѣ но впослѣдствіи нѝ то крысами съѣдена, нѝ то въ пожаръ сгорѣла („помните, въ тотъ самый пожаръ, передъ которымъ тараканы изъ города поползли, и во время котораго глуповцы, вмѣсто того, чтобъ тушить огонь, только ахали да въ колокола звонили?“).

Разсказываютъ, что было время, когда Глуповъ не назывался Глуповымъ, а назывался Умновымъ, но на бѣду сошелъ нѣкогда на

землю громовержецъ Юпитеръ и, обозрѣвая владѣнія свои, завернулъ и въ Глуповъ. Тоска обуяла Юпитера, едва взглянулъ онъ на рѣку Большую Глуповицу, болѣзненная спячка такъ и вилась въ него, какъ будто говоря: „а! ты думаешь, что Юпитеръ, такъ и отвертишься! шалишь, братъ!“ Однако Юпитеръ отвертѣлся, но въ намять пребыванія своего въ Умновѣ повелѣлъ ему впредь именоваться Глуповымъ, чѣмъ глуповцы не только не обидѣлись, но даже поднесли Юпитеру хлѣбъ-соль.

Наѣзжала еще въ Глуповъ Минерва-богиня. Пожелала она, матушка, знать, какую это думу мудреную думаетъ Глуповъ, что все словно молчитъ да на усъ себѣ мотаетъ, какіе есть у него планы и соображенія насчетъ глуповскихъ разныхъ дѣлъ. Вотъ и созвала Минерва вѣрныхъ своихъ глуповцевъ: „скажите-дескать мнѣ, какая это крѣпкая дума въ васъ засѣла?“ Но глуповцы кланялись и потѣли; самый, что называется, горланъ ихній хотѣлъ-было сказать, что глуповцы головой скорбны, но не осмѣлился, а только взопрѣлъ пуще прочихъ. „Скажите, что жъ вы желали бы?“ настаивала Минерва и топнула даже ножкой отъ нетерпѣнія. Но глуповцы продолжали кланяться и потѣть. Тогда, Богъ вѣсть откуда, раздался голосъ, который во всеуслышаніе произнесъ: „лихо бы теперь соснуть было!“ Минерва милостиво улыбнулась; даже глуповцы не выдержали и засмѣялись тѣмъ нутрянымъ смѣхомъ, которымъ долженъ смѣяться Иванушка-дурачокъ, когда ему кукишъ показываютъ. Съ тѣхъ поръ и не тревожили глуповцевъ вопросами.

Глуповцы и доселѣ съ умиленіемъ передаютъ эти преданія, какъ въ назиданіе юному поколѣнію, такъ и въ удовлетвореніе любознательности изслѣдователей-энтузіастовъ, которые и до сего часа не перестали вѣровать въ возможность исторіи Глупова. Путешествующимъ археологамъ охотно показываютъ домъ, въ которомъ останавливался Юпитеръ, и комнату, въ которой подписанъ былъ указъ о наименованіи города Глуповымъ. Скажу даже, что послѣ гармоники и разсказовъ о невзгодахъ, которымъ подвергался губернаторскій вицъ-мундиръ на различныхъ обѣдахъ и пирахъ, передача этихъ преданій составляетъ любимѣйшее занятіе глуповцевъ. И при этомъ изъ внутренностей ихъ излетаетъ тотъ самый смѣхъ, которымъ смѣялись достославные ихъ предки во время переговоровъ съ Минервою.

Охотники также глуповцы покалякать на досугѣ о разныхъ губер-

наторахъ, которые держали въ рукахъ своихъ судьбы ихъ сновидѣній. Были губернаторы добрые, были и злецы; только глупыхъ не было—потому что начальники! Былъ Селезневъ губернаторъ; этотъ, какъ добрался до Глупова, первымъ дѣломъ уткнулся въ подушку, да три года и проспалъ.

— Такъ сонаго, сударь, и смѣнили!—прибавляетъ отъ себя убѣленный сѣдинами глуповецъ-старожилъ.

А то былъ губернаторъ Воиновъ, который въ полгода чуть вверхъ дномъ Глупова не поставилъ; позвалъ-это предъ лицо свое глуповцевъ, да какъ затопочетъ на нихъ: „только никните у меня, говоритъ, всѣхъ правъ состоянія лишу, на каторгу всѣхъ разошлю!“

— А мы, сударь, и не никали совсѣмъ,—прибавляетъ отъ себя тотъ же убѣленный сѣдинами разсказчикъ.

— Однако, не что̀ взялъ, умаялся!—замѣчаетъ другой обыватель и, позѣвывая, удаляется на печку спать.

Достославный Селезневъ! и до сихъ поръ въ глазахъ глуповцевъ не изсякаетъ источникъ благодарныхъ слезъ при воспоминаніи о тебѣ! То-то было времечко! то-то были хлѣбъ и соль великое! Еще недавно собирались глуповцы около колокольни (той самой, гдѣ съѣдена крысами исторія Глупова) потолковать о томъ, не слѣдуетъ ли монументъ воздвигнуть для увѣковѣченія твоего имени, но толковать не осмѣлились и, помахавши руками, разошлись по домамъ.

Разсказываютъ еще о губернаторѣ рыжемъ, въ которомъ только и имѣлось замѣчательнаго, что онъ былъ рыжій, и глуповцы пугали имъ дѣтей своихъ, говоря: „погоди вотъ! ужо̀ рыжій чортъ придетъ!“

Разсказываютъ еще о губернаторѣ сивомъ, о губернаторѣ каремъ, о губернаторѣ, красившемъ свои волосы, „да такъ, сударь, пречудесно̀йше, что всѣ только ахали!“

— А помните ли, Иванъ Саввичъ, Кузьму Петровича Фютяева? Какая ихняя барыня преотмѣнная была?—говоритъ старожилъ Павелъ Трифонычъ.

— Ужъ такая-то преотмѣнная, что, кажется, и не нажить намъ другой такой!—отвѣчаетъ Иванъ Саввичъ:—въ тѣ поры, какъ родился у меня Ванюшка, она сама его, покойница, посадила на ладоночку, да и говоритъ мнѣ-ка: „молодецъ, говоритъ, будетъ у тебя Ванюшка, торговецъ!“ Такая была барыня предобрѣйшая!

И жадно внимаетъ этимъ разсказамъ путешественникъ-археологъ,

жадно вписываетъ въ записную свою книжку каждую крупицу, каждую мелкую срамоту и, возвратясь въ Петербургъ, предаетъ собранные матеріалы тисненію. Но тщетно пыжится археологъ; тщетно надувается онъ, въ надеждѣ, что пишетъ о глуповцахъ для глуповцевъ же, которые, пожалуй, и не различатъ анекдотовъ отъ исторіи: исторіи Глупова все-таки нѣтъ какъ нѣтъ, потому что ее съѣли крысы!

Въ то счастливое время, когда я процвѣталъ въ Глуповѣ, губернаторъ тамъ былъ плѣшивый, вице-губернаторъ плѣшивый, прокуроръ плѣшивый. У управляющаго палатой государственныхъ имуществъ хотя и были цѣлы волосы, но такая была странная физіономія, что съ перваго и даже съ послѣдняго взгляда онъ казался плѣшивымъ. Соберется, бывало, губернскій синклитъ этотъ да учнетъ о судьбахъ глуповскихъ толковать—даже мухи мрутъ отъ рѣчей ихъ, таково оно тошно!

— А что, Василій Иванычъ!—скажетъ губернаторъ управляющему палатой государственныхъ имуществъ:—нельзя ли черноглазовскому лѣсничему внушить, чтобъ рябчиковъ для меня пострѣляли?

— Какъ изволите приказать, ваше превосходительство!—отвѣтитъ управляющій.

— Н-да: поваръ у меня таперича манную кашу какую-то на рябчиковомъ бульонѣ выдумалъ: пропасть рябчиковъ выходитъ!—объяснитъ губернаторъ.

— А замѣтили, ваше превосходительство, какую вчера у Порфирія Петровича стерлядь за ужиномъ подали?—молвитъ вице-губернаторъ и отъ удовольствія даже передернется весь.

Его превосходительство, вмѣсто отвѣта, только улыбнется во весь ротъ, словно арбузъ проглотить собирается.

— Это ему семиозерскій казначей въ презентъ прислалъ,—замѣтитъ прокуроръ и вздохнетъ потихоньку.

— Подмѣтивъ этотъ вздохъ, губернаторъ вновь улыбнется и ласково щелкнетъ прокурора по брюшку, и вице-губернаторъ, изловивъ налету улыбку его превосходительства, загогочетъ какъ жеребецъ и скажетъ:

— А что? вѣрно, стрянчіе-то тово...

— Вѣрно, стрянчіе-то тово!—добродушно повторитъ губернаторъ, и вслѣдъ за этимъ обратится къ присутствующимъ:—А что,

господа, бумаги-то, кажется, подписать можно? Господинъ секретарь, пожалуйте сюда бумаги!

И бумаги подписывались, а плѣшивый синклитъ удалялся въ столовую, гдѣ были ужъ приготовлены и стерлядка копченькая, и рыжечки черноглазовскіе въ уксусѣ, и груздочки соленькіе, и колбаски разныя: и съ чесночкомъ, и на мадерцѣ, и рябчиковая, и на сливкахъ...

Да хорошо еще, коли дѣло такъ обходилось. А не то, грѣховъ нашихъ ради, и взаправду начнутъ разсуждать объ дѣлахъ —вотъ когда заслушаться можно!

Секретарь докладываетъ, что на рѣкѣ Малой Глуповицѣ мостъ, отъ старости лѣтъ, опасенъ сталъ.

— Что же таперича дѣлать?—говоритъ губернаторъ.—Я полагаю, господа, городничему написать?

И обводитъ присутствующихъ глазами, словно онъ и впрямь Мартына Задеку съѣлъ.

— Да, да,—гвоздитъ вице-губернаторъ:—да не мѣшаетъ еще подтвердить, чтобъ тово... наблюлъ...

— Стало быть, предписать и подтвердить,—изрекаетъ губернаторъ.

— Осмѣлюсь доложить, ваше превосходительство...—некстати вмѣшивается секретарь.

— Извольте, сударь, писать, какъ присутствіе полагаетъ,— строго замѣчаетъ губернаторъ, и даетъ секретарю знакъ умолкнуть.

И не забудетъ, бывало, своего приказанія (злопамятный былъ старикъ!), и долго потомъ, всякій разъ, какъ секретарь подсовываетъ ему журналы подписывать, непремѣнно спроситъ:

— А это не тотъ ли, по которому присутствіе положило предписать и подтвердить городничему?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Ну, то-то же! Что присутствіе положило, то должно быть свято, молодой человѣкъ!

Мудрено ли, что глуповцы блаженствовали, видя надъ собой такое диковинное управленіе! Мудрено ли, что глуповцы земли подъ собой отъ счастія не слышали: мудрено ли, что они славословили и пѣли хвалу!

Да и общество-то какое было (само собой разумѣется, я говорю

здѣсь о высшемъ глуповскомъ обществѣ) — именно такое, какое требуется въ соотвѣтствіе описанному выше управленію! Это именно было то общество „хорошихъ людей“, о которыхъ сложилась мудрая русская пословица: „сальныхъ свѣчей не ѣдятъ и стекломъ не утираются!“ Глуповъ и Глуповица, управляющіе и управляемые — все это, взятое вмѣстѣ, представляло такую сладостную картину гармоніи, такое умилительное позорище взаимныхъ уступокъ, доброжелательства и услугъ, что сердцу дѣлалось больно и самый носъ начиналъ ощущать какъ бы приливъ благородныхъ чувствъ.

Увы! тинь „хорошихъ“ людей добраго стараго времени исчезаетъ и стирается съ каждымъ днемъ, почти съ каждой минутой! Увы! нынче даже отличные люди не ѣдятъ сальныхъ свѣчей!

И потому, опасаясь, чтобъ тинь этотъ не затерялся совсѣмъ, я постараюсь возстановить характеристическія черты его, въ назиданіе отдаленному потомству.

Между „хорошими“ людьми добраго стараго времени (old merry Glouposf) много было плутовъ, забулдыгъ и мерзавцевъ pur sang. Почему они назывались „хорошими“ людьми, а не каналіями, это тайна глуповской почвы и глуповской природы. Но, разбирая дѣло внимательно, полагаю, что это происходило оттого, что надъ упомянутыми выше качествами парило какое-то добродушіе, какая-то атласистость сердечная, при существованіи которыхъ какъ-то неловко думать о вмѣняемости. Для объясненія прибѣгну къ примѣрамъ. Бывало, „хорошій“ человѣкъ выпоретъ вилотную какого-нибудь Фильку и вслѣдъ затѣмъ скажетъ другому такому же „хорошему“ человѣку: „а пойдемъ-ко, братъ, выньемъ по маленькой“. Развѣ это не добродушіе? Или, напримѣръ, передернетъ нечаянно въ карты (за что тутъ же получитъ возмездіе въ рождество), и вслѣдъ за этимъ воскликнетъ: „а не распить ли намъ бутылочку холоденькаго?“ Развѣ это не атласистость сердечная?

А коли есть добродушіе, коли есть атласистость, стало быть и говорить не объ чемъ: chantons, buvons et... aimons! — и все тутъ!

Сообразно съ этими наклонностями, „хорошіе“ люди и разговоры имѣли между собой самые простые, такъ сказать, первоначальные. Надо сказать правду, что „хорошій“ человѣкъ стараго времени не имѣлъ обширныхъ свѣдѣній въ области наукъ. По части исторіи запасъ его познаній не выходилъ изъ круга разсказовъ о томъ, какъ

въ тринадцатомъ году русскій бился съ нѣмцемъ объ закладъ, что сотворитъ такую пакость, отъ которой у него, нѣмца, глаза на лобъ полѣзутъ—и дѣйствительно дѣлалъ пакость на славу. По части географіи, онъ могъ утвердительно сказать только то, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ въ настоящее время играетъ въ карты и закусываетъ, росъ нѣкогда непроходимый лѣсъ, и что недавно еще уѣздный стряпчій Толковниковъ изъ окна своей квартиры бивалъ изъ ружья во множествѣ дуплей и бекасовъ. Юридическое образованіе его ограничивалось: по части правъ состоянія—отсылкою грубіяновъ на конюшню; по части гражданскаго права—выдачей заемныхъ писемъ и неплатежемъ по нимъ.

И между тѣмъ жили, пили, ѣли, женились и посягали, славословили, занимали начальственныя мѣста и пользовались покровительствомъ законовъ наравнѣ съ людьми, которымъ небезъизвѣстно даже о распряхъ, происходившихъ въ Испаніи между карлистами и христиносами.

„Хорошій“ человѣкъ имѣлъ привычки патріархальныя. Обѣдалъ рано, и въ послѣобѣденное время любилъ посвятить часокъ-другой гастрическимъ сновидѣніямъ, сопровождая это занятіе аккомпанементомъ всевозможныхъ шипящихъ звуковъ, которыми такъ изобилуютъ преисподнія глуповскихъ желудковъ. По исполненіи этого, онъ, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе двухъ часовъ не могъ придти въ себя и вилоть до самаго вечера чувствовалъ себя глупымъ. Тутъ вынивалось несчетное количество графиновъ холоднаго квасу: тутъ испускались такія страшныя потяготы и позѣвоты, отъ которыхъ содрогались на улицѣ прохожіе. „Господи! какая тоска!“—безпрестанно восклицалъ онъ, отплевываясь во всѣ стороны, и въ это время не суйся къ нему на глаза никто: разобьетъ зубы!

„Хорошій“ человѣкъ имѣлъ слабость къ женскому полу и взятыхъ имъ въ полонъ крѣпостныхъ дѣвицъ называлъ „канарейками“.

— Ну, братъ, намедни́сь какую мнѣ канарейку изъ деревни прислали! —говорилъ онъ своему другу-пріятелю:—просто перенкъ! —И при этомъ причмокивалъ, обонялъ и облизывался.

Въ обращеніи съ „канарейками“ онъ не затруднялся никакими соображеніями. Будучи того убѣжденія, что канарейка есть птица, созданная на утѣху человѣку, онъ дѣйствовалъ вполнѣ соотвѣтственно этому убѣжденію, то-есть заставлялъ ихъ пѣть и плясать, приказы-

валъ имъ любить себя и никакихъ противъ этого возраженій не принималъ. Если же со временемъ канарейка ему прискучивала, то онъ ссылалъ ее на скотный дворъ или выдавалъ замужъ за камердинера и всенепремѣнно присутствовалъ на свадьбѣ въ качествѣ посаженаго отца.

„Хорошій“ человѣкъ въ непривычномъ ему обществѣ терялся. Въ гостиной, въ особенности въ присутствіи женщинъ, онъ былъ застѣнчивъ какъ фіалка и неразговорчивъ какъ пустынножитель. Въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ онъ съ мучительнымъ безпокойствомъ поглядывалъ на дверь, ведущую въ кабинетъ хозяина, гдѣ, какъ ему извѣстно, давнымъ-давно поставлена водка и разложенъ зеленый столъ, и пользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ бочкомъ-бочкомъ проскользнуть въ обѣтованную дверь. Вообще, онъ любилъ натянуться дома, въ халатѣ, съ добрыми знакомыми, и называлъ это жуировать жизнью; въ публику же показывался рѣдко, и то въ клубахъ, и притомъ лишь тогда, когда ему было извѣстно, что тамъ соберутся такіе же теплые други-пріятели, какъ и онъ самъ. Напившись, наѣвшись и досыта наигравшись въ карты, онъ, ложась на ночь спать, съ легкимъ сердцемъ восклицалъ: „вотъ, слава Богу, я наѣлся, напился и наигрался!“

Въ это хорошее старое время, когда собрались гдѣ-либо „хорошіе“ люди, не въ рѣдкость было услышать слѣдующаго рода разговоръ:

— А ты зачѣмъ на меня, подлецъ, такъ смотришь?—говорилъ одинъ „хорошій“ человѣкъ другому.

— Помилуйте...—отвѣчалъ другой „хорошій“ человѣкъ, нравомъ посмирнѣе.

— Я тебя спрашиваю не „помилуйте“, а зачѣмъ ты на меня смотришь?—настаивалъ первый „хорошій“ человѣкъ.

— Да помилуйте-съ...

...Бацъ въ рыло!..,

— Да плюй же, плюй ему прямо въ лоханъ! (такъ въ просторѣчіи назывались лица „хорошихъ“ людей!)—вмѣшивался случавшійся тутъ третій „хорошій“ человѣкъ.

И выходило тутъ нѣчто въ родѣ свѣтопреставленія, во время котораго глазамъ сражающихся, и вдругъ, и поочередно, представлялись всевозможныя свѣтила небесныя...

„Хорошій" человѣкъ былъ патріотъ по преимуществу. Онъ зарождался, жилъ и умиралъ въ своемъ миломъ Глуповѣ. Онъ былъ, такъ сказать, продуктомъ мѣстныхъ нечистотъ; о нихъ одинѣхъ болѣло его сердце; къ нимъ одинѣмъ стремились его вожделѣнія, и никакихъ иныхъ навозныхъ кучъ онъ не желалъ, кромѣ тѣхъ, которыми окружено было его счастливое дѣтство. Петербурга онъ не любилъ и не понималъ; онъ охотно допускалъ, что хорошіе люди могутъ зарождаться въ Москвѣ, въ Рязани, въ Тамбовѣ и, разумѣется, въ Глуповѣ; но въ Петербургѣ, по его мнѣнію, могутъ существовать только вымороэки, не имѣющіе ни малѣйшаго понятія о томъ, что за блаженство ѣсть буженину, когда она изжарена въ соку и притомъ легонько натерта чесночкомъ...

Повторяю: тинъ „хорошаго" человѣка исчезаетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ и глуповское добродушіе, и глуповская сердечная атласистость. Фильку наказываютъ по прежнему, но уже безъ прибаутокъ; нередергиваютъ въ карты по прежнему, но, получая возмездіе въ рождество, уже протестуютъ и притворяются оскорбленными.

Но мы, которые были свидѣтелями и этого добродушія, и этой атласистости, мы, молодые люди прежняго времени, мы не можемъ быть равнодушными къ нашимъ воспоминаніямъ. Мы должны хранить ихъ во всей непорочности, мы должны оберегать ихъ отъ всякаго нечистаго прикосновенія. Боже! какъ было тогда все тепло и уютно! какъ любили и уважали мы этихъ доблестныхъ руководителей нашей юности! и какъ, съ другой стороны, и они радовались и утѣшались, взирая на насъ!

Да и посудите сами, можно ли было не радоваться на насъ, тогдашнихъ молодыхъ людей. Возьмите, напримѣръ, Сеню Бирюкова: что это за прелесть молодой человѣкъ былъ! Во-первыхъ, наружность чисто англійская: плечи широкія, щеки румяныя, голова выстрижена, даже сзади яшичкомъ—все какъ слѣдуетъ джентльмену. А во-вторыхъ, и занятія-то у него какія благородныя: утромъ, до двѣнадцати часовъ, ногти чистить; отъ двѣнадцати до трехъ визиты дѣлаетъ; отъ трехъ до четырехъ рубашку перемѣняетъ; потомъ ѣдетъ обѣдать къ Матренѣ Ивановнѣ; оттуда, dans l'avant soirée, къ Петькѣ Козелкову; потомъ опять рубашку мѣняетъ; потомъ, вечеромъ, къ губернатору... И вездѣ-то, во всякомъ-то домѣ умѣетъ что-нибудь

почтительное сдѣлать: у Матрены Ивановны ручку поцѣлуетъ: Петру Петровичу сообщитъ, что къ купцу Загребину въ лавку новыхъ сельдей привезли; Палагею Александровну поблагодаритъ, отъ имени маменьки, за присланный рецептъ, какъ солонину дѣлать... Или опять Свербилло-Замбржецкій Болеславъ — что это за необыкновенный малый былъ! И увлончивъ, и какъ будто самостоятеленъ, и въ душу лѣзетъ, и какъ будто кукишъ въ карманѣ кажетъ! Или Бернгардъ Форбрихеръ, или Петька Козелковъ! Да, наконецъ, и самъ я... какой я былъ тогда милый человѣкъ! Бывало, что-нибудь и совру, такъ все такое выходило милое, что у старушки Матрены Ивановны даже брюшко отъ моихъ словъ пощекочетъ, и вся она просіяетъ, а меня, грѣшнаго, только за ушко легонько потянетъ...

Удивительно ли послѣ этого, что дѣла шли безъ задоринки. Иногда вмѣшивались въ нихъ Матрена Ивановна и Палагея Александровна, но онѣ хлопотали не о мостѣ черезъ рѣку Глуповицу, а преимущественно о томъ, какъ бы порадѣть родному человѣчку.

— Матрена Ивановна просила напомнить вашему превосходительству о мѣстѣ станового для Зонтикова,—докладываетъ, бывало, Сеня Бирюковъ.

— Это для усача-то?—спрашиваетъ его превосходительство.

— Да-съ, вотъ что вчера вашему превосходительству прошеніе подалъ.

— Быть такъ... опредѣляемъ!—говоритъ его превосходительство, и потомъ, уставивъ глаза въ Сеню, повторяетъ:—во уваженіе просьбы Матрены Ивановны, опредѣляемъ усача въ становые!

И такимъ образомъ были у насъ становые-усачи, становые-бакенбардисты, становые съ бородавкой, становые шестипалые. Старикъ нашъ фамилій не помнилъ, и когда, бывало, докладываешь ему о комъ-нибудь изъ становыхъ, онъ непремѣнно спроситъ:

— Это который?

— Съ бородавкой, ваше превосходительство.

— А! съ бородавкой!

И затѣмъ ужъ понимаетъ, о комъ идетъ рѣчь.

Хотя мы сами и урожденные глуповцы, но глуповцы, такъ сказать, отборные, всплывшіе на поверхность нашего родного горшка. О томъ, что происходило тамъ, въ глубинѣ горшка, мы не тужили: мы знали, что тамъ живутъ Иванушки (Иванушки, да еще глуповскіе—

поди, раскуси такую штуку!), что Иванушками этими заправляютъ бакенбардисты и шестипалые, а бакенбардистовъ и шестипалыхъ опредѣляетъ Матрена Ивановна, у которой отмѣнно приготовляютъ пироги съ налимьими печенками, и Палагея Александровна, у которой послѣ обѣда такой liqueur des îles подаютъ, вкусивши котораго остается только убираться поскорѣй во-свояси да часика три соснуть.

Затѣмъ жизнь наша была постояннымъ праздникомъ: мы пили, ѣли, спали, играли въ карты, подписывали бумаги и, подобно сказочной бабѣ-ягѣ, приговаривали: „покатаюся, новаляюся на иванушкиныхъ косточкахъ, иванушкина мяса поѣвши!“

. . . . . .

И вѣдь нужно же было, при такой-то жизни, какому-то, прости Господи, кобелю борзому заговорить о возрожденіи! А заговорилъ! именно заговорилъ! и не отсохъ у него языкъ, и не провалился онъ сквозь землю, и не пожралъ его огонь, и не лопнули его глазыньки!

Глуповъ еще задолго блѣднѣлъ и трясся при этомъ словѣ, и все про себя шепталъ: Господи! ахъ, кабы да мимо!“ Еще задолго, при малѣйшемъ шорохѣ, онъ махалъ онучами и шугалъ, какъ шугаетъ баба-птичница, завидѣвъ въ небѣ коршуна, кружащагося надъ вновь ошупившимся стадомъ ввѣренныхъ ей цыплятъ. „Чѣмъ наша жизнь не красна?“ говорилъ онъ потихоньку: „или пуховики у насъ не толсты? или ватрушки наши не сдобны?“

— Старики-то, старики-то наши развѣ хуже насъ были?—шепталъ обыватель Сила Терентьичъ на ухо обывателю Терентью Силычу.

— На могилку, видно, ужо къ нимъ сходить!—грустно отвѣтствовалъ Терентій Силычъ.

— Эхма! жили-жили, а теперь на-поди!

— Родителей-то жалко, Сила Терентьичъ!

— Старики-то наши во-какіе были!

— Кряжистые были!

— И возможно ли теперича всѣ порядки нарушать? Чтобъ господинъ теперича у стула съ тарелкой стоялъ, а рабъ за столомъ развалившись сидѣлъ? Или, опять, чтобъ купецъ исправника въ морду билъ, а исправникъ ему за это баранка въ бумажкѣ сулилъ?

— Пра́ховое дѣло затѣяли!

— Да и то опять ты возьми, что люди-то мы непривышные. Проторили себѣ дорогу одну, ину и ходить бы по ней до скончанія!

— Это точно, что непривышные!

— У меня вонъ воронко: привыкъ на пристяжкѣ ходить—ну, и самъ бѣсъ его теперича въ оглобли не втащитъ... Такъ-то!

— Оно, пожалуй, что втащить можно!—говоритъ Терентій Силычъ, задумчиво улыбаясь.

— Оно, конечно, коли захочу втащить, отчего не втащить!—соглашается Сила Терентьичъ.

— Можно втащить!—положительно утверждаетъ собесѣдникъ.

— Отчего не втащить! Втащимъ!

— Да вѣдь отцы-то наши во-какіе были!

— Это точно, что отцы наши... пойми, другъ!

— Кряжистые были!

И затѣмъ въ продолженіе цѣлыхъ часовъ разговоръ развивался на ту же тему, и наконецъ доходилъ до такого умозступленія, что кромѣ „ахъ ты, Господи!“ да „во-какіе!“ ничего и разобрать было нельзя. Глуповцы именовали подобныя бесѣды совѣщаніями, а нѣкоторые изъ нихъ, прислушавшись къ рѣчамъ Силы Терентьича и Терентья Силыча, называли ихъ даже бунтовскими и, подмигивая другъ другу, приговаривали: „а? каково? каково катаютъ наши-то! вотъ бы кого министромъ сдѣлать—Силу Терентьича... да!“

Однимъ словомъ, мы такъ безмятежно были счастливы, такъ дѣтски невинны и довѣрчивы, что предшествовавшее слову „возрожденіе“ время, несмотря на соединенныя съ нимъ тревоги и ожиданія, все-таки ничего не вызвало на поверхность. Подойдите къ лужѣ, взбудоражьте чѣмъ ни на есть ея сяніе воды—на поверхности ихъ покажутся пузыри. Въ Глуповѣ и пузырей не показалось.

Указываютъ мнѣ на Силу Терентьича, какъ на несомнѣнный пузырь, но, ради Бога, какой же это пузырь? Я охотно соглашаюсь, что мѣстный либерализмъ достигъ въ немъ высшаго своего выраженія: я соглашаюсь, что ссылка на стариковъ и ихъ кряжистость есть довольно смѣлая, въ своемъ родѣ, штука; но, сознаюсь откровенно, для меня этого недостаточно, чтобъ признать его дѣйствительнымъ пузыремъ.

Истинный, благородный пузырь лопается во всеуслышаніе, лопается публично, лопается, не взирая ни на какія особы. Напротивъ того, Сила Терентьичъ лопался и проявлялъ свой либерализмъ лишь подъ воротами своего дома, и притомъ въ такое, по преимуществу,

время, когда прочіе глуповцы исключительно были поглощены игрою на гармоникѣ.

Истинный пузырь никогда не появляется на поверхности одиноким, но всегда приводитъ за собой цѣлую семью маленькихъ пузырей и пузырятъ, которые тянутъ къ нему и ищутъ съ нимъ слиться. Напротивъ того, куда бы ни обратилъ свои взоры Сила Терентьичъ, вездѣ онъ встрѣчаетъ пустыню. Добрые глуповцы если и слышали и подозрѣвали что-нибудь, то старались не слышать и не подозрѣвать, и, при всемъ сочувствіи къ нему, потупляли взоры при встрѣчѣ съ нимъ, чтобъ, Боже сохрани, не попасть въ исторію съ такимъ болтуномъ.

Наконецъ, истинный пузырь не терпитъ никакого внѣшняго давленія. Ткните въ него пальцемъ—и его уже нѣтъ. Качество это, по мнѣнію моему, свидѣтельствуетъ о благородствѣ свойствъ пузыря, который скорѣе соглашается не существовать вовсе, нежели нести на себѣ иго тыкающаго пальца. Напротивъ того, Сила Терентьичъ продолжаетъ благоденствовать и доселѣ, несмотря на то, что обстоятельства и время сильно ткнули въ него пальцемъ. Онъ продолжаетъ бормотать подъ воротами, хотя бормотаніе его запоздало, и не можетъ ни на волосъ измѣнить силу тыкающихъ обстоятельствъ.

Скажите же на милость, какой это пузырь?

„Да, ты осталась вѣрна самой себѣ: ты никого, ни единой личности не вынесла на поверхность волнъ своихъ, кормилица-поилица Глуповица! По прежнему вяло и неуклюже лѣзутъ эти волны одна на другую; по прежнему на поверхности ихъ бѣлѣютъ щепки да какая-то дрянная, нечистая пакинь... Правда, что, по временамъ, глуповцы словно шарахаются изъ стороны въ сторону, но надъ шараханіемъ этимъ всецѣло царитъ чувство тупого испуга—и ничего болѣе.

Какъ ни пристально вглядывался я въ причины, ходъ и послѣдствія этихъ чисто физическихъ движеній, какъ ни жадно доискивалась душа моя во мракѣ глуповской жизни, въ преисподнихъ глуповскаго созерцанія, того примиряющаго звена, которое въ исторіи является посредникомъ между прошедшимъ и будущимъ—тщетны были мои усилія! „Испуги!“ говорили мнѣ отекшія, безстрастныя лица моихъ сограждан: „испугъ!“ говорили мнѣ ихъ нескладныя, отрывистыя рѣчи: „испугъ!“ говорило мнѣ ихъ торопливое, не осмысленное сознаніемъ стремленіе сбиться въ кучу, чтобъ поваднѣе

было шарахаться... Испугъ, испугъ и испугъ! Взирая на весь этотъ переполохъ, я невольно вспомнилъ устныя преданія, которыя ходили въ Глуповѣ по рукамъ. Вспомнился мнѣ и громовержецъ Юпитеръ. и переговоры съ матушкой Минервой... И вдругъ я понялъ и прошлое, и настоящее моего родного города... Господи! мнѣ кажется, что я понялъ даже его будущее!

О, вы, которые еще вѣрите въ возможность исторіи Глупова, скажите мнѣ: возможна ли такая исторія, которой содержаніемъ былъ бы непрерывный, безконечный испугъ?

Жизнь вѣковъ! ты, которая была столь обильна дарами для умновцевъ, ты, которая, подобно нестомчивой и ревнивой матери, заботливо ведешь народы по пути усовершенствованія, охраняя ихъ и отъ паденія, и отъ поворотовъ назадъ—чѣмъ была ты для Глупова? Ты не была даже мачихой, не была даже нянькой: стыдно сказать, но ты была чѣмъ-то въ родѣ жалкаго обѣда за скуднымъ табль-д'отомъ. „Зачѣмъ пичкаютъ меня этимъ гнуснымъ вареным картофелемъ? зачѣмъ не даютъ мнѣ рябчиковъ?“ спрашиваю я, чувствуя, что злость закипаетъ въ моемъ сердцѣ. А мнѣ, вмѣсто рябчиковъ, вновь подаютъ картофель, и нѣтъ конца этому гнусному картофелю!

Возрожденіе! безспорно, ты хорошая вещь, безспорно, я влекусь къ тебѣ всѣмъ сердцемъ, всѣми силами души моей; но гдѣ же, въ какомъ отдаленномъ Умновѣ, видно, чтобъ ты подавалось въ видѣ манной каши съ масломъ изумленнымъ твоимъ появленіемъ посѣтителямъ обязательнаго табль-д'ота!?

Но, дѣлать нечего, картофель и рябчики, каша ли съ масломъ или желе, а приходится втаскивать воронка въ оглобли! Сомнѣнія Силы Терентьича больше чѣмъ оправдались. Я самъ видѣлъ, какъ выводили воронка изъ конюшни, какъ его исподволь подводили къ оглоблямъ, какъ держали его подъ уздцы, все въ ожиданіи, что вотъ-вотъ онъ брыкнетъ. Не брыкнулъ. Старый воронко! я видѣлъ, какъ прошибла тебя слеза; я видѣлъ, какъ дрожали твои мясистыя губы; я слышалъ твой вздохъ, которымъ, казалось, ты умолялъ своихъ вожаковъ не впрягать тебя въ корню, ибо это мѣсто принадлежитъ не тебѣ, а гнѣдку! Но ты не измѣнилъ обычаямъ праотцевъ, ты не исказилъ однимъ махомъ задними копыть исторіи Глупова, ты не брыкнулъ—хвалю тебя!

Свершилось: отнынѣ Глуповъ обязывается ѣсть манную кашу съ масломъ. Но не подавись ею, милый! ибо кашу эту ѣсть надо умѣючи. Умой руки, выполоскай ротъ и сиди вѣжливенько, ибо каша — вещь хитрая: можетъ и въ ротъ попасть, можетъ и глаза залѣпить.

Дуракъ Иванушко! чему смѣешься?.. Или сердце въ тебѣ взыграло?.. Или пахнуло на тебя свѣжимъ воздухомъ?.. Или почуялъ ты, что пришелъ конецъ твоему гореваньицу, тому злому-лютому гореваньицу, что и къ материнскимъ сосцамъ съ тобой припадало, что и въ зыбкѣ тебя укачивало, что и въ пѣсняхъ тебѣ подтягивало, что и въ царевъ-кабакъ съ тобой разгуляться похаживало?

Смѣйся, дурачокъ! Самъ господинъ Зубатовъ отмѣнно радъ, что ты смѣешься... Въ другое время онъ сказалъ бы тебѣ: „чего, ска-атина, ротъ до ушей дерешь?“ ну, а теперь ничего, спѣшитъ даже поскорѣй домой, чтобъ отрапортовать куда слѣдуетъ: засмѣялся-дескать.

Зубатову хлопотъ полонъ ротъ. Онъ не призывалъ возрожденія; по правдѣ сказать, едва ли даже онъ желалъ его, хотя, въ качествѣ обладателя и руководителя глуповскихъ сновидѣній, и обязанъ былъ призывать и желать его.

— Ma chère! — не разъ говаривалъ онъ супругѣ своей: — это возрожденіе — чортъ его знаетъ, что это такое!

— Pourvu que tu conserves ta place, mon ami! — отвѣтствовала обыкновенно Анна Ивановна, которую, очевидно, интересовала въ этомъ дѣлѣ существенная сторона, а не вертопрашество.

И потому, какъ скоро Зубатовъ увидѣлъ, что все совершилось, то и онъ не брыкнулъ, и онъ поскорѣй побѣжалъ запрягаться въ оглобли.

Что̀ происходило въ это время въ душѣ его? Что̀ понималъ онъ подъ словомъ „возрожденіе“ — это извѣстно единому Богу всевѣдущему, ибо онъ одинъ можетъ проникать въ трущобы сердецъ Зубатовскихъ. Глуповъ могъ убѣдиться только въ томъ, что Зубатовъ вскипѣлъ и взревновалъ безконечно. Вслѣдствіе этой ревности самая наружность Глупова внезапно измѣнилась: на улицахъ засновали экипажи; въ канцеляріяхъ усиленно заскрипѣли перьями; изъ подворотенъ вылѣзли физіономіи съ усами и физіономіи безъ усовъ, физіономіи румяныя и физіономіи блѣдныя; одни недоумѣвали и хлопали глазами; другіе уже поняли и даже какъ будто приготовились насладиться плодами возрожденія...

Что жъ они поняли, и по какому поводу весь этотъ переполохъ, всѣ эти шараханія изъ стороны въ сторону?.. И что такое это „возрожденіе", отъ котораго такъ усердно и такъ напрасно и отмаливались, и отплевывались добрые глуповцы?..

Въ самомъ дѣлѣ, какъ опредѣлить, что можетъ значить глуповское возрожденіе? Я допускаю возможность говорить о возрожденіи умовскомъ, о возрожденіи буяновскомъ, ибо тамъ оно въ чемъ-нибудь выражается... ну, хоть въ томъ, напримѣръ, что лица веселѣе смотрятъ, что ноги бодрѣе ходятъ... Но возрожденіе глуповское!.. воля ваша, тутъ есть что-то непроходимое, что-то до такой степени несовмѣстимое, что мысль самая дерзкая невольно цѣпенѣетъ передъ дремучимъ величіемъ этой задачи. Да помилуйте! Да осмотритесь же кругомъ себя! да потяните же носомъ воздухъ! Вѣдь глуповцы даже половъ въ своихъ жилыхъ покояхъ не вымыли! вѣдь глуповцы даже въ баню лишняго раза не сходили! А безъ этого какое же можетъ быть возрожденіе!

Посмотримъ, однакожъ, не знаютъ ли чего-нибудь Сила Терентьичъ и Терентій Силычъ? Они такъ долго чего-то боялись! такъ долго объ чемъ-то между собой шушукались, что не можетъ же статься, чтобъ эта шутка не была имъ досконально извѣстна.

Увы! Сила Терентьичъ и Терентій Силычъ только вздыхаютъ и отдуваются. Сеня Бирюковъ взираетъ на нихъ, и хоть убей — ничего не понимаетъ. И не то чтобъ они въ самомъ дѣлѣ не разумѣли: нѣтъ, и знаютъ, и разумѣютъ, да вотъ не хотятъ да и не хотятъ открыться! И рожу такъ состроятъ: „знаю, да не скажу" — и не говорятъ.

Мнѣ положительно, напримѣръ, извѣстно, что Сила Терентьичъ подозрѣваетъ, что все возрожденіе заключается въ томъ, что на мѣсто Петра Иваныча сѣлъ Иванъ Петровичъ; однакожъ предположенія своего онъ высказать не рѣшается, потому что, быть можетъ, оно и не то значитъ. Терентій Силычъ идетъ дальше: онъ мнитъ, что возрожденіе означаетъ возможность грубить и невѣжничать; однакожъ мысли своей тоже не высказываетъ, потому что опасается, чтобъ кто-нибудь за нее его не треснулъ. Оба чего-то ждутъ, а чего — не говорятъ. А я знаю, чего они ждутъ: они ждутъ, не придетъ ли когда-нибудь кто-нибудь и не зарубитъ ли у нихъ на носу, что именно слѣдуетъ разумѣть подъ возрожденіемъ. Если придетъ — мысли ихъ

прояснятся: а не придетъ — ну, и опять будетъ по прежнему: „знаю, да не скажу!“

Но это не политично. Допустимъ, что вы передо мной скрывались; допустимъ, что вы имѣете даже свои причины на это; но зачѣмъ же скрываетесь вы передъ Сеней, за что же его-то вы вводите въ заблужденіе? Вѣдь онъ и вирямь, бѣдняжка, думаетъ, что возрожденіе — это новые сѣрые штаны съ лампасами, что возрожденіе — это проборъ à l'anglaise, что возрожденіе — c'est quelque chose de très porté et de très couru pour le moment. Однимъ словомъ, онъ смотритъ на возрожденіе какъ на что-то съѣдобное, какъ на что-то такое, что̀ можно носить, мять, пачкать и вообще употреблять по своему произволу.

А вѣдь это заблужденіе, даже очень опасное заблужденіе, и Сеня, оставаясь при немъ, можетъ, по милости вашей, попасть въ самый печальный просакъ.

Raisonnons.

Сѣрые штаны съ лампасами сбиваютъ Сеню съ толку. Онъ такъ увлекается щегольствомъ и шикарностью ихъ покроя, онъ такъ почтенъ ласковыми взглядами, обращаемыми на него по этому случаю Матреной Ивановной и Палагеей Александровной, что въ роговой его накинѣ, которую онъ въ шутку называетъ своей головой, рождается положительное убѣжденіе, что на комъ нѣтъ точно такихъ же штановъ, тотъ ужъ и не человѣкъ. Убѣжденіе это, очевидно, можетъ повредить его отношеніямъ къ глуповскому возрожденію. Ибо, спрашиваю я васъ, что̀ будетъ, если Сеня, взирая на міръ съ точки зрѣнія штановъ, будетъ видѣть въ Глуповѣ лишь пустыню, населенную звѣрьемъ, не имѣющимъ никакого понятія ни о красотѣ лампасовъ, ни объ изяществѣ полосокъ и клѣтокъ? Изъ этого выйдетъ, что глуповцы будутъ казаться ему чѣмъ-то въ родѣ низшихъ организмовъ, а отсюда...

Положимъ, что глуповцы не обидятся (натерпѣлись они, бѣдные, и не такихъ потасовокъ!), но согласитесь сами, что жъ это будетъ за возрожденіе! Щелкъ да щелкъ — развѣ это резонъ? „Онъ щелкнулъ въ зубы, но почему же не въ носъ?“ — спроситъ оскорбленный глуповецъ.

У глуповца зубы болятъ, а носъ — слава Богу; слѣдовательно ему выгоднѣе, чтобъ его въ носъ щелкали. Вѣдь это несправедли-

вость, которую не потерпитъ даже Зубатовъ! Но вопросъ усложняется, если глуповцы обидятся; а вѣдь и это можетъ случиться, благодаря тому же возрожденію. Что̀ можетъ тогда выйти? Увы! я опасаюсь, что тутъ также выйдетъ... но только съ другой стороны...

Итакъ, скрывать отъ Сени истинный глуповскій смыслъ возрожденія противно его интересамъ, противно его репутаціи. Не лучше ли прямо объявить ему, что бываютъ въ жизни минуты, когда сила обстоятельствъ заставляетъ насъ, людей хорошаго тона, забывать о штанахъ съ лампасами и утирать носъ полою? Не лучше ли объяснить ему, что не мѣшаетъ иногда и въ зипунъ принарядиться, не взаправду, конечно, а такъ... для внушенія въ глуповцахъ довѣрія. Не лучше ли сказать ему: „Сеня! сдѣлай это, мой другъ, и надуй почтенную публику!“

Люди, понявшіе характеръ и сущность глуповскаго возрожденія, именно такъ и поступаютъ. Съ этой стороны Сила Терентьичъ правъ совершенно: Петръ Иванычъ сѣлъ на мѣсто Ивана Петровича — и больше ничего не случилось.

Старые „хорошіе“ люди исчезаютъ—это вѣрно. Словно перецкій порошокъ. Богъ вѣсть откуда, на нихъ посыпался: но каждая новая минута есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и минута смерти для кого-нибудь изъ глуповскихъ Гостомысловъ. Гостомыслы умираютъ безпрекословно, скрестивши на груди руки и облачившись въ свои лучшія глуповскія одежды. Какъ нѣкогда умирающій Трифонычъ алкалъ предстать на тотъ свѣтъ тѣмъ же дворовымъ господина Чертопханова человѣкомъ, какимъ состоялъ въ земной сей юдоли, такъ и нынѣ умирающіе глуповцы выказываютъ твердое намѣреніе и въ загробной жизни воспрянуть старыми, непреклонными глуповцами, недоступными ни резонамъ, ни соображеніямъ. Въ этомъ есть нѣчто древне-скандинавское, въ этомъ есть нѣчто новѣйше-ирокезское.

Но мѣсто старыхъ глуповцевъ не могло быть незанято уже по тому одному, что „было бы болото, а черти будутъ“. Вмѣсто прежнихъ „хорошихъ“ людей должны были явиться новые „хорошіе“ люди—и они явились.

Они явились—и мы были ослѣплены ихъ сіяніемъ; они явились—и глуповскія дамы всѣмъ соборомъ объявили, что никогда еще глуповская жизнь не была такъ сладостна, никогда еще не представляла она столько pittoresque и imprévu. Бойко и ходко накинулись

эти новые рюриковичи на тучно удобренную глуповскую землю, и глуповская земля не выдержала: изъ груди ея вырвался тяжкій и болѣзненный стонъ. Казалось, всѣ „родители“ разомъ запротестовали изъ могилъ своихъ...

Нынѣшній „хорошій“ человѣкъ въ наружномъ отношеніи представляетъ совершенную противоположность „хорошему“ человѣку добраго стараго времени. Послѣдній былъ неряшливъ и неумытъ, частенько даже несло отъ него словно морскими травами; первый, напротивъ того, безукоризненъ и чистъ, какъ кристалль. Послѣдній былъ невѣжественъ и грубъ; первый, напротивъ того, утонченъ и образованъ. Голова послѣдняго положительнымъ образомъ представляла собой плотную роговую накинь, сквозь которую трудно было даже съ молоткомъ пробраться; голова перваго, напротивъ того, на свѣтъ прозрачна, а при малѣйшемъ щелчкѣ звенитъ какъ серебро.

Нынѣшній „хорошій“ человѣкъ въ карты ни-ни, исторій съ рылами, микитками и подсалазками удаляется. buvons употребляетъ лишь благороднымъ манеромъ, т. е. душитъ шампанское и презираетъ очищенную, и только къ aimons обнаруживаетъ прежнее ехидное пристрастіе. За то прямъ какъ аршинъ, поджаръ какъ борзая собака, высокомѣренъ какъ семинаристъ, дерзокъ какъ губернаторскій камердинеръ и загадоченъ какъ тотъ хвойный лѣсъ, который отъ истоковъ рѣкъ Камы и Вятки тянется вплоть до Ледовитаго океана.

Нынѣшній „хорошій“ человѣкъ не наѣдается за обѣдомъ до отвала и не падаетъ, послѣ гречневой каши, отъ изнеможенія силъ. Онъ обѣдаетъ вообще умѣренно (хотя и на чужой счетъ), и послѣобѣденное время любитъ посвятить разумной бесѣдѣ съ пріятелями о прекрасномъ устройствѣ оксфордскаго университета, о воскресныхъ забавахъ англичанъ, о рыбномъ обѣдѣ англійскихъ министровъ и о другихъ достопримѣчательностяхъ, въ которыхъ старые глуповцы ни ухи, ни рыла не смыслили. Онъ очень мило говоритъ объ selfogovernment и даже находитъ qu'au fond il y a du vrai dans tout ceci, но въ то же время не можетъ не поставить на видъ, что большія континентальныя государства едва-ли, безъ опасенія за свою самостоятельность, могутъ принять формы самоуправленія.

Нынѣшній „хорошій“ человѣкъ въ дѣлахъ любви избѣгаетъ солнечнаго свѣта. Онъ развратничаетъ по уголкамъ и всему на свѣтѣ предпочитаетъ такъ-называемыя благородныя интриги. Онъ любитъ.

чтобъ его называли Жоржемъ, а не Егорушкой, Мишелемъ, а не Мишуточкой, и pour rien au monde не согласится любить женщину, которая носитъ рубашки изъ посконнаго полотна.

Нынѣшній „хорошій“ человѣкъ паче всего любитъ публичность, и не затрудняется ни предъ какимъ обществомъ. Онъ жаждетъ позировать неустанно, позировать наяву и во снѣ, позировать въ гостиной и въ чуланѣ. Онъ всю свою изобрѣтательность употребляетъ на то, чтобъ подыскать себѣ публику и, достигнувъ этого, охотно во всякое время выбрасываетъ передъ нею накопившійся въ затхломъ архивѣ души хламъ юродивства, прикрытаго громкими именами безкорыстія, честности, гласности и т. д.

Нынѣшніе „хорошіе“ люди, когда встрѣчаются въ обществѣ, не плюютъ другъ другу въ лохань, но ведутъ межъ собою скромную и даже отчасти ученую бесѣду.

— А что, mon cher, читали вы въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ послѣднее политическое обозрѣніе?.. délicieux!—говоритъ одинъ „хорошій“ человѣкъ другому.

— А я, съ своей стороны, рекомендую вамъ, mon cher, „Письмо изъ Турина“... charmant! отвѣчаетъ другой „хорошій“ человѣкъ.

Такимъ манеромъ все обходится тихо, сражающихся не бываетъ, и даже свѣтилъ небесныхъ никто не видитъ.

Хотя уроженецъ Глупова, нынѣшній „хорошій“ человѣкъ относится къ своей родинѣ съ холодностью и даже съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ. Конечно, глуповскія дамы... oh! les dames de Gloupoff sont délicieuses, il n'y a rien à dire! но за то le reste... фи!.. Къ Глупову онъ привязанъ горькою необходимостью возрожденія: въ Глуповъ онъ явился для исправленія дикихъ нравовъ и показанія своей благонамѣренности, но мысль, но сердце его не здѣсь, а тамъ, въ томъ миломъ, вѣчно юномъ Петербургѣ, гдѣ живутъ его добрые начальники, гдѣ онъ цѣловалъ ручки у свѣтлокудрой Florence, черезъ которую и получилъ мѣсто въ Глуповѣ!.. Глуповъ—это anima vilis, надъ которою ему предоставлено Провидѣніемъ дѣлать какія угодно операціи; Петербургъ—это alma mater, къ которой онъ привязанъ незримою, но прочною, несокрушимою пуповиной. Въ благоговѣніи своемъ передъ Петербургомъ онъ возвышается до фанатизма, онъ дѣлается ужасенъ...

Тотъ, кто внимательно прочиталъ изложенное выше опредѣленіе

„хорошаго" человѣка добраго стараго времени и сравнитъ его съ опредѣленіемъ нынѣшняго „хорошаго" человѣка, тотъ согласится, что между ними огромная разница. Одно меня нѣсколько безпокоитъ, а именно то, что Матрена Ивановна не только не смущается появленіемъ новыхъ „хорошихъ" людей, но даже начинаетъ исподволь похваливать ихъ. А она въ этомъ дѣлѣ знатокъ.

Въ „хорошемъ" человѣкѣ прежняго времени былъ air fixe какой-то, какая-то непосредственность дѣвственная, нѣчто въ родѣ запаха дикой фіалки, смѣшаннаго съ запахомъ вареной капусты. Въ нынѣшнемъ „хорошемъ" человѣкѣ... ба! да нѣтъ ли въ немъ этого air fixe? и не это ли драгоцѣнное качество, цѣпко поднюханное тонкимъ обоняніемъ Матрены Ивановны, послужило основою ея благосклонности къ новымъ людямъ?

Но прежде, нежели отвѣчать на эти вопросы, займемся нѣкоторыми необходимыми изслѣдованіями.

Во-первыхъ, что̀ такое air fixe? есть ли это запахъ въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ этого слова? есть ли это другая какая-либо внѣшняя, чисто физическая особенность? или это есть особенность высшая, психологическая, особенность души и сердца?

Разсказываютъ о какомъ-то животномъ, что оно, будучи настигаемо охотникомъ, какъ послѣднее средство обороны, испускаетъ изъ себя такой съ ногъ сбивающій запахъ который сразу ошеломляетъ охотника самаго привычнаго. Очевидно, что въ этомъ примѣрѣ запахъ составляетъ истинный, неподдѣльный air fixe животнаго, что безъ него существованіе послѣдняго было бы обезпечено и самыя средства обороны мнимы. Но очевидно также, что такое опредѣленіе слишкомъ тѣсно, чтобъ исчерпывать собой весь air fixe глуповскій. Нельзя отрицать, что истинный глуповскій аборигенъ не лишенъ своего собственнаго запаха; несомнѣнно также, что если въ комнату, наполненную умновцами, войдетъ глуповецъ, то я сейчасъ же почувствую это; но несомнѣнно и то, что запахъ этотъ, какъ бы онъ ни былъ пронзителенъ, не составляетъ еще всего глуповца, и что онъ, съ помощью нѣкоторыхъ усилій и обвѣтриванія, можетъ быть не только видоизмѣняемъ, но даже и вовсе уничтожаемъ. Глуповецъ, какъ и всякій другой представитель породы человѣческой, есть организмъ сложный и притомъ доступный совершенствованію... Онъ пахнетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ощущаетъ и даже другихъ заставляетъ

ощущать; онъ нахнетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ... мыслитъ. Если бы его настигалъ охотникъ, я не ручаюсь, чтобъ онъ совершенно пренебрегъ столь сильнымъ оружіемъ, какъ запахъ, но ручаюсь, что онъ прибѣгнетъ и къ другимъ средствамъ, находящимся въ его распоряженіи. Напримѣръ, онъ можетъ стать передъ охотникомъ на колѣни и сказать ему: „за что ты меня бить хочешь?“ или спрятаться отъ охотника за дерево, или, наконецъ, принять побои безпрекословно... Возьмемъ и еще примѣръ. Идетъ глуповецъ по дорогѣ и доходитъ до распутія. Одна дорога идетъ прямо, другая идетъ направо, третья налѣво; точь-въ-точь какъ въ сказкахъ сказывается. Я и опять не ручаюсь, чтобъ въ этомъ затруднительномъ случаѣ глуповецъ пренебрегъ запахомъ, но несомнѣнно, что онъ пуститъ въ ходъ и другія соображенія. Напримѣръ, онъ можетъ зажмурить глаза и погадать съ помощью указательныхъ пальцевъ; или закинуть на всѣ три дороги по палкѣ: которая дальше кинется, ту и считать звѣздой путеводной и т. д. Это тѣмъ болѣе для него удобно, что онъ самъ хорошенько не знаетъ, куда идетъ. Согласитесь однакожъ, что все это предполагаетъ въ глуповцѣ возможность выбора, возможность дѣлать сравненія и выводы, и слѣдовательно рекомендуетъ его вниманію изслѣдователя, какъ организмъ сложный и высшій. Это первое. А второе важное преимущество состоитъ въ доступности глуповца къ совершенствованію. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, не надо даже прибѣгать къ такимъ избитымъ сравненіямъ, каково, напримѣръ, постепенное усовершенствованіе различныхъ породъ домашнихъ животныхъ. Да сравненіе это будетъ и невѣрно, потому, во-первыхъ, что глуповецъ совершенствуется въ дикомъ, а не въ домашнемъ состояніи; а во-вторыхъ, самое совершенствованіе его состоитъ отнюдь не въ увеличеніи его молочности, но въ укрѣпленіи его мышцъ до той степени благонадежности, которая обезпечивала бы дальнѣйшее продолженіе глуповской породы. Для этого достаточно вспомнить только о той пользѣ, которую принесли Глупову сначала эмигранты французскіе и потомъ оборванные остатки de la grrrande armée, и о той, которую до нашихъ дней приносятъ французы-гувернеры, французы-куафёры, французы-камердинеры. Посмотрите, какія вдругъ чистенькія и бѣленькія дѣтки пошли у Матрены Ивановны взамѣнъ прежнихъ—чумазыхъ и слюнявыхъ. А отчего?.. оттого, что въ домъ ея французъ-гувернеръ поселился... Итакъ, не подлежитъ спору, что

глуповцы дѣйствительно доступны совершенствованію и что запахъ ихъ посредствомъ постепенныхъ провѣтриваній можетъ быть измѣненъ до того, что не будетъ составлять даже отличительнаго признака... Слѣдовательно истинный, неподдѣльный air fixe можетъ свободно существовать и помимо запаха фіалки, смѣшаннаго съ запахомъ вареной капусты...

Но, можетъ быть, онъ заключается въ какой-нибудь другой внѣшней особенности, какъ, напримѣръ, въ способности огрызаться, лягаться и т. д. Сознаюсь, что я дѣйствительно зналъ нѣкоего барбоса, который не только цѣлый день, но и цѣлую ночь лаялъ и огрызался, лаялъ на все и на всѣхъ, лаялъ на луну и на звѣзды, лаялъ на свой собственный хвостъ. Съ другой стороны, я зналъ нѣкотораго нѣгашку, который не могъ утерпѣть, чтобъ не брыкнуть, какъ только показывали ему хомутъ. Очевидно, въ этомъ заключался air fixe барбоски и нѣгашки. Но я не могу согласиться, чтобъ въ этомъ же заключался и air fixe моихъ сограждан, и даже съ негодованіемъ отвергаю это предложеніе. Я знаю навѣрное, что глуповецъ никогда и ни на кого не огрызался, что даже въ то время, когда его привязывали на цѣпь, онъ влѣзалъ въ конуру и спокойно зарывался себѣ въ солому, въ надеждѣ, что когда-нибудь да отвяжутъ же, а не отвяжутъ, такъ и на цѣпи накормятъ. Что же касается до ляганія, то очевидно, что, имѣя двѣ ноги, а не четыре, глуповецъ можетъ прибѣгать къ этому средству выраженія душевныхъ своихъ движеній лишь съ крайнею осторожностью. И въ самомъ дѣлѣ, исторія доказываетъ, что глуповецъ расточалъ ники, сокрушалъ челюсти, превращалъ въ пепелъ зубы, но не лягался: что онъ обзывалъ непотребно, но не огрызался... „Такъ, стало быть, въ этомъ-то и заключался глуповскій air fixe?“—спроситъ читатель. Нѣтъ, и не въ этомъ, потому что и эти качества, несмотря на свою солидность, тоже доступны совершенствованію, потому что не одно и то же—дать плюху смаху, и притомъ съ такимъ разсчетомъ, чтобъ трескъ отъ удара разнесся изъ одного края Глупова въ другой, и дать плюху легкую, плюху либеральную, почти изящную, звуки которой не распространялись бы далѣе четырехъ стѣнъ комнаты. Можно даже до такой степени усовершенствовать себя, что и вовсе не давать плюхъ... и все-таки оставаться глуповцемъ... Ибо повторяю: сокрушеніе челюстей, какъ оно ни фундаментально кажется съ перваго взгляда, все-

таки представляетъ только манеру и ни въ какомъ случаѣ не исчерпываетъ всего глуповца. Ибо глуповецъ не только деретъ, но и мыслитъ...

Слѣдовательно, для опредѣленія глуповскаго air fixe, нужно обратиться къ даннымъ, не столь легко подчиняющимся внѣшнему натиску, къ даннымъ, составляющимъ, такъ сказать, подоплёку глуповской жизни—однимъ словомъ, обратиться къ глуповскому міросозерцанію.

— Какого вы образа мыслей?—спросилъ я однажды добраго моего сосѣда, Флора Лаврентьича Ржанищева.

Флоръ Лаврентьичъ выпучилъ на меня глаза.

— То-есть, какъ это... образа мыслей?—пробормоталъ онъ, наконецъ, вмѣсто отвѣта.

— Ну да, какого вы образа мыслей?—настаивалъ я.

Флоръ Лаврентьичъ съ минуту подумалъ, и вдругъ разразился самымъ добродушнымъ хохотомъ.

— Ахъ ты проказникъ!—говорилъ онъ, держа себя за бока.

Онъ вообразилъ, что я сказалъ остроту.

Въ этомъ коротенькомъ разговорѣ, несмотря на кажущуюся его незначительность, заключается вся сущность глуповскаго міросозерцанія. Міросозерцаніе это состоитъ въ отсутствіи всякаго міросозерцанія. Нѣтъ мѣрила для оцѣнки явленій, нѣтъ мѣрила для распознанія не только добра отъ зла, но и стола отъ врага. Въ глазахъ глуповца міръ представляется чѣмъ-то разрозненнымъ, расползшимся, чѣмъ-то въ родѣ мѣшка, въ который понапихали разнообразнѣйшей всячины и потомъ взболтали. Глуповецъ видитъ заборъ и думаетъ о заборѣ; видитъ рѣку и думаетъ объ рѣкѣ, а о заборѣ забылъ. Это для него легко и удобно, потому что даетъ ему возможность цѣлую жизнь забавляться игрою въ бирюльки, вытаскивать которыя онъ великій мастеръ. Конкретность внѣшняго міра подавляетъ его, и оттого онъ не можетъ ни изобрѣсть порохъ, ни открыть Америку.

Нельзя себѣ представить ничего довольнѣе и любезнѣе глуповца, когда онъ сытъ, одѣтъ и пьянъ. Но зато нельзя себѣ представить ничего и несчастнѣе глуповца, когда онъ застигнутъ нуждою врасплохъ. Траву щипать онъ не можетъ, безъ водки обойтись—не хочетъ, безъ одежды ходить—холодно. Тогда-то, въ эти торжественныя минуты, является ему на помощь то скромное мужество, которое для

многихъ послужилъ источникомъ обильныхъ глуповскихъ надеждъ и глуповскихъ реклямъ къ будущему. Мужество это заключается въ той покорности, съ которой онъ принимаетъ смерть, этотъ вѣнецъ глуповской жизни, этотъ роковой исходъ, къ которому прибѣгаетъ глуповецъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ (когда проиграетъ казенныя деньги или уволятъ его по третьему пункту). „Умру, но безпокоить себя не хочу!“

Спроси я у всякаго порядочнаго русскаго, спроси у француза, у итальянца, какого онъ образа мыслей, они не поглупѣютъ внезапно и повсемѣстно, они не захохочутъ. Кромѣ суна и макарони, ожидающихъ ихъ за обѣдомъ, у нихъ имѣются интересы общественные, затрогивающіе ихъ заживо и окрашивающіе ихъ убѣжденія. Но глуповцы вправѣ и хохотать, и глупѣть, потому что у нихъ дѣйствительно нѣтъ образа мыслей, потому что они не въ силахъ до сихъ поръ столковаться даже насчетъ моста черезъ ручей „Дурій бродъ“, который повалился назадъ тому десять лѣтъ и совершенно разобщилъ ядро города отъ его пригородковъ.

— Просто, братцы, бросовое дѣло!—говорятъ глуповцы, собравшись толпой около моста и махая руками.

— Дрянь дѣло, какъ есть!—подтверждаютъ другіе глуповцы.

— Вѣдь этакъ, пожалуй, въ пять верстъ объѣздъ надо дѣлать?—мотаютъ себѣ на усъ первые глуповцы.

— Да вѣдь и ручей-то какой! самый то-есть вниманія не стоющій ручеишко!—вступаются другіе глуповцы.

— Завалить бы его совсѣмъ!

— А и то завалить бы!

— А ну-ка, робята!

— А не то новый мостъ построить?

— Да такой еще, робята, мостище выстроимъ, чтобъ черезъ всю, значитъ, линія прошла!

И потолковавши, расходятся по домамъ, какъ и въ тотъ достопамятный день, когда былъ крикъ и маханіе великое по поводу монумента Селезневу.

Мнѣ могутъ возразить, что ежели глуповцамъ нравится не имѣть никакого образа мыслей, то они имѣютъ полное право оставаться при своемъ убѣжденіи, и никому до этого дѣла нѣтъ. Чувствую всю справедливость этого возраженія, но согласиться съ нимъ не могу. Я

патріоть, и люблю Глуповъ не за стерлядей его, а за то, что на днѣ родной его рѣки спитъ, какъ мнѣ кажется, чудище рыба-китъ. Я патріоть, и люблю Глуповъ не за безукоризненно здоровый его воздухъ, а за то, что въ этомъ здоровомъ воздухѣ носится словно мечта какая-то (по-глуповски, кисель), нѣчто какъ будто еще неопредѣлившееся, но уже предощущаемое и предосязаемое. Я патріоть, и желалъ бы, чтобъ Глуповъ какъ можно скорѣй сказалъ свое слово, чтобъ онъ немедленно же изобрѣлъ порохъ и открылъ Америку. Что-то скажетъ Глуповъ? Какого-то цвѣта порохъ онъ выдумаетъ?" твержу я и во снѣ, и наяву, и убѣжденъ, что всякій, кто хотя разъ въ жизни испыталъ приливъ патріотическихъ чувствъ и начитался притомъ на ночь исторіи Глупова, конечно, поймете тревогу, меня волнующую.

А поводовъ опасаться, и даже весьма серьезныхъ, предостаточно. Возьмемъ для примѣра хоть тотъ одинъ, что пріятели мои Прижимайловъ и Постукинъ совершенно искренно исповѣдуютъ наивное убѣжденіе, что съ Глуповымъ, относительно міросозерцанія, безъ понудительныхъ мѣръ ничего не подѣлаешь. Въ соотвѣтствіе своимъ фамиліямъ, Прижимайловъ думаетъ, что Глуповъ поприжать надо, а Постукинъ мечтаетъ, что все пойдетъ хорошо, когда онъ достаточно настучитъ Глупову въ голову.

Но, говоря по совѣсти, я никакъ не могу согласиться съ мнѣніями этихъ достойныхъ преобразователей, хотя и отдаю должную справедливость ихъ добрымъ намѣреніямъ. Во-первыхъ, въ настоящую минуту, какъ ни жми, а изъ Глупова положительно ничего не выжмешь. А во-вторыхъ, я опасаюсь, чтобъ, при неумѣренномъ стучаніи въ головы глуповцевъ, какъ бы намъ съ вами, мсьё Постукинъ, совсѣмъ не застучать эти головы. Забить гвоздь въ стѣну легко, мсьё Постукинъ, но каково-то будетъ его потомъ вытаскивать? А можетъ быть вы думаете, что и вытаскивать совсѣмъ не надо? Однакожъ, что до меня, то я съ своей стороны видѣлъ въ жизни одинъ только примѣръ удачнаго стучанія въ голову, а именно: отставной подпоручикъ Кивиновскій, съ помощью этого процесса, выучилъ своего Прошку декламировать „Мистигриса" Беранже. Но и этотъ примѣръ неубѣдителенъ, ибо прошкоподобно декламировать „Мистигриса" глуповцы умѣютъ ужъ давно, а мнѣ хотѣлось бы, чтобъ они умѣли разсказывать эту милую нѣсенку своими словами, чтобъ они умѣли перелагать ее въ

прозу и украшать различными фестончиками своего собственаго изобрѣтенія. Для этого, по мнѣнію моему, необходимо, чтобъ головы ихъ были свободны отъ всякаго внѣшняго подавливанія и постукиванія. Вы скажете, что изъ головъ этихъ ничего, кромѣ монстра, не выйдетъ —согласенъ. На первый разъ дѣйствительно выйдетъ монстръ, какая-то смѣсь изъ письма сидѣльца къ роднымъ и счета мелочной лавочки, но по времени, и именно по мѣрѣ постепеннаго ослабленія пожиманія и постукиванія, монстръ будетъ видоизмѣняться къ лучшему и къ лучшему, покуда, наконецъ, и впрямь заговорятъ глуповцы своими словами. Тогда вы и сами, messieurs, увидите, что̀ за милыя дѣти эти глуповцы, какъ они скромно себя держать и какъ понятливо излагаютъ трогательную исторію о Мистигрисѣ. И вы дадите себѣ слово навсегда оставить скверную привычку жать и стучать.

Я не говорилъ бы такъ пространно о моихъ опасеніяхъ, если бы не вынуждали меня къ тому сами глуповцы. Страннѣе всего, что они сами непритворно убѣждены, что относительно ихъ безъ постукиванія и пожиманія никакъ-таки обойтись невозможно. Мало того, что они убѣждены въ этомъ—они чувствуютъ страсть, они дурѣютъ отъ любви къ тому, кто стучитъ имъ въ головы; они скучны, они унылы если стучаніе почему-либо временно прекращается. Я увѣренъ однакожъ, что это не больше, какъ недоразумѣніе. Вы заблуждаетесь, достойные мои сограждане, и заблуждаетесь оттого, что никто еще не пробовалъ употребить относительно васъ систему поглаживанія по головкѣ, никто еще не пытался позволять вамъ, въ награду за хорошее поведеніе, погулять послѣ обѣда и дѣйствовать на васъ посредствомъ лакомствъ. Поймите, что отъ васъ совсѣмъ даже не такъ много требуется, какъ вы думаете: что никто не ожидаетъ, чтобъ вы непремѣнно, не сходя съ мѣста, сдѣлались умновцами, немедленно сказали новое слово и изобрѣли порохъ! Отъ васъ требуется только, чтобъ вы оказали охоту и прилежаніе—и ничего больше! Порохъ и Америка придутъ впослѣдствіи: они придутъ тогда, когда вы вытвердите азбуку, и когда при этомъ не будетъ ни пожиманій, ни постукиванія.

Но возобновимъ слишкомъ давно прерванную нить размышленій нашихъ.

Итакъ, мы сказали, что истинный глуповскій air fixe заключается въ глуповскомъ міросозерцаніи, а истинное глуповское міросозерцаніе

состоитъ въ отсутствіи какого бы то ни было міросозерцанія. Мы показали это наглядно, обозрѣвъ нашъ родной городъ, такъ сказать, à vol d'oiseau и не вдаваясь въ историческія изысканія, такъ какъ эта послѣдняя задача еще до насъ весьма удовлетворительно исполнена М. Н. Погодинымъ. (Здѣсь, мимоходомъ, возникаетъ весьма важный вопросъ: труды ли Михаила Петровича сдѣлали то, что Глуповъ кажется Глуповымъ, или Глуповъ сдѣлалъ то, что труды Михаила Петровича кажутся глуповскими? Петръ Великій создалъ Россію, или Россія создала Петра Великаго?) Но, съ другой стороны, намъ могутъ замѣтить, что отсутствіе міросозерцанія есть такая же нелѣпость, какъ отсутствіе масла въ кашѣ, какъ отсутствіе дегтя въ колесахъ мужицкой телѣги. Подобно тому, какъ каша безъ масла обдираетъ горло вкушающаго, скажетъ мой возражатель, такъ и жизнь безъ міросозерцанія должна всечасно обдирать мозги глупцовъ, что, очевидно, невозможно если принять въ соображеніе продолжительность средняго термина глуповской жизни (отъ ста до ста-двадцати лѣтъ; но вороны глуповскія живутъ и долѣе).

Мнѣ самому неоднократно приходило на мысль это возраженіе, и я всякій разъ долженъ былъ внутренно согласиться, что оно справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, какъ-таки прожить жизнь безъ міросозерцанія не только цѣлому и въ своемъ родѣ знаменитому городу, но даже и отдѣльному человѣку? Вѣдь такимъ образомъ на каждомъ шагу будешь стукаться лбомъ объ стѣну, будешь попадать ногами въ лужу и дойдешь, наконецъ, до такой непріятности, которая не только въ Глуповѣ, но и въ домѣ умалишенныхъ терпима быть не можетъ. Я думаю, самъ Михаилъ Петровичъ долженъ былъ чувствовать это, стукаясь то объ Ярослава, то о Мстислава, то объ Ивана Берладника, и не нащупывая изъ нихъ ни котораго.

Итакъ, я обязанъ сознаться, что міросозерцаніе есть, но міросозерцаніе, приведшее извнѣ (какъ извнѣ же приходятъ градъ и повѣтрія разныя) и управляющее Глуповымъ наравнѣ съ прочими городами и весями. Это не то тонкое, достунное лишь внутреннему постиженію міросозерцаніе, которое дастъ себя чувствовать какъ продуктъ цѣлаго строя жизни, но міросозерцаніе внѣшнее, міросозерцаніе, которое можно ощущать, которое можно облобызать, но на которое можно и наплевать: однимъ словомъ—міросозерцаніе въ родѣ

знаменитыхъ правилъ: „цвѣтовъ не рвать, травы не мять, и птицъ и рыбъ не пугать“.

Выучивши наизусть эти правила, можно жить легко и пріятно. Стоитъ только смирно гулять по дорожкѣ, и если обладаешь какой-нибудь гнусной привычкой, какъ, напримѣръ, крихтишь во всю мочь или откашливаешься (это пугаетъ рыбъ), или ногами дрыгаешь (это наноситъ вредъ прозябанію травъ), то можно и совсѣмъ въ садъ не ходить.

Въ доказательство, что все это нисколько не затруднительно, и что человѣкъ, руководимый этими правилами, легко можетъ остаться живъ, Флоръ Лаврентьичъ Ржанищевъ доставилъ мнѣ выдержки изъ своего журнала, въ которомъ онъ изо дня въ день описывалъ всѣ законныя и непротивныя правиламъ глуповскаго міросозерцанія дѣянія свои.

Не могу не подѣлиться съ читателями нѣкоторыми изъ этихъ выдержекъ.

„*2 ноября (1858 г.)*. Каждую ночь посѣщаютъ меня видѣнія, а днемъ мучусь предчувствіями. Ѣздилъ къ Ивану Ѳомичу побесѣдовать о пустоши, называемой „Дунькино болото“, и побранился. Вечеромъ виденъ былъ огненный столпъ на небѣ.

„*9 ноября*. По обыкновенію, всталъ, умылся и помолился Богу. Утромъ выбирали съ Настасьей Петровной новаго форрейтора, вмѣсто Андрюшки, который отъ старости сталъ сѣдъ и выросъ безобразно. Однако, за душевной смутой, ни на комъ остановиться не могъ. Чортъ ихъ знаетъ, а въ ихнемъ званіи и законы природы какъ будто власти не имѣютъ. Вотъ Андрюшкѣ давно бы ужъ пора перестать расти, а онъ ростетъ себѣ да ростетъ, какъ ни въ чемъ не бывало. А говорятъ еще, что мало кормимъ! Во снѣ видѣлъ птицу.

„*11 ноября*. Пріѣзжалъ англичанинъ съ фабрики; спрашивалъ, не согласишусь ли отпустить въ работу дѣвокъ, и цѣну за сіе давалъ изрядную. Рѣшились выбрать до десяти наилучшихъ. Настасья Петровна, которая за всѣ эти дни замѣтно дулась, послѣ сего повеселѣла и заявила надежду, что у нея будетъ новая шляпа. Володинъ французъ поздравилъ меня съ выгодною сдѣлкой, на что я ему отвѣтилъ, что это совсѣмъ не сдѣлка, а просто доброе дѣло. Но французъ, не будучи достаточно знакомъ съ особенностями національнаго духа (каждая нація имѣетъ свой духъ—это вѣрно!), пожалъ лишь пле-

чами. Володя расшалился и почти каждую минуту повторялъ: „на фаблику! на фаблику!“

„*15 ноября*. По случаю разнесшихся слуховъ, размышлялъ о томъ, прилично ли было бы, если бы деревья и злаки одѣвались не зеленымъ, а краснымъ цвѣтомъ? Во снѣ опять видѣлъ птицу.

„*20 ноября*. Все сіе совершилось.

„*22 ноября*. Былъ на гумнѣ... совсѣмъ не такъ молотятъ! Однако рѣшился переносить съ кротостью. Собирали дворовыхъ мальчишекъ для выбора форрейтора, но рѣшили, что мысль эту надобно оставить. На что храбра Настасья Петровна, но и та, взглянувъ на сіе сборище, воскликнула: „ахъ, другъ мой! если ты хочешь, чтобъ я была покойна, не ввѣряй мою жизнь этимъ разбойникамъ!“

„*29 ноября*. Читалъ книгу, называемую „Русскій Вѣстникъ“, отъ которой будто бы *все* произошло. Въ составленіи книги большое участіе принялъ Василій Александровичъ Кокоревъ, нашего уѣзда откупщикъ. Подписка принимается въ Москвѣ, въ Армянскомъ переулкѣ.

„*25 декабря*. Ѣздили въ храмъ Божій къ обѣднѣ, но не стерпѣй, а четверикомъ, и парадныхъ ливрей на лакеяхъ не было (нынѣ, сказываютъ, ихъ не лакеями, а служителями называть велѣно). Послѣ обѣдни, сверхъ чаянія, пришли люди поздравить съ праздникомъ. Настасья Петровна замѣтила въ ихъ лицахъ иронію; я же хотя и желалъ сказать имъ: „а что, братцы, скоро ли господами будете?“ однако воздержался. За обѣдомъ, по древнему обычаю, подавали буженину, натертую чеснокомъ. Такъ какъ въ сей день каждый глуповскій помѣщикъ непремѣнно ѣстъ буженину, то я полагаю, что въ обычаѣ семъ есть нѣчто масонское. На сей разъ буженина была отмѣнная, и по этой причинѣ я имѣлъ, послѣ обѣда, гастрическое сновидѣніе.

„*1 января*. Домъ нашъ, въ отношеніи тишины, уподобился горѣ Аѳонской. Никакихъ мыслей, кромѣ *тѣхъ препротивныхъ*, въ голову не приходитъ, но и сихъ не можемъ свободно другъ другу сообщать, ибо безпрестанно люди шныряютъ и вслушиваются, а выгнать ихъ не имѣемъ духа. Вслѣдствіе сего принужденнаго состоянія душевнаго произошла скука, а вслѣдствіе скуки произошло то, что Настасья Петровна великое пристрастіе къ Володину французу получила. Сегодня, отходя ко сну, внушалъ ей, что французъ этотъ,

быть можетъ, въ отечествѣ своемъ служительскую должность исправлялъ: но она въ отвѣтъ лишь смѣялась и въ досаду мнѣ повторяла, что зубы у него отмѣнно бѣлые..." И т. д., и т. д.

Прочитавши дневникъ этотъ, конечно, не удивишься ни смѣлости мыслей, ни глубинѣ соображеній, но все-таки подумаешь-подумаешь, да и скажешь: „ничего! жить можно!"

Итакъ, мы добились-таки того, что можемъ съ спокойною совѣстью воскликнуть: вотъ истинное глуповское міросозерцаніе! вотъ неподдѣльный глуповскій air fixe! Посмотримъ теперь, права ли была Матрена Ивановна, поднюхавшая этотъ air fixe и у новыхъ „хорошихъ" людей, которые засѣли въ Глуповѣ по поводу возрожденія.

По моему мнѣнію, вопросъ въ этомъ случаѣ можетъ быть поставленъ слѣдующимъ образомъ: есть ли въ новоглуповцахъ что-нибудь свое, ими самими выработанное, или же они продолжаютъ пробавляться тѣмъ самымъ міросозерцаніемъ, которое и до нихъ царило надъ Глуповымъ? Вносятъ ли они, кромѣ новыхъ фраковъ и жилетовъ, кромѣ новыхъ граціозныхъ манеръ, какой-нибудь новый нравственный элементъ въ глуповскую жизнь, или же продолжаютъ представлять собой неизмѣнно вѣрныхъ отеческимъ преданіямъ сыновъ Глупова?..

Вѣря въ проницательность Матрены Ивановны, я заранѣе убѣжденъ, что рѣшеніе этихъ вопросовъ несомнѣнно должно состояться въ ея пользу; но такъ какъ я, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязанъ убѣдить въ томъ же и читателя, который легко можетъ быть подкупленъ красивою внѣшностью обязательныхъ поборниковъ новоглуповскаго возрожденія, то, дѣлать нечего, будемъ сравнивать и разсуждать.

Мнѣ говорятъ, что нынѣшній „хорошій" человѣкъ ищетъ просвѣтить свой умъ познаніями, что онъ любознателенъ и уже не признаетъ безусловной вѣрности аксіомы, въ силу которой жизнь являлась лишь рядомъ физическихъ упражненій... И въ доказательство, что это справедливо, мнѣ приводятъ въ примѣръ мною же подмѣченную фразу: „а вы читали, mon cher, политическое обозрѣніе?.. charmant!"

Фраза дѣйствительно недурна, но—увы!—подобныхъ ей я могу выбрать достаточно и изъ исторіи физическихъ упражненій прежняго „хорошаго" человѣка; ибо и онъ въ свое время говаривалъ: „а какую мнѣ нынѣче канарейку изъ деревни привезли... перникъ!"

Конечно, внѣшнее содержаніе обѣихъ фразъ совершенно различно: конечно, одна изъ нихъ трактуетъ о политическомъ обозрѣніи, а другая о канарейкахъ; но этимъ только и ограничивается различіе... Все остальное, и при томъ самое важное, а именно внутреннее настроеніе говорящихъ и отношеніе ихъ къ предметамъ, о которыхъ они говорятъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ совершенно тождественны. И старый глуповецъ, и новый глуповецъ равно не имѣютъ намѣренія выразить что-либо особенное: и тотъ, и другой горятъ лишь нетерпѣніемъ набить чѣмъ бы то ни было два-три досужихъ часа, которые, по заведенному обычаю, принято посвящать діалогамъ... Въ сущности, обѣ фразы имѣютъ лишь смыслъ междометій, произносимыхъ окопечностями языка, безъ всякаго участія мыслящей силы.

Но выборъ предмета, скажутъ мнѣ; но почему же разговоръ не вертится, по прежнему, на канарейкахъ, а постепенно вторгается въ область интересовъ, сфера которыхъ уже значительно выше той, гдѣ самое видное мѣсто занимали запросы желудка и похоти?—Отвѣтъ на это весьма простъ: всякому возрасту, равно какъ и всякому времени, приличествуетъ свой особенный разговоръ. И древніе глуповцы никогда не дозволяли себѣ говорить зимою: „ахъ, какъ жарко сегодня! мы цѣлый день на погребѣ просидѣли!“ -но говорили: „ну ужъ и морозище нынѣче завернулъ! только и спасаемся, что на печку грѣться лазимъ!“ Подобно сему, и новые глуповцы, сообразивъ, что статья о канарейкахъ ужъ попстерлась, нашли необходимымъ замѣнить ее другою. Но какой именно будетъ сюжетъ этой другой статьи, но почему этимъ сюжетомъ будетъ именно рыбный обѣдъ англійскаго министерства, а не свѣтопреставленіе—это устраивается независимо отъ воли глуповцевъ, это предопредѣляется отчасти слухами, долетающими изъ Умнова, отчасти присылаемыми оттуда же новѣйшими діалогами.

Повторяю: въ такомъ спорномъ дѣлѣ прежде всего необходимо разъяснить отношеніе говорящаго къ фразѣ. Разрѣшите мнѣ, напримѣръ, почему глуповцы такъ словообильно распространяются объ рыбномъ обѣдѣ и такъ скупы на размышленія о своихъ собственныхъ дѣлахъ? И какое отношеніе можетъ имѣть къ его жизни эта историческая странность, утратившая смыслъ даже въ мѣстѣ своего рожденія? Очевидно, что никакого: и я убѣжденъ, что глуповцы, болтая объ этомъ обѣдѣ, должны ощущать ту самую головную боль, ко-

торую ощущаютъ, по словамъ лондонскаго корреспондента „Русскаго Вѣстника", и англійскіе министры, объѣвшись вкусныхъ маленькихъ рыбокъ, составляющихъ существенную принадлежность обѣда.

Но, можетъ быть, имѣются какія-нибудь особенныя и весьма секретныя причины тому, что глуповцы такъ охотно бесѣдуютъ о чужихъ дѣлахъ и такъ упорно умалчиваютъ о своихъ собственныхъ? Согласенъ: можетъ быть, и существуютъ такія причины; но согласитесь же и вы со мной, что покуда онѣ существуютъ, покуда слово будетъ представляться чѣмъ-то оторваннымъ отъ жизни, чѣмъ-то существующимъ по себѣ и для себя, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо новыхъ основахъ для жизни, до тѣхъ поръ глуповцы останутся глуповцами. Скажу болѣе: ихъ ожидаетъ на этомъ поприщѣ новая и весьма существенная опасность, ибо, будучи поставлены, такъ сказать, въ постоянное отлученіе отъ своей собственной жизни, глуповцы могутъ увлечься, могутъ принять средства за цѣль, полезную подготовку къ дѣлу за самое дѣло, и окончательно погрязнуть въ безднѣ рыбныхъ обѣдовъ... И тогда произойдетъ нѣчто странное: то, что̀ въ сущности составляетъ лишь легкое препровожденіе времени, мало-по-малу до того въѣстся въ глуповскіе нравы, что глуповцы сочтутъ себя вполнѣ удовлетворенными и получатъ сладкое убѣжденіе, что для нихъ дѣйствительно не можетъ быть болѣе пріятнаго занятія, какъ облизываться, внимая разсказамъ о рыбныхъ обѣдахъ.

Матрена Ивановна очень хорошо постигла пустопорожній характеръ этихъ бесѣдъ глуповскихъ.

— Пущай побалуютъ!—призналась она мнѣ однажды, въ минуту откровенности:—это, батюшка, еще лучше, потому что мысли у нихъ разбиваетъ! Они, сударь, и невѣсть бы чего начудесили, кабы все молча да насупившись сидѣли; а теперь вотъ сойдутся да набрехаются досыта... анъ сердце-то у нихъ и отойдетъ!

И вотъ отчего Матрена Ивановна не только не боится новоглуповцевъ, но даже считаетъ ихъ замѣсто своихъ дѣтей...

Указываютъ еще на общественную дѣятельность новоглуповца и отыскиваютъ въ ней признаки несомнѣнной гражданской доблести. Разсказываютъ, напримѣръ, что тогда-то такой-то неподкупный блюститель глуповскаго возрожденія въ три-шеи выгналъ отъ себя Терентья Силыча, явившагося на поклонъ съ кулечкомъ... Приводятъ

фактъ и еще поразительнѣйшій: Сила Терентьичъ, думая расположить въ свою пользу другого такого же блюстителя, позвалъ его къ себѣ на обѣдъ; но блюститель не только не тронулся этимъ, но даже всенародно и въ собственномъ Силы Терентьича домѣ невѣжничалъ и наскудничалъ надъ нимъ самымъ постыднымъ образомъ, и, возвратившись домой, тотчасъ же распорядился лишить этого обывателя всѣхъ правъ состоянія.

Дѣйствительно, перелистывая древнюю исторію Глупова, я не нахожу въ ней примѣровъ столь доблестныхъ. Древній глуповскій magistrat былъ простъ на этотъ счетъ: онъ любилъ, чтобъ къ нему ходили съ кулечками, и не скрывалъ этого. Если случалось, что онъ и безъ того сытъ по горло, то и тогда онъ не гналъ просителя въ три-шеи, но кротко говорилъ ему: „отдай, братъ, это ребяткамъ: я сытъ!..“ Отъ обѣдовъ же рѣшительно никогда не отказывался и, принимая хлѣбъ-соль Силы Терентьича, ѣлъ истово, ногъ на столъ не клалъ, божьяго дара подъ столъ не кидалъ, банта всенародно не разстегивалъ и хозяйскую бороду мочалкой не обзывалъ.

Сравнивая эти двѣ формы общественной дѣятельности, я ни на минуту не могъ колебаться насчетъ того, которой изъ нихъ отдать преимущество. Конечно, древній глуповецъ былъ отвратителенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и милъ... Онъ представлялся милымъ уже потому, что былъ не ужасно, а смѣшно отвратителенъ. Онъ весь былъ нелѣпость, а потому и оцѣнка его дѣятельности могла быть только нелѣпая. Человѣкъ, доведенный до необходимости вступить въ сношенія съ нимъ, имѣлъ полное право воскликнуть: „ахъ, да какая же ты славная бестія!“ но не имѣлъ права считать свою руку оскверненною прикосновеніемъ его руки. Новый глуповецъ продолжаетъ быть отвратительнымъ и въ то же время утратилъ способность быть милымъ. Его прикосновеніе положительно оскверняетъ.

Но, переходя отъ формъ дѣятельности къ самому содержанію ея, я колеблюсь еще менѣе. Содержаніе это до такой степени тождественно, что невозможно безъ смѣха даже подумать объ этомъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ пространно и размашисто развивается все та же знаменитая глуповская пословица: „кого люблю, того и бью“: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ мотивы и побужденія дѣятельности нераздѣльно слиты съ общимъ строемъ глуповскаго міросозерцанія.

По прежнему, глуповцы оказываются бѣдными иниціативой, нат-

кими и зависимыми въ убѣжденіяхъ; по прежнему гибко и недерзновенно пригибаются они то въ ту, то въ другую сторону, безпрекословно слѣдуя направленію ледовитыхъ вѣтровъ, цѣнящихъ родную ихъ равнину изъ одного края въ другой.

По прежнему, они наивно открываютъ рты при всякомъ вопросѣ, выработанномъ жизнью, и не могутъ дать никакого разрѣшенія, кромѣ тупого и безплоднаго гнета, не могутъ дать никакого отвѣта, не справившись напередъ въ многотомномъ и, къ сожалѣнію, еще не съѣденномъ архивѣ канцелярской рутинной мудрости. Скажу болѣе: въ прежнія времена глуповская необузданность смягчалась подкупностью и другими качествами, гнусность которыхъ хотя и не подлежитъ спору, но которыя въ свое время все-таки оказывали немалую практическую пользу; а нынче и это послѣднее убѣжище глуповскихъ вольностей рухнуло, благодаря каплуньему высокомѣрію и каплуньимъ операціямъ in anima vili, производимымъ ревнителями глуповскаго возрожденія.

Новоглуповецъ откровенно и даже залихватски кладетъ ноги на столъ; но спросите его, что онъ желаетъ выразить этимъ дѣйствіемъ, чего онъ требуетъ, чего онъ ждетъ отъ Глупова—онъ станетъ въ тупикъ. Темное ярмо тяготѣетъ не только надъ дѣйствіями его, но и надъ помыслами. Да, и надъ помыслами, потому что онъ до такой степени усовершенствовалъ себя, что нашелъ средство поработить не только тѣло, но и свободную душу.

Въ сущности, и старый, и новый глуповецъ руководится однимъ и тѣмъ же правиломъ: „травы не мять, цвѣтовъ не рвать и птицъ не пугать“. Но на практикѣ, но въ способахъ проведенія этого правила въ жизни, между ними замѣчается ощутительная разница. Старый глуповецъ видѣлъ эти слова написанными на доскѣ, и выполнялъ ихъ не разсуждая. Новый глуповецъ не только выполняетъ, но и резонируетъ, не только резонируетъ, но и любуется самимъ собою. Онъ возводитъ исполненіе правила въ принципъ, и въ этомъ принципѣ находитъ достаточно содержанія для наполненія всей своей жизни. И горе тому, кто затронетъ новоглуповца въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ: горе тому, кто отнесется легко къ этой послѣдней святынѣ его сердца: онъ въ одну минуту налаетъ столько, сколько не успѣли налаять его достославные предки въ продолженіе многихъ столѣтій; онъ загрызетъ, онъ докажетъ цѣлому міру, что и въ Глу-

новѣ могутъ зарождаться своего рода Робеспьеры, что и глуповская почва способна производить сорванцовъ исполнительности.

Глуповское міросозерцаніе, глуповская закваска жизни находятся въ агоніи—это несомнѣнно. Но агонія всегда сопровождается предсмертными корчами, въ которыхъ заключена страшная конвульсивная сила. Представителями этой силы, этихъ ужасныхъ попытокъ древле-глуповскаго міросозерцанія удержаться на старой почвѣ, служатъ новоглуповцы. Въ лицѣ ихъ оно празднуетъ свою послѣднюю, безсмысленную вакханалію: въ лицѣ ихъ оно исчерпываетъ послѣднее свое содержаніе: въ лицѣ ихъ оно торжественно и окончательно заявляетъ міру о своей несостоятельности...

Итакъ, Матрена Ивановна права: старинный глуповскій air fixe, усовершенствованный и усиленный, цѣликомъ переселился въ новоглуповцевъ. Но она неправа въ другомъ отношеніи: она думаетъ и надѣется, что глуповцамъ не будетъ конца, что за новоглуповцами послѣдуютъ новѣйшіе глуповцы, а за новѣйшими—самоновѣйшіе, и такъ далѣе, до скончанія вѣковъ.

Этого не будетъ.

Въ этомъ отношеніи я даже чувствую нѣкоторую симпатію къ новоглуповцу. Онъ милъ мнѣ потому, что онъ—послѣдній изъ глуповцевъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Господа Головлевы.

	стр.
I.—Семейный судъ	3
II.—По родственному	58
III.—Семейные итоги	103
IV.—Племянушка	151
V.—Недозволенныя семейныя радости	199
VI.—Выморочный	228
VII.—Разсчетъ	259

Сатиры въ прозѣ.

Къ читателю	301
I.—Госпожа Падейкова	342
II.—Недавнія комедіи:	
1) „Соглашеніе“	360
2) „Погоня за счастьемъ“	380
III.—Недовольные (сцена)	397
IV.—Скрежетъ зубовный	403
V.—Нашъ губернскій день	434
VI.—Литераторы-обыватели	472
VII.—Клевета	512
VIII.—Наши глуповскія дѣла	532—569

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

Гос.
Публ...ая
...

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Е. САЛТЫКОВА (Н. ЩЕДРИНА)

ИЗДАНІЕ НАСЛѢДНИКОВЪ АВТОРА

— въ двѣнадцати томахъ обыкновеннаго формата:

Томъ I.—Губернскіе очерки.—Матеріалы для біографіи М. Е. Салтыкова, съ портретомъ автора, его факсимиле и могильнымъ памятникомъ.
— II.—Господа Головлевы.—Сатиры въ прозѣ.
— III.—Помпадуры и помпадурши.—Невинные разсказы.
— IV.—Благонамѣренныя рѣчи.—Культурные люди.
— V.—Мелочи жизни.—Сборникъ.
— VI.—Сказки.—Пестрыя письма.—Недоконченныя бесѣды.
— VII.—Исторія одного города.—Убѣжище Монрепо.—Признаки времени.
— VIII.—Дневникъ провинціала.—За рубежемъ.
— IX.—Господа Ташкентцы. — Пошехонскіе разсказы — Круглый годъ.
— X.—Въ средѣ умѣренности и аккуратности.—Письма о провинціи.—Итоги.
— XI.—Современная идиллія.—Письма къ тетенькѣ
— XII.—Пошехонская старина.—Брусинъ, разсказъ.

Каждый томъ—2 руб., съ перес. 2 руб. 20 коп.

По подпискѣ на 12 томовъ—**20** р., съ перес.—**22** р. **50** к.

Складъ изданія:

въ книжномъ магазинѣ типографіи М. М. Стасюлевича,

Спб., Вас. Остр., 5 л., 28.

9799
1294

ГПБ Русский фонд
18.268.5.1/2